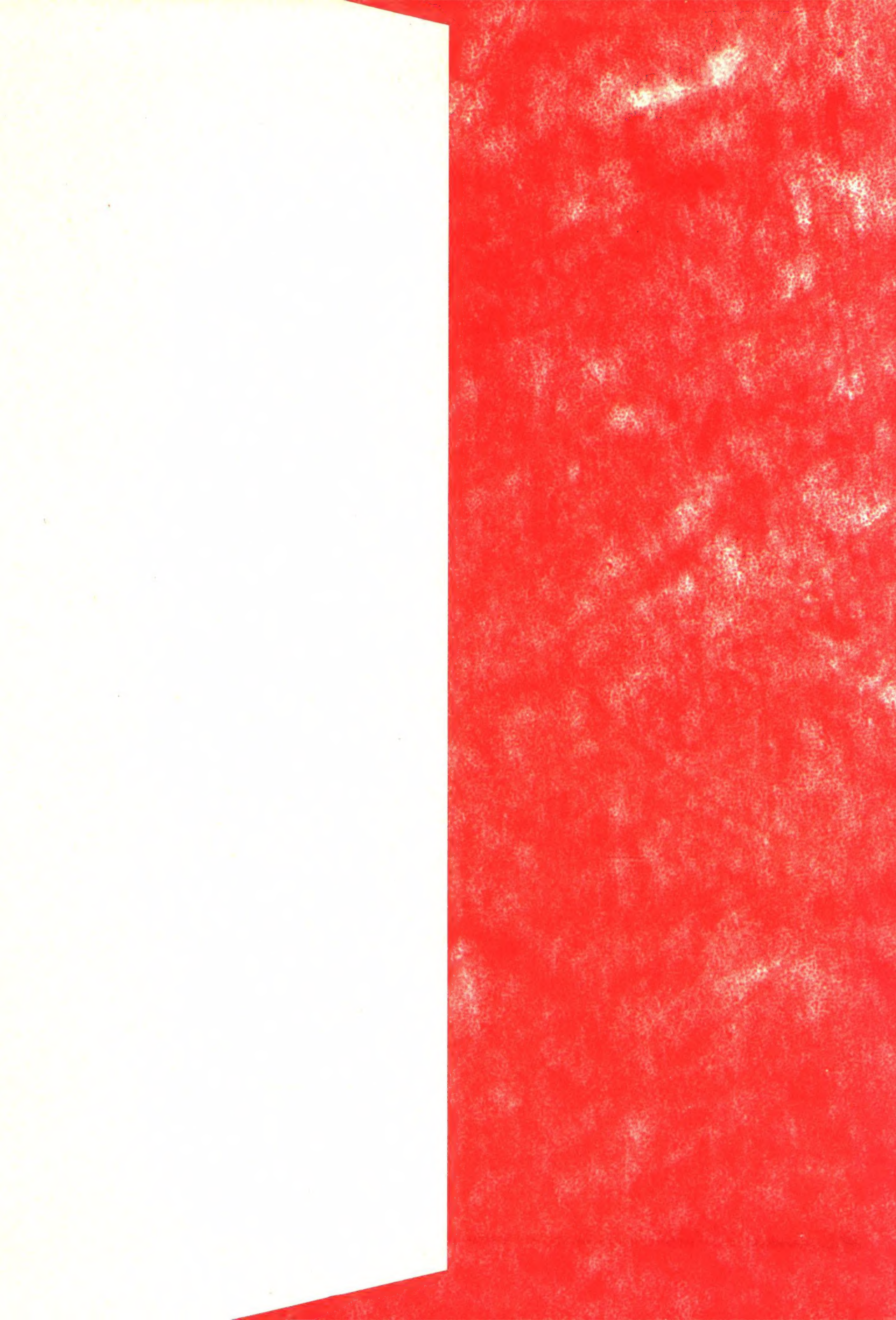

Женщины русской революции

М. Ф. Андреева
И. Ф. Арманд
О. А. Варенцова
В. М. Величкина-Бонч-Бруевич
Г. М. Гельфман
М. П. Голубева
С. И. Гопнер
Ф. И. Драбкина
В. И. Засулич
Ц. С. Зеликсон-Бобровская
Р. С. Землячка
К. И. Кирсанова
Л. М. Книпович
Н. Н. Колесникова
А. М. Коллонтай
Н. К. Крупская
П. Ф. Куделли
О. Б. Лепешинская
В. Р. и Л. Р. Менжинские
В. А. Мойрова
С. П., З. П. и А. П. Невзоровы
К. И. Николаева
К. Т. Новгородцева-Свердлова
Г. И. Окулова-Теодорович
А. М. Панкратова
С. Л. Перовская
Н. А. Подвойская
Л. М. Рейснер
Е. Ф. Розмирович
К. Н. Самойлова
В. К. Слуцкая
С. Н. Смидович
Е. К. Соколовская
Л. Н. Сталь
Е. Д. Стасова
А. И. Ульянова-Елизарова
М. И. Ульянова
В. Н. Фигнер
Д. А. Хутулашвили
Е. С. Шлихтер
М. М. Эссен

Женщины русской революции

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · 1968

9(С)2
Ж56

Составители
Ж а к Л. П., И т к и н а А. М.

Редактор
К у л и к о в а И. С.

Художник
В и т и н г Н. О.

К ЧИТАТЕЛЯМ

В. И. Ленин высоко ценил участие в революционной борьбе женщин. Он писал: «Из опыта всех освободительных движений замечено, что успех революции зависит от того, насколько в нем участвуют женщины».

М. Горький называл русскую женщину явлением «изумительным». Одну из главных заслуг нашей классической литературы великий пролетарский писатель видел в том, что она сумела показать Западу русскую женщину, на челе которой, по словам Н. А. Некрасова, всегда лежала «дельности строгой и внутренней силы печать». Она прошла через все испытания, выпавшие на ее долю. Несмотря на двойной гнет — социальный и семейный,— женщина России сохранила свою чистую душу, стойкость характера, не раз в трудные для Родины дни проявляла исключительное мужество, отвагу. Как активная сила она проявила себя во всех сферах жизни. И, пожалуй, наиболее ярко — в революционной борьбе. Известны русские женщины, принимавшие героическое участие в западных революциях. Во Франции в дни Парижской коммуны 1871 года сражались вместе с французами Е. Л. Дмитриева, А. В. Корвин-Круковская, Е. Г. Бартенева и др.

В 1912 году в статье «Памяти Герцена» В. И. Ленин писал: «...мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще буря.

Буря, это — движение самих масс. Пролетариат — единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году. Следующий начинает расти на наших глазах».

В 1917 году решительный натиск «бури» пролетарской революции смел в России строй помещиков и капиталистов и открыл широкий простор для строительства нового, социалистического общества.

Не было такого периода в развитии революционного движения России, когда с ним не связывались бы имена героических, непреклонных женщин. Даже тогда, когда на первом его, декабристском этапе ни одна женщина не состояла в числе членов тайных обществ, готовивших восстание 14 декабря 1825 года. Но подвиг жен декабристов Волконской, Трубецкой, Анненковой, Ивашевой и многих других, лишившихся всех прав, состояния и добровольно последовавших за своими мужьями в Сибирь, в страшные по тому времени места, запечатлен русской историей. Он воспет Н. А. Некрасовым, по праву усмотревшим в поведении жен декабристов проявление русского национального характера и поэтому назвавшим свою поэму о них «Русские женщины». Это о них написал поэт вдохновенные строки:

Пленительные образы! Едва ли
В истории какой-нибудь страны

Вы что-нибудь прекраснее встречали,
Их имена забыться не должны!

На втором, разночинском этапе русского освободительного движения русские женщины показали себя как большая революционная сила. Рядом с мужчинами, в едином строю шли они по дороге борьбы, жизнь свою ставили под удар в борьбе против царя и его приспешников. Они стойко переносили тюремные заключения и с гордо поднятой головой всходили на эшафот. Имена Софьи Перовской, Веры Фигнер, Геси Гельфман стоят в истории рядом с именами Желябова, Кибальчича и других революционеров второго поколения, самоотверженно боровшихся за освобождение народа.

И у колыбели марксизма в России тоже стояла женщина — Вера Засулич. Она отказалась от народовольческих путей борьбы и вместе с Г. В. Плехановым и П. Б. Аксельродом организовала в Женеве группу «Освобождение труда». А сколько женщин боролось за победу пролетарской революции в России! Они участвовали в деятельности «союзов борьбы за освобождение рабочего класса», были искровками, ленинками-большевичками! Н. К. Крупская, сестры Ульяновы, сестры Невзоровы, И. Ф. Арманд, О. А. Варенцова, А. М. Коллонтай, Е. Д. Стасова, сестры Менжинские, Е. Ф. Розмирович, Р. С. Землячка, Л. М. Книпович, П. Ф. Куделли, К. И. Николаева, О. Б. Лепешинская, В. М. Величкина (Бонч-Бруевич) и многие, многие другие. В рядах ленинской партии они через трудности, поражения, многие жертвы неуклонно шли к победе. Они внесли большой вклад в строительство нового, социалистического общества в нашей стране.

Образы русских женщин должны быть запечатлены в потомстве. Этой цели служит настоящая книга. Она состоит из публицистических и художественных очерков и рассказов о женщинах, непосредственных участницах революционной борьбы — народоволках, которых так чтили старые большевички, в юности своей вдохновлявшиеся их героическим примером, и марксистках, как стоявших у колыбели партии, так и вливав-

шихся в ее ряды по мере развития революционного движения, вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Им, героическим дочерям партии большевиков, на склоне лет посвятил свое прочувственное, непритязательное поэтическое слово один из ближайших друзей В. И. Ленина, академик Г. М. Кржижановский.

В честь вашу, спутниц дней далеких,
Хотел бы песнь песней сложить,
Но не вместить в скупые строки
Тех чувств, что вы могли внушить.
Как много силы в вас таилось!
И не забудет край родной,
Что тщетно злобный враг грозился
Вам и Сибирью и тюрьмой.
С какой заботливой тревогой
За вами наш Ильич следил,
От ваших дел он ждал так много,
Высоко подвиг ваш ценил!
За все, за все поклон земной
Вам, женщины страны родной.

Пусть скромным памятником революционеркам нескольких поколений, многие из которых были «спутницами дней далеких» Ленина, и станет эта книга, адресуемая самым широким кругам читателей, и прежде всего молодежи.

Любовь Жак

«...В РАСПОРЯЖЕНИИ ТОВАРИЩА ЛЕНИНА...»

(М. Ф. Андреева)

Мои встречи с М. Ф. Андреевой не могли не оставить во мне самого глубокого впечатления. Это был очень самособранный, изящный человек, глубоко преданный интересам партии...

Г. М. Кржижановский

Перед приездом в Гельсингфорс Марии Федоровны Андреевой и Алексея Максимовича Горького Николаю Евгеньевичу Буренину пришлось немало поработать. В разных городах он устраивал концерты, сбор с которых целиком поступал в кассу партии. Ему помогали финские товарищи. На этот раз надо было не только организовать концерт, но и обеспечить безопасность Горького, приехавшего в Финляндию после разгрома Декабрьского вооруженного восстания в Москве. В московских событиях 1905 года и он и Мария Федоровна принимали активное участие. Только благодаря тому, что официальным устроителем концерта числился знаменитый финский художник Аксель Галлен-Каллена, Н. Е. Буренину удалось получить помещение Финского национального театра. Скульптор Альпо Сайло взял на себя организацию на время концерта охраны здания, чтобы внутрь не проникли преследовавшие писателя и его жену царские шпионы.

Подняли занавес. В зале царило праздничное настроение. Заполнившие его финны сочувствовали русской революции. Торжественно звучал оркестр под управлением известного

дирижера Каянуса. Публика с большим вниманием выслушала известную датскую певицу Эллен Бек. Но с каждым новым выступлением артистов напряжение зала делалось бо́льшим и бо́льшим. Ждали, когда на сцене появится Горький. А устроители концерта решили выпустить его «под занавес». Казалось, что публика, подобно натянутой струне, которая вот-вот может лопнуть, никого уже слушать не захочет, прорвется и закричит: «Горького!!!».

Конферансье подошел к самой рампе. На него устремились тысячи глаз. Он объявил: «Мария Федоровна Андреева». Имя ее, одной из талантливейших артисток Московского Художественного театра, в последние дни в связи с предстоящим концертом мелькало во всех гельсингфорсских газетах. На сцену вышла стройная, изящная, молодая, очень красивая женщина. Все повскакали со своих мест. Кричали по-фински «ура» — «элякен!!!». Ей долго не давали произнести ни слова. Крики превратились в гул. А артистка стояла растроганная, улыбающаяся и смотрела на публику. Марии Федоровне казалось в этот момент: приветствуют в ее лице Алексея Максимовича, овация потому, что она с ним. Она могла предположить, что в криках восторга звучит и отголосок славы ее родного театра, славы, уже далеко перешагнувшей за границы России. Но аплодисменты и крики «ура» были адресованы именно ей, прелестной женщине, одним своим видом покорявшей сердца, замечательной актрисе.

Сейчас, в этом наэлектризованном зале, Андреева вовсе не собиралась читать из пьес, идущих с ее участием в Московском Художественном театре. Она много видела и пережила в последние месяцы. На ее глазах прошли события революции. Воодушевленная вниманием публики, актриса точно выросла, окрепла. Чувствуя настроение присутствующих, она неожиданно для самой себя нарушила программу концерта и начала свое выступление речью. В притихший зал неслись гневные, смелые слова:

— Помните всегда, как наши братья, стоявшие за свободу, были растерзаны на улицах Москвы! Помните всегда, как там гремели пушки и лилась горячая кровь братьев свободы!! Помните все, что наши братья сидят в холодных, сырых тюрьмах! Пойдем и освободим тех, которые закованы в кандалы!

Так речь М. Ф. Андреевой записали все-таки проникшие в зал агенты русской полиции. Она стала известна петербургским жандармам и послужила основанием для составленного ими впоследствии документа:

«Андреева Мария Федоровна.

Привлечена в качестве обвиняемой к дознанию в порядке 1935 ст. уст. угол. суда — по делу социал-демократич. организации, находящемуся в Судебн. палате...

Обвинялась:

1. В прочтении воззвания противоправительственного содержания на литературно-музыкальном вечере в Гельсингфорсе в пользу пострадавших от беспорядков в России...»

Слушавшие Марию Федоровну в Финском национальном театре даже не заметили, как пылкая речь ее перешла в чтение стихов. Устремив в публику свои прекрасные глаза, горевшие ненавистью к палачам народа, она читала:

Кто за нас, иди за нами,
И сомкнутыми рядами
Мы пройдем над головами
Опрокинутых врагов,
Кто за нас, иди за нами,
Чтобы не было рабов!

В зрительном зале в большинстве своем были финны, ни слова не знавшие по-русски. Сами по себе стихи Ив. Руковишникова вовсе не были хороши. Но в чтении Андреевой они, так же как и ее речь, звучали страстным призывом. Голос, выражение лица актрисы разрушали языковые барьеры. Она бросала революционный клич, и его подхватывал зал.

Через несколько дней Мария Федоровна выступала в другом концерте. В Доме пожарного общества он был устроен под руководством начальника рабочей Красной гвардии капитана Кока. На этот раз она читала стихи и по-русски и по-фински. Вместе со всеми пела «Интернационал». Горького и Андрееву после концерта подняли в креслах и на вытянутых руках носили по залу с пением революционных песен. Так чествовали финские товарищи не только замечательную женщину, талантливую актрису, спутницу жизни Горького, но и русскую революционерку, которую они теперь узнали и горячо полюбили.

* * *

Океанский гигант «Кайзер Вильгельм Гроссе» уже давно покинул немецкий порт Шербург. Теперь он приближался к берегам Америки. Еще день, и пароход бросит якорь у нью-йоркской пристани. Мария Федоровна Андреева сидела на палубе в шезлонге. Это был редкий час, в который она позволила себе отдохнуть. Алексей Максимович в пути писал роман «Мать».

Отдельные главы, страницы давались ему не легко. Он переделывал их по нескольку раз. И вновь и вновь садилась за пишущую машинку Мария Федоровна, и вновь и вновь переписывала строку за строкой. Переписывала даже тогда, когда мучила ее морская болезнь. Но устала она не от работы на машинке. Трудно даже представить себе, сколько ей пришлось пережить за последние два-три года! Как круто повернулась ее жизнь!

Сравнительно еще совсем недавно жила Мария Федоровна Андреева в кругу высшего московского чиновничества, была для всех, ее знавших, красивой, прекрасно воспитанной, любезной светской дамой, женой действительного статского советника А. А. Желябужского и одной из самых популярных артисток Московского Художественного театра, любимицей публики, избалованной восторженными отзывами прессы. Это та ее жизнь, которая шла у всех на виду. И никто из ее светских знакомых, почти никто из товарищей по театру не мог предполагать, что есть у нее совсем другая жизнь, полная тревог и опасностей, каждодневного риска, жизнь ничем не похожая на ту, которую она вела на глазах у всех своих многочисленных знакомых и поклонников таланта. Кому могло прийти в голову, что Мария Федоровна Андреева еще до открытия Московского Художественного театра посещала марксистский кружок, пытливо вчитывалась в произведения Маркса и Плеханова, с момента выхода ее первых номеров читала «Искру», собирала деньги для арестованных студентов, после раскола в РСДРП помогала большевикам, а в 1903 году ездила в Женеву и познакомилась там с Лениным.

Светская дама и популярная артистка! Уже такое сочетание казалось неестественным. Но светская дама, актриса и подпольщица-большевичка! Это уже было чем-то из ряда вон выходящим, чудом, в которое трудно верилось. Не случайно Ленин дал Марии Федоровне партийную кличку Феномен, а в кругу близких иногда называл ее белой вороной. Да, она была белой вороной и в среде, в которой жила, и в кругу товарищей актеров, с которыми работала.

Только благодаря своему общественному положению Мария Федоровна несколько лет ускользала от бдительного ока жандармов, ускользала сама и спасала других. Так, она спасла от ареста одного из близких соратников В. И. Ленина, Л. Б. Красина, устроив его инженером на подмосковную фабрику своего друга С. Т. Морозова. Так, она выручала славного революционера-большевика Н. Э. Баумана, известного в те времена в Москве под именем Ивана Сергеевича.

Шел декабрь 1903 года. В Московском Художественном театре играли очередной спектакль. За кулисами ходил молодой человек, вооруженный фотоаппаратом. В каждом антракте он появлялся в уборной М. Ф. Андреевой. Никто не обращал внимания на фоторепортера. Но вот окончился спектакль. В последний раз сдвинулся занавес. Артисты переодевались в своих уборных. Они спешили домой. Мария Федоровна вышла на улицу через актерский подъезд под руку с какой-то довольно высокой дамой, лицо которой было закрыто густой вуалью. Они сели в дожидавшийся их появления экипаж и поехали к Марии Федоровне домой. «Дама» была переодетым в женское платье фоторепортером. А фоторепортер — Николаем Эрнестовичем Бауманом.

Мария Федоровна поселила Баумана в своей квартире. В дни рождества она принимала визитеров. На второй день праздника приехал поздравить ее московский обер-полицмейстер Трепов. Он разливался в комплиментах. Мария Федоровна любезно отвечала. Она вела себя, как всегда. Казалось, что ничто ее не волнует. Отсидев положенное, гость попрощался. Уже направившись к двери, он обернулся и улыбнулся хозяйке. Она тоже милой улыбкой проводила его. Трепов не мог предположить, что в это время в ее квартире находился разыскиваемый его агентами опасный «государственный преступник».

В доме своего мужа, действительного статского советника А. А. Желябужского, Мария Федоровна хранила паспорта, которыми партия снабжала профессиональных революционеров. Сюда как-то пришла нижегородская социал-демократка Вера Кольберг и по записке Горького получила документы для двух своих товарищей. Еще в апреле 1903 года М. Ф. Андреева ездила в Нижний Новгород. Жандармам было невдомек, что в эту свою поездку она привезла нижегородским социал-демократам первомайские листовки, которые и передала им через Алексея Максимовича Горького. А как изобретательна была Мария Федоровна в изыскании средств для партии! Под легальными вывесками она устраивала всевозможные лотереи, концерты, сборы пожертвований. Деньги же передавала в кассу большевиков. Финансовый агент партии! В этом качестве Мария Федоровна проявила себя еще до того, как официально стала ее членом.

И вот жизнь М. Ф. Андреевой резко изменилась. Не стало светской дамы, дом которой посещали и крупные чиновники, и цвет московской буржуазной интеллигенции. Былые знакомые отвернулись от нее. «Сегодня я провожала Л. Л.,— писала она Алексею Максимовичу,— и на вокзале семейство Жедринских

(тот самый камергер, который был у Коровина) не удостоило меня узнать и прошло мимо особенно строго, я чуть было не упала в обморок от «отчаяния», но удержалась ввиду многочисленной окружавшей меня публики.

Вот оно возмездие за дурное поведение! О-о-о! И как мне было весело и смешно. Весело, что я ушла от всех этих скучных и никому не нужных людей и условностей... Только теперь я чувствую, как я всю жизнь крепко была связана и как мне было тесно...»

Читаешь это письмо, и встают в памяти те страницы романа Л. Толстого «Анна Каренина», где рассказано, как отвернулось от его героини светское общество, когда она смело пошла навстречу своему чувству к Вронскому и порвала путы, связывавшие ее с нелюбимым мужем. И все-таки какая огромная разница между Анной Карениной и реальной женщиной другого времени, другого характера — Марией Федоровной Андреевой! В конце 1903 года она совершила поступок не менее решительный, чем героиня романа Л. Толстого. Молодая женщина ушла из дома мужа, фактические супружеские отношения с которым были уже давно разорваны, к горячо любимому человеку — Алексею Максимовичу Горькому. От нее, так же как от Анны, отвернулись люди, в кругу которых она жила многие годы. Но на этом кончается сходство. Анна страдала не только от разлуки со своим маленьким сыном Сережей, но и от того презрения, которым ее окружило светское общество. А Мария Федоровна Андреева от разрыва с этим обществом почувствовала только облегчение. Она презирала его сама. И поэтому письмо ее к Горькому проникнуто юмором и тем чувством подлинной свободы, которую обрела молодая женщина, став хозяйкой собственной судьбы. В 1904 году Андреева, уже работавшая для партии большевиков, официально вступила в ее ряды.

Шел 1905 год. Сколько радостей и горестей принес он Горькому и Андреевой! Трудно даже представить себе, что творилось в душе молодой женщины, тяжело заболевшей, прикованной к постели, когда Горький был арестован в Риге, препровожден в Петербург и заключен в Петропавловскую крепость. Еще не окрепнув, она ринулась в бой за него и сделала все для освобождения Алексея Максимовича. Горького выпустили под залог до суда, который не сулил ему ничего хорошего. Над ним нависла угроза тяжелой кары. Казалось бы, теперь Мария Федоровна должна была попытаться «спрятать» любимого человека, воспрепятствовать его участию в развивающихся событиях первой русской революции. Но в жизни все пошло не так. Осенью

1905 года Горький и Андреева переехали в Москву, поселились в самом центре города, на углу Воздвиженки и Моховой, рядом с университетом. Квартира их стала одним из центров, из которого нити протягивались во все уголки революционной Москвы. Отсюда они вели и в Питер. Здесь в дни Декабрьского вооруженного восстания в комнате за кабинетом Горького была организована лаборатория по изготовлению бомб, «македонок». Сюда пришел весь обмотанный бикфордовым шнуром нижегородец Митя Павлов. Он доставил шнур и тут же свалился в тяжелом обмороке. В этой квартире появлялась связная из Питера, член боевой технической группы Наташа, Феодосия Ильинична Драбкина, бесстрашно доставлявшая взрывчатые вещества.

Марию Федоровну Андрееву окружали люди героические, самоотверженные, и она и Алексей Максимович шли вместе с ними, в первых рядах борцов, бесконечно преданных делу революции. В октябре 1905 года черносотенцы убили Н. Э. Баумана. Двухсоттысячная похоронная процессия медленно двигалась по улицам Москвы. В этот день Горький и Андреева выступили с открытым забралом. Они шли в скорбных рядах москвичей, провожавших Н. Э. Баумана в последний путь. Среди венков несли и их венок, на ленте которого большими буквами было написано: «От М. Горького и М. Андреевой — товарищу, погибшему на боевом посту».

В дни всеобщей октябрьской забастовки артисты и сотрудники Московского Художественного театра постановили: «...присоединиться сочувствием к бастующим». Решающую роль в этом сыграла М. Ф. Андреева. Трижды собиралась труппа и трижды на ее собраниях выступала Мария Федоровна. Сначала ее мало кто поддерживал. Но в конце концов победа осталась за актрисой-большевичкой и теми, кто пошел за ней.

Имя Марии Федоровны Андреевой связано и с первой легальной большевистской газетой, которую стал редактировать приехавший из-за границы Ленин. 27 октября 1905 года юркие мальчишки-газетчики, как всегда, сновали по улицам Петербурга. Но на этот раз в числе других они выкрикивали название никому еще не известной газеты. На углу почти каждой улицы раздавалось:

— «Новая жизнь», покупайте «Новую жизнь»!

Люди, покупавшие газету, развернув ее, читали на первой странице: «Издательница М. Ф. Андреева». Деньги на газету «Новая жизнь» достали Мария Федоровна и Алексей Максимович. И в Питер по вызову Л. Б. Красина они ездили вместе. Там предстояло обсуждение работы «Новой жизни» и москов-

ской газеты «Борьба». В Петербурге Мария Федоровна во второй раз встретилась с Владимиром Ильичем.

М. Ф. Андреева осенью 1905 года была по горло занята революционной работой. И все-таки она находила время и регулярно выступала в театре в очередных спектаклях и тщательно готовила новую роль — роль Лизы в пьесе Горького «Дети солнца». Пьесу эту Алексей Максимович написал, сидя в Петропавловской крепости. В ней он гневно обличал буржуазную интеллигенцию, считающую себя солью земли и равнодушную к судьбам народа. Роль Лизы давалась Марии Федоровне с трудом. Уж очень она не соответствовала ее характеру, темпераменту. Сильная, волевая женщина должна была перевоплотиться в слабую, беспомощную, сломленную жизнью девушку. Мария Федоровна много думала над этой ролью, искала себя в ней. Пробовала и так и эдак. Наконец нашла! Реплики Лизы, которые могли прозвучать беспредельной тоской, безвольной жалобой, в исполнении Марии Федоровны приобрели совсем другой характер. Они стали средством выражения гнева, возмущения тем обществом, в котором жила эта девушка, обществом, с которым в реальной жизни боролась Мария Федоровна Андреева. Так актриса-большевичка нашла себя в новой для нее роли, и боль Лизы стала ее болью...

...Сейчас, отдыхая в шезлонге на палубе комфортабельного океанского парохода, где все было так празднично и водная гладь казалась особенно величественной, безбрежной, М. Ф. Андреева перебирала в памяти страницы книги своей бурной жизни последних лет. Она была еще под свежим впечатлением пережитого в Финляндии, особенно в Гельсингфорсе, где ей и Алексею Максимовичу довелось вновь увидеться перед отъездом за границу, в Америку, с Владимиром Ильичем Лениным. Алексей Максимович ехал с большой миссией — он должен был рассказать всему миру правду о русской революции и собрать средства для партии. А в выполнении этой миссии ей предстояло стать его деятельной помощницей. А потом — Берлин. Сумрачная, вся из серого камня, столица кайзеровской Германии. Встречи с лидерами германской социал-демократии. Какими умиротворенными, благополучными, далекими от настоящего человеческого горения они показались Марии Федоровне! Нет, Ленин и ленинцы совсем другие. У них в груди — пламенное сердце Данко. Она очень любила эту легенду Горького, часто читала ее со сцены на вечерах, вызывая бурю оваций у революционно настроенной молодежи. И теперь в душе ее пели слова:

«— Что сделаю я для людей!? — сильнее грома крикнул Данко.

И вдруг он разорвал себе грудь и вырвал из нее свое сердце и высоко поднял его над головой.

Оно пылало так ярко, как солнце, и ярче солнца, и весь лес замолчал, освещенный этим факелом великой любви к людям, а тьма разлетелась от света его и там, глубоко в лесу, дрожащая, пала в гнилой зев болота. Люди же, изумленные, стали как камни.

— Идем! — крикнул Данко и бросился вперед на свое место, высоко держа горящее сердце и освещая им путь людям.

Они бросились за ним, очарованные. Тогда лес снова зашумел, удивленно качая вершинами, но его шум был заглушен топотом бегущих людей. Все бежали быстро и смело, увлекаемые чудесным зрелищем горящего сердца...»

Мария Федоровна встала с шезлонга. Прошлась по палубе. Она уже машинально повторила вслух: «Все бежали быстро и смело, увлекаемые чудесным зрелищем горящего сердца». Да, «быстро и смело». Как эта легенда, написанная давно, еще совсем молодым Алексеем Максимовичем, была особенно близка и ей, и всем ее товарищам в самые трудные, самые яркие дни русской революции!

Тяжело пережила Мария Федоровна поражение. Но она чувствовала, понимала — борьба продолжается. И то, что они едут сейчас по заданию партии в Америку,— это тоже продолжение борьбы. Надо сделать все для того, чтобы поездка дала как можно больший эффект. И от воспоминаний о недавнем прошлом, как будто бы только сегодня пережитом, Мария Федоровна перенеслась в завтрашний день. Да, завтрашний в самом точном смысле этого слова. Ведь завтра их пароход пришвартуется к нью-йоркской пристани. Что же ожидает завтра ее и ее спутников?

* * *

Медленно, тяжело поворачиваясь, неуклюже лавируя в Нью-Йоркской гавани, подходил «Кайзер Вильгельм Гроссе». Уже видны были встречающие. Каждый высматривал на пароходной палубе своих, близких. Среди встречающих были и те, кто ожидал Горького. Без преувеличения можно сказать, что они составляли большинство в той большой толпе, которая что-то выкрикивала, жестикулировала, махала приветственно шляпами и кепками. Горький, Андреева и Буренин стояли на палубе. Пароход наконец пришвартовался. Пассажиры спустились на

берег. На следующий день нью-йоркские газеты сообщали о том, как встречали Горького. В одной из них было написано: «Буря энтузиазма приветствовала Максима Горького... Встреча эта затмила собой прием, который был оказан борцу за свободу Венгрии Кошуту и создателю единой Италии Гарибальди, когда они прибыли в Америку. Писатель-революционер призывает помочь русскому народу в его борьбе за свободу! Поддержим этот призыв!».

С первого же дня их пребывания в Америке в центре событий оказался не только Алексей Максимович, но и Мария Федоровна. Горького осаждали репортеры газет, к нему приходили люди, сочувствовавшие его политическим позициям, поклонники литературного таланта. Среди посетителей не было недостатка и в просто любопытных. Мария Федоровна всегда была с Алексеем Максимовичем, неустанно оберегала его от ненужных встреч и переводила речи Горького на митингах, его беседы с американцами. С русского на английский, с английского на русский — ох, как это было утомительно. Казалось, что вот-вот иссякнут силы. Но они у молодой женщины были как будто бы неисчерпаемы. Горькому нужно было так много выступать, а иногда в один и тот же день в разных городах, что Мария Федоровна превращалась в «доверенное лицо» — читала собравшимся на митинг текст речи, написанный Алексеем Максимовичем. Читала она так вдохновенно, взволнованно, что в восприятии слушателей сама превращалась в оратора и вызывала гром рукоплесканий. В одном из своих писем этого времени Горький писал: «М. Ф... 1-го мая здесь в Нью-Йорке будет читать написанную мною речь о русской женщине. Я в это время буду в Бостоне». И в другом письме: «М. Ф. на митинге, а я готовлюсь на другой — завтра».

В Америке, как и везде, М. Ф. Андреева была незаменимой помощницей А. М. Горького. Но этим ее деятельность не ограничивалась. Ее здесь узнали не только как «миссис Горки». В памяти американцев она осталась героической русской революционеркой, самостоятельной личностью, женщиной, образ которой многие из них сохранили в своей душе на всю жизнь. «Придет время, когда угнетенный народ России будет управлять страной»,— говорила Мария Федоровна, выступая перед студентками Барнардского колледжа в Нью-Йорке. Многие американки, слушавшие ее на митингах, писали ей трогательные письма, свидетельствующие о том, что М. Ф. Андреева стала для них воодушевляющим примером. В одном из таких писем мы можем прочесть: «В Вас я найду то, чего мне недостает».

А Престония Мартин, в доме которой А. М. Горький и М. Ф. Андреева прожили несколько месяцев, всегда отзывалась о Марии Федоровне как об «одной из наиболее благородных женщин».

Восторженное отношение к Андреевой у лучшей, передовой части американских женщин не сломила и та клеветническая кампания, которая была поднята против нее и Горького в реакционных органах американской печати. Агенты царского правительства, а также эсеры, с которыми Горький отказался делить деньги, собиравшиеся им на нужды большевистской партии, «подкинули материал», и машина завертелась. Какой же это был «материал»? Алексей Максимович и Мария Федоровна не состояли в церковном браке. Одного этого уже было достаточно, чтобы обвинить их в смертных грехах и подорвать доверие к ним ханжески настроенной, обывательской части американцев. Удар был рассчитан верно. А сколько пришлось пережить М. Ф. Андреевой, имя которой трепала бульварная печать! Ей было отказано от гостиницы, в которой она, Горький и Буренин поселились. Даже молодые американские писатели, приютившие их на короткое время в своем общежитии, отнюдь не афишировали своей «смелости», предпочитая, чтобы поступок их остался в тайне.

В первый момент Мария Федоровна была потрясена начавшейся вокруг нее свистопляской. Но она скоро взяла себя в руки. С гордо поднятой головой появлялась молодая женщина на митингах и собраниях, как бы бросая вызов тем, кто рассчитывал сломить ее волю и заставить Горького прервать свою поездку и уехать из Америки. В ответ на поднявшуюся клеветническую, оскорбительную для Марии Федоровны кампанию Алексей Максимович направил в редакции газет письмо, в котором заявил решительно: «Моя жена — это моя жена, жена М. Горького. И она, и я — мы оба считаем ниже своего достоинства вступать в какие-либо объяснения по этому поводу. Каждый, разумеется, имеет право говорить и думать о нас все, что ему угодно, а за нами остается наше человеческое право — игнорировать сплетни».

Поведение Марии Федоровны, которое было олицетворением человеческого достоинства, привлекло к ней симпатии передовых людей Америки, особенно женщин. Посыпались письма сочувствия с предложениями поселиться в том или другом частном доме. Среди этих писем было и письмо супругов Мартин, предложение которых М. Ф. Андреева и А. М. Горький приняли. А когда желтая пресса попробовала выступить и против

супругов Мартин, Престония Мартин через печать заявила на всю Америку: «Я считаю, что нам оказана честь тем, что мы принимаем гг. Максима и Марию Горьких, и мы с удовольствием будем иметь их своими гостями до тех пор, пока им это нравится».

Лето 1906 года Алексей Максимович Горький, Мария Федоровна Андреева и Николай Евгеньевич Буренин провели в горах Адирондака, где находилось имение Мартинов. Здесь Горький продолжал работу над романом «Мать». Она близилась уже к концу. Мария Федоровна не только переписывала роман. Она первой правильно оценила это произведение, увидев его истинное политическое значение. «Это будет очень крупная вещь,— написала в одном из своих писем, отправленных из Америки, Мария Федоровна,— может быть, лучше всего, что он написал до сих пор. Мать эта написана удивительно! А на ее психологии проходит история почти всего освободительного и революционного движения последних лет. Много таких мест, которые слушаешь с замиранием сердца, и нет возможности удержаться от слез — и не внешних от жалости, а глубоких слез с самого дна души как-то — или от восторга!»

Как нужно было уметь чувствовать время, как нужно было глубоко проникнуть во внутренний мир писателя, в его чувства, чтобы так сейсмически точно определить смысл и дух романа!

Пребывание в Америке близилось к концу. Горький и Андреева собирались в Европу. В Европу, но не в Россию. На родину путь им был закрыт. В случае возвращения обоим грозил арест. И вот снова пароход, снова безбрежный океан. Где ж им обосноваться?

* * *

В Европу М. Ф. Андреева и А. М. Горький возвратились в октябре 1906 года. Они поселились в Италии, на острове Капри. Здесь Алексей Максимович много писал. Мария Федоровна ему помогала. Отсвет ее души — в творчестве Горького этого периода.

Так шли годы. Трудные годы эмиграции. В конце 1912 года после больших хлопот Андреева получила возможность вернуться в Россию. В конце 1913 года, воспользовавшись амнистией, объявленной царским правительством в связи с трехсотлетием царствования дома Романовых, приехал в Петербург и А. М. Горький. Позади осталась большая полоса жизни, проведенной в Италии. А какие это были годы! Годы, на протяжении

которых родилась и укреплялась дружба с Владимиром Ильичем Лениным. Именно об этих годах Мария Федоровна напишет впоследствии в официальных документах: находилась «лично в распоряжении товарища Ленина». Через много лет она будет вспоминать о том, как организовывала доставку в Россию нелегальной литературы, как изыскивала новые и новые средства для партии, как устанавливала связи. «Дорогая Мария Федоровна!» — неизменно обращался к ней Ленин. А вслед за этим обращением шли поручения. Сколько их было, ленинских поручений! Владимир Ильич адресовал их ей лично или передавал через Алексея Максимовича. И как тщательно, старательно, можно сказать, изобретательно они выполнялись Марией Федоровной!

Вот одно из таких поручений. Перед нами письмо В. И. Ленина от 15 января 1908 года. Адресовано оно Горькому и Андреевой:

«Дорогие А. М. и М. Ф.!

Получил сегодня Ваш экспресс. Удивительно соблазнительно, черт побери, забраться к Вам на Капри! Так Вы это хорошо расписали, что, ей-богу, соберусь непременно и жену постараюсь с собой вытащить. Только вот насчет срока еще не знаю: теперь нельзя не заняться «Пролетарием» и надо *поставить* его, наладить работу во что бы то ни стало. Это возьмет месяц-другой, minimum. А сделать это необходимо...

Ну, а насчет перевозки «Пролетария» это Вы на свою голову написали. Теперь уже от нас легко не отвертитесь! М. Ф-не сейчас же кучу поручений приходится дать:

1) Найти непременно секретаря союза пароходных служащих и рабочих (должен быть такой союз!) на пароходах, поддерживающих сообщение с Россией.

2) Узнать от него, *откуда* и *куда* ходят пароходы; *как часто*. Чтобы непременно устроил нам *перевозку еженедельно*. Сколько это будет стоить? Человека должен найти нам *аккуратного* (есть ли итальянцы аккуратные?). Необходим ли им адрес в России (скажем, в Одессе) для доставки газеты или они могли бы *временно* держать небольшие количества у какого-нибудь итальянского трактирщика в Одессе? Это для нас *крайне важно*.

3) Если невозможно М. Ф-не самой это все наладить, похлопотать, разыскать, растолковать, проверить и т. д., то пусть непременно свяжет нас непосредственно с этим секретарем: мы уже с ним тогда спишемся.

С этим делом надо спешить: как раз через 2—3 недели надеемся выпустить здесь «Пролетарий» и отправить его надо немедленно...»

И Мария Федоровна искала нужных людей, завязывала связи, устанавливала пункты, в которые должна была доставляться партийная газета, обеспечивала дело так, что «Пролетарий» попадал в верные руки и в конечном итоге доходил по назначению.

В. И. Ленин был озабочен тем, чтобы сосредоточить в женевской библиотеке материалы по истории русской революции. И вот М. Ф. Андреева в конце апреля 1908 года получила от него новое поручение. На этот раз она должна была передать А. М. Горькому просьбу Владимира Ильича, проследить за тем, чтобы просьба эта была выполнена своевременно, и обеспечить размножение и распространение того документа, который предстояло составить писателю. «Дорогая Мария Федоровна!..— писал Владимир Ильич.— Дело вот в чем. А. М. очень прошу написать *легальное* открытое письмо в *русские* газеты с просьбой *помочь библиотеке* Куклина в Женеве присылкой газет эпохи революции и материалов к ее истории.

Письмо коротенькое, *разъясняющее* широкой публике, почему важно помочь этой библиотеке *для работ* и самого Горького и многих других, ему известных, литераторов.

Вас попрошу распорядиться отгектографированием этого письма... и рассылкой *во все русские* газеты и журналы сколько-нибудь приличного направления.

Пожалуйста, сорганизуйте все это!»

«Пожалуйста, сорганизуйте...» — просьбы такого рода по разным поводам, большим и малым, содержались в большинстве писем В. И. Ленина, приходивших на Капри и на имя М. Ф. Андреевой, и на имя А. М. Горького (в этих случаях с поручением того или иного дела Марии Федоровне). Имя ее непрестанно и в разных связях упоминается в переписке Владимира Ильича с Алексеем Максимовичем. «Большой привет Марии Федоровне», «Большущий привет М. Фед-не», «Жму руку и большой привет... Марии Федоровне», «М. Фед-не тысячу приветов! Я на велосипеде к ней приеду!» Так из письма в письмо. И это не акт простой вежливости, а выражение расположения, привязанности, глубокого уважения. Это чувствуется в тоне писем, в той простоте, с которой Ленин обращается за чем-нибудь к А. М. Горькому и М. Ф. Андреевой. Владимир Ильич, до предела возмущенный поведением меньшевика Мартова по отношению к арестованному большевику

Семашко, хотел привлечь к этому делу и Алексея Максимовича. Но заявление Мартова было опубликовано на немецком языке, которого не знал Горький. Поэтому Владимир Ильич писал ему 2 февраля 1908 года: «Ниже я привожу адрес газеты и полный текст мартовского заявления, которое Вам переведет М. Ф. В редакцию Вы напишите по-русски сами, а М. Ф. попросите приложить немецкий перевод».

В переписке В. И. Ленина с А. М. Горьким имя М. Ф. Андреевой упоминается всегда как имя человека, на которого Ленин надеется, в политическое чутье которого верит. Узнав о сочувствии Горького «богостроителям», в письме от 16 апреля 1908 года Владимир Ильич, как бы подзадоривая его, чуть-чуть посмеиваясь, писал: «М. Ф-не большой привет: она, чай, не за бога, а?» И она действительно была не «за бога». Правда, в самом начале, когда разногласия по вопросам философии еще только намечались, она надеялась на то, что можно будет избежать размежевания Ленина с группой Богданова, философские взгляды которого и явились основой богостроительства. Об этом Владимир Ильич вспоминал почти через пять лет после описываемых событий. В январе 1913 года он писал Горькому: «Помните, весной 1908 года на Капри наше «последнее свидание» с Богдановым, Базаровым и Луначарским? Помните, я сказал, что придется разойтись годика на 2—3, и тогда еще М. Ф., бывшая председателем, запротестовала бешено, призывая меня к порядку и т. п.». Да, это было. Но очень скоро М. Ф. Андреева поняла правоту Ленина. А поняв, повела с богдановцами борьбу, помогала Ленину «отвоевывать» у них Горького. Мария Федоровна по натуре была воительницей. Она всегда и во всем отстаивала ленинскую точку зрения и никогда не сходила с избранного пути.

В каприйский период жизни М. Ф. Андреевой, да и позднее, уже после Великой Октябрьской социалистической революции, отношение к ней В. И. Ленина носило доверительный характер. И с нею, и с Алексеем Максимовичем он разговаривал очень откровенно, по душам. Об одном таком разговоре 1908 года Горький рассказал в своих воспоминаниях о Ленине. Это им двоим Владимир Ильич с сожалением говорил о Богданове, Базарове и Луначарском: «Умные, талантливые люди, не мало сделали для партии, могли бы сделать в десять раз больше, а не пойдут они с нами! Не могут...» И далее: «Луначарский вернется в партию, он — менее индивидуалист, чем те двое. На редкость богато одаренная натура. Я к нему «питаю слабость»... Я его, знаете, люблю, отличный товарищ! Есть в нем какой-то

французский блеск. Легкомыслие у него тоже французское, легкомыслие — от эстетизма у него».

А вот другой разговор, состоявшийся в годы гражданской войны, который А. М. Горький воспроизвел со слов М. Ф. Андреевой. Речь зашла о том, что острая политическая борьба требует твердости, решительных действий со стороны правительства. «Что же делать, милая Мария Федоровна? — говорил Владимир Ильич.— Надо бороться. Необходимо! Нам тяжело? Конечно! Вы думаете: мне тоже не бывает трудно? Бывает — и еще как! Но — посмотрите на Дзержинского,— на что стал похож он! Ничего не поделаешь! Пусть лучше нам будет тяжело, только бы одолеть!» Говорить так В. И. Ленин мог только с человеком близким, с другом, которому полностью доверял.

* * *

Пришла Великая революция. М. Ф. Андреева — там, куда ее направила партия. В первые годы после Октября она возглавляет петроградские театры, а потом — чего только не заставит делать долг старого члена партии! — работает в советском торговом представительстве в Берлине, попутно занимается продвижением за рубежом советских кинокартин. Да разве только этим! И все делается ею так хорошо, как будто бы то, что она делает сейчас, всегда было ее постоянным занятием.

22 января 1922 года М. Ф. Андреева писала В. И. Ленину из Берлина:

«Дорогой Владимир Ильич!

Не повезло мне — все время, пока я пробыла в России, Вы были в отъезде, и видела я Вас всего минуточку...» А дальше Мария Федоровна сообщает о многом, очень для нее важном, о чем ей хотелось, но не удалось поговорить с Владимиром Ильичем. В том числе и о ее поездках по ряду стран Европы с целью собрать средства для пострадавших от неурожая в Поволжье и в других губерниях.

«Хотелось рассказать Вам о своей эпопее,— писала она,— ведь меня посылали с лекциями о голоде в Швецию, Данию, и пришлось выступать в самом Берлине по тому же вопросу, это дало мне возможность видеть массу самой разнообразной публики, со мной разговаривающей без особой осторожности».

Впечатлений у М. Ф. Андреевой от поездки по буржуазным странам было масса. Ее потрясло самодовольство, самоуспокоенность буржуазного обывателя: «...точно не было этой ужасной войны, не было великой революции. Ничего не было». Там все

оставалось по-прежнему. На курортах, наслаждаясь морем и солнцем, отдыхали «те же дамы с детьми и дамы с собачками, дамы с кавалерами и без оных» и так же резко, как и до первой мировой войны, до русской революции, ощущалось «острое деление на два мира». Сытое благополучие на Западе и голод в России! Нарядные дамы и дети и гибнущие крестьянские ребятишки в Поволжье! «Нет, надо сделать все возможное, чтобы помочь им»,— с болью душевной думала Мария Федоровна. И ездила из города в город, из страны в страну. Она выступала пламенно, она взывала к чувству человечности тех, кто ее слушал. Ее выступления не были просто криком о помощи. Они были полны достоинства, убежденности в святости дела революции.

Большой зал в Стокгольме, где собрались многочисленные шведские журналисты и аккредитованные в Швеции журналисты других стран, был полон. Они знали — перед ними выступит большевичка, один из петроградских комиссаров, жена Горького и известная актриса М. Ф. Андреева. Какая она, что скажет? Большинство присутствующих никогда ее не видели и знали только понаслышке.

В боковую дверь вошла и подошла к приготовленному для нее столику статная, моложавая женщина. Лицо ее было задумчиво, на нем лежал отпечаток страдания. Но глаза, какие-то особенные, лучистые глаза, смотрели прямо, уверенно. Она остановилась у столика, оперлась на спинку стула, и все услышали ее мелодичный, проникающий в душу голос:

— Я очень взволнована тем, что мне одной из миллионов русских женщин случайно выпало на долю выступить из их рядов и говорить перед вами.

Никто не уполномочивал меня поднять свой голос, после того как лучшие люди России заговорили о несчастье, обрушившемся на мою Родину, после того как Горький обратился с воззванием о помощи русскому народу...

Мария Федоровна рассказывала о страшной засухе, постигшей русское Поволжье и ряд южных губерний, о том, что выйти из положения страна не может без посторонней помощи, так как она разорена мировой войной, контрреволюцией и иностранной интервенцией, которые ввергли ее в гражданскую войну, рисовала тяжкие картины гибели людей. И в то же самое время в словах ее звучала уверенность, что бедствие, постигшее Россию,— явление временное.

— Если погибнет Россия как огромная хозяйственная единица, это отразится на всем хозяйстве Европы и даже мира...—

говорила М. Ф. Андреева.— Помогите русскому народу справиться со своим хозяйством, дайте ему зерна для нового посева, дайте земледельческие орудия, паровозы и все, что нужно для исправления путей сообщения, чтобы восстановить разрушенные восьмилетней войной фабрики и заводы. Россия сторицей заплатит за все, как только она хозяйственно встанет на ноги.

...Господа журналисты, поднимите свой голос, чтобы разбудить в мировом масштабе внимание и интерес к голодающему русскому народу, ведь это необходимо не только в интересах одной России, но и в интересах всего мира, в интересах человечества и человечности!

М. Ф. Андреева кончила свою речь. Она стояла взволнованная, на глазах ее были слезы. Даже она, прекрасно владевшая собой женщина, не могла на этот раз скрыть их. Оглядевшись, Мария Федоровна увидела, что многие слушавшие ее журналисты тоже взволнованы. К ней подходили, расспрашивали, тут же выдвигали под влиянием ее речи возникавшие у некоторых планы. Но видела она и такие лица, которые замкнулись в каменной неподвижности. Это были враги, в душе торжествовавшие: в России страшное несчастье. Авось голод задушит революцию. Но Мария Федоровна знала — такого не будет. Она попрощалась с окружившими ее газетчиками, с гордо поднятой головой прошла мимо врагов и вышла из зала.

На завтра был назначен отъезд. Ее ждала другая страна, другие слушатели. И так вплоть до Берлина, где она в те годы работала...

На дипломатическом поприще такой работник, как Мария Федоровна Андреева, в первые годы Советской власти был просто находкой. Прекрасно образованная, знающая несколько языков, умная, хорошо воспитанная, обаятельная и в зрелом возрасте женщина, она окружена была в Берлине огромным уважением и пользовалась большим влиянием. Встречавшаяся с нею за границей в 1925 году Н. А. Луначарская-Розенель так вспоминает о М. Ф. Андреевой. «Сквозь расступившуюся толпу гостей,— пишет она,— к нам приближается женщина, немного выше среднего роста, с коротко стриженными рыжеватыми волосами, в очень изящном и скромном светло-сером платье. Она еще издали приветливо улыбается Луначарскому. Но по дороге ее останавливает советник французского посольства; сделав знак Анатолию Васильевичу, она задержалась, свободно и непринужденно беседуя с дипломатом...

В огромном переполненном зале Мария Федоровна раскланивалась направо и налево, у нее были десятки знакомых; она

переходила с русского на французский, английский, немецкий, итальянский без всяких усилий; она умела сказать каждому любезное приветливое слово и в то же время была полна чувства собственного достоинства.

Вслед за ней доносился шепот: «Фрау Андреева! Ну да, знаменитая фрау Андреева». Иногда произносилось «Gorky». Видно, берлинцы хорошо знали Марию Федоровну».

Общение с Марией Федоровной Андреевой было настоящей школой жизни для работавших с нею молодых работников. Да это и не удивительно. Сколько она видела, сколько знала и как пламенно была она предана партии, своей стране!

Мария Федоровна, так же как и Алексей Максимович, была нежно привязана к Владимиру Ильичу Ленину. Не случайно в письмах она обращалась к нему: «Дорогой друг». Когда Андреева и Горький, жившие в это время в Петрограде, узнали о ранении Владимира Ильича, в Москву немедленно полетела телеграмма: «Ужасно огорчены, беспокоимся, сердечно желаем скорейшего выздоровления, будьте бодры духом. М. Горький, Мария Андреева». А как были они потрясены, когда умер Владимир Ильич! Смерть Ленина застала Андрееву в Берлине, а Горького — в Италии, в Сорренто. Оба они переживали ее как большое личное горе. И в последующей жизни своей неизменно обращались к воспоминаниям о нем. Ленин сыграл большую роль в политическом мужании Марии Федоровны, в том, как развернулась ее работа, по какому руслу она пошла.

Павел Подлящук

ПРЕКРАСНАЯ ЖИЗНЬ

(И. Ф. Арманд)

По-моему, человек только тогда человек, когда он борец.

Из речи работницы-коммунистки Анны Калыгиной на похоронах Инессы Арманд

1

Русская граница. К перрону станции Вержболово подкатил берлинский поезд. У таможенного барьера обычная толчея — таможенные чиновники роются в вещах пассажиров, жандармы «сверлят» их взглядами... Молодая дама в просторной накидке-тальме выделяется в толпе пассажиров — выделяется красотой, горделивой осанкой и... обилием детей. На руках у дамы грудной ребенок, а вслед за ней чинно шагают ребятишки постарше: четверка благовоспитанных, ухоженных детей.

Носильщик кряхтя ставит на прилавок чемоданы. Таможенник быстро осматривает их содержимое — детские вещи, белье.

— Все в порядке, сударыня...

Все в порядке! Пассажирка в тальме следует дальше, в Россию. Все в порядке — конечно, если учесть, что под модной накидкой, легкими складками спадающей с плеч, сокрыт изрядный груз нелегальных революционных брошюр. Запретная литература специальными лямками укреплена на спине, под платьем. А у одного из чемоданов с детскими вещами — двойное дно; там тоже упрятана революционная литература.

Дама с целым выводком детишек — Инесса Федоровна Арманд. Жена московского фабриканта, потомственного почетного гражданина, видного промышленника и благотворителя. Мать пятерых детей. Дама из «высшего общества», председательница благотворительной организации, поставившей целью «улучшить участь женщины».

Инесса Федоровна вместе с детьми отдыхала в Швейцарии, у берегов Женевского озера, а сейчас возвращается в Москву. Вернее, в подмосковное Пушкино, где у Армандов фабрики, лесные угодья, имения и барский дом.

Ну, а груз, который пассажирка первого класса так ловко укрыла от бдительного ока таможенников и жандармов, эта партия нелегальной литературы, переброшенная через границу, что это, случайность?

Нет. Партийное поручение. Первое, ответственное, связанное с немалым риском поручение большевистской организации. К 1904 году Инесса Арманд стала социал-демократом большевиком, революционером-ленинцем. Решительно порвав с эксплуататорскими классами, она перешла в революционный стан, в ряды борцов за освобождение трудящихся. И книжки, листовки, которые были упрятаны под нарядной тальмой, послужили основой нелегальной библиотеки пропагандистов при Московском комитете РСДРП(б). Заведовать этой библиотекой было поручено И. Ф. Арманд.

2

Коротко расскажу «предысторию» революционного бойца.

Инесса родилась в Париже 8 мая 1874 года. Ее родители — Теодор Стефан, француз, оперный певец, и Натали Вильд, полуфранцуженка-полуангличанка, актриса, а потом учительница пения. Отец Инессы умер рано, оставив вдову без средств. Девочку воспитала тетка, сестра матери, учительница музыки и французского языка. Она-то и увезла маленькую Инессу в Москву, где преподавала в богатых домах. Она-то и ввела юную, прелестную парижанку в дом Армандов.

Семья эта отличалась хлебосольством, радикальными взглядами, интеллигентностью. Там было много молодежи; с Инессой, впечатлительной, яркой, одаренной, быстро установились дружеские отношения. Тетка дала ей хорошее образование — домашнее, что считалось тогда наиболее подходящим для девушки; блестяще владела Инесса тремя языками: русским,

французским, английским; виртуозно играла на рояле. Словом, девушка незаурядная. Удивительно ли, что ее полюбил молодой Арманд, Александр, сын и наследник главы дома.

В семнадцать лет Инесса сдала экзамен на звание домашней учительницы, в девятнадцать — вышла замуж.

Александр Евгеньевич, ее муж, человек по натуре мягкий, обаятельный, увлекался в ту пору земской деятельностью, благотворительностью. И Инессу вовлек в сферу своих интересов: вместе обдумывали всяческие хозяйственные преобразования, организовали школу в своем подмосковном имении Ельдигино, вместе участвовали во всякого рода филантропических обществах... Безмятежное, бездумное, благополучное житье-бытье.

Пошли дети. И с рождением первенца — сына Саши — связана первая «трещина» в как будто бы цельном и устойчивом мировоззрении молодой госпожи Арманд. Она была очень религиозна. А тут столкнулась с тем, что православная вера запрещает роженице в течение шести недель посещать церковь. Нелепое запрещение это взволновало, возмутило Инессу. Но разве нелеп, неоправдан один только религиозный догмат, обряд? Таких сколько угодно. Стоило Инессе серьезно вдуматься в суть религии, и прежняя наивная вера безвозвратно утеряна.

Разочаровалась она и в буржуазной благотворительности. Поняла: подаяниями и благодеяниями нужды не изжить. Все же участие в филантропических организациях сослужило некоторую службу — столкнуло молодую женщину лицом к лицу с нищетой, голодом, бесправием, с «дном» буржуазного общества, заставило задуматься о причинах классового расслоения, классовой борьбы.

Следующий шаг — знакомство с марксистской литературой. Инесса с малых лет пристрастилась к чтению и не только любила читать — умела работать с книгой.

Еще один фактор, повлиявший на революционное «прозрение» Инессы Арманд,— общение с революционной молодежью. У Армандов, в их пушкинском загородном доме, часто гостили студенты, приятели и сокурсники младших сыновей почтенного мануфактур-советника. Иногда не просто гостили, а скрывались от преследований полиции.

На террасе за вечерним чаепитием велись нескончаемые споры, обсуждались всевозможные «жгучие» вопросы: о «смысле жизни» и о тактике революционной борьбы, о правах человека и о гримасах капитализма... Инесса, порой с ребенком на руках, часами вслушивалась в эти безалаберные споры; чаще всего

молчала, но впитывала. Чуткая ее натура впитывала как губка «разрушительные» революционные идеи.

Спорщики не только разглагольствовали за самоваром — в Пушкине, в Ельдигине, в армандовских помещичьих домах прятали множительные аппараты — мимеографы, нелегальные листовки. Случались и обыски. Однажды полиция арестовала Евгения Каммера, репетитора младших братьев Александра Арманда, участника подпольного студенческого кружка. Судьба арестованного и сосланного затем друга глубоко тронула, взволновала Инессу Федоровну.

Так накапливался жизненный опыт, развивались революционные воззрения. Так молодая женщина приходила к единственно честному, логическому выводу: надо решительно и бесповоротно рвать с эксплуататорским классом, к которому она тогда принадлежала, и, пренебрегая житейскими благами, вступать на путь революционной борьбы. Путь трудный, опасный, тернистый, но верный.

3

В те годы, в начале XX века, среди русской интеллигенции и в революционной среде очень популярны были некрасовские строки:

От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!

Эти строки пришли мне на ум, когда, изучая биографию Инессы Арманд, я размышлял над вопросом: кто же, собственно говоря, «увел» ее в революционный стан? Почва была подготовлена — выше мы проследили это,— но кто, при каких обстоятельствах превратил «сочувствующую» даму из высшего общества в профессионального революционера?

На этот вопрос ответила в автобиографии сама Инесса Федоровна:

«С 1901 года стремилась к революционным организациям и в 1902 году познакомилась с некоторыми представителями с.-д. и с.-р., которым оказывала некоторые услуги и которые со своей стороны снабжали (меня) нелегальной литературой, тогда еще весьма скудной. В 1903 году попала за границу, в Швейцарию, и после короткого колебания между эсерами и эсдеками (по вопросу об аграрной программе) под влиянием книги Ильина

«Развитие капитализма в России», с которой впервые смогла познакомиться за границей, становлюсь большевичкой».

Ильин — Ленин — вот кто, оказывается, «увел» Инессу в революционный стан. Ленинское учение, ленинские идеи сделали Инессу — задолго до личного знакомства с Владимиром Ильичем — последовательной, пламенной большевичкой. Твердокаменной, как тогда говорили.

4

Натура удивительно цельная, глубокая, Инесса Арманд не умела чего-либо делать вполсилы, не могла гореть вполнакала.

Связав свою судьбу с партией большевиков, она решительно и непреклонно рвет с прошлым. Переходит на полулегальное, а затем и нелегальное положение. Прочь роскошь, семейный уют, обеспеченный быт. На смену безмятежному житью приходит полная тревог и опасностей, неустроенная, а порой даже полуголодная жизнь революционера-подпольщика. Контраст разительный, но Инесса ничуть не сожалеет о прежнем, она всю себя без остатка отдает делу революции.

Выдающимся тружеником нашей революции назвала Инессу Елена Дмитриевна Стасова, сама беззаветная труженица Коммунистической партии. А другой боевой соратник и друг Инессы, Надежда Константиновна Крупская, сказала о ней: «Неустанный работник».

Ведя партийную работу в районах Москвы и в Пушкино, Инесса Арманд быстро проходит «первоначальный курс» обучения — овладевает искусством конспирации, техникой революционного подполья, умением работать в массах. Вслед за тем наступает пора «тюремных университетов».

Впервые она была арестована 6 февраля 1905 года. «Отсидки», выходы на волю, снова энергичная партийная работа и снова тюремная камера — общая или одиночная, в зависимости от произвола жандармов. Надо ли говорить, что тюремный воздух отнюдь не укрепляет здоровья молодой женщины. Но зато укрепляет волю, закаляет борца. Инесса оказалась удивительно стойким, непоколебимым революционным бойцом.

В этой связи интересно обратиться к письму Инессы Арманд. Написано оно значительно позже первых арестов, о которых мы вели речь,— в эмиграции, в Швейцарии, и адресовано старшей дочери Инне. Ведя задушевный разговор с дочкой, мать признавалась:

«...Скажу про себя — скажу прямо — жизнь и многие жиз-

ненные передряги, которые пришлось пережить, мне доказали, что я сильная, и доказали это много раз, и я это знаю. Но знаешь, что мне часто говорили, да и до сих пор еще говорят: «Когда мы с вами познакомились, вы нам казались такой мягкой, хрупкой и слабой, а вы, оказывается, железная»... И неужели на самом деле каждый сильный человек должен быть непременно жандармом, лишенным всякой мягкости и женственности — по-моему, это «ниоткуда не вытекает» — выражение одного моего хорошего знакомого. Наоборот, в женственности и мягкости есть обаяние, которое тоже сила».

Дальше в письме Инесса Арманд рассуждает о выработке силы воли — ее, подобно мускулам, надо развивать постоянными упражнениями. Что же касается самой силы воли, то Инесса условно делит ее на пассивную и деятельную. «Пассивная» — это когда человек может, к примеру, заставить себя молчать или заставить себя заниматься. Но этого мало. Надо не только уметь промолчать, но и уметь говорить, не только уметь сдержаться, но и уметь действовать, не только уметь переносить страдания, но и уметь возмущаться и бороться.

Такой — деятельной — силой воли Инесса обладала в полной мере.

... 30 сентября 1907 года, после серии арестов, Инесса Арманд была выслана из Москвы «в дальние уезды Архангельской губернии сроком на два года под гласный надзор полиции» — так гласило постановление министра внутренних дел.

Но и в ссылке, в северном городке Мезень, в труднейших условиях, переболев лихорадкой, Инесса не сдается, не сгибается. Организует политических ссыльных; лелеет планы издания повременного большевистского листка; ведет обширную переписку; учится сама и учит других. А при первой же возможности, отбыв лишь половину срока, совершает смелый побег. Бежит за границу.

С января 1909 года начинается для Инессы Арманд новый, чрезвычайно насыщенный революционной работой период жизни и борьбы — политическая эмиграция.

Однако прежде чем рассказать об эмигрантской жизни Инессы, я должен упомянуть еще про один ее «тюремный университет». Проходила она этот «курс» в 1912 году в Петербурге в одиночной камере печально знаменитой предварилки — дома предварительного заключения. А попала туда в облике... крестьянки Франциски Янкевич. Под таким именем, с таким паспортом Инесса Арманд была направлена партией на подпольную работу в Россию.

Агент Центрального Комитета партии Франциска Янкевич в трудных условиях подполья сумела сделать многое — «распахать поле» партийной работы, как вспоминал позже один из ее боевых товарищей,— но была выдана провокатором и угодила за решетку. После нескольких месяцев заключения ее выпустили под залог, до суда. Ну и, конечно же, пренебрегая залоговой суммой, она нелегально переходит границу.

Снова опасности, снова борьба. Снова горение.

5

Вернемся к первому этапу эмигрантской жизни Инессы Арманд. К тому времени, когда она, бежав из Мезени, после ряда злоключений обосновалась в Брюсселе.

Этот год был посвящен главным образом учению. Поступив в университет, Инесса изучает социальные и экономические науки. За один только год был пройден университетский курс, с отличием сданы выпускные экзамены и получен диплом лиценциата экономических наук.

Следует добавить, что позже, в Париже, Инесса слушала лекции в Сорбонне, да и вообще всегда и везде не упускала случая учиться, учиться самостоятельно работать с книгой, серьезно и систематически штудировать капитальные труды по политэкономии и педагогике, по статистике и экономгеографии...

В один из коротких наездов из Брюсселя в Париж Инесса Арманд познакомилась с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной. Заочно знала Ленина давно, шла за ним уже долго, была убежденным ленинцем, но личное знакомство состоялось лишь в 1909 году.

С той поры через всю свою жизнь Инесса, покоренная Лениным-вождем и Лениным-человеком, пронесла беспредельное уважение и трогательную любовь к нему. С той поры и до самого смертного часа существование Инессы озарено лучами ленинской дружбы. Наставлениями и поручениями Владимира Ильича, работой под его непосредственным руководством.

К этому прибавляется сердечная дружба и полное взаимопонимание с Н. К. Крупской. Вспоминая много позже о том, парижском периоде, Надежда Константиновна написала: «Светлело в доме, когда Инесса приходила».

Осенью 1910 года И. Арманд поселилась в Париже. И вскоре стала одним из самых деятельных участников парижской большевистской группы.

Постараюсь хотя бы бегло очертить круг обязанностей Инессы. Первое место занимает здесь переписка с заграничными большевистскими группами, конспиративная связь с партийными организациями на родине. Это требовало массы сил и умения. Стоит вспомнить, что в революционной практике переписка была тогда важнейшим средством общения. Ну, а помимо писания и чтения писем — завязывание связей, устройство явок, организация собраний, публичные выступления, поручения пропагандистские и организаторские, переводы с французского и на французский — словом, миллион самых разных, крупных и повседневных дел, забот, нагрузок.

Близкая подруга Инессы по эмиграции большевичка Людмила Сталь дала ей такую характеристику: «Пренебрежение к материальным условиям жизни, внимательное отношение к товарищам и готовность поделиться с ними последним куском были основной чертой ее характера». К этому хочется добавить красочный рассказ рабочего-большевика Григория Котова, встречавшего Инессу в Париже:

«Как сейчас вижу ее, выходящую от наших Ильичей. Ее темперамент мне тогда бросился в глаза... Казалось, жизни в этом человеке неисчерпаемый источник. Это был горящий костер революции, и красные перья в ее шляпе являлись как бы языками этого пламени».

6

Рамки этого очерка не позволяют сколько-нибудь подробно осветить работу Инессы Арманд в эмиграции под руководством В. И. Ленина. Сосредоточим наше внимание на трех ленинских поручениях.

Лето 1911 года. Лонжюмо — полугородок-полудеревня невдалеке от Парижа. Здесь Владимир Ильич и его соратники устроили партийную школу для рабочих-большевиков — их делегировали из России социал-демократические организации большинства. Ленин придавал большое значение школе в Лонжюмо; в условиях зревшего в России нового революционного подъема важно было дать теоретическую закалку рабочему активу партии.

Инесса была одним из преподавателей ленинской партийной школы — читала лекции, вела практикум по политэкономии. (Забегая вперед, скажу, что педагогический опыт, полученный в Лонжюмо, помог Инессе потом, уже в советское время, в Москве, когда она возглавила первую губернскую партшколу и

когда она читала лекции в Коммунистическом университете имени Свердлова.)

В Лонжюмо, однако, Инесса Арманд вела не только преподавательскую работу. Она была главным помощником Ленина и Крупской по устройству школы, выработке программы, ведению занятий. По нынешней нашей терминологии — это завуч. Но одновременно и администратор, и завхоз. Словом, универсал.

Зима 1913/14 года. Инесса снова в Париже. Этому предшествовало, как мы помним, немало событий. Поездка на нелегальную работу в Россию, арест и «сидка» в петербургской предварилке, бегство за границу. Посещение Ульяновых, которые перебрались тогда из Парижа в Краков, чтобы быть поближе к родине. Участие в Поронинском совещании Центрального Комитета с партийными работниками... И вот — Париж.

Не успела Инесса еще как следует обосноваться, а в очередном письме от В. И. Ленина среди других поручений прозвучал требовательный призыв: «*Беритесь* архиэнергично за женский журнал!».

О необходимости издавать «Работницу» — массовый легальный большевистский журнал для женщин-пролетарок — договорились еще в Галиции, когда Инесса вырвалась из петербургской тюрьмы. В ту осень Ленин, Крупская и Арманд нередко совершали дальние прогулки по берегам Вислы, покрытым изумрудными душистыми лугами. «Блони» зовут их по-польски. Тогда-то, по-видимому, и разработана была мысль о «Работнице». Журнал необходим, чтобы донести правдивое, горячее большевистское слово до самых глубинных слоев. Масса женщин-работниц — могучий резерв грядущей революции. Надо этот резерв мобилизовать, зажечь, вовлечь в борьбу!

Создание нового большевистского журнала и появление нового журналиста-большевика было тесно связано с краковскими «блонями». Недаром ведь и литературный псевдоним себе Инесса выбрала Блонина. С той поры Елена Блонина вошла в строй боевых партийных публицистов.

...Скромное парижское кафе на тихой улочке близ Больших Бульваров. Мраморный столик, бокалы лимонада, чашечки со стынущим кофе. Чернильница, газеты на палках-держалках, книги с закладками. Две женщины увлеченно работают в этом кафе — ведут какие-то записи, пишут письма, спорят... Эмигрантки — большевички Инесса Арманд и Людмила Сталь — члены заграничной редакции будущей «Работницы» — заняты подготовкой ее первого номера.

Дело налаживалось трудно. Русская часть редакции работала в условиях жесточайшего полицейского террора, каждый час ожидая ареста (это «ожидание» длилось не так уж долго; почти все русские редакторы нового журнала оказались за решеткой). Заграничная часть редакции была разобщена (Арманд и Сталь во Франции, Крупская в Галиции); трудности связи, отсутствие опыта и средств, невозможность собраться всем вместе для выработки общей точки зрения — все, все было преодолено.

И вот наконец в руках у Инессы полученный из России первый номер «Работницы». Незатейливо оформленный, отпечатанный на неважной бумаге, скромный журнал. Но свой, родной, долгожданный...

Посылая Инессе в Париж № 3 «Работницы», Владимир Ильич писал: «Хорошо ведь! Налаживается дело».

Вышло в свет семь номеров «Работницы» — два из них конфисковала полиция; в июле 1914 года журнал был запрещен. Но все же скромные тетрадки большевистского женского журнала сыграли полезную роль.

То же лето 1914 года. По поручению Центрального Комитета партии Инесса Арманд возглавила делегацию большевиков на так называемом Брюссельском «объединительном» совещании.

Созвало это совещание Международное социалистическое бюро — исполнительный орган II Интернационала. Стоявшие во главе его лидеры оппортунистов Вандервельде, Каутский и К° были обеспокоены успехами большевиков в рабочих массах России, войной, которую Ленин и ленинцы вели с ликвидаторами, примиренцами и соглашателями всех мастей. Задолго до совещания руководители Международного социалистического бюро договорились с ликвидаторами о совместных действиях против большевиков. Это был хитрый маневр опытных политиканов. И вот делегации большевиков (вместе с Инессой в нее входили М. Владимирский и И. Попов) предстояло на международном форуме, перед лицом мирового социалистического движения дать бой ликвидаторам и их союзникам. Дать бой — и выиграть его.

Инесса поначалу отказывалась от поручения. Робела. Что ж, робость эта, вообще-то несвойственная ей (помните рассуждения о силе воли?), в данном случае объяснима. Вступить «в рукопашную» схватку с матерыми зубрами II Интернационала?! Бросить им в лицо перчатку?! Справлюсь ли, оправдаю ли доверие партии?

В. И. Ленин в нескольких письмах, посланных одно за другим, убеждает Инессу, доказывает, что именно она, прекрасно владея французским языком, хорошо понимая суть дела, обладая необходимым чутьем и тактом, лучше, чем кто-либо другой, справится с ответственным поручением.

Стремясь поднять дух Инессы, укрепить ее боеспособность, Владимир Ильич писал ей: «Я уверен, что ты из числа тех людей, кои развертываются, крепнут, становятся сильнее и смелее, когда они одни на ответственном посту... Превосходно ты сладишь! Прекрасным языком твердо их всех расшибешь...»

Так оно и было. Делегация большевиков разрушила все хитросплетения оппортунистических лидеров II Интернационала, выиграла трудный бой, чем, по мнению Ленина, оказала «большую услугу партии». К сказанному необходимо добавить, что Владимир Ильич не только убеждал Инессу в необходимости выступить на Брюссельском совещании. Он великолепно вооружил делегацию, написав обстоятельный доклад и подробнейшие инструктивные указания. В томе ленинских Сочинений документы эти занимают сорок страниц убористого печатного текста.

После Брюсселя Инесса Арманд энергично готовилась к нелегальной поездке в Россию. Предстояло новое серьезное испытание нервов, силы воли, революционной стойкости. Но тут грянула война. Смешались все планы.

7

Годы первой мировой войны Инесса провела в Швейцарии и частично во Франции. Она безоговорочно приняла ленинскую позицию: война, которую развязали сейчас в мире, грабительская, империалистическая. Социал-«патриоты», оборонцы изменили делу рабочего класса. Важнейшая революционная задача подлинных социал-демократов интернационалистов — превратить войну империалистическую в войну гражданскую.

Как свидетельствует Надежда Константиновна Крупская, в годы войны Инесса шла «в первых рядах борцов против II Интернационала, против вождей, изменивших делу рабочего класса. Она была правой рукой Ильича в его борьбе на международном фронте, принимала самое активное участие в выработке всех резолюций, переводах документов на английский и французский языки, вела переписку, завязывала связи».

Мало того, Инесса выступала с лекциями, писала статьи, вела — от имени партии, по поручению Ленина — всякого рода

переговоры. Принимала участие в подготовке международных конференций — Циммервальдской и Кинтальской, конференций женщин-социалисток и социалистической молодежи.

Да, поразительно много сделала Инесса Арманд в годы войны. Когда размышляешь о том, каким образом удавалось Инессе справляться с таким объемом работы, приходишь к выводу: помогало ей непосредственное руководство Владимира Ильича. Конечно, она талантлива, энергична, чертовски работоспособна. Конечно, интересы революции для нее превыше всего, она готова жертвовать собой, если того требует успех дела. И все это аккумулируется ленинской волей, ленинской прозорливой мыслью. Ленин умел зажигать! Поручать, требовать, проверять исполнение.

...В сорок девятом томе Полного собрания сочинений В. И. Ленина опубликовано около семидесяти его писем к И. Ф. Арманд. Письма эти относятся к годам первой мировой войны, к швейцарскому периоду, и в полной мере подтверждают высказанную выше мысль о ленинской направляющей руке. Твердой, решительной и в то же время теплой, дружеской.

Что же касается Инессы, то она постоянно и серьезно училась у Владимира Ильича. Училась ленинскому стилю работы и жизни, мышления и борьбы. Была верной его ученицей.

Очередное письмо Ленина к Инессе, посланное 15 марта 1917 года из Цюриха в Кларан, где она тогда жила, содержало ошеломляющее известие: в России революция!

Домой, домой, в гущу борьбы! — вот страстное, неодолимое желание большевиков, волею судеб (точнее, произволом русского самодержавия, ныне свергнутого народом) оказавшихся в швейцарской эмиграции.

Вместе с Лениным и Крупской, с группой товарищей-единомышленников в знаменитом «запломбированном вагоне» совершает Инесса путешествие по окровавленной Европе. И вот наконец незабываемая апрельская ночь в Петрограде, ликующая толпа на площади у Финляндского вокзала, Ленин на броневике...

Дóма! Какое это счастье, оказавшись дома, шагать в ногу с друзьями навстречу грядущим революционным боям.

8

Дни насыщены до предела. После приезда из Швейцарии Инесса работает в Москве. Она делегат московских большевиков на Апрельской партийной конференции; она голосует за приня-

тие ленинского плана борьбы за перерастание революции буржуазно-демократической в революцию социалистическую. Не только голосует, но и горячо отстаивает ленинскую позицию на всевозможных митингах, собраниях, в печати.

По списку большевиков И. Арманд избирается в Московскую городскую думу; она входит в исполнительную комиссию (руководящий орган) Московского комитета партии; создает и вместе с другой большевичкой, Варварой Яковлевой, редактирует журнал «Жизнь работницы»; работает и в Московском окружном комитете партии.

Ее узнали и полюбили в районах, на заводах и фабриках. Очень быстро Инесса стала популярным оратором партии большевиков. В партийной прессе все чаще появляются извещения о ее лекциях. Одно такое сообщение из номера газеты «Социал-демократ» от 25 мая 1917 года хочется здесь привести:

«В пятницу 26 мая, в 7 час. веч., лекция товар. Инессы на тему «Работница и классовая борьба». Плата за вход 10 коп., для членов клуба бесплатно. Сбор поступит в пользу с.-д. рабочего клуба. Запись в члены РСДРП, 8-я Сокольничья, д. № 31».

Не правда ли, о многом говорит это незатейливое извещение?

После победы Октября Инесса Арманд избрана в Московский губисполком и его президиум, в губком партии и его бюро. Она член ВЦИК от Москвы. Это, так сказать, официальные ее посты, выборные должности. А всевозможные поручения растут как снежный ком... И верная своему жизненному правилу, Инесса не отказывается от больших и малых нагрузок. «Надо!» — вот девиз.

Этот весьма лаконичный, но вполне ясный девиз оправдался и зимой 1918 года, когда товарищ Инесса получила новое, трудное и ответственное поручение партии.

Ее назначили председателем Московского губернского совета народного хозяйства. После того как командные высоты экономики были захвачены рабочим классом, предстояло сделать следующий шаг — взять в свои руки управление промышленностью, наладить контроль за производством, вернуть к жизни и поставить на службу Советской власти замолкшие, пустынные, обледеневшие предприятия, безжизненные станки и потухшие вагранки... В условиях разрухи, саботажа специалистов, катастрофического падения производительности задача эта была не просто трудной — труднейшей.

Но Инесса с ней справилась. Ей помогла солидная экономическая подготовка, знание законов экономического развития,

организационная хватка, трудолюбие, а главное, умение работать с людьми. Драгоценные качества большевика-организатора.

Никто не снимал с Инессы Арманд также и многочисленных партийных, советских и всякого рода общественных поручений и обязанностей. Напротив.

Параллельно с руководством губсовнархозом она руководит первой школой советско-партийной работы, которую весной 1918 года создало в Москве областное бюро партии. Составляет для этой школы программу, читает лекции.

Одновременно ведет работу во французской коммунистической группе, созданной в Москве. Это было поручение В. И. Ленина — сплотить, объединить товарищей интернационалистов, оказавшихся в советской столице и сочувствующих идеям пролетарской революции.

В автобиографии И. Ф. Арманд читаем: «Организовала французскую группу коммунистов и помогла создать орган этих французских коммунистов «Третий Интернационал»».

Первый номер газеты вышел в октябре 1918 года, а всего выпущено было шестнадцать номеров. Инесса Арманд была не только соредактором «Третьего Интернационала», но и одним из активных корреспондентов.

Еще одно направление деятельности Инессы — женотдельское. Партийная работа среди женщин.

Вовлечь миллионы работниц и крестьянок в политическую жизнь, научить управлять государством, раскрепостить — вот задача, которую поставили партия и Ленин. Без подлинного освобождения трудящейся женщины нет и не может быть победы Советской власти. Значит, надо углубленно и вдумчиво вести агитационно-пропагандистскую и организационную работу в гуще пролетарской женской массы. За эту работу вместе с выдающимися большевичками — с Надеждой Крупской и Александрой Коллонтай, Конкордией Самойловой и Клавдией Николаевой и другими славными деятельницами партии — берется и Инесса Арманд.

Достаточно сказать, что на первом Всероссийском съезде работниц и крестьянок (ноябрь 1918 года, Москва, Колонный зал Дома союзов, который еще так недавно был Благородным собранием) Инесса прочитала два доклада. Вот как вспоминает о ней участница съезда, старая коммунистка Елизавета Коган-Писманик:

«Большое место в памяти и сердце заняла Инесса Арманд. Худенькая, тихая, она зябко куталась в серый платок, покрывающий ее плечи... Волосы закручены на затылке узлом, боль-

шие проницательные и добрые глаза ее заглядывали прямо в душу. Неутомимая революционерка, она постоянно была окружена делегатками и отвечала на их многочисленные вопросы».

После Всероссийского съезда работниц и крестьянок при ЦК РКП(б) была организована Комиссия по пропаганде и агитации среди женщин. В составе комиссии — Инесса. Позднее в ЦК партии был создан отдел по работе среди женщин, а в августе 1919 года И. Арманд стала этим отделом заведовать.

На этом посту за короткий срок ей удалось сделать немало. Большое место уделено пропаганде в печати: в «Правде» и «Бедноте» появились и завоевали признание читательниц «Страницы работницы и крестьянки», заговорил во весь голос журнал «Коммунистка».

Но пропаганду словом необходимо сочетать с пропагандой делом. Таково золотое правило Инессы Арманд. И политическое воспитание трудящихся женщин надо подкреплять конкретными практическими делами. Оборудовать родильный дом или открыть в фабричном поселке общественную прачечную, устроить ясли или организовать кружок ликбеза — поверьте, товарищи, как бы ни скромны были эти начинания, они неизмеримо дороже целого каскада цветистых митинговых речей! Инесса Арманд не уставала повторять это своим помощникам — сотрудницам женотделов.

Вместе с Конкордией Самойловой Инесса продумала и ввела в практику так называемые делегатские собрания. То была удобная и емкая форма партийного влияния на массу работниц и крестьянок, первая школа общественной деятельности для миллионов тружениц.

Делегатка в красном платочке — хозяйка своей судьбы, своего Советского государства — стала одной из близких сердцу примет нашей героической революционной истории. Будем же помнить, что эта боевая работница в кумачовой косынке — младшая сестра, дочь, подруга Инессы Арманд. Ее воспитанница, ее гордость и слава.

9

Мой рассказ подходит к концу, потому что к трагическому концу подходит и сама жизнь Инессы Арманд. Но тут, нарушив последовательность повествования, я должен хотя бы несколько строк уделить одной стороне ее жизни. Без этого портрет славной большевички был бы неполным и однобоким...

Речь идет об Инессе-матери. Инесса «ушла в революцию», вступила на путь борьбы и невзгод, будучи матерью пятерых детей. Она была и осталась хорошей, любящей матерью. Стечение обстоятельств и революционная необходимость отрывали ее от ребят на месяцы и годы; преследования, тюрьмы, ссылка, государственные границы мешали ей приласкать, приголубить малышей. Все это так. Но подвергаясь опасностям, преодолевая всяческие трудности, странствуя по белу свету, Инесса Федоровна ни на миг не забывала о детях и ухитрялась их воспитывать. Не наскоками, а систематично и твердо способствовала формированию характеров, взглядов, мировоззрения.

Муж Инессы, Александр Евгеньевич, взял на себя материальные заботы — дети жили с ним. Но он всегда и всячески помогал Инессе, понимая, что отрыв от ребят есть ее величайшая личная трагедия. Он сознавал и то, что влияние матери благотворно сказывается на детях, а значит, надо укреплять это влияние. И он способствовал стремлению матери использовать малейшую возможность, чтобы повидать детей, пожить с ними вместе.

А в советские годы Инесса «воссоединилась» со своими детьми, к тому времени уже выросшими; была не только матерью, но и задушевным другом, старшим товарищем. Удивительно ли, что из пяти дочерей и сыновей четверо стали коммунистами, пошли по ее стопам.

Дочери Инессы Арманд Инна Александровна и Варвара Александровна — сами уже не только матери, но и бабушки — вспоминали в беседе с автором этих строк:

— Отец был добр, мягок, жалел и баловал ребят. Мать была строже, суровее. Ее чуть побаивались. Но любили сильно, всю жизнь перед ней преклонялись. Слово ее было для нас законом, а многочисленные письма — настоящей энциклопедией педагогики. Достаточно сказать, что мать составляла для нас списки книг, которые советовала обязательно прочитать. Приобщила нас к музыке — незабываемы те редкие вечера, когда дети, собравшись у рояля, слушали вдохновенную игру матери...

Душевно и глубоко любила Инесса детей, сознавала ответственность за их будущее, стремилась воспитать настоящих людей, борцов.

Что ж, это ей удалось.

Осень 1920 года. Усталую, доведшую себя непосильной нагрузкой до нервного истощения, Инессу друзья уговорили отдохнуть. С младшим сыном Андрюшей она едет на Кавказ. Тут и подстерегла ее безжалостная болезнь — холера. Двое суток шла борьба со смертью, но истощенный организм не выдержал. Жизнь оборвалась...

Москва торжественно и горестно хоронила славного борца революции. Владимир Ильич, Надежда Константиновна, друзья и соратники проводили ее в последний путь. У открытой могилы на Красной площади, под кремлевской стеной, прозвучал троекратный пулеметный салют. Хор работниц — любимиц Инессы, родных ей «кумачовых платочков» — проникновенно спел «Вы жертвою пали...»

Ленин и Крупская обняли осиротевших детей Инессы Арманд.

...Всего полтора десятка лет отдала Инесса Федоровна революции, партии, рабочему классу. А сделано много, очень много. Потому что каждый день, каждый час без остатка посвящала она борьбе и работе.

Потому что жизнь ее была поистине горением.

Сергей Усольцев

ОТ ТОЛСТОГО — К ЛЕНИНУ

(В. М. Величкина-Бонч-Бруевич)

> Только тогда добьется русский народ освобождения, когда поймет, что не у Толстого надо ему учиться добиваться лучшей жизни, а у того класса, значения которого не понимал Толстой и который единственно способен разрушить ненавистный Толстому старый мир,— у пролетариата.
>
> *В. И. Ленин*

В московской гимназии была она одной из самых маленьких, самых слабеньких девочек. Крокет и гигантские шаги, гимнастика, катание на лодке не доставляли Вере удовольствия. Показная «благовоспитанность», «кротость» и «томность», которые считались в так называемых «приличных семьях» совершенно необходимыми для каждой девушки, были ей не по нраву.

Живость и трепетность, которая так и светилась в серо-голубых, иронически-озорных и очень недетских ее глазах, требовала немедленного действия, энергической деятельности, а главное — самоотвержения во имя любви к подругам. С самой ранней юности появилась у нее эта, по мнению многих, странная потребность — жертвовать собою ради других, особенно ради слабых. Себя же она никогда не считала слабой, потому что верила: сила человека — в его духе, в его умении противостоять трудностям и препонам.

Отец Веры, священник Величкин, не был похож на своих коллег. В доме его никогда не устанавливался благочинный покой. У каждого из двенадцати его детей было множество друзей,

все они приходили, когда заблагорассудится, шумели, пели, острили, спорили. Бывали в доме Величкиных и революционеры. Отец делал вид, что не замечает этого. Был он вообще человеком справедливым, часто помогал своим прихожанам. И неспроста любили священника Величкина бедняки.

Вера была первой ученицей. Много читала, читала увлеченно, запоем.

Занималась четырьмя языками — английским, французским, немецким, итальянским. И освоила их блестяще. Но, пожалуй, все-таки не книга была ее призванием. Совершенно изнемогала она без общения с живыми людьми, тяготила ее «кабинетность» в любых проявлениях, угнетала замкнутость, чопорность, черствость. Ее тянуло в гущу людскую. Находили в ней что-то от мальчишки, который рвется к дальним далям, ко всему неизведанному. Была она подтянутая, стройная, коротко остриженная. Выделяла ее среди братьев и сестер какая-то особенная одухотворенность. Незаурядность этой натуры, ее щедрое обаяние, смелость и доброта, словно могучий магнит, притягивали к ней людей, заставляли довериться ей.

В 1891 году произошло в жизни Веры событие, давшее ей возможность проявить организаторские способности, открывшее выход ее недюжинной энергии. Она познакомилась с Львом Николаевичем Толстым и стала одной из лучших его помощниц в борьбе с голодом, охватившим тогда среднерусские губернии.

Вера целиком отдает себя этой работе. Она не знает усталости, не страшится непогоды, трудится самозабвенно. Общение с великим писателем и его родными, близкая дружба с дочерью Толстого Марией Львовной — все это утраивает Верины силы.

«В голодный год с Львом Толстым» — так называется яркая книга воспоминаний Веры Величкиной об этом времени. И в книге этой самые взволнованные места посвящены детям, обездоленным крестьянским сыновьям и дочерям. Проходят перед нами портреты детей умершего крестьянина Евсея, который вместе с семьей «ходил побираться по миру»,— шестнадцатилетнего Васьки, бледного, худого мальчугана с умными глазами, и семилетней Даши. «Ваську,— пишет Величкина,— любили в деревне, он остался теперь главой семьи... Говорил он всегда правду, так что на него можно было положиться... Он многое видел, многое знал, чего не знали ребята хозяйственных семей, обладал некоторым даром слова, умел многое хорошо и складно рассказывать и любил природу. Ему нередко приходилось с отцом ночевать под открытым небом, и все эти разнооб-

разные впечатления создали из него мечтательную натуру. Он очень нравился Льву Николаевичу и Марии Львовне, и они до конца нашего пребывания там интересовались его судьбой».

Вера пишет о детях крестьян с неподдельной любовью, всегда с искренним состраданием и болью и с уважением, в котором нет и тени снисходительно-барской благотворительности. Всеми силами стремится Вера рассеять туман диких предрассудков, царивших в деревне того времени. А это совсем не просто: оказывается, ее собираются изувечить и даже убить, потому что работу Толстого и его помощников по борьбе с голодом церковники объявили «деяниями антихристовыми». «Какой ужас, какой ужас,— восклицает Лев Николаевич,— до чего же они, наконец, дойдут!..»

Вера сокрушается вместе с Толстым. Вдохновляет Величкину благородство великого писателя, его искреннее стремление помочь простым людям. Но постепенно она начинает понимать, что одних только «малых дел» отнюдь не достаточно, чтобы избавить от нечеловеческих страданий забитый, истерзанный голодом и нищетою народ. И в самом деле: надолго ли хватит разутому Ваське тех сапог, что подарил ему сердобольный граф? И на сколько дней избавит от голода целую деревню мешок муки? Всплывают в памяти Величкиной споры, которые вели у них дома революционеры, приходившие к брату ее Николаю. Они говорили о революционной борьбе. Вера была в то время девочкой и понимала не все, но слова Колиных товарищей смутно помнились и сейчас зазвучали по-новому. Зазвучали не просто как слова, а как побудительный зов к раздумьям, как требование не успокаиваться на благотворительности...

Пропадает у Веры и интерес к народникам. «Чтобы свершилось то, о чем мечтают народники,— думает она,— должно совершиться чудо, а я в чудеса не верю и должна откровенно сказать, что народническая программа не имеет под собой реальной почвы... Крестьяне их не знают и не понимают...»

Вера много и упорно думает о будущем своей страны, о судьбе человека, который своим трудом создает все богатства России. Что может сделать она, Вера Величкина, для действительного улучшения жизни народа?

Эти мысли не дают ей покоя и тогда, когда едет она в Швейцарию, чтобы пополнить свои медицинские знания, которые уж наверняка нужны народу — в этом она убедилась, когда работала с Толстым.

Но Вера прекрасно понимает, что одних знаний тоже мало.

Она сближается с русскими эмигрантами, изучает революционную литературу, и раньше всего социал-демократическую. Связывается с «Фондом вольной русской прессы» в Лондоне.

«Я решительно не создана для спокойной жизни на каких-нибудь берегах Женевского озера,— говорит она друзьям.— Я сама добровольно иду на всякие тревоги и волнения и сама же горячо протестую против причиняемых мне страданий, но при малейшем облегчении их опять стремлюсь к ним...»

Страдания — они впереди. Убеждения Величкиной, ее связи становятся известны властям. Негласный надзор полиции, гласный надзор, аресты, тюрьмы. Первый арест — в 1894 году. Вера приезжает в Москву, а вернуться за границу ей уже не дают: она схвачена на вокзале. Правда, вскоре ее выпускают на волю и она тут же снова берется за опасное дело. Спустя год примыкает к социал-демократическому кружку. Участвует в работе подпольной гектографии, печатает нелегальную литературу. А весной 1896 года вместе со своим знакомым и другом Владимиром Дмитриевичем Бонч-Бруевичем, который в числе других революционеров бывал у них дома, снова отправляется в Швейцарию — они едут в качестве представителей Московского рабочего союза. Тогда же завершает Вера свое медицинское образование. 1901 год — снова Россия и снова арест, тюрьма. 1902 год — опять выезд за границу. Теперь Величкина вступает в искровскую «Заграничную лигу русской революционной социал-демократии». После II съезда примыкает к большевикам. По существу, она уже порвала с идеями «непротивления». А последующая жизнь представит ей еще немало доказательств правильности избранного пути.

Вера Михайловна участвует в издании газет «Вперед» и «Пролетарий». Переводит на русский язык книги Маркса и Энгельса. Транспортирует в Россию большевистскую литературу.

Величкина становится женой своего товарища по партии, одного из близких к Ленину большевиков — Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича. Сохранилась обширная переписка Веры Михайловны с мужем. Это своеобразная эпистолярная биография двух революционеров. Я приведу здесь лишь некоторые строки писем Веры Величкиной из тюрьмы. Все эти письма крест-накрест перечеркнуты коричневатым составом, при помощи которого жандармы пытались найти тайнопись. Почти на каждом конверте штемпель: «Просмотрено». Тюремщики — и среди них некий жандармский офицер Самойленко, который вел дело Величкиной,— всячески изощрялись, чтобы

найти в ее письмах «крамолу». Да так и не нашли. А «крамола», конечно, была! И состояла она в той неистребимой бодрости духа, в том неиссякаемом запале стойкости и мужества, которыми так и дышит каждое письмо. Вера Михайловна чувствует, что ее работа, ее смелость находит отклик в сердцах людей:

«Я никак не ожидала, что так много народу меня любят и волнуются за мою судьбу, это трогает меня до глубины души, и я всем сердцем чувствую, что совсем не заслужила такой симпатии. Передай всем им от меня самую сердечную благодарность и несколько слез, которые упали при чтении на твое письмо при воспоминании о них и о их доброте... Здесь меня тоже не забывают и не дают мне погрузиться в равнодушие и нежелание поддерживать свое существование... Вообще, я слишком чувствую теперь, что все добрее и лучше меня... У меня теперь нет абсолютно никакой тревоги за недалекое будущее...»

Даже в случаях крайней опасности она не только остается спокойной сама, но у нее хватает выдержки, чтобы успокоить товарища:

«Я арестована, не беспокойся. Я здорова и спокойна. У меня все есть. При первой возможности послано будет другое письмо».

На этом письме — штамп: «Вагон № 3». Не знала Вера Михайловна, что увезет ее этот вагон № 3 в ту самую тюрьму, где родится и умрет у нее на руках маленькая дочурка...

И снова в эти невыносимо тяжкие дни думает Вера Михайловна об избранном ею пути. Снова мысленно отвергает толстовское «непротивление злу» насилием. Что же — простить палачам убийство дочери?! Простить тысячи детских смертей — от туберкулеза, недоедания? Нет, никогда!

Некоторым утешением в страшном горе служит Вере рождение через несколько лет второй дочери — Лёли.

В письмах мужу Вера Михайловна всегда вспоминает о ней. То просит «вытащить железки из ее ботинок», то просто поцеловать маленькую Лёлю.

Величкина почти всегда в разлуке с единственной девочкой: то в тюрьме, то в эмиграции, то на фронте... Она так любит свою дочурку. Однако любвеобильное ее сердце по-прежнему отдано не одной только Лёле, но всем детям.

«...Особенно близки любящему сердцу Веры Михайловны,— говорила А. М. Коллонтай,— участь и будущее детей пролетарского класса, этих цветов земли, которых она любила с особенной нежностью, как настоящая новая мать, та мать, которая уже перешла старые границы, которая не умеет говорить, как гово-

рили прежние матери: вот это мой ребенок, и о нем все заботы, а это чужой, это ваш ребенок, и о нем мне нечего думать, о нем кто-нибудь другой, другая мать позаботится. После пятого года, в темные годы реакции, когда снова рабочий класс был загнан в подполье, Вера Михайловна не переставала говорить об одном: что надо позаботиться о детях пролетариата, что это новое поколение, которое даст нам новых работников и борцов за наши великие идеи. Ее лозунгом было: «Не забывайте детей!»»

Но в заботе Веры Михайловны о детях доминирует теперь революционный, а не благотворительный подход.

Она жадно вчитывается в появившуюся в 1908 году в газете «Пролетарий» статью Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции». Ее мысли о неправоте Толстого находят теперь строгое и точное научное воплощение.

«Противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого,— читает она,— действительно кричащие. С одной стороны, гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы. С другой стороны — помещик, юродствующий во Христе. С одной стороны, замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши,— с другой стороны, «толстовец», т. е. истасканный, истеричный хлюпик, называемый русским интеллигентом, который, публично бия себя в грудь, говорит: «я скверный, я гадкий, но я занимаюсь нравственным самоусовершенствованием; я не кушаю больше мяса и питаюсь теперь рисовыми котлетками». С одной стороны, беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления... с другой стороны,— юродивая проповедь «непротивления злу» насилием...»

Ленинская статья подводит прочный идеологический фундамент под ее собственные раздумья. Она уже давно ловит каждое слово Владимира Ильича.

Часто бывает Величкина в рабочих районах. Рабочие Выборгской стороны с большим уважением произносят ее имя. Они приглашают ее врачом в свою больницу страховой кассы.

Упорно собирает Вера Михайловна сведения о детях, опрашивает сотни подростков. Опросная карточка — это составленная ею своеобразная анкета нужды и неустроенности работающих детей.

Кроме такой опросной карточки, Вера Михайловна проводит еще и другую подробнейшую анкету — «опросный лист о сани-

тарно-гигиенических условиях детского труда в ремонтных, торгово-промышленных и фабрично-заводских предприятиях г. Петрограда».

Удивительная конкретность и даже «дотошность» вопросов анкеты продиктованы опять-таки огромной любовью Веры Михайловны к детям. Анкеты, составленные ею, не позволяют отклониться от вопроса, ответить двусмысленно или неточно.

Сотни, сотни анкет... И вот перед глазами Величкиной — широкая, полная картина бессовестной и хищной эксплуатации детского труда со стороны фабрикантов, заводчиков, крупных и мелких хозяев и хозяйчиков.

Вера Михайловна ненавидит хозяев. Гневно звучит ее голос, когда произносит она свои пропагандистские речи в защиту детей бедноты...

При Советской власти стала Вера Михайловна членом коллегии Народного комиссариата просвещения и одним из первых организаторов советского здравоохранения.

Владимир Дмитриевич был назначен управляющим делами Совнаркома.

Они жили в Кремле.

30 августа 1918 года, придя домой, Вера Михайловна узнала, что Владимир Ильич тяжело ранен. Она бегом бросилась на квартиру Владимира Ильича.

Она застала Ленина лежащим без сознания. Подоспели профессор В. М. Минц, известный врач В. А. Обух. А до их прихода действовала Вера Михайловна. Она была первым врачом, оказавшим помощь раненому Ленину.

После Октября Величкина прожила совсем недолго — меньше года. Но как много успела она сделать за этот короткий срок!

Главным в ее советской работе были дети.

Она подготовила к печати свою книгу о великом педагоге Песталоцци. «Друг детей» — так назвала она этот труд, который увидел свет уже в 1919 году, после смерти автора.

Друг детей — такое звание заслужила и сама Вера Михайловна.

Если до революции ей приходилось бороться за одно только право помогать детям (в Бегичевке, где была она с Толстым, ей грозили расправой, в Петрограде она должна была доказывать необходимость коренного улучшения детского быта), то сейчас настало время, когда можно было широко, по-государственному, в массовом масштабе развернуть это благородное дело.

В стране тяжелое положение. Голод, разруха, белогвардейские заговоры. Вера Михайловна много работает по оказанию

помощи детям. Она создает школьно-санитарный совет — коллективный орган при Наркомате просвещения. В совет входят врачи-педиатры и представители рабочих организаций.

Отдел советского наркомата — это не отгородившаяся от народа царская канцелярия. И не замкнутое благотворительное общество. Нет, это живое, оперативное, а главное, на деле народное, подлинно демократическое учреждение, готовое в любую минуту прийти на помощь любому ребенку. Именно любому, всякому, каждому. Исключений нет.

Даже когда Величкиной пытались говорить, что хлеб и одежду нужно давать только пролетарским детям, она отвечала: «Нет, тот, кто так рассуждает, сеет злые семена контрреволюции. Мы строим и будем усиленно строить бесклассовое общество, где не будет различия между людьми. И тем более не может быть отверженных детей!»

И все шире и шире привлекала она самих рабочих к охране здоровья детей.

Иногда рабочие не сразу понимали, в чем будет состоять их задача при работе в совете, чем они смогут помочь. Получив повестку с просьбой прибыть на заседание совета, рабочий Евдокимов сказал: «Что же я пойду, ведь там у вас собирается все народ ученый. Вы будете говорить о таких вещах, которые нам непонятны». Но Евдокимову объяснили, что без опоры на широкие рабочие массы, без активного содействия предприятий и организаций совет работать не сможет. Он пришел. И что же он увидел?

Среди не разобранных еще книг и бумаг за большим столом сидела маленькая женщина. Она протянула Евдокимову руку, улыбнулась ему, усадила его в кресло и без всяких предисловий прямо приступила к делу. «Есть ли молоко в вашем районе? Или, может быть, вам нужно его достать?» И не успел Евдокимов сообразить, что ответить, как услышал новый вопрос: «В каких помещениях происходят у вас школьные занятия? Есть ли у вас школьные врачи?»

Такой деловой подход, конечно же, был понятен и очень понравился рабочему. Он стал самым аккуратным и одним из активных членов совета.

Между прочим, на вопрос о школьных врачах пришлось ему ответить отрицательно — в его районе тогда еще не было ни одного школьного врача.

Вера Михайловна уделяла огромное внимание обеспечению школы медицинским обслуживанием. «Школьный врач,— говорила она,— это член школьной семьи».

Непрестанная, каждодневная забота Веры Михайловны о детях сделала ее любимицей рабочих.

Но она работала не ради хвалы. За несколько дней до смерти она пришла в Совнарком хлопотать об ассигновании пятидесяти миллионов рублей на детское питание. Закон о бесплатном питании голодающих детей был принят единогласно. На следующий день Вера Михайловна тяжело заболела, но несмотря на это не успокоилась, пока не распределила все отпущенные правительством деньги в разные детские учреждения.

30 сентября 1918 года Величкиной не стало.

Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич получил письмо от Ленина и Крупской с выражением глубокого соболезнования по поводу безвременной кончины Веры Михайловны (она умерла пятидесяти лет):

«Дорогой Владимир Дмитриевич! Только сегодня утром мне передали ужасную весть. Я не могу поехать в Москву, но хотя бы в письме хочется пожать Вам крепко, крепко руку, чтобы выразить любовь мою и всех нас к Вере Михайловне и поддержать Вас хоть немного, поскольку это может сделать человек, в Вашем ужасном горе. Заботьтесь хорошенько о здоровье дочки. Еще раз крепко, крепко жму руку.

Ваш *В. Ленин*»

«Дорогие Владимир Дмитриевич и Лелинька, не знаю, что и сказать. Берегите друг друга. Крепко, крепко жму руку. Как-то ужасно трудно верится.

Ваша Н. К. Ульянова»

Образ Веры Величкиной, женщины, принесшей на алтарь революции свой разум и сердце, всю свою жизнь, большевички, неуклонно следовавшей за Лениным, служит достойным примером для новых поколений.

Аркадий Васильев

НА БОЕВОМ ПОСТУ

(О. А. Варенцова)

> Хорош у нас, замечательно хорош тип старого большевика, воспитанного подпольем, тюрьмой, ссылкой, боями на митингах, на бесчисленных фронтах.
>
> *М. Горький*

Недавно мне довелось прочитать опубликованные журналом «Иностранная литература» записки польской писательницы, активной участницы революционного движения Хелены Бобинской. 1918 год она провела в Москве, работая в издававшейся на польском языке газете «Трибуна» и в коллегии Комиссариата по государственному призрению. Ее записки — подлинный документ героического времени. Это дневник, в который она, пользуясь каждой свободной минутой, записывала все, что видела, переживала, слышала от своих товарищей — поляков, борцов за дело Октябрьской революции в Петрограде и в Москве. В числе других записей Хелены Бобинской и запись, сделанная 31 марта 1918 года. Здесь я неожиданно для себя нашел особенно интересный мне, шуянину по рождению и ивановцу по молодым годам жизни, рассказ мужа Хелены Станислава Бобинского, участника октябрьских боев в Москве. Вот как она его записала.

«— Видишь вон тот двухэтажный дом на углу Первой Мещанской? — говорил Бобинский, обращаясь к жене, которую он привел на Сухаревскую площадь.— Там помещался наш Военно-революционный комитет Московского Совета. Сухаревский

рынок походил на военный лагерь. На углу Первой Мещанской высилась баррикада, вокруг были вырыты окопы. Дом напротив занимали юнкера и обстреливали нас оттуда из пулеметов. Надо было во что бы то ни стало выкурить их. Тогда мы решили втащить пулемет на плоскую крышу башни и оттуда вести огонь по юнкерам. К счастью, какой-то солдат (как выяснилось, артиллерист), видя, что мы делаем, воскликнул:

— Что вы?! Воробьевы горы обстреливать хотите? Поставьте его ниже!

— Сейчас это забавно,— смеется Бобинский,— но должен признаться, что именно здесь, на Сухаревке, была минута, когда я горько пожалел о том, что не служил в армии. Тогда нам очень не хватало военных специалистов. Правда, наша Ольга Афанасьевна стоит не одного спеца по военным делам».

О ком же это? Кто та женщина, военный талант и знания которой так высоко оценивали непосредственные участники событий? Может быть, новая «кавалерист-девица Надежда Дурова», подобная той, что так мужественно дралась в русской армии, воевавшей против Наполеона? Или молодая смелая большевичка, дарование которой раскрылось в горячие дни боев за Советскую власть? Нет, нет и нет. Станислав Бобинский любовно говорил о пожилой, физически слабой женщине (я знал ее уже сухонькой старушкой), моей землячке, имя которой тесно связано с историей революционного движения в родном мне текстильном крае,— Ольге Афанасьевне Варенцовой. В октябрьские дни 1917 года она была членом штаба Военно-революционного комитета Московского совета и душой событий на тех участках борьбы, где в это время находилась. Тогда ей уже исполнилось 55 лет.

Бобинский был прав. Эта глубоко штатская женщина действительно стоила «не одного спеца по военным делам». Она принимала активное участие в разработке оперативного плана восстания, инструктировала командиров отрядов, посылала в разведку, выслушивала донесения и тут же быстро принимала по ним решения. Не было ни одного отданного ею приказа, выполнение которого она бы не проверила. Авторитет Ольги Афанасьевны в революционной армии был велик. Очевидцы событий вспоминают о том, как перед нею, маленькой женщиной, вытягивались «во фронт» высокие, до зубов вооруженные «двинцы», отряд которых под командованием большевика Васильева прикомандировали к тройке Городского района (в нее входила и Варенцова), внимательно выслушивали даваемые ею задания и немедленно приступали к их выполнению.

Шла борьба за Кремль. Контрреволюционеры, укрепившиеся на кремлевских стенах, вели огонь по наступавшим отрядам красногвардейцев. И в этот тягчайший момент Ольге Афанасьевне доложили: к врагам идет подкрепление. Надо было во что бы то ни стало предотвратить возможность соединения вновь прибывающих войск с теми, кто засел в Кремле. Но как?Варенцова тут же нашла выход. Она отправилась на вокзал, подняла рабочих-железнодорожников, вооружила их.

Меры были приняты своевременно. Но тут произошло неожиданное. Когда подошел поезд, Ольга Афанасьевна увидела, что выгружаются свои. Это старый ее друг Михаил Фрунзе привел на помощь московским красногвардейцам испытанных в революционных боях иваново-вознесенцев, шуян, ярославцев и владимирцев. Прямо с вокзала по распоряжению О. А. Варенцовой часть вновь прибывших бойцов была отправлена на Красную площадь.

* * *

Ольга Афанасьевна Варенцова была от природы наделена выдающимися организаторскими способностями, сильным характером и благородным сердцем. Но все эти ее качества развились и окрепли в атмосфере борьбы за светлое будущее, которую она вела долгие годы в рядах большевистской партии.

...Все началось с юношеских лет. Ольга Варенцова выросла в религиозной семье крестьян-ткачей, разбогатевших и давших обет посвятить свою старшую дочь богу, постричь ее в монастырь. В доме отца в Иваново-Вознесенске и в доме дяди в селе Куликове Шуйского уезда, откуда и происходили Варенцовы, все было чуждо подрастающей девушке. Она видела, как живет деревня, как бьются в тисках нужды ткачи. С детства, затаив дыхание, Ольга слушала рассказы дальнего родственника, жившего в доме дяди,— деда Дементия, который знал так много страшных историй из жизни крепостных. Вспоминая о нем, Варенцова писала в своей автобиографии: «Это был первый мой воспитатель и учитель, приучивший меня делить общество на угнетенных и угнетателей... Я впоследствии много думала о том, какой превосходный пропагандист мог бы из него выйти». Дед Дементий, не помышляя о таившихся в нем возможностях, тихим голосом вел свой неторопливый рассказ, а слушавшая его девочка-подросток потом долго не могла заснуть и думала, думала...

Но что она могла тогда придумать?

В Иваново-Вознесенске Ольга прочитала произведения Не-

красова, Белинского, Добролюбова, Писарева, Чернышевского. Они ей на многое открыли глаза. Для себя она решила — жизнь только в борьбе.

Восьмой класс Ольга Варенцова заканчивала во Владимирской женской гимназии. Здесь у нее появились первые друзья. Она вошла в нелегальный ученический кружок народнического направления. Интересен портрет восьмиклассницы Варенцовой, нарисованный ее старым другом, одним из деятелей большевистского подполья, когда-то вместе с ней начинавшим свой путь во владимирском ученическом кружке, С. П. Шестерниным. В своих воспоминаниях он писал: «Варенцова любила спорить и в споре помахивала рукой, а ее прекрасные лучистые глаза светились ярким сиянием... Бледная, худая, серьезная в своем сером гимназическом платье, она была старше нас и очень начитанна».

Я знал Ольгу Афанасьевну в глубокой старости. Но в ней навсегда сохранилось что-то от той пылкой, решительной, самостоятельной юной спорщицы, о которой вспоминал С. П. Шестернин.

Во Владимире Ольга Варенцова сдружилась со своей одноклассницей, дочерью известного писателя Златовратского — Верой. Кружковцы доставали нелегальную литературу, и Ольга с Верой зачитывались народовольческими прокламациями, боготворили недавно погибших героев — Софью Перовскую, Желябова. Мечтали о том, чтобы пойти по их пути. Притаившись где-нибудь, они потихоньку вели между собой разговоры, строили планы. Вера Златовратская как-то задумчиво сказала:

— Кто знает, может быть, нас ждет тоже виселица.

Она услышала взволнованный голос Ольги:

— Я готова встать на эшафот. Без жертв нет борьбы... Ни тюрьмы, ни даже виселица не остановят меня в борьбе за освобождение народа.

И эти сказанные в юности слова прозвучали как клятва в верности тому делу, которому девушка решила посвятить свою жизнь.

Шел 1884 год. Возвращение Ольги из Владимира в Иваново-Вознесенск было безрадостным. С трудом удалось избавиться и от монастырского пострига, и от замужества, которое вместо монастыря теперь пытались навязать ее родители. Против воли родителей она уехала в Москву.

Москва. Высшие женские курсы. Студенческие кружки. Членом одного из таких народнических кружков стала и Ольга Варенцова. И сразу почувствовала неудовлетворенность. Пар-

тия «Народная воля» была разгромлена. Члены ее исполнительного комитета кто повешен, а кто сидит в Шлиссельбурге. В народническом движении все более и более брали верх сторонники теории «малых дел». Ольга принимала деятельное участие в работе кружка и в то же время чувствовала — это не ее удел. Она уже сомневалась в правильности тех путей, которыми до этого времени шли русские революционеры. Впоследствии Ольга Варенцова назовет 1884 год не только годом своего приезда в Москву, но и годом, когда она задумалась над тем, в какой мере правильно представляют себе народники будущее России.

О марксистской литературе в это время Ольга Варенцова еще не имела понятия. Но ей довелось прочитать резкую рецензию П. Лаврова на брошюру Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба». Даже в изложении Лаврова Плеханов чем-то задел девушку за живое. Она поняла: он защищает новое, и это новое идет вразрез с тем, что до сих пор утверждали народники разных толков. Сомнения еще не разрыв. И 27 апреля 1887 года Ольгу Варенцову арестовали вместе с другими участниками народнического кружка, к которому она принадлежала. Московские студенты и курсистки попали в полосу ожесточенных репрессий, начавшихся в России после неудавшегося покушения на царя Александра III.

На этот раз связи Ольги Варенцовой с народовольческой организацией жандармам доказать не удалось. Несмотря на жестокие допросы, ни одной фамилии Ольга не назвала. В этом первом своем заточении худенькая, слабенькая девушка проявила кремневый характер. Казалось, отделалась она сравнительно легко. Ее выслали по месту жительства родителей в Иваново-Вознесенск и отдали под гласный надзор полиции. Но это только казалось. Дело о народовольческом кружке продолжали расследовать, и конечный результат этого расследования для Ольги Варенцовой — шесть месяцев одиночного заключения в шуйской тюрьме.

В конце июля 1888 года она вышла на свободу. Но какова была эта свобода? За Варенцовой установили негласный надзор. 1889—1890 годы — время, когда она все более и более отходила от народничества и становилась марксисткой. Этому способствовали нараставшее в текстильном крае рабочее движение и марксистская литература. Особенно сильное впечатление на нее произвела книга Г. В. Плеханова «Наши разногласия».

Активная натура Ольги Варенцовой требовала действий. Она ищет себе сторонников и находит их в лице высланных студентов и передовых рабочих. По ее инициативе в Иваново-Возне-

сенске возникает рабочий кружок. Официальным его руководителем был бывший студент Кондратьев, фактически же работа кружка направлялась Варенцовой. Сама она вела женский кружок, считая, что в этом случае меньше будет на примете.

В 1894 году в Иваново-Вознесенск приехал товарищ гимназических лет Варенцовой Шестернин. Он был назначен в этот город судьей. Состоялась встреча. Оказалось, что Варенцова и Шестернин единомышленники. От него она узнала о петербургских марксистах, услышала имя Владимира Ильича Ульянова. Через Шестернина в руки иваново-вознесенских марксистов попала и его брошюра «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах». Это была первая ленинская работа, которую прочитала Варенцова.

В мае 1895 года разросшийся иваново-вознесенский марксистский кружок преобразовали в Иваново-Вознесенский рабочий союз.

Он имел свое руководящее ядро. Его состав — О. Варенцова, Ф. Кондратьев, Н. Кудряшов, М. Багаев, А. Евдокимов и др. Нужно было выработать программу рабочего союза. Кондратьев и Евдокимов составили документ, который назывался «Практическое обоснование рабочего движения, выработанное согласно с условиями данного момента». Этот документ явился программой рабочего союза.

Члены союза собрались в лесу. Ф. Кондратьев читал четко, перечисляя требования рабочего союза к правительству:

«1. Признание законом рабочих союзов, касс, библиотек, без контроля правительственных чиновников.

2. Дозволение рабочим совещаться о своих делах и бороться с фабрикантами путем стачек.

3. Неприкосновенность (без суда) личности рабочего и всякого члена государства.

4. Установление законом восьмичасового рабочего дня.

5. Полнейшая свобода печати.

6. Контроль над фабричными работами».

Еще в начале своей речи Ф. Кондратьев так сформулировал конечную цель деятельности союза: «Отнять накопленный труд из рук частных лиц и сделать его собственностью общества, выработать способ пользования этим сокровищем». Но вот он дошел до того пункта устава, в котором объяснялось, каким же путем рабочие придут к преобразованию жизни, как они станут хозяевами своего труда и обладателями всех богатств, добытых руками человеческими. И собрание сразу заволновалось.

Кондратьев дочитал до конца фразу, которая вызвала резкий отпор со стороны О. Варенцовой, М. Багаева и некоторых других товарищей: «Когда рабочие добьются исполнения своих требований, то дело объединения пойдет еще быстрее, и скоро они достигнут такой силы, для которой изменить существующий строй на началах братского труда будет возможно без *пролития крови*».

«Ах вот как! Преобразовать Россию без пролития крови! Ишь что надумали! Победы хотят добиться без политической борьбы с самодержавием»,— пронеслось в голове Ольги Афанасьевны. Она немедленно взяла слово и заговорила горячо, гневно: «Как можно заставить царское правительство без жестокой политической борьбы с ним признать свободу слова и печати, свободу рабочих союзов, как это можно сделать без насильственного свержения самодержавного строя в России?»

Схватка, происшедшая на этом собрании, стала началом острой борьбы, которая развернулась в руководстве Иваново-Вознесенского рабочего союза между будущими сторонниками «экономизма» и революционным его крылом, возглавляемым Ольгой Афанасьевной Варенцовой. Ближайшее будущее показало, что правы были те, кто отстаивал необходимость неустанной политической борьбы с царизмом, без которой рабочий класс не мог победить.

В иваново-вознесенской стачке 1895 года принимало участие 2000 рабочих. Рабочие — члены союза выступали перед бастующими с зажигательными речами. Варенцова и Шестернин по конспиративным соображениям не обнаруживали своей близости к событиям, но они тщательно подбирали материалы о стачке. Собранные ими материалы сыграли важную роль. Шестернин переправил их в Петербург, а Владимир Ильич Ульянов обработал и опубликовал за границей. Так Ольга Варенцова внесла свою скромную лепту в ленинский труд.

Иваново-Вознесенский рабочий союз подвергался разгрому дважды — в 1896 и 1897 годах. После арестов 1896 года Ольга Афанасьевна Варенцова уцелела. Однако в 1897 году она была также арестована. Более полугода шло следствие. Варенцова была сослана в глухой городок Уфимской губернии Бирск, тихий, полумертвый, изолированный от жизни промышленных центров, но связь Ольги Афанасьевны с революционным движением не прерывалась. После окончания ссылки она приехала в Уфу, хотя ей и запрещено было жить в двадцати двух губерниях, в том числе и в Уфимской.

В Уфе в это время отбывала последний год своей ссылки

Надежда Константиновна Крупская. Проездом из Сибири побывал в Уфе в феврале 1900 года и В. И. Ленин. О. А. Варенцова узнала о предстоящем приезде Владимира Ильича. Она хорошо помнила рассказы о нем Шестернина, уже знала его работу о штрафах. Решила: встретиться надо обязательно. Но как обойти «запрет» проживания в Уфе? И вот начались ее скитания. С квартиры на квартиру, с квартиры на квартиру. На одной и той же квартире было рискованно ночевать дважды. За Варенцовой следили. Однажды жандармы, узнавшие о том, что она так и не выехала еще из Уфы, где имела право остановиться только проездом, вызвали ее и учинили строгий допрос: «На каком основании вы пребываете в Уфе?» Пришлось отговариваться отсутствием денег на дорогу. Отговорка не подействовала, и последовало строгое распоряжение: немедленно оставить город. Делать было нечего, пришлось пообещать уехать. Но уезжать Варенцова и не собиралась. Она стала еще более осторожной, почти не показывалась на улицах и все-таки дождалась Владимира Ильича.

Совещание социал-демократов, живших в это время в Уфе, состоялось на квартире старого народовольца Аптекмана. Собрались все. Пришла и Ольга Афанасьевна Варенцова. Она слушала речь Ленина и думала: как ясно он отвечает на волновавшие ее вопросы об объединении разрозненных, разбросанных по всей России кружков, о путях, которыми пойдет развитие русского социал-демократического движения. «Речь В. И. Ленина,— писала Варенцова впоследствии,— произвела на меня глубокое впечатление и определила мое политическое направление. Я присоединилась к организации «Искра»».

Но в тот день, когда Ольга Афанасьевна слушала эту речь, «Искры» еще не существовало. Владимир Ильич только излагал перед уфимцами план будущей газеты, которую собирался издавать за границей, развивал перед ними перспективы, яркими мазками рисовал ближайшее будущее, рассказывая о том, какую роль объединителя социал-демократического движения она должна будет сыграть. И Варенцова присоединилась к Ленину. Она стала его сторонницей навсегда.

Ольга Афанасьевна поселилась в Боброве Воронежской губернии. Здесь жил и Шестернин. Она рассказала ему о встрече с Владимиром Ильичем, о знакомстве с Надеждой Константиновной, познакомила с планом издания «Искры». Вместе с Шестерниным Варенцова готовила большое дело — объединение социал-демократических организаций ряда северных рабочих городов. Эту идею поддержал Ленин. Но в течение всего 1900 года

Ольга Афанасьевна не могла выехать за пределы Воронежской губернии. «В январе 1901 года,— пишет она в своих воспоминаниях,— кончился срок моих ограничений, я решила поехать на север осуществить план создания Северного рабочего союза, а предварительно заехать в Уфу для получения первого номера «Искры» и адресов для переписки с редакцией «Искры» от Н. К. Крупской». С Надеждой Константиновной Ольга Афанасьевна встретилась, не доехав до Уфы, в Москве, через Н. Э. Баумана. Но за «Искрой» надо было ехать все-таки в Уфу, к оставшимся там товарищам. И вот снова в путь, снова трудности, неожиданные препятствия. «К великому моему сожалению,— писала впоследствии Варенцова,— номер «Искры» не был получен... Но меня утешали, что газета не сегодня, так завтра должна быть получена. Я решила ждать». И дождалась. Получила газету. Отправилась в обратный путь. Теперь уже на север, в родной Иваново-Вознесенск. Оттуда в Ярославль, где и обосновался центр Северного рабочего союза. Владимир Ильич Ленин конспиративно в переписке называл эту организацию Семеном Семеновичем, внимательно следил за ее деятельностью. Он требовал, чтобы товарищи на местах связали «нас (т. е. заграничный партийный центр.— *А. В.*) *крепче* с Семеном Семеновичем и Семена Семеновича с нами».

О. А. Варенцова стала душой «Северного рабочего союза». Можно было только удивляться ее неутомимости, организованности, оперативности. Она успевала все. Вот она выступает перед членами одной из организаций союза, рассказывает им о значении «Искры», вот дает указания по работе подпольной типографии, а вот уже сидит за столом и быстро, быстро пишет прокламации, которые завтра же будут распространены среди рабочих.

А какой бодростью, уверенностью в грядущей победе веяло от тех прокламаций, что выпускал Северный рабочий союз! Обычной концовкой их было: «Долой самодержавие! Да здравствует социальная революция!».

Работа Северного рабочего союза развернулась так широко, что она не могла не встревожить жандармов. За искоренение крамолы взялись не только в Ярославле, Иваново-Вознесенске, Костроме, но и московские жандармы. Они подослали матерого провокатора Меньщикова. Он появился сначала в Воронеже, затем в Ярославле. Варенцова вспоминала о том, что он сразу не понравился товарищам из руководящего ядра союза, за ним «решили наблюдать», но «не успели еще как следует проверить своих впечатлений, как очутились за решеткой». За несколько

дней апреля 1902 года были проведены аресты в Воронеже, Иваново-Вознесенске, Владимире, Костроме и Ярославле. Шел разгром Северного рабочего союза. В числе арестованных в Ярославле была и Ольга Афанасьевна Варенцова. Это о ней доносил по начальству Меньщиков: «...заядлая социал-демократка искровского толка. Много поработала в Иваново-Вознесенске, жила в Уфе... Переселившись в Ярославль и вступив в местный социал-демократический комитет, она явилась агентом «Северного союза», участвуя на съездах деятелей оного, а равно в выработке программы и устава его. Лично ведет постоянную пропаганду среди рабочих... Занималась сама и гектографированием и разбрасыванием преступных воззваний... Варенцова корреспондирует в «Искру»...».

Провокатор, подосланный московскими жандармами, оказался хорошо осведомленным о деятельности О. А. Варенцовой и других руководителей Северного рабочего союза. Как особо важную преступницу, Ольгу Афанасьевну препроводили в Москву, в Бутырскую тюрьму. Сидела Варенцова в Бутырках в очень тяжелых условиях, но ничто не могло сломить мужественную искровку. Впоследствии о ней вспоминала Людмила Сталь, познакомившаяся с Ольгой Афанасьевной в тюрьме. «В нижнем этаже полицейской башни, в которую нас посадили, в самой скверной и темной камере сидела Ольга Афанасьевна Варенцова... Мы сразу полюбили Ольгу Афанасьевну и окружили своей заботой, несмотря на все ее неоднократные протесты и заявления, что ей «ничего не нужно»... Первым долгом мы добились того, что она была переведена в верхний этаж, где камеры были теплее и суше...

Когда мы сидели вместе в Бутырках, Ольга Афанасьевна любила рассказывать о своем Иваново-Вознесенске, об ивановских рабочих. Ее не оставляла забота о том, что в Иваново-Вознесенске мало интеллигентных партийных работников. Она взяла и с меня слово, что, как только я буду свободна, поеду туда работать».

И в Бутырках Варенцова вела себя, как всегда и везде. Удивительная деликатность по отношению к товарищам, полное отрешение от собственных интересов, поглощенность заботой о делах организации.

Во время II съезда партии Ольга Афанасьевна еще сидела в тюрьме и ждала приговора по своему делу. Но как счастлива она была, когда узнала, что делегаты «Северного рабочего союза» в сложной обстановке съезда пошли за Лениным, стали на позиции «большинства». Ведь в их «искровской» твердости была немалая доля и ее труда.

* * *

В разгар революции 1905 года Ольга Афанасьевна Варенцова приехала в Москву и сразу очутилась в гуще событий. Она работала с Бауманом. Была организатором Егорьевского района. Осенью Варенцова уже в Петербурге, и здесь ее ждет новая, совсем непривычная, «не женская» работа.

Большевики вели огромную агитационную и пропагандистскую работу в войсках. Особенных успехов эта работа достигла в Петербурге. Здесь, при Петербургском комитете большевиков, была образована Военка — Военная организация. Туда и была направлена Ольга Афанасьевна Варенцова.

Ярославский, Варенцова, Землячка! Как много сделали они для пропаганды идей большевизма в петербургских военных частях! Создавались кружки, вырабатывались требования, которые предъявлялись солдатами. В росте политического сознания солдатской массы В. И. Ленин видел доказательство того, «что армия рабская превращается в армию революционную».

Вспоминая обстановку, в которой она начала работу в армии в 1905 году, Ольга Афанасьевна впоследствии писала: «Волнения в армии и флоте вспыхивают стихийно в 1905 году. Оставаясь разрозненными, несогласованными с общепролетарскими выступлениями, протекая без твердого руководства, они терпели поражение...»

Большевики, и в их числе Варенцова, делали все возможное, чтобы внести в стихийные возмущения начала сознательности, и чем бóльшим опытом они обогащались, тем в большей степени им это удавалось. Напряженная, повседневная, опасная работа не пропадала даром. Не случайно, что в октябрьские дни 1917 года в Москве талантливыми руководителями воинских операций наряду с мужчинами показали себя и женщины-большевички — Землячка и Варенцова.

После поражения Московского вооруженного восстания Ольга Афанасьевна снова в родном Иваново-Вознесенске. Летом 1906 года она секретарь партийного комитета Городского района. Влияние большевиков охватывало все более широкие слои рабочих не только Иваново-Вознесенска, но и Шуи, Кохмы, Тейкова и других рабочих городков и поселков. Ряды партии росли. Варенцова возглавила партийную работу всего иваново-вознесенского участка текстильного края. Теперь ее знали под конспиративным именем Екатерина Николаевна. На этой работе она встретилась с Михаилом Васильевичем Фрунзе.

Ольга Афанасьевна Варенцова руководила партийной конференцией, выбиравшей делегатов на V (Лондонский) съезд

партии. Напутствуя перед отъездом избранных делегатов, она предостерегала их: «Будьте, товарищи, в дороге осмотрительными, как никогда. Провал одного из вас означает потерю большевистского голоса на съезде. Теперь вы себе не принадлежите, помните об этом на всем пути».

Весной 1907 года в Иваново-Вознесенске и окрестностях готовилось массовое выступление рабочих, так называемая областная стачка. В стачечный комитет вошли опытные партийные работники: О. А. Варенцова (Екатерина Николаевна), М. Михеев (Константин) и Ц. С. Зеликсон-Бобровская (Ольга Петровна). Ольга Афанасьевна принимала участие в выработке требований, которые от имени рабочих должны были быть предъявлены предпринимателям.

На этот раз Варенцова продержалась на воле до января 1908 года. Затем она была арестована и отправлена — уже во второй раз — в вологодскую ссылку. И здесь налаживает связи с товарищами в разных городах, переписывается с заграничным центром, неустанно борется с меньшевиками, пропагандирует большевизм среди молодежи. Она была неугомонной, эта маленькая женщина, обладавшая таким сильным характером, какой не часто встретишь.

Вырвавшись на свободу, Варенцова вновь на посту. Она принимает активное участие в подготовке совещания социал-демократических организаций Иваново-Вознесенска, Ярославля, Владимира, Костромы. Ей было поручено провести кустовую конференцию Иваново-Кинешемского района, приуроченную ко времени осенней ярмарки. Через сложную цепь паролей и незримых для непосвященных встреч пробирались к месту конференции ее участники, и среди них маленькая незаметная «старушка». Старушка как старушка, таких богомолок много ходило по Руси. Так она достигла села Владычное, у Кинешмы, на противоположном от города берегу Волги. Здесь в доме Федора Смирнова должна была состояться конференция. И вдруг дальше все пошло необычно, и прежде всего необычно для богомолки повела себя «старушка». Да и застольный разговор тоже шел необычно. Всем хороводила «богомолка». У нее просили слова, уважительно называли Екатериной Николаевной. А потом «старушка» встала и заговорила сама. Да как! Она намечала планы действий, разъясняла, как нужно вести себя большевикам в новых условиях. «Богомолка» была не кем иным, как Ольгой Афанасьевной Варенцовой.

Конференцию предал провокатор. Налетели жандармы, всех арестовали. Снова в тюрьме очутилась и Ольга Афанасьевна. Но,

освободившись из тюрьмы, Варенцова тут же снова включилась в партийную жизнь, и так до Великого Октября, в торжестве которого она принимала активное участие.

И уже в условиях победы революции и установления Советской власти как много сделала Ольга Афанасьевна для своих земляков на посту секретаря губкома партии.

Варенцова к этому времени была уже ветераном. Ей близилось шестьдесят. А могло показаться, что она совсем молода, это чувствовалось по темпераменту, по тому, как горячо она относилась к жизни. Чего только не добивалась старая большевичка: и отгрузки хлеба из Туркестана в голодающий Иваново-Вознесенск, и мобилизации всех сил для фронта! А какое большое значение она придавала политической работе с массами, особенно среди женщин! 25 сентября 1919 года Варенцова выступила на губернской партийной конференции с горячей речью. Она призывала работниц и крестьянок крепить тыл и помогать фронту. Под руководством Ольги Афанасьевны прошла и первая иваново-вознесенская женская конференция. В ее работе участвовали 450 делегаток.

Варенцова провожала на фронт гражданской войны отряд за отрядом. Провожала она и девушек и женщин. С каждой беседовала тепло и задушевно, выражала готовность помочь остающимся родным. «Знаю, трудно станет матери без тебя...— говорила она одной из уезжавших.— Но ты скажи ей, что в случае пусть приходит... прямо ко мне, найдем возможность помочь».

...Долгую жизнь прожила Ольга Афанасьевна Варенцова. До последних своих дней была она деятельна, хотя уже давно болела и силы ее иссякали. Она трудилась в Истпарте при ЦК ВКП(б), в Институте Маркса — Энгельса — Ленина. А капитальный ее труд «Северный рабочий союз», посвященный той организации, которую она создавала и пестовала,— значительный вклад в историко-революционную литературу.

Виктор Иоэльс

АГЕНТ ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ

(Геся Гельфман)

Нам выпало счастье — все лучшие силы
В борьбе за свободу всецело отдать...

В. Фигнер

По реке к озеру плывет лодка. Река неширокая, но полноводная и быстрая. Берега низкие, заросшие кустарником. Кругом пусто: ни людей, ни пароходов, ни плотов. В лодке двое. Бородатый лодочник и молодая женщина в поношенном пальто и платке. Город давно остался позади, а пассажирка все оглядывается, будто ждет чего-то. Лодочнику очень хочется узнать, зачем эта нездешняя барышня плывет на Ильмень. В Новгород ходят пароходы, а озеро здесь неинтересное, по берегам болота да осока. Даже на лодке подойти и то трудно. Но барышня молчит, а спрашивать неохота. Утром она подошла к пристани, не торгуясь согласилась на его цену, сходила за узелком, помахала кому-то на берегу, и поплыли. А куда плывут, зачем... Так всю дорогу и промолчали. Когда спустились до устья, барышня спросила, нельзя ли дойти до самого Новгорода. Нет, в Новгород он не поедет. «Вон рыбаки, они часто туда рыбу возят, может и вас доставят». Так и расстались.

Черные рыбачьи лодки стояли недалеко от устья. Девушка перебралась в одну из них, села на скамью и притихла. Начало смеркаться. Рыбаки подняли большой прямой, как в сказке про

Садко, парус и поплыли. Она сидела в сторонке, тихая и маленькая, и о ней в работе забыли. Только самый старший из рыбаков посмотрел на нее, съежившуюся, продрогшую, и накинул на плечи ей свой теплый кафтан. Скоро скрылись из виду берега, ровный ветер гнал лодку на запад, рулевой изредка поглядывал на звезды. Впереди, за озером, Новгород, Петербург, позади Старая Русса, Киев. Между Старой Руссой и Киевом — годы тюрьмы...

Геся помнила себя лет с трех. С тех пор, как в доме появилась мачеха. Жили в Мозыре. Кругом леса, болота. Жили не бедно, но скучно, замкнуто. Мачеха не любила Гесю. Отец любил только мачеху. В доме старого Гельфмана чтили бога и сурово выполняли все его предписания. К девяти годам Геся уже умела читать по-еврейски и по-польски. Но читать было нечего. Толстые книги отца неинтересные, а растрепанную книжку сказок все пять дочерей Гельфмана давно знали наизусть. Зато когда приходили гости, Геся тут же приставала с расспросами: кто, зачем, откуда. Говорила она бойко, со всеми шутила. Мачеха обрывала ее, жаловалась отцу. Гесю наказывали. Постепенно она перестала задавать вопросы, сделалась угрюмой и замкнутой. Помогала по хозяйству, а когда была свободной, садилась в сторонку и молчала. Никто не обращал на нее внимания: так всем было спокойнее.

Когда Гесе исполнилось 15 лет, отца пригласили в Бердичев на свадьбу к родственнику. Жена ехать отказалась, четыре дочки остались с нею, а Геся с отцом отправились в Бердичев. Ехали на почтовых, с остановками. Лошадей на станциях давали не сразу: небогатый старый еврей с девочкой — не бог весть какой важный путешественник. А Гесе все было интересно: и города, через которые проезжали, и большие реки, и железная дорога, и разные новые люди. Одно было плохо: кругом говорили по-русски, а она знала только несколько слов. Так всю дорогу и промолчала.

Приехали в Бердичев за день до свадьбы. В Мозыре Геся ни с кем не дружила, ни с кем не встречалась, а тут среди гостей сразу столько ровесников, и все добрые, ласковые, веселые. Много знают, читают книги, газеты, говорят о спектаклях заезжего театра. Геся только слушала и завидовала. После свадьбы отец уехал по делам, а девочку оставил погостить. Прошел месяц. На правах гостьи она целыми днями ничего не делала, только книжки читала. После долгих уговоров двоюродный брат взялся учить Гесю читать по-русски. Выучилась она быстро. Книг и газет стало сразу для нее очень много.

Из Киева в Бердичев приехала портниха. Она сдружилась с Гесей, и девочка, чтобы не быть родственникам в тягость, начала помогать ей в работе. Понемногу училась шить. Отец оставил ее только на месяц, прошло уже четыре, но ехать домой не хотелось; и Геся писала отцу, просила разрешить «еще немножко» пожить в Бердичеве. Отец нехотя позволил. Но вот пришло письмо: Геся должна немедленно ехать домой. Вскоре нашлись и попутчики.

Снова дорога, почтовые кибитки, станции и Мозырь. Местечко после города. Дороги показались еще темнее и глуше. В доме все по-прежнему, сестры подросли и стали совсем чужими. С первого дня Геся почувствовала что-то неладное. О чем-то шептались сестренки, отец с мачехой замолкали, когда она входила в комнату. Старуха-кухарка с жалостью поглядывала на нее. Наконец, случилось. За ужином отец объявил, что выдает Гесю замуж. Сначала девочка растерялась, потом сказала, что ей замуж еще рано, и ведь она никогда не видела жениха. Отец и слушать не стал. Через месяц свадьба, все! Когда до свадьбы оставалась неделя, Геся решила бежать из родного дома. Но куда? В Бердичев? Родственники, у которых она гостила, не станут из-за нее ссориться с отцом. Лучше в Киев. Там живет ее новая подруга, та самая портниха, которая учила Гесю шить.

Ночью, накануне свадьбы, Геся Гельфман выбралась через окно на улицу, подхватила свой узелок и побежала в лес.

Лесом прошла десять верст до почтовой станции. Было страшно, так страшно, как никогда уже потом не было. Но она дошла. Четыре дня пробыла Геся в пути, прежде чем попала в Киев.

Киев поразил юную девушку. Много народу, большие красивые дома, золотые купола церквей, театр, невиданные экипажи, роскошные магазины, книжные лавки.

С трудом нашла Геся свою знакомую. Та заахала, впустила в дом, накормила, уложила спать. На следующий день договорились: Геся будет работать швеей в ее мастерской. Она сняла комнату на Большой Васильковской.

Получив в мастерской первое жалованье, Геся пошла в город. Зашла в книжную лавку. Столько книг сразу никогда не видела. Стоит посреди лавки, а что купить, не знает. Приказчик из-за прилавка смотрит на нее. Две барышни, красивые, нарядные, тоже смотрят. Геся растерялась, покраснела, хотела убежать. Барышни остановили, стали книжки показывать. Геся успокоилась. Разговорились, вышли из магазина вместе и долго

гуляли по Киеву. Барышни учились на акушерских курсах. Расставаясь, условились встретиться в следующее воскресенье...

Сейчас, в лодке, она вспоминает все это и думает, что было бы, если бы не зашла тогда в книжную лавку? Как сложилась бы ее жизнь? Нет, все равно все было бы так же или почти так же...

Киев 1871 года был одним из центров русского нигилизма и народничества. Сюда шли нити многих заговоров, здесь встречались, знакомились, готовились к борьбе лучшие люди России. Только что реакция расправилась с Парижской коммуной. Впечатление от героической борьбы парижских коммунаров было огромным. В одной революционной прокламации того времени писали:

«Начавшаяся в Париже революция распространится повсюду и, таким образом, проникнет в Россию. Все честные люди должны откликнуться погибающему Парижу и возобновить начатое им дело революции».

Знакомства в семнадцать лет завязываются быстро. Не прошло и года, а в комнате у Геси всегда народ: то вечеринка, то просто так пришли студенты и курсистки посидеть, поговорить. Почти все ее деньги уходят на друзей; во всех воспоминаниях о Гесе Гельфман говорится, что она была очень доброй, замечательным товарищем и не умела жить для себя.

Днем Геся работала в мастерской, а вечером готовилась к поступлению на акушерские курсы. Студенты и курсистки, бывавшие у нее, помогали девушке заниматься. Был создан кружок самообразования. Занятия в этом кружке вел студент-медик Николай Колодкевич.

Геся Гельфман поступила на акушерские курсы. Теперь днем она училась, а вечерами шила, зарабатывала.

Прочитав «Что делать» Чернышевского, Геся решила создать артель девушек-портных, по примеру героини этого романа Веры Павловны. Сначала дело у нее не клеилось, потому что мало кто верил в успех предприятия, потом все-таки как будто наладилось, но в канцелярии градоначальника не дали разрешения. Только упорство и настойчивость Геси помогли осуществить мечту. Она в конце концов добилась своего. Артель заработала. Девушки-швеи стали получать больше денег, чем в других мастерских, работали веселей и спокойней.

Друзья Геси видели, как развивается девушка, как она превращается в общественного деятеля-борца. Николай Колодкевич, очень друживший с Гесей, постепенно знакомил ее с более радикальными идеями, чем организация артелей. Участник киевского кружка «чайковцев», Николай в 23 года был уже закаленным

борцом, жил на нелегальном положении, разыскивался полицией. Он и его товарищи вели революционную пропаганду среди киевских рабочих, организовывали кружки, распространяли литературу, устраивали сходки, на которых бывало по нескольку сот человек. Постепенно вовлекалась в эту работу и Геся: хранила и передавала нелегальную литературу, посещала занятия рабочих кружков.

Как-то Николай рассказал Гесе о том, что в Киев приехали курсистки, учившиеся в Цюрихе, интересные девушки, самоотверженные. Геся познакомилась с ними и была очарована их умом, образованностью, благородством. Там, в Швейцарии, куда они приехали учиться, эти девушки организовали кружок, в котором готовились к предстоящей борьбе за права своего народа.

Возвратившись на родину, разъехались по стране, создавая организации на местах. В Киеве работали Хоржевская, Туманова, Молодецкая, Воронкова...

Геся с радостью согласилась помогать Хоржевской и ее подругам. В ее доме собирались руководители организации, у нее хранилась литература, на ее адрес приходили письма, деньги. К ней заезжали люди. Она готовила обед, не зная, кто будет его есть, стелила постель, не зная, кто будет на ней спать. С этого времени Геся Гельфман перестала принадлежать себе. Она стала революционеркой.

Ее квартира на Большой Васильковской стала центром организации. Часть товарищей разъехались по стране, была начата работа на фабриках Москвы, на заводах Тулы, среди ткачей Иваново-Вознесенска. Народники считали: фабричные рабочие более развиты, более восприимчивы к революционной пропаганде, чем крестьяне. Они не порывают связи с деревней и поэтому могут служить проводниками народнических идей.

Весной 1875 года Геся с Хоржевской вели пропагандистскую работу на сахарном заводе. Они познакомились там с рабочим Василием Ковалевым. Молодой парень привязался к новым знакомым, стал часто бывать на квартире у Геси; было решено вовлечь его в работу и отправить вместе с другими товарищами для пропаганды в Тулу. Получив фальшивый паспорт и деньги, Ковалев отправился в путь. В Туле он явился к полицмейстеру и рассказал ему об обществе все, что знал. Указал явки, адреса и фамилии. В Киеве на Большой Васильковской был произведен обыск, который, правда, ничего не дал, но хозяйка дома показала, что у ее постоялицы бывает много разных людей, кто-то приезжает издалека, кто-то ночует. А Геся ничего не знала о надвигавшейся беде.

Окончив акушерские курсы, летом 1875 года она, как тогда говорила, села на землю, «пошла» в народ. Геся Гельфман нанялась поденно работать на полевых работах в угодье Киево-Печерского монастыря. Девушка пыталась вести агитацию среди крестьян, в то же самое время не порывая революционных связей и в городе.

Гесю арестовали в поле во время работы. Она не смогла установить сигнала опасности у себя на окне. В ее городской квартире была устроена засада, жандармы перехватили письма, деньги, арестовали нескольких товарищей. На допросах Геся сначала отмалчивалась, потом говорила, что познакомилась с какой-то барыней в Ботаническом саду, и барыня попросила ее получать эти письма. Гесю посадили в одиночку, устроили очную ставку с Ковалевым и отправили в Петербург.

По стране шли аресты. Организация была разгромлена, но не подавлена. Народники готовились к процессу.

Их судили в Петербурге. Их было пятьдесят. Так и назвали потом этот процесс — «процессом 50-ти». Когда этих девушек — молодых, красивых, смелых — ввели в зал и рассадили по местам, Геся почувствовала гордость и радость: ее судят вместе с ними, значит, и она хоть чем-то похожа на этих прекрасных женщин, все отдающих народу. Следствие так и не смогло ни до чего толком дознаться, и главной уликой на процессе была передача обвиняемыми друг другу запрещенной литературы.

В первые дни в зале суда было много народу. Подпольная типография напечатала фальшивые билеты и распространила их среди студентов. Вместе со студентами из Цюриха, среди которых было немало девушек, вышедших из самых аристократических семей России, судились рабочие: Петр Алексеев, Филат Егоров, Семен Агапов. Последние слова обвиняемых потрясли всю Россию. Софья Бардина, одна из основательниц общества, произнесла замечательную речь. Она говорила спокойно. В словах ее звучала твердая убежденность в своей правоте и злая ирония. Одетый в белую крестьянскую рубашку, подпоясанный ремешком, высокий и худощавый ткач Петр Алексеев начал свою речь вяло. Но постепенно его голос окреп и к концу речи звучал так, что в зале звенели стекла. Он говорил о жизни крестьян, о труде рабочих, об их безысходной судьбе и темноте. Обращаясь к судьям, Петр Алексеев сказал: «Русскому рабочему народу остается только надеяться самим на себя и не от кого ожидать помощи, кроме от одной нашей интеллигентной молодежи... Она одна братски протянула нам руку».

Приговор был суровый: Петр Алексеев, Софья Бардина, Филат Егоров на долгие годы отправлялись на каторгу. Никто из осужденных не просил снисхождения или помилования.

Геся была приговорена к двум годам работного дома. Ее поместили в Литовский замок. Она попала в камеру, где находились воровки, проститутки, сводницы и нищенки. Ей приходилось очень тяжко.

Так продолжалось почти год.

Однажды тюрьму посетили дамы из благотворительного комитета. Обходя камеры, они зашли к подругам Геси по «процессу 50-ти», и первой просьбой заключенных было помочь их товарищу, попавшему в беду. Наконец-то ее перевели к друзьям. Теперь соседкой по камере была тихая, застенчивая девушка Аня Топоркова, осужденная одновременно с нею, но на четыре года. Каждый день с утра до ночи девушки вышивали на больших пяльцах ковры для старшей надзирательницы, потом шили солдатское белье для участников балканского похода.

Участницы «процесса 50-ти» и в заключении не складывали оружия. Уходя в ссылку, ожидая этапа на каторгу, они разрабатывали планы дальнейшей борьбы, условливались о паролях, шифрах и явках, внимательно следили за борьбой своих товарищей на воле.

Еще год провела Геся Гельфман в тюрьме, многое узнала, многому научилась и вышла на свободу сложившимся, стойким революционером.

Свобода ее была относительной. 14 марта 1879 года Гесю после двухлетнего пребывания в Литовском замке отправили под гласный надзор полиции в город Старая Русса, определив ей шестирублевое пособие от казны.

К месту ссылки Геся шла по этапу. От своих друзей она получила адрес одной из обитательниц Старой Руссы, которая сочувствовала революционному движению. Эта женщина и помогла ей достать новый паспорт и бежать...

Серая волна качала лодку. Геся сидела на лавке, закутавшись в кафтан. И вдруг впереди на горизонте прямо из воды показались маковки Юрьева монастыря. Еще немного, и весь он, как сказочный витязь, встал из воды. Вошли в Волхов. И снова, как в сказке, на фоне серого рассветного неба поднялись золоченые башни кремля. Рыбаки, столько раз бывавшие в Новгороде, и те залюбовались чудесным зрелищем.

Через день Геся была в Петербурге. Нашла Колодкевича. Николай очень обрадовался ей, устроил на квартиру к знакомым студенткам. Сначала Геся хотела отдохнуть, полечиться, похо-

дить по городу, в котором она прожила три года и которого так и не видела, но ее сразу же захватила работа. Партия «Народная воля» готовила покушение на генерал-губернатора Гурко. Нужны были люди...

Организация покушения была возложена на Квятковского. Студент Технологического института Гриневицкий, по кличке Котик, должен был убить генерала.

Геся следила, где бывает Гурко. Она ходила на Мойку, где жил в своем дворце генерал-губернатор, одна или с кем-нибудь, часто попадала в пару с Котиком. Они прохаживались около дворца, ждали часами. Вот у ворот остановилась коляска. Около нее два конных казака, с другой стороны стоит шпик — «гороховое пальто»; надо быстро найти извозчика, сесть в пролетку и ехать следом. И так каждый день. Временно Геся поселилась у Розы Личкус, родственницы Сергея Кравчинского, того, что год назад убил шефа жандармов Мезенцева; сейчас Сергей в Женеве.

Исполнительный комитет решил — Геся Гельфман будет хозяйкой конспиративной квартиры. Квартиру сняли на Гороховой улице. Владимир Иохельсон поселился вместе с Гесей. Вместе пошли на рынок, купили мебель, кое-какие вещи достали у знакомых. В квартире было три комнаты, скромно, но прилично обставленные. Для дворников и полиции он — отставной чиновник, она — его гражданская жена. Утром Владимир уходил как бы на службу, в частную контору, возвращался поздно, всегда что-нибудь принося с собой: бумагу для типографии, химикаты для динамитной мастерской. Геся целыми днями работала. Ездила по кружкам, развозила литературу, следила за губернатором, доставала деньги, отвозила письма; кто бы ни обратился к ней, она всегда была готова помочь, оказать услугу, снабдить деньгами и одеждой, спрятать у себя, накормить.

Как и в Киеве, Гесина квартира в Петербурге стала центром организации.

В Москве неудача. 19 ноября поезд с царской семьей не взорвался. Случайность. Из Москвы приехала Софья Перовская. Покушение на Гурко откладывалось. Решили все силы партии бросить на подготовку цареубийства. Еще 26 августа 1879 года Исполнительный комитет партии «Народная воля» вынес Александру II смертный приговор.

Перовская поселилась на Гороховой улице, у Геси. Она спала на кушетке возле изразцовой печки; Софья была тиха и вроде бы незаметна, но все как-то подчинялось ей. Все, и Желябов, и Михайлов, и Колодкевич (теперь у него была кличка Глеб).

Квартиру на Гороховой тщательно законспирировали. Михайлов следил за соблюдением всех мер безопасности, нельзя было приходить по двое, адрес квартиры Геси знали лишь особо доверенные люди, дверь можно было открывать только тогда, если раздавался звонок и за ним следовали два удара в дверь рукой. Если являлся дворник или кто-нибудь из соседей, к ним выходила Геся; смелая и находчивая, она могла найти выход из любого положения.

Сюда же приходили сообщения от Клеточникова, агента «Народной воли» в III отделении: он передавал списки лиц, которыми интересовалась охранка, сообщал адреса квартир, где намечались обыски. Клеточников был самым секретным агентом партии. Даже не все члены Исполнительного комитета знали о его существовании. Почти одновременно с Перовской в квартире Геси поселилась ближайшая ее подруга, судившаяся также по «процессу 50-ти», Екатерина Туманова.

Геся была рядовым «Народной воли», честно и стойко несущим свою тяжелую и незаметную службу.

В ночь под новый, 1880 год домовладелец выдавал замуж свою дочь. Фасад дома был иллюминирован, у подъезда выстроились кареты. Народовольцы тоже решили отметить праздник. В квартиру Геси и Владимира пришли гости. Михайлов, Преснякова, Морозов, Любатович, Корба, сестры Оловянниковы, Колодкевич, Софья Иванова — всего человек двадцать. Если бы хозяева дома и соседи знали, кто в эту ночь был рядом с ними, какие люди, сняв обувь, чтобы не было слышно, танцевали за стеной... Не знали ни соседи, ни хозяева и того, что в эту ночь в доме на Гороховой лежало несколько снарядов страшной разрушительной силы.

Кончилась ночь, разошлись вместе с гостями хозяина дома гости Геси и Владимира, снова началась опасная и тяжелая работа. Опять приходила Соня Иванова и в коленкоровом свертке, как портниха заказ, приносила газету «Народная воля». Снова переносили взрывчатку и приглашали для виду в квартиру дворника и полотеров.

5 февраля пришел Желябов и объявил: сегодня два дела сделали — произошел взрыв в Зимнем дворце и убит предатель, выдавший типографию в Саперном переулке.

Весной квартиру на Гороховой пришлось «закрыть». Вещи сдали на склад. Они должны были еще пригодиться для следующей квартиры.

Лето восьмидесятого года. Геся — хозяйка квартиры, на которой происходят занятия рабочего кружка. В кружке этом

обучали грамоте, знакомили с основами естественных наук; из членов низовых кружков «Народная воля» пополняла свои ряды. Потом в той же квартире была создана динамитная мастерская. В сентябре со склада забрали мебель, и Геся вместе с Макаром Тетеркой налаживала новую типографию. Делом руководили Желябов и Колодкевич. Геся теперь не только хозяйка квартиры. Все свободное время она работала в типографии, помогала набирать, печатать, брошюровать.

Новая типография печатала «Рабочую газету». Если та работа, которую раньше делала Геся, была для нее простой и несложной, то к выпуску газеты она относилась с благоговением. Вспоминая, как сама пятнадцатилетней девочкой первый раз прочла газету, Геся очень гордилась своей работой в типографии.

В эту зиму в жизни Геси произошли очень важные события: она стала женой Николая Колодкевича и агентом I степени. Строение партии было таково, что высший ее руководящий орган — Исполнительный комитет — имел в своем распоряжении агентов I степени. Агент I степени в свою очередь был связан с несколькими агентами II степени, непосредственно проводящими работу в массах, выполнявшими переданные им поручения Исполнительного комитета.

Как представитель Исполнительного комитета, Геся Гельфман входила в Красный Крест «Народной воли», специальный отдел партии, призванный помогать деньгами, одеждой и т. п. всем лицам, пострадавшим от царизма за защиту свободы мысли и совести.

«Народная воля» продолжала готовить покушение на царя. Надо было спешить: полиция и жандармы уже напали на след народовольцев. В январе арестовали Николая Колодкевича, попались в руки жандармов Квятковский и Клеточников. Геся срочно оборудовала новую квартиру, на Тележной улице. Она предназначалась для подготовки и осуществления покушения на царя. Вместе с Гесей поселился Саблин, красивый молодой человек, поэт и прекрасный художник. Кроме этой квартиры надо было еще найти место для мастерской метательных снарядов.

Геся обнаружила верную квартиру, кухня которой оказалась подходящим для мастерской помещением.

Арестовали Желябова. Перовская стала во главе партии. На Тележной собрались метальщики. Кибальчич знакомил их с устройством снарядов... Гриневицкий все время улыбался Гесе, он вспоминал, как в 1879 году они вместе готовили покушение на

губернатора Гурко. День казни царя приближался. Завтра, в воскресенье.

Утром Софья Перовская принесла снаряды. Геся помогла ей завернуть их в тряпки. Четыре метальщика — Рысаков, Гриневицкий, Михайлов, Емельянов — взяли по снаряду. Соня на плане указала каждому его место, и все ушли. Геся машинально убрала квартиру, проветрила комнаты, стала ждать. Пришел Кибальчич, принес еще два снаряда и ушел. Она прислушивалась. Ждала взрыва со стороны Садовой. Вдруг взорвалось где-то со стороны канала. За первым взрывом — второй.

Свершилось. Но убит ли царь? Уходить нельзя. Надо ждать товарищей. Вот пришел высокий и почти незнакомый Емельянов, появился Саблин. Он очень нервничал. От Саблина Геся узнала — царь убит, полиция обыскивает целые кварталы. Она оделась. Надо пойти к тем друзьям, у которых на кухне остатки мастерской и нелегальщина. Пришла, там все были в сборе. Волновались, но виду не показывали. Зашли в кухню: пробирки, химикаты, куски железа, инструменты — все надо было немедленно вынести, зарыть в снег, литературу из дома убрать. Тут же Геся вспомнила про свою квартиру. Там этого добра столько, что и на подводе не увезешь. Как будет, так будет.

На ее общую с Саблиным квартиру пришли через день. Явились не только жандармы, но и прокурор. Саблин решил живым в руки не даваться. Тут же у запертой двери он застрелился. Белая как мел Геся открыла дверь. Она смотрела прямо в лицо прокурору и властно потребовала: «Немедленно врача!» Врач оказался ненужен. Саблин был мертв.

Начался обыск. Минуту подумав, Геся сказала прокурору: «Осторожно, в квартире бомбы». Все замерли. Она смело взяла бомбы в руки и вынесла в сени.

3, 5, 6 и 8 марта на допросах Геся Гельфман отмалчивалась. Твердила одно: «Показания давать не желаю». Потом была очная ставка, ее опознал дворник. Потом был суд. Ее почти не допрашивали. О ней в обвинительном акте только несколько слов. Перовская и Желябов старались выгородить. Она знала, что это бесполезно. Первоприсутствующий спросил:

«Чем вы занимались в Петербурге?»

Геся, вскинув голову, гордо ответила:

— Революционной деятельностью.

Слушала суд невнимательно. Все думала, как быть, что делать. В день приговора повеселела. Скоро конец этой комедии, а потом, если смертный, должны же исполнить ее последнее желание. Надо найти возможность поговорить с Николаем, он

умный, он все решит. Все-таки смертного приговора для себя она не ожидала. О смерти не хотелось думать, но приговор был такой же, как Соне и Андрею...

Просила свидания с мужем. Ей отказали. Свидание между преступниками не разрешается. Еще сутки она решала, как быть. Просить пощады, как Рысаков, или умереть, и пусть никто ничего не знает. Нет, так нельзя. Тогда лучше было уйти из жизни, как Саблин.

И Геся Гельфман наконец решилась. Она подала заявление, в котором сообщала, что беременна. Через два дня Гесе сообщили «об особой милости» — казнь откладывается. Приговор будет исполнен через 40 дней после родов.

В ответ на злодеяние, совершавшееся в России, во Франции, в Англии, Швейцарии, даже в Америке вспыхнула волна протестов. Петр Кропоткин и Сергей Кравчинский организовывали митинги, собирали подписи в защиту еще недавно никому не известной Геси Гельфман. Виктор Гюго посвятил ей стихотворение.

На имя Александра III шли письма с просьбой о помиловании. А в Петропавловской крепости больную женщину мучили жандармы, требуя от нее показаний. И даже в таком состоянии показаний она не давала.

За неделю до родов Гесю перевели в светлую комнату, дали ей чистую одежду, поставили шкаф с детским бельем. Все это для того, чтобы обмануть печать. Пришел корреспондент газеты «Голос». На второй день номер вышел с его заметкой: «Гельфман в прекрасных условиях».

За день до родов из камеры Геси забрали шкаф с детским бельем, ей самой выдали старую тюремную одежду, а для новорожденного принесли лохмотья. Роды принимал лейб-акушер. Он нарочно не выполнил элементарных требований гигиены, а тюремным врачам запретил помогать больной. У Геси родилась девочка. Но дни матери были сочтены. Сама акушерка, она знала, что ее ждет медленная мучительная смерть от заражения крови...

Геся хотела назвать девочку Соней, отправить к родителям мужа. Сделать ей это не позволили. Ребенка забрали в воспитательный дом, поместили там под номером А-824.

Геся Гельфман умерла в Петропавловской крепости 1 февраля 1882 года, через неделю после того, как у нее забрали ребенка.

Дмитрий Коновалов

РЯДОВОЙ СОЛДАТ РЕВОЛЮЦИИ

(М. П. Голубева)

«Идейная жизнь это и есть самая большая и самая интересная жизнь».

М. И. Калинин

В январе 1924 года, потрясенная смертью Ленина, Мария Петровна Голубева в течение нескольких часов стояла у гроба Владимира Ильича. Мимо нее прошли бесконечные вереницы людей, прощающихся со своим вождем. Нескончаемый поток превратился в сплошное мелькание тысяч лиц. Воображение, никак не мирясь с настоящим, уносилось в прошлое — проходили одна за другой страницы пережитого, дорогие страницы, связанные с Владимиром Ильичем.

Она вспомнила их встречу в марте 1919 года. Ленин приезжал тогда в Петроград на похороны Марка Тимофеевича Елизарова, мужа своей старшей сестры.

Мария Петровна сразу увидела Владимира Ильича. Первым и самым сильным порывом ее было подойти к Владимиру Ильичу. Но помнит ли он ее, ведь они не виделись очень долго, более десяти лет.

Кажется, Владимир Ильич сам увидел ее, подошел и сразу заговорил о Самаре. Сколько она помнила, разговор у них неизменно начинался с Самары. Память Владимира Ильича цепко держала не только людей, события, но и многие детали,

обстановку их встреч. Помнил он и колокольню Иверского женского монастыря, и Струковский сад, его провинциальную декоративную пышность — гроты, беседки, фонтаны, аллеи; хорошо помнил тот путь, который они проделывали, когда зимой 1891/92 года вечерами Скляренко, Елизаров, она, Владимир Ильич отправлялись к старым народникам Ливанову и его жене Виттен, обосновавшимся в Самаре после многолетней сибирской ссылки, слушать рассказы людей, бывших живой историей народнического движения.

Владимир Ильич расспрашивал о самарцах. Где они, что с ними, где работают? Подробно расспрашивал о ее жизни, о детях: учатся ли, не голодают ли? Вопросы эти были так естественны в то время. Марии Петровне, как и многим, жилось крайне тяжело: голод, холод, разруха. Здоровье было расшатано лишениями, тяжелым трудом. Да и лет было уже немало — около шестидесяти.

Мария Петровна рассказывала о себе и неожиданно ощутила неловкость: не воспринял ли Владимир Ильич все это как жалобу. Посмотрела на него и быстро добавила: «В общем, ни в чем не нуждаюсь и вполне, кажется, способна еще бороться за наши идеалы».

...В октябре 1891 года, во время первой встречи Марии Петровны с Владимиром Ильичем, ему шел двадцать второй год, Марии Петровне Ясневой было тридцать. Оба считали свои убеждения вполне сложившимися.

У Марии Петровны они были подкреплены суровой жизненной школой, десятилетним революционным стажем. Очень рано она стала на самостоятельный путь. С 14 лет она училась в Костромской земской учительской семинарии. Там же попала в кружок, которым руководили политические ссыльные, среди них известный народник Берви-Флеровский. В 17 лет поехала работать учительницей в один из медвежьих углов губернии. Потянулась к крестьянам, жила их трудовой, полной забот жизнью. Так проработала 4 года.

Во время каникул, «садилась на землю», трудилась с крестьянами в поле. Как полагалось по народнической заповеди, сеяла, растила, собирала. В 19 лет ходила по селам как книгоноша-пропагандист: в сумке под вполне дозволенными книгами лежали «Хитрая механика», «Сказка о четырех братьях» и другие популярные в народе подпольные издания.

Летом 1881 года в Костроме во время учительского съезда Мария Петровна впервые услышала Петра Григорьевича Зайчневского.

Зайчневский, вождь русских бланкистов-якобинцев, еще в 1861 году вел пропаганду среди крестьян Орловской губернии, призывая их к захвату помещичьих земель. Был арестован, в тюрьме написал прокламацию «Молодая Россия», прогремевшую на всю Европу, где призывал к «беспощадной кровавой революции». Его горячая проповедь, что хождение в народ ничего не даст, что есть другой путь — революционный, насильственный, произвела на нее очень сильное впечатление. В том же году она вступила в группу Зайчневского. По делу Зайчневского, Арцыбушева и других в 1889 году она была привлечена к дознанию, «разрешенному административным порядком»,— гласный надзор полиции в течение двух лет.

Отсидев предварительно несколько месяцев в орловской тюрьме, Мария Петровна в 1891 году приехала в Самару.

...К Ульяновым Марию Петровну привел Н. С. Долгов, старый народник, симпатичный старик, как-то особенно тянущийся ко всему молодому. Сразу же после приезда Марии Петровны в Самару он загорелся мыслью познакомить ее с семьей Ульяновых, и конечно с Владимиром, которого он охарактеризовал как «необыкновенного демократа».

Вся обстановка в доме, начиная с просто обставленной столовой и кончая отношениями между членами семьи, сразу же понравилась Марии Петровне. Больше всех ее интересовал Владимир Ильич. Но он почти весь тот вечер промолчал, играя с Долговым в шахматы. Мария Петровна незаметно приглядывалась к нему: довольно невидный, выглядевший старше своих лет молодой человек, одетый очень просто, в косоворотке, подпоясанной шнурком. Но глаза запоминались сразу же, чуть прищуренные, с каким-то особым огоньком. Вечер Мария Петровна провела в обществе Анны Ильиничны и Марии Александровны. Когда она собралась уходить домой, обе женщины забеспокоились. Мария Петровна снимала комнату на другом конце города, а было уже довольно поздно. Владимир Ильич вызвался проводить.

Шел мелкий, неслышный дождь. Они прошли центральные улицы и углубились в лабиринт темных и грязных окраинных улочек и переулков. Владимир Ильич спросил:

— Как вы попали в Самару?

Узнав, что она выслана по делу Зайчневского, он очень заинтересовался, стал подробно расспрашивать. Разговор от народников перешел к Чернышевскому, а потом к Марксу. Мария Петровна высказалась о «модном» тогда учении научного социализма довольно безапелляционно. Владимир Ильич сразу

загорелся, заговорил весомо и уверенно, развивая свою, видимо, хорошо продуманную точку зрения. Мария Петровна, чувствуя себя задетой, стала горячиться и ни за что не хотела отказаться от своего мнения. Позже она признавалась: Володя Ульянов дал ей тогда «маленький, но хороший урок». Говорил он резко, но ничуть не обидно, ничем не давая почувствовать своего превосходства.

Расстались они дружески.

...В Самаре Мария Петровна жила до осени 1892 года. Виделась она с Ульяновыми в это время довольно часто. Иногда заходил Владимир Ильич, приносил книги, читал выдержки, делал свои замечания. Но чаще Мария Петровна сама приходила к Ульяновым. Она не отказывалась от мысли обратить Владимира Ульянова в «якобинскую веру», и споры продолжались. Однако результат их оказался совершенно неожиданным. Как она сама позже призналась, эти беседы и споры «пробили основательную брешь» в ее якобинском мировоззрении.

Лето 1892 года было знойным и душным. Волга обмелела. По ночам над городом поднимались зарева — горели от засухи жигулевские леса. Шумный волжский город присмирел, притих. Одно за другим накатились народные бедствия — неурожай, голод, холера.

Осенью 1892 года Мария Петровна плыла пароходом до Казани. Стояли последние теплые дни. Уныло тянулись безлесные волжские берега. Мария Петровна ехала в Сибирь, к сосланным товарищам по организации, «на поклон» к Зайчневскому, как иронически говорили самарские социал-демократы из кружка. Всю дорогу до Казани ее не покидало странное ощущение раздвоенности: впереди была встреча с товарищами, с Зайчневским, новые задания, новая работа в организации, а она никак не могла отделаться от мыслей, в правоте никому не известного молодого человека, который опровергал в теории то, чем она жила и дышала последнее время.

В декабре 1893 — январе 1894 года Мария Петровна живет в Москве у своей сестры. Во время одного из приездов Владимира Ильича из Петербурга в Москву они встретились снова. Встреча эта произошла при весьма оригинальных обстоятельствах.

Владимир Ильич попросил подыскать квартиру, где он мог бы встретиться с двумя товарищами. Мария Петровна решила устроить это свидание на квартире своей сестры, бывшей замужем за частным приставом Халтуриным. Выбрали время, когда хозяина не было дома. Владимир Ильич пришел несколько

раньше, чтобы успеть переговорить с Марией Петровной. Неожиданно раньше времени вернулся пристав. Он сел к столу, а узнав, что пришла Мария Петровна, настоял, чтобы она и ее спутник пообедали с ним. Пристав оказался очень общительным и гостеприимным хозяином; чтобы занять гостей, стал рассказывать о своих мемуарах, которые, по его словам, представляли большой интерес. «Да, это, должно быть, очень интересно»,— поддакивал ему Владимир Ильич. Товарищи, с которыми он должен был повидаться, пришли несколько позже, и идиллия гостеприимства ничем не была омрачена: частный пристав и в недалеком будущем один из главных руководителей петербургского «Союза борьбы» расстались как хорошие друзья. Пристав приглашал «заглянуть к нему как-нибудь вечерком», чтобы на досуге, не торопясь, почитать полицейские мемуары.

* * *

В 1896 году Мария Петровна вышла замуж за Василия Семеновича Голубева, в прошлом участника и одного из руководителей первой марксистской группы в России, так называемой «брусневской».

«22 октября 1896 года,— как зафиксировала саратовская охранка,— Голубевы прибыли в Саратов, остановились на Царицынской, дом № 11».

Мария Петровна приезжала в этот поволжский город в третий раз. Второй ее приезд в конце лета 1895 года совпал с периодом ее «междупартийных» переживаний. Оставаясь организационно в якобинских рядах, по своим внутренним убеждениям она уже стояла на позициях революционного марксизма.

В 1896 году в городе образовался первый марксистский кружок «теоретического характера».

Мария Петровна, участник кружка, стала вести работу среди молодежи — слушательниц местной фельдшерской школы.

Первое ее партийное «крещение» как марксиста социал-демократа состоялось в 1899 году. Однажды в кружок, который вела Мария Петровна, принесли кусковское «Кредо». Принесла его Конкордия Захарова, в будущем ярая меньшевичка. Мария Петровна резко выступила против «Кредо». «Об этом, по-видимому, рассказали комитетчикам,— вспоминала она позже,— и на следующее занятие пришла Надежда Архангельская — видный член комитета. Дала мне генеральное сражение в защиту «Кредо», после чего наши дороги разошлись...»

* * *

В декабре 1900 года вышел первый номер «Искры». Вскоре из Самары в Саратов приехал В. Н. Арцыбушев с первой вестью об «Искре» и искровской организации.

Арцыбушев — сын богатого курского помещика, еще в 70-х годах, в эпоху хождения в народ, роздал крестьянам унаследованные от отца земли и, обрядившись в зипун и лапти, пошел по деревням с революционной проповедью.

Во второй сибирской ссылке (по делу якобинцев) он засел за изучение Маркса и вернулся оттуда «определенным социал-демократом». Марксов «Капитал» стал его библией, он не расставался с ним нигде. Когда в Самаре образовалась искровская группа, он стал одним из деятельных ее членов.

Приехав в Саратов, Арцыбушев сразу же отправился к Марии Петровне. Прежде всего он сообщил о выходе за границей «Искры», подробно рассказал об этой газете и сразу предложил Марии Петровне взять на себя некоторые обязанности: доставать деньги и адреса для получения «Искры» почтой. Проговорили они несколько часов. Вспоминали друзей по якобинской организации, которые после возвращения из ссылки так и не смогли преодолеть разобщенности. Росточек якобинства не привился в России... Зато стали ясны иные пути.

Мария Петровна рассказала о своем последнем бурном разговоре с подругой и единомышленницей по организации Аделаидой Романовой, после которого та назвала ее «изменницей», рассказала о той неприязни, с которой относятся к ней местные деятельницы из «рабочего комитета» после стычки из-за кусковского «Кредо».

Арцыбушев ответил ей своим любимым изречением — словами, которые Маркс предпослал к «Капиталу»: «Следуй своему пути, и пусть люди говорят что хотят».

Обоим пошел четвертый десяток. Семья, дети. Усталость от многолетней напряженной борьбы против чего-то огромного, тупого и беспощадного, борьбы, не принесшей в конце ни плодов, ни удовлетворения. Не слишком ли поздно пересматривать все, чем жилось и дышалось многие годы, не слишком ли поздно начинать все сначала?

Арцыбушев не сомневался, он давно целиком подчинил свою жизнь революционной борьбе. Марии Петровне огромный опыт — опыт профессионального революционера тоже подсказывал: настоящее еще только начинается.

...В марте были получены первые номера «Искры». Пришли они в конвертах. Тонкие драгоценные листочки пошли кочевать по городу: передавались из рук в руки, читались и зачитывались до полного износа.

К лету 1903 года нелегальная литература — продукция бакинской подпольной типографии — стала поступать в Поволжье пудами. Зимой она шла железной дорогой, с началом навигации — водным путем. Позже Мария Петровна рассказывала о получении первых транспортов литературы:

«Получаю известие, что привезут литературу. Кто, когда и сколько, не сообщают. На всякий случай надо готовиться к большему. Обошла буквально всех, кто, по-моему, мог и должен был помочь мне. Ничего не выходит: все отказываются — кто не может, кто не хочет, кто бережет себя для более интересных дел, кто занят делом более важным.

Правда, я обращалась исключительно к интеллигенции, немногих знакомых рабочих впутывать не хотелось. Пришлось устраиваться собственными силами и средствами у себя.

Осмотрела свою квартиру. Мы жили тогда на Соборной улице, недалеко от Липок, в трехкомнатном деревянном домишке, но с чудесной галереей, где было два пустых чулана. Вот один из них я и решила приспособить на всякий случай. Там отлично подымались две половицы, можно много спрятать, пока не разнесут.

Жду с волнением и нетерпением: ведь это такая радостная победа получить целый транспорт литературы. Через несколько дней ко мне на квартиру с соответствующим паролем является хорошо одетая дама. Это была Ирина (Л. Х. Гоби). Ирина спешно сообщает, что на пароходе в отдельной каюте (ключ с собой) оставила чемодан с литературой, что пароход отходит через два часа, стало быть, литературу надо взять немедленно. Наскоро совещаемся, как поконспиративнее это сделать. Снаряжаю своих двух маленьких дочек, и приличная дама с приличными детьми отправляется на извозчике за багажом. Багаж и дети благополучно привозятся, а транспортерка, снабженная деньгами, отправляется в дальнейшее путешествие. Литература же до поры до времени отправляется под пол в чулане...»

Далеко не каждая транспортировка «Искры» заканчивалась так благополучно. Работа была связана с постоянным риском, каждая заминка или просчет грозили провалом. Но Мария Петровна привыкла к риску и действовала как конспиратор безу-

пречно. Жандармы не подозревали, какую роль сыграла Мария Петровна в саратовской организации в 1903—1904 годах. По документам охранного отделения, она так и осталась для жандармов всего лишь «женой бывшего студента С.-Петербургского университета, сына охтенского мещанина, негласноподнадзорного Василия Семенова Голубева».

В самом начале все эти операции, начиная с получения накладной на багаж и до сбора денег на газету, приходилось выполнять в основном одному человеку — самой Марии Петровне. Затем у нее появились помощники: политические ссыльные, слушательницы местных фельдшерских курсов. Они собирали деньги, помогали хранить полученную литературу в библиотеках уездного земства, земской управы и даже в библиотеке графа Нессельроде.

Газета благодаря своему боевому духу имела успех даже у эсеров и «периферии» — сочувствующей интеллигенции и либералов — земцев. Это был дополнительный источник пополнения денежных запасов — за прочтенные номера получали подчас большие деньги.

Холеный барин, аристократ до мозга костей, саратовский богач, ссужавший «Искру» деньгами и даже заявлявший себя одно время «приверженцем Ленина», граф Нессельроде давал по 200 рублей за прочтение каждого номера.

* * *

В декабре 1903 года в Саратов приехала Зверь — Мария Моисеевна Эссен, член ЦК, давняя знакомая Марии Петровны.

До Саратова доходили неопределенные слухи и толки. Говорили разное... О расколе, в результате которого партии, как таковой, якобы не существует, а есть две группы. В комитете знали, что «Искра» выходит без участия Ленина, требовали новых номеров, чтобы узнать о положении дел в партии.

Незадолго до приезда Эссен в городе была меньшевичка — представитель ЦК, объезжавшая комитеты. На собрании актива она назойливо твердила о нетерпимости и раскольничестве Ленина, об «обиде» стариков — Аксельрода и Засулич, не избранных на съезде в центральный орган.

Мария Моисеевна была полна неуемной энергии. Никаких сомнений, никаких колебаний, никаких страхов насчет будущего раскола. Уверенность в правоте Ленина. Эссен подробно информировала о положении дел в партии, о разгоревшейся борьбе большевиков с меньшевиками, передала ленинские ди-

рективы. По ее словам, раскол был неизбежным. Эссен предложила, чтобы комитет высказался самым недвусмысленным образом. Для Марии Петровны все было ясно, но как сложится общекомитетское мнение?

...Оставался свободный вечер. Мария Петровна решила устроить Эссен «маленький отдых» — повела на хороший концерт в музыкальную школу. Мария Моисеевна находилась в России нелегально, но в Саратове ее никто не мог знать.

«Места у нас были рядом, в партере,— вспоминала позже Мария Петровна.— Первое отделение просидели благополучно. После антракта рядом со мной вдруг очутился жандармский адъютант Семигановский, и я вижу, что он поглядывает то на обшлаг своего рукава, то на мою соседку. Я сразу сообразила, что он сличает фотографию со Зверком. Как можно спокойнее досидев до следующего антракта, я взяла Зверя под руку, вывела из зала и сообщила свои наблюдения.

Решили — наутек, но каков был наш ужас, когда на улице мы увидели за собой Семигановского. Прибавили шагу, он тоже, свернули в ближайший переулок, он за нами. Пришлось долго путать следы, пока через проходной двор на Малой Сергиевской нам удалось от него избавиться. Я провела Эссен на одну сравнительно чистую квартиру, откуда ее тотчас поехали провожать на вокзал, а сама помчалась домой, рассчитывая застать там облаву. Ничуть не бывало, не было на этот раз даже обыска, а Эссен благополучно доехала до Екатеринослава, а потом пробралась за границу...»

Еще в конце 1903 года комитет принял резолюцию о признании всех постановлений II съезда и об отрицательном отношении «ко всем действиям, идущим вразрез с постановлениями съезда».

В январе 1904 года, после визита Эссен, комитет высказался еще более решительно. «Комитет считает долгом заявить, что оппортунистические тенденции новой редакции «Искры», выразившиеся в передовой статье № 52, поразили всех своей неожиданностью, вызвали недоумение и сильное недовольство. Оппортунизм приведет лишь к падению авторитета «Искры» и лишит ее значения руководящего органа партии. №№ же, подобные 52-му, мы отказываемся распространять ввиду их деморализующего и дезорганизующего влияния, тормозящего объединительную работу партии.

Следует добавить, что и последующие №№ «Искры» не принесли нам ничего утешительного, и мы остаемся при том же мнении».

Текст обеих резолюций, посланных в ЦК, был написан секретарем Саратовского социал-демократического комитета Марией Петровной Голубевой...

В труднейшее для партии время Саратовский комитет решительно высказался в пользу большинства.

* * *

С весны 1904 года началась борьба за созыв III съезда. Ленин в эти месяцы ищет связей, поддержки у комитетов, пишет в Россию по нескольку сотен писем в месяц, разъясняет свою позицию, разоблачает тактику меньшевистского ЦК.

28 августа он пишет Л. А. Фотиевой с просьбой разослать «всем *нашим друзьям* в России» письмо следующего содержания:

«Пожалуйста, немедленно приступите к сбору и отсылке всех и всяческих корреспонденций по нашим адресам с надписью: для Ленина. Крайне нужны также деньги. События обостряются. Меньшинство явно готовит переворот по сделке с частью ЦК. Мы ждем всего худшего. Подробности на днях».

В числе адресов «друзей, в которых вполне можно быть уверенными», адрес М. П. Голубевой — в Саратове (по адресу Голубева).

В октябре 1904 года Ленин пишет из Женевы в Саратов Марии Петровне: «Дорогой товарищ! Чрезвычайно рад я был узнать от наших общих знакомых (особенно от *Зверя* — не знаю, под той же ли кличкой Вы ее знали), что Вы живы и заняли солидарную с нами политическую позицию. Мы виделись и были знакомы так давно (в Самаре в 1892—1893 году), что без посредства новых друзей нам трудно бы и возобновить дружбу. А возобновить ее мне очень бы хотелось. Для этого посылаю Вам, пользуясь адресом, подробное письмо о наших делах и усердно прошу ответить лично и поскорее. Без регулярной переписки немыслимо вместе вести дело, а Саратов до сих пор упорно отмалчивается целыми месяцами. Пожалуйста, поверните это теперь иначе и начните писать сами пообстоятельнее. Без подробных писем от Вас лично нельзя будет выяснить ни Ваше личное положение в деле, ни вообще саратовские условия. Не поленитесь потратить 2—3 часа в неделю.

Шлю Вам большой привет и крепко жму руку. *Ленин»*.

В Саратове осенью 1904 года были произведены обыски и аресты. Все письма тщательно перлюстрировались, последний адрес — «секретарю земской управы» — был «закрыт». Связь Ленина с Саратовом прервалась.

Последний год работы в Поволжье был самым трудным для Марии Петровны. В комитете недоставало денег — либеральная буржуазия, убедившись в твердости занятой комитетом позиции, отказала ему в какой-либо помощи. Не прекращались обыски и аресты. Меньшевистская часть комитета, предводительствуемая Топуридзе, вела в комитете явную линию на раскол.

Больше всего меньшевики нападали на Марию Петровну, занявшую наиболее твердую ленинскую позицию. Они называли ее не иначе, как «одна из амазонок Ленина».

* * *

... В начале декабря Голубевы уезжали в Петербург. Мария Петровна еще весной ездила в столицу, виделась с одним из членов Бюро комитетов большинства, который ей подал мысль перебраться в Петербург, где бюро могло бы использовать ее квартиру для конспиративных нужд. К тому же кончался срок полицейского надзора. Голубевым было дано наконец разрешение проживать в столице.

Уезжали поздно вечером. Странно было ехать по темным, безлюдным улицам и сознавать, что и этот город, «глушь, Саратов» начинает жить самой настоящей революционной жизнью. Подумать только — на Пешке успешно проходит открытое рабочее собрание в тысячу человек, в конце собрания принимаются резолюции, да какие! Амнистия ссыльных, скорейшее окончание позорной русско-японской войны, созыв Учредительного собрания.

Память выхватывала отдельные детали: то серую монолитную массу людей, угадывающуюся за сплошной завесой табачного дыма, отдельные лица, худые, перепачканные (многие пришли прямо с ночных смен), синие блузы, дешевенькие пиджачки... Весь этот образ огромной многоликой толпы вызывал радостное чувство. «Вот она, массовая сила, вот народ, который «в заповедных лесах найдет дубинку на батюшку царя». А настроение приподнятое — это вне всякого сомнения. Не использовать его было бы грешно... До январских дней 1905 года оставался месяц.

* * *

Петербург и вся предгрозовая революционная обстановка столицы захватили Марию Петровну с первых же дней. Вместе с Землячкой она работала в Организационном комитете по созыву III съезда при Бюро комитетов большинства. Принимала и отправляла едущих на съезд делегатов. Ее квартира в эти

дни — настоящий штаб Петербургского комитета большевиков. После долгого перерыва она снова встретилась с Владимиром Ильичем.

«Помню 1905—1906 годы,— вспоминала впоследствии Мария Петровна,— у меня штаб-квартира для свиданий Владимира Ильича с членами ЦК и ПК. Владимир Ильич всегда приходил первым, ни разу не опоздал. Кроме того, зная, что каждый из нас считал за честь предоставить в его распоряжение свою квартиру, зная мое личное хорошее отношение к нему, Владимир Ильич тем не менее, приходя, всякий раз как бы извинялся и говорил: «Вот опять часа на два придется занять вашу квартиру»».

Этот дом на углу Большой и Малой Монетных улиц в октябрьские дни 1905 года знали многие, здесь заседал Петербургский комитет, сюда приходили в течение дня десятки людей, здесь даже одно время хранились бомбы.

В ноябре — декабре, во время недолгого существования Петербургского Совета рабочих депутатов, Мария Петровна работала в созданной при Совете комиссии помощи безработным. После отъезда Ленина в Финляндию помогала переправлять через границу листовки, газеты.

Весной 1906 года, после съезда, Ленин пришел к Марии Петровне за явкой. Рассказывая ему о том, что делалось в Питере за время его отсутствия,— вспоминала она,— я с величайшим огорчением и опаской передала ему о том, что мы устроили митинг в театре Неметти, что у нас не было хороших ораторов, что меньшевики выпустили Мартова и нас побили. Владимир Ильич выслушал, чуть прищурился и сказал: «Не беда, авось когда-нибудь сквитаемся».

В 1907 году при ближайшем участии Марии Петровны была создана нелегальная типография на Петербургской стороне. Среди продукции типографии — прокламации, социал-демократические воззвания по выборам во II Государственную думу. Некоторое время Мария Петровна руководила работой типографии.

В 1911 году умер муж. В России свирепствовала реакция. Марии Петровне шел шестой десяток. Работа, работа, работа, ведь надо было одной поставить на ноги троих детей. Мария Петровна не теряла связей с Петербургским комитетом, оказывала посильную помощь партии.

В 1912—1913 годах, работая библиотекарем на вечерних курсах Холмогорова в Народном доме, она проводила беседы с рабочими, передавала им нелегальную литературу.

Вера в правоту ленинских идей, угасавшая в эти тяжелые годы у многих, не покидала ее.

Февраль и октябрь 1917 года Мария Петровна встретила в Петербурге. «Ни в Таврический, ни в Смольный меня не тянуло, мне казалось, что там и без меня народу много. Меня тянуло на улицу, в толпу, в массу, где нужно было понять и разъяснять происходящее. Так было в феврале, так было в июльские дни»,— записала она в своей автобиографии...

М. П. Голубева была активна до последних дней своей жизни. Долгое время работала она в аппарате ЦК, была деятельным членом Общества старых большевиков. Последнее время трудилась в Бюро жалоб Комиссии советского контроля.

Мария Ильинична Ульянова, Надежда Константиновна Крупская, Дмитрий Ильич Ульянов и другие старые большевики, хорошо знавшие и уважавшие Марию Петровну, писали после ее смерти в 1936 году:

«Мария Петровна Голубева — рядовой солдат революции, как она себя называла, принадлежит к той железной когорте большевиков, которая обеспечила победу партии и революции».

Алиса Акимова, Ефим Друц

МАРШРУТАМИ РЕВОЛЮЦИИ

(С. И. Гопнер)

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем —
Мы наш, мы новый мир построим:
Кто был ничем, тот станет всем!

Девочка росла в полуподвале ветхого дома с облупившейся штукатуркой на тихой Нежинской улице Одессы. Пятеро сестер были старше ее, брат на четыре года моложе. Отец умер рано. Мать выбивалась из сил, чтобы поставить детей на ноги. Но что она могла? Когда подработает мелкой торговлей, когда займется сватовством или выполнит еще какую-нибудь случайную работу.

Приморская улица тянулась длинной лентой вдоль портовых сооружений, за ними шли каменные причалы, построенные еще герцогом Ришелье. Там, на другом конце города, жила тетка, владелица небольшого магазина. Изредка дети Гопнер к ней приходили.

— Может быть, ты хочешь кушать, Симочка? — спрашивала тетка.

Хотя голова и кружилась при виде яств, девочка неизменно отвечала:

— Нет, тетя, спасибо, я не голодна.

Гордость бедняков привила детям мать. И, вероятно, резкий контраст между тем, как жили они на Нежинской и тетка

на Приморской, заронил в душу Симы неприязнь к богачам.

Девочка очень хотела учиться. Ей посчастливилось. Удалось поступить в училище Рашкович, где бедных детей освобождали от платы за обучение.

Любознательная, способная Сима Гопнер сразу стала одной из лучших учениц. Больше всего она любила уроки литературы. Воспитывалась на русских классиках — Пушкине, Лермонтове, Некрасове, Толстом. Великолепно читала стихи на школьных вечерах.

Мать не принуждала детей выполнять религиозные обряды. В бога она верила скорее по привычке. Но когда в квартирке старшей сестры Анюты собиралась вся семья и приходили друзья Симы, молодежь спорила не только о политике, о литературе, но и заводила разговор о боге. Мать не соглашалась с тем, что бога нет, пробовала доказать, что он все-таки есть, и тут же с горечью и негодованием сетовала на то, как несправедливо устроен мир. Сима, смеясь, говорила:

— Ну, мамочка, согласись, что твой бог никуда не годится, ничем помочь не может, и нечего тратить время на молитвы!

Смеялись все, и мать тоже.

Но вот детство осталось позади. Девушка познакомилась с марксистами, стала социал-демократкой.

Племянник Серафимы Ильиничны впоследствии вспоминал. Пятнадцатилетним мальчиком он служил счетоводом в одной из одесских фирм, которая вела торговлю с заграницей. Серафима Ильинична исподволь приобщала племянника к сотрудничеству с социал-демократами. Однажды она спросила его, не хочет ли мальчик помочь ей и ее товарищам. Он ответил, что рад бы, но не знает, как и чем. Серафима Ильинична предложила:

— В адрес фирмы будут приходить из-за границы пакеты в запечатанных конвертах. Ты сможешь получать их так, чтобы не заметили управляющий и хозяин?

— Конечно, я же раньше их прихожу в контору.

Пакеты стали поступать один за другим. На конвертах неизменно стоял почтовый штемпель Женевы. Мальчик успевал выбирать их из большой почты фирмы и, не открывая, передавал своей юной тетке. Впоследствии он узнал, что в этих таинственных пакетах пересылались свежие номера «Искры».

В 1904 году Серафима Ильинична Гопнер переехала из Одессы в Екатеринослав. Там ее знали больше под революционными кличками. В книге П. Н. Лепешинского «На повороте»

читаем: «Душой работы в Екатеринославском комитете (большевистском) была т. Маша, она же Наташа (Серафима Ильинична Гопнер)». П. Лепешинский лично от нее получал партийные задания. «Нередко меня выпускали и для разговоров с либералами,— писал он.— Помню, например, как однажды Маша мне объяснила, что соберутся человек сто интеллигентов и будут ждать каких-нибудь выступлений от нас».

В январе 1905 года в городе состоялась встреча группы большевиков с меньшевиками (скорее всего, ее организовала товарищ Наташа). Разгорелся такой шумный спор, что непосвященная хозяйка квартиры, решив, что это ссора, чуть ли не побоище, позвала полицию. Хорошо, что все успели разойтись. И все же позже подпольщикам не повезло. Тридцать три участника сходки были арестованы. Попала в тюрьму и Серафима Гопнер.

На этот раз ее освободили через месяц, и Наташа с еще большей энергией принялась за дело. На 20 июня 1905 года комитет назначил забастовку. На рассвете Гопнер была уже на ногах, объездила предприятия, распространила листовку, начинавшуюся словами: «Готовьтесь к вооруженному восстанию!».

Наташе удалось избежать нового ареста. Сосед, беспартийный рабочий, пробрался по карнизу к ее квартире и предупредил о предстоящем «визите». Гопнер взяла корзину, надела большой платок и отправилась якобы на базар. Ушла под самым носом не узнавших ее блюстителей общественного порядка.

Наташа пользовалась часто самыми неожиданными возможностями для революционной пропаганды. В Екатеринославе гастролировал Московский Художественный театр. Большевистский комитет решил использовать приезд прославленного театра в своих целях. Наташе поручили договориться с администрацией о спектакле для рабочих. Театр охотно согласился и с огромным успехом сыграл «На дне». Когда спектакль кончился, товарищ Наташа вышла на сцену. Поблагодарив артистов, она сказала, обращаясь к зрителям: «Товарищи! С этой сцены вы услышали слова горьковской правды, слова, полные уважения к человеку, призыва к действенной борьбе. Да, человек это звучит гордо. Да, в карете прошлого далеко не уедешь... Мы боремся и будем бороться до полной победы».

Наташа говорила пылко, глаза ее горели. И зал, и артисты были потрясены смелостью молодой большевички. Аплодисменты не стихали. От имени театра Наташе отвечал Качалов. Потом он подошел к ней, крепко пожал руку и шепнул: «Вам бы с такими данными на сцену пойти!».

* * *

В годы реакции Серафима Ильинична вынуждена была скрываясь от преследований, эмигрировать в Париж.

Впоследствии Серафима Ильинична писала: «После основательных «провалов» в Одессе и Екатеринославе в конце лета 1910 года, после бесчисленных попыток продолжать подпольную партийную работу на родине мне пришлось уехать из России. Перехитрив полицию, я получила заграничный паспорт и в сентябре очутилась в Париже». Пойти к Ленину и Крупской Серафима Гопнер сперва не решалась. Ей казалось, что ничего интересного Владимиру Ильичу она рассказать не сможет. Сомнения рассеял товарищ, случайно встреченный на улице на следующий день после ее приезда. Узнав о ее колебаниях, он возмутился: «Как вы не понимаете, Наташа, что Ильич набрасывается, как голодный на пищу, на каждого свежего человека из России!». От того же товарища Гопнер узнала день и час ближайшего заседания парижской группы большевиков. В небольшой комнате на верхнем этаже кафе она сразу увидела и узнала Ленина. (Впервые Гопнер встретилась с ним в Финляндии, куда ездила на Гельсингфорсскую партийную конференцию как представитель Екатеринослава.) В конце заседания к ней подошла Надежда Константиновна и тоном дружеского упрека сказала: «Так это вы та Наташа, которая не хочет к нам прийти! А Ильич поручил мне непременно вас притащить. Приходите к нам завтра, в восемь часов вечера».

Серафима Гопнер пришла в квартирку на улице Мари-Роз. За скромным семейным вечерним чаем и ужином рассказала она Владимиру Ильичу обо всем, что его интересовало. Вначале она волновалась, не знала, с чего начать. Казалось ей, что говорит сбивчиво. И, может быть, не о главном. Но Владимир Ильич так внимательно слушал ее, проявлял такой живой интерес к тому, что она рассказывала, и Наташа оживилась. Она почувствовала, и здесь, в Париже, для нее найдется настоящее дело. Все больше увлекаясь, Наташа рассказывала о событиях 1909—1910 годов в Одессе, Николаеве, Екатеринославе, о попытке издавать в Одессе печатный орган партии, о налете полиции на типографию, о подпольных кружках, о проникавших туда тайных агентах охранки и еще о многом другом.

Владимир Ильич попросил ее написать обо всем этом для выходившей в Париже газеты «Социал-демократ». Статью Наташа написала, но напечатана она была не в «Социал-демокра-

те», а в № 1 «Рабочей газеты», который вышел 12 ноября 1910 года.

Серафима Гопнер быстро включилась в работу парижской группы большевиков. Но жить ей было очень трудно. Постоянных заработков не было. В провинцию уезжать не хотелось. Вдруг оказалось, что ее отъезд нужен партии. В воспоминаниях о Н. К. Крупской С. И. Гопнер писала: «После того как я целый год отклоняла предложение уехать из Парижа в провинцию, где мне предлагали платный урок в семье одного врача... я сказала Надежде Константиновне, что из-за отсутствия всякого заработка в Париже мне придется его покинуть, как ни жаль оторваться от парижской большевистской организации».

Надежда Константиновна неожиданно обрадовалась этому. «Очень хорошо,— сказала она.— У нас появится еще один пункт, откуда мы будем отправлять в Россию литературу», и тут же объяснила, что сотни экземпляров газеты «Социал-демократ» посылаются в Россию не прямо из Парижа, а из окрестных деревень.

Уехав в провинцию, Гопнер стала получать конверты с надписанными на них крупным почерком Крупской адресами. Спрессованные номера «Социал-демократа» приходили отдельно. Наташа вкладывала газеты в конверты и опускала их в разные почтовые ящики.

Одного она все-таки не понимала. Встретившись вновь с Надеждой Константиновной, Серафима Ильинична поинтересовалась, зачем она, при своей занятости, сама надписывает адреса на конвертах.

Крупская объяснила:

— Вы ведь собираетесь скоро ехать в Россию, и нельзя показывать ваш почерк жандармам.

Старая большевичка Т. Людвинская вспоминает, что по настоянию Ленина они — члены парижской группы большевиков — изучали французский язык, историю революционного движения Франции и других западноевропейских стран, посещали рабочие собрания. Мало того, многие члены парижской группы русских большевиков вошли во французскую социалистическую партию.

С. И. Гопнер, так же как Н. К. Крупская и Инесса Арманд, вела активную работу среди французских трудящихся.

Начало войны вызвало во Франции небывалый патриотический подъем. По улицам столицы маршировали батальоны. Солдаты еще не успели вкусить окопной жизни и шагали, весело

напевая. Завтра они должны были очутиться там, откуда уже доносился гул орудий и пахло порохом.

«Патриотизмом» заболели не одни французы. Из людей разных национальностей, живших в Париже в эмиграции, формировались отряды волонтеров. Среди волонтеров, охваченных патриотическим угаром, было немало и русских. Смотры перед отправкой волонтеров на поле боя проходили торжественно и чинно. На одном из таких смотров старый французский генерал, оглядев разноликую шеренгу, неожиданно спросил:

— И за что вы идете умирать?

— За свободную Францию,— грянул оглушительный дружный ответ.

Только позже, когда земля уже обагрилась кровью, когда появились первые эшелоны с ранеными и первые могильные холмы, волонтеры, как и многие французские солдаты, задумались над тем, за что они, действительно, умирают.

Гопнер в целях агитации против войны воспользовалась тем, что среди волонтеров был ее брат Давид. Это открывало Серафиме Ильиничне доступ в казарму.

Однажды, когда батальон волонтеров стоял в небольшой деревеньке близ Парижа, к ним явился посланник местного кюре и пригласил на богослужение. Нашлись такие, которые пошли. Кюре постарался задобрить их. Напоил вином, раздал теплые вещи. Когда они вернулись в казарму, богомольцев встретили насмешками.

— Что ж это вы,— спросила их находившаяся здесь Серафима Ильинична,— продались кюре за бутылку вина?! Ведь не далее как вчера сами осуждали войну, а сегодня потеплее оделись и готовы идти в бой. Не надолго же вас хватило!

В другой раз к волонтерам приехал чиновник русского посольства. Он привез различные подарки. Но русские и поляки взять их отказались. Вместо «Боже, царя храни» они запели «Интернационал». Настроения этой части волонтеров по сравнению с началом войны так изменились, что офицерам французской армии пришлось разослать капралам циркуляр, в котором предлагалось «не заставлять русских петь «Боже, царя храни», так как это их сердит».

В то, что волонтеры все больше и больше прозревали, внесла свою лепту и С. И. Гопнер. Беседуя с ними, Серафима Ильинична разъясняла, что виновники войны не немецкие солдаты, что их самих послали на убой. Она помогала волонтерам найти общий язык со всеми пролетариями, интересам которых

была враждебна мировая война. Недаром прожила эти несколько лет во Франции С. И. Гопнер.

В 1916 году Серафима Ильинична сложным, окольным путем, преодолевая барьеры, созданные войной, через Стокгольм возвратилась в Россию.

И снова в путь по партийным организациям разных городов: Петроград... Москва... Иркутск... Ставший родным Екатеринослав.

На Ульянинскую улицу в Екатеринославе, где теперь поселилась Гопнер, все чаще и чаще стали наведываться жандармы. Хорошо еще, что хозяин дома сочувствовал революции. Корзину с нелегальной литературой прятали на чердаке. До поры до времени все обходилось благополучно. Но вскоре Гопнер вместе с другими большевиками снова очутилась в тюрьме.

Первый жандармский допрос показал, что охранка располагает подробными сведениями о ее революционной деятельности не только в России, но и в эмиграции. Сохранился протокол допроса, составленный полковником отдельного корпуса жандармов. Среди прочих вопросов был и такой: «Была ли за границей, где, когда и причины пребывания там?» Арестованная ответила: «В Париже с 1910 по февраль 1916-го для приобретения образования и изучения французского языка...» Но в жандармерии было достаточно доказательств того, чем она на самом деле занималась в Париже.

Екатеринославский губернатор Чернявский прекрасно понимал разницу между большевиками и меньшевиками. Арестовав деятелей екатеринославских больничных касс, он вскоре освободил меньшевиков, а большевиков оставил в тюрьме. Когда губернатора спросили, почему он освободил Боголюбову и отказался выпустить Гопнер, тот ответил: «Боголюбова — плехановка, а Гопнер — ульяновка». Освободила Гопнер Февральская революция.

Товарищ Наташа сразу же вошла в большевистскую фракцию Совета рабочих и солдатских депутатов, стала одним из редакторов газеты «Звезда». Ее избрали секретарем городской думы.

На Апрельской партийной конференции Серафима Ильинична присутствовала как делегат от Екатеринослава. Впоследствии она вспоминала о своих первых впечатлениях от Апрельской конференции. «В. И. Ленин проявлял громадный интерес к докладам с мест. Эти доклады были сначала поставлены в конец повестки дня, но к ним приступили раньше — во время дискуссии по общим вопросам. В дальнейшем дискуссия чере-

довалась с докладами с мест. К тому же при обсуждении вопроса об отношении к Советам рабочих и солдатских депутатов уделялось особенно большое внимание деятельности местных Советов. Ленин слушал доклады с мест, пересаживался поближе к очередному оратору и нередко задавал вопросы».

На Апрельской конференции Гопнер впервые встретилась с Яковом Михайловичем Свердловым.

* * *

Октябрьскую революцию Гопнер встретила в Екатеринославе. Она создавала партийные школы, вела пропагандистскую работу в войсках, пользовалась как трибуной и заседаниями думы, где защищала точку зрения большевиков.

Перед нами выписка из журнала заседаний Екатеринославской городской думы. Вот что в канун Великой Октябрьской социалистической революции, защищая ленинский лозунг о праве наций на самоопределение, вплоть до отделения, говорила С. И. Гопнер: «Мы стоим на точке зрения права наций на самоопределение, но не в ограниченном толковании этого слова, а в самом неограниченном его смысле. Это право не должно быть ограничено только тем, что данная нация может иметь свою школу, местное самоуправление, и дальше — ни шагу. Это право мы признаем так же и в том смысле, что если воля нации будет заключаться в том, чтобы отделиться, то этого права мы отрицать не можем, мы не имеем права ставить моральные, материальные или физические препятствия этому отделению. Но мы не смешиваем этого вопроса с тем, действительно ли это отделение выгодно с точки зрения наших идеалов... По нашему мнению, признание со стороны пролетариата, принадлежащего к более многочисленной нации, за пролетариатом меньшинства этого права есть лучшее педагогическое средство, так как это создает атмосферу взаимного доверия, где национальные интересы отойдут на задний план, и на первый план выйдут интересы пролетарского движения, что... является одной из наших задач...»

С. И. Гопнер была делегатом IV съезда Советов, который ратифицировал Брестский мир. Я. М. Свердлов выдвинул ее кандидатуру в члены ВЦИКа. Он помнил Серафиму Ильиничну и знал о ее работе.

«Когда немцы заняли Украину,— вспоминала Гопнер,— я, как и многие, оказалась в Москве. Надо было получить новое назначение. Мне говорят: «Вы должны пойти к товарищу Свердлову, в гостиницу «Националь»». Разговор был очень

короткий. Я сказала, что приехала за назначением. Думала, будет расспрашивать, чем занималась, что делала. Оказалось не так. В светлом, желтом, телесного цвета портфеле у него лежали два бланка и две печати... вынул циковский бланк и печать. Помню, он не терял ни одной лишней минуты, не говорил ни одного лишнего слова и все же никакого впечатления, что человек хочет от тебя отделаться. Первое, что он сказал: «Вот вам ордер на комнату в «Метрополе» и талоны на обед, чтобы вы не умерли от голода». Затем пошли дела. У него лежало для меня готовое назначение».

Свердлов предложил Серафиме Ильиничне должность второго помощника председателя ВЦИКа. Но она отказалась, так как не собиралась переходить на работу в Москву совсем. Рассматривая свое пребывание в Москве как временное, С. И. Гопнер попросила Я. М. Свердлова откомандировать ее в Наркомпрос, в распоряжение Надежды Константиновны Крупской. Она уже тогда строила планы на будущее. Собиралась на Украине после ее освобождения налаживать дело народного образования.

Во время работы V съезда Советов вспыхнул левоэсеровский мятеж. Гопнер была на съезде. Она очень хорошо запомнила, как председательствующий Свердлов объявил:

— Фракция левых эсеров покинула заседание V Всероссийского съезда Советов. V съезд Советов продолжается.

В президиуме сидел Владимир Ильич. Он сделал доклад о деятельности Совета народных комиссаров.

...Послужной список Серафимы Ильиничны велик и разнообразен. В нем значится и то, что в 1919 году она была членом коллегии Наркомпроса Украины, заведовала отделом внешкольного образования, а до того работала с Н. К. Крупской в Москве.

Через много лет она вспоминала: «Мне приходилось бывать на всех заседаниях коллегии Наркомпроса, и благодаря этому я получила представление, какая огромная работа была развернута комиссариатом в короткий срок. В частности, я узнала, какой размах приняла работа Надежды Константиновны».

1918 год был годом острейшей борьбы, когда советский аппарат, в том числе и аппарат народного комиссариата просвещения, строился на развалинах старого, когда часть интеллигенции саботировала. Десятки новых вопросов требовали освещения для молодых кадров, да и для тех старых кадров, которые не пошли за саботажниками. Старые вопросы народного просвещения ставились тоже совершенно по-новому. В этом

большом деле строительства новой жизни и в Москве, и на Украине принимала активное участие С. И. Гопнер.

Со времени выступления Серафимы Ильиничны от имени фракции большевиков на заседании Екатеринославской думы в октябре 1917 года она много занималась вопросами национальной политики, в частности на Украине, а затем и делами международными. В этой связи С. Гопнер впоследствии вспоминала об одной из своих бесед с Владимиром Ильичем.

«...я оказалась за обедом в обществе Владимира Ильича, Надежды Константиновны и Марии Ильиничны. Зашла речь о национальной политике. На вопрос Владимира Ильича, как мы на Украине проводим национальную политику, я кратко рассказала ему о некоторых мерах, принятых Советским правительством Украины»...

После прений и заключительного слова Ленина на IV Чрезвычайном съезде Советов Гопнер послала ему записку с просьбой побеседовать с ней по важному вопросу хотя бы несколько минут. На следующий день Ленин с трибуны знаком позвал ее. За кулисами президиума Серафима Ильинична попросила Ильича помочь им, работникам Украины, научить, как в тяжелых условиях оккупации освещать рабочим перспективы Советской власти в республике. Он ответил: «Скажите рабочим Екатеринослава, что Брестский мир будет недолговечен. В Германии неизбежна и близка революция, и она сметет Брестский мир».

Через восемь месяцев революция в Германии произошла.

А ранее, 16 октября 1918 года, у Ленина, в первый раз после его ранения, шел в Кремле прием. На приеме ЦК КП(б)У была и Гопнер. Вышел Владимир Ильич к украинским товарищам еще с повязкой, поддерживавшей руку. Когда его спросили, сколько времени он сможет уделить беседе, не повредив своему здоровью, Ленин ответил вопросом, хватит ли двух часов.

Говорил Ильич в тот раз о последних событиях на Украине, партизанской борьбе, подчеркнул особую важность тщательной и всесторонней подготовки всеукраинского вооруженного восстания, упомянул о помощи, которую окажет ему Красная Армия. Выразил уверенность в тесном союзе Украины с Россией при правильной национальной политике. Борьбу за освобождение Украины Ленин связывал с близостью революции в Германии. Поэтому как одну из важнейших задач подготовки восстания выдвигал усиленную работу в оккупационных войсках.

Нетрудно себе представить, как близки были эти слова Серафиме Ильиничне. Она ведь руководила на Украине работой по разложению войск противника.

Когда в годы оккупации Украины ЦК КП(б)У находился в Орле, С. Гопнер была секретарем ЦК. Она же возглавляла работу и в закордонном (заграничном) комитете.

Весь предыдущий жизненный опыт подготовил Серафиму Ильиничну к работе в Коминтерне. Ее избрали кандидатом в члены Исполкома. Впоследствии она заведовала в Коминтерне отделом агитации и пропаганды. Украинские большевики неоднократно посылали С. И. Гопнер своим делегатом на конгрессы Коминтерна. Работая в аппарате Коминтерна, С. И. Гопнер не раз ездила за границу с конспиративными заданиями. Так, она в 1935 году вновь побывала во Франции.

С. И. Гопнер стала доктором исторических наук, крупным специалистом по международным вопросам.

До последних дней, тяжелобольная, работала она в Институте Маркса — Энгельса — Ленина. Ослепнув, диктовала свои работы и свои воспоминания. Старый гвардеец партии, она, несмотря ни на что, оставалась в строю до самой смерти.

Тамара Леонтьева

ПАРТИЙНАЯ КЛИЧКА НАТАША

(Ф. И. Драбкина)

...Герой — это человек, который в решительный момент делает то, что нужно делать в интересах человеческого общества.

Ю. Фучик

— Как ты думаешь, Володя, что можно сказать о нашей маме? Какая у нее была отличительная черта?

— По-моему, принципиальность,— сказал брат не раздумывая.— Мама никогда не поступалась своими принципами.

— Ты считаешь это главным в ее характере?

Брат посмотрел на свою старшую сестру недоуменно.

— Когда я вспоминаю о маме,— сказала она грустно,— мне рисуется улица под мокрым снегом, я шагаю за мамой по лужам и вытираю слезы. Мне холодно, я хочу есть, а мама идет и идет без конца и тащит меня за руку. Мы заходим в какие-то дома, поднимаемся по лестницам. Когда перед нами наконец открывается дверь, мама вытирает мне нос своим надушенным кружевным платком и говорит: «Молчи! Так надо». Меня угнетает это «так надо». Все мое детство прошло под знаком «так надо» и еще «нельзя». Нельзя разговаривать о чем попало с чужими людьми — с тетями или дядями. Нельзя называть свою фамилию, нельзя говорить, как зовут маму. Нельзя говорить, кто мой папа и где он. Словом, нельзя делать все то, что делает любой ребенок пяти лет, и его хвалят за это. Однажды я

сказала квартирной хозяйке: «Раньше мы были Драбкины, а теперь Хмельницкие». Видел бы ты, что стало с нашей мамой. Она хотела меня выпороть. Честное слово!

— Да!.. Узнаю нашу маму,— засмеялся брат.— Однажды я вернулся домой с экзамена. Это был приемный экзамен в институт, и я его сдал отлично. Представляешь мое состояние... Я влетел в квартиру и рванул дверь в мамину комнату. У нее была Надежда Константиновна. Она сидела за столом, держа близко к глазам газету. Ты помнишь, как Надежда Константиновна читала... Двое очков — одни на лбу, другие на переносице. Когда мама увидела меня в дверях, она сказала: «Почему ты врываешься в комнату, Вовка? В чем дело?» И я был потрясен этим вопросом. Утром, когда я уходил сдавать экзамен, мама очень волновалась и целовала меня, а теперь она даже забыла спросить, сдал ли я экзамен...

— Я сдал экзамен,— сказал я коротко и, должно быть, мрачно.

— А-а... Очень хорошо,— сказала она, смягчаясь, и махнула мне рукой, чтоб я ушел.

Я повернулся к двери, но Надежда Константиновна окликнула меня.

— Володя,— сказала она, снимая очки.— Сколько же тебе лет?

Когда я ответил, она всплеснула руками:

— Нет... Это нагромождает на меня целую вечность. Уже восемнадцать?.. Какой же экзамен ты сдал?

Она расспросила меня о том, какой экзамен я сдал,— это был экзамен по химии,— о том, в какой институт я поступаю, почему у меня стремление к технике. Вспомнила, что когда-то, года два назад, я говорил ей, что хочу быть философом, словом, это была Надежда Константиновна. Только она одна могла так спокойно говорить, всех уравновешивая и находя самые необходимые и естественные слова. Мама тем временем вскипятила чайник, и мы потом все вместе пили чай и разговаривали.

— О чем разговаривали? Не помнишь?

— Нет. Я был очень занят, сдавал экзамены. Мне и в голову не приходило, что это исторический разговор, что его нужно запомнить во что бы то ни стало. Правда, я помню, что у Надежды Константиновны был синий сарафан, надетый поверх такой же синей кофточки с белыми пуговицами.

— Это, конечно, очень важное и значительное воспоминание,— сказала сестра, вздыхая.

Брат обиделся.

— Ну, не менее важное, чем то, как ты в Женеве мыла пол в кухне вместе с Надеждой Константиновной и как Владимир Ильич называл тебя Елизавет-Воробей.

— Что поделаешь... Человеческая память — вещь сугубо индивидуальная. Я помню очень мало, а после мамы ничего не осталось — ни писем, ни записок, ни бумаг. Она всегда что-нибудь рвала или жгла.

— Ну, это естественно. У нее были привычки завзятого конспиратора.

— Такая привычка тоже свидетельствует об определенном характере. Не правда ли?

Брат и сестра посмотрели друг на друга.

Теперь мать все чаще рисовалась им легкой сухонькой старушкой в белой кофточке, с короткими, стриженными в скобку пушистыми серебряными волосами. Такой она была в последние годы жизни. А когда-то это была красивая, изящная дама в шляпах с бантами, цветами и перьями. О ней писал в своих мемуарах Николай Евгеньевич Буренин:

«Среди наших товарищей, активных работников «боевой технической группы» в 1905 году была молодая женщина — мать с трехлетней девочкой. Мало кто знал ее настоящее имя. У нее была партийная кличка Наташа, а девочку звали Лизкой.

Наташа, очень молодая, очень хорошенькая, всегда веселая и приветливая, привлекала к себе общее внимание и расположение. Была она беззаветно смелым товарищем. Все знали, что, если возникало какое-нибудь серьезное, связанное с большой опасностью и риском поручение, Наташа готова его выполнить.

Появлялась она всегда везде и всюду со своей Лизкой. Маленькая стриженая головка, какие-то смешные вихры на ней, черные большие глаза и, главное, такая же, как у матери, улыбка — только еще более светлая и ясная — делали эту девочку всеобщей любимицей».

Да. Это было так. Наташа в те годы жила на скудные средства, одевалась очень скромно. Но часто, когда ей надо было куда-нибудь ехать по партийному заданию, ее наряжали в богатое платье, ей покупали модные шляпы.

Все эти наряды и прически, подобные буддийскому храму, она носила тоже по конспиративным соображениям. В действительности она вовсе не была такой модницей.

В то далекое время Феодосия Ильинична Драбкина была более всего похожа на свой литературный портрет, написанный Горьким.

Скромная пропагандистка Наташа в романе «Мать», иззябшая и усталая, но веселая и живая, памятна каждому.

Прообразом ее и была Феодосия Ильинична Драбкина, по партийному прозвищу — Наташа.

Это ее и ее молодых товарищей по боевой группе называл А. М. Горький «мастерами революционного дела» и восхищался ими еще во времена первой русской революции — «генеральной репетиции Октября».

* * *

Феодосия Ильинична Драбкина — член партии с 1902 года, включилась в революционное движение совсем девочкой — гимназисткой. У нее были тугие косы, красивые темные брови, пухлые губы, необыкновенный цвет лица. Ей не было и семнадцати, когда мысли о служении народу, желание облегчить его судьбу определили весь ее жизненный путь.

Решающее влияние оказала на нее книга Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия», посвященная героям и мученикам «Народной воли».

Духовное, моральное наследство народовольцев сыграло огромную роль в воспитании молодого поколения революционеров. Феодосия Ильинична Драбкина пронесла через всю жизнь воспоминание о той минуте, когда ее подружка Аня — такая же, как и она сама, гимназистка 8-го класса Ростовской гимназии — вручила ей книгу «Подпольная Россия».

— Никому не давай. Прочти и верни. Это запрещенная книга.

Феодосия Ильинична прочла книгу залпом, за одну ночь.

Героическая борьба «Народной воли» с самодержавием, огромные усилия умных, честных людей пробудить деревню, составлявшие предмет книги «Подпольная Россия», произвели на нее такое впечатление, будто вдруг в маленькой темной комнате зажгли ослепительный свет.

Образы народовольцев Софьи Перовской, Геси Гельфман, Веры Фигнер с тех пор всегда были с ней, даже когда она уже имела основания считать себя «марксисткой», отрицавшей «индивидуальный террор», «крестьянскую общину» и «хождение в народ».

Учащиеся Ростова-на-Дону создали тогда довольно сильную социал-демократическую организацию, которая охватила своим

влиянием много южнорусских городов: Новороссийск, Новочеркасск, Таганрог, Мариуполь. Программа ее действий была напечатана в ленинской «Искре» и получила высокую оценку. «Надо признаться,— писала «Искра»,— что иным революционерам не мешало бы кое-чему поучиться у этой молодежи».

В самом деле ученическая организация, помогавшая Донскому комитету партии в пропаганде и агитации, создававшая рабочие кружки, добывавшая квартиры для собраний, прятавшая нелегальную литературу и собиравшая деньги на нужды революции, была одним из опорных пунктов русской социал-демократии на юге.

К этой организации примкнула Феодосия Ильинична, и еще здесь за ней утвердилась подпольная кличка Наташа.

Практически революционная биография Наташи началась со встречи с Сергеем Ивановичем Гусевым (Драбкиным) — студентом Петербургского технологического института и членом образованного В. И. Лениным «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Он был выслан в 1899 году из Петербурга в Оренбург, а затем в Ростов под гласный надзор полиции.

Живой, энергичный, смелый молодой человек, Гусев стал шефом ученической организации. Он знакомил учениц старших классов с марксизмом, объяснял стратегию и тактику классовой борьбы. Незаметно он завоевал сердце Наташи. Они убедились, что, несмотря на известную разницу в возрасте, у них много общего. И хотя оба были поглощены борьбой с полицией, вечными провалами, заботой о смене паспортов, шифров и разгрузкой транспортов — то с литературой, то с оружием,— они были остроумными, веселыми людьми.

У Гусева был превосходный голос, и даже знаменитый оперный певец Николай Фигнер — брат известной узницы Шлиссельбурга Веры Фигнер — предлагал ему поступить в труппу Мариинского театра, обещая большое будущее.

Но, увлеченный революционной работой, Гусев отказался, да еще намекнул:

— Каждому свое! Одному Шлиссельбург, другому императорский театр.

Зато перед молодежью Гусев пел любимые свои романсы Даргомыжского.

Перед воеводой молча он стоит,
Голову повесил, сумрачно молчит...

Или не менее популярное и любимое:

Нас венчали не в церкви,
Не в венцах со свечами.

Чарующий голос Гусева проникал в душу.

Вскоре молодые люди поженились и, так как в Ростове начались аресты, выхлопотали заграничные паспорта и уехали за границу.

* * *

Их дочь Лизка родилась в Бельгии.

Пребывание в эмиграции было своего рода университетом для Наташи. Ничто уже не связывало ее с людьми, среди которых она выросла, ни с родственниками, мечтавшими разбогатеть, ни с теми подругами по гимназии, мечты которых ограничивались удачным замужеством.

В их глазах она также читала отчуждение.

Ей можно было и не ехать обратно с маленьким ребенком, побыть некоторое время за границей, хотя там и трудно было добывать средства к существованию.

Но в середине 1902 года они вернулись в Россию.

Это очень просто сказать «они вернулись в Россию».

Но если вдуматься, то они вернулись в Россию — страну, где царил неограниченный произвол тайной полиции, где их товарищи сложили головы в тюрьмах и на каторге, где система провокаций приобрела самый широкий размах и где можно было погибнуть в любую минуту. К этому следует прибавить, что они вернулись в Россию втроем, с маленькой девочкой на руках.

Какой отвагой, какой убежденностью и самоотверженностью нужно было обладать, чтобы вернуться в это время в Россию во имя борьбы за торжество социалистической революции!

Все их имущество помещалось в одном чемодане. Гусев жил в это время без квартиры, без паспорта, ночуя каждый день в новом месте у разных сочувствующих людей, носил бобриковое дешевое пальто на «рыбьем» меху. Однако не хотел никакой другой жизни.

Это был тот период, когда Ленин собирал силы вокруг газеты «Искра» — идейного и организационного центра создания партии. Переписка, транспортировка — все это шло мучительно трудно и медленно. Но задачи были настолько грандиозны, настолько они поглощали все силы, что некогда было задуматься о себе, о своей личной жизни, о своих удобствах.

Агенты «Искры» тайно перебирались через границу, доставляя номера газеты в рабочие кварталы и даже в тюремные корпуса.

Знаменитая ростовская стачка 1902 года, расстрел одного из митингов и демонстрация в марте 1903 года под лозунгом «Долой самодержавие!» — все это было для Наташи боевым крещением.

Во время демонстрации был убит пристав, начались обыски и аресты. В случае ареста Гусеву грозила смертная казнь, и он вынужден был бежать за границу, в Женеву.

Там он узнал, что ростовчане избрали его делегатом от Донского комитета на II съезд партии. Съезд этот, который как вехой отметил рождение большевистской партии, начался в Брюсселе и закончился в Лондоне.

После съезда Гусев отправился из Лондона в Россию с докладами о съезде и о положении дел в партии.

Почти одновременно Наташа выехала из России в Женеву.

У Наташи был женевский адрес мужа для писем. По неопытности она полагала, что это и есть адрес его квартиры.

Но когда она, не без приключений, прибыла в Женеву и отправилась по адресу, то оказалось, что Гусев не только не живет там, но хозяева даже не знают, что это за человек.

И вот тогда кто-то из русской колонии дал ей адрес Ленина и Крупской.

Они должны были знать, где Гусев.

Извозчик повез Наташу на окраину Женевы — Сешерон. Пока извозчик вез ее по берегу Женевского озера, она, не замечая фантастических женевских красок, думала только о собственном легкомыслии, о том, что она оказалась на чужбине, не зная языка, не имея ни гроша в кармане и с маленьким ребенком на руках.

Извозчик высадил ее перед небольшим двухэтажным домиком.

Наташа робко переступила порог, держа на руках Лизку. Внизу, где была кухня, она не встретила никого и поднялась наверх, в комнату, где стояли две узкие кровати, покрытые коричневыми клетчатыми пледами, и маленький письменный стол, за которым сидел Ленин. Она надолго запомнила его улыбающиеся глаза.

Много лет спустя, обстановка квартиры Ленина в Кремле, всегда напоминала ей эти скромные, опрятные комнатки в Женеве. Даже дом в Горках. Обеденный стол, покрытый серой клеенкой, и здесь был похож на стол в Женеве. Все было удобно

и просто, ни одного лишнего, привлекающего внимание, ненужного предмета. Только то, что нужно, что необходимо.

Когда Надежда Константиновна сказала Наташе, что Гусев уехал в Россию, Наташа заплакала, сказалось напряжение всех этих дней, Лизка тоже стала вытирать слезы грязными маленькими ручонками.

Это показалось всем, в том числе и Владимиру Ильичу, очень смешным. Он посадил Лизку к себе на колени и стал утешать ее. Вот тогда он и назвал ее Елизавет-Воробей, прозвище это удержалось за ней на много лет.

Наташа и Лизка прожили несколько дней в этом домике, Лизка спала на кровати Надежды Константиновны.

Недели через две, когда они уже сняли небольшую комнату на площади Плэн-Палэ, возле моста через Арву, Гусев вернулся в Женеву.

Для Наташи это было, пожалуй, наиболее счастливое время за многие годы, но Гусев нервничал и рвался в Россию. Борьба между меньшевиками и большевиками приобрела такой острый характер, что нужно было ехать и рассказать товарищам на родине о причинах раскола.

И Гусев в начале декабря 1904 года снова уехал в Питер, где был вскоре избран секретарем Петербургского комитета РСДРП большевиков.

Наташа осталась в Женеве. О событиях 9 января 1905 года она узнала из газет.

Денег совершенно не было. Сложилось тяжелое положение, при котором нельзя было оставаться в Женеве, так как не было средств к существованию, но нельзя было и уехать — не было средств на дорогу. К счастью, попалась русская семья, которой нужен был сопровождающий. Наташе предложили поехать с ними. Они оплачивали проезд. Она с радостью согласилась и поехала в Ростов, где прожила недолго и, скопив уроками деньги на дорогу, отправилась в Петербург.

В. И. Ленин вынужден был оставаться в Женеве, и, когда прощались, Наташе стало до слез обидно за Владимира Ильича.

* * *

11 февраля 1905 года Ленин писал из Женевы Богданову и Гусеву:

«Единственная наша сила — открытая прямота и сплоченность, энергия натиска. А люди, кажется, размякли по случаю «революции»!! ...Нужны молодые силы. Я бы советовал прямо

расстреливать на месте тех, кто позволяет себе говорить, что людей нет. В России людей тьма, надо только шире и смелее, смелее и шире, еще раз шире и еще раз смелее вербовать молодежь, *не боясь ее.* Время военное. Молодежь решит исход всей борьбы, и студенческая и еще больше рабочая молодежь. Бросьте все старые привычки неподвижности, чинопочитания и пр... Надо с отчаянной быстротой объединять и пускать в ход всех революционно-инициативных людей. Не бойтесь их неподготовленности, не дрожите по поводу их неопытности и неразвитости».

Уже 28 февраля 1905 года Петербургский комитет большевиков вынес решение: «Избрать особое лицо, заведующее вооружением, и ассигновать 600 рублей на приобретение револьверов».

«Особым лицом» этим был избран Николай Евгеньевич Буренин. До этого времени, сохраняя постоянную дружбу с агентом «Искры» Еленой Дмитриевной Стасовой, Буренин занимался техникой транспортирования «Искры» и другой большевистской литературы. Но с тех пор как он был избран «заведующим вооружением», ему предстояло направлять по налаженным путям не только литературу, но и оружие. После 9 января, когда неизбежность схватки с самодержавием была решена самой историей, когда на фабриках и заводах каждый вооружался, как мог, Ленин требовал всяческой поддержки массовому боевому движению.

И тогда по решению Петербургского комитета была создана боевая техническая группа. Во главе группы был поставлен член ЦК партии Леонид Борисович Красин (Никитич). Вошли в ее состав многие молодые люди — Сулимов (Петр), Сулимова (Магда), Познер (Татьяна Николаевна), Буренин (Герман Федорович), Грожан (Дмитрий Сергеевич), Николай Сагредо (Андрей Андреевич), Лидия Христофоровна Гоби (Ирина), Саша Сергеев (Охтенский).

В эту группу вошла и Феодосия Ильинична Драбкина (Наташа).

Задача, поставленная перед ними, была очень сложной — всеми способами добывать оружие. Одним из источников был Сестрорецкий завод, где работал большевик Николай Александрович Емельянов, но этого оружия не хватало. Решили покупать за границей. Однако покупка и особенно доставка оружия в Россию были опасны и требовали больших денег, которых у партии не было. И тогда Ленин настоял на том, чтобы

главное внимание обратить на изготовление бомб, необходимых для массовой борьбы. Бомбу мог изготовить любой рабочий. И боевая группа вплотную занялась этим.

Работа в подполье требовала конспиративности и дисциплины. Эти качества были вдвойне необходимы «боевикам». Здесь малейшая неосторожность могла стоить жизни, так как дело, которое выполнялось, каралось смертной казнью.

Наташа долгое время занималась доставкой из Финляндии револьверов и запалов из гремучей ртути. Она переезжала границу, надев на себя нечто вроде широкого лифа с гнездами, в которые прятались запалы и револьверы. Надевался он под платье, в руках ничего не позволялось носить. Так как запалы могли взорваться от малейшего удара, то при перевозке надо было сидеть прямо, будто аршин проглотил.

При поездках в Финляндию Наташа часто брала с собой для конспирации свою Лизку.

Во время Декабрьского восстания в Москве Наташе пришлось по поручению Центрального Комитета партии отвозить в Москву чугунные оболочки для бомб и снаряжение к ним. Оболочки она уложила в изящный чемоданчик, а снаряжение для бомб несла на себе, под платьем. Чтобы не навлекать подозрений, она, как обычно, купила нарядное платье, именуемое «партийным платьем». ЦК дал ей на это денег.

Когда Наташа приехала в Москву, Николаевский вокзал был занят войсками. Солдаты стояли шпалерами, образуя своего рода коридор, через который ей пришлось проходить. Она прошла спокойно, твердым шагом, с беззаботным выражением лица.

В городе вся жизнь замерла. Фабрики и заводы, коммунальные и торговые предприятия, учреждения, даже учебные заведения были охвачены всеобщей забастовкой. Почти непрерывно шла стрельба.

Свой груз Наташа отвезла по указанному адресу, затем не без труда добралась до квартиры Горького на углу Моховой и Воздвиженки.

В эти дни квартира Горького была местом встреч партийных работников. Сюда приходили люди из разных районов Москвы. Здесь можно было узнать самые свежие новости о том, что делается в городе, а это было очень важно, так как газеты не выходили и связь между районами из-за забастовки была нарушена.

Алексей Максимович очень любил птиц и заводил их всюду, где жил. В Москве он также завел разные породы синиц,

устроив для них огромную клетку во все окно в небольшой комнатке. Эту комнатку его домашние прозвали «птицевой», в этой комнате и беседовал Горький с Наташей.

* * *

Декабрьское вооруженное восстание в Москве было высшим взлетом революционной волны. После него революция пошла на убыль. Наступили тяжелые годы реакции. Царский министр Столыпин покрыл всю Россию виселицами. Многих революционеров сгноили в тюрьмах и на каторге. Многие, изверившись в победе рабочего класса, отказались от борьбы, отошли от партии. По решению партии работа боевой группы была свернута, оружие спрятано до лучших времен.

Новый подъем рабочего движения начался уже в 1910 году, но принял особенно широкий размах в апреле — мае 1912 года.

Феодосия Ильинична жила эти годы тихо, зарабатывала средства к существованию работой корректора, занималась пропагандой, собирала заметки для «Правды».

Первый номер «Правды» вышел 5 мая 1912 года.

Правительство штрафовало «Правду», конфисковывало ее номера, арестовывало редакторов, но ликвидировать ее совсем было не в силах. Рабочие по копейкам собирали деньги на уплату штрафов, а вместо закрытой «Правды» выходили «За правду», «Путь правды», «Трудовая правда».

Постепенно на базе «Правды» возник целый ряд изданий: «Просвещение», «Вопросы страхования», партийное издательство «Прибой». В работе всех этих предприятий, особенно в «Прибое», Наташа принимала самое деятельное участие.

Тогда же возникла потребность в издании специального органа, посвященного вопросам женского движения. Феодосия Ильинична взялась и за эту работу.

Выпуск первого номера журнала «Работница» был приурочен к 8 марта — Международному женскому дню.

Однако накануне выхода первого номера вся редколлегия была арестована. Попала в тюрьму и Феодосия Ильинична Драбкина. Было арестовано почти все руководство петербургского женского движения. Женщины-большевички оказались новоселами в специально выстроенной женской политической тюрьме.

Феодосию Ильиничну, так же как и других женщин, продержали в тюрьме три месяца и в мае 1914 года выслали из

Петербурга на 3 года под надзор полиции в Вильно с запрещением проживать в 58 университетских и промышленных городах.

А два месяца спустя началась первая мировая война.

Следующий Международный женский день праздновался уже в 1917 году.

23 февраля (8 марта) 1917 года измученные войной и разрухой петербургские работницы вышли на улицы с требованиями «Долой войну!», «Долой самодержавие!», «Хлеба, мира, свободы!». Их поддержали рабочие. На улицах появились баррикады. Солдаты отказались стрелять в своих жен и матерей, братьев и сестер и присоединились к восставшему народу.

В первые месяцы после Февральской революции Феодосия Ильинична Драбкина выполняла различную агитационную и пропагандистскую работу, секретарствовала на партийных конференциях и на VI съезде партии.

Наконец настали грозные октябрьские дни. Феодосия Ильинична в Смольном. День и ночь сидит она в Военно-революционном комитете, являясь одним из его секретарей, пишет мандаты, приказы об отпуске оружия, распоряжения по воинским частям.

Несколько дней она вместе с другими товарищами не выходила из Смольного. Каждый час был тогда одинаково напряженным, никто не думал о сне и об отдыхе. Но и тогда, когда окончились эти первые напряженные дни, настали другие, заполненные до предела суровой, непрерывной работой по строительству первого в мире государства рабочих и крестьян.

Вот анкета, которую она тогда заполнила.

Анкеты были еще новостью, и боевые люди, такие, как Феодосия Ильинична, относились к ним весьма иронически, о чем и свидетельствуют ее ответы.

1. Имя, отчество и фамилия	Феодосия Ильинична Драбкина
2. Когда пришли работать в Смольном	23 октября
3. Какую работу выполняли вначале	Помощн. секретаря В.-рев. ком.
4. В каком отделе работали и с какими из известных товарищей	В военно-рев. комитете
5. Какую работу выполняете в настоящее время	Завед. секретариата ЦИК

6.	Как попали на работу в Смольный	С неба свалилась
7.	Кем рекомендованы	Никем
8.	Откуда делегированы или избраны	Ниоткуда
9.	Состоите ли членом партии и какой	С.-д. большевиков
10.	Являетесь ли членом какой-либо другой организации	?
11.	Получали ли плату за труд	Да
	а. Когда	20 ноября
	б. Сколько	350 рублей
	в. До какого числа	До 20 декабря

Годится — зам. председателя Военно-рев. к-та — (подпись)

* * *

В начале 20-х годов было создано партийное издательство «Коммунист». В тягчайших условиях разрухи, недостатка бумаги и всего, что необходимо для работы издательства, Феодосия Ильинична налаживала выпуск партийной литературы.

После этого партия направила ее на работу в первую школу партийных и советских работников, выросшую затем в Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова, «Свердловку». Приобретенный опыт Феодосия Ильинична использовала затем при строительстве Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ), а также Закавказского коммунистического университета.

Потом она перешла на работу в Международную организацию помощи революционерам (МОПР), работала в Партиздате, в издательстве иностранных рабочих. Вплоть до последних своих дней, испытывая мучительные страдания от неизлечимой болезни, она продолжала работать, писала статьи, выступала с докладами и воспоминаниями.

* * *

Когда друзья, дети и внуки в наши дни хотят восстановить в памяти облик тех, кто внес свой великий вклад в победу Октября, восстановить характерные черты во всей их

неповторимости, они каждый раз наталкиваются не только на несовершенство человеческой памяти, но прежде всего на удивительную скромность этих людей, не оставивших почти ничего о себе.

Смерть застигла Феодосию Ильиничну за работой над статьей, посвященной сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции. И эта статья была не о себе, а о товарищах по партии, о солдатах революции. Ни одного «я», а все «мы».

Мы собираем теперь буквально по каплям сведения и о той, кого товарищи — их осталось мало — хорошо помнят и продолжают называть старым революционным именем товарищ Наташа. Ни долгие годы, ни трудности, ни выпавшие на ее долю многочисленные испытания не поколебали в ней ни на секунду ее страстного большевистского духа. Всегда, везде и во всем Феодосия Ильинична Драбкина, пропагандистка и боец, оставалась высокопринципиальным товарищем, коммунистом прекрасной и суровой ленинской школы.

Рафаил Хигерович

ЖИЗНЬ ДЛЯ ДРУГИХ

(Вера Засулич)

Всю ты жизнь прожила для других...

Н. Некрасов

Яростно пляшут огромные красные языки. Рухнула кровля. К черному небу взметнулся столб искр. Ветер подхватил их, понес в огненной метели...

Где она? В деревне Бяколово? Но ведь это было давно, в детстве...

Свистят розги. Корчится под ударами человек. Кто дал вам право?! Кто?!. «Раз!.. Раз!..» — командует осанистый генерал. Отблески пламени освещают его холеное властное лицо... А пожар неистовствует. Смутно белеет колокольня. Вход окутан горьким дымом, но лестница цела. Скорее, скорее!.. Руки хватают веревку колокола. Задыхающиеся, тревожные звуки набата. «Лю-ю-ди! Вста-а-авайте, лю-ю-ди!..»

Тяжелые удары металла о металл дробятся, рассыпаются на множество дребезжащих звуков. Колокол стремительно уменьшается в размерах и вдруг исчезает в поднятой руке человека в вицмундире судебного ведомства Российской империи.

— Подсудимая Засулич, вы обвиняетесь в том, что, имея заранее обдуманное намерение...

Дребезжит колокольчик, неумолчно и настойчиво. Стук в дверь.

— Мадам, уже половина восьмого.

Чужой голос, чужой язык. Где она? Куда девался зал суда? Снова стук в дверь.

— Мадам...

— Спасибо, я не сплю.

Остановила еще дребезжащий будильник (не надеясь на него — с часами никогда не была в ладу,— просила хозяйку разбудить). Взглядом окинула комнату, до смешного похожую на десятки таких же пристанищ эмигрантов в Женеве, Лондоне, Цюрихе: кафельная печка (иногда железная), стол, обязательно заваленный книгами и рукописями, кровать. Быстро оделась, выкинула в мусорное ведро груду окурков из пепельницы. Зажгла спиртовку и, еще не садясь за стол, привычно помешивая закипающий крепкий, черный, как деготь, кофе, стала перечитывать с вечера написанные страницы.

«Единичные акты самопожертвования, как выстрел Карповича, не исходящие ни от какой организованной силы, не могут сосредоточивать на себе общественных надежд. На них нельзя рассчитывать. Это не акты борьбы, а лишь выражение общего озлобления и боли, вызываемой особенно ненавистными проявлениями самовластья...»

Карпович Петр Владимирович, 27 лет. Что еще она знает об этом, несомненно, мужественном человеке? Еще раз перелистала кипу свежих газет. 14 февраля 1901 года на прием к реакционнейшему, даже по отзывам своих коллег, министру народного просвещения Боголепову явился студент Московского университета Карпович и выстрелил в министра. На вопрос о причинах его поступка объяснил, что был подавлен расправой над участниками студенческой демонстрации, свершенной по приказу Боголепова, и решил пожертвовать собой. Карповичу предстоят долгие годы каторги. И вместе с тем для массовой общественной борьбы выстрел и самопожертвование Карповича не нужны, более того, вредны, отвлекая силы с истинного, единственно возможного пути освобождения.

Не жестоко ли так думать, тем более писать о человеке обреченном? И должно ли слово осуждения исходить от нее — Веры Ивановны Засулич, точно так же зимним утром 1878 года стрелявшей в петербургского градоначальника генерала Трепова?

Черная бурлящая жидкость выплеснулась из кофейника, залила спиртовку и угол стола. Вера Ивановна торопливо отодвинула бумаги от растекающейся лужи. Вот так каждый раз. И ведь следила. Во всем виновата эта статья.

По поводу современных событий никто не напишет для «Искры» лучше, убедительнее вас, Вера Ивановна, сказал Ленин, произнося ее имя с какой-то особо сердечной интонацией. А может быть, она все придумывает, просто Владимир Ильич картавит, отсюда и это мягкое, дружелюбное «р».

И почему она придает этому такое значение?

— Сколько вам лет, Владимир Ильич? — спросила при первой встрече и, услышав ответ, задумчиво сказала, что как раз в год его, Владимира Ильича, рождения, арестованная за революционную деятельность, сидела в тюремной камере Литовского замка, затем в каземате Петропавловской крепости. Ленин бросил на нее быстрый взгляд и промолчал. Вера Ивановна смутилась. В последней фразе была несвойственная ей интонация. Будто старая революционерка кичилась перед молодым товарищем своими заслугами. Она хотела объясниться, но не было нужды. Казалось, Ленин читал ее мысли. Глаза его дружелюбно заискрились, и он продолжал разговор о том, как важно, «архиважно», не теряя времени, добиться соглашения с Плехановым. Вера Ивановна, как представительница группы «Освобождение труда», заверила собеседника, что Георгий Валентинович всей душой стремится к практической деятельности и, разумеется, поддержит мысль о создании общерусской газеты. Ленину необходимо поехать в Женеву для личных переговоров.

— Осмотрюсь и приеду, товарищ Велика,— пообещал Владимир Ильич.

Велика Дмитриева, болгарская подданная, так именовалась она в короткие недели пребывания в Петербурге зимой 1899/1900 года. А Ленин ехал из сибирской ссылки в Псков (остановка в Петербурге была нелегальной), ему действительно надо было «осмотреться».

Вернувшись в Швейцарию, в самых радужных тонах сообщила Плеханову содержание переговоров. Георгий Валентинович слушал заинтересованно, но с некоторой настороженностью.

— Он вас прямо обольстил, Вера Ивановна,— снисходительно усмехнулся Плеханов, когда Засулич взволнованно передавала ему мысли Ленина о задачах печатного органа, способного идейно объединить революционную социал-демократию.

Ленин долго не приезжал. В Женеве слышали, что весну и лето 1900 года он посвятил установлению связей с социал-демократическими группами городов России. Пришло известие,

что Ленин арестован, затем — что освобожден. После этого в Женеву прибыл и он сам.

Совещание с группой «Освобождение труда» проходило трудно, как это ни горько признать, исключительно по вине Плеханова. Грозил полный разрыв, крах прекрасно задуманного дела. Как-то в отсутствие Плеханова Вера Ивановна настойчиво просила Ленина, почти молила начать работу, не обращая внимания на трудные черты в характере Георгия Валентиновича — его властность, самолюбивое тщеславие. И осеклась, увидев в глазах Владимира Ильича такую неприкрытую горечь, какая бывает лишь при утрате близкого человека.

Впрочем, благодаря терпению и такту Ленина соглашение все же было достигнуто. В декабре появился первый номер «Искры». Уже после его выхода в Мюнхене, где обосновалась редакция, состоялась еще одна «объединительная» встреча, на сей раз с представителем «легального марксизма» П. Б. Струве. Наблюдая за Лениным, Вера Ивановна заметила, как быстро потерял он интерес к разговору, к концу беседы даже перестал спорить, больше молчал и смеялся, отчего Струве явно нервничал.

— Почему вы так, Владимир Ильич? — спросила она после.

— Разве вы не видите, Вера Ивановна, с кем мы имеем дело? Политикан, пройдоха. А вы еще требовали от него объяснений.

— Надо пытаться понять друг друга,— начала было она, но, вспомнив кислое выражение лица «легального марксиста», неожиданно для самой себя только рассмеялась.

— А Струве-то, Струве хорош!

Однако надо сосредоточиться на работе. Как трудно пишется эта статья, хотя мысли ясны и не новы. Ведь еще много лет назад она решительно осудила террор как метод политической борьбы, окрестив его «бурей в закрытом пространстве». Нужно объяснить революционной молодежи разницу между двумя эпохами, просто объяснить и все.

«Двадцать с лишком лет тому назад террор зародился на почве безнадежности разбудить крестьян. Для многих из террористов он был лишь оружием отчаяния, заставляющего отдавать жизнь за то только, чтобы, по выражению Степняка, заставить корчиться удава, сдавливающего своими петлями тело России...»

Степняк, Сергей Кравчинский, «баловень судьбы», как называли его друзья. Уже нет Сергея. Нет многих и многих сме-

лых, умных, бескорыстных, но, увы, одиноких. Теперь другое время.

«В настоящий момент русским людям, желающим свободы, нет никаких причин отчаиваться».

Тогда, двадцать с лишним лет назад, все было иначе. Безысходность, отчаяние, мучительные поиски пути. И рожденное в душевных муках решение...

...Вечером 23 января 1878 года в маленькой комнате на Английском проспекте в Петербурге, где жила Вера Ивановна и часто ночевала ее подруга Маша Коленкина, было людно и шумно. Интересно рассказывал гость с Украины, член киевской революционной организации Сергей Чубаров. Мог ли кто знать, что жить Чубарову осталось совсем немного, через полтора года казнят его по приговору Одесского окружного суда.

А сегодня Сергей весел, оживлен, поет украинские песни, читает на память любимого Тараса Шевченко:

И день идет, и ночь идет.
За голову схватившись в муке,
Все думаешь: когда ж придет
Апостол правды и науки!

Какую необыкновенную силу таят в себе стихи, как тревожили, звали они ее всю жизнь.

...Заветный уголок в Бяколове у заброшенного пруда, укрытый от всего мира старыми ивами. Только они слушают смуглую худую девочку-подростка, с горящими глазами.

Известно мне, погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа;
Судьба меня уж обрекла:
Но где скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?

Слушают старые ивы исповедь Наливайки, тоскливо шелестят поникшими листьями над самой водой, оплакивают трагическую судьбу поэта Рылеева, всем сердцем ненавидевшего тиранство и рабство... И еще стихи. Выпускной экзамен в пансионе.

— Что вы продекламируете нам, мадемуазель?

— «Рыцарь на час» Николая Алексеевича Некрасова,— громко, даже слишком от волнения громко, ответила она, ведь стихотворение распространялось учащейся молодежью в списках.

Если пасмурен день, если ночь не светла,
Если ветер осенний бушует...

Читала торопливо, захлебываясь словами, боялась, что остановят, не дадут кончить:

Всю ты жизнь прожила для других,
С головой, бурям жизни открытою...

Владелица пансиона фрау Риль морщится. Какая экспансивная девушка эта Вера Засулич. Просто неприлично.

От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!

— Вера, Верочка, ау! Где ты, Верочка? — кричит Маша Коленкина.

Она всегда так, когда Вера в компании задумается и сидит с отсутствующим видом. Счастливая Маша. Завтра ей стрелять в прокурора Желеховского, известного своей жестокостью, а она весела. Серые глаза Маши блестят, пушистые рыжие волосы ореолом осеняют хорошенькую головку. Неужели забыла о завтрашнем дне? Счастливая Маша.

Она, Вера, не может забыть. Мучительная мысль не дает покоя вот уже который месяц: имеет ли человек право поднять руку на другого человека? Задумала это прошлым летом, прочитав в газетах рассказ о том, как Трепов приказал высечь розгами арестованного студента Боголюбова. Как это было?

...Прекрасное солнечное июльское утро. Арестанты петербургского дома предварительного заключения гуляли по тюремному двору, когда появился чем-то рассерженный Трепов. Проходя мимо градоначальника, заключенные снимали шапки. Снял и Боголюбов. Затем он вторично попался на глаза гневному генералу.

— В карцер! Шапку долой! — бешено заорал Трепов, резким движением сбил шапку с головы Боголюбова.— Выпороть мерзавца! — Приказание было выполнено. Боголюбова унесли без памяти. Тюрьма неистовствовала. Арестанты кричали, били кулаками и ногами в железные двери, бросали в окна миски, чашки. Стражники врывались в камеры, избивали заключенных прикладами, волокли их по длинным тюремным коридорам и бросали в карцер.

В Петербурге Вера Ивановна узнала о психической травме, от которой Боголюбов так и не смог оправиться (вскоре он сошел с ума и умер в Казанской психиатрической больнице).

Хотя бы ценой собственной жизни доказать, что нельзя, нельзя глумиться над человеческим достоинством...

...Бесконечно тянется зимняя ночь. «Надо спать, надо спать»,— настойчиво внушает себе Вера Ивановна, но стоило смежить ей веки, как начинались кошмары... Долго ли еще до утра? У подруг нет часов, обычно время спрашивали у хозяйки. За окном сереет. Пора.

Холодные, мрачные улицы. Дом градоначальника. Около десятка просителей. Какая-то заплаканная женщина просит взглянуть на ее прошение. Вместе с женщиной подходит к дежурному офицеру. Кошмарная тяжесть, давившая со вчерашнего дня, исчезла. Ничего не осталось, кроме заботы, чтобы сошло, как задумано.

Вот и Трепов с целой свитой. Бравый, начинающий полнеть генерал, пышные баки, грозно нахмуренные брови. Никаких чувств к нему — ни ненависти, ни сожаления.

Сейчас возьмет прошение. Взял. Что-то черкнул карандашом. Странное желание посмотреть, что он написал. Какое это имеет значение? Повернулся к следующему. Надо стрелять. Револьвер под тальмой уже в руке. Нажала собачку. Осечка. Второй раз. Выстрел.

Теперь должны броситься бить. Да. Посыпались удары. Повалили на пол и продолжали бить.

— Вы убьете ее!

— Уже убили, кажется.

— Так нельзя: оставьте, оставьте, нужно же произвести следствие.

Утром 31 марта 1878 года под конвоем двух жандармов она вошла в зал С.-Петербургского окружного суда, поднялась на возвышение, где стояла скамья подсудимых. Жандармы с саблями наголо замерли по обеим сторонам скамьи.

Тишина. Публика, до отказа наполнившая зал, с удивлением рассматривала «страшную террористку». На скамье подсудимых сидела скромная девушка, одетая в черное люстриновое платье. Темные волосы гладко причесаны и заплетены в две небольшие косы. Бледное, несколько удлиненное лицо с запавшими щеками. Большие серые глаза, обрамленные длинными ресницами, от худобы лица казались огромными. В манерах и жестах никакой аффектации, никакой рисовки.

В зале зашептались, раздались приглушенные реплики. Впечатление, произведенное подсудимой, никак не вязалось с обликом, нарисованным воображением.

Медленно развертывалась судебная процедура. Заявления

сторон. Признана уважительной неявка по ранению свидетеля генерал-адъютанта Трепова, приведены к присяге присяжные заседатели.

Судьба обвиняемой в руках восемнадцати человек, разных сословий, характеров, возрастов, совершенно незнакомых. Неужели не поймут, если не умом, то сердцем?

Шло заседание, умело направляемое председателем суда, незаурядным представителем российского либерализма 70-х годов Анатолием Федоровичем Кони. Один за другим выступали свидетели обвинения и защиты. Затаив дыхание, выслушали очевидцев порки. Казалось, в тишину судебного зала ворвались стоны избиваемого, свист розог.

— Подсудимая Засулич, свидетельские показания окончены, что вы можете сказать? — раздался негромкий мягкий голос Кони.

«Только не волноваться, попытаться сказать главное под сотнями ожидающих глаз».

— Я решилась хотя бы ценой собственной гибели доказать, что нельзя быть уверенным в безнаказанности, так надругаясь над человеческой личностью... Я не нашла, не могла найти другого способа обратить внимание на это происшествие... Я не видела другого способа... Страшно поднять руку на человека, но я считала, что должна это сделать.

Она не смотрит в зал, в который раз переживая события мглистого январского утра. Но чей-то требовательный взгляд из публики тревожит, глубоко запавшие серые глаза на истомленном землистом лице, клочковатая борода. Она уже видела однажды эти глаза, в которых затаилось страдание всего человечества. Тогда она сидела в зале, Федор Михайлович Достоевский на сцене, читал...

Что-то спрашивает председатель.

— Когда вы отправились к Трепову, вы желали его убить или...

— Убить или ранить — мне было все равно. Я хотела только показать этим, что нельзя так безнаказанно надругаться над человеком.

Казенная, бесцветная речь обвинителя — товарища прокурора К. И. Кессель. Блестящая речь защитника — присяжного поверенного П. А. Александрова. О чувстве собственного достоинства, которое нужно воспитывать в человеке и нации, о позорной розге и России, которая так долго вела свою историю рядом с розгой. Не жизнь, не физические страдания генерал-адъютанта Трепова нужны были для Засулич, а появление ее

самой на скамье подсудимых и вместе с нею появление вопроса о случае с Боголюбовым.

Резюме председателя А. Ф. Кони. Сдержанное, подчеркнуто беспристрастное. Присяжные удаляются на совещание.

Из окон, выходящих на Шпалерную улицу, видны людские толпы. Сквозь открытые форточки доносится гул голосов. С утра под моросящим дождем тысячи людей ожидают решения суда.

Толпа наэлектризована. Молодой студент, взобравшись на тумбу, читает посвященное Засулич стихотворение Якова Полонского «Узница»:

Что мне она! — не жена, не любовница,
И не родная мне дочь!
Так отчего ж ее образ страдальческий
Спать не дает мне всю ночь!

— Извольте прекратить, господа! — нервничает полицейский офицер.

Из окон здания суда чиновники с тревогой смотрели на толпу.

Звонок присяжных. Они вышли. Тишина.

«Не винов...» — прочитал старшина присяжных. Продолжать дальше он не смог. Зал взорвался аплодисментами. Нервные рыдания женщин. Возгласы: «Браво! Молодцы! Вера! Верочка!..»

Люди обнимались и целовались, как на Христово воскресение. С улицы донеслось громкое «ура!». Это толпа, заполнившая Шпалерную, узнала об оправдательном приговоре.

Было около 7 часов вечера. Смеркалось.

Освобожденная из-под стражи Вера Ивановна, сопровождаемая одним надзирателем, вернулась в камеру забрать свои вещи. Свернула нехитрые пожитки. Оглянулась. На столе лежали верные спутники тюремной жизни: стеариновый огарок, карандаш. И то и другое сунула в карман — не верилось, что отпустят.

Улица. Живая, пульсирующая, без решеток и надзирателей. Села в поданную кем-то карету. Но бесконечно длинный день еще не кончился. Начинался второй акт драмы, где главные действующие лица: правительство Александра II, народная толпа, ощутившая сладостный вкус справедливости и демократии, и хрупкая женщина с большими глазами на исхудавшем лице.

С угла Литейного на Шпалерную скорым шагом в шинелях внакидку вышла команда жандармов и начала теснить толпу. Между тем экипаж медленно двигался. Повернули на Воскресенскую и поехали в сторону Кирочной. Большая часть толпы бежала рядом с каретой. С Фурштатской показалась полиция и жандармы. Они преградили путь. Толпа заволновалась, жандармы отталкивали людей от кареты. Прогремели выстрелы, толпа смяла жандармов, кучер стегнул лошадей. Карета помчалась по темному Петербургу.

В это время (о дальнейших событиях дня ей рассказали позже) к зданию окружного суда примчался чиновник с приказом держать Засулич под стражей до особого распоряжения. Приказ опоздал. На розыски были брошены все силы петербургской полиции. Друзья надежно спрятали Веру Ивановну, затем переправили ее за границу. Начались годы эмиграции. Но еще долго волнами перекатывалось по России «дело Засулич».

Выстрел из «бульдога» в приемной петербургского градоначальника услышал весь цивилизованный мир. Имя женщины, решившей пожертвовать собой ради сохранения достоинства человека, обрастало красивой легендой.

Меньше всех ощущала свою славу скромная, застенчивая мадам Бельдинская — под этой фамилией Засулич жила в Швейцарии, под этой фамилией знали ее соседи, обмениваясь при встрече вежливыми, ничего не значащими фразами.

— Прекрасная погода, не правда ли, мадам?

— Да, да, конечно, прекрасная погода.

...В поисках путей развития русской революции Засулич обращается к изучению теории научного социализма. И когда живущие в Женеве русские эмигранты решили написать непосредственно Марксу, выбор пал именно на скромную «мадам Бельдинскую». Вера Ивановна смущенно отказывалась, потом, вняв доводам товарищей, согласилась. Очень важно было выяснить мнение Маркса о судьбе русской общины.

В двадцатых числах февраля 1881 года Маркс получил письмо из Женевы на французском языке. Под письмом стояла фамилия русской революционерки, за судьбой которой он три года назад с сочувствием следил по газетам.

«Уважаемый гражданин!

Вам небезызвестно, что Ваш «Капитал» пользуется большой популярностью в России. Несмотря на конфискацию издания, небольшое количество оставшихся экземпляров читается и перечитывается... Но что Вам, вероятно, не известно — это роль,

которую играет Ваш «Капитал» в наших спорах об аграрном вопросе в России...»

В первой половине марта пришел ответ Маркса, адресованный «дорогой гражданке». На второе письмо Маркс не ответил — помешала болезнь, потом смерть. За своего великого друга Вере Ивановне написал Энгельс. Это было началом знакомства.

Засулич переводит на русский язык сочинения основоположников марксизма, переводы ее немедленно издаются группой «Освобождение труда». Энгельс, который читает по-русски, высоко оценивает труд Засулич.

«Дорогая гражданка!

Для меня и для дочерей Маркса будет праздником тот день, когда появится в свет «Нищета философии» в русском переводе». И приписал в том же письме:

«Ваш перевод моей брошюры я нахожу превосходным. Как красив русский язык! Все преимущества немецкого без его ужасной грубости».

Брошюра — ныне широко известная работа Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке».

Засулич переезжает в Лондон. Знакомство вырастает в большую дружбу. Вера Ивановна регулярно бывает в доме Энгельса. Хозяин стар, болен, Засулич иногда кажется, что ее частые посещения Фридриха Карловича, как называла Энгельса она и все русские, утомляют хозяина. В другой раз ей и самой неможется, но Энгельс зовет настойчиво, шлет приглашения по городской почте. И невдомек Вере Ивановне, что, кроме большого интереса и уважения, которое Энгельс питал к личности «героической гражданки», был еще один скрытый от нее мотив частых приглашений. Его можно передать своими словами, но лучше обратимся к письмам.

В начале 1895 года находящийся в Женеве Плеханов просит Энгельса показать Засулич известному лондонскому врачу, другу революционеров Фрейбергеру. «Ее нужно заставить лечиться. Доктор Фрейбергер окажет нам огромную услугу, если навестит и выслушает Веру... Поговорите с ним о Вере и попросите его написать мне несколько слов о состоянии нашей строптивой больной».

Энгельс не задерживает с ответом. Он сообщает, что доктор «охотно осмотрит Веру, но что нам предпринять, чтобы она-то согласилась на это?»

Плеханов отвечает, что обращение Веры к врачу «было бы уже началом благоразумия, которое, при ее характере, пред-

ставляется мне совершенно невозможным. Из этого положения есть только один выход: это напасть на Веру, когда она придет к Вам. Увидя, что Вы на моей стороне, она сложит оружие без сопротивления».

Ответ Энгельса: «Теперь, после того как Вы в известной степени поручили мне заботу о ее здоровье, Вы должны мне сказать, не нуждается ли она в деньгах. Если да, то я попрошу у Вас разрешения предложить Вам для нее немного денег, хотя бы на время ее болезни. Я Вам пошлю, скажем, для начала пять фунтов, которые Вы заставите ее принять, как бы *от себя*, так чтобы мое имя вовсе не упоминалось при этом».

Письмо Плеханова: «Мой Генерал!

Прежде всего я хочу сказать о Вере. Благодарю Вас за Ваше великодушное предложение... Но даю Вам честное слово, что Вера *не нуждается* в деньгах... К несчастью, главная трудность состоит не в том, чтобы послать ей денег, а в том, чтобы *заставить ее их истратить*. У нее свои особые принципы: она себе не позволяет *«роскоши»*, а то, что она называет *роскошью*, другие считают *необходимостью*. В этом отношении она неисправима. Когда мы жили вместе в Морне, я заставлял ее употреблять здоровую и разнообразную пищу, заказывая ее хозяйке ежедневно обеды для нее. В Лондоне, живя одна, она пользуется своей свободой, чтобы совсем не обедать... Это поистине непростительная растрата драгоценных для нашего движения сил. Побраните ее со своей стороны».

За спиной ничего не подозревающей Веры Засулич развернулся своеобразный «заговор». Виновница этой переписки, не обращая внимания на болезнь, напряженно работает: штудирует «Капитал», пишет книгу о Ж.-Ж. Руссо (позднее эта книга, вышедшая под псевдонимом «Н. Карелин», произведет сильное впечатление на молодого Ленина), едва таскает ноги, дорожит каждой минутой и... обедает — увы! — действительно изредка.

Мы нисколько не умалим значения бесед Энгельса с Засулич, имевших важное значение для развития и внедрения марксизма в России, если скажем, что настойчивые приглашения Энгельса объяснялись еще и простым человеческим желанием скрасить трудные эмигрантские дни Веры Ивановны — «дорогой и героической гражданки».

Новый, 1895 год — последний год своей великой жизни — Энгельс встретил в кругу друзей, среди которых была и Засулич. Вера Ивановна пришла поздно, места подле хозяина были уже заняты. «Я села далеко,— сообщала Засулич Плеханову.—

М. Ф. Андреева

М. Ф. Андреева и А. М. Горький на палубе парохода на пути в Америку. 1906 г.

И. Ф. Арманд с детьми. 1909 г.

О. А. Варенцова

В. М. Величкина

Г. М. Гельфман

М. П. Голубева

Со своей обычной любезностью он сейчас, как отъели, приволок стул и сел подле меня». И здесь в преддверии нового года завязывается важный разговор о перспективах революционного движения в Европе и России, в которой «рабочий класс читает, просыпается, следовательно, примет сознательное участие в политич[еском] освобождении...» Кто-то воскликнул:

— До нового года пять минут!

Энгельс поднял бокал...

Семь месяцев спустя Энгельса не стало. «Русские революционеры,— писал Ленин,— потеряли в нем своего лучшего друга». Эту потерю остро чувствовала Вера Ивановна Засулич.

Среди хоронивших Энгельса был и сорокачетырехлетний русский революционер писатель Степняк-Кравчинский. Меньше чем через полгода эмигрантская колония и тысячи лондонцев провожали Степняка в последний путь. Трагический случай — гибель под колесами поезда — оборвал жизнь бесстрашного революционера, друга Веры Засулич.

Без сожаления Вера Ивановна покидала Лондон. Она никогда не любила этот город, где «небо видно только через дым».

Но в Женеве было невесело. Революционная эмиграция томилась без настоящего дела. Встреча с Лениным в Петербурге положила начало новому, «энергичному» периоду ее жизни. Работая в «Искре», Вера Ивановна, по собственному выражению, помолодела на сто лет.

Статья ее «По поводу современных событий» была опубликована в № 3 «Искры» с редакционным предисловием:

«С особенным удовольствием помещаем присланную нам В. И. Засулич статью, которая, мы надеемся, будет содействовать правильной постановке в наших революционных кругах вновь выплывающего вопроса о терроре».

Резонанс статьи был огромен. Особое впечатление произвело то, что против террора выступила «сама» Вера Засулич. 5 мая 1901 года. П. Аксельрод писал: «Тот, кому пришла идея, чтобы В[ера] Ив[ановна] подписала свою статью, заслуживает медаль. Без подписи превосходная характеристика психологического действия террора на общество и вся статья не произвела бы того эффекта, который они по существу, должны произвести».

На этих светлых и радостных для Веры Ивановны днях, когда она по горло ушла в работу, а растущее в России революционное движение говорило, что не напрасно прожита

жизнь, не напрасны принесенные жертвы, хотелось бы закончить наш рассказ о Засулич. Но судьба уготовила ей еще много тяжкого, как это ни горько говорить, по ее собственной вине, если можно считать виной заблуждения честного и предельно искреннего человека.

На II съезде РСДРП Засулич примкнула к меньшевикам. После революции 1905 года Вера Ивановна вернулась в горячо любимую ею Россию, но так и не нашла своего места в решающей борьбе пролетариата, в силу которого она поверила еще в 80-х годах.

Через двадцать лет после памятной новогодней ночи в доме Энгельса Вере Ивановне довелось в большом обществе встречать 1 января. Среди гостей были Вера Фигнер, Герман Лопатин и другие. Один из ораторов сказал:

— Мы счастливы, так как среди нас сегодня находятся тени прошлого.

После речей приступили к ужину. Засулич не начинала есть.

— Не угодно ли? — сказал один из присутствующих, подвигая блюдо.

— Как,— громко спросила Вера Ивановна,— нам тоже полагается есть?

— Почему же нет? — удивился ее сосед.

— Да ведь только что было громко заявлено, что мы тени прошлого. Тени и жареный гусь, согласитесь сами! — весело сказала Вера Ивановна под общий смех.

Да, Вера Ивановна до старости сохранила остроту ума. Но наедине с собой понимала, что яркое и светлое в жизни, когда она шагала в первых рядах так ценимого ею русского пролетариата, осталось в прошлом.

Умерла Засулич в Петрограде 8 мая 1919 года. 10 мая «Правда» писала:

«В лице Веры Ивановны от нас уходит одна из наиболее старых и заслуженных революционерок... в ее прошлом пролетариат ценит великие заслуги. Имя ее он никогда не забудет».

Похоронена В. И. Засулич на Волковом кладбище, рядом с могилой Плеханова.

Страна жила в напряжении гражданской войны. Но весной 1921 года Владимир Ильич пишет в Петроградский Совет: «Мне сообщают,.. что могилы Плеханова и Засулич заброшены.

Нельзя ли дать приказ... присмотреть, налечь, проверить?»

После Засулич остались написанные ею книги по философии, теории и практике революционного движения, по вопросам литературы, переводы. Книги эти и сегодня читаются с неслабеющим интересом. Вера Ивановна была крупным литератором-марксистом. Поразительно широк круг ее умственных интересов. Однако еще важнее — это выпадает на долю далеко не каждого выдающегося человека — тот чистый, не замутненный себялюбием или своекорыстием след, который оставила в истории личность Веры Засулич.

Анна Иткина

«ОКРУЖКИНА МАТЬ»

(Ц. С. Зеликсон-Бобровская)

Красиво жить — не просто звук пустой.
Лишь тот, кто в мире красоту умножил
Трудом, борьбой, тот жизнь красиво прожил,
Воистину увенчан красотой.

И. Бехер

Как-то, навестив Цецилию Самойловну Бобровскую, которой шел уже восемьдесят четвертый год, я обратила внимание, что письменный стол, обычно стоявший у стены ее просторной, но темноватой комнаты, сейчас был вплотную придвинут к окну. Это могло означать только одно: ей нужен дневной свет, видимо, она над чем-то серьезно работает.

На столе лежали листы бумаги, стопка книг и среди них книга о группе «Освобождение труда» — первой русской марксистской организации. Я удивилась. Мне казалось, что ее интересы прикованы к событиям более близким нашей эпохе — эпохе Октябрьской революции.

Заметив мой недоумевающий взгляд, Цецилия Самойловна спросила:

— Что вас поражает?

— Почему вы решили углубиться в такие дебри?

— Дебри? Да, пожалуй. Но для меня это страница моей молодости, при этом очень мне дорогая. Я знала организаторов

и руководителей группы, встречалась с Г. В. Плехановым, В. И. Засулич, была близко знакома с П. Б. Аксельродом. Мне хочется написать о своих встречах с ними, но так как память не всегда надежный источник, я и обложилась книгами.

И на секунду задумавшись, она умолкла.

«Какая неугомонная душа, какой неутомимый труженик!» — подумала я, глядя на эту милую старую женщину, с белыми как лунь волосами, с умными серовато-карими глазами, доброй улыбкой на устах.

Прервав наступившее на секунду молчание, она сказала:

— Ну, чего мы здесь стоим, давайте чаевничать? Пойдемте к столу.

Я любила это неизменное «чаевничание» в обществе Цецилии Самойловны. Мы перешли в расположенную рядом небольшую с одним окном комнату. На столе стояли чашки, сухари домашнего производства и варенье. Наш разговор продолжался...

Цецилия Самойловна родилась в семье мелкого конторского служащего в маленьком захолустном городке Витебской губернии Велиже. В деревянном приземистом домике с низкими потолками прошло ее детство и ранняя юность. В доме было тесно и душно, в самой большой комнате, которая считалась столовой, на высоком комоде, покрытом белой вязаной скатеркой, стояла пара медных подсвечников — самое большое украшение дома. Начищенные кирпичным порошком, они блестели, точно золотые. В канун субботнего дня мать ставила их на стол, зажигала стеариновые свечи и, закрыв лицо руками, молилась. Тихо, тихо, едва шевеля губами, она произносила слова молитвы, а неотвязная мысль, где взять деньги на обувь для детей, на жизнь, не выходила из головы.

Отец был еще более религиозным, чем мать. Целый день, не разгибая спины, он подсчитывал барыши своих хозяев — лесопромышленников, а вечерами — в какой уже раз! — перечитывал пожелтевшие от времени страницы талмуда.

Ничто, казалось, не могло нарушить заведенного хода жизни. Только дети вносили какую-то тревогу и беспокойство в его душу. Вот Циля все мечется и мечется, как будто хочет улететь из родного гнезда. И действительно, она мечтала о жизни иной, деятельной, интересной, такой, какой жила Вера Павловна, героиня романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?».

Отсюда, из Велижа, надо бежать возможно скорее! Собравшись с силами, она как-то в тихий вечерний час подсела к отцу.

— Папа, я хочу уехать, найти работу. Ведь вам же трудно содержать всю семью.

— Что ты говоришь, дочь моя, тебе уже 18 лет. Не за горами то время, когда ты выйдешь замуж. Будут дети, семья, хозяйство. Вот это и будет твоя работа. Нет, нет, я тебя не отпущу!

Но Циля была упряма и настойчива. И в конце концов отец сдался. Мать горько плакала, собирая дочь в дорогу. Наскребли деньжат на первое время, и осенью 1894 года Циля уехала в Варшаву. Этот большой и чужой город встретил ее неприветливо. Работы мало, а безработных много. На фабрике устроиться не удалось, и Циля поступила в мастерскую, где делали галстуки. 12-часовой рабочий день, 8 рублей в месяц, монотонная работа изо дня в день в обществе двадцати других забитых судьбой девушек — стоило ли гнаться за таким счастьем? И все же она была безмерно рада, что вырвалась из дома, она чувствовала, что стала сильнее и мужественнее, обрела чувство независимости.

Трудно сейчас установить, каким образом Цецилия Самойловна, простая работница, обрела друзей среди русских студентов Варшавского университета, но именно они были ее первыми наставниками, помогли ей приобщиться к марксизму.

...Уже далеко за полночь, а Циля при свете маленькой керосиновой лампы читает книгу Бельтова (Г. В. Плеханова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Щеки ее раскраснелись. Не все ей понятно. Она перечитывает одни и те же строки несколько раз, задумывается, вновь читает, записывает в тетрадку. Но ее не оставляет чувство, будто она взбирается на высокую вершину, залитую солнечным светом, откуда виден мир такой безбрежный и многообразный в своей сложности и противоречиях. Завтра в кружке будут нападать на народников, народники — на марксистов. Она будет внимательно слушать, а потом, преодолев застенчивость, попробует ввязаться в бой. Своим спокойным, тихим голосом, несколько неуверенно, примерами из жизни будет отстаивать правоту марксистов. Намного сильнее почувствует она себя позже, после того как прочитает в сборнике под сухим названием «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» статью К. Тулина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». Сборник, вышедший легально в количестве 2000 экземпляров, вскоре был запрещен царской цензурой и сожжен. К счастью, один из немногих уцелевших экземпляров ходил по рукам в нелегальных марксист-

ских кружках Варшавы, и Цецилия Самойловна смогла с ним ознакомиться. Но кто же такой Тулин?

«С 1895 года на протяжении семи лет в Варшаве, Велиже, Цюрихе, Харькове под разными именами — Тулин, Старик, Ильин, Петров — мелькал передо мною облик учителя. Лишь летом 1902 года, когда я прочла «Что делать?» — книгу, служившую нам таким замечательным руководством к действию,— эти имена сконцентрировались в одном — Ленин.

Вот почему, еще не видев В. И. Ленина, я представляла себе его именно таким, каким потом встретила,— бесконечно возвышающимся над всеми нами и в то же время равным, простым товарищем, в присутствии которого в тебе самом выявляется все лучшее, что у тебя есть»,— писала впоследствии Ц. С. Зеликсон-Бобровская.

Но прежде чем встретиться с Лениным, она познакомилась с деятелями группы «Освобождение труда».

Лето 1896 года ознаменовалось крупнейшими стачками в Петербурге, перекинувшимися затем в Москву. Участники нелегальных марксистских кружков ощутили, как потом прекрасно выразила их чувства А. И. Ульянова-Елизарова, что «какое-то окно открылось в душном и спертом каземате российского самодержавия». Цецилия Самойловна, как и многие ее товарищи, почувствовала необычайный прилив бодрости и энергии, ей захотелось переехать в какой-нибудь крупный рабочий центр, жить в гуще масс, иметь возможность беспрепятственно передвигаться по матушке-России, так как она знала, что долго на одном месте, под бдительным оком полиции, ей не усидеть. Но для этого надо было иметь право проживать во всех городах Российской империи. Им пользовались только евреи богатые, либо имевшие высшее или среднее специальное образование — адвокаты, врачи, фельдшера, акушерки. И Цецилия Самойловна решила поступить на акушерские курсы. Оставаться в Варшаве небезопасно, она была уже на примете у охранки, поэтому весной 1897 года Циля уехала в Вену. Этот город очаровал ее своей красотой, прекрасными парками, архитектурой, дышалось там по сравнению с Россией, задавленной самодержавием, легче и свободнее.

Исподволь она начала знакомиться с австрийским и немецким рабочим движением. Поначалу мешало плохое знание немецкого языка, но тут на помощь пришел один случай. У своей знакомой студентки Циля познакомилась с дочерью видного деятеля группы «Освобождения труда» П. Б. Аксельрода. Вера хорошо знала немецкий язык. Она стала сопровождать Цецилию

Самойловну на рабочие собрания, митинги, демонстрации, служила ей переводчицей.

Вера Павловна писала отцу, что Циля после окончания курсов собирается в Россию. И вдруг неожиданное приглашение от Павла Борисовича приехать вместе с Верой в Цюрих. Он хотел сам познакомиться с отважной девушкой, которая решила посвятить себя нелегальной революционной деятельности. Группа «Освобождение труда» дорожила каждой возможностью установить связь с русским рабочим движением. Соблазн поехать в Швейцарию был велик. Циля с нетерпением ждала каникул. Летом 1898 года вместе с Верой Павловной она приехала в Цюрих.

«Павел Борисович принял меня по-отечески, привязался ко мне, называл меня дочкой. Я восторженно и с большим интересом смотрела на окружающее меня, все такое новое, необычное»,— рассказывала мне Цецилия Самойловна.

В доме Аксельродов она познакомилась с Г. В. Плехановым. «Отчетливо запомнилась обстановка, при которой я в первый раз увидела Плеханова. Стоя у подъезда квартиры Аксельрода и разговаривая с его сыном гимназистом Сашей, я увидела, что к нам подходит элегантно одетый мужчина средних лет. Смеясь, он обратился к Саше: «Не прокатиться ли и мне на твоем новом велосипеде, или негоже тамбовскому дворянину ездить на стальном коне?». «Кто бы мог быть этот барин с такими умными глазами?» — подумала я, а когда «барин» вошел в подъезд, обратилась с этим вопросом к Саше. «Да это же Георгий Валентинович!» — глядя на меня с удивлением, ответил он.

Юноша, выросший в Швейцарии, конечно, не мог понять, что в моем представлении властитель тогдашних наших дум — Плеханов не мог рисоваться в образе элегантного барина в лайковых перчатках»,— писала Цецилия Самойловна в своих воспоминаниях.

У Аксельродов она встретила соратницу Г. В. Плеханова Веру Засулич. «Эта героическая женщина, бесстрашно стрелявшая в Трепова, которую я представляла себе не иначе, как с револьвером в руках, оказалась очень простой и сердечной. Все с каким-то особым, подчеркнутым уважением говорили о Вере Ивановне, ее необыкновенном уме, беззаветной преданности»,— рассказывала Цецилия Самойловна.

У Аксельродов она видела К. Каутского, Э. Бернштейна, русских бернштейнианцев Кускову и Прокоповича, против которых боролся тогда Плеханов. Она вспоминает: как-то после одного «сражения» с ними из комнаты Аксельрода вышли мрачный

Прокопович, который был больше «бернштейнианцем», чем сам Бернштейн, взволнованная Кускова, с лицом, покрытым красными пятнами, Аксельрод, Вера Засулич и Г. В. Плеханов, довольно потирающий руки. За чайным столом Плеханов в шутку сказал Кусковой: «Вот, Екатерина Дмитриевна, садитесь верхом на этот самовар, и пусть он вас повезет — добьетесь таких же результатов, каких можно добиться вашими теориями!»

Молодая девушка, слушая это, не думала тогда, что Плеханов станет потом таким ей чужим и даже враждебным.

* * *

Диплом об окончании фельдшерских курсов лежал у нее в сумочке, рядом паспорт с пометкой, в которой значилось, что она имеет право проживать во всех городах Российской империи. Она поселилась в Харькове. В 1902 году она едет в Швейцарию, связывается с «Искрой» и становится ее агентом — профессиональным революционером.

Профессиональный революционер! Представление о нем всегда овеяно героикой. Его мысленно видишь на баррикадах с красным знаменем в руках, или тайком перебирающегося с опасностью для жизни через границу, перевозящего оружие или нелегальную литературу в чемодане с двойным дном. Знаешь, что его жизнь полна опасностей, что его поджидает вражья пуля, что ему постоянно грозит тюрьма, каторга, в лучшем случае ссылка. Но редко представляем мы себе другую сторону жизни профессионального революционера — повседневный, кропотливый труд по собиранию революционных сил, строительству партии.

Цецилия Самойловна изо дня в день вела именно такую кропотливую партийную работу, искала связей с людьми, которые могут быть полезны, бегала по явкам, прятала нелегальщину, печатала на гектографе, изыскивала конспиративные квартиры для устройства собраний, проведения занятий в кружках. Сама вела два кружка среди рабочих-железнодорожников. Жила она в величайшем напряжении и при этом часто без копейки в кармане, впроголодь, иногда доходила до полного истощения, но не сдавалась. Диплом об окончании акушерско-фельдшерских курсов так и лежал неиспользованным по прямому назначению. «За свою жизнь не довелось мне ни одному младенцу помочь родиться на свет»,— писала она.

К осени 1900 года почти вся харьковская партийная организация была арестована. Не избежала общей участи и Цецилия Самойловна.

В солнечный, жаркий день села она в поезд, чтобы отвезти листовки рабочим Люботинских железнодорожных мастерских. Не ускользнуло от ее внимания, что какой-то господин в котелке, надвинутом на лоб, оглядев ее с ног до головы своими маленькими, хитрыми глазками, сел в соседний вагон. Он показался ей подозрительным. На станции Люботино ее поджидали товарищи. Она прошла мимо них прямо в буфет, дав понять, что встреча с нею сейчас небезопасна. В буфете она вновь увидела того же самого человека в котелке и теперь уже не сомневалась, что это шпик. Быстро сообразила. Надо дождаться обратного поезда на Харьков и уехать, не передав листовок. Было очень обидно, но так казалось вернее.

В ту же ночь раздался повелительный стук в дверь. В комнату ворвались жандармы и вместе с ними уже знакомый шпик. Они все перерыли, ее увели с собой.

Вот и первая одиночка. Они будут еще и еще. Грустно и обидно, что оборвалась работа. Тревожно — весь актив в тюрьме. Чувствуется рука провокатора. Но и здесь, в холодной и сырой камере, где с шести часов утра до шести часов вечера не приляжешь, так как на весь день койка привинчивается к стене, она не тратила времени зря: искала возможности связаться с волей, заботилась о товарищах. Первую одиночку Сорока, как прозвали Цилю товарищи, превратила в свой первый университет. Ей передали недавно вышедшую легально под фамилией Ильина книгу В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». Какое огромное впечатление произвела она на нее! Об этом Цецилия Самойловна рассказала впоследствии при личной встрече Владимиру Ильичу. «Несчастная вы, несчастная, в одиночной камере пришлось вам копаться в моих скучнейших таблицах. Как мне вас жаль!» — шутливо заметил он, но не преминул все же расспросить ее, доступна ли книга, не трудна ли для усвоения из-за обилия таблиц, интересовался ее мнением по существу вопросов.

Долго держали Цецилию Зеликсон в тюрьме. Почти всех выпустили под гласный надзор полиции до суда, а она по-прежнему была за решеткой. Следователь глумился над ней: «Ничего, заговорите, сознаетесь, что именно через вас Харьковский комитет поддерживал связь с газетой «Южный рабочий». Нам это доподлинно известно. Вы слабая женщина с подорванным здоровьем, и я советую вам не упорствовать». Чтобы доказать, что она не «слабая женщина», что она полна решимости отстоять себя, Цецилия Самойловна объявила голодовку. Испуганный прокурор дал распоряжение освободить ее до суда под

гласный надзор полиции. Надо было надежно скрыться. Где? Решение было принято быстро. Достав немного денег и паспорт на чужое имя, она уехала в Цюрих. Заехала к своим старым друзьям Аксельродам. Ее встретили приветливо, но от ее взгляда не ускользнуло, что Павел Борисович нервничает, находится в каком-то напряженном и мрачном настроении. И если раньше он с большой симпатией отзывался о молодом Ленине, то сейчас он просто отмалчивался, когда Цецилия Самойловна с восторгом говорила о книге Ленина «Что делать?». Вера Аксельрод все разъяснила. В редакции «Искры» нелады между Петровым (Ленин) и Плехановым. Идет обсуждение проекта программы ко II съезду партии, а они сговориться не могут. У Петрова «несколько тяжелый характер, он не идет ни на какие уступки. Плеханов злится, вот и у отца плохое настроение». И как ни тревожно было от этих слов, Цецилия Самойловна чувствовала, что дело здесь не в «тяжелом» характере Ленина, а в каких-то важных, принципиальных разногласиях.

Ежедневно с утра она спускалась из квартиры Аксельрода в подвальное помещение, которое находилось в том же доме. Здесь помещалась небольшая экспедиция «Искры». Цецилия Самойловна рассылала свежие номера газеты по всем европейским городам, где были группы содействия «Искре».

В экспедицию нередко заглядывал Владимир Бобровский, бежавший 18 августа 1902 года из киевской тюрьмы. Свой смелый побег из Лукьяновки, как называли тюрьму, он совершил вместе с Николаем Бауманом, Литвиновым, Пятницким и другими искровцами.

Владимир Бобровский — сын действительного статского советника, ветеринарный врач по образованию и профессиональный революционер по призванию и чувству долга перед народом — и Циля Зеликсон — работница, рядовой подпольщик, как она себя называла,— полюбили друг друга. Их связало глубокое чувство, общие стремления, общее дело, которое было смыслом всей их жизни.

Но, как это часто бывало, не успели они встретиться, как пришлось разлучиться.

Цецилия Самойловна, как агент «Искры», была из Цюриха направлена в район Северного союза (Тверь, Ярославль, Кострома, Иваново-Вознесенск, Владимир).

В изящно одетой молодой женщине, пересекшей границу с паспортом австрийской артистки Гедвиг Навотни, трудно было узнать скромную Цилю Зеликсон, почти всегда носившую кофточки только английского покроя и темную шерстяную юбку.

Прежде чем поехать в район Северного союза, она остановилась в Петербурге. Здесь в нелегальной типографии молодая женщина должна была напечатать листовку, текст которой был ей передан в Цюрихе. Она рассчитывала, что в Петербурге Гуща — Елена Дмитриевна Стасова поможет ей в этом. Но встреча с Еленой Дмитриевной оказалась невозможной, так как за той к этому времени была установлена усиленная слежка. У Цецилии Самойловны были явки и к другим товарищам. Через них удалось напечатать листовку, а также достать новый паспорт, по которому она звалась Пелагеей Давыдовной. Из Питера Цецилия Самойловна уехала в Тверь и, забрав там корзину с нелегальщиной, направилась через Москву в Ярославль.

Она приехала сюда совсем больная, видимо, простудилась в дороге. Едва добрела до дома, где сдала привезенную литературу, и свалилась. Перевезли ее в квартиру сестер Дидрикиль, у которых Цецилия Самойловна пролежала почти месяц. Как только поправилась, не мешкая, уехала в Кострому.

Северный союз в это время потерпел крупный провал. Большинство членов партии было арестовано. Надо было по камешкам вновь воссоздать организацию. В Костроме за ней следовали по пятам шпики. Оставаться здесь было опасно. И она решила поехать в Петербург. Оставив свой незатейливый «гардероб» у хозяйки и захватив с собой лишь три паспортные книжки (кроме той, по которой жила она сама), Цецилия Самойловна села в поезд. Какой-то господин купеческого вида угощал ее вкусными пирожками, котлетками, конфетами, без умолку болтал, изображая из себя любезного спутника.

В Петербурге, сойдя с конки на Садовой улице, она увидела, что этот же господин в сопровождении еще двух мужчин догоняет ее.

— Барышня, пожалуйте в охранное отделение!

Делать было нечего. В муфте лежали четыре паспорта — веские улики. К счастью, в охранном отделении, когда ее привезли, не оказалось женщины для личного обыска. Пришлось ждать ее возвращения. Цецилия Самойловна воспользовалась этим, попросила разрешения сходить в туалетную комнату и там спустила все четыре паспорта в унитаз. Таким образом, компрометирующего материала при ней не оказалось. Три недели просидела она взаперти в одной из комнат охранного отделения и пять месяцев в доме предварительного заключения.

— Сознайтесь, вы приехали в Петербург по делам Северного союза? Вас зовут Пелагея Давыдовна? Вы жили до приезда в

столицу в Ярославле на Романовской улице? Сознайтесь, нам все известно,— выпытывали у нее на допросах.

— Нет, меня зовут Цецилия Самойловна. Весною прошлого года я ушла из-под надзора полиции.

— А где вы были все это время?

— Ходила по Садовой, где меня и арестовали,— с невозмутимым спокойствием ответила она.

Так как прямых улик не было, ее освободили впредь до суда. В Твери, куда она поехала, чтобы «отдышаться», «подштопать» вконец пошатнувшееся здоровье и вновь начать работать, она узнала о расколе, который произошел на II съезде партии. Не хотелось этому верить. Товарищи предложили ей поехать за границу и получить исчерпывающую информацию.

С помощью контрабандиста она благополучно добралась до немецкой деревушки, а оттуда направилась в Швейцарию. В октябре 1903 года она была уже в Женеве, где впервые лично познакомилась с В. И. Лениным и Н. К. Крупской. Знакомство состоялось в кафе «Ландольт», где вечерами в одной комнате собирались большевики, в другой — меньшевики. Здесь же она из уст Ленина услышала о положении в партии после II съезда. Каждое его слово проникало в глубину сердца, пробуждало острую потребность отправиться в Россию и там бороться за ленинские идеи.

Владимир Ильич и Надежда Константиновна пригласили ее к себе. В ближайший день она направилась в Сешерон.

Ленин, одетый по-домашнему, в синей косоворотке, подробно расспрашивал ее о жизни в России; чувствовалось, что он придает большое значение беседе с «российским практиком».

Вскоре Елизавета Васильевна — мать Надежды Константиновны — пригласила всех обедать. Владимир Ильич был весел, шутил. «Вот, иронизировал он, наша Елизавета Васильевна считает, что возникший внутрипартийный разлад может быть легко изжит, что обязательно надо помирить Юлия Осиповича (Мартова) с Владимиром Ильичем и сделать это может Вера Ивановна (Засулич), к которой она, Елизавета Васильевна, собирается сходить, чтобы переговорить по этому поводу»... Подшучивая над Елизаветой Васильевной, Владимир Ильич еще от себя добавил: «Мы с Юлием теперь ходим по разным тротуарам Женевы. Завидев друг друга издали, каждый из нас переходит на противоположный тротуар, а что касается Плеханова, то я с ним состою в переписке. Подписываюсь я не «преданный Вам Ленин», а «преданный Вами Ленин». Несмотря на шутливый тон, каким были сказаны эти слова, в них прозвучала боль-

шая горечь»,— замечает Цецилия Самойловна, вспоминая первый день, проведенный в Сешероне. Таких дней было немало.

Беседы за обеденным столом на кухне или в комнате Владимира Ильича сроднили ее с Ульяновыми.

Как-то она засиделась допоздна. Трамваи уже не ходили, а пешком идти одной было страшновато. Владимир Ильич пошел ее провожать. Они шли по безлюдным, тихим улочкам. В окнах давно уже погас свет. Первая заговорила Цецилия Самойловна.

— Владимир Ильич, мне скоро возвращаться в Россию, и меня очень смущает, имею ли я право брать на себя обязанности профессионального революционера. Когда я была агентом «Искры», я чувствовала недостаток знаний и опыта. Мне кажется, что называться профессиональным революционером может только человек широко образованный, обладающий талантом пропагандиста, агитатора, литератора и организатора. Я рядовой подпольщик, и все эти качества мне не присущи. Я часто мучаюсь, не улыбайтесь, Владимир Ильич, но я в действительности мучаюсь от сознания, что я совсем не по достоинству ношу это высокое звание.

Владимир Ильич внимательно слушал ее, а потом спокойно сказал, что основное качество профессионального революционера — это беззаветная преданность рабочему классу, партии. Этим качеством она обладает в полной мере. Нельзя суживать круг профессиональных революционеров только вождями, руководителями партии... Так, беседуя, дошли до дома, где жила Цецилия Самойловна, а разговор все еще не был закончен. Они повернули обратно, подошли к дому, где жили В. И. Ленин и Н. К. Крупская, и оба громко рассмеялись.

— Ну, вот! Это я виноват. Увлекся!

И они вновь пошли по той же дороге. Прощаясь с Цецилией Самойловной, Владимир Ильич сказал:

— Немножечко больше веры в свои силы! Это необходимо.

Эти слова в трудные минуты, которых было немало в ее жизни, служили ей опорой.

* * *

И вновь Россия: Тифлис, Баку, Москва... В Москве жила без паспорта у матери мужа Софьи Львовны Бобровской на углу Смоленского бульвара и Глазовского переулка. В этой квартире хранили литературу, оружие, собирались подпольщики. Софья Львовна, очень любившая сына, сочувствовала его идеям и по-

могала товарищам и друзьям своего Владимира. К Цецилии Самойловне она относилась с материнской нежностью и любовью.

Вскоре, уже в бурном 1905 году, опять арест, когда Цецилия Самойловна направлялась на Московскую партийную конференцию, которая должна была состояться в лесу около станции Обираловка.

...Бутырская тюрьма. Но и сюда доносятся отголоски революции. В тюремном дворе арестованные устраивают митинги, в камерах поют революционные песни. Все живут надеждой на скорое освобождение.

В тюрьме Цецилия Самойловна узнала, что ее муж Владимир Бобровский по дороге в сибирскую ссылку должен быть доставлен в те же Бутырки. Она решила во что бы то ни стало добиться свидания с ним. Написала прошение. Ей отказали: «Арестованным с арестованными свидания не дают». Но 18 октября 1905 года революционная Москва начала «осаду» Бутырок.

— Освободить всех заключенных! — требовал народ, подошедший вплотную к стенам тюрьмы.

Из окна своей камеры Бобровская, затаив дыхание, следила за развевающимися красными знаменами, за новыми и новыми колоннами рабочих, подходивших к тюрьме.

Вечером того же дня Цецилию Самойловну освободили, а через несколько дней она увиделась со своим мужем, которого революционный народ тоже вырвал из рук тюремщиков. Оба они окунулись в кипение бурлящей Москвы. Цецилия Самойловна вместе с рабочими Лефортовского района строила баррикады у Покровской заставы, вместе с ними пережила горечь поражения Декабрьского вооруженного восстания. Уныние, разочарование — все видела она в годы реакции, но сама никогда не переставала быть активной, деятельной, не переставала верить в грядущую победу революции. В Москве, Костроме, Иваново-Вознесенске Ольга Петровна, как ее теперь звали, организовывала типографии, писала и печатала листовки, вела кружки. Она всегда ходила «на острие ножа», только находчивость спасала ее.

В Иванове во время налета полиции на союз текстильщиков, когда начали переписывать всех находящихся там, Цецилия Самойловна ухитрилась пройти в какую-то комнату, где на гвозде висела пестрая шаль сторожихи, накинув ее на себя, она уселась на лавку. Вошел полицмейстер: «Давно ли ты служищь у них и много ли они тебе платят?» — «Платят хорошо, 7 руб-

лей, служу два месяца»,— ответила она. Полицмейстер пошел дальше.

Но везти всегда не может. Летом 1908 года Цецилия Самойловна — секретарь Московского окружного комитета — была вновь арестована в лесу, недалеко от станции Обираловка, где проходила окружная партийная конференция. На этот раз ей уже не удалось избежать суда.

При аресте она назвалась Лидией Никитиной и заявила, что ездила на дачу к знакомым, недоумевала: «Какая конференция? Знать не знаю, ведать не ведаю». Но ничего не помогло. Через неделю ей предъявили ее фотографию с подписью под ней «Зеликсон» и объемистое дело, в котором хранились материалы ее «прегрешений» перед царским правительством. Цецилию Самойловну приговорили к ссылке. По болезни Сибирь заменили Вологодской губернией.

В Великом Устюге — тогда отдаленном и полудиком уездном городке — прожила она два года. Сюда по окончании срока своей ссылки приехал и Владимир Бобровский.

После ссылки вновь партийная работа. «Окружкина мать», как любовно звали ее товарищи по совместной работе в московской окружной организации, вернулась в Москву и с небольшими перерывами прожила и проработала здесь до конца своих дней...

Всегда, когда бы я ни приходила к ней, она с интересом и живо рассказывала какие-нибудь эпизоды из своей жизни. По-особенному светились ее глаза, когда она говорила о Владимире Ильиче и Надежде Константиновне. Ленин был для нее не только вождем, но и внимательным и заботливым товарищем. В своих «Записках подпольщика» вспоминает Цецилия Самойловна такой случай.

Было это на Всероссийской конференции в Гельсингфорсе в 1907 году, проходившей в темном и сыром помещении. Как-то во время перерыва она сидела около пылавшего камина. Подошел Владимир Ильич и, услышав ее кашель, сказал: «Зябнете, кашляете как-то нехорошо, может быть, в Москву не возвращаться, поехать на некоторое время за границу, отдохнуть, полечиться?» Цецилия Самойловна стала ему объяснять, что ехать ей сейчас никак нельзя — людей не хватает. Владимир Ильич только покачал головой и полушутя сказал: «Погибнешь ты зимою где-нибудь на ветке». Шутка шуткой, а внимательный взгляд его выражал тревогу.

Никогда не переставал Ленин интересоваться жизнью Цецилии Самойловны. О том, как он к ней относился, красноречиво

свидетельствует письмо, написанное Владимиром Ильичем 30 ноября 1921 года:

«Заведующему домами ВЦИК

т. Метелеву

Прошу непременно предоставить комнату в 1 Доме Советов тов. *Цецилии Самойловне Бобровской,* которую я знаю хорошо как старого партийного работника. Она живет сейчас в совершенно невозможных условиях, и доктора велят ее немедленно перевести в один из Домов Советов.

Сообщите в мой секретариат об исполнении.

Председатель
Совета Народных Комиссаров *В. Ульянов*
(Ленин)

P. S. Я знаю Бобровскую с эпохи *до* 1905 года и знаю, что она способна бедствовать и молчать чрезмерно. Поэтому ей надо помочь быстро».

Цецилия Самойловна Бобровская прожила долгую жизнь. Прожила деятельно и самоотверженно. Все свои силы, знания и опыт она отдала служению великому делу революции. Ценным человеком для партии называл ее Ленин.

Цецилию Самойловну любили и глубоко уважали все, кто ее знал.

Велико было обаяние ее личности. Ясный и гибкий ум, скромность и простота, отзывчивое сердце привлекали к ней.

Мария Ангарская

СЕРДЦЕ, ОТДАННОЕ НАРОДУ

(Р. С. Землячка)

Революционный держите шаг,
Неугомонный не дремлет враг...

А. Блок

В тот час ранних февральских сумерек в нашей квартире было особенно тихо. Мать еще не вернулась с работы, брат и сестра катались во дворе на салазках, отец занимался в своем кабинете, а я, придя из школы, прильнув лбом к окну, задумавшись, наблюдала, как в желтом призрачном свете фонарей на Плющихе кружились, сталкивались, плясали гонимые ветром крупные пушистые снежинки... Неожиданно раздался звонок, я открыла дверь. На пороге стояла невысокая женщина. Стряхивая снег с жакета и меховой шапки, она спросила:

— Дома Николай Семенович?

Услышав голос гостьи, отец поспешил в переднюю.

— А, Розалия Самойловна! Очень рад. Какими судьбами?

— Ехала из Замоскворечья, увидела у вас огонек и решила заглянуть.

Пока отец помогал гостье раздеться, я с нескрываемым любопытством рассматривала ее. Худощавая, быстрая в движениях. Гладко зачесанные назад темные волосы открывали высокий лоб. Пенсне, из-под которого глядели внимательные карие

глаза, придавало ей, может быть, излишнюю суровость. Весь облик этой женщины был решительный, энергичный. Одета она была в простое черное платье с туго накрахмаленным белым воротничком.

Приглашая Розалию Самойловну в кабинет, отец попросил меня позаботиться о чае.

В маленькой столовой за самоваром отец и Розалия Самойловна продолжали беседу, начатую в кабинете.

Моего отца, Клестова-Ангарского, члена партии с 1902 года, одного из руководителей Октябрьского восстания в Москве, связывала с Землячкой давняя дружба, еще по подпольной партийной работе. Я слышала много раз, как он беседовал с Землячкой по телефону, советовался по разным вопросам.

Выполняя обязанности хозяйки дома, разливая чай, угощая вареньем, я с интересом слушала Розалию Самойловну, она говорила горячо, взволнованно.

— Представьте себе, вчера наши рабкриновские активисты обнаружили в одной из амбулаторий вопиющий факт. Фельдшерица настолько увлеклась частными разговорами по телефону, что забыла про больных, сидящих с градусниками. Больше часа они так и просидели... Какое неуважение к человеку, какое возмутительное наплевательство! А вот еще один пример. Обюрократившийся чинуша, кстати сказать, сам из выдвиженцев, вызвал милиционера, чтобы тот увел неугодного ему посетителя. Но, на его несчастье, этот посетитель оказался нашим негласным обследователем. Нам помогают великолепные люди, деятельные, честные, непримиримые ко всяким недостаткам. Крупнейшие заводы выделили товарищей для массового рейда по борьбе с бюрократами. Есть у нас и лихая «легкая кавалерия», сформированная комсомолом, есть также и женский отряд Москвы.

— А что вы будете делать с изобличенными бюрократами? — сгорая от любопытства, спросила я.

— Судить! Публично судить! И судьями будут те, кто их разоблачил... Приходи с отцом на такой суд. Тебе это будет полезно...

...В слякотный вечер начала марта двадцать девятого года мы с отцом отправились в Замоскворецкий театр (в этом здании теперь помещается филиал Малого). Там шел первый общественный суд над бюрократами. Люди заполнили партер, балконы, ложи. Между проходами были установлены юпитеры, суетились операторы у кинокамер, шипели вольтовы дуги, испускающие голубой дымок. Яркие лучи освещали обвиняемых,

которых через несколько дней миллионы людей должны были увидеть на экранах кинотеатров и клубов. Они, конечно, стремились избежать такой «популярности», отворачивались, закрывали лица.

Зрительный зал гудел:

— Нечего прятаться!.. Давай снимай его!.. Наводи свет, накручивай!

На сцене за длинным, покрытым кумачом столом заняли свои места рабочие заседатели в косоворотках, кожаных куртках и выцветших красноармейских гимнастерках. Среди них были и женщины в красных косынках. Председательствовала заведующая объединенным бюро жалоб Рабоче-Крестьянской инспекции Розалия Самойловна Землячка. Одетая в темный костюм, с орденом Красного Знамени на груди, она сидела строгая, сосредоточенная. Розалия Самойловна долго трясла медный колокольчик, пытаясь навести порядок.

— Сегодня рабочая Москва судит злостных бюрократов,— начала свою речь Землячка. Зал притих.— Сегодня мы судим тех, кого поймали с поличным, кто попался в руки рабочих. И пусть наш суд будет грозным предостережением всем чинушам, которые еще не выловлены... Не забывайте, товарищи рабочие, что власть принадлежит вам! Прокуроры и члены коллегий, завы и помзавы и все другие работники советского аппарата, вне зависимости от своих полномочий, только ваши доверенные, ваши слуги.

Землячка была не только строга, но и торжественна, она задавала вопросы, бросала колкие реплики, делала иронические замечания.

Вот на трибуне один из бюрократов, не принявший рабочего посетителя, гонявший его из комнаты в комнату.

— Скажите, гражданин,— спрашивает Землячка,— к вам пришел рабочий с тревожным сигналом и нигде не мог добиться толку, считаете ли вы этот случай исключительным?

— Да если бы я знал, что это обследователь, конечно бы принял, обязательно принял,— тихо говорит обвиняемый.

Зал грохочет, заразительно смеется и Розалия Самойловна. Она протирает глаза и вновь надевает пенсне.

— А вы в каждом посетителе должны видеть обследователя. Тогда не ошибетесь и под суд не попадете...

Обвиняемые сменяли один другого.

...В третьем часу ночи вышла публика из театра, где состоялся необычный «спектакль», главным «режиссером» кото-

рого была Землячка. Возвращаясь, я вспомнила стихотворение Демьяна Бедного, напечатанное в «Правде».

От канцелярщины и спячки
Чтоб оградить себя вполне,
Портрет товарища Землячки
Повесь, приятель, на стене.

Дух волокитный черной хвори,
Вся дурь твоя сойдет на нет,
Когда таким «мэмэнто мори»
Ты свой украсишь кабинет.

Все, что в тебе клубится смутно,
В приемный час в себе таи
И повторяй ежеминутно
Святые буквы РКИ.

Бродя потом по кабинету,
Молись, что ты пока узнал
Землячку только по портрету:
В сто раз грозней оригинал!

Тут же, на газетном листе, был помещен дружеский шарж. Землячка, как говорится, «вооружена до зубов». Ее перекрещивают пулеметные ленты, на поясе кинжал, револьвер, гранаты, в руке винтовка. Художник не случайно именно так изобразил Розалию Самойловну. У нее был богатейший военный опыт.

...В центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится учетно-воинский билет № 646169, выданный начальнику политотдела армии Р. С. Землячке. На пожелтевшей от времени странице в графе «Бытность в походах и делах против неприятеля в составе Красной Армии» записано: «В походах против англичан в составе 65-й армии — 1918 — июнь — октябрь»; «В боях и походах против генералов Деникина, Краснова и Колчака. Октябрь 1918 г. по май 1919 г.». Первой из женщин Землячка была награждена орденом Боевого Красного Знамени.

В разгар гражданской войны, переезжая с фронта на фронт, Розалия Самойловна оказалась в Москве. С вокзала она пошла прямо в Кремль.

Осенний ветер гнал по неподметавшимся улицам желтые листья, обрывки газет, тучи пыли. На дверях магазинов и лавок висели пудовые замки, проржавленные вывески сообщали имена их прежних владельцев — купцов первой гильдии и «поставщиков двора». У нескольких открытых булочных стояли очереди изможденных женщин и худых подростков. В столице тогда

выдавали пресловутую «осьмушку хлеба» на человека в день. Прохожих было мало. Голодные москвичи, сберегая силы, отсиживались по домам, кое-как согреваясь около «буржуек» (так назывались в ту пору маленькие железные печурки). Навстречу Землячке к вокзалу прошагала колонна красноармейцев в новеньких шинелях. Розалия Самойловна проводила их долгим, внимательным взглядом, а затем ее взор с тоской остановился на высокой заводской трубе. Она не дымила и поэтому казалась излишней деталью городского пейзажа. Землячка знала, что из-за отсутствия топлива бездействуют почти все московские предприятия. На фронте, в сумятице штабных совещаний и выступлений перед бойцами, посещений окопов и лазаретов, она часто думала о Москве и все-таки не ожидала увидеть ее такой печальной, разоренной.

Землячка незаметно подошла к Спасским воротам Кремля и, получив пропуск, направилась к квартире Ленина.

Владимир Ильич, как всегда, радостно встретил свою старую соратницу. Надежда Константиновна угощала ее всем, что нашлось в доме. А потом в рабочем кабинете Ленин и Розалия Самойловна долго беседовали. Мигнуло и погасло электричество, Владимир Ильич зажег стоявшие на столе свечи, при их мерцающем свете разговор стал особенно задушевным.

Говорила больше Розалия Самойловна, а Владимир Ильич внимательно слушал. Много лет спустя Землячка сделала следующую запись о Ленине: «Весь всегда в движении, он впитывал в себя все окружающее, и никогда ничто не проходило мимо него. Он был неподвижен только тогда, когда слушал... По одному, двум высказываниям создавалась жизненная проблема, огромной важности практическая задача...»

И в тот осенний вечер тревожного года Владимир Ильич, задумавшись, сказал:

— Военный фронт, Розалия Самойловна, это еще не все. У нас уже завелись свои, советские бюрократы. Идут сигналы о бюрократизме и волоките в наших учреждениях. Нужно создавать аппарат проверки, без этого нельзя улучшить работу учреждений. Наш Рабкрин делает только первые робкие шаги и не всегда удачные... Закончится гражданская война, и пошлем в Рабкрин испытанных и проверенных товарищей. И вас, Розалия Самойловна, в том числе...

...Прошло десять лет, и Землячка возглавила ответственнейшую работу, о которой говорил ей в тот памятный вечер Владимир Ильич.

Розалия Самойловна рассматривала свое участие в борьбе

с бюрократизмом как прямое ленинское поручение. За долгие годы своей революционной деятельности ей пришлось выполнять множество заданий Владимира Ильича. Началось это на рубеже XX века. Несмотря на молодость, в ту пору она была уже испытанной революционеркой, пережившей аресты, обыски, ссылки.

В доме ее отца, купца первой гильдии Залкинда, не все было благополучно с общепринятой точки зрения. Два сына его, народовольцы, участвовали в революционном движении 80-х годов. Маленькой девочкой Роза ходила в тюрьму на свидание с братом перед отправкой его на каторгу.

Киевский жандармский генерал Новицкий говорил ее матери:

— Ну и преступников вы породили, целое революционное гнездо ваша семья!

Розалия оказалась самым беспокойным птенцом этого гнезда. С ранней юности начала она работать в киевской марксистской группе. В восемнадцать лет по доносу провокатора ее в первый раз арестовали. При обыске нашли первомайскую прокламацию.

В 1902 году к молодому агенту ленинской «Искры» в Полтаве Розалии Самойловой (так она тогда называлась) пришло письмо от Владимира Ильича.

Вскоре она приехала в маленький, казавшийся ей сонным швейцарский городок Цюрих. С замирающим сердцем шла Землячка на свидание с Лениным. В скромной маленькой квартирке ее радушно приветствовал молодой, очень живой и милый человек с высоким, уже лысеющим лбом. С того дня Землячка стала верной и деятельной помощницей Владимира Ильича.

После II съезда партии, в работе которого Розалия Самойловна принимала активное участие, она снова встречалась с Лениным в Швейцарии, в Женеве. Именно здесь, в Женеве, происходило совещание двадцати двух большевиков, созванное Лениным. Отсюда уехала Землячка в Россию с бесценным для грядущей революции документом — ленинским обращением «К партии». Напечатанное на тончайшей папиросной бумаге, оно было спрятано Крупской в углублении за стеклом дамского ручного зеркала.

В России этот документ был размножен в подпольной типографии. Розалия Самойловна повезла его из города в город. Она то преображалась в светскую даму, то становилась горничной, то превращалась в малозаметную фабричную работницу. Друзья

по подполью удивлялись ее способности быстро перевоплощаться.

Розалии Самойловне удалось добиться присоединения ряда социал-демократических организаций к резолюции двадцати двух. В январе 1905 года Владимир Ильич писал ей: «Вашу громадную работу по завоеванию 15 комитетов и организации трех конференций мы ценим чрезвычайно... Без Вас мы не делали и не делаем ни шагу».

Где только не побывала Землячка, выполняя важнейшие партийные задания! Петербург и Женева, Вятка и Брюссель, Тифлис и Лондон, Ростов-на-Дону и Екатеринбург, Кутаиси и Ярославль, Вологда и Орша, Батуми и Тула... В этом маршруте странствий профессионального революционера была одна особенность: она все время возвращалась в Москву.

С Москвой Землячку связывали многие подпольные кружки и схватки с меньшевиками, поединки с охранкой и дерзкий побег из камеры предварительного заключения, работа пропагандиста и баррикады пятого года. А в Москве особенно родным был ей Замоскворецкий район.

Обширное Замоскворечье с его горбатыми улицами и кривыми переулками, аляповатыми купеческими особняками и вросшими в землю деревянными домишками бедноты, бесчисленными кабаками и приземистыми фабричными корпусами играло особую роль в развитии революционных событий в стране.

В Замоскворечье было сосредоточено более половины всех московских промышленных предприятий. Там находились большие текстильные фабрики, машиностроительные заводы, самая крупная в городе типография Сытина, а также кондитерская фабрика «Эйнем», парфюмерная фабрика «Брокар» и много других больших и малых, как тогда говорили, «промышленных заведений». На каждом из них побывала Землячка, и всюду у нее были знакомые, единомышленники. Более того, она знала даже все проходные дворы в этом обширном районе, что очень пригодилось профессиональной революционерке в девятьсот пятом году.

...Зима была на редкость вьюжная. Дворники не успевали убирать снег, и снежные барьеры вытянулись вдоль тротуаров. Стоял двадцатиградусный мороз, матово белели покрытые инеем окна домов. Тяжелые клубы дыма лениво поднимались над крышами.

Только что окончилась общегородская конференция большевиков, тайно собравшихся в частном училище Фидлера. Кон-

ференция приняла решение о начале вооруженного восстания. Для руководства им была избрана пятерка. В нее вошла и Розалия Самойловна Землячка. Ей поручили Замоскворечье. Прямо с заседания она поехала к месту боевого назначения. Извозчичья лошаденка медленно тащилась. Землячка поеживалась от леденящего ветра. Сегодня она для конспирации приняла облик богатой дамы. Скорей бы сбросить эту шляпу со страусовыми перьями и закутаться в теплый шерстяной платок! А ехать еще далеко!

Извозчика обогнал серый в яблоках рысак, мчавший какого-то господина, поднявшего бобровый воротник. На рысях прошел эскадрон драгун, прибывший на днях в Москву по требованию самого градоначальника для подавления возможных беспорядков. На углах улиц у будок топтались, пытаясь согреться, городовые. Из ярко освещенных магазинов выходили тепло и нарядно одетые господа. Хлопали двери в чайных, выпуская клубы пара. Пьяница без шапки выбежал из трактира и тотчас нырнул в сугроб. Мальчишки с визгом катались на салазках. На церковных колокольнях звонили ко всенощной. Шла обычная, шумная, городская жизнь, и, казалось, ничто не предвещало, что пройдет немного времени и улицы ощетинятся баррикадами, захлопают ружейные выстрелы, затарахтят пулеметы.

Землячка знала, что так будет. Уже много недель она участвовала в подготовке всеобщей стачки, организовывала вооружение московских рабочих. Сколько провела она митингов, сколько споров с меньшевиками, сколько раз выступала то перед рабочими Прохоровской мануфактуры, то перед мясниками Охотного ряда, злобно оравшими: «Бабу вон, бабе тут не место!», то в громадных мастерских Курской железной дороги. Много раз совещались руководители московских большевиков, встречаясь в разных концах города.

Землячка знала, что слесари фабрики «Эйнем» из кусков железа делали кинжалы и пики, что типографщики Сытина печатали газету «Известия Московского Совета рабочих депутатов», а в подвалах Высшего технического училища студенты тренировались по стрельбе в цель из револьверов.

На собрании в училище Фидлера представители рабочих говорили уже не о том, что надо начинать восстание, а просто и деловито сообщали, что́ ими уже сделано для успеха этого восстания. Пролетарская Москва ждала сигнала...

Вот и неприметный дом Телешева в захудалом Кривом переулке. Здесь партийная база — большевистский клуб Замоскво-

речья. Здесь ждут Землячку рабочие. Они окружили ее, сдергивающую на ходу свою роскошную шляпу.

— Что решили? Когда выступаем?

Вопросы сыплются со всех сторон. Розалия Самойловна, как всегда в минуты большого волнения, снимает пенсне и протирает стекла носовым платком.

— Час пробил, товарищи! Начинаем борьбу с оружием в руках. Пора строить баррикады!

...Утром после тяжелой бессонной ночи Землячка была уже на баррикадах у Серпуховской площади. Поваленные телефонные и фонарные столбы, телеги, ящики, бочки, мешки с песком преградили въезд на площадь со стороны Малой Ордынки, Пятницкой и Монетчикова переулка.

Взлетали в морозный воздух искры от костров, у которых пытались согреться рабочие-дружинники. Большинство их было одето плохо: в бобриковые куртки и демисезонные пальто, многие без галош и перчаток.

Землячка молча обходила баррикады, тут же было принято решение.

— Товарищи! — сказала она.— Нужно обязать буржуазию взять на себя снабжение дружинников. Мы ведь экспроприировали оружие из магазинов, возьмем и теплые вещи. Тут рядом магазин одежды. Пошлем туда людей за шубами и валенками!..

...С Серпуховской по лабиринту проходных дворов она бежит на Дербеневскую. Здесь у фабрики Цинделя выстроены баррикады, над которыми развевается красный флаг. Цинделевцы отстреливаются от атакующих казаков. За рекой все громче и громче ухают пушки. Бои идут в разных концах города. Но, увы... Наступление все упорнее превращается в оборону. Дольше всех в Москве сопротивлялись дружинники Пресни и Замоскворечья. Уже отполыхал огромный пожар на Серпуховской. Пьяные драгуны ворвались в типографию Сытина и подожгли ее. Она полыхала, но тушить пожар было запрещено самим градоначальником. Ведь он сам лично дал распоряжение уничтожить этот «революционный очаг». Постепенно смолкала стрельба на набережных. И только тогда был отдан приказ оставить последние баррикады...

Много лет спустя Розалия Самойловна писала: «Что общего и в чем разница между восстанием 1905 года и Октябрьской революцией? Общее — настроение массы, ее готовность бороться. Разница — подготовленность в Октябре и неподготовленность в Декабрьском восстании... Без предварительных уроков

Декабрьского восстания большевики не смогли бы сделать пролетарскую революцию».

Для того чтобы массы были подготовлены к пролетарской революции, большевики проделали титаническую работу. Активно участвовала в ней и Розалия Самойловна — в Москве и в Петрограде, в Баку и в эмиграции и снова в Москве.

После Февральской революции Землячку избрали секретарем Московского комитета партии большевиков.

...Это было время напряженной подготовки пролетарской революции. Большевистские ряды неуклонно росли.

В партию Ленина шли передовые, наиболее сознательные рабочие и солдаты. После разгрома корниловского мятежа особенно сильно возрос авторитет большевистских организаций среди широких масс. Вслед за Питером на сторону большевиков перешел Московский Совет рабочих депутатов. На выборах в районные думы избиратели дружно голосовали за список № 5 — список партии большевиков.

Московский Совет выступил за свержение власти буржуазии, за передачу ее в руки рабочих и трудящихся крестьян. Всем было ясно, что вот-вот разгорится битва за власть, и московские большевики активно готовились к вооруженному восстанию.

Оно должно было вспыхнуть со дня на день.

...В хмурое, непогожее утро 25 октября по московскому небу плыли тяжелые черные тучи, порывистый ветер кружил желтые листья и обрывки воззваний. По Садовому кольцу медленно двигались броневики с юнкерами. От Охотного ряда по Тверской к Александровскому вокзалу и обратно маршировал офицерский отряд. Офицеры шагали с озабоченными, злыми лицами. Их хорошо было видно из окна гостиницы «Дрезден» на Скобелевской площади, где шло заседание Московского комитета партии. В десять часов утра сюда пришла долгожданная весть из Петрограда. В телефонограмме сообщалось о победе пролетариата.

Участники совещания взволнованно поздравляли друг друга. На заседании немедленно перешли к обсуждению организационных вопросов восстания, создания районных революционных комитетов, отрядов Красной гвардии, планов захвата Кремля, почты, телеграфа, вокзалов.

В конце дня Землячка участвовала в работе пленума Московского Совета, открывшегося в Большой аудитории Политехнического музея. За немедленное восстание голосовало 394 человека, против — 110, воздержалось — 28.

На окраинах Москвы протяжные заводские гудки уже призывали пролетариев бросать работу и вооружаться. Опять на московских улицах и площадях появились баррикады, строили их и взрослые и подростки.

Тревожную тишину темной ночи нарушали пулеметные очереди. Красногвардейские связные мчались со срочными донесениями из районных ревкомов в Московский комитет большевиков, сразу ставший штабом восстания.

Землячка покидала МК только для того, чтобы отправиться на реквизированном автомобиле в отдаленные районы города.

ВРК (Военно-революционный комитет) Замоскворецкого района находился в здании ресторана на Калужской площади. Перед зданием — отряд красногвардейцев, автомобили.

Положение в обширном этом районе было сложное. Замоскворечье отделено от центра Москвой-рекой, а почти все мосты сразу же оказались занятыми белогвардейцами. Но все же машина Землячки пробралась и сюда. По предложению ВРК рабочие Замоскворецкого трамвайного парка соорудили несколько «бронированных» трамвайных вагонов, нагруженных песком и защищенных железными листами.

...После победы Октября в Москве Землячка — секретарь районного комитета партии — стала налаживать новую жизнь в дорогом ее сердцу Замоскворечье.

Где бы ни была на партийной работе Розалия Самойловна — на Урале или в Ростове-на-Дону, в Наркомате путей сообщения или в ЦКК — РКИ,— всюду проявлялся ее бесценный дар: умение выявлять и развивать самое лучшее, что есть в человеке.

Целеустремленной, беспощадной к врагам, бесконечно отзывчивой и доброй к честным людям — такой помнят Землячку все, кому довелось с ней встречаться. Землячке случалось и ошибаться, но она умела во время исправлять свои ошибки.

Писатель Александр Фадеев, начинавший свою журналистскую деятельность в газете «Советский Юг», когда Землячка работала в Северо-Кавказском краевом комитете партии, писал ей в 1925 году:

«Сколько раз хотелось мне рассказать Вам о том ни с чем не сравненном воспитательном значении, которое имело для меня и для многих, многих других совместная работа и товарищеское общение с Вами. В этом отношении я Вам чрезвычайно благодарен, вся эта «учеба» Ваша вошла в плоть и кровь, стала чем-то неотделимым. Ведь многие внутренние процессы и во мне и в целом ряде товарищей, которых мне приходилось наблюдать, совершались незаметно для Вас, а это было буквально

рождение и воспитание большевика, освобождение его от пут прежнего воспитания — остатков мещанства и проч. Сколько молодежи благодаря Вам научилось не только понимать, но и чувствовать нутром основную сущность партии, ее линию, настроение массы, научилось презирать болтовню, освободилось от идеалистической «революционности вообще», основанной, например, на простом, слепом преклонении перед «авторитетами», часто мнимыми, и заменило ее подлинным трезвым сознанием долга и чувством революционной перспективы в мелочах...»

Землячке всегда были дороги интересы народа. Был такой случай: ей, как депутату Верховного Совета СССР от Курской области, прислал телеграмму избиратель, сообщивший, что жена его опасно больна и нуждается в высококвалифицированной медицинской помощи. На другое утро по настоянию Розалии Самойловны, тогда занимавшей пост председателя Комитета советского контроля СССР, специальным самолетом в городок, где жила больная, вылетел известный московский профессор-хирург.

Предельно занятая делами большой государственной важности, будучи заместителем председателя Совнаркома СССР, Розалия Самойловна хлопочет о пенсиях инвалидам, об открытии детских яслей, об ускорении строительства электростанции в Курске.

Все для нее было важно, если это касалось благополучия советского человека.

...В одной из последних своих статей Землячка писала: «...жизнь члена партии неразрывно связана с повседневной борьбой за интересы партии. Тот не большевик, кто строит свою личную жизнь и быт вне интересов партии».

Всю свою неспокойную, яркую жизнь, все свое большое пламенное сердце Розалия Самойловна отдала Коммунистической партии, народу.

Инна Громова

«КЛАВДИЧКА»

(К. И. Кирсанова)

Образование	Тюрьма и ссылка
Проходили ли партийную школу и где?	В подполье
Постоянное место жительства	По указанию ЦК РКП(б)

Лют и крут февраль на Урале.

В году девятьсот седьмом стояла в городе Перми зима особенно жестокая. Поблескивали под луною снежные наметы. Похрустывало под ногами. Пряча лицо в воротник, задворками выскочила Клавдия на Вознесенскую, к липовому скверу. Вот он, дом чиновника Черногорова. Осторожный стук в промерзшую дверь. Гимназическая подруга Тоня Соколова отворила в то же мгновение, словно давно стояла за дверью и ждала. Наверно, и на самом деле ждала. Еще бы! Ведь из Тониного окна будет сейчас подан сигнал на башню губернской тюрьмы, в ту камеру, где сидят ожидающие смертного приговора молодые боевики-экспроприаторы, двадцатилетние Саша Трофимов и Ваня Глухих, получивший за раскосые глаза партийную кличку Японец, и их больной туберкулезом товарищ Митя Меньшиков.

Клавдия порывисто сбрасывает пальто, садится за стол. Знакомая комната. Отсюда и раньше переговаривалась с тюрьмой по ею самой придуманной системе трех абажуров — желтый, красный, зеленый. Сегодня на лампу надет зеленый абажур.

«Смертники» получат нынче «зеленую улицу»: под руководством Клавдии Кирсановой подготовлен их побег. У тюремной стены дежурят вооруженные дружинники из отряда «грозы Урала» Александра Лбова. Лбовцы не знают страха. На их счету много боевых операций, которые могут показаться сказочными. Где-то во тьме растворился и сам Александр Михайлович. Его подпольщики называют по отчеству — то ли потому, что ему тридцать один год, а большинству из них гораздо меньше, то ли за его легендарную доблесть.

Клавдия смотрит на часы. Рано. Можно выпить чаю, обогреться. Сердце стучит, колотится в груди. И думается невольно о том, как это все начиналось. Вспоминается прошлогодняя первая встреча с другим Михалычем — Свердловым. Это было на массовке, за Камой. Клавдия и ее подруги пели вполголоса революционную песню. «Товарищи, это не конспиративно»,— неожиданно услышали они чей-то бас, строгий, но приятный и звучный. Это сказал человек, который многому научил Клавдию за прошедшие несколько месяцев. Сейчас, в холодную пору, хотелось возобновить в памяти чудесный весенний день знакомства с ним. В суровом лесу было уже сухо. Сосны струили пьянящий аромат. Кругом — взволнованные, настороженные лица. «Товарищи! Начинаем нашу массовку! — сказал рабочий с завода Мотовилихи Вася Фролов.— Приступим прямо к делу. Товарищ Михалыч сделает нам доклад об уроках Декабрьского восстания и о текущем моменте». Свердлов рассказывал о героической борьбе рабочих на баррикадах в Москве, на Кавказе, в Сибири, на Урале и в Латвии. «Наступление на самодержавие мы будем продолжать! — говорил он.— Будем создавать военные организации. Товарищи члены боевых дружин! Храните и умножайте ваше оружие. Мы пойдем работать в войсках, будем склонять армию на сторону народа. Расправа палачей с революционерами нас не запугает. За кровь наших товарищей, за слезы матерей и жен, за слезы детей мы отомстим! Мы свергнем самодержавие! Долой царя! Да здравствует революция! Да здравствует вооруженное восстание!» Когда массовка закончилась, Клавдия хотела подойти к Михалычу, чтобы сказать ему о том, что мечтает она принять участие в самой боевой, самой опасной работе партии, но он уже скрылся. Возвращались домой поодиночке. Идя по лесу, думала Клавдия о себе, о своей работе. Да, она состоит в боевой дружине, но, увы, в санитарном отряде. Да, когда снова начнется вооруженное восстание, за ранеными нужен будет уход. Но когда это будет? А теперь? Что ей делать теперь? Сидеть и ждать? Нет, она не согласна. Она хочет рабо-

тать в войсках, среди солдат. В казармы! В лагеря! Партии нужны военные организации! Приняв решение, уверенная, что ее ничто не остановит, Клавдия уже почти бежала. С этого дня она искала встречи с Михалычем. Подпольщик Миков, по кличке Костя, старший товарищ в боевой дружине, слушая сбивчивую, пылкую речь девушки, улыбался, серые глаза его пытливо всматривались в Клавдию. «Попробуй,— сказал он наконец.— Михалыч — военный организатор, с ним и надо поговорить. Но помни: никому, ни одному человеку ни слова об этом! Слышишь?» — «Ну конечно! Что я, не знаю, что ли!» И вот однажды Костя приказал Клавдии: «Завтра будь дома. Придет к тебе по делу товарищ, ты выполнишь его поручение».— «Какое?» — «Она скажет это сама... Она придет и скажет: «Я от Кости», а ты ей ответишь: «Знаю, вы Ольга». Ольга — это Клавдия Тимофеевна Новгородцева, жена и друг Якова Михайловича Свердлова. Она только что вернулась из Стокгольма, с партийного съезда, и впервые приехала в Пермь. Ольга действительно пришла к Клавдии. Выбрав место подальше от окна, она сказала: «Давайте поговорим». Завязался душевный разговор. «Вы учитесь? — спрашивала Ольга.— Вы ведете революционную работу? Ваши родители знают об этом?..» Эта и другие беседы и встречи с Клавдией дали Ольге представление о восемнадцатилетней гимназистке, готовой выполнять любые задания партии.

Через товарищей узнала Клавдия, что Новгородцева сказала о ней Свердлову: «На редкость энергичная и жизнерадостная девушка». Это доставило Кирсановой особенную, ни с чем не сравнимую радость. Теперь сам Михалыч знает о ней! И Клавдия взялась за дело еще активнее, чем раньше. Вскоре Пермский комитет партии привлек ее к работе в военной организации большевиков, и стала она помощником самого Михалыча, непосредственно возглавлявшего эту работу.

Она транспортирует и передает оружие боевикам. Организует распределение среди них прокламаций, ведает их распространением, сама принимает в этом деле активное участие. По специальному решению Пермского комитета партии разносит деньги семьям товарищей, находящихся в тюрьме. Деятельность ее всегда связана с опасностью, с риском. Всегда требует выдержки и смелости, решительности и находчивости. Но именно все это и нужно кипучей, пламенной натуре Клавдии Кирсановой.

И вот сейчас, вчерашняя девочка, она руководитель побега.

Снова взгляд на часы. Пора!..

С. И. Гопнер

Ф. И. Драбкина

В. И. Засулич

Ц. С. Зеликсон-Бобровская

Р. С. Землячка

Н. Н. Колесникова с сыном Володей

К. И. Кирсанова

Л. М. Книпович

Тоня широко распахивает занавески. Клавдия берет со стола лампу с зеленым абажуром, подходит к окну и поднимает ее высоко над головой...

* * *

Все было готово к побегу. Продумано до мельчайших подробностей. Но разве можно было предвидеть, что в самый последний момент, когда через минуту-другую узники могли бы быть на свободе, появится в самом нежелательном месте уголовник Мухин, который выдаст вырвавшихся из кандалов смертников! Между тюремной стражей и дружиной Лбова завязался бой. Отстреливаясь, отступили лбовцы. Исчезла в темноте и Клавдия.

Но спустя всего несколько дней она была арестована.

Попав в тюрьму, Клавдия ведет себя независимо и резко. Жандармский делопроизводитель вписывает в ее «кондуит» все новые и новые «прегрешения». Бесстрастным и сухим языком полицейского доноса против собственной воли повествует он о презрении Клавдии к тюремщикам:

«27 июля 1907 года Кирсанова привлекалась при Пермском губернском жандармском управлении к дознанию в качестве обвиняемой в преступлении, предусмотренном 131-й статьей уголовного уложения. По показанию свидетеля, в коридоре Пермской губернской тюрьмы произнесла нижним чинам местной конвойной команды речь противоправительственного содержания. Приговором Казанской судебной палаты, состоявшимся 11 декабря 1907 г., постановлено: Кирсанову заключить в крепость на 8 месяцев».

...Большевичка с шестнадцати лет (Кирсанова была принята в партию еще в 1904 году), она нашла в революционном движении родную для себя стихию, сразу стала своим человеком среди уральских рабочих. Подружившись с Владимиром Урасовым, испытала его на подпольном задании: он разбрасывал листовки в городском театре, выполнял другие поручения. И Кирсанова сочла возможным рекомендовать его в партию. Присмотревшись к солдату Игнатию Суханеку, Клавдия постепенно вовлекла в работу и его. Вскоре Суханек твердо стал на большевистские позиции и оказался одним из самых надежных боевиков. Молодая большевичка была застрельщицей выступления гимназисток против системы слежки за ними со стороны «классных дам». Она умела входить в контакт с разными людьми, была прекрасным физиономистом и психологом. Люди, с которыми она общалась, даже порой из вражеского стана, станови-

лись нередко ее помощниками. Незаурядные организаторские способности сочетались у нее с неповторимым обаянием, с располагающей к себе внешностью. На круглом и добром лице ее под высоким лбом светились, как два светильника, глубокие карие глаза. Решительные, округленные брови. Друзья называют Кирсанову ласково Клавдичкой, Клашей. Враги ненавидят эту девушку, видя в ней серьезного и очень опасного противника. Жандармы ходят за ней по пятам. В апреле 1908 года ее высылают из Перми на вечное поселение в село Яндинское Балаганского уезда. Но уже через полтора месяца иркутский губернатор докладывает в департамент полиции: «Кирсанова из места ссылки... скрылась». Клавдия возвращается в Пермь. Здесь ее выслеживают, но она буквально выскальзывает из жандармских лап. Уезжает в Харьков. Оттуда — в Тулу, в Москву, в Саратов. Там достает паспорт, устраивается легально. Однако и жандармы не дремлют. Ее снова схватывают и препровождают обратно в Пермь.

И опять скрипит перо жандармского писца. Он тщательно выводит: «...виновна в побеге из ссылки... в подговоре, учиненном по соглашению с другими лицами, составить сообщество с целью насильственного изменения в России путем вооруженного восстания установленного законами образа правления и замене такового демократической республикой...» Какой вывод можно сделать из этих выплеснутых на гербовую бумагу хитросплетений? Свидетельствуют они лишь о том, что билось в груди Клаши Кирсановой честное сердце отважной революционерки, одного из тех борцов, о которых говорил Ленин: «Без таких людей русский народ остался бы навсегда народом рабов, народом холопов. С такими людьми русский народ завоюет себе полное освобождение от всякой эксплуатации».

Три года каторги — таков приговор. Через год Кирсанову судят еще раз — по делу о военной организации: попался Игнатий Суханек, появились новые улики. Она произносит на суде революционную речь.

И снова — скрипучий казенный голос, на этот раз голос прокурора: «Мне ничего не остается добавить к тому, что высказала сама обвиняемая, речь ее — лучший обвинительный материал...»

Прокурор чувствует себя победителем.

— «Безумству храбрых поем мы песню» — вы писали записку, в которой содержатся эти слова? — спрашивает он Клавдию.— Ведь это означает, что вы одобряете безумство толпы, готовой низвергнуть основы основ государства Российского!

— Да, это я написала записку,— отвечает Клавдия.— Я и сейчас повторяю: «Безумству храбрых поем мы песню». И даже готова продолжить цитату,— усмехается она.— Слушайте, господин прокурор, это к вам относится: «Рожденный ползать летать не может!»

Еще год каторги к полученным трем — таков ответ суда.

* * *

Пермская губернская... Сколько мук причинила эта тюрьма лучшим людям Урала в предреволюционные годы! «Башня» ее заглатывала заключенных самых «опасных», с точки зрения властей, а иными словами — самых преданных народу, самых закаленных и испытанных бойцов.

Жандармы решили, что здесь подходящее место для отбывания каторги Кирсановой.

...Клавдия вошла в камеру и огляделась. Она не новичок в этой тюрьме. Грязь. Сырость. Вонь. Грубая казенная рубаха, режущая тело, почти наверняка окажется вшивой. Клавдия помнила: один заключенный, сидевший одновременно с ней, ложась спать, наливал на пол вокруг постели воду, чтобы не могли к нему пробраться настырные насекомые. На ночь все затыкали чем-нибудь уши — от мокриц. На пол швыряли корку хлеба (а если была — и вторую), чтобы отвлечь от себя внимание выползавших из углов мышей.

Невесело... Но Клавдия твердо помнила слова Михалыча о том, что борьба продолжается и в тюрьме. О том, что безделье, хандра, нытье на руку тюремщикам, означают их победу над революционером. А деятельность, живая и напряженная деятельность в камере, в минуты прогулок на тюремном дворе, бодрость и собранность — наша победа и поражение врагов. Пока дух революционера не сломлен, учил Михалыч,— революционер — победитель в жестоком поединке со своим тюремщиком.

Когда Михалыч был в тюрьме, а Клавдия на воле, она связывалась с родственниками товарищей, сидевших вместе с ним, и использовала их передачи для связи с Михалычем. Одно время выдавала себя за его невесту. Свои письма Свердлову заделывала в берестяные туески. Подробно сообщала ему о возникавших затруднениях. Свердлов передавал комитету указания о ведении работы, всячески поддерживал Кирсанову и, зная благоразумие и находчивость Клавдии, ее умение принять верное и точное решение в самой сложной обстановке, требовал не мешать ей и не тормозить революционную инициативу своей вер-

ной помощницы. Она была достойным преемником его на воле. Теперь предстояло ей и в тюрьме повести себя так, как вел себя он.

Размышления Клавдии в камере были прерваны чьим-то негромким постукиванием в стену. Она прислушалась: «Р-е-п-к-а, почему вернулась с прогулки?» Клавдия знала: Репка — прозвище Кетовой, которую только что вывели на прогулку. Значит, тот, кто сидит в соседней камере, принял ее за Кетову. Она подошла к стене и быстро простучала в ответ: «Я не Репка».— «Кто?» — спросила стена. «Кирсанова». Стена помолчала минуту в недоумении, а потом удивилась: «Клаша?!»

Ага! Значит, и здесь кто-то из своих! Оказалось — Ксения Егорова.

Клавдия слышала об этой смелой девушке, которая спала на динамите, пряча его в своей постели от отца, не желавшего и слышать ни о каких революционных делах. Порох — так звали Ксению. Клавдия не думала тогда, что предстоит ей просидеть в одной тюрьме с Егоровой три года. Девушки быстро нашли общий язык, заочно, «через стену» понравились друг другу. А увиделись позже — на тюремном дворе, во время прогулки. Дошел до наших дней снимок, на котором запечатлены две маленькие фигурки в черном — Егорова и Кирсанова. Сделал эту фотографию друг заключенных, фельдшер Иван Иванович, который во многом им помогал. Разговаривать во время прогулок строго-настрого запрещалось. Поэтому разговоры попрежнему велись через стену. Клавдия «сказала» подруге, что однажды переговаривалась с Володей Урасовым, камера которого была напротив ее камеры, при помощи солнечного зайчика — зеркальцем. Часовой, стоявший во дворе, заметил эту сигнализацию, и оба они попали в карцер.

Но все эти невинные забавы девушек были лишь разрядкой, лишь прелюдией к «забавам» гораздо более серьезным и важным. Клавдия как ученица Михалыча и Ксения как человек, славившийся во всей тюрьме своей твердостью, день за днем бойкотировали тюремное начальство, его предначертания и указания. Никогда не называли начальство «благородием», ни о чем не просили. Вообще среди революционеров это считалось позорным. Тем более непростительна была подача прошения о помиловании или сокращении срока. Подававших прошения презрительно именовали «подаванцами». И вот в один прекрасный день Ксения узнала, что ее отец без ее ведома хочет подать такое прошение. Она немедленно передала ему, что, если он это сделает, она наложит на себя руки. Тогда отец прислал ей

письмо со словами: «Кто не слушает мать-отца, тот послушается тюремного колокольца».

Ксения рассказывала об этом подруге, а та думала о своем отце. Когда он умирал, тюремщики не отпустили девушку с ним проститься. Она тоже пыталась тогда покончить с собой, сжечь себя. Но теперь ей было стыдно об этом вспоминать — такая смерть, смерть без борьбы и без пользы,— ни к чему.

Это был случай, когда она не помнила себя. А вообще-то Клавдия была одной из самых выдержанных, самых стойких узниц. И эта стойкость делала ее сильнее.

— Все худеют, все хиреют,— пожимала плечами надзирательница по кличке Вошь,— а вы, Кирсанова, все только розовеете да хорошеете.

И на самом деле Клавдия не сдавалась. Даже и здесь, в тюрьме, удалось ей «распропагандировать» кое-кого.

Среди ее друзей появился, например, дьякон, ведавший тюремной библиотекой.

Приходя в башню, он кричал снизу так, чтобы слышно было в верхней женской камере:

— Невесты, книги брать будете?

— Будем, будем, отец дьякон! — в один голос отвечали Кирсанова и Егорова. Обе девушки прекрасно знали, что дьякон принес не только книги, но еще и нечто другое, более интересное: письма с воли и из других камер.

В знак благодарности Клавдия вышила и подарила ему шелковое портмоне из ниток «ирис».

Помогала революционеркам и зубной врач Пружанская. Заведя бормашину, чтобы заглушить свой голос, она рассказывала новости с воли. Но Пружанская была вскоре сама арестована. А зубы у подруг, здоровые зубы, которые были расковыряны только для виду, чертовски болели. Особенно в карцере.

Когда пришла пора расстаться с Егоровой, Клавдия сшила ей платье из нелегально присланной с воли материи, а когда услышала, что Егорову выводят из тюрьмы, изо всех сил загрохала фрамугой, открывая и закрывая ее со страшным хлопаньем и стуком, словно отдавая своей подруге пушечный салют. Уж она-то, Кирсанова, хорошо знала, что значит находиться в этапной партии ссыльных. И каково быть при этом женщиной, часто единственной среди мужчин, в гуще уголовников...

Егорова осела в Усть-Куте. А год спустя, в девятьсот тринадцатом, вышла она встречать свою подругу Клавдию, которую гнали в Якутск. Недолгим было свидание. Но из Якутска вскоре пришло письмо: «Дорогую мою нежную Оксаночку крепко-

крепко обнимаю и целую нежно. Жить начинаю хорошо. Имею один урок и работаю в фотографии ретушером. И душе хорошо. Жизнь большая у меня. Широко душа носится и высоко порой».

«Клаша осталась Клашей. Бодрая, жизнерадостная. И в ссылке тоже»,— так думала о подруге Егорова. И была права.

В якутской ссылке познакомилась Клавдия с Емельяном Ярославским, стала его женой. В 1915 году родилась у них первая дочь Марьяна. Крепкая большевистская организация, которую создали ссыльные, помогала переносить и невзгоды, и суровый климат.

Друзьями Кирсановой стали Григорий Константинович Орджоникидзе, Григорий Иванович Петровский, Виктор Павлович Ногин.

В общей сложности более десяти лет провела Клавдия Ивановна Кирсанова в тюрьме, на каторге, в ссылке. Десять лет. Десять лучших лет лишена была эта мужественная женщина свободы.

Впрочем, если говорить о свободе революционных действий, то ее Кирсанова отвоевывала шаг за шагом даже тогда, когда была узницей. Связи с волей, «распропагандирование» солдат, продолжение подпольной работы любой ценой — таковы заботы Кирсановой в тюрьме.

Она все время оставалась бойцом военной организации большевиков.

Но тюрьма есть тюрьма.

И кто знает, сколько еще пробыла бы Кирсанова в царских застенках, если бы не Февральская революция, освободившая ссыльных.

Свобода!.. Езжай на все четыре стороны!.. Перед отъездом в Россию у кого-то из ссыльных возникла мысль сохранить память об уезжающих товарищах. Они заказали альбом, и каждый оставил в нем свою запись. Так, например, Серго написал: «Прощай, страна изгнания, страна-родина! Да здравствует Великая Российская Революция! Да здравствует Всемирная Революция! Да здравствует социалистическая революция!» Клавдия Кирсанова оставила в памятном альбоме всего два слова: «Дорогу женщине!».

* * *

Кирсанова с семьей уезжает в Москву. Летом 1917 года у нее рождается вторая дочь. Трудно матери оторваться от двоих детей. И все же задание Центрального Комитета партии для Клавдии Ивановны превыше всего. Октябрьская революция

застает ее на Урале. Здесь избрана она председателем Совета рабочих и крестьянских депутатов города Надеждинска.

Большие трудности встречаются на пути Кирсановой. В городском районе Черная речка свирепствуют хулиганы и белогвардейские лазутчики. Председатель Совета, она во главе рабочего отряда прочесывает весь контрреволюционный район. Казалось бы, безопасность города гарантирована. Но к Надеждинску подступает Колчак. Местная буржуазия не только прячет продовольствие, но и изымает из обращения все деньги, надеясь этим поставить в тупик малоопытное советское руководство. Но не тут-то было! Клавдия Кирсанова немедленно отправляет ходоков в Москву, к Ленину, а пока они вернутся, выпускает деньги с собственной подписью. Снова дело налажено. Белые вот-вот готовы войти в город. И тогда женщина-председатель, не задумываясь ни минуты, возглавляет красный полк, ведет его в атаку, а в самый напряженный момент боя ложится к пулемету...

Удивительная женщина! Впрочем, разве может быть иначе... Это ведь Клавдичка! И никакого чуда — просто она осталась такой, как всегда. Осталась неутомимым и до конца самоотверженным солдатом партии.

...Сводная уральская дивизия, 3-я армия Восточного фронта. Клавдия Ивановна — член военной коллегии с особыми полномочиями. Она «имеет неограниченные права в Богословском горном округе, а именно: ликвидировать неработоспособные учреждения и учреждать новые; смещать и назначать должностных лиц; по борьбе с контрреволюцией... имеет право организовать отряды, вооружать их и вести самую беспощадную борьбу с контрреволюционерами...»

С величайшим рвением исполняет Клавдия свои обязанности. Она понимает: именно вчерашние подпольщики первыми должны возглавить борьбу народа сегодня. Поступает новое поручение ЦК: Кирсанова получает направление в Москву, становится секретарем Хамовнического райкома партии. Июль 1919 года. Разгромлен Колчак. Клавдия снова на Урале, а затем — в Сибири: «...для укрепления органов власти и партийных организаций».

Родная Пермь. Здесь осенью девятнадцатого года возглавляет она политотдел губернского военкомата, налаживает работу женотдела. Год спустя Кирсанова — секретарь Омского городского комитета партии, ректор местной партийной школы. А в 1922 году по решению ЦК она становится ректором только что созданного в Москве Коммунистического университета

имени Свердлова. Затем руководит знаменитой Ленинской школой — той самой, в стенах которой получили марксистское образование виднейшие коммунисты разных стран, приезжавшие в свое время в Москву. Сама прошедшая ленинскую школу борьбы, Клавдия Ивановна — достойный учитель для любого коммуниста.

Клавдия Ивановна — мать пятерых детей, и может быть, поэтому работа среди женщин — одна из любимейших сторон ее деятельности. Она избирается членом исполкома Международного женского конгресса, возглавляет первую послевоенную делегацию советских женщин за границу, является одним из ведущих руководителей Антифашистского комитета советских женщин.

Пропагандист и лектор, инструктор Центрального Комитета — таковы посты Клавдии Ивановны в последние годы. Она ездит по стране: Белоруссия, Камчатка, Сахалин... Во время войны против немецкого фашизма она выступает на фронтах, зажигая сердца бойцов ненавистью к врагу. Энергия ее по-прежнему неистощима. Но печальная новость настигает ее: она узнает, что смертельно больна...

Лето 1947 года. Клавдия Ивановна едет в Якутию, где была ссыльной. Не узнаёт она тех краев, которые видела дикими и глухими окраинами. Якутия стала советской, нашла путь к новой жизни. И это было лучшей наградой большевичке, отдавшей всю свою жизнь революции...

Осенью 1947 года Клавдия Ивановна скончалась.

Лидия Бать

РАДОСТЬ БОРЬБЫ

(Л. М. Книпович)

О, счастье битвы!..
М. Горький

Мягкий свет настольной лампы. Комната полна людей, они расселись на диване, на стульях, кое-кто присел даже на кончик стола. Молодые серьезные лица. На девушках строгие темные платья, белые кружевные воротнички.

Сегодня на квартире молодого ученого-естественника Николая Михайловича Книповича собрались учительницы воскресной школы. Но явились они не только для обсуждения своих педагогических дел. Многие из них давно уже были марксистами, для них наступила пора связаться с группой социал-демократов, действовавшей тогда в Петербурге. Сюда пришли и Владимир Ильич Ульянов, и Георгий Максимилианович Кржижановский, и Василий Васильевич Старков, и Надежда Константиновна Крупская.

Разговор шел бурный, страстный, взволнованный.

— Нет, вы только подумайте, взвесьте, вчера еще неграмотный темный человек спрашивает меня: «Какая разница между петербургским рабочим и архангельским мужиком?»

У Надежды Константиновны сияют глаза. Она делает рукой такой жест, словно призывает всех удивиться и порадоваться

вместе с ней. И в ответ ей откликается девушка с большими вдумчивыми глазами:

— А мне один слушатель прямо так и отрезал: «Кустарь не может выдержать конкуренции с крупным производством».

Говоря это, Прасковья Францевна Куделли вдруг ловит чей-то внимательный взгляд.

Для Владимира Ильича эта встреча — знакомство с людьми, которые могут стать полезными для дела революции. И не только с теми, кто уже безоговорочно примкнул к социал-демократам, как Крупская, Невзорова, но вот и Куделли уже разбирается... А как Книпович? Крупская всегда так тепло говорит о ней.

Владимир Ильич бросил взгляд в угол, где сидела худенькая женщина с выразительным нервным лицом и курила папиросу за папиросой. Он хотел подойти к ней, заговорить, но тут услышал что-то особо привлекшее внимание и потом взял слово сам.

Когда Владимир Ильич говорил, четко, спокойно излагая свои мысли, густо подкрепленные фактами, устанавливалась полная тишина, так авторитетно и убедительно звучала его речь. И, быть может, самым внимательным, горячо заинтересованным слушателем была та самая худенькая женщина в углу, Лидия Михайловна Книпович. Она была совершенно поглощена речью Ульянова, в ее душе бушевали бурные чувства. Ведь ей предстояло сделать решительный шаг.

В воспоминаниях Н. К. Крупской о Л. М. Книпович есть фраза: «Наконец Лидия стала социал-демократкой». За этими короткими словами стоит огромный мир душевных переживаний человека стойкого, принципиального, безгранично преданного делу революции.

Лидии Михайловне трудно было расстаться с идеями народовольчества. Слишком долгим и медленным представлялся ей путь социал-демократов.

Людям с такой глубокой, прямой и честной натурой, как Лидия Михайловна, перелом дается нелегко. Но именно прямота и честность, трезвый взгляд на реальную действительность помогли ей преодолеть все колебания и сомнения.

Трудно сказать, что было последней каплей, переполнившей чашу доводов. Сама жизнь подсказывала верное решение. А все, что она слышала от Владимира Ильича, приводило в стройную систему то, что неосознанно бродило в ее собственных мыслях.

«Как верно, как ясно, просто, доходчиво объясняет Ульянов закон о штрафах. Ведь каждый рабочий поймет, все это бродит

в его сознании, но он не в силах сам разобраться, а тут факты, факты, факты».

Теоретические высказывания Владимира Ильича удивительно подкрепляли то, что она видела на практике. А видела она много. Не только с рабочим классом сталкивалась она, но и хорошо познакомилась с жизнью крестьянства во время страшного голода 1892 года, когда поехала в деревню устраивать столовые для голодающих.

Лидия Михайловна старше всех этих молодых марксистов на добрый десяток, а Владимира Ильича — на тринадцать лет. Но чувствует она себя его ученицей и радуется этому. Ну да, он особенный, недаром этому двадцатичетырехлетнему человеку со лбом мудреца товарищи дали прозвище Старик. Кажется, он знает все, и уж во всяком случае то, о чем говорит, проверено им до глубины, взвешено и лишь тогда вынесено на общее суждение.

Лидия Михайловна не умеет и не любит выражать восхищение, но чувства, владеющие ею, когда она слушает Владимира Ильича, нельзя определить иным словом, как восторг, восторг от торжества мысли, ее доказательности, глубокой человечности... Он открывал ей ее самое, и убежденность в правильности идей и позиций социал-демократов росла день ото дня.

Бессонными ночами Лидия Михайловна вспомнила весь пройденный путь...

Ей было восемнадцать лет, когда она стала революционеркой.

Казалось бы, перед молодой девушкой, дочерью военного врача, получившей прекрасное образование, слушательницей Гельсингфорсского университета открывалась широкая возможность спокойной жизни. Но не к покою стремилась Книпович. Чутким сердцем она остро воспринимала нужду и беды народные и стремилась помочь. Обстоятельства сложились так, что она знала жизнь и города и деревни. Занималась и физическим трудом, жала, косила, доила коров, садовничала. Это еще больше сближало ее с простыми людьми; они охотно поверяли ей свои горести, так задушевно умела она с ними говорить. Особенно дружила она с рыбаками, ее воображение тревожил их романтический опасный труд, борьба с морской стихией, которая и ей была не чужда. Она любила греблю, плавание и, соревнуясь с братьями в морском спорте, управляла парусной лодкой, гребла, натирая мозоли на руках.

Для нее «великое дело любви» к униженному народу было не пустой фразой, а делом, которому она решила посвятить жизнь. А раз решившись на что-нибудь, Лидия Книпович никогда не

отступала. Она всегда была волевой, искренней и прямой до резкости.

Но с чего начать, где приложить свои силы и стремления? В одиночку мало что можно сделать.

А в Гельсингфорсе в это время действовал кружок народовольцев. В этом кружке и началась политическая деятельность Лидии Михайловны. ««Народная воля» — какие прекрасные, полные высокого смысла слова»,— думалось ей, и она со страстью, самозабвенно отдалась делу, талантливо овладела искусством конспирации. Уж у нее никогда нельзя было выведать чье-нибудь имя, с ее губ не слетал даже легкий намек на событие, не подлежащее оглашению. Это умение конспирировать весьма пригодилось ей, когда в 1881 году кружок провалился и в доме Книповичей был обыск. Он оказался безрезультатным — жандармы не нашли ничего подозрительного. А привлечение Лидии Михайловны к дознанию тоже ничего не дало властям, с таким невинным видом полного неведения отвечала она следователю.

Сама прекрасный конспиратор, она требовала этого же от других.

Крупская вспоминает, как отчитала ее как-то Лидия Михайловна за то, что она пошла в театр с товарищем, связанным с ней по работе в одном и том же марксистском кружке. «Когда работаете вместе, довольно глупо вместе ходить в театр»,— резко сказала она. Уязвленная резкостью тона, Надежда Константиновна вспылила. Но очень скоро поняла, что Книпович права, и обида перешла в симпатию, в глубокое уважение, а затем и в дружбу.

Именно дружба заставляла их горячо спорить о методах борьбы за народное дело. С Крупской у Лидии Михайловны Книпович продолжался спор, который давно и яростно велся и в ее собственной семье, с братом Николаем Михайловичем, убежденным социал-демократом, примкнувшим к первой же социал-демократической группе в России.

И вот эта несгибаемая волевая народоволка стала такой же страстной социал-демократкой.

Практическая работа — преподавание в воскресной школе, непосредственное общение с рабочими, близкое знакомство с их жизнью, нуждами, надеждами давали ей пищу для размышлений, все более углублявших новое мировоззрение.

Ученики ее любили, ей поверяли они, как другу, свои мысли и стремления. Ей верили, а не это ли главное в человеческих отношениях? Один из учеников, пожилой, забитый человек,

воспитанный в «страхе божьем», наученный почитать «царя-батюшку», написал сочинение, выражавшее эти чувства. И он же как-то ее предупредил: «Вы с тем черным поосторожнее, он все в охранку шляется». Рабочий не ошибся, «черного» «подсадила» в класс полиция, он оказался ее агентом.

«О, зашатались столбы самодержавного строя,— думала Книпович,— если уж такой отсталый человек понимает, кто ему друг, а кто враг».

Радовали ее и другие признаки растущей сознательности рабочих. Среди ее учеников был один вечно ищущий божественное начало. Оторвавшись от православия, примыкал он то к одной секте, то к другой, и вот прозрел. С волнением несколько раз перечитала Лидия Михайловна присланную им записку. «Всю жизнь искал правды против капиталистов у бога,— писал он.— И вдруг понял, что бога и вовсе нет. И так легко мне стало. Потому что нет хуже, как быть рабом божьим, тут тебе податься некуда. Рабом человечьим легче быть, тут борьба».

Да, борьба, но не путем убийства отдельных личностей, а горячим убеждающим словом, привлечением широких народных масс, пробуждением в них сознательного гневного протеста против всего эксплуататорского строя,— и тогда революция неизбежно победит.

Движимая такими мыслями и чувствами, горячо принялась Лидия Михайловна работать с социал-демократами.

Большие трудности представляло печатание социал-демократических материалов. А в распоряжении народовольцев находилась нелегальная типография на Лахте. Тут уж Лидия Михайловна широко использовала свои старые связи. Целый ряд социал-демократических брошюр был напечатан в Лахтинской типографии.

Но летом 1896 года Лахтинская типография, называвшаяся для конспирации «теткой», была раскрыта.

...Пестро и шумно было в Нижнем Новгороде летом. Город выглядел празднично над плавно текущей у его подножия могучей Волгой. Именно там оказалась Лидия Михайловна, когда жандармы, рыская по заполученным ими адресам, искали тех, кто имел отношение к типографии. Ее арестовали, привезли в Петербург и посадили в дом предварительного заключения. Было ясно — провалилась типография. Ужас охватил Лидию Михайловну. Только не за себя. Если нашли ее в Нижнем Новгороде, значит, открылись и адреса тех, у кого хранилась нелегальная литература. «Все ли окажутся стойкими? Сумеют ли

молчать? А сама-то она тоже хороша, видно, оставила какой-то след!» Волнения не прошли даром. В тюрьме Лидия Книпович заболела.

«Как ужасно она выглядит»,— с болью подумала Надежда Константиновна, которой разрешили свидание с ней. Впалые щеки, горящие нездоровым блеском глаза, нервная жестикуляция...

Из заключения Книпович вышла еще более закаленным борцом. И когда через некоторое время ее снова арестовали и сослали на три года в Астраханскую губернию, она не только не теряла бодрости духа, но и вселяла ее в других. Целыми днями она была в хлопотах, навещала больных, ухаживала за их детьми, готовила, стирала, шила... И только на себя ей никогда не хватало времени.

И в астраханской ссылке она нашла применение своим пропагандистским и педагогическим талантам. Беседовала с рабочими рыбных промыслов, мастерских и складов капиталиста Нобеля. Ее слушали, понимали, любили. В этом она находила удовлетворение. Перед Лидией Книпович стояла великая цель, она-то и давала ей силы.

И в ссылке не сидела Лидия Михайловна сложа руки. Она стала активным агентом «Искры».

* * *

— Лида, ты?

— Надя!

Они обнялись. Это была большая радость. Крупская заканчивала после Шушенского свой срок в Уфе. Владимир Ильич был освобожден на год ранее и уехал за границу, куда после ссылки должна была ехать и Надежда Константиновна. Недавно писала она его матери: «В Уфу собирается переехать Лидя, подала прошение, не знаю, удастся ли ей перевестись, а очень хотелось бы повидать ее перед отъездом отсюда».

И вот сбылось. Но все же встреча оказалась неожиданной, так как Лидия Михайловна разрешения не получила и в Уфу отважилась приехать тайком.

Книпович и Крупская о многом договорились. Уже был продуман Владимиром Ильичем план создания за границей газеты «Искра», и Лидия Михайловна загорелась при мысли, что она сможет помочь ее распространению в России. Условилась и о важнейшем для конспирации деле — о шифре.

Лидия Михайловна Книпович в историю партии вошла под кличками — Дяденька, Дедов, Дядин. Владимир Ильич считал,

что для вящей конспирации женщинам нужно давать мужские прозвища, и наоборот. Так, Крупская подписала свою брошюру «Женщина-работница» под псевдонимом Саблин, а Петр Гермогенович Смидович назывался Матрена. Мартын Николаевич Лядов — Русалка, Георгий Максимилианович Кржижановский — Лань.

Из Мюнхена в Астрахань пришло Лидии Михайловне письмо от Владимира Ильича, по которому видно, какое значение он придавал ее организаторским талантам. «Каким образом думаете вы поставить «Искру» в России? В тайной типографии или в легальной?» И много еще практических вопросов и советов было в этом письме.

А в колонии ссыльных никто и не подозревал, что Книпович связана с «Искрой». Самым близким друзьям не давала ни малейшего намека на это.

Чего только не делали мужественные агенты этого нелегального печатного органа, осененного волнующим девизом: «Из искры возгорится пламя!» Мне рассказывала Елена Дмитриевна Стасова, как она, обвязавшись целыми пачками «Искры», привозила их по назначению, не вызывая подозрений у жандармов. Они никак не предполагали, что обратно она вернется несколько «похудевшей».

И для Лидии Михайловны невозможное становилось возможным. Ей удалось даже проехать однажды в Баку по своим нелегальным делам на пароходе в каюте директора коммерческого предприятия, так называемого Восточного общества. Ехала она вполне легально, так как билеты ей и ее подруге Анне Михайловне Вржосек достал муж Анны Михайловны, юрисконсульт этого общества.

Каюта была комфортабельная, даже роскошная, с салоном. Лидия Михайловна весело смеялась при мысли, что в ней, в этой каюте, едет ссыльная, выполняющая нелегальное поручение.

— А ведь хорошо, когда есть комфорт,— сказала она, затягиваясь папиросой,— тонкое полотно, хрусталь, красивые вещи, высокое искусство...— И вдруг глаза ее сверкнули.— Но всему этому — грош цена, если оно только для избранных, если рядом труженики ведут полуголодное существование!..

Слова эти были сказаны страстно, глубоко убежденным человеком, который добровольно отказался от благополучия во имя великого дела революции.

* * *

Раскол, происшедший на II съезде РСДРП, представлялся иным, колеблющимся, лишь борьбой за формулировки, на деле же шла борьба за создание подлинно революционной партии пролетариата.

В числе самых стойких был делегат от Северного союза Дедов, он же — Лидия Михайловна Книпович. С каким презрением говорила она о колеблющихся: «Сегодня — большевик, завтра — меньшевик!»

Борьбе за крепкую, подлинно революционную марксистскую партию Лидия Книпович отдавала все свои организаторские способности, всю страсть.

А борьба эта все разгоралась. Кое-кто не сразу разобрался, на чьей стороне правда. Иные запутались в противоречиях и тяжело переживали внутрипартийные разногласия.

Очень острой была борьба в Одессе, куда в конце 1904 года партийная судьба забросила Лидию Михайловну. Даже у нее порой опускались руки... «Ну как, ну как он мог это сделать? — в сотый, в тысячный раз спрашивала себя Лидия Михайловна, потрясенная самоубийством одного товарища, растерявшегося, испугавшегося этой борьбы.— Ведь он знал, как нужны честные люди, ведь он верил мне...» И вдруг больно обожгла мысль: «Значит, не сумела объяснить, убедить, значит, я, я виновата!»

В таком настроении написала Лидия Михайловна Надежде Константиновне мрачные строки о потере веры в себя, в свои силы. И вот она сидит и читает ответное письмо. Какие там есть бодрящие слова: «Ты, конечно, преуменьшаешь свои силы. Когда Старик прочитал это письмо, он велел тебе написать, что когда ты устанешь очень, чтобы ехала сюда. У нас тут уймища организаторской и всякой другой работы».

«Милые, милые друзья мои...» — думала Лидия Книпович. Это письмо разминулось с другим ее письмом, уже написанным совсем в ином духе, но как важно и на расстоянии чувствовать крепкую дружескую руку.

Лидия Михайловна стала секретарем Одесского комитета партии, где тут предаваться мрачным настроениям! Нужно действовать. За это время пришло и подкрепление. «Получили литературу с оказией,— пишет она Крупской,— и у всех дух стал бодрее». Рабочие ждали ее всегда с нетерпением, встречали, как родную, и она живо интересовалась их делами, семьями, нуждами...

9 января 1905 года, вошедшее в историю под грозным назва-

нием Кровавое воскресенье, потрясло всех рабочих. Статья Ленина «Начало революции в России», посвященная этому событию, напечатанная в газете «Вперед», раскрыла им глаза. Газету принесла Лидия Михайловна, она поняла, как выросла сознательность рабочих, когда они попросили распространить статью отдельной листовкой, «чтобы каждому попало». Обо всем этом писала Книпович своим друзьям в далекую Швейцарию. Только за февраль она послала Ленину и Крупской двенадцать писем за подписью «Чухна».

Лидия Книпович была вездесуща. Во всех рабочих кварталах — и на Молдаванке, и на Пересыпи, и на Ближних мельницах можно было часто встретить невысокую худенькую женщину со строгим лицом и ясным взглядом глубоко сидящих серых глаз. О ее внешнем облике оставил запись рабочий-революционер Алексей Сидорович Шаповалов: «По лицу, по одежде эту интеллигентку, посвятившую свою жизнь рабочему классу, незнакомый с ней человек мог легко принять за работницу»... Конечно, и это обстоятельство сближало с ней простых людей.

Но не только в рабочих кварталах появлялась Лидия Михайловна. Налаживая явки, проверяя адреса «сносных» квартир, т. е. тех, куда доставляли нелегальную литературу, знакомясь с интеллигенцией, готовой в ту пору помочь чем-либо делу революции,— адвокатами, врачами, учителями, она исходила всю Одессу, шумную Дерибасовскую и многолюдную Ришельевскую, протянувшуюся как стрела от вокзала до городской думы Пушкинскую, тенистую Маразлиевскую и академическую Херсонскую и еще множество разных улиц красивого, своеобразного города. Узнала его нестойкую зиму с хлесткими злыми ветрами, его короткую, благоухающую белой акацией весну, его жаркое лето.

А лето 1905 года оказалось особенно жарким и в прямом и в переносном смысле. В городе готовилось восстание.

Началось с забастовок. А затем то в одном, то в другом месте вспыхивали вооруженные столкновения. На многих улицах строились баррикады. Полиция и войска жестоко расправлялись с бастующими, а силы рабочих были еще недостаточно крепки.

«Большевистской цитаделью» назвал Шаповалов, один из товарищей Книпович по одесскому подполью, Одесский комитет партии. Но обстоятельства складывались неблагоприятно, и эта цитадель зашаталась; партийная организация была ослаблена арестами, и тому же принесли немалый вред примиренческие настроения у отдельных лиц. Целеустремленность таких людей, как Лидия Михайловна, наталкивалась на их мягкотелость и

нерешительность, что особенно сказалось во время восстания на броненосце «Потемкин», стоявшем на одесском рейде.

Грозные слова записки, положенной на грудь убитого матроса Григория Вакулинчука: «Отомстим кровожадным вампирам! Смерть угнетателям! Смерть Кровопийцам! Да здравствует свобода!» — призывали к борьбе... В городе все бурлило. Лидия Михайловна работала днем и ночью. Но и ее силам пришел конец, она слегла. Особенно подействовала на нее неудача восстания. Об этом говорит ее полное горечи письмо к Ленину и Крупской от 24 июня 1905 года, где есть такие строки: «...решили ждать прибытия всей эскадры и пропустили время, проиграли момент революции».

Но Книпович была не из тех, кто приходит в отчаяние. Покинув Одессу и переехав в Петербург, она с обычной для нее страстью выполняла свои партийные обязанности и там — тоже на посту секретаря комитета. Работы было по горло — пропагандистской, организаторской, разной... Книпович все успевала. Готовится железнодорожная забастовка — Лидия Михайловна один из главных ее организаторов.

А дальше — Таммерфорсская конференция, IV (Объединительный) съезд партии — и всюду на ней лежат разнообразные бытовые, хозяйственные заботы, независимо от того, что она была прежде всего переводчиком с финского и шведского языков и пропагандистом. Недаром Крупская назвала ее «неповторимым типом революционерки».

И снова воскресная школа за Невской заставой, и снова встречи с Надеждой Константиновной, которая жила тогда в Петербурге нелегально, под чужим именем.

* * *

Наступила тяжелая пора. Разгромлена революция 1905 года. Летом 1906 года были подавлены свеаборгское и кронштадтское восстания. И вскоре после этого — арестован Петербургский комитет, собравшийся на станции Удельная, весь, кроме... Лидии Михайловны. Вот когда проявились во всю силу ее находчивость и ловкость.

Перепуганная хозяйка квартиры сообщила, что стучатся жандармы. В один миг Лидия Михайловна повязала голову платком и, когда они появились, великолепно сыграла роль ворчуньи-няньки. Подкладывала в печь дрова, кстати, сжигая при этом опасные документы, покрикивала на шумно топавших жандармов: «Ребенка разбудите!». А когда ребенок действительно проснулся и заплакал, она принесла его из соседней комнаты,

укачивая и даже напевая. Тут уж жандармы, делавшие обыск, не вытерпели и прогнали надоевшую «няньку».

А ей только того и надо было.

Не раз еще удавалось Лидии Михайловне счастливо избежать ареста в самые глухие годы реакции, хотя о ней все знали в охранке и дали ей весьма точную характеристику: «Крайне активный работник партии. Исполняет все крайне конспиративные поручения. Явки ЦК партии, переписка с заграницей. Центральное лицо распавшегося большевистского центра (партийная кличка Дяденька, в наблюдении Железная)».

Все же в феврале 1911 года Лидию Книпович арестовали, но за недостатком доказательств в предъявленных ей обвинениях приговорили лишь к высылке в маленький город Гадяч Полтавской губернии.

* * *

1917 год. Революция.

В Петрограде Ленин, в Петрограде Крупская. Могла ли Лидия Михайловна усидеть в Симферополе, где после Гадяча жила уже четыре года? Ее осаждали болезни, она глохла. Но Книпович приехала в Петроград.

Видеться с Надеждой Константиновной Лидии Михайловне пришлось не часто. Но однажды они провели вместе целую ночь. Слова «а помнишь», «а помнишь» то и дело срывались с губ.

Вспоминали они и Невскую заставу, и ссылки, и короткие недели совместного отдыха в Стирсуддене, куда Надежда Константиновна и Владимир Ильич приехали погостить в семью Книпович. Это было десять лет назад, в 1907 году, вскоре после V съезда партии. О том, как они отдыхали, можно судить по одному из писем Ленина оттуда: «Я так здесь «впился» в летний отдых и безделье (отдыхаю, как уже несколько лет не отдыхал), что все откладываю все дела и делишки». А в приписке Надежды Константиновны говорится: «...мы теперь «вне общественных интересов», ведем дачную жизнь: купаемся в море, катаемся на велосипеде... Володя играет в шахматы, возит воду...» Но больше всего они говорили о сегодняшнем, что волновало каждого большевика, о том, как развернется дальше революция...

Встречи с Крупской и другими старыми товарищами придали Лидии Михайловне новые силы. Она понимала, что впереди еще много борьбы, но, вернувшись в Симферополь, не раз переходивший вместе со всем Крымом из рук в руки, видевший

немало насилия и жестокостей белых, она ни на минуту не теряла веры в победу тех, кто принесет подлинную свободу трудящимся.

— Мы еще увидимся, когда на нашей улице будет праздник,— уверенно сказала она Шаповалову, подпольно работавшему в Симферополе при белых. Она помогла ему бежать оттуда под носом у деникинской охранки.

Лидию Книпович, когда Крым еще был под властью Врангеля, сразило воспаление легких. Но и в бреду она думала лишь об одном: «Где большевики?» Умирая, она спрашивала: «Идут наши?.. Почему так долго?»

Лидия Михайловна скончалась за несколько месяцев до освобождения Симферополя Красной Армией.

Хорошо сказал о ней в своих воспоминаниях А. С. Шаповалов: «Как моряк на борту корабля всматривается на рассвете, не видно ли на горизонте желанной земли, так и она стояла на вахте и предвещала рассвет революции и зорко смотрела в туманную даль...»

* * *

Когда о каком-нибудь общественно-политическом деятеле говорят, что у него не было личной жизни,— это вызывает лишь недоумение. Ведь его деятельность и есть его личная жизнь, ведь, отдаваясь ей, он следовал собственному влечению, испытывал подлинное счастье.

Да, у Лидии Михайловны Книпович не было семьи, но она чувствовала себя членом одной огромной семьи — партии, ведущей человечество вперед. К высоким целям, к счастливой свободной жизни, к построению общества, не изуродованного эксплуатацией человека человеком.

Да, жизнь у нее была беспокойная, кочевая, но ее кочевья — этапы славного пути, ведущего к достижению цели.

Борис Платонов

БОЛЬШОЙ ДЕНЬ КОМИССАРА КОММУНЫ

(Н. Н. Колесникова)

...И вечный бой!
Покой нам только снится...

А. Блок

«21 мая 1918 года было для меня большим днем»,— скажет она, вспоминая этот день почти полвека спустя.

То был рядовой день Коммуны. Но это не значило — обычный.

Каждый день той весны и того лета восемнадцатого года стоял на посту, сражался и уходил в славу, как воин...

В переполненном зале, где покрытые пятнами нефти куртки и поношенные пиджачки депутатов от промыслов и заводов смешались с солдатскими выцветшими гимнастерками с темными отметинами сорванных погон на плечах и матросскими бушлатами, заседал Бакинский Совет.

Зал замолк, когда Джапаридзе, приподнявшись на своем председательском месте, объявил, что сейчас выступит с докладом народный комиссар просвещения товарищ Колесникова.

Слова «народный комиссар» прозвучали в устах председателя с каким-то оттенком торжественности. И вполне понятно: не минуло еще и месяца, как вслед за разгромом контрреволюционного мятежа в Баку, поднятого буржуазными национали-

стами, Бакинский Совет, руководимый большевиками, образовал Совет Народных Комиссаров — первое рабочее правительство в Азербайджане.

К трибуне прошла женщина чуть выше среднего роста, с простым русским, несколько суховатым моложавым лицом, но уже седеющими волосами. По тому, как она начала свою речь, нельзя было почувствовать волнения комиссара. На трибуне стоял опытный, владеющий собою оратор, твердый и убежденный.

Просто, очень просто, даже буднично Колесникова начала доклад с того, что она считает себя обязанной отчитаться перед Советом, хотя сделано — она это отлично сознает — очень мало. Комиссариат народного просвещения оказался в положении, отличном от других наркоматов. Те могли непосредственно приступить к делу социалистических преобразований. Комиссариату же просвещения пришлось начать работу, когда учебный год кончался, учебные заведения сворачивали занятия, даже слишком быстро сворачивали. Но об этом немного позже, а сейчас комиссар хочет восстановить в памяти депутатов свою декларацию, опубликованную в начале работы комиссариата. Она небольшая и не отнимет у депутатов много времени.

Колесникова читала:

«Советская власть, укрепясь в центре и укрепляясь на местах, творит новую жизнь: она разрушает обветшавшие здания капиталистического строя и камень за камнем кладет фундамент нового здания республики трудовых коммун».

Комиссару, конечно, и в голову не приходило рассказать, как рождалась эта декларация, как вновь и вновь приходилось, напрягая память, искать совета в давно и не столь давно читанных страницах Маркса, Энгельса, Ленина, в статьях Крупской и Луначарского, в отрывочных вестях о рождении новой школы в Советской России, как несколько бессонных ночей декларация писалась и перечеркивалась, чтобы каждая фраза била в цель, была четкой, ясной и доходчивой, чтобы она точно выражала, как большевики мыслят себе путь всего народа к вершинам культуры. В затихший зал летел голос комиссара, чеканивший фразы:

«Это здание будет красиво и прочно, если обитатели его сумеют стряхнуть с себя все предрассудки старой эпохи и впитать в плоть и кровь идеи трудовой коммуны, идеи социализма. Этой задаче и призван служить Комиссариат по просвещению.

Воспитательно-просветительная подготовка широких народных масс и нового, подрастающего поколения — вот его задача;

трудовая пролетарская интернациональная школа для детей и для взрослых — вот его орудие».

От имени Советской власти комиссар зовет к дружной совместной работе широкую общественность и педагогов:

«Не должно больше знание быть монополией имущих классов».

И зал в ответ взрывается шквалом аплодисментов.

Колесникова излагает пункты программы деятельности новой школы, как она мыслится в советском обществе. Она говорит о новых, социалистических принципах обязательного всеобщего и, безусловно, бесплатного обучения, преподавании на родном языке, о том, что из Баку, этого центра Советской власти в Закавказье, светлые огни просвещения должны проникнуть в самые далекие, глухие горные селения, пробудить крестьянство для новой жизни.

«С надеждой на всемерную поддержку и помощь пролетарских и крестьянских масс и педагогического персонала, с верой в творческую мощь народа приступаем мы к работе» — эти заключительные слова декларации вновь взрывают всплеском рук и приветными возгласами раскаленный зал.

Встают товарищи, соратники, друзья — председатель Совнаркома Степан Шаумян, признанный руководитель ленинской когорты бакинских большевиков, комиссары Коммуны — горячие, беззаветные Мешади Азизбеков и Алеша Джапаридзе, общий любимец Ванечка Фиолетов, спокойный и уравновешенный Нариман Нариманов, встают депутаты Совета — товарищи по подполью, участники нелегальных кружков, стачек, потрясавших не только Баку, но и всю Россию.

Стоя на трибуне, она знала, что это аплодируют не ей, а осуществлению того, о чем мечтали, за что боролись,— так восторженно принимали и декреты Коммуны о национализации нефтяной промышленности, о передаче земли крестьянам. Но нет — аплодировали и ей, старому, испытанному борцу.

...Здесь мы прервем рассказ о большом дне комиссара, чтобы вспомнить о том, что предшествовало этому дню, о ее пути в революции.

Быть может, он — этот путь — начался еще тогда, когда она была всего-навсего маленькой московской девочкой Надей, одной из девяти детей мелкого конторщика ткацкой фабрики. Быть может, в тот день, когда она тайком пробралась в рабочую казарму и увидела такую страшную картину нищеты и обездоленности, что жалкие две комнатушки отцовской квартиры показались роскошными...

Гимназия, запретные в конце прошлого века Белинский, Чернышевский, Добролюбов. «Буду учительницей, буду учить бедных детей». Женские педагогические курсы, студенческие кружки, первое знакомство с нелегальной литературой — брошюрами плехановской группы «Освобождение труда», «Коммунистическим манифестом», занятия у молодого приват-доцента М. Н. Покровского — первого учителя марксизма для нее, как и для многих других студентов, курсисток, молодых рабочих. Номер ленинской «Искры» с проектом программы РСДРП. Немного позже — вести о расколе в партии. Дискуссии, споры, раздумья и — твердое решение: «Нет, прав Ленин, надо вступать в партию и идти с большевиками».

1904 год. Молодая учительница городской школы на Пресне, рядом с Прохоровской (ныне Трехгорной) мануфактурой, становится членом ленинской партии, пропагандистом Московского комитета. Здесь, в пролетарском московском районе, протекли первые годы прямого, тяжкого и прекрасного пути в революцию — всегда с партией, всегда с Лениным, никогда, ни на полшага в сторону. С ленинскими идеями, до конца дней.

Декабрьское вооруженное восстание в Москве. В школе — Пресненский штаб восстания, Надежда Николаевна — участница восстания, комендант штаба рабочих дружин. Разгром восстания. Арест. Бутырки — «университет» для революционера: чтение «Капитала», до которого на воле никак не доходили руки. Процесс участников восстания на Пресне. До безрассудства смелый побег из здания суда во время чтения приговора.

Надо переходить на нелегальное положение и прежде всего уехать из Москвы. Но куда? — спрашивали друзья, которые помогли совершить побег.

«Я сказала,— писала она позже в своих мемуарах,— что хочу поехать туда, где много рабочих, потому что стремлюсь вести партийную работу главным образом среди рабочих». И когда был назван Баку, она твердо остановилась на нем. Город нефти вставал в сознании как очаг острых социальных противоречий, ожесточенных классовых битв.

Итак, в Баку, в гущу борьбы, которая продолжалась здесь несмотря на распространявшуюся в стране реакцию. С тех пор — с девятьсот седьмого года — город нефтяников стал ее второй родиной. И куда бы ни забрасывала ее трудная судьба профессионального революционера, она вновь и вновь возвращалась в Баку.

Сюда она приехала, имея единственный, но бесценный багаж — трехлетний опыт революционерки — пропагандиста рабо-

чих кружков, участника вооруженного восстания, опыт конспиратора, опыт тюрьмы, опыт товарищеской спайки борцов за рабочее дело.

Бакинские дни и годы. Вместе с одним из выдающихся ленинцев — Тимофеем (Суреном Спандаряном) она работает партийным организатором крупнейшего промышленного района — Черного города, где сосредоточены нефтеперегонные заводы. Надежда Николаевна — член Бакинского комитета партии, член редакции нелегальной газеты «Бакинский пролетарий» и, конечно, неустанный пропагандист, руководитель рабочих кружков, лектор.

Баку был особенным среди революционных центров страны. В этот большой промышленный город стекались на заработки со всей страны и даже из соседнего Ирана. И здесь большевики, преодолевая влияние националистов различных мастей, налаживали интернациональное братское содружество рабочих-революционеров — азербайджанцев, армян, русских, грузин, поволжских татар, дагестанцев и многих других в единой партийной организации. «Это,— говорил Ленин,— не фраза, а пролетарское решение национального вопроса. Единственное решение». Большую практическую школу интернационализма прошла в Баку и Надежда Николаевна.

Она принадлежала к той когорте большевиков, которые в черные годы реакции, а затем империалистической войны прилагали все силы, чтобы не погас в Баку живой огонь ленинской революционной мысли и действия.

Надежда Николаевна бескомпромиссна в принципиальных вопросах и резко рвет со вчерашними товарищами, склонившимися к социал-шовинизму в начале войны. Вместе с тем она умело следует ленинской тактике использования легальных возможностей. В «Обществе народных университетов», созданном группой бакинской интеллигенции, она ведет курс лекций по русской литературе в нефтепромысловом поселке Сабунчи, преподнося под видом лекций рабочей аудитории большевистскую оценку политического положения в России, отношения социал-демократии к войне.

Вместе с Мешади Азизбековым она вступает в «Комитет помощи беженцам без различия национальностей», добивается организации его филиалов в рабочих районах — Балахнах, на Биби-Эйбате и под флагом этого благотворительного комитета ведет пропаганду интернационализма. Совместное участие в «Комитете помощи беженцам» положило начало большой дружбе с выдающимся азербайджанским революционером М. Азиз-

бековым, одним из будущих комиссаров Коммуны. Характеризуя его, она писала: «Мягкий, чуткий ко всем простым людям — рабочим и крестьянам, тов. Азизбеков был беспощаден в своих разоблачениях шовинизма кадетов, меньшевиков, эсеров и мусаватистов».

Надежду Николаевну вновь арестовали в шестнадцатом году. Баиловская тюрьма. Снова — «университет», на этот раз штудируется «Материализм и эмпириокритицизм».

Высылка в Каширу, в ста верстах от Москвы,— это был уже канун краха самодержавия.

Февраль семнадцатого года. Н. Н. Колесникова едет в Москву. Она — секретарь окружкома партии; кипучая, на все двадцать четыре часа в сутки работа. И все же, все же часто в мыслях — Баку.

Совершенно неожиданно накануне VI съезда партии, когда Колесникова, углубившись в работу, сидела в окружкоме, раздался голос:

— Здравствуйте, Ольга Александровна! (Это была партийная кличка Колесниковой в бакинском подполье.)

Кто ее мог здесь так называть? Подняв голову, она увидела Алешу Джапаридзе. Джапаридзе, ехавший в Питер на съезд, передал ей постановление Бакинского комитета — разыскать и просить товарищей, которые в течение долгого времени вели партийную работу в Баку, вернуться туда.

Вместе с Надеждой Николаевной в Баку возвратился и ее муж Яков Зевин — воспитанник ленинской партийной школы в Лонжюмо. Он уже раньше работал в Баку и пользовался всеобщим уважением. Надежду Николаевну с ним связывала не только общая работа, общие взгляды, но и общая, ставшая единой судьба. Надежда Николаевна часто рассказывала о чудесной сердечности, мягкости, заботливости мужа о ней, о семье, о его любви к детям.

Жарким августовским утром, тотчас же после приезда в Баку, радостная встреча со Степаном Георгиевичем Шаумяном — председателем Бакинского Совета рабочих депутатов. Он рассказывает о сложной политической обстановке в городе.

Идет кипучая, упорная борьба, разоблачение соглашателей и буржуазных националистов. Бакинские рабочие воскрешают свои боевые традиции. За месяц до Октябрьской революции на всю страну раздается набат всеобщей стачки в Баку. ЦК большевиков шлет приветствие «революционному бакинскому пролетариату, в открытом бою победившему организованный капитал».

Большевики одерживали верх над объединенными силами соглашательских партий. Они завоевали большинство в Совете. Первым в Закавказье, вслед за красным Питером, бакинский пролетариат поднял знамя власти Советов. Создавалась Красная гвардия. В Баку переехал из Тифлиса Военно-революционный комитет Кавказской армии, руководимый большевиками.

Но организовывалась и контрреволюция. Антисоветская коалиция соглашателей и националистов объявила отторжение Закавказья от Советской России. В самом Баку эсеры, меньшевики подняли травлю ленинцев в связи с заключением Брестского мира. Шли темные слухи, что мусават готовит восстание против Советской власти.

В марте 1918 года состоялась конференция бакинских большевиков. При ее закрытии произошел случай, о котором не раз с доброй улыбкой вспоминала Надежда Николаевна. Закрывая конференцию, Шаумян неожиданно сказал:

— Товарищи, недавно у одной нашей советской четы родился сын, и вот сегодня мы уже видим его мать среди нас, готовую принять активное участие во всей нашей работе. Предлагаю приветствовать и нового маленького советского гражданина и его мать Надежду Николаевну Колесникову.

«От смущения,— рассказывала она,— я, кажется, готова была под стул залезть. Когда товарищи расходились, я подошла к Шаумяну и сказала: «Ну, зачем, Степан, вы это сделали, зачем занимать конференцию какими-то личными вопросами?» — «Ничего, Надежда Николаевна,— сказал Степан, обнимая меня,— так надо было сделать, часто нити от нашей личной жизни тянутся к общественной»...

В конце марта мусаватисты подняли антисоветский мятеж. Зевин ночью ушел в штаб. Утром, с опаской пробираясь по улицам, где шла стрельба, Надежда Николаевна тоже пришла в штаб и сразу же нашла себе работу — она вообще обладала замечательной способностью становиться необходимым человеком во всяком деле, служащем революции. Ей поручили связь с районными штабами и отрядами Красной гвардии. Пока не был подавлен мятеж, она лишь ночью пробиралась домой — взглянуть на своих малышей, убедиться, что они в безопасности и ни в чем не нуждаются.

Остальное читатель уже знает — крах контрреволюционного восстания, образование бакинского Совнаркома. В первое Советское правительство в Азербайджане вошли и Зевин — народным комиссаром труда и Колесникова.

...Вернемся опять в зал заседания Бакинского Совета рабочих и солдатских депутатов 21 мая 1918 года. Зал аплодирует декларации народного комиссара просвещения. Комиссар, выждав, пока наступит тишина, продолжает, и в ее речи, такой же твердой и прямой, звучит горечь.

Два дня назад в этом же самом зале она хотела изложить основы нового, советского народного образования — коллегам, преподавателям бакинских гимназий, школ и других учебных заведений. Тем, кто в старое, недоброй памяти время любил при случае повторить некрасовское: «Сейте разумное, доброе, вечное...» Ведь сейчас сбывается то, о чем мечтали поколения просветителей, и сбывается в общегосударственном, всенародном масштабе.

Зал был полон, как и сегодня. Но он был враждебен. Ее не хотели слушать, не дали говорить. Ее прерывали злобными выкриками: «Кто вы такая? Мы вас не знаем и знать не хотим! Откуда вы взялись? Долой!» И это была прямая неправда, ибо многие бывшие в зале знали ее как преподавательницу русской литературы в женской гимназии. Раздавались оскорбления по адресу Совнаркома, Советской власти.

Удивляться этому не приходилось. Колесникова знала, что и в Питере, и в Москве Советская власть столкнулась с саботажем буржуазной интеллигенции, в том числе и многих педагогов, бывших под влиянием кадетов, эсеров, меньшевиков. Собрание пришлось закрыть, не начав.

Докладывая об этом Совету, комиссар ожидала не сочувствия, а подтверждения правильности взятой линии. По примеру центра, она предложила образовать совет (коллегию) комиссариата, в который вошли бы представители рабочих районов. Колесникова рассказала, что уже удалось сделать. Она закончила свой доклад так:

— Я чувствую за собой поддержку рабочих, поддержку Совета. С этой поддержкой мне не страшны будут те затруднения, которые встретятся. Я знаю, что я обращусь к Совету и он придет мне на помощь.

Выступившие после нее поддержали начинания комиссариата просвещения, а Шаумян в заключительной речи сказал:

— Я полагаю, что товарищи рабочие должны заявить: «Если вы (т. е. педагоги-саботажники.— *Б. П.*) ползали перед царскими чиновниками, то извольте считаться теперь с представительницей воли *его величества пролетариата*. Чем больше затруднений встретит т. Колесникова со стороны этой компании, тем большую поддержку должны вы ей оказать.

Вы должны заявить: мы стоим за нашего народного комиссара, мы вместе с ним будем бороться за новую школу...»

Бакинский Совет единогласно одобрил программу деятельности комиссариата просвещения.

Вскоре в наркомат потянулись педагоги, которые заявляли, что они за Советскую власть и хотят участвовать в строительстве новой школы. Особенно радовала комиссара активность учителей-азербайджанцев, их искренний энтузиазм и готовность взяться за любую работу.

В мае на Баилове Колесникова торжественно открыла первый из намеченных народных университетов. Курс истории рабочего движения начал читать комиссар юстиции бакинского Совнаркома А. Каринян (ныне действительный член АН Армянской ССР).

Неуемная энергия комиссара находила все новые и новые сферы приложения. В том же мае газеты публикуют ее обращение «Ко всем товарищам рабочим и гражданам»:

«Рабоче-крестьянская революция освобождает искусство от тяжелых цепей, сковывающих его развитие. Однако свобода искусства и сейчас многими понимается превратно. Театр, который должен служить народу, превращается в орудие социальной борьбы против народа и революции. Кинематографы, которые могут и должны стать факторами научно-просветительной пропаганды, превращены в коммерческие предприятия, вносящие постановкой аморальных картин разруху в народное сознание. С трибуны театра в час великого сплочения всей трудовой интеллигенции вокруг идеи интернационализма раздаются нередко слова, пропитанные духом человеконенавистничества и реакционного шовинизма. Такое положение не может быть терпимо. Отныне все деятели театра и кинематографа призываются к бдительности. Отныне понесут строгую кару все те, кто будет ставить картины, направленные против рабочего народа, и пьесы, пропитанные шовинистическим духом.

Мы призываем всех граждан и товарищей к установлению беспристрастного и строгого контроля за деятельностью театров и кинематографов».

На этот призыв первым откликнулся известный актер и антрепренер Павел Амираго. Он явился в наркомат, сказал, что согласен с обращением и готов к совместной работе.

Первой и главной заботой комиссара была судьба детей. С тех пор, как Горький в конце минувшего века увидал в Баку картину «мрачного ада», здесь мало что изменилось. В безотрадных казармах промыслов дети нефтяников гибли от многих

болезней. Сейчас на город надвигался новый враг — голод. Паек хлеба на душу дошел до половины, а то и четверти фунта, нередко вместо хлеба выдавали горсть мелких орехов — фундука. Газеты Коммуны печатали призывы:

«Мы все должны прийти друг другу на помощь. Знайте, что одна ложка муки — это голодному ребенку хлеб на один день. Одна-две штуки картофеля — это голодному пища на целый день.

Не стесняйтесь размерами даваемых вами продуктов: с миру по зернышку — голодному хлеб... Наше дело не благотворительность, а самопомощь».

В городе начинал свирепствовать тиф, врачи сообщали о первых жертвах частой в те годы гостьи — холеры.

Все это — и голод, и эпидемии — прежде всего били по детям рабочих.

В организации помощи детям помог Колесниковой старый революционер-большевик Нариман Нариманов. Человек большого сердца и многих талантов, драматург и педагог, публицист и врач, впоследствии государственный деятель большого масштаба и участник первых крупных советских дипломатических мероприятий, он знал, как никто, нужды трудового Азербайджана, чаяния народов Востока. Комиссар Коммуны Нариманов всегда находил время, чтобы вместе с Надеждой Николаевной отправиться куда-нибудь на городскую окраину, найти там место под детский очаг, снабдить его инвентарем, обеспечить продуктами, организовать медицинскую помощь.

По его совету комиссариат просвещения занял большой приют для азербайджанских детей на Шемахинке, одном из самых грязных и нищих районов города. Пришлось разогнать надзирателей, измывавшихся над детьми и беззастенчиво их обворовывавших. Большевистская организация «Гуммет» помогла подобрать новых воспитателей и заведующего приютом, окрестное население собрало игрушки и детские книжки. Открытие реорганизованного приюта вылилось в небольшой праздник. Ребята устроили детский концерт и на почетные места усадили приглашенных наркомов — Нариманова, Колесникову, Азизбекова.

В центре нефтезаводского района Баку зеленым оазисом выделялся парк миллионера Нобеля «Вилла Петролеа», запретный для рабочих и их детей, с уютными особняками и коттеджами для нобелевской администрации. По представлению наркома просвещения Совнарком постановил реквизировать сад и передать детям.

Газеты Коммуны, полуистлевшие, печатавшиеся на скверной, вплоть до оберточной, бумаге, содержат немало сообщений о начинаниях комиссара просвещения. Решение об освобождении детей красноармейцев от платы за обучение. Конфискация библиотеки совета съездов нефтепромышленников для организации Центральной публичной библиотеки. Указания местным органам о материальной помощи учителям. И так далее и так далее.

Но большинству этих начинаний не суждено было завершиться в том, восемнадцатом году.

На город-знаменосец Советов на Кавказе надвигались вражеские силы. Нарушив Брестский мир, армия султанской Турции вторглась в Закавказье и продвигалась к Каспию, на Баку. В Месопотамии английский генерал Денстервилл готовился к своей наглой и кровавой авантюре. Соперничающие группировки империалистов привлекала бакинская нефть — шестая часть мировой добычи. С севера нависла угроза вторжения белогвардейщины.

Фронт пролегал внутри самого города. Контрреволюция, многоликая — от эсеров и меньшевиков до мусаватистов, дашнаков, кадетов,— пускала в ход отравленное оружие саботажа, злобных слухов, заговоров, клеветы, провокаций.

Под объединенным натиском интервентов и внутренней контрреволюции Советская власть в Баку временно пала. 31 июля Совнарком сложил свои полномочия. На следующий день Колесникова пришла в комиссариат. В комнатах было пусто, телефон молчал.

Она вернулась домой. И там беда — тяжело заболел младший сынишка, и детский врач сказал, что его можно спасти, лишь отправив из Баку. Семьи комиссаров еще две недели назад уехали в Астрахань.

Она не хотела уезжать и после постановления Бакинского комитета, предлагавшего ей отправиться в Астрахань, и решилась на это только после беседы с Шаумяном.

Но еще до отъезда ей пришлось пройти сквозь мучительные испытания. На первом пароходе, куда она попала, ее узнал дашнакский офицер и стал угрожать самосудом. Ее спасли подоспевшие красногвардейцы. Лишь через несколько дней, в течение которых ей пришлось скрываться, она сумела выбраться из охваченного анархией и контрреволюцией города.

На пристани стоял, подняв руку, Яков. Тяжело было покидать мужа, Баку, с которым связывали десять лет революцион-

ной борьбы, товарищей. Но она еще не знала, что виделась с мужем, с лучшими друзьями последний раз.

Назавтра, 6 августа, прибыли в Астрахань.

...И вечный бой! Покой нам только снится...

Профессиональный революционер, партиец с большим опытом, она быстро ориентировалась в обстановке, которая в Астрахани усложнялась с каждым днем. В городе плохо знали, что творится в уездах. Информация и связь с местами — основа нормального руководства. Надежде Николаевне поручается этот участок, и она целиком отдается делу.

Но тут, как молния,— страшная весть. В Закаспии эсерами и английскими интервентами расстреляны двадцать шесть комиссаров: Шаумян, Джапаридзе, Азизбеков, Фиолетов, Корганов, Везиров и другие, и среди них — Яков Зевин. Она не помнила, как товарищи привели ее домой. Настала ночь, тяжелая, черная и бессонная. Как быть, как жить?!

Работать, бороться, воевать, как ни тяжко, как ни больно.

И она, превозмогая горе, работала, работала, не для того, чтобы забыться, а для того, чтобы жило дело, за которое погибли товарищи, чтобы вырастить из детей таких же борцов, каким был отец.

В конце года она была избрана председателем Астраханского губкома партии. И здесь ее ждало новое испытание, которое потребовало мобилизации сил, нервного напряжения, выдержки политического руководителя.

Фронт все ближе подкатывался к Астрахани. Плохо снаряженные, голодные и разутые, части XI армии отступали под натиском белых. В городе скапливались белые офицеры, назревал мятеж. Рабочих Астрахани, коммунистов тревожило, что Реввоенсовет армии, возглавлявшийся Шляпниковым, ничего не предпринимает, «отсиживается», как говорили, в городе.

В такой напряженной обстановке возник конфликт между губкомом и Шляпниковым. Шляпников игнорировал партийную организацию города и даже отказался удовлетворить правомерное пожелание коммунистов Астрахани информировать их о положении на фронте. Дело дошло до того, что Шляпников клеветал на председателя губкома, на актив астраханской организации и даже пытался арестовать Колесникову.

Надежда Николаевна решила добиться разговора по прямому проводу с Лениным. Печально, конечно, что впервые разговаривать с вождем придется по такому поводу, но что поделаешь? Надежда Николаевна чувствовала себя правой перед революцией, перед Лениным. Радостная и взволнованная, Ко-

лесникова вернулась в губком: Ленин подтвердил то, что она отстаивала, к чему стремилась. Результатом разговора была телеграмма Ленина и Свердлова в Астрахань.

Последующие события подтвердили правоту председателя губкома. Шляпников был отозван, и вскоре в Астрахань приехал С. М. Киров, назначенный руководителем обороны города.

Началась героическая эпопея «крепости на Волге». Надежда Николаевна вошла во временный Военно-революционный комитет Астраханского края, который возглавил Киров. Рука об руку с Сергеем Мироновичем, Механошиным и другими она участвовала в укреплении города, в собирании всех революционных сил, чтобы делом подтвердить кировскую клятву. «Пока в Астраханском крае есть хоть один коммунист, устье Волги останется советским!»

А борьба обострялась. В деревнях распоясавшиеся кулаки зверски расправлялись с рабочими — участниками продовольственных отрядов. В самом городе чуть ли не со дня на день ожидали выступления белых.

В этот момент губернская партконференция избрала Надежду Николаевну делегатом на VIII съезд партии. В первый раз в жизни попасть на партийный съезд, увидеть, услышать Ильича!

Но тут же настороженная мысль: а имею ли я право в такой тревожный момент оставить свой пост — я, которой партийная организация доверила руководство губкомом?

Надежда Николаевна делится своими сомнениями с Кировым. Он соглашается с нею: сейчас ей уезжать из Астрахани нельзя. И как ни жалко было расстаться с мечтой, Колесникова, поблагодарив делегатов конференции за избрание, попросила снять свою кандидатуру. На съезд поехал другой товарищ.

Вскоре после приезда Кирова в Астрахань удалось наладить связь с Баку, с его работавшей в нелегальных условиях партийной организацией. Председатель губкома тесно сотрудничает с группой старых товарищей-бакинцев, оказавшихся в Астрахани: Гамидом Султановым, С. М. Эфендиевым, Дадашем Буниатзаде и другими.

Надежде Николаевне не довелось участвовать в разгроме белых под Астраханью. События последнего года, сверхчеловеческое напряжение сил и нервов, трагедия родного Баку — все это надломило ее организм. Последний удар нанесла книга эсера Чайкина «Казнь 26 бакинских комиссаров». До тех пор у нее еще теплилась надежда. Кто-то, приехавший из-за Каспия, передавал, что англичане не расстреляли комиссаров, а отпра-

жили в Индию. А вдруг — правда? После книги Чайкина никаких сомнений не оставалось — убиты.

Ослабевшую, с совершенно расшатанной нервной системой, страдавшую бессонницей, с начавшимися обмороками и галлюцинациями, ее с детьми отправили в Москву.

Здесь, в Москве, друзья-бакинцы рассказали о ней Крупской и помогли им увидеться. Чуткая, внимательная, заботливая, Надежда Константиновна, зная, что Колесникова хочет поскорее начать работать, тут же предложила ей пойти во внешкольный отдел Наркомпроса, которым руководила.

«Работать вместе с Надеждой Константиновной, о которой я столько слышала, которая была самым близким другом Владимира Ильича и которая так тепло меня встретила,— вспоминала Колесникова этот день,— о таком счастье я и не мечтала. Конечно, я дала согласие».

Работая с Надеждой Константиновной, она вскоре встретилась с Лениным, а затем стала бывать и в кремлевской квартире Ульяновых, иногда приезжая вместе с Крупской к обеду.

«Для Ленина,— рассказывает она,— это время дня было отдыхом, и все члены семьи любили этот час встречи.

За обедом обычно шел оживленный общий разговор, каждый рассказывал об интересных событиях дня — о встречах с людьми, о полученных письмах и т. д. Владимир Ильич шутил, весело смеялся, подмечая комическую сторону какого-нибудь рассказа. Надежда Константиновна часто расспрашивала меня о детях, здоровы ли они, не нуждаются ли в чем-нибудь. Я всегда отвечала, что дети здоровы и ни в чем не нуждаются. Но, должно быть, Крупская этому не верила. Ведь в Москве тогда был голод, все жили на скудном пайке. И вот время от времени Владимир Ильич и Надежда Константиновна стали присылать что-либо из своих небольших ресурсов для моих детей. Меня глубоко трогала эта забота.

Иногда за обедом возникали очень интересные для меня разговоры, и я поражалась, как Владимир Ильич, занятый большими государственными делами, может принимать такое живое участие в вопросах, гораздо менее важных, как умеет он показать их жизненное значение. Чаще всего это касалось культурного строительства. Особенно запомнились мне разговоры о борьбе с неграмотностью».

Надежде Николаевне довелось встречаться с Лениным на протяжении нескольких лет, не раз слышать его доклады и речи. Она слушала его выступление на пленуме Моссовета — последнюю речь Владимира Ильича. Свою книгу воспоминаний

«По дорогам подполья» она закончила главой «О чем никогда не забудешь». И последняя фраза главы этой книги, увидевшей свет, когда Надежды Николаевны уже не было, гласила:

«Воспоминания о Ленине! Я по себе чувствую, что это самое дорогое, что есть у людей, имевших счастье встречаться с ним»...

В апреле двадцатого года над Баку, над Азербайджаном вновь — и навсегда — победно взвилось красное знамя. И Надежда Николаевна не выдержала: она «отпросилась» у Крупской, и вот она вновь в городе своей революционной молодости, вновь среди товарищей по подполью и боям за власть Советов.

Со всей своей неуемной энергией она окунается в жизнь, в работу, и снова нет предела ее начинаниям. Она налаживает работу среди женщин, является заместителем наркома просвещения Азербайджана. «Тряхнув стариной», как в подполье и в семнадцатом году, она обращается к журналистике. С ее приездом в органе ЦК Азербайджанской компартии — газете «Коммунист» систематически с конца мая начинает появляться «Страничка работницы», а в ней — статьи, подписанные «Н. Колесникова», а иногда и две статьи в одном номере («Работница-мать», «Работница и семья», «Работница-гражданка», «Работница на коммунистических субботниках», «Советская власть и народное просвещение» и т. д.). Она создает журнал «Народное просвещение» и публикует в нем ряд статей.

Комиссар Коммуны снова была на своем посту в чудесном городе нефти. Надежда Николаевна много сил отдала решению той задачи, важность которой постоянно подчеркивали и ее старый товарищ Нариманов, председатель ревкома, и Киров,— раскрепощению женщины-азербайджанки.

Надежда Николаевна заботливо и любовно растила кадры азербайджанок-активисток.

Взволнованно рассказывала она, как весной 1920 года после интернационального женского митинга в Центральном рабочем клубе Баку его участницы решили отправиться приветствовать Центральный Комитет партии. Вверх по главной, Коммунистической улице двигалась небывалая демонстрация — ряды азербайджанок. Они шли еще в чадрах, но под алыми знаменами. Это была первая женская демонстрация в Азербайджане.

На следующий год Надежда Николаевна была отозвана в Москву. Она работала в Главполитпросвете, в Московском комитете партии и Ярославском губкоме. В течение нескольких лет руководила Академией коммунистического воспитания им. Крупской. С 1933 года работала в Институте марксизма-

ленинизма при ЦК партии, затем в Центральном музее В. И. Ленина, отдавая все силы, жар сердца, огромный опыт пропаганде всепобеждающего ленинского учения.

...В последний раз она приезжала в Баку, когда ей было уже почти восемьдесят лет,— на празднование сорокалетия Советского Азербайджана. Цветами, приветными улыбками встретил город нефти своего бойца. Надежда Николаевна ходила и ездила по старым знакомым местам и не узнавала многих из них. Сказочно преобразился город, сказочно преобразилась жизнь азербайджанского народа, всей интернациональной семьи трудящихся Азербайджана, с которой она сроднилась в суровые годы подполья, в боевые, горячие дни Коммуны.

Большой день комиссара Коммуны! Не был ли таким Большим днем весь шестидесятилетний путь Надежды Николаевны в рядах большевистской партии, под ленинским знаменем?

Георгий Петров

ПОСОЛ РЕВОЛЮЦИИ

(А. М. Коллонтай)

Я люблю то оглядываться назад, на пройденный человечеством путь, то забегать вперед — в то волшебное, прекрасное будущее, где человечество будет жить, расправив крылья, говоря: «Счастье, счастье для всех».

Александра Коллонтай

Первая мировая война длится уже несколько месяцев. Социалисты многих европейских стран, изменив интересам пролетариата, поддерживают свои правительства в этой братоубийственной войне. А сытые, довольные жизнью и собой бюргеры маленькой нейтральной Швеции, не воевавшей с давних времен, равнодушны к политике. Только небольшая группа левых социалистов стоит на интернационалистических позициях. Среди них и ведет свою партийную работу Александра Михайловна Коллонтай.

...Стокгольм. Холодная ноябрьская ночь. Тусклый свет фонаря освещает парадный вход пансионата «Карлесон». На улицу Биргер Ярля выходят двое: силуэты уходящих едва различимы на фоне сумрачной улицы.

Александра Михайловна провожает их долгим взглядом из окна своей комнаты. Они только что беседовали: Александра Коллонтай, Фредрик Стрём, секретарь шведской социал-демократической партии, и Цет Хёглунд, лидер интернационалистов, редактор газеты «Стормклокан». Здесь, в одной из комнат

пансионата, шло затянувшееся за полночь совещание. Говорили о задачах социалистов в империалистической войне, читали манифест большевиков, написанный Лениным.

...Ровно в шесть часов утра в дверь постучали. Стук был настойчивый, требовательный. Александра Михайловна мгновенно поняла: полиция. Екнуло сердце, мысль заработала лихорадочно. Необходимо принять все меры. Главное — предосторожность. Под подушкой книжка с адресами явок. Если это попадет в руки полиции?.. Нет, это невозможно...

Резкий окрик за дверью: «Откройте, немедленно откройте...»

Коллонтай быстро оделась, сунула документы в карман.

Полицейские тщательно обыскали комнату. Перевернули все вверх дном, но ничего подозрительного не нашли. Им было доподлинно известно, что в маленькой комнате, которую снимает русская революционерка, проходили какие-то странные собрания. За Коллонтай давно ведется слежка. И вдруг никаких улик. А она в это время думала: как избавиться от документов до того, как ее обыщут?.. По-шведски обратилась к полицейскому:

— Мне нужно выйти...

Офицер подозрительно посмотрел на нее, но отказать не посмел.

Адреса с явками удалось спрятать. Но на душе у Александры Михайловны было неспокойно. Что же предпринять?.. Как сообщить товарищам о спрятанных документах?..

Когда она в сопровождении полицейских шла по коридору, навстречу попался один из русских партийцев. На него можно положиться. Поравнявшись с ним, Александра Михайловна шепнула несколько слов.

Теперь можно было успокоиться: даже в ее отсутствие партийные связи не нарушатся. И по-прежнему будут идти через Стокгольм в Россию, к петербургским большевикам, письма от Ленина, живущего сейчас в Берне. По-прежнему через Скандинавию будет продолжаться транспортировка нелегальной литературы.

...Тяжелые двери Кунгсхольмской тюрьмы закрылись за спиной Коллонтай. Но в стокгольмской тюрьме она пробыла недолго. Однажды ночью посадили ее в поезд и под конвоем отправили в город Мальме, там упрятали в старую крепость. Никто из друзей не знал, где находится Александра Михайловна. Как-то камеры узников обходил священник. И Коллонтай решила воспользоваться этим. «Опасная агитаторша» попросила священника оказать ей маленькую услугу: передать от нее при-

вет и письмо Яльмару Брантингу и сказать ему, что она находится в тюрьме.

Священник заколебался: имеет ли он право брать и передавать письмо из тюрьмы без ведома полиции?.. И тут Коллонтай выдвинула решительный аргумент.

— Вы священник, не так ли?..

— Я служитель бога...

— Следовательно, христианин. А христианин верит, что все люди — братья. Я не прошу вас нарушать законы. Но попала я сюда незаконно. Мои друзья не знают ничего обо мне и потому не могут помочь. Единственно, чего я хочу,— и в этом мое право — сообщить им, где я нахожусь...

Священник выполнил ее просьбу. Брантинг — основатель социал-демократической партии Швеции и член парламента — узнал, что Александра Михайловна арестована. Он тут же начал действовать. Под его влиянием прогрессивная общественность потребовала освобождения Коллонтай. И шведское правительство решило поскорее избавиться от русской революционерки.

В конце ноября 1914 года король Густав V подписал указ, в котором говорилось, что из пределов страны «навечно» высылается известная русская социал-демократка Александра Коллонтай.

* * *

После высылки из Швеции Коллонтай переехала в Данию. Но и здесь было неспокойно: датские власти установили за ней гласный надзор. Копенгагенская полиция ходила по пятам. Хозяйки квартир и отелей после «визитов» жандармерии отказывали в комнате. Грозил новый арест.

17 января 1915 года в Копенгагене состоялась Международная социалистическая конференция нейтральных стран, в которой Александра Михайловна приняла участие. Во время конференции она рассказала норвежским товарищам о трудностях, которые ей пришлось испытать за последнее время, и они посоветовали переехать в их страну.

Коллонтай поселилась в местечке Хольменколлен, расположенном вблизи Христиании. И теперь сюда, в маленький красный домик — гостиницу «Турист-отель», приходили дружественные письма Ленина.

Владимир Ильич, готовясь к Циммервальдской конференции, придавал огромное значение объединению революционных интернационалистов. В письме, посланном Коллонтай в июле

1915 года, он спрашивал: возьмется ли она привлечь на позиции большевистского ЦК РСДРП левых социалистов Скандинавии?

Александра Михайловна выполняет это новое задание Владимира Ильича. Она созывает совещание левых социалистов Норвегии, вместе с ними вырабатывает декларацию для Циммервальда. Вскоре благодаря стараниям Коллонтай к этой декларации присоединяются также левые социалисты Швеции. Когда же в начале сентября конференция состоялась, представители Скандинавии выступили на ней вместе с Лениным.

В конце августа Коллонтай получила приглашение от левой немецкой секции Социалистической партии Америки приехать и прочесть цикл лекций, направленных против войны. Ехать? Нет? Коллонтай решила посоветоваться с Владимиром Ильичем, узнать его мнение. Написала ему письмо.

Ленин поездку одобрил. Но деньги на дорогу не приходили, и Коллонтай уже думала, что поездка не состоится.

«Дорогая Александра Михайловна! Очень будет жаль, если Ваша поездка в Америку окончательно расстроится,— написал ей Владимир Ильич, узнав об этом.— Мы строили на этой поездке немало надежд и на издание в Америке нашей брошюры («Социализм и война»; получите на днях), и на связи с издателем Charles Kerr в Чикаго вообще, и на сплочение интернационалистов, и, наконец, на финансовую помощь, которая так чрезвычайно нужна нам для всех тех насущных дел *в России*»...

Почти одновременно с этим письмом В. И. Ленин 13 сентября написал в Берн (Швейцария) члену Комитета заграничных организаций большевиков Г. Л. Шкловскому: просил послать Коллонтай в Норвегию десять экземпляров брошюры «Социализм и война».

Владимир Ильич не терял надежды, что поездка Коллонтай в США все же состоится. И действительно, деньги на дорогу вскоре были присланы. А незадолго до отъезда Александра Михайловна получила из Берна небольшую посылку с брошюрой «Социализм и война». Ее она должна была перевести с немецкого и попытаться издать в США.

В начале октября пятнадцатого года Коллонтай была уже в Нью-Йорке. В первый же день в отель, в котором она остановилась, пришли организаторы ее поездки: немецкие социалисты. Обсудили план турне. Выработали темы рефератов. А потом афиши сообщали о выступлениях Коллонтай. И не только в Нью-Йорке. Расин, Мильвоке, Чикаго, Сан-Луис, Сан-Франциско, Лос-Анжелес, Сиэтл. И снова — Нью-Йорк.

Часто Александра Михайловна выступала в день на двух-трех собраниях, причем делать доклады приходилось на нескольких языках: на английском, немецком, французском и русском. Ведь слушать ее приходили социалисты разных национальностей. 18 октября она сообщала В. И. Ленину и Н. К. Крупской о ходе своей поездки:

«Дорогой Владимир Ильич и Надежда Константиновна! Наконец урвала время, чтобы написать вам, поделиться впечатлениями и сообщить о том, как двигается моя «миссия»...

Собрания в Нью-Йорке, Расине, Мильвоке, всюду были переполнены, и я вижу, что немецкие товарищи не зря меня выписали: человек из Европы здесь пользуется большим авторитетом, и надо надеяться, что моя поездка поможет *укрепить* позицию здешних интернационалистов. Характерно, что именно резкие, отчетливые интернационалистские положения, заявления о том, что основная ошибка II Интернационала лежала в ревизионизме, с одной стороны, в недостаточно отчетливом отношении к вопросу о национализме и интернационализме, встречаются бурными демонстративными аплодисментами. Чем революционнее построена речь, тем больше ей сочувствия. Возражения являются лишь подкреплением нашей позиции. Возражают «робко» и неуверенно, стыдятся. И, надо сказать, даже явные социал-патриоты стыдятся своей позиции и передо мной, как мне указывали, «оправдываются». Они боятся, что III Интернационал призовет их к ответу! Но всего противнее наши же русские социал-патриоты! Особенно меньшевистское гнездо...»

Посланец Ленина в далекой стране — Коллонтай неутомима в бесконечных переездах из города в город. В нескончаемых выступлениях перед малыми и большими аудиториями несла она гневные слова правды о грабительской, империалистической войне.

Она была ярким революционным трибуном. И нет ничего удивительного, что даже в таком городе, как Нью-Йорк, где часто выступали знаменитые ораторы, лекции Коллонтай пользовались неизменным успехом. А лидеры меньшевиков, встретившие ее враждебно, вынуждены были признать, что она «разрушает их влияние, как маг и волшебник».

...Деятельность Коллонтай в США настораживала царских жандармов. Шеф заграничной агентуры статский советник Красильников в секретном донесении в департамент полиции писал: «Имею честь доложить Вашему превосходительству, что, по полученным агентурным сведениям, 14 февраля с. г. по новому стилю в Нью-Йорке, в Арлингтон-холл, собралось около

500 русских и еврейских рабочих выслушать речь известной социал-демократки Александры Михайловны Коллонтай... Вся речь Коллонтай была посвящена вопросу, как восстановить международную солидарность рабочих...»

Конечно, «крамольные» выступления Коллонтай вызывали гнев и бешенство царских сатрапов. И в департамент полиции летели одно за другим донесения, в которых сообщалось о ее партийной деятельности. Но жандармы ничего не могли поделать. Давно был издан циркуляр о задержке Коллонтай на границе в том случае, если она приедет в Россию. Но опытная революционерка была далеко и недосягаема. Ее поездка по США в феврале 1916 года подошла к концу.

Были выполнены многие поручения Ленина. Правда, не удалось издать брошюру «Социализм и война», но Коллонтай сумела во время поездки распространить 500 экземпляров этой брошюры, присланных Владимиром Ильичем. Теперь идеи Ленина, мысли Ленина о превращении империалистической войны в войну гражданскую, революционную станут более ясны американским социалистам, русским и немецким эмигрантам-партийцам. Будучи в США, Коллонтай завязала крепкие связи с американскими социалистическими кругами. И, наконец, она собрала некоторую сумму денег для партийной кассы. Владимир Ильич писал перед ее отъездом в США: «Денег нет, денег нет!! *Главная* беда в этом!» И Александра Михайловна хорошо помнила не только об идеологической цели своего турне, но и о материальных затруднениях партии.

21 февраля Коллонтай покидала Соединенные Штаты. Ее провожали многочисленные друзья.

14 марта Александра Михайловна сообщала уже из Христиании о том, как прошла ее миссия.

«Вот уже неделя, как я снова в Европе,— писала Коллонтай Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне в Берн.— Теперь, надеюсь, у нас установятся более регулярные сношения. Из Америки письма, очевидно, пропадали. Дошли ли деньги? Как отправителя ставила всегда издательство «Новый мир».

...Перед отъездом устроили собрание нью-йоркской группы большевиков. Группа эта создалась месяцев 10 тому назад. Публика неплохая, но инертная. Старалась им втолковать, что они могут многое сделать, если поставят себе задачей служить связующим центром для распыленных по Америке большевистски-интернационалистских элементов...

В общем, своим пребыванием в Америке я довольна; как будто маленькая польза есть в смысле прояснения умов от шови-

нистического тумана. Разумеется, чувствуется некоторая усталость, ведь за $4^1/_2$ месяца я прочла 123 реферата на четырех языках. Часто приходилось говорить на трех языках в один и тот же вечер. Да еще дискуссия. Да еще ежедневные переезды... Ну, всего, всего хорошего! Очень рада, что опять я ближе к вам.

Самый теплый и сердечный привет обоим от Александры К.»

Владимир Ильич Ленин в свою очередь письмом поздравил Коллонтай с успехом, дал ей ряд новых поручений: посредством переписки держать постоянную связь с интернационалистами Америки и продолжить работу среди левых социалистов Скандинавии.

* * *

Наступил октябрь 1917 года. Революция, ради которой Коллонтай жила и боролась, победила.

Встали важные задачи: как сохранить власть народа, как строить новую жизнь. На какой фланг направит ее партия?.. Что думает об этом Владимир Ильич?..

Коллонтай идет в Смольный. В боковой комнате, где располагался Петербургский комитет, за столом сидит Ленин.

Увидев Александру Михайловну, он встает и, улыбаясь, направляется навстречу.

— Поезжайте сейчас занимать министерство государственного призрения. Это надо сделать теперь же,— говорит Владимир Ильич.

В удостоверении, выданном Александре Михайловне 30 октября 1917 года, она прочла:

«Республиканское правительство — Совет Народных Комиссаров уполномочивает т. А. Коллонтай народным комиссаром общественного призрения».

Документ этот, подписанный Лениным, был знаком особого доверия. Впервые в истории членом правительства стала женщина.

Ноябрьским утром Александра Михайловна спешила на Казанскую, 7, в здание бывшего министерства. Открыла массивную дверь, поднялась по роскошной, широкой лестнице. А навстречу ей спешили чиновники, машинистки, бухгалтеры, начальники отделов. Они бросили вызов: покинули ведомство, объявив саботаж новой власти.

Коллонтай не растерялась, не потеряла самообладания, даже виду не показала, что огорчена. С улыбкой на лице обратилась она к нескольким оставшимся служащим, заявившим, что они готовы сотрудничать с большевиками: «Ну что ж, будем начинать нашу работу».

...Пустые кабинеты и канцелярии с заброшенными столами, на которых кипами лежат неразобранные документы. Одиноко стоят пишущие машинки. Сейф, где хранится касса, заперт.

— У кого ключи?

Служащие переглядываются, пожимают плечами.

— Видимо, у начальника финансового управления...

— А где он?

— Дома...

Наркомат государственного призрения — такое учреждение, где работу остановить нельзя. Приюты для сирот, санатории для туберкулезных, увечные воины, протезные мастерские, больницы, колонии для прокаженных, воспитательные дома. И каждый день со всех сторон к ней обращаются с просьбами посетители. А без средств работать невозможно. Нужны деньги.

Она посылает на квартиру начальника финансового управления отряд Красной гвардии. Чиновник под стражей доставлен в кабинет наркома. Коллонтай спрашивает о ключах от сейфа. Чиновник молчит. Настала очередь Александры Михайловны быть упрямой. Спокойно повернувшись к красноармейцам, она приказывает арестовать саботажника.

— Вы будете оставаться под стражей до тех пор,— говорит она, обращаясь к чиновнику,— пока требуемые ключи не будут возвращены законным представителям правительства.

...Однажды, как обычно, Александра Михайловна работала допоздна. В кабинете было холодно и неуютно. Только недавно растопили белую голландскую печь, и она еще не успела согреть большую комнату. Но было приятно, сидя за письменным столом, смотреть на теплое пламя, играющее красными языками в печи.

«Правильный ли это шаг,— спрашивала себя Коллонтай,— что я арестовала начальника финансового управления... Возможно, если бы я была лучшим дипломатом, то могла бы получить ключи, не прибегая к угрозам?»

Александра Михайловна вспомнила недавний разговор с Владимиром Ильичем. Она спросила его тогда: можем ли мы одобрять некоторые акты жестокости?.. Вы думаете сделать революцию в белых перчатках? — сказал Ленин и продолжил: есть только два пути — или с Советами, или с контрреволюционерами. Третьего пути нет.

И теперь, вспоминая этот разговор с Владимиром Ильичем, она поняла, что была права.

Два дня спустя ключи от сейфа были уже у Коллонтай. Александра Михайловна праздновала свою первую победу на

посту наркома. А вскоре она сумела ликвидировать и саботаж. Работа постепенно налаживалась.

«Это были горячие и решительные месяцы нашей революции. До победы было еще далеко. Мы были голодны, редкую ночь удавалось выспаться, столько было трудностей, опасностей,— писала впоследствии Коллонтай о своей работе на посту наркома.— Но мы работали со страстью, мы торопились строить новую, советскую жизнь. Мы чувствовали, что все, что делаем сегодня, нужно обязательно сегодня, пусть вчерне, завтра будет поздно, завтра предстоят новые задачи».

* * *

Шли годы. Страна Советов стала великой державой, а Коллонтай — ее полпредом. Первая в мире женщина-дипломат.

Стокгольм, 30 октября 1930 года.

К гостинице «Гранд-отель» подъехала золоченая карета, запряженная четверкой темных лошадей. Ее прислали за советским полномочным представителем Александрой Коллонтай.

В черном бархатном платье, на которое была накинута меховая шубка, сопровождаемая церемониймейстером королевского двора Луи де Геером, отправилась Коллонтай во дворец вручать свои верительные грамоты Густаву V.

В министерстве иностранных дел Швеции были обеспокоены: ведь король еще никогда не принимал женщину в ранге посланника. Как она должна быть одета? Как пройдет вручение верительных грамот? Как избежать непредвиденных нарушений веками сложившегося этикета? Все это очень тревожило шефа протокольного отдела, и при встрече с Александрой Михайловной барон Барнеков доверительно сообщил ей о своих опасениях.

— Если это не противоречит традиции, я буду в черном бархатном платье, а на голове у меня будет шляпка со страусовым пером,— сказала, улыбнувшись, Александра Михайловна.

— Шляпка? Со страусовым пером? — Опытный чиновник постарался скрыть недоумение.— Я прошу меня извинить, но уместно ли это?..

На лице Коллонтай снова появилась вежливая улыбка:

— Когда я выйду из кареты и буду идти во дворец, может подуть ветер. Ведь он нередкий гость в Стокгольме. А оказаться перед его величеством королем Швеции с испорченной прической — этого я позволить себе не могу.

Не найдя никаких доводов для возражений, Барнеков согласился:

— Что ж, пусть будет шляпка со страусовым пером...

...По беломраморной лестнице поднялась А. М. Коллонтай в зал приемов. Густав V приветствовал ее стоя.

После вручения верительных грамот должна была состояться беседа. По шведскому обычаю король и посланник разговаривают стоя. Но тут посланником была женщина. И король решил нарушить традицию — он предложил Коллонтай кресло.

Его величество король Швеции необыкновенно любезен. Он не был так любезен шестнадцать лет назад, когда «навечно» выслал Коллонтай из своей страны. А старый указ между тем до сих пор еще в силе.

...Ночью на квартире шефа протокольного отдела зазвонил телефон. Ему сообщили: одна из популярных шведских газет готовит сенсационное сообщение. Содержание его: Коллонтай лишена права появляться в Швеции.

«Нужно срочно отменять старый указ,— пронеслось в голове чиновника,— иначе будут разговоры... неугодные комментарии, нежелательный резонанс...»

Через два дня в одной из маленьких газет — «Пост-ок-Инрекес Тидненгар» среди прочих объявлений было напечатано крохотное сообщение о том, что «указ об изгнании Коллонтай» отменяется.

...Каждое утро у здания полпредства Коллонтай ожидал автомобиль с красным флажком. Начинался трудовой день: официальные встречи, деловые беседы...

И этот день, 22 ноября 1930 года, прошел тоже напряженно. Поздним вечером возвратилась Александра Михайловна на Карлавагэн, 18, где находилось советское полпредство. Поднялась на четвертый этаж в кабинет.

Здесь, в тиши кабинета, хорошо, спокойно. Здесь ее дом. А за окном чужой город. Иная жизнь. Стокгольм, весь пересеченный каналами, одетый в серый камень. Стокгольм с зелеными парками, где нравится ей совершать одинокие прогулки в столь редкие свободные часы.

Коллонтай стояла у окна задумавшись. Всплыли воспоминания...

В детстве с ней, дочерью старого генерала, любил играть бывший у них в доме дипломат. Пройдет много лет, и она встретит его в парке в Тифлисе. Старый дипломат спросит, помнит ли она его фокусы. И когда она ответит, что помнит, он скажет: «Я знал, маленькая девочка угадывала, в чем состоит фокус, но продолжала улыбаться, делая вид, будто ничего не понимает,— сохраняла выдержку и самообладание. Жалею, что женщины не

могут быть дипломатами. Из вас бы вышел прекрасный дипломат».

Коллонтай улыбнулась — он ошибся. Теперь она первая в мире женщина-полпред... Норвегия, потом Мексика, снова Норвегия и, наконец, Швеция. Восемь лет уже на дипломатической работе. Хотя все эти годы находилась вдали от родины, но была со своей страной, жила ее чаяниями и думами. А в Москве родные, друзья, самая близкая подруга детства Зоя Шадурская...

Коллонтай зажгла настольную лампу, села за письменный стол, открыла блокнот.

«Стокгольм, 22 ноября 1930 года,— написала она первую строку письма, потом на секунду задумалась и продолжила.— Зоечка, отчего не пишешь?.. Без твоих весточек — холодно. Много «думушек»!.. О тебе. О твоих настроениях. Мыслях.

Трудное время сейчас. Чувствуешь, что мы здесь — на аванпостах. Огонь бьет в первую очередь по нас. День и ночь на посту часовыми. Еще никогда так ярко этого не ощущалось. И не было столько трудностей, столько забот, чтобы все учесть, предвидеть, не ошибиться. Бывают промахи, мелкие. Но они сейчас неприятнее, чем незадачи и неудачи былых лет. На посту — такова жизнь. Много сложнее, много труднее, чем в тихом Осло.

Жизнь здесь — работа налаживания и преодоления. На стене — кусочки Мексики. Тоже уже далекий сон... А мысль бежит в Союз».

...Переписка с Шадурской — радость: в эти годы она напишет ей много писем. И в них то и дело станут встречаться упоминания о том, что живет она в «напряжении всех душевных мускул», что «деловые задачи закрутили, замотали». И будут идти к подруге в Москву письма.

«Стокгольм, 6 февраля 1932 года.

Я живу вся застегнутая на все пуговицы, работаю, как запряженная лошадь, не сдавая. Днем — в бюро, затем чаи или обеды, встречи, тревоги, телеграммы. Преодоления и новые трудности...

Через час я должна одеваться к официальному обеду. За эту неделю их уже было три и два вечерних приема. Я очень устаю — ведь это огромная затрата сил... Губы устали от официальной улыбки, а душа — от мундира».

А мысли, чувства заняты одним: как завоевать доверие шведской общественности, улучшить добрососедские отношения Швеции и Советского Союза. И Коллонтай всюду — на приемах в королевском дворце, на официальных обедах, при встречах в советском полпредстве и в шведских учреждениях с представи-

телями капитала и промышленности, с деятелями искусства и литературы — «плела кружева дружбы», расширяла связи — торговые и культурные. Высокая образованность, тактичность и личное обаяние, необыкновенное умение вести разговор почти на любую тему и при этом внимательно выслушивать собеседника, великолепное знание семи европейских языков помогли Александре Михайловне завоевать авторитет блестящего дипломата у шведской общественности.

Можно бесконечно рассказывать о деятельности Коллонтай в Швеции. Можно вспомнить историю создания Общества культурных и научных связей, которое было образовано 20 мая 1935 года. Почетным членом правления этого общества единодушно была выбрана Коллонтай, «как сделавшая особенно много для культурного сближения между Швецией и СССР»,— подчеркивалось в протоколах учредительного собрания. Можно вспомнить несколько ярких эпизодов из экономических переговоров советского полпреда с министром иностранных дел Швеции Рикардом Сандлером. Хотя бы о том, как сумела Коллонтай в 1933 году, благодаря исключительным дипломатическим способностям, добиться возвращения в СССР золотых запасов, размещенных в свое время правительством Керенского в «Эншельд банкен».

Но, пожалуй, особенно дипломатический талант Коллонтай проявился в годы Великой Отечественной войны, когда, выполняя ответственное государственное задание, многое сделала она для того, чтобы Швеция сохранила свой традиционный нейтралитет — не вступила в войну на стороне Германии. Шведы по достоинству в скором будущем оценили эту благородную роль Александры Михайловны — назвали ее «одним из лучших и добрых друзей своей страны».

* * *

В 1942 году Коллонтай исполнилось 70 лет — возраст преклонный. А напряжение, связанное с дипломатической работой в Швеции, все более усиливалось. 16 июня 1942 года она писала: «Жизнь здесь очень напряженна. Мои нервы измотаны до предела, но я продолжаю работать с мужеством и энергией».

Однажды, августовским вечером, Коллонтай почувствовала себя плохо. Ее поразил инсульт. Болезнь длилась долго, только к концу января 1943 года ей стало лучше и она переехала в санаторий Мёссеберг, расположенный на юге Швеции. А уже в ноябре, после года лечения, Коллонтай вновь приступила к работе.

В начале февраля в советское полпредство (оно находилось тогда на Виллагатан, 17) пришел шведский промышленник Маркус Валленберг, получивший несколько дней назад приглашение от Коллонтай. Александра Михайловна знала: Валленберг имеет крупные капиталовложения в банках Хельсинки, он тесно связан с правящими кругами Финляндии.

В разговоре выяснилось: Валленберг обеспокоен за судьбу своих капиталов, находящихся в Финляндии.

— Ваши войска ведут грандиозные наступления по всему фронту,— сказал он. И огорченно добавил: — Если война с Финляндией продолжится, я могу потерять свои капиталы.

Коллонтай выслушала промышленника внимательно, дала ему добрый совет: отправиться как можно скорее в Хельсинки и поговорить с президентом Рюти о целесообразности начать переговоры о мире.

— Пора, давно пора кончать войну!

На следующий день Валленберг вылетел в Хельсинки. Его беседа с финскими правителями состоялась 7 февраля. Как раз в этот день был произведен массированный налет советских бомбардировщиков на столицу Финляндии.

Под «грозный аккомпанемент» советской авиации правительство этой страны просило шведского промышленника передать послу Александре Коллонтай, что в ближайшее время для встреч с ней прилетит в Стокгольм Юхо Кусти Паасикиви с поручением «выяснить условия выхода Финляндии из войны».

12 февраля Паасикиви был уже в Швеции. Но его «неофициальные встречи» с Коллонтай проходили не в столице, а в Сальтшебадене, курортном местечке недалеко от Стокгольма.

В одном из номеров гостиницы «Гранд-отель», принадлежащей Валленбергу, протекали беседы Коллонтай с Паасикиви. Они были откровенными и обнадеживающими. Факт встречи двух государственных деятелей держался в строжайшем секрете: об этом знали лишь несколько человек.

Коллонтай вручила Паасикиви советские условия перемирия. В них было требование немедленного разрыва отношений с Германией, интернирования немецких войск и кораблей, признания советско-финской границы 1940 года и другие. Тогда же Александра Михайловна заявила: при условии принятия Финляндией этих требований Советское правительство согласно начать переговоры и заключить конкретное соглашение.

Переговорам дан был ход. В конце марта 1944 года делегация финского правительства в составе Паасикиви и Энкеля вылетела в Москву. Здесь состоялось уточнение советских условий.

Финские правящие круги колебались. И хотя Паасикиви говорил, что условия Советского Союза поистине «великодушны», его линия на перемирие не нашла поддержки у президента Рюти.

А Советская Армия тем временем продолжала победоносное наступление: из Прибалтики были выбиты гитлеровские войска. Военное положение Финляндии еще больше ухудшилось.

Тогда, 25 августа, посланник Финляндии в Швеции Грипенберг вручил Коллонтай заявление министра иностранных дел Энкеля, в котором говорилось, что финское правительство уполномочило Грипенберга обратиться через А. М. Коллонтай к правительству СССР с просьбой принять делегацию его страны для переговоров о перемирии или мире.

Коллонтай срочно сообщила об этом в МИД СССР. Четыре дня спустя был получен ответ, который она должна была передать финнам: Советское правительство готово принять делегацию при условии публичного заявления о разрыве отношений с Германией и вывода немецких войск с финской территории в двухнедельный срок.

Финское правительство приняло условия Советского Союза. Узнав об этом, А. М. Коллонтай могла радоваться еще одной крупной дипломатической победе ее страны — битва за перемирие, длившаяся почти год, подошла к концу. Очередное важнейшее задание было выполнено.

30 сентября в советском полпредстве был устроен «официальный завтрак», на который Коллонтай пригласила посланника Грипенберга и ответственных сотрудников финского представительства в Стокгольме.

Александра Михайловна сидела в просторной, уютной гостиной. С улыбкой на лице встречала гостей. Посланник Грипенберг, обменявшись рукопожатием с Коллонтай, сел рядом. Александра Михайловна, подняв бокал с шампанским, произнесла тост на французском языке.

Коллонтай высказала радость, что война между Финляндией и Советской страной окончена. Отметила, что советские условия перемирия отличаются великодушием, что Советское правительство исходило из стремления наладить с Финляндией дружеские и добрососедские отношения.

Затем выступил Грипенберг. Он благодарил Коллонтай за любезный прием, подчеркнул, что финны признательны ей за неутомимую работу, которая содействовала окончанию войны.

Уже были видны контуры мира. Кровавая и тяжелейшая война подходила к концу. Подходило к концу и пятнадцатилет-

нее пребывание Коллонтай на посту советского посланника в Швеции.

18 марта 1945 года Коллонтай возвратилась в Москву. Ей уже исполнилось 73 года. На отдых уходить не хотелось: не таков характер. И в июле — новое назначение: советником Министерства иностранных дел.

В том же 1945 году Коллонтай, как старейший дипломатический работник, была награждена вторым орденом Трудового Красного Знамени. А еще ранее за выдающуюся работу в области просвещения работниц и крестьянок — орденом Ленина.

Правительства тех стран, где Александра Михайловна была дипломатическим представителем Советского Союза, высоко оценили ее деятельность.

Норвегия — высшей наградой страны — орденом Святого Улафа.

Мексика — орденом Ацтекского Орла.

Швеция тоже стремилась выразить свою признательность Коллонтай, но не имела возможности сделать это так, как Норвегия и Мексика. По шведским законам женщины не могут быть награждены ни орденами, ни медалями. Тогда король Густав V в знак признания заслуг советского дипломата прислал Александре Михайловне свою фотографию в серебряной рамке и с золотым гербом.

...Позади у Коллонтай была большая жизнь. В этой жизни — много тяжелого: эмиграция, аресты, тюрьмы. Путь ее был сложным и трудным, случалось и ошибаться. В период борьбы за Брестский мир она примыкала к «левым коммунистам». Позже, на X съезде партии — в 1921-м, входила в «рабочую оппозицию».

Владимир Ильич Ленин решительно и прямо критиковал Коллонтай за это. Она поняла: «Ничего нет страшнее, больнее, чем разлад с партией». И как подлинный революционер, Александра Михайловна не побоялась признать свои ошибки, сумела их преодолеть и снова идти с партией, с Лениным в одном строю.

До последнего часа, до последнего мгновения (она умерла в 1952 году) Коллонтай видела смысл своей жизни в борьбе за светлое будущее. Поэтому на склоне лет с полным правом могла сказать о себе: «Моя жизнь была богатой и интересной, я пережила много великих событий. Но также много страданий. Главное, за что я боролась, о чем мечтала и ради чего работала всю жизнь,— социалистическое государство стало действительностью».

Вера Дридзо

ТРУДНАЯ, СЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ

(Н. К. Крупская)

Но не умрешь ты в душах наших,
Тебе забвенье не грозит.
Суд времени тому не страшен,
Чей образ с Лениным так слит.

Г. М. Кржижановский

Живо представляю себе по рассказам Надежды Константиновны ее первую встречу с Владимиром Ильичем...

Петербург. Зимний февральский вечер 1894 года. Масленица. В каждом доме много гостей, повсюду музыка, шум, танцы. Весело и в доме инженера Роберта Эдуардовича Классона, что на Охте. Здесь тоже много гостей, музыка и пение. Но «на блины» к гостеприимному хозяину собрались некоторые петербургские марксисты не для танцев, а для встречи с приехавшим с Волги молодым марксистом Владимиром Ульяновым. В то время начало уже складываться среди петербургских марксистов направление, получившее вскоре название «легального марксизма». И вот как раз с ними и разгорелся спор. Кто-то «на блинах» у Классона договорился до того, что чуть ли ни самое важное — работа в Комитете грамотности. Молодой волжанин развивал в споре точку зрения революционного марксизма, он немногословен, сух, порою даже зол, его меткие, глубокие замечания разили без промаха, радуя его сторонников.

Надежда Константиновна чутко прислушивалась к спору. Убежденная революционная марксистка, она была целиком на

стороне приезжего волжанина. Но в спор не вступала. «Я была тогда дико застенчива»,— скажет Надежда Константиновна впоследствии, вспоминая это время.

На совещании ни до чего не договорились, но глубина и принципиальность позиции волжанина, его блестящее знание учения Маркса и умение применять его к анализу российской действительности, уверенность в правильности пути борьбы за победу рабочего класса, намеченного революционной социал-демократией, произвели на Надежду Константиновну большое впечатление, взволновали и обрадовали ее.

— Ульянов — человек ученый,— рассказывал ей на обратном пути с Охты Николай Леонидович Мещеряков, впоследствии видный деятель большевистской партии,— он читает только научные книги, произведения Маркса и Энгельса знает блестяще, но... беллетристикой не интересуется, романов, повестей, стихов никогда не читал.

Что же это за человек такой? — удивлялась Надежда Константиновна. Сама страстная любительница художественной литературы, она не понимала, как можно ее не любить, не увлекаться ею, не зачитываться Лермонтовым, Пушкиным, Толстым, Некрасовым, Тургеневым, Чернышевским, Добролюбовым, Писаревым. Только несколько лет спустя, уже в ссылке, увидела Надежда Константиновна, как неверно было представление о том, что Владимир Ильич не интересовался беллетристикой. Он не только прекрасно знал, но и любил русскую литературу, увлекался ею. Хорошо знал и литературу иностранную.

Николай Леонидович продолжал свой рассказ о Владимире Ульянове, о его семье, и Надежда Константиновна с щемящей болью и гневом узнала, что его старший брат, Александр Ульянов, был повешен за подготовку покушения на царя Александра III.

«Так вот какова его жизнь, как много пришлось пережить ему!» — думала она, и волна горячей симпатии к Ульянову поднималась в ее душе.

«Мы встретились с Владимиром Ильичем как уже сложившиеся революционные марксисты, и это наложило печать на нашу совместную жизнь и работу»,— напишет она через много лет.

Часто вспоминала Надежда Константиновна ту школу для рабочих за Невской заставой, где она учительствовала вместе с Николаем Леонидовичем Мещеряковым. Вспоминала и то, как он, будучи тогда народником, старался склонить ее на свою сторону, их горячие споры по пути в школу, и как в результате

этих споров не она склонилась к народничеству, а он пришел к марксизму.

Школа за Невской заставой была одним из самых светлых воспоминаний Надежды Константиновны. Работа учителей этой школы не оплачивалась и велась, как мы бы сказали теперь, в общественном порядке. Но, несмотря на необходимость в заработке, это не смущало Надежду Константиновну. Общение с рабочими, близкое знакомство с тяжкими условиями их жизни и труда влили живую кровь в теоретическое знание марксизма, навсегда спаяли ее с пролетариатом. Эта работа и для Надежды Крупской, и для ее товарищей была огромной школой, давшей закалку на всю жизнь.

И как трогательно, что именно здесь один из ее учеников-рабочих пожелал ей «удалого жениха»! Как блестяще осуществилось это пожелание!

В те годы Надежда Константиновна была высокой, стройной девушкой с большим лбом и умными, ясными, внимательными серовато-зеленоватыми глазами. Четко очерченный, несколько упрямый рот, красивые вразлет брови, длинная русая коса, мягкий овал лица. Одевалась она всегда просто и скромно.

Надежда Константиновна не была довольна своей внешностью и рассказывала мне, что всегда жалела, что не похожа на отца. Брюнет с блестящими волнистыми волосами и синими глазами, он был красивым человеком. «А я вся в маму — цвет глаз и волос у меня «петербургский»».

Родилась Н. К. Крупская в Петербурге, там окончила гимназию, там стала марксисткой, там встретилась с Владимиром Ильичем. Она всю жизнь любила свой родной город и жалела, что ей не пришлось подолгу жить в нем.

Воспитанная в трудовой интеллигентной семье, Надя хорошо училась, увлекалась историей, литературой, много читала, кончила школу с золотой медалью.

Отец ее, Константин Игнатьевич Крупский, был передовым человеком, революционно настроенным. Мать разделяла его взгляды. В доме у них часто бывали революционеры. Отца Надя потеряла рано — он умер от туберкулеза, когда ей только что исполнилось 14 лет. Ни братьев, ни сестер у нее не было, и она всю жизнь прожила со своей матерью Елизаветой Васильевной.

Родители не скрывали от Нади темных сторон жизни. Живая, впечатлительная девочка рано поняла, как тяжело, беспросветно живет народ и как за его счет роскошествуют богачи, видела произвол царской власти. Но где выход, как жить, что делать, чтобы изменить существующие порядки,— не знала. Страстно

искала она ответа на мучившие ее вопросы, но не могла найти. Как это ни странно звучит сейчас, но до двадцати лет Надежда Константиновна ни разу не слышала имени ни Маркса, ни Энгельса, не знала, что существует наука о жизни и развитии общества.

В марксистском учении, с которым она познакомилась в кружке петербургских студентов-технологов, молодая девушка нашла то, что так настойчиво искала. Жизнь ее определилась, наполнилась огромным смыслом.

Натура недюжинная, человек сильной воли и твердых убеждений, Надежда Константиновна, посвятив себя борьбе за дело рабочего класса, отдала ему всю свою жизнь. Ее преданность революции не была книжной, рассудочной, идущей лишь от понимания неизбежности революции, неизбежности смены общественных формаций. Эта преданность основывалась для нее не только на сознании исторической правоты теории революционного марксизма, не только на уверенности в необходимости революции, но и на горячем чувстве любви и сочувствии угнетенному трудовому народу, горячем желании помочь его освобождению от гнета, нужды и лишений.

Многое повидала на своем веку Надежда Константиновна, нелегок был ее путь, путь профессионального революционера, но сомнений в правильности избранного пути у нее никогда не было.

Все самое лучшее, светлое в жизни Надежды Константиновны было связано с Владимиром Ильичем. Тридцать лет совместной революционной борьбы, творческого содружества, дружбы и любви были наполнены огромной радостью. Надежда Константиновна говорила, что в личной жизни она была очень счастлива.

Трудно быть женой великого человека и не затеряться в его тени. Во сто крат труднее быть женой гения, каким был Ленин. Ведь если бы даже Надежда Константиновна была только женой Владимира Ильича, только заботилась о нем, создавала ему необходимые условия для работы, все мы, наш народ были бы бесконечно благодарны ей за это.

Но она была не только женой. Она была во многом под стать Владимиру Ильичу. На всем протяжении его нелегкой жизни Надежда Константиновна оставалась его верным другом и соратником, его партийным товарищем, плечом к плечу с ним отстаивала она идейную чистоту и революционный дух нашей партии.

Природная одаренность, пытливый ум, широкая образован-

ность, глубокие марксистские знания, огромный опыт партийной работы, беспредельная преданность делу революции, сила воли и мужество — вот характерные черты Надежды Константиновны, вот что сделало ее виднейшим деятелем нашей партии и Советского государства.

Владимир Ильич глубоко уважал и ценил Надежду Константиновну как революционера и марксиста, постоянно советовался с нею, ей первой поверял свои мысли и планы. Их содружество было полным и гармоничным.

Впервые встретившись на собрании петербургских марксистов, Владимир Ильич и Надежда Константиновна быстро подружились. Общие цели, общие взгляды, общая работа в социал-демократической организации сблизили их, и вскоре они полюбили друг друга. Но не успели осознать этого, не успели объясниться, как были арестованы — вначале Владимир Ильич, а через полгода и Надежда Константиновна. Только расставшись с молодым Ульяновым, поняла Надежда Константиновна, как он ей дорог, поняла, что он — ее судьба.

В тюрьме Владимир Ильич много думал о Надежде Константиновне, беспокоился, не арестована ли она. Иногда в записках к родным он спрашивал: «Есть ли в библиотеке книга о Миноге?». А так как Минога или Рыба была партийная кличка Надежды Константиновны, они понимали, что он спрашивает, не арестована ли она. Получив ответ, что книга о Миноге в библиотеке есть, Владимир Ильич радовался — Надежда Константиновна еще на свободе. Владимиру Ильичу очень хотелось ее увидеть, но прийти к нему на свидание под видом невесты она не могла, чтобы этим не выдать свою связь с организацией. И тогда Владимир Ильич в шифрованной записке попросил Надежду Константиновну прийти на Шпалерную улицу (теперь улица Воинова в Ленинграде), где находился дом предварительного заключения, и постоять на тротуаре напротив тюрьмы. В 2 часа 15 минут его обычно вели на прогулку по коридору, окна которого выходили на улицу, и ему был виден кусочек тротуара на противоположной стороне улицы. Собравшись идти, Надежда Константиновна позвала с собой приятельницу — Аполлинарию Александровну Якубову, но та только посмеялась: «Нет уж, ты иди одна. Ведь он хочет видеть тебя, а не меня». Три дня подряд ходила она на Шпалерную улицу, простаивала там часа по полтора. И только в ссылке, приехав к Владимиру Ильичу, Надежда Константиновна узнала, что как раз эти-то три дня Владимира Ильича и не водили на прогулку.

Надежда Константиновна была арестована вскоре после небывалой для России стачки текстильщиков. В ней участвовали 30 тысяч рабочих. Стачкой руководил «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Н. К. Крупскую посадили в ту же тюрьму — дом предварительного заключения (в просторечии — предварилка), где сидел и В. И. Ульянов. Переписка между нею и Владимиром Ильичем продолжалась через родных, приходивших к ним на свидания.

Когда Владимир Ильич после объявления приговора получил ссылку — Сибирь, судьба Надежды Константиновны еще не была решена. Через ее мать, Елизавету Васильевну, Владимир Ильич передал Надежде Константиновне написанное «химией» письмо, в котором говорил о своей любви к ней. Уже из ссылки, из Шушенского, опять «химией» он написал о том, что просит Надежду Константиновну приехать к нему, стать его женой.

Отношение Владимира Ильича к Надежде Константиновне не было секретом для его родных. Анна Ильинична, старшая сестра Владимира Ильича, утешая мать, Марию Александровну, тяжело переживавшую то, что сын высылается так далеко, в Сибирь, говорила ей, что он будет там не один, что, очевидно, к нему поедет Надежда Константиновна, так как «видно уже было к чему шло дело».

Так оно и произошло. Надежда Константиновна была приговорена к ссылке на три года в Уфимскую губернию, но получила разрешение, как невеста Владимира Ильича, отбывать ее в селе Шушенском.

С тех пор Владимир Ильич и Надежда Константиновна были неразлучны.

Когда они начали совместную жизнь, у них был такой уговор: во-первых, никогда ни о чем друг друга не расспрашивать и, во-вторых, никогда не скрывать, если они изменятся друг к другу. Этот уговор соблюдался ими все двадцать пять лет совместной жизни.

Надежда Константиновна и Владимир Ильич соединились по большой любви. Вспоминая об их совместной жизни в ссылке, Надежда Константиновна писала: «Мы ведь молодожены были,— и скрашивало это ссылку.— То, что я не пишу об этом в воспоминаниях, вовсе не значит, что не было в нашей жизни ни поэзии, ни молодой страсти».

Да, была и поэзия, была и большая любовь, пронесенная через всю жизнь.

Созданная всей жизнью потребность рассказать Володе (как долго не могла я привыкнуть, что Володя — это Владимир

Ильич) обо всем, что случилось за день, поделиться с ним каждой своей мыслью, посоветоваться с ним, не покидала Надежду Константиновну и после его смерти. В сентябре 1930 года она так просто и проникновенно написала об этом Алексею Максимовичу Горькому:

«Работы невообразимая уйма, людей до черта не хватает, все аппараты у нас стоят дыбом, нервничают все здорово, снизу насчет всякой учебы напирают до невероятности, интереснейших вещей без конца — и ни на минуту не удается оторваться от жизни. Знаете, было такое стихотворение: «В устах живых ищу уста давно немые, в глазах — огонь давно угаснувших очей». И вот вся эта ключом кипящая жизнь для меня переплетается с воспоминаниями об Ильиче, все себе представляю, как бы он реагировал на тот или иной факт, как бы посмотрел, что бы сказал. Зашла как-то делегация рабочих из Ивановской области — ко мне часто приходят рабочие — так, поговорить просто о чем-нибудь, посоветоваться, о чем-нибудь рассказать, и хорошо мы с ними разговорились. Уходят, прощаются, один из них говорит: «Давно хотелось нам с тобой поговорить, только никак не могли мы думать, что у нас с тобой такой рабочий разговор выйдет». И вот я вижу, как я это рассказала бы Ильичу и как бы он был бы рад».

Путь, пройденный Надеждой Константиновной, Горький назвал «трудным и великолепным», а ей самой он никогда не казался хоть сколько-нибудь примечательным. Она считала себя лишь одной из клеточек огромного организма партии, считала, что просто делает то, что в данное время больше всего необходимо.

Но мы-то хорошо знаем, какую роль играла Надежда Константиновна, какое значение имела ее работа в жизни партии и Советского государства. Одна из основательниц нашей партии, одна из тех, кто закладывал первые камни в ее фундамент, она всегда вела огромную партийную работу. Секретарь редакции «Искры», а потом большевистских газет «Вперед» и «Пролетарий», секретарь ЦК нашей партии за границей и в России в 1905—1907 годах, Надежда Константиновна, по существу, сосредоточила в своих руках все нити связей центра с местными партийными организациями и отдельными партийными работниками. Письма, письма, письма... Сколько ею их было написано! В этих письмах она сообщала решения ЦК, передавала товарищам указания Ленина, советовала, какой тактики придерживаться. Паспорта, явки, отправка литературы, организация нелегального перехода партийцев через русскую гра-

ницу — все это лежало на Надежде Константиновне, требовало уйму сил, времени, внимания, сосредоточенности. Письма она писала «химией», наиболее ответственные места зашифровывались — шел ряд цифр. А ведь надо было еще написать «скелет» письма, т. е. письмо обычными чернилами, самого невинного содержания, которое не вызвало бы подозрения у полицейских, просматривающих почту на границе. Между строк такого письма уже шла «химия».

Надо было, кроме того, расшифровывать приходившие из России письма и переписывать в особые тетрадки копии с тех и других. Тетрадки эти, хранящиеся сейчас в Институте марксизма-ленинизма,— драгоценнейшие документы для изучения истории партии того времени.

В годы эмиграции, когда изредка выдавались свободные часы, Н. К. Крупская изучала дело народного образования за границей. Она посещала школы, беседовала с учителями. В трудах Маркса и Энгельса Надежда Константиновна находила ключ к правильному подходу к вопросам педагогики. Она много думала над тем, какой должна стать школа после того, как рабочий класс победит. Надежда Константиновна глубоко проникала в суть педагогических воззрений великих педагогов прошлого. Она внимательно следила за работами современных ей буржуазных теоретиков педагогики. Буржуазную сущность якобы передовых теорий многих из них она вскрывала в своих педагогических трудах. И не было мысли, которой Надежда Константиновна не поделилась бы с Владимиром Ильичем.

Плодом ее раздумий на педагогические темы явилась написанная в эмиграции книга «Народное образование и демократия», за которую в 1936 году она была удостоена ученой степени доктора педагогических наук. В письме к А. М. Горькому Владимир Ильич высоко оценил эту работу. Книга была закончена в 1915 году, но издать ее удалось лишь в 1917-м.

После Февральской революции вместе с В. И. Лениным Надежда Константиновна возвратилась в Россию. С первых же дней она в гуще событий. Секретариат ЦК партии, Выборгский район Петрограда, выступления перед рабочими и работницами, солдатками, работа с молодежью поглощают ее целиком.

Во время вынужденного подполья, в котором В. И. Ленин находился после июльских событий, Надежда Константиновна — связующее звено между ним и Центральным Комитетом партии. Под видом сестрорецкой работницы Агафьи Атамановой она дважды навещает Владимира Ильича в Гельсингфорсе, а

потом организует его тайное пребывание в Петрограде на квартире преданной большевички М. В. Фофановой, где бывает каждый день. С этой квартиры в октябрьскую ночь Владимир Ильич ушел в Смольный.

В дни Октября Надежда Константиновна вместе с рабочими и работницами Выборгского района борется за завоевание власти рабочим классом.

С первых же дней существования Советского государства Надежда Константиновна — член коллегии Народного комиссариата просвещения РСФСР, а с 1929 года — заместитель наркома просвещения. Создание советской трудовой политехнической школы, создание всей системы политико-просветительной работы среди взрослого населения, проблема коммунистического воспитания — вот что волнует и увлекает Надежду Константиновну, вот чему отдает она свои силы. И недаром называли ее душой Наркомпроса.

Деятельность Надежды Константиновны была так многогранна, что приходилось только удивляться, как может человек так творчески, плодотворно работать одновременно на первый взгляд над самыми различными проблемами. Но если вдуматься, то станет ясно, что все эти проблемы в конце концов оказывались органически связанными. Все это была партийная работа по коммунистическому воспитанию масс, работа по созданию предпосылок для строительства коммунистического общества...

Много сделала Надежда Константиновна для ознакомления народа с жизнью и деятельностью В. И. Ленина, для пропаганды его идей. Ее воспоминания о Владимире Ильиче, ее статьи и выступления помогали и помогают ощутить живого Ленина, представить обстановку, в которой он жил и творил, его отношения с товарищами, почувствовать великий смысл всей его героической жизни...

Немногие знают о том, что Н. К. Крупская была и первым биографом Ленина.

После возвращения В. И. Ленина в Россию в апреле 1917 года ненавидевшая и боявшаяся его контрреволюционная буржуазия обрушивала на вождя пролетариата потоки грязной клеветы. В Петроградский Совет и в редакцию газеты «Солдатская правда» стали поступать с фронта от солдат многочисленные письма с просьбой рассказать, кто такой Ленин. Они хотели знать как можно больше о нем. Вот одно из таких писем. Солдатский комитет 8-й конноартиллерийской батареи действующей армии пишет Петроградскому Совету:

«Ввиду того, что между солдатами батареи происходит много трений относительно Ленина, просим не отказать дать нам скорейший, по возможности, ответ. Какого он происхождения, где он был, если он был сослан, то за что? Каким образом он вернулся в Россию и какие действия он проявляет в настоящий момент, т. е. полезны ли они нам или вредны? Одним словом, просим убедить нас своим письмом так, чтобы после этого у нас не было никаких споров, не теряли бы напрасно время и другим товарищам могли бы в состоянии доказать».

Читая такие письма, Владимир Ильич начал было писать автобиографию, но бурно развертывавшиеся революционные события отвлекли его. Интересно, что на вопрос, полезны его действия в настоящий момент или вредны, Ленин ответил: «...только вы сами можете судить, полезны вам мои действия или нет».

Но биография Ленина тогда же была написана. В «Солдатской правде» в мае 1917 года была опубликована статья Надежды Константиновны о Владимире Ильиче под заглавием «Страничка из истории Российской социал-демократической рабочей партии». Статью поместили без подписи, но по сохранившейся рукописи видно, что она написана Надеждой Константиновной. А Владимир Ильич внес в нее правки и сделал отдельные вставки. Эта статья — единственное описание жизни и деятельности В. И. Ленина, им самим отредактированное, исправленное и одобренное.

К решению любого вопроса Надежда Константиновна подходила с принципиальных позиций, решала его исходя из интересов рабочего класса, из интересов революции.

«Политическая честность,— писала она,— в настоящем глубоком смысле этого слова, честность, которая заключается в умении в своих политических суждениях и действиях отрешиться от всяких личных симпатий и антипатий, не всякому присуща, и тем, у кого она есть, она дается нелегко».

Эта честность действительно давалась нелегко. Надежда Константиновна вспоминала, как во время II съезда партии, когда выяснилось, что раскол неизбежен, они с Владимиром Ильичем всю ночь «просидели и продрожали». Тяжело было рвать с людьми близкими, но рвать было необходимо.

Мужество Надежды Константиновны, несмотря на ее всегдашнюю мягкость, было поразительно. Как в молодости, так и в последующие годы, до самых последних дней ее жизни стойкость, твердость духа, несгибаемая воля — все неоценимые качества революционера были присущи Надежде Константи-

новне. В самые тяжкие дни своей жизни, в дни смерти и похорон Владимира Ильича, Надежда Константиновна нашла в себе силы выступить на траурном заседании II Всесоюзного съезда Советов и призвать коммунистов сплотиться вокруг знамени Ленина, вокруг знамени партии. Свои силы она черпала в партии, в любви рабочих и крестьян к Ленину, в их преданности делу революции.

Партийная дисциплина, выполнение решений партии были для нее законом. Она была дисциплинированна не потому, что так надо, а потому, что это было ее сущностью. Она просто не могла поступать иначе. Она не только никогда не опаздывала на собрания, но приходила обычно за 10—15 минут до назначенного срока. И хотя нередко ей приходилось из-за недисциплинированности других терять время зря, ни разу не было, чтобы она сама пришла с опозданием... Если она обещала сделать что-либо к определенному сроку, срок этот соблюдался с величайшей точностью.

Надежда Константиновна никогда не поучала работавших с нею, не читала им наставлений. Своей жизнью, своим примером она учила нас, своих сотрудников, каким должен быть коммунист, как должен он себя вести.

По решению XIII съезда партии в Институте Ленина должны были быть сосредоточены все рукописи В. И. Ленина и все документы и материалы, касающиеся его жизни и деятельности. Съезд призвал всех членов партии передать в институт имеющиеся у них материалы. Надежда Константиновна сдала более тысячи хранившихся у нее документов. Это были рукописи статей, заметок, тезисов, стенограммы выступлений Владимира Ильича. Наконец, у нее остались только два личных письма, которые он написал ей летом 1919 года, во время ее поездки по Волге и Каме на агитационном пароходе «Красная звезда». За двадцать пять лет их совместной жизни Владимир Ильич и Надежда Константиновна почти не переписывались, так как все время жили вместе. Те немногие письма, которые они писали друг другу в 90-х годах, тогда же уничтожались — хранить их было нельзя. И эти два письма, такие теплые и заботливые, начинающиеся словами: «Дорогая Надюшка», в которых Владимир Ильич рассказывает о делах, беспокоится о ее здоровье, советует запасаться силами, были ей необычайно дороги. Она часто перечитывала их, перечитывая плакала.

Зная, как ей дороги эти письма, я говорила: «Надежда Константиновна, не передавайте их в Институт Ленина, оставьте у себя». Надежда Константиновна задумчиво посмотрела на

меня: «Нет, Верочка, вы не понимаете. Если есть решение съезда партии, оно обязательно для всех членов партии, оно обязательно и для меня».

И письма были переданы в Институт. Сейчас они опубликованы в 55-м томе Полного собрания сочинений В. И. Ленина.

Надежда Константиновна была тесно связана с массами, постоянно встречалась и беседовала с рабочими и работницами, с крестьянами и крестьянками, хорошо знала их жизнь, их стремления, их заботы. Она говорила, что каждый работник должен уметь говорить с массами и писать простым, ясным, понятным языком, не употребляя специальных терминов и иностранных слов. Сама Надежда Константиновна говорила и писала просто, умела самый сложный вопрос изложить ясно, образно, доступным каждому рабочему языком. И потому слова ее запоминались, доходили до сердца.

На одном из совещаний с работницами стоял вопрос о чтении газет. Надежда Константиновна, чтобы объяснить, почему газеты надо читать каждый день, сказала:

«Вот когда вяжешь чулок и спустишь хоть одну петлю — вся работа нарушается. Так и с газетами — пропустишь один-два дня и потом уже не можешь следить за событиями, читать газету становится неитересно».

Лица работниц сразу оживились, образное сравнение понравилось.

Скромность и простота Надежды Константиновны широко известны. Она не терпела по отношению к себе никаких привилегий, не любила выделяться.

В июне 1938 года, во время выборов в Верховный Совет РСФСР, мы с Надеждой Константиновной были в доме отдыха «Архангельское» под Москвой. Как всегда, выборы происходили в выходной день. Надежде Константиновне хотелось посмотреть, как проходит голосование в сельской местности. Избирательный участок находился в совхозе, километра за полтора — два от дома отдыха, и идти туда надо было все в горку. А Надежде Константиновне было в это время уже 69 лет, и чувствовала она себя неважно — у нее было больное сердце. Но когда я сказала, что избирательный участок предлагает прислать за ней машину, она отказалась: «Это неудобно».— «Но, Надежда Константиновна, вы ведь знаете, что за всеми пожилыми людьми присылают машину».— «А вы уверены, что всех старух возят?» — «Уверена»,— самым железным голосом ответила я.

Она согласилась. За нами прислали старенький «газик», и мы поехали голосовать. Проголосовали. Смотрю, Надежда

Константиновна не уходит, села, беседует с колхозниками, рабочими совхоза и смотрит, возят ли старух. Я еще внимательнее смотрю — ведь я сказала, что возят. На мое счастье, в течение часа трех старух привезли, и мы с Надеждой Константиновной на том же «газике» благополучно покатили обратно.

Интересно вспомнить ее беседу с Бернардом Шоу, который приезжал в Советский Союз летом 1931 года и захотел встретиться с Надеждой Константиновной. Я присутствовала во время этой беседы. Бернард Шоу приехал в Горки, где были в то время Надежда Константиновна и Мария Ильинична, не один. С ним приехала леди Астор, член английского парламента, консерватор, очень развязная и шумливая особа, которая все время вертелась и называла Бернарда Шоу «мой мальчик».

После первых приветствий и короткого разговора на темы культуры и народного образования Бернард Шоу неожиданно обратился к Надежде Константиновне с вопросом:

— Скажите, как обеспечил вас ваш муж?

Надежда Константиновна недоуменно посмотрела на него:

— Мой муж никак меня не обеспечил, я сама работаю и достаточно зарабатываю.

Думая, что она не поняла вопроса, Шоу повторил его еще раз по-английски. Получив тот же ответ, он перешел на французский язык и, выслушав такой же ответ, спросил:

— Произведения вашего мужа издаются в миллионах экземпляров. Вы, наверно, получаете гонорар?

— Произведения моего мужа принадлежат народу, а не мне.

Тут в разговор вмешивается леди Астор. Оглядев критически скромное платье Надежды Константиновны и ее коричневые сандалии, она спросила:

— Но, тогда вы, вероятно, получаете за него пенсию?

Узнав, что и пенсии Надежда Константиновна не получает, Бернард Шоу воздел руки к небу:

— Нет, в Англии я никогда не смогу об этом рассказать. Никто не поверит, что жена Ленина должна сама зарабатывать себе на хлеб!

Он подчеркнул последние слова, несколько раз повторил их.

Часто потом, выступая на фабриках и заводах, Надежда Константиновна вспоминала этот разговор, говорила о разнице психологии, о положении женщины, которая в буржуазных странах всецело зависит от мужа, обязанного ее «обеспечить».

К людям Надежда Константиновна всегда относилась с большим уважением, и каждый это чувствовал. Она внимательно выслушивала обращавшихся к ней, председательствуя, никогда

В. И. Ленин в Горках вместе с Н. К. Крупской, А. И. Елизаровой, племянником Виктором и дочерью рабочего Верой. 1922 г.

А. М. Коллонтай направляется вручать верительные грамоты королю Швеции Густаву V. 1930 г.

П. Ф. Куделли

Н. К. Крупская. 1903 г.

О. Б. Лепешинская

не прерывала оратора. Никогда не обращалась она на «ты» к тем, кто говорил ей «вы», как бы скромно ни было их положение или как бы молоды они ни были. Я испытала это на себе. Начала я работу секретарем у Надежды Константиновны молоденькой девушкой — мне не было даже полных 17 лет. Она говорила мне «вы». Но когда я попросила говорить мне «ты», Надежда Константиновна согласилась, но только при одном условии: если и я буду говорить ей «ты». На это уж я, естественно, никак не могла согласиться. Так и получилось, что все двадцать лет, что я работала у Надежды Константиновны, она говорила мне «вы». На «ты» она была только с родными да с друзьями своей молодости, которые тоже говорили ей «ты».

В работе Н. К. Крупская была требовательна, всегда добивалась принципиального решения каждого вопроса. И все знали, что если она со свойственной ей деликатностью скажет, что порученное дело выполнено «не совсем так», это значило — «совсем не так», и все надо было делать заново.

Не любила она людей равнодушных, мало интересовавшихся работой, не имевших своего мнения, заботившихся лишь о том, чтобы их мнение совпадало с мнением начальства. С такими людьми она старалась как можно быстрее расстаться.

Она ценила живых, энергичных людей, влюбленных в свое дело, дерущихся за него, умеющих отстаивать свое мнение, людей «рукастых», как она говорила.

Не любила она и тех, кто, не умея организовать дело, начинал ныть и жаловаться.

Сама Надежда Константиновна работала с увлечением, заражая всех своей энергией, никогда не жаловалась, не впадала в уныние, боролась за то дело, которое было ей поручено.

Так жила и работала Надежда Константиновна Крупская, верный друг и соратник Ленина, виднейший деятель нашей партии и Советского государства, простой и обаятельный человек.

Людмила Баталова

ТЕТЕНЬКА

(П. Ф. Куделли)

Кто, служа великим целям века,
Жизнь свою всецело отдает
На борьбу за брата человека,
Только тот себя переживет.

Н. Некрасов

Ее называли Тетенькой. Были у нее и другие партийные клички, но Тетенькой оставалась она всегда. А началось вот с чего. На собрание рабочего кружка, в котором она вела занятия, пришел однажды другой пропагандист, она была нездорова. Он читал по запискам, монотонно, скучновато, и рабочие без обиняков и церемоний попросили его передать кому следует, что просят присылать к ним ту тетеньку, которая рассказывает, а не читает по бумажке. Пропагандист доложил об этом, посмеиваясь, хотя было ему немного неловко и завидно, а за Прасковьей Францевной Куделли так и утвердилось прозвище Тетенька.

...Однажды в дружеской беседе с Еленой Дмитриевной Стасовой автор этих строк спросила, как она, девушка из дворянской семьи, пришла в революцию, да еще стала несгибаемой большевичкой, получившей прозвище Абсолют?

Стасова на мгновение задумалась, а потом сказала:

— Видите ли, все, у кого жива была совесть, не могли равнодушно смотреть на тяжелую жизнь народа... Нам было стыдно... Искали путей, как ее изменить. Так я нашла свой путь...

Так нашли его многие молодые люди того времени, казалось бы, неподготовленные к нему условиями своей жизни. Но у них была совесть, в них говорили сердце и разум, в них жила мечта совершить подвиг для блага людей. И они во имя этого отказывались от всех приманок молодости. Они отдавали ее дары трудовому народу и этим были счастливы. Среди этих молодых людей была и Прасковья Францевна Куделли.

* * *

Смоленская вечерняя воскресная школа. В класс, в котором ведет занятия Прасковья Францевна, входит человек невысокого роста, крутолобый, чуть лысеющий, глаза веселые, внимательный взгляд. Жестом он дает понять, чтобы на него не обращали внимания.

Лишь на секунду вспыхнуло недоумение в больших темных глазах учительницы. Но она тут же вспомнила — Надежда Крупская говорила, что к ней на занятия хочет прийти один товарищ, поучиться, наслышан, мол, о ее преподавании. Ну что ж, постарается не ударить в грязь лицом. И с раскрасневшимися щеками, говоря чуть быстрее, чем обычно, Прасковья Францевна продолжала вести урок. Через несколько минут она совсем успокоилась, даже забыла о присутствии постороннего человека и с увлечением стала рассказывать о подвигах революционеров.

Так прошло минут тридцать. Воспользовавшись короткой паузой, незнакомец встал, сделал легкий поклон и ушел так же незаметно, как пришел.

«Кто этот незнакомец? Так хотелось знать, но спросить у Надежды Константиновны не решалась, ибо это было бы нарушением всех правил конспирации,— вспоминала она впоследствии.

Так я впервые увидела Владимира Ильича, не зная и не представляя себе, что это был автор нашумевших брошюр...»

— Что, что он сказал? — нетерпеливо спрашивала она потом у Крупской.

— Да говорил, начала правильно, экономика была и классы были, а затем как ударилась в эпизоды революции, то забыла о марксистском анализе событий.

Марксистский анализ — вот чего ей не хватало, сама чувствовала. Но переоценка ценностей уже совершилась. В юности все началось с недовольства существующим строем, с туманных представлений «о грядущей революции и социализме». Она, как и вся передовая молодежь 80-х годов, зачитывалась газетой

«Народная воля», журналом «Вестник народной воли», мечтала о подвигах. Но жизнь ставила перед ней все больше сложных вопросов. Она чутко прислушивалась к спорам между народниками и марксистами, и вот-вот, казалось, будет найдена ведущая нить. Не сразу выкристаллизовались марксистские убеждения, но к ним она склонялась все больше.

В работе подпольной народовольческой типографии на Лахте Куделли принимала деятельное участие. В этой же типографии отпечатали сделанный ею перевод драмы Гауптмана «Ткачи». Внук ткача, писатель, создал сильное драматическое произведение, рассказывающее о возмущении ткачей, поднявшихся на борьбу с нещадно эскпуатировавшими их хозяевами. Пропагандистское значение драмы Гауптмана было настолько явно, что помимо Куделли «Ткачей» перевела также жившая тогда в Москве сестра Владимира Ильича Анна Ильинична.

Когда подпольная типография провалилась и возникло так называемое «лахтинское дело», Прасковья Францевна подверглась допросу и после этого оказалась под гласным надзором полиции.

* * *

Глухая петербургская ночь. Поздний час. Настольная лампа под матовым абажуром освещает склоненное над письменным столом усталое женское лицо. Прасковья Францевна пишет то с лихорадочной быстротой, то медленно, обдумывая каждое слово, перечитывает, рвет написанное, берет чистый лист бумаги и застывает над ним в раздумье. Где найти сокрушающие слова, чтобы выразить чувство гнева, протеста, возмущения? Слова эти должны волновать сердца, разить, призывать к действию.

Как рассказать о том, что произошло в глухом застенке, в каземате Петропавловской крепости? Молодая революционерка Мария Федосьевна Ветрова, арестованная по делу лахтинской типографии, не вынеся жестокого тюремного режима, облила себя керосином и подожгла. Она скончалась через четыре дня в страшных мучениях. Таков факт. Но сколько за этим фактом человеческих переживаний, страшного смятения... Какие душевные муки и тоску должна была испытать Ветрова, в какое прийти отчаяние, чтобы решиться на такое страшное самоубийство.

Прасковья Францевна, наделенная богатым воображением, повышенной чувствительностью, проникает сердцем в глубину

этих страданий. Она почти физически ощущает боль от ожогов на всем теле, боль, не заглушающую душевных мук...

Слухи об этом событии ходили разные. Правительство, конечно, пыталось объяснить самоубийство Ветровой припадком безумия. Но если это и так, кто довел ее до безумия? И кто знает, что творили с беззащитной девушкой жандармы за непроницаемыми стенами каземата, в одиночной камере?

Перед Куделли на разрозненных лоскутках бумаги дневник покойной, ее записная книжка, два-три письма...

Все глубже проникает Куделли в душевное состояние погибшей, все яснее представляет ее жизнь, с самого детства сломленную унизительным положением «незаконного» ребенка. Куделли припоминаются строки Надсона, поэта, которым зачитывались современники, о сиротстве нелюбимых детей: «Тяжелое детство мне пало на долю: из прихоти взятой чужою семьей...» Да, тяжелое детство пало на долю бедной Марии Ветровой. Дочь крестьянки и нотариуса, непризнанная отцом, она оказалась ненужной и родной матери, которая отдала ребенка на воспитание чужой одинокой старушке. Эта старушка стала для девочки самым близким и любимым существом. Она была по-матерински добра к ней и, когда пришлось расстаться, разлука больно ранила маленькую Машу. Забрав пятилетнюю девочку у ее воспитательницы, мать Ветровой отдала ее в сиротский дом.

Слезы выступают на глазах у Прасковьи Францевны, когда она читает такие строки в отрывочных воспоминаниях Ветровой: «Я, как сейчас, помню себя в темненьком платьице, из старушечьей материи, странного покроя».

«Ну, а я? Все было по-другому... И все же...» — думает Куделли. И тут с необычайной яркостью вспыхивают воспоминания о собственном детстве. Да, все было по-другому. Она не знала нужды, ее любили в семье, но уже в раннем возрасте она столкнулась с несправедливостью, эксплуатацией человека человеком, бессмысленной злобой. Не по отношению к ней, нет, но восприняла она все это со всей силой своего чуткого сердца.

Прасковья Францевна почти не помнила отца, врача, сына крепостного крестьянина, выбившегося, как говорили тогда, в люди. Он умер, когда ей было три года. Мать вскоре вышла снова замуж, за командира полка. Отчим чрезвычайно кичился своим дворянством и высоким положением, а Прасковье Францевне это было чуждо с детских лет.

Однажды на ее глазах отчим ударил по лицу повара. Он пришел домой не в духе, а тут еще подали чуть подгоревшее

жаркое. Повар стоял по команде «смирно», и только голова его качнулась от удара. Покорность слуги-солдата не утихомирила его хозяина, а распалила еще сильнее, он ударил вторично. Повар также молча стоял, а девочка, не вынеся этого зрелища, громко плача, выбежала из комнаты.

Потом ей не раз приходилось видеть, как отчим бил за малейшую провинность своих ординарцев. Ее руки сжимались в кулаки от гнева, но сделать она ничего не могла. Только бегала тайком от старших на ту половину дома, где жила прислуга, денщики, ординарцы... Они стали ее лучшими друзьями. Сколько интересных житейских историй рассказали они ей, сколько сказок и песен услышала она в людской! А когда уже училась в Керченском институте благородных девиц, приезжала она на каникулы домой, читала слугам произведения своих любимых писателей — Гоголя и Некрасова.

Как призывно и страстно звенел голос девочки, когда она произносила некрасовские строки:

Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется...

Недаром говорила она впоследствии, что Некрасов был ее «первой юношеской политграмотой».

До боли в сердце ощущала Прасковья Францевна беды народные, вот так, как сейчас чувствует страдания Марии Ветровой.

Что же было дальше в горестной жизни этой девушки? Ей повезло в одном отношении: начальница сиротского дома оказалась добрым, порядочным человеком, впоследствии помогла поступить в гимназию, получить образование, стать учительницей. Но горячая, мятущаяся натура не могла найти удовлетворения только в труде на ниве просвещения.

Из дневниковых записей Ветровой встает образ человека, стремящегося отдать жизнь за свободу и справедливость. Это стремление и привело ее на революционный путь. «Как и меня...» — проносится мысль. Прасковья Францевна даже встает, отложив перо, и начинает ходить по комнате, зябко кутаясь в пуховый платок.

Воспоминания обступают, как-то странно смешиваясь с мыслями о судьбе погибшей девушки.

Вот и она, Куделли, еще в ранней юности, учась в институте, думала о том, что нужно помогать людям, и «помогать не только словом, но и делом»,— как писала Ветрова в своем

дневнике. Вот и она, приехав в Петербург девятнадцатилетней девушкой, чтобы учиться на Высших женских курсах, стала посещать студенческие кружки, зачитывалась Чернышевским, вбирала в себя, как живительную влагу, каждое свободное слово, исповедовала народническую веру. Но вот пришли новые времена.

Как видно по обрывистым дневниковым записям, к тем же мыслям могла прийти и Мария Ветрова. Ведь ушла она от толстовства, которым увлекалась одно время все из тех же побуждений доброго сердца. Ведь в Петербург она попала, когда уже широко была поставлена пропаганда среди рабочих, призывавшая их на борьбу с капиталом и правительством, когда печатались нелегальные брошюры и листовки социал-демократического направления. Но бедная девушка, рвавшаяся к высокой цели, так мало успела сделать и так ужасно погибла!

Прасковья Францевна, вся охваченная желанием донести до читателя героический образ Ветровой, пишет, еле сдерживая рыдания. Слова льются прямо из сердца... Пером ее ведет вдохновенное сочувствие к молодой революционерке, поплатившейся жизнью за свои идеалы. «Темное, страшное, очевидно преступное дело совершилось и осталось в тайне застенка»,— пишет она, вновь и вновь переживая муки Марии Ветровой.

* * *

Старинный русский город Тверь. По Миллионной улице холодным ноябрьским днем медленно идет скромно одетая женщина лет сорока пяти, по внешнему виду учительница или врач. Она внимательно, как бы изучающим взглядом, осматривает красивые, строгие здания на Фонтанной площади. Со стороны можно подумать, что женщина вышла на прогулку. Все так же размеренно и спокойно дошла она до раздетого осенними ветрами сада, неподалеку от Кремля, и присела на скамью.

Сад в этот час был безлюден. Вдруг на дорожке показался рабочий паренек, почти мальчишка, в старом тулупчике, в картузе, низко надвинутом на лоб. Метнув из-под картуза взгляд на сидящую женщину, он слегка наклонил голову. «Так, явка в порядке, Шаповалова не выследили. Через час он будет у меня...»

А через час на одной из окраинных улиц, в небольшом деревянном домике, за уютно кипящим самоваром она угощает чаем гостя. Мягко спадает на его высокий лоб прядь густых

русых волос. Чуть впалые щеки говорят о перенесенных лишениях и болезнях. Это недавно прибывший в Тверь и нелегально в ней проживающий профессионал-революционер, изведавший уже многие тюрьмы и ссылку, где он познакомился с Лениным.

— Храбрая вы женщина, Тетенька,— говорит Шаповалов, с наслаждением грея руки о горячий стакан с чаем.— Как ни в чем не бывало расхаживаете по улицам города, где находитесь в ссылке, где за вами непрестанно следят... Встречаетесь с весьма подозрительными людьми...

В больших выразительных глазах Куделли проскальзывает смешинка.

— А я люблю надувать охранку. Веду себя тихо, осторожно, совершаю ежедневно моцион в одиночестве, по одной и той же улице... Никто и не подозревает, что я член Тверского комитета РСДРП. Хотя шпиков хватает, да и провокаторов тоже,— вздыхает она.

Только месяца четыре назад тверская организация потерпела провал из-за проникших в нее провокаторов, и сейчас приходилось затрачивать много усилий, чтобы наладить дело.

Уже несколько месяцев Прасковья Францевна жила в Твери, высланная туда после ареста из Петербурга, где она тогда руководила марксистским кружком рабочих Монетного двора. Позади был еще один арест. За участие в демонстрации протеста против принятых правительством временных правил об отдаче в солдаты революционно настроенных студентов. За этим последовала высылка в Псков. Там она начала писать в газету «Искра» и принимала деятельное участие в ее распространении. Так окончательно выковались ее марксистские убеждения. И хотя, как не раз потом говорила Куделли, она считала себя членом партии с 1896 года, но вступила в нее именно в Твери в 1903 году.

Ранний зимний вечер заволок синевой окно. Замельтешили снежинки. Прасковья Францевна зажгла лампу и, порывшись в каких-то бумагах, подала Шаповалову письмо.

— Вот что мы получили насчет происходившего на II съезде партии... Ведь самые противоречивые сведения доходят в нашу глушь! Как быть, как действовать — ничего не ясно! Почему раскол? А это письмо вносит еще больше путаницы...

Шаповалов уже не слушал, он весь ушел в чтение.

Это было письмо Мартова, яростно нападавшего на первый пункт Устава в редакции Ленина и его сторонников. С присущим ему темпераментом он старался доказать, что Ленин на первый план выдвигал не «направление и содержание работы», а «организационный вопрос» и что это приведет к «чудовищному формализму» и «бюрократизму».

Письмо было написано зажигательно, страстно, но если вдуматься, то и из него можно было понять, что Ленин добивается организационной четкости и порядка. А если поразмыслить, то это необходимо для настоящей работы.

В комнате с низким потолком, с запорошенными снегом маленькими окнами было тихо. Слышен был только легкий шелест переворачиваемых листков. Чем дальше читал Шаповалов, тем больше хмурился.

— М-да! — только и сказал он, дочитав письмо.

Еще минуту длилось молчание.

— Итак, что вы обо всем этом думаете?

Шаповалов молчал, прихлебывая чай.

Заговорила Прасковья Францевна.

— Я думаю, что нужно с большой долей недоверия отнестись к тому, что здесь говорится о Ленине... Я уверена, что во всей этой истории прав именно Ленин.

Она даже слегка пристукнула кулаком по столу.

Шаповалов усмехнулся, как-то озорно посмотрел на нее, видимо, радуясь молодой запальчивости этой женщины, которая была старше его на целых двенадцать лет.

— Я тоже глубоко убежден, что правда в этой истории не на стороне Мартова,— сказал он веско, уже без улыбки.

— Так, отлично. Но теперь надо провести решение в Тверском комитете и на районных собраниях... Решение о том, что мы становимся на сторону большинства партии до получения более подробных сведений. Я постараюсь убедить в этом членов комитета. А вы должны провести это решение на собрании представителей района... среди рабочих...

Шаповалов не сомневается, что ему это удастся в городе, где давно начали складываться боевые традиции рабочего класса, где уже насчитывается добрых полтора — два десятка марксистских кружков.

Молчаливое рукопожатие завершает разговор, которому предстоит претвориться в действие.

В результате острой борьбы и упорной разъяснительной работы Тверской комитет единодушно примкнул к большевикам. И в этом была немалая заслуга Прасковьи Францевны Куделли.

* * *

Долгая жизнь и большая жизнь — понятия разные, но если большая жизнь к тому же и долгая, она становится еще больше. Еще больше свершений, еще больше принесено пользы.

Прасковья Францевна Куделли прожила без малого восемьдесят пять лет. Родившись в середине прошлого столетия в царской России, она имела счастье более четверти века жить и работать в Советской стране.

После Октябрьской революции Куделли как бы обрела вторую молодость. Аресты, тюрьмы, ссылки остались позади.

Энергично и вдохновенно трудилась Прасковья Францевна в советское время на разных поприщах. До конца своих дней она оставалась верным пропагандистом идей Маркса и Ленина. И руководя вначале революционной агитационно-пропагандистской работой среди женщин, и в качестве члена коллегии лекторско-агитационного отдела Петроградского губкома партии, и как преподаватель Военно-морской академии и других учебных заведений, и, наконец, как директор Ленинградского института истории партии при обкоме ВКП(б).

В орбиту ее кипучей деятельности всегда входила работа в печати; была одно время секретарем газеты «Правда», руководила газетой «Рабочий и солдат», неизменно сотрудничала в журнале «Работница» и, наконец, была ответственным редактором журнала «Красная летопись». Живой свидетель многих дореволюционных событий, подготовивших Великую Октябрьскую революцию, знаток жизни рабочего класса, истории крупнейших ленинградских заводов — Путиловского, Балтийского и других, Куделли оказалась как нельзя более полезной и нужной на этом посту.

«У Прасковьи Францевны незаурядный пропагандистский талант,— писала о ней Надежда Константиновна Крупская, дружбу с которой Куделли пронесла через всю жизнь.— Я мало видела таких талантливых руководителей занятий».

Когда Куделли прочла эти слова, они всколыхнули в ней яркие воспоминания о незабываемых уроках и воскресной школе, о том, как хорошо было ехать за Невскую заставу в дачном поезде, слушать пронзительные вскрикивания паровичка, предвкушать разговоры с рабочими, неизменно завязывавшиеся после занятий, видеть, как с каждым днем расширяется их кругозор.

Иногда одна строчка из письма современника может раскрыть многое в жизни человека. О том, что Прасковья Францевна трудилась не покладая рук, не зная отдыха, можно судить

хотя бы по письму Анны Ильиничны к ней, где есть такие слова: «Что это Вы только хвораете? Очевидно, Вы чересчур налегаете на работу и чересчур отодвигаете отпуск?»

С Анной Ильиничной и Марией Ильиничной Прасковью Францевну связывала многолетняя нерушимая дружба. Это были отношения, основанные на глубоком взаимопонимании, на общих творческих интересах. Щедро делились они друг с другом своими творческими планами, посылали на отзыв одна другой свои статьи, очерки, мемуарные записи. «По поручению московских пионеров написала брошюру о детстве Ильича. Посылаю ее Вам на суд»,— пишет ей Анна Ильинична. Она же откликается теплым словом на статью Куделли об Александре Ульянове.

А как радостно было Прасковье Францевне в рецензии А. Елизаровой на изданную Истпартом под ее редакцией небольшую книгу «Биография Ленина в датах и числах» — прочитать, что эта книга является «не сухим перечнем дат, важным только для историка, а кратким конспектом по ленинизму, по истории партии, полным содержания, интереса, являющимся полезным справочником для каждого члена партии и в то же время побуждающим молодежь познакомиться ближе с теми или иными тезисами, с тем или иным сочинением Ленина, с работами того или иного съезда или конференции».

Прасковьей Францевной были написаны и воспоминания о Ленине, в которых, как писала та же Анна Ильинична, «так хорошо... выступает его облик».

И конечно, воспоминания о Ленине облегчили ей, совсем уже старой и больной, жизнь в блокированном Ленинграде, когда в промерзшей комнате она плохо слушающимися пальцами писала свою последнюю, так и не дописанную статью «Ленин и рабочий класс...»

Я не имела счастья быть лично знакомой с Прасковьей Францевной, но слыхала о ней от многих хорошо знавших ее и по работе, и в быту.

Один из товарищей, познакомившийся с Куделли, когда она была уже в пожилом возрасте, на мой вопрос о ее внешности сказал:

— Удивительно молодые, горящие и в старости у нее глаза были.

Эти горящие глаза отражали незатухающее до последнего вздоха горение сердца, полного любви к людям и глубокой веры во всемирную победу коммунистических идей.

Афанасий Коптелов

ВСЕГДА ЗА ЛЕНИНЫМ

(О. Б. Лепешинская)

Орел поднимается в небо,
Сверкая могучим крылом.
И мне бы хотелось, и мне бы
Туда, в небеса, за орлом!

М. Горький

7 октября 1898 года пароход «Модест» возвращался в Красноярск из последнего северного рейса. Горы, подступившие к Енисею, уже были засыпаны снегом, а вода покрылась ледяным «салом».

Среди пассажиров был Пантелеймон Николаевич Лепешинский, сосланный в Сибирь по тому же делу, что и Владимир Ильич Ульянов. Половину срока Лепешинский отбыл в Казачинском и теперь ехал в южные края губернии. Там он надеялся повидаться с Владимиром Ильичем. Жена его уже виделась с ним и в письме поделилась радостью: «Какой он милый — прелесть! Мы поедем вместе на пароходе...»

...В Питере незадолго до своего ареста Лепешинский участвовал в сходке народников. Там он увидел маленькую голубоглазую девушку, стриженую, в пенсне, в темной глухой кофточке с кружевной отделкой. Знакомя с нею, хозяин дома, как водится, не назвал ее фамилии, а только сказал:

— Наша молодая последовательница...

Девушка, подавая руку, назвала себя:

— Ольга.

Ольга? Так звали недавно появившуюся на свет великую княжну, и он, Пантелеймон Лепешинский, одинокий кустарь в революционном движении, уже набросал текст прокламации «Императорского дома нашего приращение», где отца новорожденной — Николая II — назвал Августейшим животным. Оставалось только отпечатать эту листовку на самодельном мимеографе да в глухую ночь разбросать по улицам... И вот совпадение — девушка Ольга. Последовательница народовольцев, что ли?

И еще было неясно — подлинное это имя или подпольная кличка? А не все ли ему равно? Нет, почему-то хотелось повторять:

— Ольга, Ольга...

Но она пришла на сходку с молодым человеком, у которого волосы ниспадали до плеч. Явно — народник.

Зашел разговор о тетрадках в желтых обложках, напечатанных на гектографе. Говорили, что их написал молодой марксист, приехавший с Волги, которого товарищи называли «Стариком». Тогда он, Лепешинский, еще не знал, что это брат Александра Ульянова, с которым ему довелось учиться в университете. На сходке сторонники народника Михайловского возмущались даже названием работы, в которой слова «друзья народа» и «воюют» звучали иронически. Уж очень широко пошли эти тетрадки! Горячие головы требовали их уничтожения. А Ольга сказала, что однажды слышала речь его на сходке марксистов. Великолепный оратор, эрудит!

Хотелось самому повидаться и поговорить с ним, но не знал, где искать его. Позднее в предварилке сосед по камере стуком передал: «Старик тоже здесь». И на допросах следователь много раз задавал один и тот же вопрос: «Где познакомились с Владимиром Ульяновым?»

Если бы они были знакомы!..

Об Ольге Протопоповой Лепешинский больше не вспоминал, ведь она приходила тогда в сопровождении какого-то длинноволосого... И когда вызвали из камеры на свидание, удивился. Кто мог прийти к нему? «Невеста»? Какую девушку подыскали на эту роль? Несомненно, курсистку...

Она была в черном пальто с лисьей горжеткой, в маленькой шапочке из горностая... И в этом довольно богатом зимнем наряде, хотя и было что-то знакомое в широких бровях, в очертании худощавого лица, он в первую минуту ее не узнал. Вот так жених! К счастью, надзиратель не заметил его оплошности...

* * *

Ольга выросла в Перми. У ее матери был большой каменный дом, пароходы, угольные шахты.

Девушке хотелось получить высшее образование, но в университеты женщин не принимали. Оставалось единственное — пойти в фельдшерицы или акушерки. И Ольга поступила на Рождественские курсы лекарских помощников. А когда окончила их, поехала в Сибирь, к своему теперь уже настоящему жениху, сосланному на три года в далекое село Казачинское. И она стала работать там фельдшерицей.

До Казачинского Ольга Протопопова добралась весной 1897 года. Здесь она обвенчалась с Пантелеймоном Николаевичем Лепешинским.

Ольга была веселой, беспокойной и общительной: в воскресные дни вместе со ссыльными мужчинами и деревенскими парнями играла в городки, вечерами над речным обрывом запевала революционные песни...

С каждым днем у нее прибавлялось хлопот и забот: на пароходе плавала за лекарствами в Енисейск, навещала больных в соседних деревнях. Научилась ездить верхом, управлять лодкой-долбленкой, ходить на лыжах, много читала. Она уговорила ссыльных посадить общий огород, купить корову... Вскоре наладила общую столовую, стало меньше уходить денег на питание. Хлеб пекли и обеды готовили женщины поочередно. Частенько стряпали пельмени. Фарш для них она всегда сама рубила сечкой в деревянном корытце, смешивая говядину с бараниной и свининой. Говорила: «Это по-уральски». Но Пантелеймон, еще до ее приезда пристрастившийся к пельменям, называл их сибирскими.

Так можно было бы скоротать все три года, но уж очень стал придираться заседатель, полицейский чиновник, наблюдавший за ссыльными.

Чтобы не навлечь на себя напрасной кары, Лепешинские собрались перебраться в другое место... Было решено: сначала Ольга подыщет себе должность фельдшерицы где-нибудь в южной части губернии, а потом Пантелеймон Николаевич подаст ходатайство о переводе его туда же. К жене разрешат переехать.

Ольге Борисовне дали место в селе Курагино. Где-то за Минусинском. Кажется, не так уж далеко от Ульянова?

* * *

Саяны покрылись снегами, замерзли родники, и Енисей обмелел. Старенький «Дедушка» с баржей на буксире медленно тащился вверх по реке. На бесчисленных перекатах вахтенные матросы, прощупывая наметками каменистое дно, отыскивали борозду поглубже.

В десятиместной каюте третьего класса половина пассажиров были своими людьми: Владимир Ильич возвращался из Красноярска, куда он ездил под предлогом лечения зубов. Ольга Лепешинская спешила к новому месту работы. С ней ехала Лена Урбанович, пятнадцатилетняя девочка из семьи ссыльных, надолго застрявших на севере.

Женщины, поставив чемоданы между коек, нарезали для завтрака хлеб, развернули жареную курицу, соленые огурцы. Владимир Ильич сходил за кипятком.

— Эх, пельменей бы сейчас,— сказала Ольга Борисовна.— Настоящих. С тройным мясом, с луком, с перцем.

— Неплохо бы. Но в буфете нет.

— Вам уже доводилось пробовать?

— Конечно. В Шушенском — наилучшее блюдо. Но нет так нет. А для вас я захватил...— Владимир Ильич из своей дорожной корзины достал банку консервов.— Вот!

И все вспомнили Красноярск. И припомнилось Ольге Борисовне, как однажды в Красноярске у общих знакомых за завтраком она пожаловалась на то, что у нее пропал аппетит. Присутствующий тут же Владимир Ильич мигом скрылся. А минут через пятнадцать вернулся с банкой консервов. Это были крабы, которые тогда ей очень понравились.

И сейчас Владимир Ильич открыл для нее такую же банку крабов! Знал, что поедут вместе, припас для нее. Какой заботливый! Об этом она обязательно напишет мужу из Минусинска.

После завтрака вышли на палубу. По обе стороны малахитовой реки багровели горы. Ветерок пересчитывал листья, позолоченные осенью, и возле берегов в глубине реки как бы полыхало пламя, даже волны, порожденные колесами «Дедушки», были бессильны погасить его.

Но любовались рекой недолго. Ольга Борисовна вернулась в каюту. Владимир Ильич тоже.

Ольга Борисовна прилегла с раскрытой книгой. Ленин, сидя на соседней койке, также читал какую-то книгу. Под его пальцами то и дело шелестели страницы. Лепешинская, опустив пенсне и приподнявшись на локте, спросила:

— Но вы же не читаете, а только просматриваете.

— Нет, читаю.

— Так быстро! Трудно поверить. Я не успеваю прочесть пяти-шести строчек, а вы уже перевертываете страницу.

— Так привык. И нельзя читать медленно, иначе не успею...— Владимир Ильич показал глазами на большую связку книг, взятых в дорогу.— И не только эти, многое нужно прочесть. Здесь и дома. Очень многое. А время летит.

— Ваше счастье, что можете так быстро. Для меня это чудо! Да. Не смейтесь. Редкостное явление!

Через пять дней они распрощались на минусинской пристани. Владимир Ильич попросил:

— Раздобудете интересные книги — присылайте. Читанные, конечно. Будете писать мужу — от меня привет. И приезжайте к нам в Шушенское. Мы с Пантелеймоном Николаевичем сыграем в шахматы. Непременно приезжайте.

— Приедем,— пообещала Ольга Борисовна.

* * *

...И вот Лепешинские снова вместе, в предгории Восточных Саян.

По утрам Ольга Борисовна принимает больных. По вечерам они читают новые журналы и книги, что привозит им почтарь из библиотеки Минусинского музея. Друзья прислали Писарева и Добролюбова. Даже удалось раздобыть II том «Капитала». Родилась дочка. Ее назвали Ольгой. Жизнь вошла в спокойное русло. Курагинский заседатель относился благосклонно, не понуждал расписываться в книге гласного надзора, позволял без всякого спроса ездить в гости в соседние села и даже в город.

Было скучно без постоянных встреч с друзьями и единомышленниками. Хотелось переехать в Шушенское, но губернатор не позволял перебираться туда. Лепешинским разрешили переехать в село Ермаковское. Все же поближе к Шушенскому! Сорок пять верст — это по сибирским расстояниям «рукой подать». Почти соседи!

В июне съездили к Ульяновым, поговорили о будущей общепартийной газете, которую Владимир Ильич решил по окончании ссылки издавать за границей. Пантелеймон Николаевич сыграл с ним несколько партий в шахматы. А в августе в их Ермаковское нагрянули гости. Не только из Шуши — из Минусинска, даже из села Тесь. Всех созвал сюда Ульянов на

совет по важнейшему вопросу, взволновавшему его до глубины души.

Несколькими днями раньше старшая сестра Владимира Ильича Анна Ильинична прислала ему «Кредо» некоторых «молодых»: отступники ратовали за «иной марксизм», якобы «уместный и нужный в русских условиях», и намеревались отвлечь рабочих от политической борьбы. Был необходим немедленный и решительный протест.

Их было семнадцать, стойких марксистов, преданных делу социал-демократической рабочей партии. Но за столом в квартире Лепешинских сидело только пятнадцать. Анатолий Александрович Ванеев, сваленный скоротечной чахоткой, уже не вставал с постели, а Доминика Васильевна, его жена, не могла ни на минуту оставить больного. И было решено, что последнее заседание, где предстояло всем подписать резолюцию протеста, они проведут в комнате обреченного друга.

Владимир Ильич прочел набросанный им проект. Там говорилось, что «русские социал-демократы должны объявить решительную войну всему кругу идей, нашедших себе выражение в «credo»», что необходимо сосредоточить «все свои силы на организации партии, укреплении дисциплины внутри ее и развитии конспиративной техники», что «социал-демократия, опираясь на классовую борьбу пролетариата, сумеет стать непобедимой» и доведет «борьбу с капитализмом и буржуазией до полной победы социализма». Говорил Ильич взволнованно и горячо. Лепешинские, как и все остальные присутствующие, поняли, что «экономизм» — зачаток грядущей болезни социал-демократии и что против «Кредо» нужно протестовать немедленно.

Пантелеймон Николаевич даже в самые напряженные минуты совещания не расставался с пятимесячной дочкой, а Ольга Борисовна разрывалась между горницей, где за тремя сдвинутыми столами сидели друзья по революционному делу, и кухней, где готовился обед. Когда сквозь закрытую дверь прорывался голос Ильича, она оставляла все на свою помощницу, деревенскую девушку Лиду Решетникову, и, на ходу вытирая руки о фартук, возвращалась в большую комнату...

* * *

Кончилась ссылка. Ульяновы и Лепешинские сговорились ехать вместе. К ним присоединились Старков и жена Сильвина, призванного на действительную военную службу.

Владимир Ильич попросил Ольгу Борисовну приготовить и заморозить две тысячи пельменей, чтобы хватило для всех до железной дороги.

Деревенские приятельницы помогли — настряпали полный мешок! Поставили в сенях — в последнюю минуту привяжут сзади возка.

Распрощались со знакомыми. Ямщик ослабил вожжи, и зазвенели поддужные колокольчики...

Все встретились в Минусинске. Там — первая ночевка. В ожидании ужина Владимир Ильич, улыбаясь, потирал руки.

— Доставайте-ка ваши пельмени, Ольга Борисовна. С тройным мясом, с луком...

— Ах, пельмени!..— спохватилась она, смутившись.— А они... Там остались...

— Ай, ай! Какая жалость!.. Ну, что же, будем по дороге пить чай... Самовары, говорят, есть в каждой ямщицкой избе. И капуста с постным маслом.

Оленька, заболевшая дорогой, пылала от жара. Владимир Ильич сходил за врачом...

Лепешинским пришлось задержаться. Прощаясь с ними, Ильич сказал:

— До скорой встречи. Впереди у нас — большие дела.— И шутливо добавил: — А пельмени где-нибудь приготовим. По-сибирски!

* * *

Владимир Ильич уехал за границу издавать «Искру». Лепешинские обосновались в Пскове. Пантелеймон Николаевич, получивший работу земского статистика, стал одним из агентов общепартийной газеты. Ольга Борисовна во всем помогала ему: зашифровывала письма и корреспонденции, отправляемые Владимиру Ильичу сначала в Мюнхен, потом в Женеву, поддерживала связь с Надеждой Константиновной, секретарем «Искры», хранила и распространяла нелегальную литературу, получаемую из-за рубежа.

В каждом номере «Искры» Лепешинские прежде всего просматривали «Почтовый ящик»: нет ли там какого-либо уведомления для них? Часто находили строчки: «2а 3б. Ваше письмо получено». И на душе становилось легче — очередное послание дошло до Ленина и Крупской.

«Искра» требовала больших расходов. Где взять деньги? Помогали агенты: принимали отчисления у членов партии, со-

бирали пожертвования. Иногда удавалось даже раздобывать некую толику кредитных билетов у богачей, настроенных оппозиционно по отношению к царизму. Лепешинские собирали деньги в Пскове и тайно переправляли их Ульяновым.

Однажды случилось непредвиденное: девушка, отправленная из Германии с очередным номером «Искры», перепугалась пограничного досмотра и оставила багаж на вокзале в Выборге; прислала квитанцию. Что делать?

— Я съезжу,— сказала мужу Ольга Борисовна.— Привезу.

В Выборге ей выдали довольно большой чемодан. Ноша показалась необычной. Стукнула по стенке — чемодан загудел, как барабан. Открыла — в нем пусто. С таким ехать нельзя. Необходимо заполнить бельем, платьями. А где их взять? Купить не на что. И занять не у кого. Последние деньги отдала за куклу да за большую связку кренделей. Крендели в Выборге особенные, вкусные, будто сахарные, любая лакомка соблазнится такими.

Но ведь у жандармов и таможенников взгляд наметан. Удастся ли проскользнуть? Что если возьмут подозрительный чемодан в руки да постучат по стенкам? Тогда не избежать ареста.

Начинается досмотр. Вместе с жандармом подходит таможенный чиновник. Сейчас примется за ее чемодан. И Ольга Борисовна сама, беспечным жестом откидывает крышку:

— Пожалуйста. Здесь лежит кукла для дочурки да крендели.

Досмотрщики недоуменно оглядывают необычный багаж. Что за женщина, у которой нет в запасе ни белья, ни платьев.

А Ольга Борисовна тем временем с аппетитным хрустом ела поджаренный кренделек.

Какая-то чудачка!

Таможенник машет рукой. Жандарм поворачивается к следующему пассажиру.

Пронеслась туча без грозы!

Ольга Борисовна взяла еще один кренделек и захлопнула крышку...

Дома, предусмотрительно закрыв окна, Лепешинские распотрошили чемодан. В его днище и стенках оказалась «Искра», отпечатанная, как всегда, на тонкой бумаге, похожей на папиросную.

Теперь оставалось только разослать ее с надежными людьми по рабочим кружкам Пскова и соседних городов.

* * *

Осенью 1902 года появилась еще одна Ольга. Ее рождению предшествовало многое. Не только в России, но и за границей, в революционных кругах русских социал-демократов.

Еще в марте вышла в Штутгарте новая книга Владимира Ильича, подписанная псевдонимом Н. Ленин. Уже самим заголовком автор спрашивал: «Что делать?» И книгой своей отвечал: «Дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!» Для этого нужно было размежеваться с отступниками от марксизма, «бороться не только с болотом, но и с теми, кто поворачивает к болоту», покончить с шатанием и разбродом, вовлечь в пролетарскую борьбу «новые слои рабочих». Этой цели можно было достичь лишь в результате проведения нового партийного съезда. По заданию Ленина к нему стали готовиться в России.

2 ноября 1902 года к Лепешинским в Псков съехались «гости», на этот раз все из разных городов. Тут были делегаты и от Питера, и от «Искры», и от Северного рабочего союза. Выполняя совет Ленина, совещание избрало Организационный комитет по созыву II съезда партии. Он и был назван Ольгой.

В комитет вошли: Клер — Кржижановский, Лапоть — Лепешинский, Курц — Ленгник, Шпилька — Красиков, Касьян — Иван Радченко, Семен — Стопани и другие. Для большей конспирации тут же все поменяли клички. Красиков стал именоваться Игнатом, Кржижановский — Ге, Лепешинский — Вар... Не надеясь на память, Ольга Борисовна записала всех на бумажку и спрятала ее среди своих медицинских книг.

И так же, как в Ермаковском, она разрывалась между горницей и кухней: запоминала, что ей нужно сделать, кому написать о решениях совещания; готовила для всех ужин, кипятила самовар, поддерживала в печке огонь, чтобы в случае полицейского налета можно было сжечь все бумаги. Было условлено: собрались поздравить хозяйку с днем рождения. Стояли наготове рюмки и откупоренные бутылки вина. Под руками у Кржижановского лежала гитара, у Красикова — его неизменная скрипка. Сама хозяйка в любую минуту была готова начать отплясывать русскую.

Казалось, все прошло спокойно. 3 ноября вечером расходились по одному, приезжие направились на вокзал.

А Лепешинский, проводив гостей, сел за письмо к Владимиру Ильичу. Перечислив клички делегатов, он писал:

«Из решений главные — следующие. Составлено заявление

о рождении Ольги... ОК признал за собою право, будучи фактическим выразителем объединенных групп И. П. Ю. ГР. С. С. и т. д. (после революции он расшифровывал: «Искры», Петербурга, южных групп, Северного союза и т. д. — *А. К.*), издавать за своей подписью листки... Затем рассмотрен вопрос об организации транспорта. Главная забота об этом возложена на Касьяна, который организовал уже группу Каролины и намеревается в самом ближайшем будущем свидеться с заграничной группой. Попутно решены вопросы и о способах распространения литературы, а также о получении за нее всеобщих меновых эквивалентов. Затем решено, что ОК предлагает всем сочувствующим его усилиям комитетам самооблагаться в его пользу».

А в это время Касьяна — Ивана Радченко на вокзале схватили филеры. И впервые он, опытный конспиратор, допустил оплошность: у него нашли адрес квартиры Лепешинских.

Ольга Борисовна убрала посуду со стола, уложила Оленьку в кроватку и прикрыла шубкой, сшитой еще из сибирских беличьих шкурок.

Пантелеймон Николаевич заканчивал отчет о совещании:

«Решено также, что Ольга не только будет фактически исходить от тех начал, которые положены И. («Искрой».— *А. К.*), но и открыто признавать свое родство с ней... Что же касается других вопросов, как, например, вопроса о порядке дня на будущем съезде и пр., то таковые отложены до следующего собрания, когда... от вас придет подкрепление в виде обстоятельного проекта...»

В дверь застучали. Это ломились жандармы, прихватившие с собой полицейских и понятых.

Как выяснилось впоследствии, адрес, найденный у Ивана Радченко, был далеко не единственным поводом для обыска у Лепешинских. Еще с лета за Пантелеймоном Николаевичем ходили по следам шпики, присланные из столицы, и все записывали в свои донесения.

Ночные «гости» сорвали дверь с крючка и ворвались так быстро, что Пантелеймон Николаевич не успел уничтожить написанный лист бумаги. Явная улика!

Обрадованные столь легкой находкой крамольного документа, жандармы принялись потрошить все, что попадало им под руку.

Пока они орудовали в комнате Пантелеймона Николаевича, Ольга Борисовна, вспомнив о списке членов Организационного комитета, быстро отыскала его среди своих книг и незаметно сунула в кармашек шубки, которой была накрыта Оленька.

Однако дошел черед и до ее комнаты, руки жандармов потянулись к детской постельке. Ольга Борисовна, сдерживая волнение, завернула дочку в шубку и взяла на руки...

Когда жандармы увели ее мужа, она сожгла список на свечке...

Арестованного отправили в Петербург. Опять для него — одиночная камера. Для Ольги Борисовны — хлопоты и заботы: надо испрашивать разрешения на свидание, носить в тюрьму передачи.

И горше всего была обида, что ни мужу, ни ей не удастся побывать на съезде партии.

Прошло восемь месяцев. Предварилка взбунтовалась. Заключенные объявили голодовку. Их стали, не дожидаясь приговоров, отправлять в ссылку. И Пантелеймон Николаевич опять оказался в Минусинске под гласным надзором полиции.

Ольга Борисовна решила — теперь уже во второй раз — отправиться в Сибирь, уже тогда она думала об организации его побега из ссылки. Чтобы у жандармов не возникло подозрение, она «заарестовалась», как говорили тогда, т. е. сама явилась в тюрьму да еще с четырехлетней дочкой и поехала в тюремном вагоне вместе с Пантелеймоном Николаевичем. Расчет был простой: в ссылке будут жить семьей, и бдительность полицейского надзора притупится.

Так оно и получилось. Осенью 1903 года Лепешинский бежал.

А три недели спустя пришла условная телеграмма: «Почем рога маралов?» Муж отправил ее по дороге в Женеву.

Теперь он уже там. Рядом с Лениным!

И Ольга Борисовна, скрывшись из Минусинска, тоже направилась на запад.

* * *

В Женеве Лепешинские открыли на рю де Каруж эмигрантскую столовую, которая тотчас же стала местом встреч и собраний большевиков. В маленькой комнатке разместили партийную библиотеку, поставили шкафы для рукописей, прокламаций и различных революционных документов, и столовка превратилась в своеобразный партийный клуб.

Доход от столовой поступал в партийную кассу. Тут же была и «эмигрантская касса», оказывавшая помощь тем, у кого не было никакого заработка.

Накормив обедом 70—80 человек, Ольга Борисовна на велосипеде мчалась в университет, где продолжала свое образование, а Пантелеймон Николаевич отправлялся в редакцию боль-

шевистской газеты «Вперед», чтобы прочесть корректуру очередного номера. Оленька целые дни проводила на улице с французскими детьми.

Владимир Ильич, придя первый раз в столовку, приподнял девочку на руках:

— Здравствуй, сибирячка! — Опустив на пол, погладил ее волосы.— Большая выросла!.. Ну, а как тебе здесь нравится? Лучше бы домой? Да. Я бы тоже уехал, если бы мог. В Питер. В Москву. Даже в Псков согласен.

— И мы бы с вами,— отозвалась Ольга Борисовна.— На крыльях бы улетели.

— С вас, уважаемая хозяйка, полагаются пельмени,— шутливо рассмеялся Владимир Ильич.— Взамен тех, что вы забыли в Ермаковском. Целый мешок! Две тысячи!

— Вы все еще помните.

— Ну как же. Разве можно забыть? Стряпайте-ка снова. Для всех товарищей. С тройным мясом, с луком, с перцем. По-сибирски! Или здесь не получаются такие?

— Не до пельменей тут. Дорого для наших. Денег у всех в обрез. Многие предпочитают пустые щи да кашу. Лишь бы наполнить голодный желудок.

— Вы правы. Трудна, очень трудна жизнь для наших товарищей. Питаются чаще всего всухомятку — сыр да хлеб. Запивают водой, иногда — самым дешевым вином.

...Это было в 1905 году. Ранним утром Пантелеймон Николаевич с корзиной в руках отправился на рынок, чтобы купить мяса для столовки. На улицах продавались утренние газеты. Взял первую попавшуюся под руку, там сообщалось о событиях 9 января, о стачках.

Вбежав в свою комнатку при столовой, взбудораженный новостью, он подал газету жене:

— Читай!.. Революция!..

В каких-нибудь полчаса Ольга Борисовна подняла на ноги трех большевичек, живших неподалеку, вручила им по подписному листу, и они вчетвером помчались по разным улицам; стучались в дома либерально настроенных горожан и принимали пожертвования. Женщины успели обойти главные улицы раньше меньшевиков и принесли в партийную кассу 3 тысячи франков! Это было немало. Многим хватило на железнодорожные билеты в родные края. Они ехали, чтобы принять участие в первой русской революции.

* * *

В конце 40-х годов в Москве, в Доме союзов, открылась Всесоюзная конференция сторонников мира. Приехали гости со всех континентов.

В перерыв по переполненному фойе медленно продвигалась, опираясь на трость, невысокая беловолосая женщина. Ее на каждом шагу останавливали и окружали молодые люди, протягивали блокноты для автографов, рядом с орденом Ленина прикалывали ей заграничные значки, засыпали вопросами. Ольга Борисовна едва успевала отвечать.

Позади — беспокойные десятилетия. Возвратившись из эмиграции, она, не оставляя революционной деятельности, работала врачом в Москве, в Крыму. После Октября читала лекции в Ташкентском и Московском университетах, вела научные исследования в биологических и медицинских институтах столицы...

Возобновилось заседание, и председательствующий объявил:

— Слово предоставляется действительному члену Академии медицинских наук, профессору...

Едва Ольга Борисовна успела подняться со своего стула, как загремели аплодисменты.

Она вспоминала молодость, первые шаги в революционном движении, сибирскую ссылку и эмиграцию, многочисленные встречи с Владимиром Ильичем, говорила о величайших переменах в своей родной стране, о заботах ленинской партии и о сохранении мира на земле.

Жизнь Ольги Борисовны Лепешинской была долгой и плодотворной. Более семи десятилетий она отдала борьбе за народное счастье, за коммунизм.

Надежда Юрова

СЕСТРЫ МЕНЖИНСКИЕ

«Мы прямо шли, и нет у нас
Зерна неправды за собою...»

Т. Шевченко

Поликсена Степановна Стасова была связана давней дружбой и приязнью с Марией Александровной Менжинской, урожденной Шакеевой. Постепенно идеи эмансипации женщин и женского образования в России, которыми обуреваема была Поликсена Степановна, захватили и Марию Александровну, овладели всем ее существом, стали, наконец, ее «альтер эго» — «вторым я». Шакеева-Менжинская значилась в числе организаторов первого в России высшего учебного заведения для женщин — Бестужевских курсов. Обе женщины были высокообразованны, непреклонны в своих воззрениях, нетерпимы ко лжи и даже самым малейшим компромиссам, если речь шла об этике, морали и совести. С особенной непримиримостью относились они ко всем и всяким проявлениям мещанства, глубоко понимали всю его реакционную сущность, видели корни его в тупости и ограниченности, в косности, самодурстве и изуверстве, в мракобесии и оголтелом шовинизме. Из глубины 60-х годов вынесли Стасова и Шакеева трепетную любовь к свободе и просветительству, священный огонь сочувствия к угнетенным и униженным, непод-

дельное уважение к трудовому люду, к простым мужикам — сеятелям и хранителям родины.

Патриотизм этих замечательных женщин был активен, стремились они к действию, к постоянному общению с народом.

Муж Марии Александровны, профессор истории Рудольф Ипатьевич Менжинский, полностью разделял ее взгляды.

Дух вольнолюбия, царивший в семье Менжинских, не мог не передаться детям. Вера и Людмила были дружны с дочерью Поликсены Степановны. Елена Стасова, которая уже тогда была знакома с революционерами, также оказала благотворное влияние на своих новых подруг.

Серьезным юношей рос будущий выдающийся деятель партии Вячеслав Менжинский.

«В раннем детстве,— вспоминала впоследствии Вера,— он был задумчивым, не любившим шумных игр мальчиком. Дружил только с сестрами, и эта дружба прошла глубокой бороздой через всю его жизнь. В детские годы он особенно близок был с младшей сестрой Людмилой: они вместе играли, вместе слушали по вечерам рассказы матери, которая пересказывала им сказки, детские рассказы и художественные произведения. На ее столике всегда была какая-нибудь книга, из которой она черпала материал для вечерних рассказов. Она же научила их обоих читать, занималась с ними до самого поступления в гимназию и долго еще внимательно следила за их гимназическими занятиями...»

Даже в гимназические годы Вячеслав был кумиром своих сестер. А поступив в университет, стал для них непререкаемым авторитетом. И неспроста. Товарищи всё больше убеждались, что молодой Менжинский — человек удивительных способностей, личность самобытная, незаурядная. Учась на юридическом факультете, Вячеслав отнюдь не ограничивался учебниками. Он прочитывал множество книг, конспектировал их. Не была пределом для него и сама по себе избранная специальность: он посещал лекции по химии, физике, анатомии, психологии. Изучал Маркса. Жадно осваивал языки и вскоре прослыл полиглотом, овладев французским, немецким, английским, финским, польским, чешским, норвежским, датским, шведским, испанским, итальянским, постигнул основы китайского и японского. Гегеля читал он по-немецки. Шекспира — по-английски, Ибсена — по-норвежски, Якобсена — по-датски. На всех этих языках читал газеты и журналы.

Сестры стремились «угнаться» за братом. Людмила соревновалась с ним — кто прочтет больше книг за год. Однажды в конце года оба выложили по кипе прочитанной литературы.

Победа осталась за Вячеславом, но Людмила не сожалела об этом...

Итак, мать, отец, брат, Стасовы — таково было с детства окружение сестер Менжинских, та благодатная среда, которая окрылила их души, вдохновила сердца. И Мариинская гимназия, где учились сестры, не подавила их своей чопорностью и ханжеством, классные дамы постными и нудными взглядами не отравили их жизнелюбия, они не стали смиренными девицами, готовыми по любому поводу раскланиваться в книксенах и запросто принимать на веру афоризмы и категорические суждения, предписанные для неукоснительного исполнения гимназисткам всех классов. Запрещенные в гимназии Чернышевский, Писарев, Добролюбов появились и навсегда заняли место на полках их домашней библиотеки.

* * *

По окончании гимназии и трехгодичных педагогических курсов сестры занялись преподаванием. Работа нравилась им. Но одной работы им было мало. Их властно притягивало к себе революционное движение. «Елена Дмитриевна Стасова,— рассказывала Вера,— была секретарем искровской организации в Питере. Она налаживала явки, держала связи, распространяла литературу. Мы не принимали участия в подготовке к съезду, но были рядом, помогали, чем могли. Собственно, тогда и педагогическая работа в значительной степени была партийной, очень часто шла рука об руку с партийной. Так было и у нас. В Питере в тот период (900-е годы) существовал музей подвижных наглядных пособий... бесплатным сотрудником его была А. М. Коллонтай. Людмила Рудольфовна брала оттуда наглядные пособия для школы. Е. Д. Стасова использовала помещение музея для получения политической литературы. Такова была одна нить связи с партией. Была и другая. Еще будучи в гимназии, Вячеслав Рудольфович вел в 90-х годах нелегальные кружки. В 1894 г. на даче мы изучали «Капитал». С тех пор и начали сплетаться эти две нити в единую нить. И никогда после они не раскручивались. Мы до конца жизни остались просвещенцами-партийцами».

Для политического просвещения и пропаганды марксизма использовало передовое учительство и Смоленскую воскресную школу, ту самую, в которой с 1900 года работали сестры. Здесь учительствовала раньше и Надежда Константиновна Крупская, которая говорила, что это породнило ее с жизнью Шлиссельбургского тракта — рабочего пригорода Петербурга за Невской

заставой. «В те времена,— читаем у Крупской,— вечерне-воскресная школа была прекрасным средством широкого знакомства с повседневной жизнью, с условиями труда, настроением рабочей массы. Смоленская школа была на 600 человек, не считая вечерних технических классов и примыкавших к ней школ женской и Обуховской... Рабочие относились к «учительницам» с безграничным доверием... Входившие в организацию ходили в школу, чтобы приглядываться к народу и намечать, кого можно втянуть в кружки, вовлечь в организацию».

Смоленская школа полюбилась рабочим. Учеников набиралось так много, что даже керосиновые лампы гасли и зимой приходилось заниматься при открытых форточках. Но это не смущало рабочих.

Увлеченно вела уроки Вера. Людмила Менжинская была учительницей в 1-й Нарвской школе для детей рабочих, потом — в городском училище для девочек. Одновременно с этим делала яркие, запоминающиеся доклады в воскресной рабочей школе.

Быть может, именно благодаря тому, что в рабочих школах преподавали такие талантливые пропагандисты, как Н. К. Крупская и сестры Менжинские, школы эти превратились в кузницу кадров рабочих-революционеров. «Когда рабочий попадал под арест, то полицейские спрашивали в первую очередь, не учится ли он в воскресной школе»,— свидетельствовал старый большевик, рабочий Обуховского завода Е. П. Онуфриев.

Сближение с питерскими рабочими закалило сестер Менжинских. Перед самой революцией 1905 года Вера и Людмила вступают в социал-демократическую партию большевиков.

И вот — первая русская революция...

К этому времени сестры Менжинские — активные, видные партийки. Людмила была введена в состав Боевой технической группы при ЦК РСДРП. Она собирает деньги на оружие, хранит его, доставляет на места взрывчатые вещества. Опасная работа даже для мужчины, но Людмиле некогда думать об этом. Она — секретарь Петербургского комитета партии, организатор социал-демократического съезда учителей, созванного по указанию ЦК... А Вера? Старшая Менжинская не отстает от сестры, она — помощник секретаря ЦК Крупской — вместе с Надеждой Константиновной ведает явками, снабжает пропагандистов и агитаторов литературой, подпольщиков — паспортами.

Живое слово самой Веры Рудольфовны — правдивый летописец тех бурных дней:

«С Надеждой Константиновной Милочка познакомилась у меня. В эти годы мы жили вдвоем. Как-то пришел Гольденберг и передал поручение подыскать три квартиры для клубов. Я подыскала.

— Сходите к Надежде Константиновне. Этим она ведает,— сказал Гольденберг.— Поговорите с нею.

— Но я не знакома.

— Вот и познакомитесь.

Я пошла. Она принимала в редакции. Мы вышли с нею в коридор. Я рассказала о квартирах. 100, 75, 50 рублей в месяц стоила каждая из них.

— А нельзя ли даром? — сказала Надежда Константиновна. Это так похоже на нее.

— Попробую,— ответила я.

Мы разговорились.

— А не хотите ли со мной работать? Все своим делом заняты. А никто моим не хочет заниматься.

Я согласилась. Совместная работа началась со следующего дня. Каждое утро Надежда Константиновна приходила к нам. Вот тогда-то и познакомилась с ней Милочка. Мы составляли план работы на каждый день и расходились по своим делам. Вечером встречались вновь то в технологическом институте, то в других местах...

Надежда Константиновна звала на работу к себе и Людмилу Рудольфовну, но она не пошла. Вооружение, динамиты ей казались куда более интересными...»

Боевая, полная тревог и потрясений жизнь... Отдых? Нет, о нем и не помышляют сестры. Пароли, явки, оружие, конспирация — вот что важно сейчас, вот чему посвящены и дни, и ночи, и размышления, и надежды...

Центральная большевистская явка расположилась в столовой Петербургского технологического института. Здесь постоянно встречалась Вера Менжинская с Н. К. Крупской.

«Это было очень удобно,— сообщает Крупская в своих воспоминаниях,— так как через столовку за день проходила масса народу. В день перебывает другой раз больше десятка человек. Никто не обращал на нас внимания. Раз только пришел на явку Камо. В народном кавказском костюме он нес в салфетке какой-то шарообразный предмет. Все в столовке бросили есть и принялись рассматривать необычайного посетителя: «Бомбу принес»,— мелькала, вероятно, у большинства мысль. Но это оказалась не бомба, а арбуз...»

Иногда явка устраивалась и в помещении большевистского

издательства «Вперед», которое имело два входа: один около ворот, а другой в глубине двора. Это было очень удобно для конспираторов. Однажды Надежда Константиновна и Вера Рудольфовна принимали приезжих. Как раз в тот момент, когда они говорили с товарищем, пришедшим с пачкой прокламаций, а другой товарищ ждал очереди, в комнату заглянул пристав. Сказав: «Ага!», он закрыл комнату на ключ. Пути отступления были отрезаны. Пришлось срочно «чиститься»: сжигать в печке нелегальщину, используя время, пока пристав бегал за нарядом полиции. Когда она появилась, отговорились тем, что подбирали популярную литературу для деревни. Помогло то, что тут же, при издательстве, были книжный склад и магазин. Фамилии и адреса были записаны фиктивные.

Особо важная явка была на квартире самих сестер. С.-Петербург, Ямская, 21 — этот дом вошел в историю нашей партии. В дни первой русской революции здесь находился своеобразный большевистский штаб. Именно сюда приходили товарищи из ЦК и ПК, заваливая неутомимых сестер уймой партийных поручений, заданий, корреспонденций. Именно у них неоднократно бывал Владимир Ильич, встречаясь с партийными работниками и членами военной организации при ПК РСДРП.

Большевикам приходилось прятаться от шпиков, жандармов, «верноподданных» черносотенцев. И в таких местах, как квартира Менжинских на Ямской, чувствовали они себя словно на островке будущего или в маленьком вольном городе, который благодаря мужеству, находчивости и строжайшей конспиративной дисциплине сестер был недосягаем для черных вражеских лап.

Обычно Владимир Ильич являлся на Ямскую в тех случаях, когда обстановка исключительно осложнялась и накалялась. Так было и летом 1906 года.

Стало известно, что в Свеаборге вот-вот вспыхнет стихийное восстание матросов, вызванное разгоном I Государственной думы. 16 июля на Ямской, у Менжинских, собралась Исполнительная комиссия ПК.

«Неизбежность политической забастовки и восстания, как борьбы за власть,— говорил Владимир Ильич,— чувствуется широкими слоями населения, как никогда прежде.

Наше дело — развернуть самую широкую агитацию в пользу всероссийского восстания, разъяснить политические и организационные его задачи, приложить все усилия к тому, чтобы все сознали его неизбежность, увидели возможность общего натиска и шли уже не на «бунт», не на «демонстрации», не на

простые стачки и разгромы, а на борьбу за власть, на борьбу с целью свержения правительства».

По предложению Ленина было постановлено: послать в Свеаборг делегацию, чтобы добиться отсрочки восстания. На следующий день, 17 июля, тут же на Ямской вождь партии получил новую весть: восстание в Свеаборге началось... Тогда он немедленно направил Веру Рудольфовну в Финляндию. Ей было поручено передать члену военной организации Александру Шлихтеру указание о срочном выезде в Свеаборг для руководства восстанием. В тот же день Владимир Ильич послал в Свеаборг еще нескольких партийных работников. В ночь на 21-е становится известно, что восстания подавлены.

В «Рабочем ежегоднике» Людмила публикует статью под названием «Мортиролог».

«Каждый шаг вперед, каждая попытка разрушить самодержавный строй и уничтожить те условия, в которых гибнет и вырождается русский народ,— пишет она,— стоили десятков, сотен и тысяч человеческих жизней. Освободительное движение запечатлено кровью мучеников и героев. Не говоря о каторге, долголетней ссылке и тюремном заключении, приводящих к сумасшествию, смерти и самоубийству, военных усмирениях и погромах, в которых погибают тысячи жертв,— смертные приговоры и казни насчитываются десятками за XIX и начало XX столетия».

И, словно бросая вызов царским сатрапам, перечисляет большевичка смертные приговоры, вынесенные революционерам. Это огромный список имен, занимающий несколько страниц... «Не запугать борцов! — как бы говорит статья Людмилы Менжинской.— Дело революции победит!»

Среди приговоренных к смерти — немало женщин: Софья Перовская, Геся Гельфман, Вера Фигнер, Лебедева и Якимова, Кутитонская... Пусть шли они неверным путем, но на их ошибках учатся новые поколения, которые доведут революцию до конца.

...Революция пятого года терпит поражение. Реакция торжествует. Партия уходит в подполье. Но отнюдь не демобилизует свои силы. Каждая легальная возможность борьбы должна быть использована во что бы то ни стало, в том числе и работа в культурно-просветительных организациях, в страховых кассах, где в тот период работала Л. Менжинская. В это тяжелое время кажущееся иным маловерам безнадежным, сестры Менжинские прячут у себя нелегальную литературу. Их выдержка, хладнокровие и осторожность сохраняют старую явочную

квартиру для партии. Обыски следуют один за другим, но они ничего не дают ищейкам, и скромные учительницы по-прежнему не кажутся жандармам опасными.

В период реакции сестры едут за границу — к Ленину и Крупской, чтобы выяснить сложные вопросы и получить партийные директивы. Затем возвращаются в Россию.

В 1912—1914 годах Менжинские сотрудничают в большевистской «Правде».

А в 1914 году, когда по инициативе В. И. Ленина петербургские большевики начали готовиться к изданию популярного легального журнала «Работница», для руководства журналом создается редакционная коллегия, в состав российской части которой входит и Людмила Менжинская. Вера тоже принимает участие в разработке программы журнала.

Выпуск первого номера журнала был намечен к 8 марта 1914 года.

3 марта члены редакционной коллегии «Работницы» собрались в маленькой темной комнатушке Прасковьи Куделли, жившей на Старо-Невском. Настроение у всех было приподнятое. Перед редакторами журнала лежали статьи и заметки, которые сразу же после заседания должны быть переданы в типографию.

Но едва приступили к делу, как в прихожей послышался шум.

Прасковья Куделли и Конкордия Самойлова вскочили с мест.

— Спокойно, товарищи! — проговорила Людмила Менжинская, направляясь к двери.

Но ей не пришлось выйти в коридор: в ту же минуту в комнату ворвались полицейские.

— Все арестованы! — гаркнул пристав.

Сидя в тюрьме, заключенные узнали по «беспроволочному телеграфу», что в Женский день на воле состоялся митинг и демонстрация и что «Работница» все-таки вышла в этот день!

— Пошлем приветствие! — предложила Прасковья Куделли.

И, пробившись сквозь тюремные стены, полетели к подругам, к товарищам по борьбе строки: «Политические заключенные новой женской тюрьмы шлют горячий привет нашему журналу «Работница» как выразителю наших нужд!».

В 1914 году через Вячеслава Рудольфовича Менжинского, находившегося в то время в Париже, и его сестер в Петербурге шла одна из линий связи В. И. Ленина, жившего в Кракове, а затем в Поронине, с подпольем в России. В письме к Владимиру Ильичу от 13 апреля 1914 года Вячеслав Рудольфович сообщал:

Сестры Менжинские

В. А. Мойрова с сыном

С. П. Невзорова

З. П. Невзорова

А. П. Невзорова

К. И. Николаева

«Уважаемый товарищ!

Сестра Людмила арестована в Петербурге в феврале месяце в связи с ее выступлением на «Женском дне». Подробностей никаких не знаю, получил за это время от Веры только коротенькое письмо и открытку. Она писала, что сперва можно было ожидать скорого освобождения, но теперь дело затягивается... Вера имеет свидания с сестрой, та сидит в новой женской тюрьме, вот и все, что я знаю. При таких условиях я затруднился переслать Ваше письмо, тем более что не все мои письма дошли до Веры, а ее письмо с подробностями я так и не получил еще, хотя оно должно было давно прийти. Напишите мне, пожалуйста, может ли Ваше письмо ждать, пока я проверю один адрес, или Вы желаете получить его назад».

По выходе из тюрьмы, где Людмила просидела несколько месяцев, она снова активно включается в работу: участвует в учительском движении, организует группу учителей-марксистов.

В годы империалистической войны сестры по-прежнему твердо стоят на ленинских позициях, упорно разъясняют рабочим империалистическую суть войны. В 1915 году Вера Рудольфовна становится членом агитационно-пропагандистской комиссии ЦК партии.

После Февральской революции сестры работают в секретариате ЦК.

На VI съезде партии Людмила Рудольфовна избирается в мандатную комиссию.

С осени 1917 года Людмила Рудольфовна Менжинская — член райкома 1-го Городского района, член Петроградского комитета большевиков, а Вера Рудольфовна — член управы Питерской думы.

В октябрьские дни 1917 года по решению ЦК РСДРП(б) секретариатом ЦК начали издаваться «Бюллетени ЦК РСДРП(б)». Общее руководство осуществлялось Я. М. Свердловым. Было выпущено восемь «Бюллетеней», в составлении и написании которых вместе с Е. Д. Стасовой участвовала Вера Рудольфовна. В бюллетенях сообщалось крупным партийным организациям о событиях по всей России. Бюллетени нужны были потому, что почта саботировала Советскую власть и не рассылала «Правду» на места.

В одном из бюллетеней сообщалось: «Ввиду того, что газеты не доходят и телеграммы не передаются, ЦК для осведомления решил разослать краткие бюллетени о положении дел.

Демократия в лице рабочих идет за нами, а потому сила в

наших руках, но мелкая буржуазия и чиновничество идут против нас, саботируют и бойкотируют Военно-революционный комитет...»

Бюллетени рассылались партийным организациям по почте, а иногда и передавались с оказией.

В первые дни победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде в числе тринадцати наркоматов был создан Наркомат просвещения.

В. И. Ленин подписал постановление Совета Народных Комиссаров о назначении правительственными комиссарами при Наркомпросе Н. К. Крупской, П. И. Лебедева-Полянского, В. М. Познера, Л. Р. Менжинской, И. Б. Рогальского. Эти товарищи во главе с А. В. Луначарским составили первую коллегию Наркомпроса.

«Я помню, как мы «брали власть» в Министерстве народного просвещения,— вспоминает Н. К. Крупская.— Анатолий Васильевич Луначарский и мы, небольшая горстка партийцев, направились в здание министерства, находившееся у Чернышева моста. Около министерства был пост саботажников, предупреждавших направлявшихся в министерство работников и посетителей, что работа там не производится, кто-то даже попробовал заговорить на эту тему с нами... Нам... не трудно было разобраться в делах. Большинство из нас хорошо знали дело народного образования. Менжинские, например, долгие годы были учительницами начальной школы в Питере, я тоже много учительствовала, работала по педагогике, все были пропагандистами и агитаторами».

Надежда Константиновна права — в делах разобраться было нетрудно, но ведь работало вначале всего несколько членов коллегии: чиновники разбежались и саботировали новую власть. Были и другие трудности. Вот что рассказывает о работе в те дни Людмила Рудольфовна: «Слабые попытки реорганизации школы, которые намечались в период Февральской революции в Государственном комитете, оставались еще в тайниках канцелярий, и до массового учительства действенно дошло разве постановление об уничтожении буквы ять и о некоторых упрощениях правописания. В первые недели после Февральской революции было созвано огромное собрание питерских городских учителей в помещении школы на Обводном канале. Не помню теперь точно, что было основной темой собрания: выборы ли в Питерский Совет или доклад избранного представителя о работе Питерского Совета. Может быть, еще что-либо иное. Но с полной ясностью встает передо мной, как во время заседания

сообщают о приезде Ленина из-за границы в запломбированном вагоне. Поднимаются крики, сыплются ругательства, никакие резоны не принимаются во внимание, никакие речи не дослушиваются до конца. Учителей-большевиков всего 5—6 человек и небольшая группа сочувствующих. Объединенными усилиями выдвигаем ряд злободневных вопросов, чтобы не дать поставить на голосование черносотенную резолюцию, внесенную в президиум. Но правые элементы решают во что бы то ни стало «заклеймить» Ленина и не уходят с собрания до 12 часов ночи, чтобы принять резолюцию порицания. Правда, и нам удается провести резолюцию меньшинства, горячо приветствующую бесстрашного революционного вождя, и напечатать ее в газете, но тем не менее надо признать, что настроение собрания было явно против такой резолюции. Другой случай. Огромное собрание ВУСа (Всероссийского учительского союза) в Морском корпусе. Присутствует до тысячи учителей. Произносятся речи о необходимости дальнейшего участия в империалистической бойне. Я выступаю от нашей небольшой фракции с речью на тему — долой войну, закрепляющую власть эксплуататоров, долой войну, рвущую международное единство пролетариата. Тот же крик, топот был ответом на мой призыв. Но из числа учителей-солдат отделяется один из сочувствующих, чтобы на глазах у беснующихся пожать мне руку. Завоевание учительства шло единицами и значительно позже Октябрьской революции приняло массовый характер. При таком настроении питерского учительства Наркомпрос, выдвинутый Октябрьской революцией, оставался без армии...»

Но если даже в условиях подполья не боялись сестры Менжинские трудностей, то после Октября они с утроенной энергией берутся за их преодоление.

И вот, отмечает Людмила Рудольфовна в своих записках, наконец «жизнь начинает входить в берега», какое-то «светлое настроение царит среди работников», каждый чувствует, «что он не только рядовой исполнитель чужой воли, но и участник коллективного выяснения вопросов просвещения. Отсюда бодрое, приподнятое настроение среди работников Наркомпроса, забывающих холод и голод за широкими перспективами дела...»

Все больше и больше учителей твердо переходит на позиции Советской власти. И в этом немалая заслуга пламенных пропагандисток Менжинских, чей революционный и педагогический опыт поставлен на службу великой революции.

Анатолий Васильевич Луначарский, возглавляющий Наркомат просвещения, часто говорит Людмиле Рудольфовне, что

даже саботажники не в силах отказать ей в какой-либо просьбе. И действительно, авторитет этой женщины огромен. Она сплачивает лучшую часть учительства и специалистов-просвещенцев. Пользуясь старыми связями и своим личным авторитетом, она раскалывает саботажников и становится одним из организаторов «Союза учителей-интернационалистов».

Работала Людмила Рудольфовна в женотделе при ЦК партии, затем председателем Всероссийской чрезвычайной комиссии по ликвидации неграмотности, и проректором Академии коммунистического воспитания; Вера Рудольфовна — в Наркомпросе РСФСР, а затем руководила созданными ею курсами заочного обучения иностранным языкам.

Сестры Менжинские были людьми самых разносторонних интересов, глубочайшей внутренней культуры. А домашний быт их был прост до предела. Знавшим их людям казалось, что ничего им не нужно в часы досуга, кроме хорошей книги или художественной выставки.

Н. К. Крупская говорила о Людмиле Рудольфовне, что она была «действительной коммунисткой, беззаветно преданной партии... Жизнь ее — яркая жизнь партийца...» Эти же слова с полным правом могут быть отнесены и к ее сестре.

Они были сестры не только по крови, но и по духу.

Зинаида Чалая

В ПЕРВЫХ РЯДАХ...

(В. А. Мойрова)

Веди за собой массы с горящим факелом веры в правоту своей идеи...

А. Коллонтай

...На состоявшемся в Музее революции вечере памяти Мойровой собрались ее товарищи. Одна за другой выступали заслуженные коммунистки. С какой любовью, с каким уважением говорили они о моей сестре! И передо мною Варя встала как живая.

Семья наша жила тяжело. Детей на руках нашей матери было восемь человек. Мама зарабатывала стиркой — брала белье у приезжавших в Ялту господ-курортников. Отец целыми днями стучал молотком у своего сапожного верстака.

Сестрин кипучий и жизнелюбивый характер отражал дух всей нашей семьи. Никакая нужда не могла вышибить из нас озорной веселости, умения смеяться на весь дом, распевать песни, как распевал их отец.

Мы плохо платили за квартиру и потому не раз вынуждены были перебираться — с Нижней Массандры на Морскую, с Морской на Аутку, с Аутки в слободку Шеломэ в верхней части Ялты, близ Чайной Горки и имения графа Ностица. Но и из Шеломэ не раз выселяли нас домовладельцы за неплатежеспособность.

Туда, к нам, на Шеломэ, поднималась в марте 1905 года многолюдная толпа, направлявшаяся к тюрьме, что находилась неподалеку от нашего дома. Люди шли с факелами и красным флагом, с пением «Дубинушки». Наш старший брат Николай и сестра Варя выбежали на улицу и пошли вместе с демонстрантами, несмотря на мамины негодующие крики.

Народ поджег в этот вечер тюрьму.

На другой день утром я проснулась в пустом доме, все кудато ушли. Выбегаю на улицу. Пожара уже нет, а у тюремных решеток мелькают лица арестантов, там что-то кричат, а вокруг тюрьмы выстроились солдаты, нацелив ружья на тюремные окна...

Варя в то время училась в казенной гимназии. Еще в 1903 году она окончила начальное Кирилло-Мефодиевское городское училище и обратила на себя внимание попечителя «бойкими и разумными ответами на экзамене», за что и была принята по его ходатайству в гимназию. Попечитель-меценат из своих средств платил «за право обучения» Вари. Об этом редком случае писала газета «Крымский курьер». Через некоторое время Варю, как лучшую ученицу, перевели на казенный счет.

Принята сестра была сразу во второй класс, в 1905 году она училась в четвертом классе. По годам Варя была старше своих подруг — ей было уже 14 лет, она дружила с еще более взрослыми девочками и с юношами из мужской гимназии. В феврале пятого года Варя убедила свой класс принять участие в забастовке старших классов, организованной в знак протеста против избиения учащихся в Курске. Сначала выступила мужская гимназия, за ней — женская. Варя знала, что ей, учащейся «из милости», особенно опасно участвовать в «беспорядках», но иначе она не могла поступить. Спасла ее, наверно, только решительная поддержка народного возмущения против «башибузуков» и «сатрапов» самодержавия ялтинской интеллигенцией.

На Варю, как и на Колю, служившего «мальчиком» в частной библиотеке госпожи Волковой, оказало бо́льшое влияние знакомство, а потом и дружба с будущим крупным советским дипломатом Петей Войковым. До Ялты Петя жил и учился в Керчи. В 1903 году он вступил в партию, работал в подпольной типографии, но был замечен во время керченских волнений и исключен из гимназии. Родные добились смягчения его участи, и он перевелся в ялтинскую гимназию, где тотчас же возобновил революционную работу. От него Коля получал прокламации и распространял их. Варя помогала прятать листовки, передавала письма революционеров по назначению.

В декабре пятого года, когда в Москве шли бои на Пресне, Ялтинский комитет партии выпустил листовку, в которой призывал к оружию.

Юноша Войков принимал во всем этом самое активное участие, вовлекая в борьбу ялтинскую молодежь, а иногда и совсем юных мальчишек. В царский табельный день наш братишка Николай и двое его друзей — Сташа Марченко и Ваня Нагайцев по поручению Войкова рано утром пробежали по набережной, где вдоль парапета на всех металлических столбиках-копьях были вывешены небольшие царские флаги, и перочинными ножами срезали белые и синие полосы, оставив одни только красные. На этот раз все сошло благополучно. Но жили мы очень тревожно. Семья наша была на заметке у полиции.

Несмотря на поражение первой русской революции, борьба продолжалась.

В 1907 году террористы бросили бомбу в ялтинского градоначальника Думбадзе. Разъяренный градоначальник, раненный осколками бомбы, подверг преследованию всех мало-мальски «неблагонадежных».

Несколько раз происходили обыски и у нас. Однажды за Колей гнались жандармы через всю Ялту под проливным дождем. Коля опередил их, прибежал, быстро разделся и лег в постель. Мама и Варя спрятали его промокшую одежду и подтерли лужу на полу, на стул у кровати повесили все сухое, поставили рядом сухие башмаки. Ворвались жандармы. Никаких признаков того, что преследуемый только что прибежал, не оказалось.

На этот раз Коля спасся. Но вскоре его все-таки арестовали. Из тюрьмы он вернулся без зубов и с отбитыми легкими. Долго болел, был при смерти, а когда начал ходить, его выслали из Ялты. Затем опять посадили — в севастопольскую тюрьму, а после новой высылки — в ростовскую.

Варя была в курсе всех дел Коли, активно помогала ему. Окончив гимназию с золотой медалью, она уехала в Москву, но не надолго. Вернулась домой — уже в Ростов-на-Дону, куда перебралась вся наша семья; здесь приняли ее на работу в кинематографическую фирму. Затем переехала в Одессу и поступила там на Высшие женские курсы. Началась война. Варя в это время была замужем, ее муж окончил медицинский факультет и отправился на фронт. Сестра осталась одна с крошечным ребенком на руках, но это не помешало ей быть в гуще студенческой жизни, участвовать в политической борьбе. Крепко сдружилась она в те годы с работавшими в Одессе большевиками.

Я к этому времени тоже повзрослела, и Варя стала моим настоящим другом.

Часто, когда я приезжала к ней в Одессу, до поздней ночи говорили мы о страшных жертвах войны.

Много читали. Читали Чернышевского, Добролюбова, Писарева. Я пересказывала Варе «Речи бунтовщика» и обращение «К молодежи» Петра Кропоткина. Варя предостерегала меня от увлечения анархизмом, давала советы, что читать. Где-то у друзей-студентов или одесских подпольщиков, с которыми сестра была связана, она достала книжку «Что делать?» Ленина, и мы зачитывались ею поздними вечерами, когда крепко спал Варин сынишка.

Из Одессы я уезжала, обогащенная этими чтениями и беседами с сестрой. Под ее влиянием я по-новому стала оценивать события, страстно возненавидела войну, но мечтала о том, чтобы и мне, тогда еще подростку, скорее приобщиться к борьбе. Я многим обязана своей старшей сестре. Это была в полной мере гармоническая личность. Активность борца, яркий темперамент молодости, любовь к жизни, искренний и сочувственный интерес к людям — за это любили ее товарищи, доверяли ей, как себе.

Летом 1917 года Варя вступила в партию большевиков.

В Одессе она вела активную партийную работу, участвовала в борьбе за власть Советов. Ее избрали членом Румчерода — исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов Румыно-Черноморского флота и Одесской области. Варя стала комиссаром социального обеспечения. Она организовала целое движение по спасению женщин, детей, стариков, инвалидов. После временного отступления Красной Армии из Одессы Варвара Мойрова работала в Москве, в городском районном комитете партии, что находился на Сретенском бульваре, 21. Варя была секретарем комитета, на ней лежала вся организационная работа... В Москве я и встретилась с сестрой уже после революции, в восемнадцатом году. Стали жить мы вместе в «доме Нирнзее», в Большом Гнездниковском переулке. Я работала в то время в газете «Голос трудового крестьянства». Бодрость и жизнелюбие Вари, ее товарищеская отзывчивость и неутомимость создавали вокруг Мойровой особую атмосферу, рядом с ней всегда кипела жизнь, возле нее было много людей. Варю издалека узнавали по звучному грудному голосу, заразительному смеху.

В трудные дни именно эта духовная сила и мужество помогали ей.

Ночь на 30 августа 1918 года. Мы в редакции готовим очередной номер газеты. Открывается дверь, в ее рамке — высокая фигура нашего выпускающего, молодой человек смертельно

бледен. Он произносит какие-то слова и с размаху падает без чувств.

— Что он сказал? — Бросаемся к нему, поднимаем с пола. Оказывается, кто-то разобрал сказанные им слова:

— В Ленина стреляли!..

Бросаюсь к телефону, звоню Варе в городской комитет. Телефон занят, как и все другие номера, по которым мы пытаемся что-нибудь узнать. Звоню снова и снова, пока не раздается на другом конце провода голос Вари:

— Он жив. Жив! Да, ранили. В грудь, в плечо. Тяжело ранен, но врачи обещают, что будет жить. Хорошие, верные люди возле Ильича. Зинка, ты приходи в комитет. Я тут поздно буду. Все коммунисты нашего района идут сейчас сюда. Держись, держитесь крепко вы все там, товарищи!

...Поздней ночью со свежим оттиском газеты в руках я мчусь по улицам Москвы. Взбегая по ступенькам крыльца мимо равнодушных каменных львов, по привычке машинально взглядываю на доску с надписью «Всероссийская Коммунистическая партия (большевиков). Городской районный комитет».

Я не одна. Вместе со мной в комитет входят коммунисты, вставшие среди ночи или закончившие работу в вечерней смене. Все стремятся сюда.

...Вижу Варю в центре большой группы людей. Она дает поручения, посылает на заводы, направляет агитаторов к Хмельницкому, который в этой же комнате инструктирует пропагандистов. Мойрова бледна, глаза ее горят энергией, заражающей всех, кто находится тут. Увидев меня и кивнув мне головой, продолжает беседу. Через несколько минут подходит ко мне, берет за руку, тащит куда-то в угол. Смотрю на Варю и вся вздрагиваю — так она вдруг изменилась: углы губ опустились, глаза наполнены слезами, по лицу проходит судорога. В руке письмо, она сует его мне.

— От сестры Маруси. Из Ростова. Очень тяжело. Только не реви. Не реви здесь, понимаешь?

— Да что?.. что?.. Виктор?!.

— Да. Наш Витя. Погиб, убит зверски. Тяжело, Зиночка. Будь умницей, не плачь, ладно? Смотри, люди, товарищи смотрят на нас. Посиди вот тут, прочти письмо. Помни, мы всегда...

Она не договорила, но и так понятно. Не плакать.

Наш брат, двадцатитрехлетний командир красной казачьей сотни, был буквально растерзан бандой белогвардейцев, ворвавшихся в Батайск, где Виктор лежал в госпитале. Письмо Маруси долго кружило и попало к нам в день покушения на Ильича —

30 августа 1918 года. Слились в одно два горя — общее и наше частное, личное. И то, что мы так остро переживали тяжелые раны Ленина, как-то помогало нам выдержать и нашу семейную боль...

Держалась Варя всегда мужественно. И может быть, именно поэтому шло к ней много людей, разных, с разными вопросами, со своими горестями, порой отчаянием. Она умела внимательно, с искренней заинтересованностью вникнуть в дело каждого человека, помочь, ободрить, посоветовать, вселить в него веру в свои силы. Девушки и женщины охотно выполняли любые ее поручения, неустанно работали, помогали фронту. Мойрова рассылала докладчиков на предприятия, заботилась об инструктировании пропагандистов, организовывала сбор подарков для Красной Армии. Под ее руководством были созданы и успешно работали курсы красных сестер. Варя и сама черпала энергию в неустанной работе. Кипение политической жизни, борьба и преодоление трудностей — это и была ее родная стихия.

* * *

В обстановке суровой осени восемнадцатого года проводилась подготовка и созыв первого Всероссийского съезда работниц. При ЦК партии было создано Бюро по организации съезда во главе с А. М. Коллонтай.

Я рвалась на фронт, чтобы быть вместе с мужем.

Однажды меня вызвали в Бюро по организации женского съезда. Меня приняла А. М. Коллонтай. Рядом с ней я увидела свою сестру.

Александра Михайловна произвела на меня впечатление милой, простой, обаятельной женщины.

— Так это о вас мне говорила Мойрова? — весело спросила она.— Вы уже воевали, были настоящим бойцом. И сейчас хотите в Царицын. Это замечательно. Мы как раз думаем, кого послать туда. Это очень, очень важно — заполучить делегаток на наш съезд от работниц Царицына. Какие там женщины! Вместе с мужьями и сыновьями защищают город, отогнали Краснова. Чудесные пролетарки, настоящие героини. Большое скажем вам спасибо, когда вы привезете оттуда человек пять таких женщин, которым весь съезд будет аплодировать.

У меня вытянулось лицо. Я с укором посмотрела на Варю — понятно, это она устроила мне подвох: вместо отъезда на фронт, я должна «возиться» с делегатками, везти их в Москву!

Коллонтай и Мойрова переглянулись, звонко расхохотались.

Я опустила голову и упрямо проговорила:

— Мне нужно на фронт. Я подавала заявление на фронт, а не возить делегаток.

— Не возить делегаток, а провести выборы в Царицыне в условиях фронта — вот что вам поручают,— серьезно и даже строго ответила Коллонтай.— Местные товарищи заняты обороной Царицына, а женщинам нужно живое слово, чтобы объяснили им задачи съезда, задачи очень большие, милый товарищ. И вам ЦК партии доверяет сказать там это слово от имени партии.

Варино лицо тоже стало серьезным и решительным.

Я почувствовала свою неправоту.

— Хорошо, поеду, проведу выборы и вернусь сюда с делегатками. Но после этого...

— Стоит, стоит поехать,— перебила меня Александра Михайловна.— Не забудьте — эти простые, малограмотные женщины, наверное, ни разу не выезжали из Царицынского уезда. Они могут и растеряться по дороге. Вы поможете им добраться благополучно. Дадим вам для этого всяческие мандаты — на пароходы, на поезда.

Я отошла в сторону, ожидая, когда освободится сестра. И невольно залюбовалась ею. Какой она была неугомонной, оживленной. Мойрова как член бюро вела большую организационную работу по подготовке и созыву женского съезда. С Коллонтай они крепко подружились.

Сестра позвала меня в тот уголок большой комнаты, где собрались несколько женщин-организаторов. Мойрова провела с нами беседу по всем организационным вопросам: как и с какого вокзала ехать, каким поездом, что брать с собой, кроме питания,— какие газеты, брошюры и т. д. У каждой женщины она старалась узнать, какая у нее семья, есть ли дети, нужна ли помощь родным. Все были уверены, что Мойрова сделает, как обещает. Но многие отказывались от всякой помощи и стремились скорей и получше выполнить почетное партийное поручение.

Первый Всероссийский съезд работниц и крестьянок открылся 16 ноября 1918 года. На съезде выступил В. И. Ленин. Сначала его не ждали, так как знали, что он еще не совсем оправился после тяжелого ранения. Но 19 ноября Ленин все-таки пришел к нам. Он говорил с работницами и крестьянками просто и откровенно, как с государственными деятелями, не скрывал трудностей, подробно останавливался на очередных задачах, в решении которых женщины должны были принять участие.

Работницы запоминали каждое слово Владимира Ильича. Почти никто не записывал: хотелось смотреть и слушать, не

упустить ни одной нотки в голосе, ни одной его улыбки, взгляда, жеста, чтобы потом, воротившись в город или село, как можно подробнее рассказать о Ленине.

После окончания работы съезда Мойрова пришла в общежитие делегаток. Они окружили ее, делились своими нуждами, советовались об общественных, а иные и о семейных делах. Мойрова живо отвечала на все их сокровенные вопросы, как бы думала вслух вместе с ними.

На самом съезде выступила она с речью организационного характера, очень важной для делегаток: это ведь была прямая помощь им — что делать в Москве, как проводить работу по возвращении на места, на какие отделы Советов опираться в своей деятельности, как вовлекать в движение массы работниц и крестьянок, как поддерживать их в борьбе со старыми предрассудками, по которым женщина — не человек, «волос, мол, долог, а ум короток», как навеки покончить с бесправием женщины, про которую столько веков говорилось, что она «всем бита и обо все бита — и об стенку, и о стол, и о печку, только печкой не бита».

Выступила на съезде и царицынская делегатка А. Н. Савилова (Трубка).

Мойрова снабдила Савилову и других делегаток из отдаленных районов всем, что могла раздобыть: медикаментами, детскими игрушками, литературой и, главное, запасом мыла.

— Вот вам оружие против тифа и испанки,— говорила она.— Это будет вам охрана материнства и младенчества от вшей и прочих паразитов, переносчиков заразы. Спасайте своих ребят от гибели. Дети — это все, для них все, товарищи.

Трубка была несказанно рада этим подаркам и покрикивала в глубину вагона, где устроилась со своими землячками:

— Бабы! Глядите в оба, чтобы не сперли мыло-то! Уж мы этим мылом и деток вымоем, и мужиков. А кое-кому и без мыла вычистим рыло, какое рыло в пуху. Эх, делов-то, делов! Всю дорогу в поезде и на пароходе буду записывать тезисы,— закончила она новым словечком.

Я вспомнила, как на пароходе, по дороге от Царицына до Саратова, Савилова забрела в пустой салон, увидела пианино, подняла крышку и стала по слуху подбирать «Дубинушку», а потом «Интернационал». Поразительно верный слух этой огрубевшей женщины с ревматическими узлами на руках, ее тонкое чувство ритма и напряженное, вдохновенное выражение лица тогда растрогали меня.

Вместе с Варей встретили мы новый, 1919 год в помещении

городского комитета партии. Собрались все активисты — лекторы, пропагандисты, агитаторы, члены райкома, представители предприятий и газетчики, веселые и остроумные журналисты. И хотя не было ни капли вина, мы веселились от души и пьянели от радости.

Помню, в самом конце ночи, в предрассветный час, мы с Варей возвращались домой пешком — по бульварам. Москва была феерично прекрасна, здания утратили свою тяжеловесность и казались воздушно легкими, в синеющем небе ярко сияли последние звезды и бежали редкие предутренние облака. Было тихо и торжественно.

* * *

После Нового года Мойрова, Хмельницкий, Ширвинд и другие бывшие румчеродовцы уехали в Харьков, освобожденный от белых банд. Я отправилась в Астрахань и теперь уже только в апреле 1919 года встретилась с Варей. Несколько радостных дней общения с ней пробежали быстро.

Следующая наша встреча была летом 1919 года в Киеве. Вскоре я получила известие о том, что мой муж взят в плен махновцами. Предполагали, что он убит. Впоследствии это страшное предположение подтвердилось.

Мойрова была членом коллегии Наркомсобеса Украины. Чтобы заставить меня хоть немного отвлечься от горя, она завалила меня работой. Я должна была знакомиться с письмами населения и добиваться оказания необходимой помощи нуждающимся. Письма в те дни приходили страшные. Писали из мест, где банды Григорьева, Махно, Петлюры устраивали еврейские погромы и расправлялись с рабочими и крестьянами. Ужасы бесчеловечных зверств словно кровью окрашивали каждое письмо. Потрясенная муками народа и своим собственным горем, я горько плакала над этими письмами. Я кидалась в разные отделы Наркомсобеса, требуя принятия немедленных мер. И в тех тягчайших условиях кое-что удавалось сделать. Но Киев был снова под угрозой. Наступал Деникин, надвигались тучи скоропадщины и немецкого нашествия. Советский Киев начал эвакуацию. Варвара Мойрова должна была уехать в числе последних.

Она и Ширвинд эвакуировали государственные ценности. С последними ценными грузами они выехали из Киева чуть ли не в день захвата его белыми. Варя в это время была юной вдовой.

Муж ее погиб на фронте еще в первую мировую войну. В Москву после эвакуации из Киева она и Ширвинд приехали уже супругами. В Москве пробыли недолго, напряженно

работали каждый на том участке, куда их поставила партия, и готовились к возвращению на Украину. Я стала работать в орг-инструкторском отделе ЦК партии. Это была, пожалуй, самая тяжелая московская зима... Деникин подступил так близко, что мы готовились к баррикадным боям. На фронт отправлялись самые сознательные и преданные воинские части, состоявшие из московских и петроградских металлистов. Они внесли счастливый перелом в события: не взяв Тулы, враг споткнулся, опрокинулся и покатился назад. Наконец пришли радостные известия об освобождении Киева и Харькова.

Варя возвратилась на Украину. Она стала народным комиссаром социального обеспечения республики, заведовала отделом работниц ЦК КП(б)У, руководила подготовкой и проведением первого Всеукраинского съезда работниц и крестьянок. Развернулась широкая работа среди украинских тружениц. Нет на Украине ни одной бывшей женотделки, которая не вспоминала бы с любовью Мойрову. Помогала Варе в работе большая вера в людей, умение открыть у них такие способности, о которых они и не подозревали, вдохнуть уверенность в себе, смелость. И женщины, и девушки, работавшие под ее руководством, испытавшие ее влияние, горы сворачивали, активно осуществляя решения партии.

В последующие годы, уже в Москве, Варвара Мойрова была заместительницей А. М. Коллонтай в ЦК по женработе, заместительницей Клары Цеткин по Международному женскому секретариату. На VI конгрессе Коминтерна она становится кандидатом в члены Исполкома Коминтерна.

В 30-е годы Варя работала на руководящей работе в Обществе Красного Креста и Красного Полумесяца. Одно время исполняла обязанности председателя этого Общества, активно участвовала во всемирных конгрессах Красного Креста в Берлине и Токио. Немало сделано ею на этом благородном и гуманном поприще. Мойрова была одним из создателей детской здравницы «Артек», при ее помощи по всей стране выросла целая армия сестер и братьев Красного Креста.

Делегатка съездов Советов и член ВЦИКа многих созывов, неутомимая деятельница партии, жившая только одним — интересами партии и народа, с честью прошла она свой путь, который по праву можно назвать боевым путем.

В 1933 году Варвара Акимовна Мойрова была награждена орденом Ленина в числе первых восьми выдающихся деятельниц женского коммунистического движения.

Милена Лозовская

ТРИ СЕСТРЫ

(С. П., З. П. и А. П. Невзоровы)

Лучшее наслаждение, самая высокая радость жизни — чувствовать себя нужным и близким людям!

М. Горький

В Нижнем Новгороде в семье учителя Павла Ивановича Невзорова родилась в 1868 году старшая его дочь Софья, вслед за ней с промежутками в несколько лет две другие — Зинаида и Августа.

Я помню сестер уже пожилыми женщинами и пишу об их жизни главным образом по рассказам родных и документам.

В детстве и юности меня удивляло какое-то особенно уважительное отношение к моей матери — Августе Павловне Невзоровой и двум ее старшим сестрам со стороны старых членов партии, хотя Невзоровы никаких ответственных постов не занимали и никаких почетных званий не имели. С ласковой внимательностью относились к ним Надежда Константиновна Крупская, Анна Ильинична и Мария Ильинична Ульяновы. Странно мне, девчонке, было слышать, как седовласые женщины обращаются друг к другу по уменьшительным именам.

— Пожалуйста, Зиночка, прочти мои воспоминания не откладывая и дай просмотреть Соне,— говорила Надежда Константиновна, вручая Зинаиде Павловне объемистую рукопись.

Восторженно отзывался о сестрах Невзоровых Петр Заломов — прототип Павла Власова, героя романа Горького «Мать».

«Сестры Невзоровы произвели на меня ошеломляющее впечатление,— писал он в своих воспоминаниях.— Молодые, красивые, жизнерадостные, яркие, смелые, умные и образованные, они были совершенно не похожи на тех женщин, с которыми мне до сих пор приходилось сталкиваться».

Молодой рабочий Заломов, после того как студент Кузнецов выдал его на допросе, недоверчиво относился к революционерам — выходцам из других классов. Настороженно отнесся он поначалу и к сестрам Невзоровым.

«Но несколько встреч оказались достаточными, чтобы все мои подозрения рассеялись, как туман при лучах яркого солнца,— писал он впоследствии.— Все мое существо ликовало, смеялось, пело — настоящие! настоящие! — я восхищался, чувство враждебного недоверия сменилось восторженной благодарностью!

Я поверил этим необычным женщинам. И когда сестры Невзоровы предложили мне собрать уцелевших после провала, сделал это без всяких колебаний».

Три сестры. Несмотря на разницу во внешности и характерах, их жизненные пути оказались схожими. Вместе шли они по тернистой дороге борьбы.

СОФЬЯ

«Целых девять лет прошли у меня в мучительной борьбе с материальными недостатками и с родителями, чтобы отвоевать себе право на получение высшего образования»,— рассказывала впоследствии Софья Павловна. Она упорно копила деньги на поездку в Петербург, работала на телеграфе, давала частные уроки, в 1890 году получила место учительницы женской гимназии в городе Владимире.

С юных лет девушка искала ответы на вопросы: как помочь народным бедствиям? Что делать? Она возлагала большие надежды на благотворительность.

В 1891 году все Поволжье охватил страшный голод. Софья и ее сестра Зинаида поехали работать, как тогда говорили, «на голоде». Они попали в большую татарскую деревню. На всем лежала печать нищеты. Избы стояли раскрытые, без крыш. Солома пошла на корм скоту. Плетней и заборов не было — их сожгли зимой.

— То, что я увидела, поразило меня на всю жизнь,— много лет спустя говорила Софья Павловна.— Нищета ужасающая. Изможденные голодом люди едва передвигали ноги, новорожденные ребята умирали, как мухи, у исхудалых матерей не оставалось молока.

Здесь, в Поволжье, молодая учительница поняла, что путем благотворительности нельзя изменить положение народа, ликвидировать голод и нищету, как невозможно вычерпать море ложкой. Сама Софья в тот страшный год чуть не умерла, переболев холерой. За ней ходила мать — неизменный друг своих неугомонных дочерей.

Пережитое разочарование не остановило стремления Софьи стать полезной народу. В Нижнем Новгороде сестры познакомились с молодыми марксистами А. Ванеевым и М. Сильвиным, стали читать запрещенные книги.

Во Владимире Софья пыталась организовать кружок из гимназисток; стремилась ближе познакомиться с рабочими. Упорно и настойчиво она добивалась открытия во Владимире воскресной школы для рабочих, ужасную жизнь и труд которых она имела возможность наблюдать.

Осенью 1893 года Софья уехала в Петербург на Высшие женские курсы (Бестужевские), где уже училась сестра Зина. Девушка шла на курсы, «как в какое-то святилище». Но ответы на мучившие ее вопросы она получила не здесь.

Осенью 1893 года в Петербург из Самары приехал молодой Ульянов. По пути, в Нижнем Новгороде, он встречался с местными марксистами и у них взял адреса нижегородцев, живущих в Петербурге. Запомнил Владимир Ильич и адрес сестер Невзоровых: Васильевский остров, 7-я линия, дом 74, кв. 10. Здесь у хозяйки-финки они снимали комнату. В этой комнате, очень удобной для конспиративных собраний, произошла известная встреча Владимира Ильича Ульянова с петербургским марксистским кружком студентов Технологического института.

...Небольшая комната в одно окно, с двумя кроватями и зеленым диваном. На диване за столом сидит молодой Владимир Ульянов и по тетради читает ответ Герману Красину — реферат «По поводу так называемого вопроса о рынках».

...Приезжему 23 года. Его знают пока только как брата казненного Александра Ульянова. Все внимательно слушают. Свет лампы освещает худощавое лицо с небольшой бородкой и большим крутым лбом. Все остальные присутствующие хорошо знают друг друга. Самому старшему среди них не более тридцати лет. Напротив Ульянова на кровати сидит Глеб Кржижановский. На

другой кровати примостились сестры Невзоровы. Изящная, с классическим профилем Софья и полная, чуть курносая Зина (получившая потом кличку Булочка). На той же кровати уместилась и подруга Зины розовощекая хохотушка Апполинария Якубова (Куба). Стульев мало. Всего четыре. На них расположились внешне спокойный, но горячий в спорах Василий Старков (Базиль, как называют его), высокий, красивый П. Запорожец, коренастый белокурый Анатолий Ванеев, порывистый, подвижной Сильвин. У печки, заложив руки за спину, стоит высокий, большелобый Герман Красин. Реферат Ульянова опровергает взгляды Красина. Разгорается спор. Больше всех, как всегда, горячится Глеб Кржижановский, возражают Ульянову Старков и Ванеев. Владимир Ильич внимательно слушает. Проницательные глаза его то сверлят говорящего, то смеются. Потом он берет слово. Наступает тишина.

«Владимир Ильич опровергает Г. Красина и некоторых других, возражающих ему,— вспоминала С. П. Невзорова,— я не помню сейчас этих доводов, но осталось яркое впечатление неопровержимости их».

В этот вечер все молодые марксисты, собравшиеся в комнате сестер Невзоровых, безоговорочно признали Ленина своим руководителем.

Не раз еще в той же комнате возникали жаркие споры. Эти споры были прекрасной теоретической школой. Порой самые, казалось бы, непримиримые дебаты оканчивались шутками, смехом. Заразительнее всех смеялся молодой Ульянов.

...С приездом его в Петербург революционное подполье закипело. Петербургские марксисты стали прочно связывать марксистское учение с массовым рабочим движением. От пропаганды переходили к агитации.

На долю Софьи Павловны помимо связей с рабочими, которые она осуществляла через занятия в воскресной рабочей школе, выпало изыскание средств на революционные цели, организация книжных складов, комплектование и отправка литературы в разные города России.

Подобранную литературу для местных кружков, такую, как «Царь-голод», «Речь Петра Алексеева», Софья Павловна часто развозила сама. Дважды в году она доставляла книги в Иваново-Вознесенск, где была надежная явка в доме судьи Шестернина. Полиции и в голову не приходило, что царский судья может быть связан с такими крамольниками, как Ольга Варенцова и другие революционные деятели северных губерний.

В течение трех лет петербургской жизни Софья Невзорова

неоднократно виделась с Владимиром Ильичем. Об этих встречах она тепло рассказала в своих воспоминаниях.

Софья много занималась в публичной библиотеке... «Очень часто видела здесь Владимира Ильича, который, окружив себя целой горой книг, много и усердно читал и главным образом писал...— вспоминала она.— Иногда мы с ним вместе возвращались из библиотеки... Помню, раз мы бежим быстро по Невскому, мимо Аничкова дворца... он прищурил свои острые, блестящие глаза, посмотрел на дворец и, весело, шутливо смеясь, говорит: «Вот бы сюда хороший апельсинчик бросить!»».

Рассказывала Софья Павловна и о том, как однажды молодые петербургские марксисты выбрали время и поехали в пригород отдохнуть. «Едем в Лесной институт. Там были ледяные горы и маленький трактирчик, где можно было остановиться и поесть. Были предприняты всевозможные предосторожности, но тем не менее об этой поездке стало известно в жандармском управлении, и впоследствии многих из нас допрашивали о ней.

В большой отдельной комнате трактира веселой гурьбой пили чай, закусывали. До упоения накатавшись с высоких ледяных гор, опять вернулись в комнату, пели, плясали русскую и казачка. Владимир Ильич был очень весел, шутил, смеялся, принимал самое живое участие в хоровом пении и катании с гор».

С трогательной теплотой относился Владимир Ильич к своим товарищам. Перед поездкой в Нижний Новгород на зимние каникулы Софья Павловна простудилась.

«И вот на другой день после посещения врачей,— пишет она,— сижу я в своей маленькой комнате, завернувшись в теплый платок, сил совсем мало. Вдруг отворяется дверь и входит Владимир Ильич — я была прямо поражена. А он берет стул, садится рядом со мной и так хорошо и тепло расспрашивает меня о здоровье, о моем самочувствии, о моей поездке в Нижний... Глубоко тронуло меня его товарищеское внимание. Он тогда много работал и все-таки нашел минуту забежать к больному товарищу».

Обычно на летние и зимние каникулы сестры Невзоровы ездили в Нижний Новгород, но не только для того, чтобы отдыхать. И здесь не прекращалась их революционная работа.

Софья Павловна налаживала конспиративные связи между близлежащими городами.

В одном из писем сестре Зине она сообщает:

«Остановилась в Коврове на несколько часов. Была у И. П., поговорила — все идет хорошо. Здесь виделась еще кое с кем и

заручилась обещанием оказать полное содействие. Отсюда уеду в Муром к Ф., который обещал ввести меня в интересный круг знакомых. Результаты поездки сообщу лично. Возвращусь в Нижний через неделю...»

В Нижнем Новгороде сестры организовали печатание нелегальных прокламаций, листовок. Летом 1895 года в дачном поселке Черное, близ нынешнего города Дзержинска, поселилась девичья дачная коммуна. Здесь Софья, ее младшая сестра Августа вместе с их троюродными сестрами Руковишниковыми печатали прокламации, распространявшиеся затем в рабочей среде.

В конце 1895 года в Петербурге было арестовано центральное ядро «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». На плечи оставшихся легла большая работа. По поручению Владимира Ильича велась подготовка к изданию газеты «Рабочее дело». Летом 1896 года сестры Невзоровы впервые решили не ехать на каникулы домой. Много дел было в Петербурге. Но 1 июля Софья Невзорова была уже арестована и посажена в дом предварительного заключения. Этот ее арест продолжался около десяти месяцев. Затем последовала высылка под гласный надзор полиции на родину. В Нижнем Новгороде «государственная преступница» не прекращала революционной работы. В конце октября 1897 года она поплатилась за это вторым арестом. Ее выслали, на этот раз сначала в Ефремов Тульской губернии, а затем в город Бобров Воронежской губернии, по месту жительства ее мужа С. П. Шестернина.

В июне 1900 года Софья Павловна вновь встретилась с Владимиром Ильичем. По его просьбе она с мужем приехала в Подольск, где в это время Владимир Ильич после шушенской ссылки жил у матери. Двое суток приехавшие провели на квартире Ульяновых. Владимир Ильич обсуждал с ними планы издания общерусской газеты, которая должна была объединить социал-демократов России в революционную партию. По просьбе Владимира Ильича Шестернины отправились в Нижний Новгород подготовить встречу его с местными марксистами.

Софья Павловна присутствовала при рождении плана издания «Искры». Она стала деятельной помощницей партии и в распространении газеты. Все три сестры Невзоровы были убежденными искровками. О своей революционной деятельности Софья Павловна рассказывала скупо.

Известно, что в 1912—1913 годах она работала в Москве на легальных женских курсах. Легальной вывеской маскировалась нелегальная партийная работа. С. П. Невзорова учительствовала в воскресной рабочей школе, была пропагандисткой в Рогожско-

Симоновском и Замоскворецком районах Москвы. После революции Софья Невзорова-Шестернина работала в Наркомате просвещения. Вскоре по болезни ей пришлось оставить работу. Но и не работая (Софья Павловна умерла в 1943 году), она занималась различными делами. Была деятельным членом Общества старых большевиков, изучала историю рабочего движения, писала воспоминания, выступала на собраниях, за кого-то вечно хлопотала и бесконечно много помогала ребятам. Вся ее жизнь была отдана людям. Софья Павловна чувствовала себя нужной им. И это делало ее счастливой.

ЗИНАИДА

Волевая и настойчивая Зинаида Невзорова первой из трех сестер добилась письменного согласия родителей, обязательного тогда даже для совершеннолетней девушки, на продолжение образования.

В 1890 году она уехала из Нижнего Новгорода в Петербург и поступила на химическое отделение Высших женских курсов. На курсах она подружилась с маленькой, хрупкой девушкой в скромном темном платьице, с небрежно закрученным узлом черных, слегка вьющихся волос, с небольшими проницательными глазами.

— Оля Ульянова,— вспоминала позже Зинаида Павловна,— ничем не бросалась в глаза. Но после краткого разговора, реплики вы уже настораживались и прислушивались к этой молоденькой девушке, почти девочке. Умница она была первоклассная, и способности блестящие. И к этому еще исключительная работоспособность, упорство в занятиях.

— Мне думается,— говорила Зинаида Павловна,— что по своему внутреннему облику Оля Ульянова походила на Владимира Ильича, и хотя она была тиха и сдержанна, не очень разговорчива, но всегда при общении с ней чувствовалась сдержанная стройность в суждениях, глубокая сосредоточенность и убежденность.

Нелепая смерть вырвала из жизни юную Ольгу Ульянову. Зинаида Невзорова долго не могла забыть ее.

...Пылкая Зинаида не могла примириться с тем, что «в России царило спокойствие могилы. Было пусто, серо, тоскливо...»

Через курсистку Апполинарию Якубову она познакомилась с учительницами воскресной рабочей школы, которая была расположена за Невской заставой, на Шлиссельбургском тракте,

Н. К. Крупской и Л. М. Книпович, а вскоре и с группой молодых петербургских марксистов — студентов Технологического института.

Девушка начала изучать Маркса.

— Я до сих пор помню,— говорила Зинаида Павловна через несколько десятков лет,— потрясающее впечатление от «Коммунистического манифеста»! Точно кто-то мощный сдернул передо мной завесу, с беспощадной суровой правдивостью вскрыл сущность пестрого переплета общественных отношений и ярким лучом пронизал тьму будущего. Несколько дней ничего другого не могла читать, ничем заниматься. В эти дни определилась вся моя дальнейшая судьба, вся моя жизнь.

С радостью согласилась Зинаида Павловна стать учительницей в той же вечерней школе, в которой преподавали Н. К. Крупская и Л. М. Книпович.

Зина Невзорова и Надя Крупская очень сблизились, подружились.

— К этому периоду мы были уже ярыми марксистками,— рассказывала Зинаида Павловна.— Мы отдавали рабочим свои знания со всей пылкостью молодого энтузиазма.

По свидетельству Надежды Константиновны Крупской, З. П. Невзорова как учительница пользовалась большим доверием и любовью своих слушателей. Когда в школе задумали организовать для рабочих лекции по отдельным темам, к Зинаиде Павловне записалось народу больше, чем к другим преподавателям.

Учительницы-марксистки на уроках не только учили грамоте. Они использовали уроки и для пропагандистских целей. Разбирая басни Крылова, например, объясняли, почему «сытый голодного не разумеет», знакомили рабочих с произведениями Некрасова. Все это служило материалом, чтобы объяснить ученикам, как непримиримы противоречия между трудом и капиталом.

Рабочие всячески оберегали своих учительниц от провала. По вечерам обычно парадная дверь школы запиралась на ключ.

Через учительниц вечерней школы петербургские марксисты устанавливали связи с рабочими, организовывали в их среде нелегальные кружки. Рабочие Бабушкин, Грибакин, Бодров ходили заниматься в кружок Владимира Ильича.

Под руководством В. И. Ульянова в Петербурге развертывалась революционная работа по-новому. Члены марксистских кружков были распределены по районам. Зинаиду Павловну за-

крепили за Васильевским островом, Надежда Константиновна работала в Невском районе. Каждую неделю собирались для обмена опытом. Владимир Ильич советовал учиться конспирации у народовольцев, был недоволен бесцельным хождением друг к другу в гости. Как-то вечером Зинаида Павловна со своей подругой Якубовой зашли к Владимиру Ильичу, жившему недалеко от них, без всякого дела. Дома его не оказалось, и они отправились восвояси. В двенадцатом часу ночи кто-то к ним позвонил. Пришел Владимир Ильич, очень усталый, только вернулся из-за Невской заставы.

— Что случилось? Зачем приходили?

— Дела не было. Так просто зашли.

— Не особенно умно,— сказал он сердито и ушел.

Зинаида Павловна рассказывала, что она прямо опешила от реплики, а потом поняла, что Владимир Ильич был прав.

Петербургские марксисты переходили от пропаганды к агитации. По настоянию Владимира Ильича социал-демократы приняли участие в волнениях и стачках на Семянниковском заводе, где работал И. В. Бабушкин, в Новом порту, на фабрике Торнтона, Путиловском заводе. Стали распространять листовки, написанные от руки печатными буквами. Рабочие брали их и передавали друг другу.

В своих воспоминаниях Надежда Константиновна восхищается дерзкой смелостью, с которой Зинаида Невзорова распространяла прокламации. Быстрая и ловкая, она почти бегом устремлялась навстречу рабочим, выходящим после окончания смены из ворот фабрики, и молниеносно, незаметно совала им в руки небольшие листовки. Все это делалось на виду у городовых и сыщиков. Не раз отважной девушке приходилось прятаться в рабочей толпе.

Зинаида Павловна образно рассказывала о первых шагах «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», когда маленькая кучка интеллигентов и рабочих без средств, без оружия, без печатных газет и литературы вступила в борьбу с мощным государственным механизмом, полицией, явной и тайной, войском.

— Ваше дело безнадежно, вы безумцы, говорил нам,— вспоминает Зинаида Павловна,— знаменитый в те времена профессор истории на прощальном студенческом вечере, когда мы, группа курсисток Высших женских курсов, доказывали ему неизбежность и необходимость борьбы революционным путем для низвержения существующего строя.

В 1895 году З. П. Невзорова окончила курсы.

— Принять на работу женщину-химика? Простите, сударыня, это невозможно,— отвечали на прошение девушки петербургские заводчики.

Пришлось уехать в Нижний Новгород, но и здесь фабриканты не решались на такие новшества, как предоставление работы женщине-химику.

— Пришлось все свое невольно свободное время,— шутливо говорила Зинаида Павловна,— отдать революционной работе.

В Нижегородской воскресной школе для рабочих она взялась прочитать цикл лекций по естествознанию. Занятия велись так, что неизбежно вызывали у слушателей крамольные вопросы.

— Где же место бога во всем мироздании? — спрашивал рабочий.

— Наука не нуждается в боге,— смело отвечала учительница.

Про лекции Невзоровой донесли губернатору.

— Гоните прочь крамольную учительницу, или закрою школу в двадцать четыре часа! — объявил губернатор руководительнице школы.

Вместе с учительницей из школы ушло несколько учеников. Зинаида Павловна организовала нелегальный марксистский кружок.

Летом 1894 года в Нижний Новгород приехал Владимир Ильич. Он остановился в доме родственника Зинаиды Павловны, преподавателя кадетского корпуса. Хозяин с семьей в это время был на даче и даже не подозревал, что в его доме собрались революционеры-марксисты слушать приезжего из Петербурга, Ульянова.

В этом же благонадежном доме З. П. Невзорова организовала печатание на гектографе прокламаций для распространения среди рабочих.

«Завертев» партийную работу в Нижнем Новгороде, энергичная Булочка вернулась в Петербург.

В декабре 1895 года арестовали центральную группу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Среди арестованных были В. И. Ульянов, Г. М. Кржижановский, В. В. Старков, А. Ванеев.

На плечи оставшихся на свободе помимо продолжения подпольной революционной работы легли заботы об арестованных товарищах. Связи с заключенными поддерживали так называемые «невесты». Некоторые из привлеченных для этой цели курсисток знали своих «женихов» только по фотографиям. «Невесты» информировали арестованных о событиях в Петербурге, пе-

редавали книги, деньги, переправляли на волю написанные в тюрьме прокламации и брошюры.

Зинаида Павловна Невзорова ходила на свидания к Г. М. Кржижановскому. Молодые петербургские марксистки Н. К. Крупская, З. П. Невзорова и другие делали все, чтобы В. И. Ульянов из камеры дома предварительного заключения продолжал направлять работу «Союза борьбы».

Труды русских социал-демократов не пропадали втуне. Весной 1896 года бастовало свыше 30 тысяч рабочих Петербурга.

«Это были первые движения просыпающегося великана,— рассказывала о стачках девяносто шестого года Зинаида Павловна.— Впервые Питер переживал массовое рабочее движение. Все силы явной и тайной полиции поставлены на ноги. Мы работали, как в лихорадке. Листок выпускался за листком, и жадно, как никогда, они расхватывались рабочими».

Зинаида Невзорова была поглощена революционной борьбой. Но это не мешало ей трепетно ожидать свиданий с Глебом Кржижановским. И не только в качестве назначенной ему «невесты»...

За Зинаидой Невзоровой охранка следила еще с 1893 года. О ее поездках в столицу сообщалось, как о следовании высокопоставленных лиц. Сам нижегородский губернатор телеграфировал 1 февраля 1895 года: «Зинаида Невзорова выехала в Петербург. Генерал Баранов».

16 июня 1896 года на квартиру, где жила Зинаида Павловна, явились жандармы. При обыске они обнаружили, как записано в протоколе, «целый склад революционных изданий». Девушку арестовали.

В августе того же года забрали Надежду Константиновну. Судьбы двух подруг вновь переплелись.

«Вышло так,— писала З. П. Невзорова,— что вся моя жизнь, то в большей, то в меньшей степени, была связана с Надеждой Константиновной, и связь эта почти никогда не прерывалась. В дни молодости и зрелости нас связывала подпольная работа, тюрьма, ссылка...»

На четыре месяца заточили молодую Невзорову в каземат Петропавловской крепости. И выпустили до окончания следствия на поруки матери — Людмилы Феофилактовны.

Но и тюрьма не сломила Зинаиду Павловну. Свой «отпуск» в родном городе поднадзорные сестры Невзоровы использовали для помощи нижегородским марксистам М. Ф. Владимирскому, П. А. Заломову и другим в восстановлении разгромленных кружков.

Зинаида Павловна обучала подпольщиков шифровальному делу, показывала, как надо сбивать со следа шпиков.

Между тем следствие по делу второй группы членов «Союза борьбы» продолжалось. Владимир Ильич в ссылке тревожился за его исход.

В конце письма к родным из Красноярска в апреле 1897 года он писал:

«...Большой поклон от меня Булочкиным. Что же это ничего не пишешь о них поподробнее? Какой же у них финал-то? Неужели никакого? Это было бы отлично».

«Финал», т. е. приговор для З. П. Невзоровой, был 3 года ссылки в Архангельскую губернию. Тут же девушка решительно «перепросилась» назначить ей местом ссылки село Тесинское, в Минусинском округе Восточной Сибири, где отбывал срок Г. М. Кржижановский. Надежда Константиновна вместо Уфы «перепросилась» в село Шушенское, к Владимиру Ильичу. Между селами Шушенским и Тесинским немногим больше пятидесяти верст. Ульяновы и Кржижановские оказались, по сибирским расстояниям, почти рядом.

— Не раз приезжали они к нам, и не раз мы ездили в Шушу,— рассказывала Зинаида Павловна.

В письмах к матери и сестрам из ссылки Владимир Ильич и Надежда Константиновна постоянно сообщают о встречах с Кржижановскими.

Вскоре после своего приезда в Сибирь, 14 июня 1898 года, Н. К. Крупская написала матери Ленина о том, как поздоровел Владимир Ильич в Шушенском, и в качестве доказательства сослалась на впечатление З. П. Невзоровой: «...Зиночка даже ахнула, увидав его в Минусе».

Как и все ссыльные члены «Союза борьбы», Зинаида Павловна в Сибири не отрывалась от партийных дел. Под известным в истории партии «Протестом российских социал-демократов против «Кредо» экономистов», написанным Лениным, в числе семнадцати стоит подпись З. Кржижановской-Невзоровой.

Окончив в 1900 году трехлетний срок ссылки, Владимир Ильич полгода провел в неутомимых разъездах по России: укреплял связи между социал-демократами разных городов, готовил почву для распространения будущей газеты, объединял вокруг нее партийные организации. В 1900 году он выехал в Мюнхен. Кржижановские в это время находились на станции Тайга, где Глеб Максимилианович работал инженером на железной дороге и ожидал окончания срока ссылки жены. Владимиру Ильичу там, за границей, нетерпелось: когда же его друзья смо-

гут включиться в активную партийную деятельность. Надежда Константиновна писала Ульяновым:

«...От Зины... ни слуху, ни духу... Так и не знаем, бросил ли Глеб наконец свою Тайгу».

Вот и окончен срок ссылки Зинаиды Павловны. В начале 1902 года Кржижановские поехали на свидание с Владимиром Ильичем в Мюнхен. «Жили они,— вспоминает Зинаида Павловна,— в рабочем районе. Понятно, в высшей степени скромно, в маленькой квартире вместе с матерью Надежды Константиновны Елизаветой Васильевной».

Получив от Ленина нужные напутствия, Г. М. и З. П. Кржижановские, как агенты «Искры», возвратились в Россию и обосновались с 1902 года в Самаре.

В то время в Самаре жили Мария Александровна Ульянова и ее дочери Анна и Мария Ильиничны, временами приезжал сюда и Дмитрий Ильич. Кржижановские еще ближе сошлись теперь уже со всей семьей Ульяновых.

«Это была на редкость дружная и как-то по особому спаянная семья»,— не раз повторяла, вспоминая далекие годы подполья, Зинаида Павловна.

В Самаре создалась группа по распространению «Искры». В нее вошли видные агенты «Искры»: Г. Кржижановский, Ф. Ленгник, С. Радченко, М. Сильвин и другие товарищи.

Секретарем избрали З. П. Невзорову-Кржижановскую, ее заместителем — М. И. Ульянову.

В работе Самарского бюро «Искры» (так оно именуется в истории партии) принимали активное участие все члены семьи Ульяновых.

Зинаида Павловна в Самаре вела огромную работу. Массу времени отнимала у нее обширная переписка. А кроме того, она встречала возвращавшихся из ссылки товарищей, давала им явочные адреса, снабжала паспортами, деньгами.

После II съезда РСДРП, на котором Кржижановский был избран членом ЦК, Зинаида Павловна перебралась вместе с мужем в Киев, куда переместился организационный центр партии. И здесь на партийной работе вновь встретились Кржижановские и члены семьи Ульяновых.

1 января 1904 года вместе с Марией Ильиничной и Дмитрием Ильичем была арестована и Зинаида Павловна. Их посадили в Лукьяновскую тюрьму. Накануне первой русской революции, в августе 1904 года, царь Николай II объявил амнистию. Попала под амнистию и Булочка.

В годы реакции Кржижановские жили в Москве. Зинаида Павловна, по паспорту и официально жена видного инженера-технолога, занималась общественной деятельностью во вполне легальном женском клубе, а нелегально вела работу партийного пропагандиста.

В 1910 году З. П. Кржижановская-Невзорова принимала участие в работе Международного женского конгресса. По дороге туда Булочка завернула в Париж. Здесь она встретилась с Лениным и Крупской. Здесь рассказывала им о том, как свирепствует в России реакция.

— Но у Ленина,— вспоминала об этой встрече Зинаида Павловна,— не чувствовалось уныния, унылого настроения. Как всегда, дни его предельно заполняли работа, революция.

Зинаида Павловна вспоминала об интересном разговоре с Владимиром Ильичем.

— Как вы устроились тут? Каково ваше материальное положение? — поинтересовалась Зинаида Павловна.

— Замечательно! — воскликнул Владимир Ильич.— Мы имеем прожиточный минимум квалифицированного парижского рабочего. Больше не надо.

В следующий раз с Лениным и Крупской Зинаида Павловна встретилась уже после революции в Москве. Вместе с Надеждой Константиновной она работала в Наркомпросе...

Рассказывая о своей жизни нам, молодежи, Зинаида Павловна любила вспоминать об одном эпизоде, показывающем удивительную чуткость и внимательность Владимира Ильича Ленина. Осенью 1920 года, еще до окончания гражданской войны, врачи категорически предписали Зинаиде Павловне ехать лечиться на кавказские минеральные воды. Добраться туда было почти невозможно. Владимир Ильич, узнав о том, что она заболела, без каких бы то ни было просьб за своей подписью прислал ей специальный мандат, в котором, как Председатель Совета Народных Комиссаров предписывал всем органам Советской власти оказывать З. П. Кржижановской-Невзоровой всяческое содействие.

— Расписал он меня в этом мандате невероятно! — говорила Зинаида Павловна.

Тяжелая болезнь долгие годы мучила ее. Пользуясь каждой «передышкой», она рвалась к живому делу.

Работала в Наркомпросе, писала странички воспоминаний, рассказывала рабочим о Ленине. Достойную, кристально чистую жизнь прожила Зинаида Павловна Невзорова.

АВГУСТА

Героической женщиной-борцом, бесстрашным защитником пролетарских баррикад называли товарищи по партии младшую из трех сестер Невзоровых — Августу Павловну.

Они отмечали ее удивительный такт, умение держать себя в руках при любых обстоятельствах, самоотверженность в выполнении революционных заданий. Интересные материалы о революционной деятельности Августы Павловны разыскал горьковский историк Н. В. Трущенко.

Еще в 1892 году Софья и Зинаида привлекли Августу к подпольной революционной работе. Она познакомилась с нижегородскими марксистами, начала читать нелегальную литературу, участвовала в тайном печатании и распространении прокламаций и брошюр среди рабочих.

Августа, как и ее сестры, мечтала после окончания Института благородных девиц учиться дальше. Ей хотелось стать врачом.

Но пока, в 1893 году, она поступила преподавательницей приготовительного класса во Владимирскую женскую гимназию. Малыши горячо полюбили новую учительницу, отвечая взаимностью на ее нежную любовь к детям. Августа Павловна обладала недюжинным педагогическим талантом и смело нарушала косные казенные программы царской гимназии.

— Ее класс был как бы прообразом будущей трудовой школы,— вспоминая уже в советские годы о методах преподавания младшей сестры, говорила С. П. Невзорова.

Вместо механического послушания Августа Павловна развивала в своих учениках самостоятельность и сознательное понимание обязанностей. Нередко у молодого педагога происходили стычки с директором. Особенно трудным положение в гимназии Августы Невзоровой стало после ареста в 1896 году в Петербурге ее старших сестер. Да и сама она в это время была уже на примете у царских жандармов. Они знали о ее связях с нижегородскими социал-демократами А. Ванеевым, М. Сильвиным, П. Скворцовым и другими. Совсем неожиданно выручил хороший отзыв о молодой учительнице жандармского полковника Воронова. Получив запрос Петербургского департамента полиции, полковник воскликнул:

— Такая очаровательная девушка причастна к каким-то крамольным людям и идеям? Не может быть!

Из Владимира А. П. Невзорова также, как сестры, рвалась в Петербург. Она считала своим призванием медицину.

В 1900 году Августа Павловна переехала в столицу и там, поступив на зубоврачебные курсы, жила частными уроками. По велению сердца вступила в ряды социал-демократов и включилась в подпольную работу. Как убежденная искровка, она организовала транспортировку и распространение созданной Лениным за границей газеты. К этой опасной работе Августа привлекла своего младшего брата Павла. Два года она ускользала от шпиков. Но наступил и ее черед. В марте 1902 года она была арестована в связи с провалом киевской партийной организации. Ее отправили по месту следствия, в известную киевскую тюрьму Лукьяновку. Эту тюрьму охранка считала одним из самых надежных мест заключения. Здесь сидело много искровцев. Тактичная, всегда спокойная на вид, девушка быстро завоевала общее доверие и симпатии политических заключенных.

В тюрьме под руководством Н. Э. Баумана готовился большой побег. Августу Невзорову товарищи привлекли к разработке дерзкого плана побега и к активному участию в его осуществлении.

Позже бежавшие из Лукьяновки отмечали, что успеху побега немало способствовала выдержка, сообразительность и быстрота действий Августы Павловны. При ее участии был добыт хлоралгидрат — снотворное для усыпления тюремщиков.

Дерзкий побег из Лукьяновской тюрьмы, осуществленный 18 августа 1902 года, стал большим событием в революционном движении России. Официальные власти ничего не сообщали о нем — не хотели признать ненадежность тюремных замков. Зато ленинская «Искра» подробно рассказала о побеге «одиннадцати» и призвала профессиональных революционеров организовывать побеги из царских тюрем и ссылок. Многие социал-демократические организации России посвятили побегу из Лукьяновской тюрьмы специальные листовки.

Жандармам не удалось установить причастность Августы Павловны к организации побега. А по делу «Искры» улик против нее было мало. После восьмимесячного заключения она была выслана на три года под гласный надзор полиции.

Августе Павловне удалось закончить в Казани курсы и получить диплом зубного врача. В связи с амнистией срок гласного надзора над ней был сокращен. В конце 1904 года молодая девушка вернулась в Нижний Новгород и сразу включилась в революционную работу как твердая большевичка.

В городе она открыла зубоврачебный кабинет. Квартира зубного врача Невзоровой играла немалую роль в развернувшихся накануне 1905 года активных действиях нижегородских больше-

виков. Эта квартира служила местом постоянных явок, встреч и конспиративных свиданий, а впоследствии и складом оружия для боевых рабочих дружин.

Н. А. Семашко и другие старые большевики вспоминали, что Августа Павловна, как настоящий мастер конспирации, вела нелегальные дела. Ее зубоврачебный кабинет, по существу центр подпольной работы большевиков, долгое время оставался вне подозрений полиции. Шпикам, шнырявшим по Нижнему Новгороду, и в голову не приходило, что к молодой дантистке люди приходили не только лечить зубы.

Вскоре после возвращения в родной город А. П. Невзорова стала членом Нижегородского комитета РСДРП. Она работала пропагандистом среди сормовских рабочих, а в период революции 1905 года целиком переключилась на подготовку вооруженного восстания. Целые дни проводила Августа Павловна на ногах, неутомимо собирая средства для приобретения оружия, вела все расчеты, хранила деньги и документы, держала связь с боевыми дружинами. За ней следили сыщики, но каждый раз ей удавалось «отрываться от хвоста» и выполнять намеченные дела, сохраняя революционную тайну.

На окнах ее врачебного кабинета стояли горшки с редкими цветами.

— Какие у вас прекрасные цветы, доктор,— говорили пациенты, усаживаясь в зубоврачебное кресло.— Вы сами выращиваете их?

— Только сама. Прошу вас, откройте рот,— спокойно отвечала Августа Павловна, включая бормашину.

В какой бы ужас пришли ее пациенты, если бы узнали, что на дне цветочных горшков, под землей, хранились заряженные бомбы.

— Несколько готовых к действию бомб,— вспоминал впоследствии начальник Нижегородской боевой дружины М. Парфильев,— лежали сложенные аккуратной пирамидкой на одном из подоконников квартиры Августы Павловны Невзоровой, прикрытые изящной накрахмаленной салфеточкой.

Но как ни конспирировала свои революционные связи Августа Павловна, к ее квартире, точно надоедливые осенние мухи, собирались шпики. Вместе с дружинниками М. Парфильевым и И. Соколовым под носом у шпиков Августа Павловна переправила оружие в дорожных чемоданах в более надежное место...

В Москве — вооруженное восстание. Нижегородский комитет РСДРП по настоянию большевиков Н. А. Семашко,

П. А. Лебедева-Керженцева, А. П. Невзоровой и других принял решение также начать восстание.

В ночь на 13 декабря выступили боевые рабочие дружины Сормова, быстро соорудили баррикады. Против рабочих бросили войска и отряды полиции. По баррикадам открыли артиллерийский огонь. Два дня стойко сражались сормовские рабочие и только по приказу штаба дружины оставили баррикады. Вслед за сормовичами вступили в бой рабочие дружины города и его пригорода Канавина. Войскам царского правительства и полицейским отрядам удалось сломить сопротивление боевых рабочих дружин. В ночь на 15 декабря 1905 года начались массовые обыски и аресты. Во время обыска на квартире Августы Павловны полиция захватила вещественные доказательства ее революционной деятельности: пачки прокламаций, документы комитета партии, отчеты о расходовании средств на оружие. Младшую Невзорову арестовали.

Снова Августа Павловна восемь месяцев провела в заключении. На этот раз в нижегородской тюрьме. После настоятельных хлопот родных ее выпустили до конца следствия под крупный денежный залог.

Августа не стала ждать суда. Она перешла на нелегальное положение, уехала в Финляндию, а затем перебралась в Петербург, где включилась в работу революционного подполья. Из Новгорода товарищи сообщали, что следствие по делу заканчивается и ее ожидает суровый приговор — долголетняя каторга. Все труднее стало скрываться от полиции. Сыщики явно напали на ее след.

В 1907 году Августа Павловна эмигрировала в Париж. Тут она стала одним из активных членов «парижской группы содействия партии». В эмиграции она познакомилась с профессиональным революционером С. А. Лозовским и стала его женой.

В августе 1917 года Августа Павловна вернулась в Россию и поселилась в Москве. Она всегда любила детей. Умела подойти к ним. Мечтала о том, чтобы наладить образцовое медицинское обслуживание ребят. После Октябрьской революции, в годы гражданской войны, с невероятным трудом она создала в Москве первую детскую зубоврачебную амбулаторию.

Недолго прожила Августа Павловна. Ее унесла неизлечимая болезнь. В память о враче-большевичке одна из зубоврачебных поликлиник в Москве, на Полянке, и сейчас носит имя А. П. Невзоровой. Образ ее сохранили в своей памяти друзья и соратники по многолетней борьбе.

«Сколько товарищей обязаны в прошлом ее горячей беззаветной поддержке, как не щадила она своих сил в этом горении для близких. Казалось, что природа наградила ее не только прекрасным обликом, но и каким-то неиссякаемым источником любовного служения угнетенным и страдающим».

Так писал об Августе Павловне Невзоровой один из старейших коммунистов — Г. М. Кржижановский.

Мне кажется, что его слова можно отнести ко всем сестрам Невзоровым, с юности беззаветно служившим делу революции.

Григорий Григорьев

СКВОЗЬ ГОДЫ...

(К. И. Николаева)

Есть дни и годы, к которым память возвращается снова и снова — всю жизнь.

А. В. Луначарский

...Клавдии Ивановне не спалось. В купе было тепло и уютно, мягкий синий свет ночника, мерный, убаюкивающий перестук колес — все, казалось, располагало к спокойному сну. Из-за крайней занятости дома она часто недосыпала и всегда хорошо отдыхала в поездах. А тут встала затемно, умылась, расчесала на прямой пробор свои темные, еще густые волосы, пришила к черному платью свежий белый воротничок. Внимательно оглядела себя в большом дверном зеркале — гладкая прическа, выпуклый лоб, небольшие, но пронзительные черные глаза, полнеющая фигура.

Клавдия Ивановна достала из старенького, порыжевшего портфеля документы и стала их перелистывать. Но не работалось, так же как и не спалось. Сердце билось почему-то учащенно. В чем дело, почему такое волнение?

За окном вагона светлело. Она прильнула к стеклу, стараясь прочесть название платформы, мимо которой, не замедляя хода, промчался курьерский — Мга. Значит, скоро будет Невская Поповка, затем Колпино, Славянка, Обухово. Уже замелькали домишки пригорода. Поезд подходил к Ленинграду.

Вот почему она так взбудоражена — Ленинград! Памятью сердца отмечены в нем множество площадей, улиц, домов. В Ленинграде и сейчас живут ее близкие, давненько она их не видела.

Клавдия Ивановна с досадой вспомнила, что в текучке больших и малых дел не удосужилась запастись подарками сестре и племяннице. Необходимо выкроить время для покупок. И еще хорошо бы походить или поездить по городу, просто так, никуда не спеша, вспомнить прошлое. Было бы несколько свободных часов, и она бы «перелистала страницы книги жизни». Николаева при этой мысли улыбнулась, как это высокопарно звучит: «книга жизни!» — ей совсем несвойственно так витиевато выражаться, она всегда ратует за простоту и понятность языка, а тут... уж не впадает ли она в сентиментальность на старости лет. Хотя, впрочем, до старости еще далеко. Ей только сорок пять... Она, как никогда, бодра и деятельна.

...Секретаря ВЦСПС Клавдию Николаеву на Московском вокзале встретили руководители ленинградских профсоюзов.

— Сколько у меня свободного времени? — спросила она, взглянув на циферблат огромных часов на перроне.

— Часа два, отвезем вас сейчас в гостиницу, сможете немного отдохнуть.

— Воспользуюсь вашей машиной для одной поездки. Нет, нет, провожать меня не надо...

Настроившись на «исторический лад», Николаева села в черную «эмку» и, прищурив глаза, почти явственно увидела памятник Александру III, стоявший до революции на площади перед вокзалом — многопудовый, неуклюжий, безобразный.

Колеса автомобиля мягко шуршали по асфальту Невского проспекта, а Клавдия Ивановна вспоминала, что главная улица Российской империи была некогда замощена деревянными шестигранными шашками. Навстречу двигались голубые троллейбусы, мимо проносились разноцветные автобусы, а ей чудилось, что серые в яблоках красавцы рысаки мчат господские коляски на дутых шинах и на облучках торжественно восседают толстозадые бородатые кучера.

Память Клавдии Ивановны легко воскрешала одну за другой детали, давностью в три с лишним десятилетия. Вот за витриной засверкали хрустальные подвески огромных люстр, похожих на светящуюся кисть винограда. Это Гастроном — бывший магазин Елисеева. В детстве он казался ей самым сказочным местом на земле. За толстыми стеклами витрин здесь были выставлены заморские чудеса — связки желтых бананов, дико-

винные шишки с зелеными хвостиками, которые зовут ананасами, груды золотистых мячиков — апельсинов, каждый из них наполовину завернут в тончайшую папиросную бумажку, финики в деревянных коробках, пирамиды, сложенные из плиток шоколада в ярких, блестящих обертках...

Когда машина свернула с Невского на Фонтанку, по просьбе Клавдии Ивановны заехали в Лештуков переулок. Около дома № 10 остановились. Это был обычный пятиэтажный так называемый доходный дом. Клавдия сквозь арку ворот медленно, словно совершая путешествие в страну детства, вошла в глухой и темный, как колодец, типично петербургский двор. Вот здесь, в подвале, где теперь помещается котельная, она родилась. Квартира прачки Февроньи Петровны Николаевой состояла из одной не очень просторной комнаты, в которой всегда был сырой, насыщенный паром воздух, едко пахло дешевым мылом, щелоком. Мать с раннего утра до ночи склонялась над большой лоханью или водила по выстиранному белью тяжелым утюгом, от которого исходил сладковатый угарный запах тлеющих углей.

За вылинявшей ситцевой занавеской в цветочках невысоко над каменным полом на дощатых нарах лежали набитые соломой матрасы. Это была «спальня» прачки, трех ее дочерей и сына. Отец не жил с семьей. Февронье Петровне, зарабатывавшей не более сорока копеек в день, надо было всех прокормить, одеть и обуть. Особенно тяжело было с обувью. На новые ботинки не хватало денег. На «барахолке» Александровского рынка покупались за двугривенный старые, кое-как залатанные. Заплатки держались недолго и отрывались в самое неподходящее время. В первый школьный день Клавы они, как нарочно, отлетели по дороге в четырехклассное городское училище, на углу Фонтанки. У девочки торчал наружу большой палец правой ноги. К счастью, в школе для детей городской бедноты не очень-то обратили внимание на этот недочет в туалете первоклассницы.

Клавдия четыре зимы ходила в школу, а после занятий нянчила ребятишек соседа-бакалейщика. Жалованье маленькой няньки было 50 копеек в месяц.

Жена лавочника требовала, чтобы она по три часа в день гуляла с малышами. Навсегда запомнила Клава Лештуков переулок. Сколько слез было в нем выплакано. У Клавы не было ни галош, ни теплого пальто, но она, подпрыгивая от холода, взад и вперед бродила с ребятишками по недлинному Лештукову переулку!

Совсем рядом, на Жуковской улице, помещалась переплетно-брошюровочная мастерская Фарфа, куда она подростком поступила ученицей. У старого немца было крохотное «промышленное заведение», с десятком работающих в нем. Сюда привозили из типографии пахнущие свежей краской отпечатанные книжные листы, и девушки фальцевали их. Наловчившись, Клавдия фальцевала до 5 тысяч листов за рабочий день, тянувшийся до позднего вечера. Ужасно болели руки. Краска въедалась в пальцы. В мастерской было тесно, легкие забивала бумажная пыль.

Сестры и брат тоже начали работать в переплетных мастерских и типографиях. Вся семья Николаевых стала полиграфистами. Клавдия Ивановна всю жизнь в анкетах на вопрос о профессии писала — «переплетчица».

Однажды ей попалась в руки знаменитая брошюра Вильгельма Либкнехта «Пауки и мухи». Кажется, и сейчас она помнит начало. Да, да! «Всякий знает паука, это мохнатое существо. По темным углам, в стороне от солнечного света, строит он свое разбойничье гнездо. Попадется бедная неосторожная муха и гибнет...» Помнит, оказывается. Помнит потому, что Либкнехт был великолепным пропагандистом, писал на редкость красочно, доходчиво. Как это у него было в конце... «Если бы только захотели соединиться, вы бы одним взмахом крыльев разорвали все нити, уничтожили бы все сети, опутывающие вас, в которых вы мечетесь и гибнете, подавленные нуждой и голодом! Вы бы положили конец своим несчастьям и рабству! Если бы вы этого захотели!»

Увлекшись, Клавдия Ивановна стала шептать. Пожилой шофер с удивлением посмотрел на свою пассажирку.

...Все дни, что К. И. Николаева была в Ленинграде, она находилась во власти воспоминаний. Они будоражили и днем и ночью, где бы она ни появлялась в городе своего детства и юности, прошлое зримо вставало перед ней. Так было и в тот день, когда в перерыве между заседаниями секретарь ВЦСПС вместе с иностранной профсоюзной делегацией отправилась в «Эрмитаж».

Машины пересекали просторную площадь перед Зимним дворцом. Она была почти безлюдна, а тогда, как ее запомнила на всю жизнь Клавдия Ивановна, кишела народом. Сотни тысяч пришли на ожидаемую встречу с царем. И она, девчонка, прибежала сюда со старшими товарками из переплетной. Конечно, она тогда мало понимала, зачем шел народ к царю, но то, что случилось, на многое ей открыло глаза. Разве

можно забыть 9 января девятьсот пятого года, ровную шеренгу солдат, застывшую с винтовками наготове, минуты тревожно-напряженного ожидания. Сухой и резкий, как удар бича, ружейный залп, второй — более громкий, третий. Отчаянные крики: «Братоубийцы! Палачи! В своих стреляете!», стоны раненых, кровь на снегу, и трупы, трупы... Ей стало тогда нечем дышать, и она побежала со всеми, срывая с головы шерстяной платок. Их преследовали казаки. Кони напирали на людей, а люди, тысячи мужчин и женщин, стоя на коленях перед уложенными в ряд на мостовую и страшными в своей неподвижности убитыми товарищами пели «Вечную память». Их разгоняли кавалеристы, и тогда им на смену новые сотни рабочих падали на колени и «Вечная память», не переставая, печально и торжественно звучала над Дворцовой площадью...

На следующий день Клаша Николаева, спрятав на груди пачку воззваний, разносила их по данным ей адресам на рабочих окраинах столицы. Как первую прочитанную нелегальную брошюру, так и первую революционную листовку, которую ей довелось распространять, она запомнила навсегда:

«...Кровь и мозги рабочих забрызгали мостовую, мощенную их же руками. Кто же направил войско, ружья и пули в рабочую грудь? Царь, великие князья, министры, генералы и придворная сволочь. Они — убийцы! Смерть им! К оружию, товарищи!..»

Муж старшей сестры Марии — Алексей Ермолаев, молодой переплетчик, но уже бывалый подпольщик, все чаще и чаще давал рискованные поручения совсем юной, но сметливой и не по годам серьезной Клаше.

Клавдия Николаева знала, на что идет, знала, что ждет ее тюрьма, ссылка, может быть, каторга. Она была готова ко всему и все-таки очень испугалась, когда в теплую весеннюю ночь за ней пришли. В подвальном помещении дома № 10 по Лештукову переулку сразу стало тесно. Околоточный надзиратель, городовые, какая-то невзрачная женщина из полицейского участка, прихваченная для «производства личного обыска», дворник, понятые — разбуженные в полночь соседи — все они с любопытством и неприязнью глядели на худенькую девчонку-подростка, дрожавшую от страха. Она боялась, что найдут принесенные ею накануне вечером первомайские прокламации. Дочку выручила мать. Неграмотная прачка догадалась вовремя засунуть тоненькую пачку бумажек в еле заметную расщелину между стеной и печкой. Обыск не дал никаких результатов. И все же под утро Клавдию увезли в закрытой черной карете.

Она не сохранилась, ее первая в жизни тюрьма — Литовский замок на углу Мойки и Никольского канала. «Замок» разрушил народ сразу же после Февральской революции. А тогда, в 1908 году, построенное еще при Екатерине II толстостенное кирпичное здание казармы Литовского мушкетерского полка было страшным местом заключения участников революционного движения.

Вначале Клавдию Николаеву, как видно для острастки, поместили в одиночную камеру — стены с облупившейся штукатуркой и сырыми подтеками, грязный каменный пол, железная койка и цинковая параша в углу.

Потом ее перевели в общую камеру. Стало легче. Бывалые революционеры уверяли, что день в тюрьме равен месяцу учебы, месяц — году. Таким образом, Клавдия получила «трехгодичное» революционное образование к тому времени, когда ее выпустили «за недостаточностью улик».

Она вышла на волю и первым делом вступила в «Общество взаимопомощи работницам», созданное замечательной революционеркой Александрой Михайловной Коллонтай. При обществе была организована вечерняя школа, устраивались концерты, любительские спектакли и другие легальные культурные развлечения, не вызывавшие у полиции возражений, а нелегальной политической работой руководил Петербургский комитет РСДРП...

...В который раз проезжала Клавдия Николаева мимо здания с часами на башенке в самом людном месте Невского проспекта! Здесь сейчас помещается городская железнодорожная касса, а была раньше Петербургская городская дума. Когда-то она здесь бывала.

10 декабря 1908 года тут открылся первый Всероссийский женский съезд. Огромный, залитый огнем хрустальных люстр Александровский зал городской думы заполнили жены министров, сановников, банкиров, купцов первой гильдии, помещиков, либеральных профессоров, модных присяжных поверенных, бриллианты, меха. Шуршащие шелка и переливчатый бархат платьев. И среди этой роскоши — дешевые платья и скромные блузки немногих представительниц передовой интеллигенции и сорока пяти работниц... Самая молодая из них — Клавдия Николаева, ей пошел шестнадцатый год. Войдя в зал, она остановилась в растерянности от окружающего ее великолепия. Ничего подобного она никогда не видела.

Шедшая рядом Коллонтай легонько подтолкнула ее:

— Смелее, Клава, смелее! Мы еще им покажем!

Кто мог подумать, что пройдет только десять лет, и Клавдия Ивановна Николаева станет председательницей первого Всероссийского съезда работниц и крестьянок в Москве! И менее всего, конечно, она сама.

Тот съезд был созван буржуазными феминистками — поборницами женского равноправия. В Англии их звали суфражистками, в России — «равноправками». Они ратовали за раскрепощение женщин, отнюдь не ставя своей задачей уничтожение классового общества, породившего неравенство между мужчиной и женщиной.

Открывая съезд, госпожа Шабанова недвусмысленно заявила:

— Величайшая опасность для всего женского движения — в партийных разногласиях!!!

Петербургский комитет РСДРП решил использовать трибуну съезда, чтобы публично заявить о целях социал-демократии и о своем отношении к женскому движению.

Делегатам съезда был роздан отпечатанный на отличной бумаге с золотым обрезом план работы. Предстояло заслушать на секциях более пятидесяти докладов, таких, например, как «Энтузиазм и фанатизм», «Деятельность женщины на почве благотворительности», «О праве женщин быть адвокатом», «Психология женщины и сексуализм современной литературы»... Клавдия прочла и отметила карандашом те немногие доклады, на которых, как ей казалось, стоит побывать. Нельзя, конечно, пропустить сообщение некой Кальманович «Женское движение и отношение партий к нему».

Седая дама с лорнетом начала свой доклад издалека, безапелляционно заявив, что женское движение родилось с того момента, когда Адам, съевши яблоко, сорванное Евой, так не по-рыцарски свалил всю ответственность за это на нее одну.

Докладчица без удержу воспевала амазонство, говорила о том, что всюду победы амазонок ознаменовались поднятием культуры, постройкой городов, улучшением нравов.

Клавдия Ивановна и сейчас живо представила себе эту «амазонку» в собольем палантине. Тогда она, еще наивная девчонка, удивлялась ее эрудиции. Докладчица вспомнила даже какую-то пророчицу Германии, святую Гильдегарду Бекельгеймскую, жившую в XII веке и написавшую много книг по физике, зоологии, ботанике и минералогии. По словам госпожи Кальманович, эта пророчица славилась своей мудростью во всем христианском мире, и ее советов добивались императоры, короли и папы.

Сделав обстоятельный экскурс в историю, докладчица пришла к выводу:

— Я против того, чтобы женщины ждали свободы от социал-демократов.

Свежим ветром повеяло на съезде, когда Александра Михайловна Коллонтай произнесла речь на тему: «Женщина-работница в современном обществе».

Ох и дала же жару госпожам делегаткам Коллонтай!

Разве можно забыть ее слова:

— «Женский вопрос», говорят феминистки,— это вопрос «права и справедливости». «Женский вопрос», отвечают пролетарки,— это вопрос «куска хлеба».

Коллонтай в заключение своей страстной речи огласила требования программы РСДРП по охране женского труда и материнства. Что творилось после этого в Александровском зале! Респектабельные дамы вскочили со своих мест, затопали ногами, засвистели, закричали: «Не хотим слушать! Долой! Вон!» Эта свистопляска продолжалась по крайней мере четверть часа. Сидевший в зале полицмейстер Петербурга растерялся, не зная, что предпринять. Ведь это был не какой-нибудь деревенский «бабий бунт», а неистовствовал «цвет» общества.

Вероятно, тогда Клавдия Николаева особенно отчетливо поняла необходимость связать борьбу за раскрепощение женщин с освободительной борьбой рабочего класса и окончательно решила посвятить этому свою жизнь.

В молодости каждого человека бывает такой год, который потом оказывается самым важным в жизни. Год этот бывает особенным потому, что человек становится взрослым. Все, что нестройно бродило и зрело в нем, неясные склонности, случайные симпатии и антипатии, все встает на свое определенное место, превращается в твердые взгляды и убеждения. Для Клавдии Николаевой таким годом был девятьсот девятый. Она вступила в партию и стала организатором работниц, агитатором-массовиком. Где только она тогда не выступала! Она вела подпольную работу вместе с Прасковьей Францевной Куделли и Конкордией Николаевной Самойловой. Какие это были замечательные большевички! Как ей повезло, что она встретила их в начале своего революционного пути. Со многими великолепными товарищами сводила ее судьба, и в этом было большое счастье. А какой человек был Алеша Джапаридзе!

С ним она подружилась в ссылке. Суровой зимой 1911 года за организацию забастовок Клавдию арестовали и выслали из столицы. В группе арестантов она шла по этапу на север. Стояли

жгучие морозы. Снег под ногами хрустел, как битое стекло. Крутилась поземка, и казалось, что застывшая земля пытается дышать сквозь плотно прикрывшее ее белое одеяло. Резкий ветер ударял в лицо, вызывая невольные слезы. С какой радостью входили окоченевшие ссыльные в очередную пересыльную тюрьму! Хоть всюду было грязно, зловонно, душно, но можно все-таки отогреться и немного отдохнуть. В скольких тюрьмах она побывала!

В Вологде сжалились над девушкой и дали ей подводу. В санях-розвальнях, зарывшись в сено, подброшенное сердобольными ямщиками, она «барыней», как потом шутила, прибыла к «месту поселения» — в окруженный лесами древний городок Великий Устюг, у слияния северных рек Сухоны и Юга.

В полицейском управлении ей указали квартиру. Хозяин отвел ей маленькую комнатушку на чердаке. Вскоре пришел красивый молодой человек невысокого роста с маленькой кудрявой бородкой, оттенявшей его смуглое лицо. Приветствуя новую ссыльную, он назвал себя:

— Алеша Бакинский, так зовут меня товарищи. А по паспорту, настоящему, а не фиктивному,— Прокофий Апрасионович Джапаридзе!

Через час, за чаем, Клавдия уже многое узнала от него о своем новом местожительстве. В Великом Устюге только 3 врача, но зато 27 пивных и 6 казенных винных лавок. Полно политических ссыльных, и свирепствует жандармский ротмистр. Он принудил начальника почтово-телеграфной конторы представлять ему на просмотр всю переписку с политссыльными. Недавно произвел обыск в книжных лавках и публичной библиотеке. Отобрал «возбуждающие умы» книги, отправил в Вологду, в жандармское управление, 2 пуда 15 фунтов литературы.

— Мне бы несколько фунтов этих книг,— улыбнулась Клавдия.

— Добудем! Обязательно добудем! Не думайте, что мы бездействуем. Мы живем по изречению Декарта, правда, чуть измененному: «Мыслю, следовательно, делаю». Тут есть отличные товарищи, как приезжие, так и местные...

Алеша был душой всех ссыльных, с грустью вспоминает о нем Клавдия Ивановна. Какая это была деятельная натура! Вечно неугомонный, всегда в движении, он был для нее образцом революционера, горящего неугасимым пламенем, никогда не сдающегося, всегда думающего только о борьбе. «Не хныкать!» — было его любимой поговоркой. А какой он был образованный марксист и великолепный учитель!

Клавдия училась и у него, и у других ссыльных, студентов. Она изучала русскую грамматику и геометрию, историю и ботанику, географию и французский язык. За три года ссылки прошла весь курс гимназии. Один из педагогов — студент, изгнанный из Петербургского университета, сожалел, что кончился срок ее ссылки, а то она смогла бы, по его мнению, в Великом Устюге закончить и университетскую программу.

Клавдия не только занималась самообразованием. Ей очень хотелось быть в рабочем коллективе. Она попыталась было устроиться на самую большую в городе льнопрядильную фабрику Красавина, но работать политическим запрещалось. Однако установить контакт с работницами помешать ей никто не мог.

...Говорят, ее и теперь еще помнят в Великом Устюге. Там в краеведческом музее выставлены подлинные полицейские карточки, заполненные на нее и Джапаридзе.

Из ссылки она вернулась в Питер с полугодовалым черноволосым сынишкой Юрой, родившимся в тюремной больнице Великого Устюга.

В 1914 году Клавдия Николаева участвовала в выпуске первых номеров нелегального журнала «Работница», очень скромного, серенького на вид, но далеко не робкого. Два номера его были конфискованы «за призыв к бунту». Активисты редакции собирались в чайных «Аркадия», «Гигиена», «Двадцатый век» и даже на Преображенском кладбище.

Николаеву снова увезли в черной карете. Через два года, вернувшись с Юрой из очередной очень тяжелой ссылки в Енисейскую губернию, она в мае 1917 года стала главным редактором «Работницы».

Горячее было время. В одном из номеров «Работницы» была опубликована статья В. И. Ленина «Три кризиса». Юнкера явились в типографию конфисковать номера со статьей. Ошибочно они приняли работниц, пришедших с заводов и фабрик за журналом, за грузчиков, которых должны были прислать вместе с отрядом. Юнкера, не оставив охраны, ушли делать обыск, а работницы под руководством редактора быстро вынесли кипы журналов, уложили в грузовики и развезли по адресам.

«Так и не удалось Керенскому усмирить питерских пролетарок». Клавдия Ивановна улыбается при этом воспоминании...

* * *

Она очень обрадовалась, когда выяснилась необходимость побывать по делам в обкоме партии — в Смольном. Каким стал Смольный институт благородных девиц, вошедший в историю как главный штаб Октябрьской революции и первая резиденция Советского правительства?

Построенное в начале XIX века гениальным Кваренги огромное здание с классическими колоннадами в центре заново покрашено. Перед входом высится бронзовый Ленин.

Она хорошо помнит: тогда, в ноябре семнадцатого, двор за чугунной оградой был покрыт пружинистым желтовато-коричневым ковром опавших листьев. Дул резкий ветер с Финского залива и подолгу кружил в холодном воздухе оранжевые кленовые листья. Вокруг Смольного горели костры. Их дрожащее пламя высвечивало силуэты вооруженных людей. Красные отблески падали то на затворы винтовок, то на стволы пулеметов, то на золотые буквы на бескозырке моряка. Почти все окна стоявшего в глубине Смольного, несмотря на поздний час, были освещены. То и дело подкатывали автомобили, останавливаемые патрулями, проверявшими пропуска. Навстречу фыркали мотоциклы, уносящие в ночь гонцов со срочными пакетами.

Шли двенадцатые сутки Советской власти.

В то утро Клавдии Николаевой пришлось выдержать еще одну, вероятно последнюю, стычку со старыми знакомыми — «равноправками». В кинотеатре «Урал», на Выборгской стороне, где помещается теперь Дом культуры имени Первого мая, в праздничной обстановке открылась Петроградская конференция работниц. На нее прибыло 600 делегаток из Петрограда, Кронштадта, Колпина, Сестрорецка и других близлежащих промышленных пунктов. Пришли на женскую конференцию и «равноправки». Одна из них, постукивая высокими каблучками и поправляя вуалетку, спускающуюся с модной шляпки, вспорхнула на трибуну. Уже один вид разодетой барыньки вызвал гневный ропот, а ее демагогическая речь прерывалась возмущенными репликами работниц. Председательствующей Николаевой пришлось то и дело трясти медный колокольчик, чтобы утихомирить зал. Ух и отчитали барыньку работницы:

— Женщины буржуазного класса, «равноправки», нас презирают как «черную кость». Так долой же с дороги «белую кость»! Да здравствует «черная кость», которая идет завоевывать жизнь,— сказала одна из выступавших.

Делегатки понимали, к чему их звали партия и Ленин. Они решили заявить Ленину о своей поддержке и избрали делегацию для встречи с ним.

Поздним вечером Николаева с девятью делегатками пришли в Смольный. Их встретила Коллонтай, ставшая первой в мире женщиной-наркомом. Кутаясь в белый пуховый платок, она вынесла пропуска и повела делегаток по широкой парадной лестнице. В Смольном было холодно. На втором этаже прошли по темным коридорам в маленькую приемную, в которой тускло горела лампочка. Посреди комнаты стоял крытый зеленым сукном длинный и узкий стол, на нем пепельницы, полные окурков, вокруг старинные массивные стулья с высокими спинками. У двери, ведущей в соседнюю комнату, застыл с винтовкой красногвардеец, вопросительно глядевший на пришедших.

Через несколько минут делегаток пригласили в кабинет. Встав из-за большого заваленного бумагами стола, рядом с которым стояли столики с телефонными аппаратами, им навстречу шагнул Владимир Ильич.

Волнуясь, Николаева передала приветствие Совету Народных Комиссаров от имени восьмидесяти тысяч питерских работниц, пославших делегаток на свою первую конференцию, и обещала их полную поддержку правительству. Радостная улыбка преобразила лицо Ленина:

— Если работницы обещают нам поддержку в борьбе за утверждение власти Советов, то никакой враг нам не страшен. Прочность революции зависит от того, насколько в ней участвует женщина.— И после недолгой паузы добавил: — Восемьдесят тысяч женщин — это нешуточная боевая сила. Будьте стойкими борцами революции!

Вождь революции дружески пожал работницам руки, и они ушли из Смольного окрыленные, счастливые, убежденные в окончательной победе пролетариата...

* * *

Перед отъездом в Москву Клавдия Николаева поехала на «Треугольник». Сюда ее привело тревожное письмо, полученное в ВЦСПС.

Эта поездка соединяла вчерашнее и сегодняшнее. Давние связи были у Николаевой с самым большим в Европе заводом резиновых изделий, на котором работали почти одни женщины. Еще в четырнадцатом году «Работница» писала о массовом отравлении галошниц. Тогда заводская администрация вместо хорошего бензина стала подмешивать дешевый бензол и еще

какие-то ядовитые вещества в мазь, употребляемую для склейки галош. Ради больших барышей подрывалось здоровье рабочих. Николаева помогала организовывать здесь забастовки, а после революции, когда завод стал «Красным треугольником», вела в его цехах партийную работу.

Клавдия Ивановна предъявила в проходной свое удостоверение, и ее сразу пропустили. По знакомым переходам прошла она в столовую.

— Чем вы сегодня кормите фабзайчат? — спросила секретарь ВЦСПС заведующую столовой, напуганную неожиданным появлением столь высокого начальства.

— Обед из трех блюд... Хотите попробовать?

— И обязательно попробую! Только посмотрю, будете ли наливать из общего котла.

Обед оказался неважным. Щи жидковатые, в котлетах чересчур много хлеба, в стакане мутного компота плавал одинокий ломтик яблока.

Клавдия Ивановна возмутилась:

— Не думаю, чтобы своих детей вы кормили так же скверно! Вам доверено питание сотен ребят, и они должны быть вам так дороги, как родные...

Не слушая извинений и жалоб на отсутствие хороших продуктов, Николаева направилась в цехи. Конечно, все изменилось за годы, что она здесь не бывала. Условия труда галошниц стали в тысячу раз лучше. Но все-таки вентиляция еще не на высоте, и прав автор письма: установка новых вытяжных труб слишком затянулась.

В кабинете директора произошел крутой разговор:

— Мы не посмотрим ни на чины, ни на заслуги, и будем привлекать к строгому ответу всех, кто плохо заботится об условиях труда и быте рабочих...

* * *

У третьего подъезда огромного серого здания, около Каменного моста, известного в Москве как «Дом правительства», прикреплена мемориальная мраморная доска. В этом доме Клавдия Ивановна Николаева жила с 1933 года до самой смерти в 1944 году. Было ей, когда она умерла, всего 51 год.

В просторной светлой комнате все оставлено, как и было при ее хозяйке. Обстановка спартанская, жила она очень скромно, не позволяла себе никаких излишеств. Три канцелярских, так называемых «шведских», шкафа с книгами, старый диван, простой письменный стол и на нем немудреная чернильница с дар-

ственной надписью от работниц «Красного треугольника». Только на стене появились два портрета. С одного смотрит на нас Клавдия Ивановна с маленькой внучкой, на другом темноволосый, еще молодой человек в военной форме. Это Юрий. Он стал авиационным инженером-испытателем, кандидатом технических наук.

Ему, его жене и дочери было адресовано последнее письмо-завещание, написанное Николаевой в больнице.

«Милые, родные Катя, Юруня, Наташенька!.. Вам надо создать такую жизнь, которая прежде всего была бы полезна для нашего Советского государства. А для этого нужно крепко и больше всего любить партию большевиков... Учитесь и учите других. Постоянно работайте над собой. Изучайте труды Ленина, историю нашей большевистской партии. Шагайте вместе с партией в ее славных рядах... Никогда не обманывайте других и не давайте обманывать себя. Любите друг друга...»

Александра Аренштейн

КАМНЯ ТВЕРЖЕ

(К. Т. Новгородцева-Свердлова)

За правду встанем единой ратью,
У нас единый правый путь.

Леся Украинка

Ночь была нескончаемой. Мартовская метель с воем и свистом носилась над кремлевским холмом, стегала острым, колючим снегом по стеклам окон, по стенам старинных зданий.

Клавдия Тимофеевна пришла из Дома союзов и долго сидела, не снимая пальто, прижав холодные руки к щекам, исхлестанным ветром.

Она не ощущала ничего, словно оледенела сама. И сердце, казалось, не стучит — лежит комком льда в груди, неподвижное, как он, Свердлов, там, в Колонном зале, на постаменте среди траурных знамен... Невозможно представить! Столько перенесли они разлук и вот — последняя, вечная...

Хотелось ничего не слышать, не видеть, ни о чем не думать, но нет, нельзя. Надо работать. Сейчас. Немедленно. Завтра открывается VIII съезд партии. Орготчет ЦК был поручен Свердлову. Организации съезда он отдал последние силы, уже совсем больной, собирал товарищей, занимавшихся подготовкой, помнил о съезде даже в бреду.

«Горе каждый переживает по-своему,— писала Клавдия Тимофеевна значительно позднее, в письме к женщине, которую

постигла такая же беда,— я не могла плакать, но я с трудом сдерживала себя, чтобы не кричать нечеловеческим голосом. Но я не была у гроба ни на одну минуту до похорон... собрала все его бумаги, подготовила все вопросы к очередному заседанию Оргбюро ЦК. Просидела все заседание и доложила все дела».

Иначе поступить она не могла. Год назад, после переезда Советского правительства из Петрограда в Москву, Клавдия Тимофеевна была назначена помощником секретаря ЦК партии и заведующей секретариатом ЦК. Новая власть только создавалась, партия большевиков стала правящей партией. Налаживались связи с партийными комитетами на местах, следовало помогать им в организации работы, советовать, посылать людей.

К открытию VIII съезда сведения от партийных организаций поступали регулярно лишь из 4 губерний, нерегулярно — из 14 и случайные — из 16 губерний.

Необходимо было тщательно проверить все материалы, цифры. Завтра Ленин огласит их на съезде и скажет, что, хотя этот крайний недостаток организованности и объясняется условиями гражданской войны, все равно не следовало бы этим защищаться и отговариваться. Да-а, точно так же считал и Свердлов!

Тяжело вздохнув, Клавдия Тимофеевна склоняется над бумагами, напрягая всю свою волю. Завтра? Нет, уже сегодня. Утро уже наступило, хотя за окнами совсем еще темно. Стрелки часов отсчитывают минуты и часы этого тягчайшего в жизни дня. Его надо пережить, а потом... идти дальше, продолжать борьбу за новый мир, завоеванный с таким трудом.

Яков Михайлович, бывало, говорил: пока бьется сердце, пока в жилах струится кровь, я буду бороться! Как горько от того, что перестало биться это сердце, горячее, полное жизни. Умереть в 33 года, теперь, когда только бы жить и жить, строить, создавать...

Все строже сжимаются губы, в глазах залегло страдание. Скорбный день идет в траурных рамках газет, в аккордах похоронного марша, в неотложных человеческих делах.

Завершилось печальное шествие за гробом Свердлова — от Колонного зала до кремлевской стены. Отзвучали прощальные ленинские слова: «Мы опустили в могилу пролетарского вождя, который больше всего сделал для организации рабочего класса, для его победы...»

...Ни одного заседания съезда не пропустила Клавдия Тимофеевна. Ничем не нарушилась четкая работа секретариата ЦК. А по ночам долго горела лампа над ее письменным столом,

освещая голову с высоким открытым лбом и гладко зачесанными волосами. Пальцы перебирали и подкладывали в определенном порядке документы, записки, блокноты Председателя ВЦИК. Отдельно лежали письма, письма... Далеко не все удалось сохранить, пронести через постоянные обыски, вечные переезды. Она отдавала их друзьям на хранение, прятала в потайных местах и потом собирала по листку, по крохам.

В соседней комнате спали дети — Андрею еще не было восьми лет, Вере — шести. Как мало довелось ребятам побыть с отцом за их коротенькую жизнь. Нелегкое им выпало детство. Когда в 1915 году они отправились в Туруханский край к Свердлову, для Андрея в его четыре года это была уже третья, а для двухлетней Верочки — вторая ссылка.

«Пусть они помнят об отце, как о живом»,— думалось Клавдии Тимофеевне, когда особенно остро ощущалась горечь утраты. Она строго следовала своему решению, рассказывала детям о революционере Свердлове (а о папе, близком, который вчера был здесь, они не говорили очень долгое время).

* * *

«Революционер Свердлов!» Память возвращала в молодость, не такую уж далекую по количеству лет, но оставшуюся в давнем прошлом, в эпохе, теперь именуемой: «до революции».

В этом прошлом — детство, юность, первые самостоятельные шаги. Клаша Новгородцева сделала их рано... Отец умер до ее рождения, училась она в гимназии на казенный счет, зарабатывала на жизнь, давая уроки. И дорогу свою выбирала сама. Жизнь рабочих знакома ей была с детства: напротив родного дома стояли старинные корпуса Верх-Исетского металлургического завода. В полутьме раннего утра распахивались ворота, поглощая вереницы рабочих. Небо постоянно озарялось вспышками пламени над закопченными зданиями, старой домной. И днем и ночью доносились оттуда лязг металла, грохот.

А потом Петербург, курсы Лесгафта, занятия в марксистском студенческом кружке. До этого в поисках ответа — как быть с тягостным неустройством жизни? — девушка посещала писателей: Короленко, который никогда не отказывался беседовать с молодежью, Льва Толстого, хотя его идеи непротивления злу были совсем не в ее характере. Марксистская литература — «Капитал», «Коммунистический манифест», а главное, люди, распространявшие ее, указали настоящую цель, смысл жизни. Клавдия возвратилась в Екатеринбург, убежденная в необходимости пропаганды идей революционного марксизма. В книжном

магазине Клушина — единственном в городе,— куда она поступила на работу, была явка большевиков, склад нелегальной литературы. Клавдия стала партийным пропагандистом, в январе 1904 года вступила в РСДРП. Она руководила кружками на заводах Макарова, Ятеса, в Уральском горном училище.

С начала 1905 года на Урале, как и по всей России, участились стачки, проводились открытые выступления рабочих, демонстрации. В доме родственницы Новгородцевых за городом поместилась подпольная типография Екатеринбургского комитета РСДРП. Клавдия Тимофеевна приносила туда материалы, рассказывала подпольщикам о событиях в городе. Весной жандармы захватили типографию с отпечатанными экземплярами брошюры Вильгельма Либкнехта «Пауки и мухи», арестовали всех, связанных с типографией, в том числе и Новгородцеву.

Когда ее привезли в тюрьму, дежурный принялся записывать анкетные сведения. Девушка отделывалась короткими «да», «нет» или отмалчивалась, кутаясь в большой платок.

— Снимите! — велел дежурный, приступая к описанию примет: цвет глаз, форма носа и прочее.

— Не надо,— перебил доставивший арестованную сотрудник охранки,— нам ее приметы наизусть известны, не глядя, перечислим.

Такая нежелательная «известность» обеспокоила Клавдию. И когда ее до суда выпустили под залог, она решила уехать в другой город, где сможет быть неприметнее.

— Какая уж тут работа, если каждый шаг на виду!

Перед отъездом ей надо было встретиться с товарищем Андреем, представителем ЦК партии, недавно присланным на Урал.

Октябрьским вечером 1905 года она шла к условленному месту, не представляя, какое значение будет иметь для нее встреча с приезжим цекистом.

Неподалеку от плотины на реке Исеть прогуливался очень молодой человек, совсем юноша, невысокий, стройный, с волнистыми черными волосами. Черная же косоворотка, аккуратный, ладно пригнанный, хотя далеко не новый, пиджак, кепка задорно сдвинута на затылок. Нет, совсем не таким представлялся Клавдии уполномоченный ЦК!

Едва заметный кивок, и они повернули в тихий переулок. Рядом поблескивают живые веселые глаза. Глубокий, мягкий бас — неожиданный при такой некрупной фигуре. Чуть насмешливо спрашивает:

— Итак, собираетесь удирать с Урала?..

Она так и не уехала. Свердлов легко доказал ей нецелесообразность такого поступка.

...Осенью 1905 года, используя пресловутые «свободы», почти все руководители большевиков поселились в доме Новгородцевых в Верх-Исетском поселке. Дом этот стал штаб-квартирой Екатеринбургского комитета. Жили коммуной. Как хорошо работалось им здесь! Сколько преимуществ дала совместная жизнь. Клавдия радовалась: не надо бегать по городу друг за другом — к ночи все собирались, сообща обсуждали важные вопросы, принимали решения. И рабочим были хорошо известны большевики Михаил Вилонов, Мария Авейде, Николай Николаевич Батурин, сами Андрей — Свердлов и Ольга — Новгородцева. В коммуну с утра приходили пропагандисты, боевики, дружинники, рабочие — все, кому нужны были члены комитета. По вечерам выступали на митингах, собраниях. А совсем уже поздно подводили итоги дня, намечали планы, читали. Порой Свердлов превращал беседу в серьезную, интересную лекцию. Не обходилось без смеха, шуток. Вскоре возникло и развилось не только чувство дружбы, но и более сильное, взаимное, соединившее молодых людей навсегда. Клавдия Тимофеевна и Яков Михайлович стали женой и мужем.

Почти одновременно с поражением восстания на декабрьских баррикадах в Москве разыгралась трагедия на Урале. Была жестоко подавлена попытка вооруженного восстания на Мотовилихинских казенных пушечных заводах в Перми.

Перешла в наступление полиция и в Екатеринбурге. За голову Андрея назначили награду — 5 тысяч рублей. Зная о коммуне, попытались захватить сразу всех членов комитета. Оцепили не только дом Новгородцевых, но и весь Верх-Исетский поселок. Однако ни людей, ни даже остатков бумаг не обнаружили: Свердлов успел предложить товарищам перейти на нелегальное положение, расселиться в разных местах. Екатеринбургский комитет принял решение: центр партийного руководства Уралом перенести в Пермь. И в январе 1906 года Ольга (Клавдия Новгородцева) с чужим паспортом отправилась готовить переезд комитета на новое место.

Пермская организация большевиков после разгрома на Мотовилихе оказалась в тяжелом состоянии: активные большевики в тюрьмах, конспиративные квартиры провалены, все надо начинать почти сызнова. Восстанавливали партийную организацию, создали подпольную типографию, новую боевую дружину, продолжали воевать с меньшевиками, твердившими, что не надо было браться за оружие.

В апреле предстоял IV (Объединительный) съезд партии. Свердлов, как руководитель уральской организации, был необходим на месте. Делегатом на съезд послали Клавдию Тимофеевну. Поехала она в Стокгольм под псевдонимом «Яковлев».

— Держись Ильича,— наставлял несколько оробевшего посланца Урала Яков Михайлович,— вернешься, спросим!

Он предупреждал о возможных кознях со стороны меньшевиков. И действительно. На первой же явке в Петербурге меньшевик, встречавший делегатов, попытался не пропустить Яковлева, как делегата с решающим голосом. Забыв о робости, Клавдия Тимофеевна запротестовала, добилась своего и получила явку дальше, в Гельсингфорс, к человеку с пугающей кличкой Черт. Он оказался твердым ленинцем-большевиком. Дальше она ехала уже без всяких препятствий. В поезде Клавдия Тимофеевна познакомилась с делегаткой от Казани Саблиной. В новой знакомой поражала осведомленность в партийных делах, в том числе и положения на Урале, действий Андрея, или, как теперь его называли, Михалыча.

— Откуда вы знаете обо всем? — нарушила строгие законы конспирации Клавдия Тимофеевна.

— Но вы — Ольга, Клавдия Новгородцева?

Удивлению не было предела. Ведь свою настоящую фамилию она не сказала даже Черту.

— Давайте знакомиться еще раз,— засмеялась собеседница,— Надежда Крупская.

От этой встречи пошла дружба этих двух замечательных женщин.

По возвращении Ольга — Яковлев сделала доклад на сходке Пермского комитета (а затем она выступала и на больших рабочих собраниях), рассказала о том, как проходил съезд, о спорах, которые там были между большевиками и меньшевиками, о принятых решениях и предложенных Лениным резолюциях. Пермская организация оставалась на большевистских, ленинских позициях, вопреки меньшевистским решениям, принятым на IV съезде. И в этом была немалая заслуга Я. М. Свердлова и К. Т. Новгородцевой.

К лету стало ясно, что наступление реакции усиливается. Работа на Урале для Якова Михайловича осложнилась. Полиция усиленно разыскивала его. Кольцо смыкалось. 10 июня 1906 года конспиративную квартиру, где происходило нелегальное собрание, оцепили среди бела дня. Свердлов и на этот раз попытался уйти. Крепко взяв жену под руку, он с таким спокойным, независимым видом прошел мимо жандармов, что те посторонились,

пропустили. Но недаром из Екатеринбурга привезли шпиков, знавших обоих в лицо.

— Эй, на пристань! — окликнул Свердлов извозчика, стоявшего на углу.

«Занят». Позвал второго — тоже «занят». А погоня уже настигала. Схватили, рассадили отдельно по пролеткам и снова — тюрьма!

* * *

Пермская тюрьма принесла первую разлуку в недолгой семейной жизни Свердловых. Тяжело! Грустно! Хоть бы на минуту увидеться. Мужской и женский тюремные корпуса почти рядом, из окон одного видны окна и дворик другого. Но только один раз во время прогулки услыхала она знакомый бас:

— Клавдия, как себя чувствуешь?

Ответить не удалось, не успела. Но переписка наладилась. Фельдшерица, сочувствовавшая политическим, передавала письма. Назначила Новгородцевой курс уколов мышьяка... Во время процедуры они на мгновение оставались наедине. И Клавдия выдержала... 90 уколов (вместо тридцати)!

«По поручению камеры просим тебя написать доклад по истории организации партии»,— читал Свердлов в одном из писем. В других ему передавались приветы от товарищей, иносказательные сообщения о материалах, попавших в полицию. Клавдия Тимофеевна делилась впечатлениями: «...поражает меня, какая юная публика сидит в тюрьмах, как быстро растет в революционное время молодежь». Это письмо она послала перед судом, иронизируя над тем, что «дряхлые телом и духом старцы будут судить нас, членов партии могучего рабочего класса».

Она много читала, рассказывала товаркам о политических событиях, вести о которых проникали и за тюремные стены. Помнила наизусть множество стихотворений и чтением вслух скрашивала длинные, тоскливые вечера. Советовала новеньким, как держать себя на допросах, добивалась установления твердого распорядка дня. Образцом мужества и стойкости стала она для всех, кто соприкасался с нею в эти годы. «Твердокаменная Клавдия» — называли ее товарищи. И только один раз изменила ей внешняя суровость и слезы блеснули в глазах — в день, когда по окончании срока она выходила на волю, оставляя друзей в тюрьме...

Поистине эти люди стоили друг друга. Яков Михайлович в письмах из тюрьмы сообщал жене о событиях партийной жизни,

о разногласиях, которые терзали партию в годы реакции, о своих размышлениях и прочитанных книгах. Он умудрялся пересылать даже тексты прокламаций, которые составлял в тюрьме. Это из тюрьмы он писал друзьям: «Хорошо жить на свете... Жизнь так многообразна, так интересна и глубока, что нет возможности исчерпать ее...» Письма Андрея и Ольги были источником их бодрости и силы.

Годами длилась разлука. Днями, иногда месяцами исчислялась совместная жизнь. Со времени ареста в июне 1906 года до Февральской революции 1917 года, за одиннадцать лет, не набралось и трех лет, прожитых Свердловыми вместе.

* * *

...Осень 1909 года. Клавдия Тимофеевна работает на книжном складе «Провинция» в Петербурге — помог устроиться товарищ с Урала, Батурин. Днем — работа, вечером — явки, занятия в рабочих кружках. После трех с половиной лет отсидки в тюрьме и крепости приезжает и Яков Михайлович... Три месяца он на воле — и вот опять арест, прямо на заседании Московского комитета (по поручению партии он поехал в Москву помочь наладить работу).

Клавдия Тимофеевна берет отпуск на складе и едет тоже в Москву. Днями стоит она на морозе во дворе тюремного здания, пытаясь увидеть мужа. В свидании отказывают, не признают их мужем и женой — невенчанны. Наконец Свердлову удается крикнуть в форточку:

— Жди вестей из ссылки!

Его выслали в Нарымский край.

А через полгода вдруг приезжает — совершил смелый побег.

Осенью 1910 года Свердлов руководил созданием легальной большевистской газеты «Звезда». Начинался подъем рабочего движения, установилась тесная связь с Лениным. Охранка все усиленнее следила за Свердловым. Нужно было уберечь его от провала. Клавдия Тимофеевна проверяла явки, их надежность, организовывала встречи с большевиками — депутатами Думы, шифровала особым шифром переписку с Лениным. В одном из донесений охранки сообщалось, что «К. Т. Новгородцева оказывала Свердлову активное содействие в партийной работе, выразившееся в получении на ее имя партийной корреспонденции ЦК РСДРП и исполнении при Свердлове обязанностей секретаря».

...В этот день Свердлов ушел, сказав свое обычное «до свидания»... Свидание, однако, состоялось почти через два года.

Якова Михайловича взяли прямо на улице 14 ноября 1910 года. Жандармы ворвались и в его квартиру, но Клавдия Тимофеевна, занимавшаяся только что шифрованием письма Свердлова к Ленину, успела уничтожить шифр. Охранка к ней отнеслась «милостиво» — особых улик не оказалось, к тому же она ожидала ребенка. Ограничились высылкой под гласный надзор полиции в Екатеринбург.

И опять пошли письма. Единственное средство общения, единственная возможность для Якова Михайловича проявить заботу о «маленьком зверьке», который появится на свет вдали от него: «...от каких-либо советов воздерживаюсь, знаю, что сумеешь сама гораздо лучше свои дела устроить». «Я слишком уверен в твоей способности к самостоятельности...» — писал он ей в письмах.

А вместе с этой уверенностью звучит и общий, радостный итог: «Наши взаимоотношения дают мне в большей степени тот колорит бодрости, неизменной жизнерадостности, без которой меня и представить трудно...»

Сквозь строки писем Свердлова виден и облик — той, кому они адресованы.

«...Пишу просто потому, что хочется хоть пару слов черкнуть родной, близкой... Тысячи верст, а порой и нет расстояния,— и есть оно, и нет. Мучительно, тоскливо, далеко-далеко нахлынет тепло, согреет, повеет лаской, вижу глубокий, милый взгляд родных глаз, сожмется сердце, смешается острая тоска и боль с захватывающей дух радостью — и есть расстояние и нет его...»

От письма к письму все глубже выражение чувств, шире диапазон раздумий: «...наш общий рост за время и под влиянием совместной жизни несомненен... Ты сумела возбудить во мне целую гамму новых, порою сложных переживаний. Ты во многом способствовала моему «довоспитанию», если можно так выразиться... Я научился интересоваться всеми проявлениями жизни, научился любить изящное, красивое...»

Клавдия Тимофеевна с полуторагодовалым Андреем отправилась в дальний путь, в ссылку к Свердлову.

Навигация по Оби близилась к концу, она из Томска поехала в село Колпашево и там узнала, что мужа ее за очередную попытку к побегу заключили в томскую тюрьму. Почти последним пароходом возвращалась снова Клавдия Новгородцева в Томск. Осенняя хмурая река, дождь, холод и... неожиданная приветливость жандармов. О-о! К Свердлову приехала жена с ребенком, добровольно остается с ним в ссылке.

Уже нет и речи о «незаконности» их гражданского брака. Из писем известно, как тоскует Свердлов по семье. Разрешение на свидание дается сразу, утром она пойдет к нему прямо в тюрьму. Неспокойно проводит Клавдия Тимофеевна эту ночь. Бесконечны сомнения: а вдруг «любезный» полковник отменит разрешение? А вдруг Якова угнали в проклятый Максимкин Яр, где он едва не умер от вспышки туберкулеза? А вдруг... Она отсчитывает оставшиеся часы: десять, пять, два, час. И вот она уже идет по мрачному коридору, хнычет маленький Андрей, лязгают ключи, со скрежетом открывается дверь. Перед остолбеневшим Свердловым на пороге камеры стоит Клавдия с сыном, их сыном на руках!

Но надежды жандармов на то, что семья удержит пленника на месте, не сбылись. В начале декабря 1912 года Свердлов совершил побег по санному пути и вернулся в Петербург. Его недавно заочно кооптировали в состав Центрального Комитета, он должен был руководить газетой «Правда» и помогать в работе фракции большевиков IV Государственной думы.

В феврале 1913 года Клавдия Тимофеевна с Андреем добралась наконец из Сибири в столицу.

Свердлов в это время собирался «исчезнуть» из Петербурга. Он знал, что за ним уже давно идет слежка, и не очень рассчитывал на депутатскую неприкосновенность Г. И. Петровского, на квартире которого только что обосновался. Но не знал он, что сообщает о нем в охранку депутат Государственной думы, член социал-демократической фракции провокатор Малиновский. Лишь несколько часов Яков Михайлович и Клавдия Тимофеевна провели вместе. Под утро явились жандармы. И снова Свердловы, а вместе с ними и маленький Андрей оказались в тюрьме. Малыш едва не заплатил за этот арест жизнью. Клавдию Тимофеевну выпустили с тяжело больным ребенком (она ожидала второго). А едва родилась дочь Вера, отправили под особый надзор полиции на два года в ссылку в Тобольскую губернию. Свердлова на этот раз сослали в Туруханский край — оттуда не убежишь!

Опять тысячи верст легли между ними.

Тобольская ссылка оказалась очень тяжкой. Но «твердокаменная Клавдия» и здесь не сдается. Она устанавливает связи среди сплавщиков и лесорубов, распространяет «Правду» и даже организует сбор денег в фонд этой большевистской газеты.

«Много горя пришлось хлебнуть жинке после отъезда из Питера,— писал Свердлов жене Петровского...— приходилось почти голодать с парой крошечных ребяток. Скажу Вам по совести,

много тяжелых переживаний вызвали во мне последние невзгоды жинки. И хуже всего сознание своей беспомощности, невозможности хоть чем-либо помочь ей. Ведь мы с ней не можем измениться».

Да, не могли измениться такие характеры ни в преданности своей делу революции, ни в больших человеческих чувствах.

Только полтора года провели Свердловы относительно спокойно, да и то в туруханской ссылке. По окончании своего срока Клавдия Тимофеевна приехала с детьми в село Монастырское и даже получила здесь работу. Какая бурная переписка предшествовала этому решению, как стремились они оба к тому, чтобы поселиться вместе невзирая на суровый климат, на тяжелые условия жизни. И вот они вместе!

* * *

Февральская революция освободила ссыльных. Свердлов уехал в марте, торопясь выбраться по санному пути.

Клавдия Тимофеевна с детьми приехала в Петроград летом, в самый канун июльских событий. В ЦК вспомнили ее былую работу в книжных магазинах и складах и назначили заведующей партийным издательством «Прибой»: «Вам и книги в руки!».

В дни Октябрьского штурма Клавдия Тимофеевна, конечно, находилась в Смольном. Она присутствовала на историческом заседании II съезда Советов, слышала выступления Ленина, Свердлова. 8 ноября Якова Михайловича избрали Председателем ВЦИК.

Советская власть в России стала реальностью. Исчезли жандармы, шпики, все, что непосредственно было связано с царским строем. Не прислушивались больше к неурочному стуку в дверь. По улицам ходили, не оглядываясь.

Но и после победы Свердловы некоторое время все еще жили, как на бивуаке, дети их находились у деда в Нижнем Новгороде.

Совместная жизнь Якова Михайловича и Клавдии Тимофеевны наладилась лишь после переезда в Москву — в марте 1918 года. В это время ей и поручили руководство секретариатом ЦК партии. В немногочисленном аппарате секретариата она быстро добилась деловой товарищеской обстановки. Все, начиная от нее самой, работали, не считаясь со временем. Дни были заполнены до отказа, и правило — не откладывать на завтра то, что должно быть сделано сегодня,— оставалось в силе.

— Мало кто теперь помнит,— говорила она позднее,— как жили в первые годы Советской власти руководители страны.

Овеянные бурными ветрами нового мира, и попутными, и чаще встречными, они вступили в древний Кремль с его еще действующими соборами, монастырями, вошли в квартиры, отведенные им в бывших дворцовых палатах, обставленных царской мебелью. Из этих палат не уходили и старые царские слуги. Двум швейцарам, с которыми пришлось соприкоснуться Свердловым, было вместе, наверное, не меньше 150 лет.

В этой обстановке оказались профессиональные революционеры — люди, которые меньше всего придавали значение мебели или сервировке стола. Всегда и везде главным для них была работа. Даже еда была только необходимой данью природе: не поешь, не сможешь работать. Но для еды все-таки требовалась посуда. Старики косились на новых хозяев и клялись, что никакой посуды нет. А у Свердловых, как и в ссылке, как и всегда, по давней привычке собирались товарищи. Морковный чай пили по очереди из разнокалиберных случайных чашек, кружек, и обходились двумя-тремя тарелками. Однажды Клавдия Тимофеевна случайно заметила в ящике буфета разноцветные черепки. С удивлением она услышала объяснение швейцаров:

— Вот вернется царь-батюшка, мы черепочки-то и представим, виноваты, мол, не уберегли: большевики царскую посуду перебили...

За грудой дел, конечно, «царские черепки» скоро забылись. Но однажды, спустя несколько месяцев, те же самые швейцары потащили осколки «разбитой большевиками» посуды на помойку. В тот день к Свердловым собирался зайти Владимир Ильич. И Клавдия Тимофеевна вдруг с изумлением увидела на столе вместо клеенки роскошную накрахмаленную скатерть с вензелями и прекрасную фарфоровую посуду, хотя на эти великолепные тарелки и блюда класть было нечего, кроме селедки да пшенной каши без масла.

А старики сердито выговаривали ей:

— Совестно вам, матушка, таким людям, как Владимир Ильич и Яков Михайлович, на клеенке да в разной посуде подавать!

— Подумай, я же еще и виноватой оказалась,— хохотала она, рассказывая мужу историю с посудой.

А Свердлов решил, что надо рассказать эту историю Ленину: уж если такие ветхозаветные люди, как царские швейцары, поняли, что царь не вернется, поверили в Советскую власть, это здорово!

* * *

После окончания гражданской войны Клавдия Тимофеевна возглавила детские учреждения ВЦИК.

В ту пору она особенно сблизилась с Надеждой Константиновной Крупской. Их волновало одно и то же: как растить всесторонне развитых людей, будить в них новые интересы, стремления.

Школа первых лет Советской власти! Поиски, ломка старого, опыты, и снова, снова поиски... без конца!

Крупская говорила: «Понятие «счастливое детство» отнюдь не означает, что ребенка, как какого-нибудь капиталистического сынка, надо обслуживать, обслуживать и обслуживать...» И часто вспоминала, что Владимир Ильич, разговаривая с ребенком, спрашивал: «Ты, когда вырастешь, станешь коммунистом?»

Это стремление помочь юному гражданину стать коммунистом и лежало в основе всех поисков создателей новой, советской педагогики.

Деятельная по самой своей натуре, Клавдия Тимофеевна находила пути к реализации новых замыслов. Уметь воздействовать на чувства детей, захватить, увлечь их посильным, интересным и общественно полезным делом. Добиться, чтобы идеи коммунизма стали для них кровным, важным, самым дорогим. Дать эмоциональную зарядку — называла эти задачи Крупская.

В Кремлевской, а затем и в других школах позднее ввели «час Ленина». Клавдия Тимофеевна много раздумывала над тем, как сделать, чтобы сознательная жизнь ребенка начиналась со знакомства с Лениным, с первых представлений о том, что такое Советская власть. Об этом должны были говорить ему книги, с которыми он соприкасается, переступая школьный порог,— букварь, потом другие книги для чтения. Как их недоставало!

Десятки лет она соприкасалась с книгами, ведала их хранением, потом изданием, распространением. Но разве детская литература, доставшаяся в наследство от старого мира, могла отвечать потребностям новых учеников? Клавдия Тимофеевна помнила роскошные подарочные издания с яркими переплетами, золотым обрезом страниц, нарядные, дорогие. Помнились и издания «для народа» — дешевые, серые, бледные — бумага, оформление, шрифт — всё второй сорт. Были, конечно, и прекрасные, доступные, нужные книги — чаще всего сытинские издания, народная библиотека. Но их не хватало. Особенно сейчас, когда в школу шли миллионы, когда в стране начался поход за

ликвидацию неграмотности и среди взрослых. Книга была нужна, как хлеб.

Жизнь требовала идти непроторенными путями.

Клавдия Тимофеевна с группой педагогов взялась за составление книги для ребят, которые только что сели за парту. Так родился букварь «Смена» — первое ее детище на новом педагогическо-издательском поприще. Затем появились первая и вторая книги для чтения: «Искорки» и «Советские ребята». Клавдия Тимофеевна становится заведующей учебно-педагогическим отделом Госиздата. Председательствует в комиссии по детской книге при Главсоцвосе. И здесь она верна себе — продолжается прямая линия ее жизни, везде и всегда она верный пропагандист идей партии, и неизменна ее цель — помочь человеку стать коммунистом.

Идут годы, каждый приносит что-то достигнутое вновь, отбрасывает неточное или ошибочное. Можно уже сравнивать, перечислять, анализировать. Проходит первая Всероссийская конференция по детской и учебной книге, где выступают Крупская, нарком просвещения Луначарский. Еще не разделена работа по детской и учебной книге — в Госиздате рядом с учебно-педагогическим отделом находится и скромная комната отдела детской литературы. Но уже и там собираются силы, приходят детские писатели, чьи имена станут вскоре широко известными не только в нашей стране, но и далеко за ее рубежами. Поэтому можно делать обзоры, подобные тому, который сделала в 1926 году Клавдия Тимофеевна в «Красной печати»,— «Современная детская книжка».

Советская детская и учебная книги твердо становятся на ноги, растет и зреет детская литература. И как не сохранить в памяти облик тех, кто стоял у самой ее колыбели!

* * *

С начала 30-х годов Клавдия Тимофеевна политредактор издательства «Молодая гвардия». В течение многих лет коммунисты избирали ее секретарем парторганизации. Такой она и запомнилась многим: требовательная, строгая, но всегда внимательная к людям, особенно к молодым писателям и вообще к молодежи.

...Вот, переговариваясь, подбадривая один другого, являются в кабинет Клавдии Тимофеевны (небольшая комната с несколькими столами) комсомольцы издательства — «легкая кавалерия». Только что они совершили «налет», обследовали ход выполнения плана издания учебных пособий, нашли ряд недостат-

ков и пришли критиковать, вносить свои предложения. Один из этих «кавалеристов» — его сейчас знают все, имеющие отношение к детской литературе,— вспоминает, как по-деловому, серьезно и доброжелательно отнеслась к ним секретарь парторганизации. Она внимательно прислушивалась к их замечаниям, одобрила дельные предложения.

...Вот пришел молодой инженер — ныне, увы, уже седой детский писатель. Он принес повесть о строителях алюминиевых заводов. Это была первая попытка овладеть литературным мастерством. Как нужна начинающему автору товарищеская помощь, доброе слово, которое он услышал:

— Очень важная тема, пишите, работайте, продолжайте,— сказала ему Клавдия Тимофеевна. Ее крепкая рука поддержала начинающего литератора на трудном перевале его жизни.

Некоторые побаивались Клавдии Тимофеевны, иные не без основания. Особенно те, кто не умел соблюдать партийную дисциплину, совершал недостойные советского человека, тем более коммуниста, поступки,— таким она не давала пощады. Но стоило ей заметить, например, слезы на глазах какой-либо работницы издательства, она разведывала — очень тактично — причины и старалась помочь так, что порой человек и не догадывался, откуда пришла помощь.

Чем старше становилась Клавдия Тимофеевна, тем больше заботилась она о том, чтобы молодое поколение знало историю нашей партии: редактировала и рецензировала множество рукописей, книг, посвященных историко-партийным темам, сама писала статьи, книги. Иногда собирались у нее старые большевики — рабочие Мотовилихи, екатеринбуржцы (свердловчане), товарищи по тюрьмам и ссылкам, бывшие подпольщики. «Бойцы вспоминали минувшие дни», восстанавливали детали, где, когда, что происходило.

— Запишем, друзья, это очень интересно,— говорила Клавдия Тимофеевна, когда в чьей-то памяти всплывал какой-либо яркий эпизод, имя человека.— Это забылось, а нам ничего и никого нельзя забывать!

Клавдия Тимофеевна продолжала работать в издательстве.

В тяжкие дни Великой Отечественной войны, несмотря на недалекое уже семидесятилетие, выступала в тыловых госпиталях. Писала статьи, брошюры.

Главным делом многих лет своей жизни она считала работу над книгой о Якове Михайловиче Свердлове. Эта книга, дополненная и переработанная при активной помощи сына — Андрея Яковлевича Свердлова, была издана дважды и стала

серьезным вкладом в пропаганду идей партии. Живой и горячий рассказ о жизни и деятельности одного из замечательных коммунистов — поистине достойный памятник ему. А в 1954 году, когда отмечалось пятьдесят лет партийной жизни Клавдии Тимофеевны, в числе других приветствий и поздравлений со славной датой и правительственной наградой — орденом Трудового Красного Знамени,— пришла телеграмма с завода транспортного машиностроения имени Свердлова. Рабочие посылали горячее поздравление «первому партийному пропагандисту» своего завода.

Партийным пропагандистом она так и осталась — до конца!

Александра Ложечко

ДВЕ ССЫЛКИ

(Г. И. Окулова-Теодорович)

Если я гореть не буду,
И если ты гореть не будешь,
И если мы гореть не будем,
Кто же здесь рассеет тьму?

Назым Хикмет

Венчали их в тюремной церкви. Перед алтарем чадили тонкие восковые свечи, размахивал кадилом батюшка, тонким дискантом пел дьячок. Все, как обычно при бракосочетании, только низки церковные своды, мрачны лики святых да у массивных дверей стоит, обнажив голову, пожилой жандарм.

Глафира Ивановна давно с презрением относилась к церковным обрядам. Но когда священник произнес слова о том, что жена должна следовать за мужем и сопутствовать ему во всех испытаниях, она крепче оперлась на руку жениха.

Потом по разрешению начальника тюрьмы была отпразднована свадьба. Он сам прислал молодой цветы. Глафира понимала: это лишь лицемерный жест. Завтра начальник тюрьмы опять будет жестоко расправляться с заключенными, особенно с политическими. Но сегодня ее обрадовала корзина цветов в тюремной камере. Сегодня все было необыкновенным.

В большой камере, специально освобожденной для праздничного ужина, был накрыт стол. Новобрачным разрешили пригласить гостей — конечно, лишь заключенных. С воли присутство-

вал только один человек — мать невесты, Екатерина Никифоровна Окулова. Они сидели рядом — обе русоголовые, с тонкими чертами; серые глаза под светлыми бровями смотрят приветливо и открыто. Пожалуй, у Глафиры более нежный овал лица, а в углах рта всегда прячется мягкая улыбка.

Сейчас она видит все чуть в тумане: и праздничный стол, и гостей, и полусонного жандарма, уже успевшего хватить не одну чарку. Зато Яся — так родные называют Ивана Адольфовича Теодоровича — и видеть не надо: она чувствует его рядом, и этого достаточно для полного счастья. Оказывается, можно быть счастливой и в преддверии многолетней ссылки в Восточную Сибирь.

Они идут в ссылку не только как муж и жена, но и как единомышленники. Это еще более укрепляет их союз. Глафира все-таки взглядывает на Ясю — вот его крупное лицо, веселые серые глаза, буйные кудрявые волосы... И она вспоминает, как все это началось, как текла затем ее жизнь до того момента, когда скрестились их пути.

Попробуем и мы оглянуться назад и мысленно воссоздать события семидесятилетней давности.

I

Утро выдалось морозное: зима в Москве легла сразу, прочно, без оттепели. У Глафиры замерзли пальцы, она просунула руку в Катину муфту и сжала ее ладонь. Впервые Глафира участвовала в демонстрации и испытывала смешанные чувства — торжественную радость, даже восторг и ожидание чего-то необыкновенного.

Накануне курсистки узнали, что по решению Совета землячеств Московского университета 18 ноября на Ваганьковском кладбище состоится панихида по тем, кто был задавлен на Ходынском поле в день коронации Николая II. Конечно, эта панихида — предлог для демонстрации. Но студенты ждали такого предлога. Едва рассвело, человек пятьсот собралось во дворе университета, а с ними несколько курсисток.

Вокруг — молодые лица, разрумяненные морозом, опушенные инеем волосы и воротники. Слышны обрывки фраз, смех; кто-то пробует затянуть песню...

Студенты прошли Кудринскую площадь. Позади остался и Зоологический сад — там вчера открылся каток. Потянулись хибары московской окраины, трактиры и дешевые лавки. А к колонне присоединялись все новые группы молодежи — они шли

от Белорусского вокзала и со стороны Москвы-реки. Но недалеко от Пресненской заставы толпа остановилась. Раздались крики, свистки, кое-кто шарахнулся в сторону. Лишь тогда Глафира увидела, что прямо в толпу врезается отряд конных жандармов. Ременными плетками они разгоняли демонстрантов.

Несколько человек все-таки сумели прорваться к кладбищу, пытаясь спрятаться за надгробными плитами и крестами. Бесстрастные ангелы, подняв к небу незрячие глаза, осеняли мраморными крылами бунтовщиков, которые, подобрав полы студенческих шинелей, укрывались от жандармов.

Но обеим сестрам не удалось скрыться. Под натиском жандармов вместе со всеми участниками демонстрации они повернули назад. Опять тот же путь, только в обратном направлении...

По дороге колонна смешалась и стала редеть. Сестры Окуловы продолжали идти вместе с толпой, которую пригнали к зданию университета. Перед студентами появился конный жандармский офицер.

— Господа, приказываю разойтись! — зычно крикнул он.

В ответ раздались возгласы протеста. Из ворот университета выбежала еще группа студентов и присоединилась к товарищам.

— Вторично приказываю разойтись!

— Не имеете права! Долой жандармов! Не устраивайте вторую Ходынку!

Это кричали студенты, а вместе с ними Катя и Глаша, держась за руки, чтобы не потерять друг друга в бушующей толпе.

Тогда казаки стали теснить студентов вниз по Моховой. Отворились массивные ворота манежа, и туда согнали орущую, возбужденную толпу.

В огромном здании манежа пахло сеном и лошадьми, но было немного теплее; студенты стояли, прижавшись друг к другу. Какой-то молодой человек вскочил на плечи соседей.

— Это насилие! — закричал он. Потом в общем гуле Глафира услышала отдельные фразы:

— Мы и здесь помянем погибших... события на Ходынском поле... символ царствования Романовых... Мы знаем: путь отца и деда нынешнего императора также обагрен кровью и устлан трупами лучших людей России...

— Правильно, верно! — кричала Глафира, подымаясь на цыпочки, чтобы лучше видеть оратора.

В это время кто-то взял ее под руку. Человек с помятым лицом, одетый в штатское, вежливо сказал:

— Пройдите туда, барышня.

Глафиру отвели в дальний угол, где под охраной жандармов собралось уже человек сорок. Высокий молодой человек с русой бородкой разыскал в углу скамейку и усадил Глафиру. Они разговорились. Тут же вступили в спор. Глафира защищала тогда взгляды народовольцев. Он был убежденным марксистом. Это не помешало обоим почувствовать симпатию друг к другу. Когда среди задержанных опять появился полицейский, студент успел шепнуть Глафире:

— Иван Теодорович. Может, когда-нибудь еще свидимся.

Они действительно свиделись. Но это произошло не скоро.

В тот день все участники демонстрации, которых удалось согнать в здание манежа, были переписаны полицией, а так называемые подстрекатели были отправлены в тюрьму. В числе арестованных оказались сестры Екатерина и Глафира Окуловы.

Много лет спустя, вспоминая эти события, Глафира написала: «Когда я села на койку, оглянулась на пройденный день, я себе сказала: «Вот определился твой путь»».

* * *

Под арестом держали их недолго. 17 декабря 1896 года объявили приговор: за участие в студенческих беспорядках ссылка на два года под гласный надзор полиции по месту жительства родителей — в деревню Шошино Минусинского уезда Енисейской губернии.

В те годы путь в Сибирь был долгим. Сестры ехали сначала по железной дороге, потом на лошадях. И странно, как только они умостились в низких кошевках и укрылись тулупами, как только лошади тронулись с места и побежали рысцой по наезженной дороге, Глафира забыла про московские неприятности, про усталость, с радостью ожидая встречи с родными.

...Сибирский мороз подгонял лошадей. Вот осталась позади паровая мельница отца, служебные постройки... Вот и мыс, где встречаются замерзшие сейчас реки Туба и Протока. Тут возвышается огромный дом, сложенный из крепких, как железо, лиственничных бревен. Дом купца Ивана Петровича Окулова, золотопромышленника из крестьян.

...Глафира с радостью и тревогой смотрела вперед. На высокое крыльцо выбежала мать, едва успев набросить на голову теплую шаль, за ней младший брат и сестры. Отец, как видно, по обыкновению, был в отъезде.

Кошевка останавливается. Катерина и Глафира сбрасывают тулупы; поцелуи, объятия, слезы матери, смех молодежи...

А вечером при свете керосиновой лампы разговоры о Москве, о курсах, об аресте.

— Как же теперь учиться будешь, Глашенька? — спрашивает Екатерина Никифоровна у дочери.— Конечно, образование у тебя неплохое даже для девушки из зажиточной семьи: все-таки семь классов красноярской гимназии и курсы в Москве. Да ведь ты хотела дальше идти, а теперь застрянешь тут, в Шошине!

— И я говорю, что одногодичных педагогических курсов тебе мало,— вмешивается Катя.

— Я же пошла потом на естественное отделение...

— Арест и ссылка надолго изменят твою жизнь. Но и в ссылке нельзя терять времени напрасно.

Екатерина Никифоровна вздохнула: она понимала, что имеет в виду Катя, боялась за дочерей и не могла, не хотела перечить им.

Сестры явились к исправнику, чтобы поставить его в известность о своем прибытии.

И потянулись дни, однообразные, как снежная равнина, простиравшаяся за стылыми реками до самой тайги.

* * *

Но вскоре пришла весна. Затрещал и тронулся лед на Тубе и Протоке; оделась тайга, и на фоне свежей зелени лиственниц особенно темными казались мохнатые ветви сосен и старых кедров. Зацвели черемуха и шиповник... В это время пришла весть о том, что в Минусинский уезд сослана большая группа политических и несколько человек попали в село Тесинское. До него от Шошина рукой подать — всего каких-нибудь 15 верст!

Катя с Глашей поехали в Тесинское. Все село состояло из длинной немощеной улицы с бревенчатыми избами, крытыми дощатыми крышами. Посреди площади, где возвышалась каменная церковь, бродили гуси и свиньи.

Сестры довольно быстро разыскали избу, в которой жили ссыльные — Глеб Максимилианович Кржижановский с женой и матерью и женатый на его сестре Василий Васильевич Старков. Им было лет по двадцати шести. Старков, коренастый человек с добродушным выражением лица, казался очень крепким физически. Кржижановский — высокий, худощавый — выглядел типичным интеллигентом.

Сестер Окуловых тут встретили радостно и шумно. В тесную избу пришли и другие ссыльные — молодые рабочие Николай

Панин, Михаил Ефимов и Алексей Шаповалов. Начались расспросы, рассказы о прошлом, потом зазвучали песни...

Кржижановский прочитал вслух стихи, написанные им в Часовой башне Бутырской тюрьмы в ожидании отправки в Сибирь:

Вихри враждебные веют над нами,
Черные силы нас злобно гнетут...

Потом запел под гитару песню на стихи, сложенные в Тесинском:

Сосны кругом здесь да ели
Нас, как в тюрьме стерегут.
Только бы другу не смели
Дать они мрачный приют.
Злобные вьются метели,
След заметая людской.
Только бы ярче горели
Чувства в душе молодой!

У Глеба Максимилиановича был звучный, молодой голос; ему хорошо подпевали Панин и Шаповалов. Подтягивали и Глаша с Катериной. И несмотря на грустные слова песни, на душе у обеих сестер стало в тот день светлее и радостнее, будто открылись им новые дали.

С тех пор они стали довольно часто приезжать в Тесинское. Эти поездки были особенно важны для Глафиры.

Катерина, прожившая два года за границей, общалась там с видными политическими деятелями и сразу примкнула к марксистам. Глафира же в Москве считала себя народоволкой.

Только в Сибири под влиянием сестры она стала менять свои взгляды. Теперь Глафира оказалась в кругу убежденных марксистов, людей, обладающих не только теоретическими знаниями, но и опытом революционной борьбы.

Помимо тех, с кем она лично общалась в ту пору, на молодую девушку оказал большое влияние еще один ссыльный. С ним Глафира тогда не была знакома: он жил в селе Шушенском, верстах в восьмидесяти от Шошина, а по тем временам это было расстояние немалое. Старик — так звали между собой друзья Владимира Ильича Ульянова — в Тесинском не бывал, но незримо принимал участие во всех разговорах тесинцев на политические темы. В спорах, особенно с народовольцами, они ссылались на Старика, парировали противников его доводами, а в затруднительные моменты спрашивали друг у друга: «Интересно, как об этом думает Старик?» А Старику было в то время всего 27 лет.

Кржижановский и Старков, товарищи Ульянова по «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса», с восторгом рассказывали о его ясном уме, огромной эрудиции и теоретической подготовке. Как марксиста они ставили Ульянова даже выше Плеханова.

Глафира Ивановна впоследствии говорила об этом периоде своей жизни:

— Мне кажется, что я тогда все время находилась под непосредственным влиянием Владимира Ильича.

Вспоминался ей в ту пору и русобородый студент, с которым она познакомилась в Манеже. Ведь Иван Теодорович был горячим сторонником взглядов, которые настойчиво развивал Ульянов.

...Она продолжала много читать. Марксистскую литературу получала от Кржижановского и Старкова. Эти книги помогли ей окончательно избавиться от народовольческих заблуждений, понять историческую роль рабочего класса как политического вождя народа. Глафира стала социал-демократкой. Может быть, именно потому, что ее взгляды формировались постепенно, в результате глубоких раздумий и переоценки прошлого, Глафира Окулова потом не отступала от них никогда.

* * *

Короткое сибирское лето проходило стремительно. Время скрашивали поездки в Тесинское, чтение книг, прогулки с друзьями к берегу Тубы и подножию горы Егорьевской, приезды их в Шошино.

Тесинцы зачастили к сестрам Окуловым: они хорошо себя чувствовали в этом огромном гостеприимном доме, среди революционно настроенной молодежи. Да и Екатерина Никифоровна, властная хозяйка приисков — она в молодости была человеком передовых взглядов,— то ли под ударами судьбы (как раз нынешним летом у Окуловых в довершение ко всем бедам сгорела паровая мельница), то ли под влиянием старших дочерей стала доброжелательно относиться к их политическим убеждениям, а значит, и к их друзьям. А они, несмотря на большой уже житейский опыт, были очень молоды. Поэтому разговоры и споры на политические темы сменялись безудержным весельем, танцами в огромном зале, играми в саду, катанием на лодках.

И все-таки в этой глуши Глафира чувствовала себя оторванной от активной борьбы; она мечтала вырваться из Шошина —

на первых порах хотя бы в один из сибирских городов, например в Иркутск. Для этой цели нашла себе фиктивного жениха в лице бывшего студента Московского университета Владимира Горяева. Но Горяева перевели из захолустного местечка, где он отбывал ссылку, не в Иркутск, а в село Голоустное. Исчезла надежда уехать из деревни до наступления зимы. А тут еще возникла новая опасность ареста. По этому поводу в октябре 1897 года писал из Москвы в Воронеж неизвестный адресат некоему Ивану Павловичу Рослякову: «Вчера получил письмо от Глаши... предстоит ей месячная высидка в минусинской тюрьме за самовольное отлучение в город, куда она поехала к одному ссыльному, больному тифом. Исправник рассерчал, составил протокол, отправил к мировому, и судья требует попробовать после Таганки, Минусинки. Вторичный суд будет в ноябре. Она сама не прочь посидеть, но доставлять горе родителям, которые и без того убиты, ей тяжело...»

Арест грозил не только Глафире Окуловой, но и Старкову: в Красноярск они отлучались вместе. Избежать этого ареста помог им тот самый Владимир Ильич Ульянов, о котором так много слышала Глафира Ивановна от своих друзей. Юрист по образованию, Ульянов написал апелляционную жалобу в окружной суд, и месячный арест обоим был заменен штрафом в 3 рубля.

Так, еще не будучи знакомой с Ульяновым, Глафира Ивановна все более ощущала его влияние на свою судьбу.

Их первая встреча произошла позже, почти год спустя.

За несколько месяцев до окончания срока ссылки Глафира Ивановна смогла переехать в Красноярск.

А в сентябре 1898 года Владимир Ильич по разрешению местных властей также выбрался на короткое время в Красноярск — якобы для лечения зубов. Он, конечно, не только лечил зубы, но и работал в городской библиотеке купца Юдина над материалами для книги «Развитие капитализма в России», виделся с местными ссыльными, принимал участие в их собраниях. Владимир Ильич писал матери: «Как ни мало в Красноярске публики, а все-таки после Шуши приятно людей повидать и поразговаривать не об охоте и не о шушенских «новостях»...»

Сейчас нельзя точно установить, в какой обстановке и при каких условиях произошла первая встреча Глафиры Ивановны с Лениным. В своей автобиографии она пишет об этом очень лаконично. Но Окулова горячо откликнулась на идеи, более всего волновавшие Владимира Ильича в то время: об укреп-

лении социал-демократической партии, которой предстояло возглавить революционную борьбу рабочего класса в России (ведь за полгода до этого в Минске состоялся I съезд РСДРП), о борьбе со всякого рода оппортунистическими отступлениями и шатаниями — в первую очередь с экономистами,— о создании общерусской политической газеты для объединения революционных социал-демократических сил.

Целеустремленность молодого Ленина, его энергия, четкость поставленных им задач увлекали Глафиру Ивановну; ее революционный путь определился навсегда.

В конце 1898 года срок ее ссылки закончился. Два года назад Глафира Окулова приехала на родину всего лишь революционно настроенной курсисткой с неустоявшимися взглядами; возвращалась она в Россию человеком с твердым мировоззрением, убежденной социал-демократкой, готовой к сознательной и активной борьбе.

Осенью 1900 года Глафира Ивановна ездила в Уфу, чтобы повидаться с Надеждой Константиновной Крупской — ближайшим соратником Владимира Ильича, его другом и женой.

II

Позже, в Москве, Окулова познакомилась с Ольгой Афанасьевной Варенцовой — социал-демократкой, которая недавно отбыла ссылку в небольшом городке Бирске, недалеко от Уфы. Это была худенькая женщина средних лет, с бледным тонким лицом и большими ясными глазами.

Она душевно отнеслась к Глафире Ивановне. Выслушала недлинную ее историю. Спросила:

— Где вы думаете сейчас работать?

— Не знаю. Может быть, в Киеве. Я там работала сразу после сибирской ссылки. Советуют мне Иваново-Вознесенск.

— Я родом оттуда и сейчас переписываюсь с иваново-вознесенскими товарищами. Там есть крепкие, хорошие партийцы из рабочих. Но очень нужны интеллигентные марксисты...

И вот она в Иваново-Вознесенске. Странный город, где в самом центре протекает тихая, заросшая травой река Уводь, на берегу которой толпятся кирпичные здания текстильных фабрик. Невдалеке от них — несколько каменных особняков местных фабрикантов, а дальше во все стороны расползаются немощеные улочки с деревенскими хибарами, где ютятся мастеровые и рабочая беднота.

Глафира Ивановна сняла комнату в избе, что стояла на краю оврага. Нашла несколько частных уроков. Но людей, адреса которых дала ей Варенцова, отыскать не смогла: незадолго до ее приезда все они были арестованы.

Несколько недель Глафира Ивановна жила тихо и замкнуто, тщетно стараясь найти пути для сближения с рабочими.

...Как-то к ней пришел неожиданный гость: кареглазый молодой человек в косоворотке и пиджачной паре. Он снял картуз, назвал себя и спросил учительницу Глафиру Ивановну. Дескать, сам он из мастеровых и хочет подучиться грамоте.

Когда Глафира Ивановна ввела его в горницу, посетитель изменил тон. Он сказал, что недавно вышел из тюрьмы. Из письма Ольги Афанасьевны узнал о приезде в Иваново-Вознесенск ее, Глафиры Окуловой. Понял, как ей трудно сейчас самой налаживать связи в незнакомом городе, где арестованы все руководители социал-демократической организации. Он берется познакомить ее с рабочими.

Глафира Ивановна сначала подумала, что перед ней провокатор. Потом решила довериться незнакомцу и была по-настоящему обрадована: он действительно привел ее на рабочее собрание. Но именно тогда Окулова поняла, какой урон рабочему движению нанес арест руководителей социал-демократического ядра: почти все участники этого собрания решительно высказывались против революционной агитации, опасаясь новых арестов и полного разгрома рабочего движения в Иваново-Вознесенске.

Она возвращалась домой вместе с мастеровым, который пришел к ней по поручению Варенцовой.

— Нехорошо получилось сегодня, Глафира Ивановна,— сказал он, прощаясь.

— Да, не так, как мы с вами думали. Но будем ломать вредные настроения. Не все дается легко. Мы же и находимся здесь, чтобы преодолевать трудности. Не так ли?

Рабочие, входившие в группу, с которой познакомилась Глафира Ивановна, собирались большей частью для чтения книг. Окулова неизменно стала бывать на этих еженедельных вечерних сходках. Будто невзначай заговаривала о невозможности сидеть сложа руки, о необходимости в любых условиях продолжать борьбу. Рассказывала и о знакомых политических ссыльных, об их стойкости и верности революционным идеям — о Старкове, Кржижановском и, конечно, о Владимире Ульянове.

Она была хорошим агитатором: ее беседы достигали цели.

Может быть, имел значение и пример ее собственного бесстрашия: она рисковала больше других... Вскоре Глафира Ивановна с помощью группы рабочих начала выпускать нелегальные листовки.

Текст листовок сочиняла Окулова. Сумела она раздобыть и гектограф, который установила в своей комнате. Соседи не интересовались учительницей, к которой нередко заходили обучаться грамоте молодые рабочие. А они, отложив в сторону учебники, захваченные для конспирации, помогали Глафире Ивановне печатать написанные ею листовки. Потом уносили их, разбрасывали в цехах, общежитиях и казармах.

Работа налаживалась. 1 мая 1901 года Глафира Ивановна отправилась с группой рабочих в лес, за поселок Сластиха. Невдалеке от опушки, у источника, под старыми липами, посаженными в форме беседки, веселился народ, шла бойкая торговля леденцами, подсолнухами и мороженым. А в лесу тоже под видом гулянья собирались рабочие на маевку. Некоторые из них произносили речи; сказала свое слово и Глафира Ивановна.

Кажется, именно с того дня она стала замечать, что ее неотступно преследуют одни и те же лица. Пришлось на время прекратить печатание листовок и встречи с товарищами.

* * *

Контора известного московского фабриканта Викулы Морозова находилась на Варварке: в начале века это была одна из самых оживленных улиц торговой Москвы. Вот он — большой дом, сложенный из красного кирпича. Статная, миловидная девушка медленно поднимается по узкой деревянной лестнице на второй этаж. В полутемной комнате с низким потолком сидят за столами несколько человек и перебрасывают костяшки счетов.

Девушка останавливается в дверях и просит вызвать Павла Павловича Ногина. К ней подходит молодой конторщик. Он спускается вместе с посетительницей во двор, где стоят возы, груженные товаром, покрикивают приказчики, размахивая накладными.

Конторщик, любезно улыбаясь, отводит девушку в сторону. Она произносит странные слова:

— Позвольте получить по счету Леопольда.

— Понятно,— говорит Ногин. И потом другим уже тоном, почти свистящим шепотом, добавляет:

— Грач будет ждать вас сегодня. Запомните пароль, и адрес...

Глафира Ивановна Окулова кивает головой, стоит несколько секунд молча — видимо, чтобы запомнить явку.

А часа через два в кондитерском магазине встреча с тем, кого Павел Ногин назвал Грачом. Это был щегольски одетый блондин лет под тридцать; светлая бородка обрамляла его лицо. Глаза смотрели уверенно и твердо, а под усами затаилась усмешка.

Глафира Ивановна знала, что беседует с известным революционером-подпольщиком Бауманом, который сидел в Петропавловской крепости, два года назад бежал из ссылки, а теперь занимался распространением газеты «Искра», издававшейся за границей Владимиром Ильичем Ульяновым-Лениным — тем, кого товарищи по сибирской ссылке называли Стариком.

Глафира Ивановна и Бауман встретились, как старые знакомые, выпили по чашке кофе и вышли на улицу. Взяли извозчика, доехали до какой-то окраины. Там на одинокой лавочке, недалеко от Яузы, состоялся их разговор.

Бауман спросил ее, что она делала последнее время.

— Работа рядового подпольщика,— ответила она, улыбнувшись.

Надо ли было расшифровывать то, что скрывалось за этой короткой фразой? Переезд в Киев, работа в пропагандистских кружках. Потом Иваново-Вознесенск.

— Мне удалось сколотить группу товарищей. Мы выпускали листовки и уже стали именовать себя Иваново-Вознесенским комитетом РСДРП, наладили связь с учащейся молодежью. Но недавно я заметила, что за мной следят. И очень настойчиво. По совету товарищей решила обратиться к вам. Как быть дальше? Может, не бояться ареста и вернуться назад? Если это нужно для пользы дела, я готова.

Бауман посмотрел на лицо девушки. Глаза ее были серьезны и выражали не опасение, а только вопрос.

— Вот что. Пословица говорит: «Смелость города берет». Мне нравится ваше бесстрашие. Но революционер должен сочетать храбрость с величайшей осторожностью, горячее сердце с трезвым расчетом и хладнокровием. Чего вы достигнете, если жандармы снова упрячут вас в тюрьму? Это будет лишь на руку тем, кто говорил о несвоевременности революционной борьбы. Нет, оставаться вам в Иваново-Вознесенске сейчас нельзя. Но нельзя и бросить налаженную работу. Советую вам: поезжайте в какой-нибудь небольшой город — скажем, в один из городков Рязанской губернии. Попробуйте оттуда снабжать ивановцев листовками и литературой.

— Как же я сама не подумала о таком выходе? Так просто...
— Эх, насчет простоты увидите на месте.

Прощаясь, Глафира Ивановна с благодарностью пожала сильную узкую руку Николая Эрнестовича. Вскоре она встретилась с Бауманом совсем при других обстоятельствах.

* * *

В Рязанской губернии Окулова работала недолго: из Иваново-Вознесенска пришло шифрованное письмо о том, что там опять произошли массовые аресты; листовки присылать некому.

Глафира Ивановна поехала на родину, а осенью 1901 года ее снова увидели в Киеве. Там работала большая группа искровцев. Окулова стала членом Киевского комитета РСДРП.

Шпики следили за ней и в Киеве, но она от них ловко ускользала. Опять зарабатывала на жизнь частными уроками, маскируя этим другую, тайную сторону своей деятельности. Привлекательная, всегда скромно, но со вкусом одетая, она успешно играла роль кокетливой барышни с обширным кругом знакомых.

В донесении шпика, которое хранится в деле департамента полиции, заведенном в 1898 году, «о дочери купца Глафире Ивановне Окуловой» говорится: «Проживает в Киеве, учится акушерству и дает уроки в частных домах. Неблагоприятных сведений не поступало».

А она опять писала листовки и прокламации, распространяла газету «Искра», вела пропаганду в рабочих кружках.

...Стопку «Искры» она получала у молчаливой девицы, которая жила на окраине Киева. Тщательно прятала тонкие пачки под корсет, за подкладку жакета или пальто, зимой — за подкладку муфты. Она выходила из конспиративной квартиры без всякой ноши, со свободными руками. Не спеша шла по улице, изящная, спокойная, играя роль барышни, которая возвращается с прогулки.

Был случай, когда Глафире Ивановне показалось, будто за ней следят. Какой-то тип в соломенной шляпе конотье преследовал ее неотступно. Незадачливый ухажер или шпик? Он ждал ее у дверей магазинов, куда Окулова заходила якобы за покупками, вскочил за ней в вагон трамвая, проскользнул вместе с ней в проходной двор.

Глафира Ивановна почувствовала тревогу: сегодня обязательно нужно было взять последние номера «Искры», а неутомимый преследователь не отставал. Окулова решила идти напролом. Она остановилась около какой-то афиши: обладатель

конотье стал внимательно изучать висевшее неподалеку объявление. Глафира Ивановна обернулась к нему.

— Это неприлично, молодой человек! — воскликнула она.— Прекратите свои преследования. У меня достаточно поклонников и без вас, кроме того, не в моих правилах знакомиться на улице!

Шпик такого не ожидал, он явно растерялся. Приподнял свое конотье, извинился. А Глафира Ивановна, пылая возмущением, ушла. В тот день она опять вынесла под корсетом несколько пачек «Искры» и доставила их на другой конец города. Оттуда «Искру» передавали рабочим для распространения на предприятиях. Глафира Ивановна чувствовала себя всего лишь одним звеном в той цепи, которая связывала редакцию «Искры» с рабочим классом России, но выкинь несколько таких звеньев, и порвется вся цепь! Поэтому она добивалась строжайшей конспирации.

...Но несмотря на осторожность, Окулова все-таки попала в руки полиции. Это произошло в ночь на 9 февраля, когда, по выражению одного из чиновников департамента полиции, происходила «общая ликвидация» Киевского комитета РСДРП.

Опять тюрьма. На допросах Окулова решительно отказалась признать себя виновной в связях с искровцами. Из-за отсутствия улик через семь недель она была освобождена из-под стражи, отдана под особый надзор полиции и выслана в Чернигов ожидать приговора.

III

Вечером после приема пациентов зубной врач Елизавета Аннарауд поехала в гости. Вернувшись домой, она увидела страшную картину. В комнатах у нее находились посторонние люди и хозяйничала полиция. Все было перевернуто. На столе приемной вместо растрепанных комплектов журнала «Нива» лежали груды каких-то бумаг. Елизавета Аннарауд, несмотря на душевное расстройство, краем глаза успела их рассмотреть. Это была газета «Искра», листовки, озаглавленные «Суд над крестьянами», «Письмо рабочего». И какие-то стихи, напечатанные на пишущей машинке. Конечно, недозволенного содержания.

В полной растерянности Елизавета Аннарауд села на стул... Позже, на допросе, дантистка рассказала не очень правдоподобную историю о том, что днем одна из пациенток попросила

у нее разрешения воспользоваться квартирой для встречи с другом, так как живет не одна.

— Я пожалела молодую даму и, собираясь в гости, разрешила ей вечером прийти ко мне с приятелем.

Сейчас трудно установить, насколько справедливы были показания Елизаветы Аннарауд и была ли она связана с искровцами. Материалы дела не проливают света на эту подробность. Но в те годы члены подпольных организаций нередко устраивали явки в приемных частных врачей. Так или иначе, но именно на квартире Елизаветы Аннарауд была задержана группа искровцев — членов вновь организованного недавно Московского комитета РСДРП. Их было четверо. Как значилось по документам, дочь священника Юлия Николаевна Лепешинская, инженер Николай Леонидович Мещеряков, служащий статистического управления Семен Лазаревич Вайнштейн и служащий страхового отдела московской губернской земской управы Иван Адольфович Теодорович. Их всех водворили в московскую губернскую тюрьму, на Таганке.

Пожалуй, именно Теодорович, по мнению полиции, представлял наибольшую опасность для самодержавной власти Российской империи. Ему шел двадцать восьмой год, однако, будучи прапорщиком запаса, он успел не только окончить курс Московского университета по естественноисторическому отделению, но и послужить революции. Еще в 1895 году Теодорович примкнул к социал-демократам, а по окончании университета стал профессиональным революционером, побывал в ссылке, нелегально вернулся в Москву... Он знал, что ему грозит теперь значительно более тяжелое наказание, чем ссылка на родину. И все-таки гораздо больше, чем собственное будущее, его волновала судьба девушки, известной всем как Зоя Николаевна Юнеева. Она была прислана из Самары Российским бюро «Искры». До приезда в Москву ей приходилось выезжать по поручению бюро в самые различные города — в Саратов, Бузулук, Чернигов. Она завязывала связи с местными комитетами, перевозила нелегальную литературу. Смеясь, иногда вспоминала, как ловко водила за нос филеров, меняя головные уборы в шляпных магазинах, переодеваясь у знакомых портних, исчезая в проходных дворах.

И сейчас, забывая об опасности или нарочно не думая о ней, Зоя Николаевна, она же Зайчик, вела в Москве большую конспиративную работу. Ездила в Петербург и в Псков за искровской литературой, а также для связи с руководящими партийными деятелями. В Петербурге виделась с Жуликом — это была

кличка известной социал-демократки Елены Дмитриевны Стасовой; в Пскове — с Лаптем — Пантелеймоном Николаевичем Лепешинским, которого знала еще по ссылке. А находясь в Москве, занималась не только распространением нелегальной литературы, но и вместе с Ольгой Николаевной Каменской — Верой Гурвич,— пользуясь секретными чернилами, вела конспиративную переписку с заграничными руководителями «Искры»... Ему показалось, что он и прежде встречался где-то с Юнеевой. Но при встречах спросить не решался. К тому же это могло нарушить правила конспирации.

В начале ноября Юнеева опять выехала в Петербург. За несколько дней до этого она и Теодорович объяснились.

Зоя Николаевна жила на Первой Мещанской, в одном из Грохольских переулков, недалеко от Ботанического сада. Иван Адольфович провожал ее; несмотря на ненастную погоду, они зашли в Ботанический сад. Деревья стояли обнаженные, пожелтела хвоя лиственниц, снегом припорошило клумбы с увядшими цветами. Они дошли до пруда, уже затянутого тонкой ледяной коркой. Зоя Николаевна села на скамейку недалеко от старой ивы с толстым, в два обхвата, стволом. Спрятала руки в маленькую муфту, задумалась о чем-то. Потом спросила:

— Вы помните демонстрацию зимой 1896 года? Манеж и девушку, которая так настойчиво защищала свои народовольческие взгляды?

— Так вот откуда я вас помню,— растерянно произнес Теодорович.

— Только мы познакомились как политические противники, а встретились вновь как идейные союзники.

В тот день он сказал, что любит ее. Конечно, им будет трудно; говорят, профессиональным революционерам лучше не иметь семью. Но ведь любовь не только связывает людей — она придает им больше сил, чтобы переносить невзгоды и лишения.

Она назвала ему свое настоящее имя. Не то, к которому он привык, а Глафира Ивановна Окулова. За ней уже числилось пребывание в ссылке и еще одно дело по Киеву: она бежала из-под надзора полиции, раздобыла чужой паспорт, чтобы, скрываясь под чужим именем, продолжать борьбу.

— Тебе нельзя попадаться — наказание будет суровым,— сказал он.

— Меня поймать не так легко,— ответила Глафира Ивановна.— А теперь буду еще осмотрительнее.

Через несколько дней она уехала в Петербург: потом его арестовали.

Останется ли она на свободе? Ведь если ее арестуют, ей грозит двойное наказание, может быть, каторга. И какой приговор ждет его самого?

Теодорович ходил взад и вперед по камере, не зная, как получить ответ на эти мучительные вопросы.

* * *

А Глафиру Ивановну все-таки арестовали. Она приехала в Петербург 12 ноября и остановилась на Бассейной улице, у дочери коллежского советника Конкордии Федоровны Андреевой. К ней была явка. Несколько раз, маскируясь и переодеваясь, Окулова встречалась с Еленой Дмитриевной Стасовой и перенесла от нее довольно много искровской литературы. Кроме того, она посетила несколько других партийных товарищей, в том числе студента Петербургского университета Рожанского.

В конце месяца Окулова выехала обратно в Москву. Кто мог предположить, что в саквояже молодой элегантной женщины с независимой осанкой хранятся нелегальные газеты и листовки? Между тем за каждым шагом Окуловой следила полиция — теперь это видно по донесениям филеров.

Ее почему-то в поезде не обыскали, и она, ничего не подозревая, вернулась домой, в Грохольский переулок. Сумела даже передать привезенную литературу. Но 9 декабря она была задержана прямо на улице. В ее сумочке нашли флакон с чернилами для тайнописи, аспидную записную книжку и открытое письмо на имя Юнеевой конспиративного содержания. Это были прямые улики. Ее отправили опять в Таганскую тюрьму.

...По делу московских искровцев было арестовано в те дни 27 человек. На допросе Глафира Ивановна была вынуждена открыть свое настоящее имя и причастность к делу киевских социал-демократов. Все остальные обвинения, предъявленные ей, решительно отвергала.

Потянулись бесконечные дни и ночи ее третьего ареста. Общительная по натуре, она страдала от одиночного заключения. Ей было уже известно об аресте многих товарищей, в том числе и Ивана Теодоровича. Не успев соединиться, они должны были опять расстаться на много лет. В какой же тюрьме он сидит?

Однажды, возвращаясь с прогулки, она встретилась с Иваном лицом к лицу. Глафира Ивановна ринулась к нему, но конвойный винтовкой оттеснил ее назад. Снова ее втолкнули в одиночку.

Они виделись еще несколько раз урывками, едва успевая переброситься короткими фразами. Их обоих утешало то, что они находятся в одной тюрьме, привлекаются по одному делу, значит, связаны общей судьбой.

Наступила весна 1903 года, а следствие по делу московских искровцев еще продолжалось. За зиму Глафира Ивановна побледнела, осунулась, стала кашлять. Донимали сырость в камере, бессонница, головные боли. Она и ждала приговора — скорее бы из одиночки, хоть на каторгу! — и опасалась его: боялась окончательной разлуки с Иваном.

Как-то на прогулке он сунул ей записку. Глафира Ивановна прочитала ее в камере. Теодорович писал, что их ждет скорее всего далекая ссылка. Надо ехать вместе, и единственная возможность для этого — обвенчаться немедленно, сейчас же. Если она согласна, он подаст прошение тюремному начальству.

22 июня 1903 года состоялось их бракосочетание.

IV

Уже будучи мужем и женой, они еще несколько месяцев просидели в заключении. Осенью по постановлению особого совещания до вынесения окончательного приговора их отправили в ссылку в Восточную Сибирь. Предстоял долгий путь в Якутию. Потом, вероятно, много лет пребывания в каком-нибудь далеком селе. Что ж, каждый из них был готов к такой судьбе.

В ясный осенний день Глафиру Ивановну вместе с другими арестантками вывели на тюремный двор. Иван Теодорович уже стоял в шеренге, готовой к отправке. Он мало изменился в тюрьме: такой же высокий, плотный, с вьющейся шевелюрой и открытым взглядом голубых глаз. Только побольше отросла русая бородка, обрамлявшая его лицо.

Значит, они все-таки идут вместе. Радостная, почти счастливая, Глафира Ивановна подошла к нему.

— Ясь,— окликнула она тихо.

Он кивнул.

— Хорошо. Будь здорова. До встречи. Есть новости, расскажу потом.

Так начался путь в ссылку. Она сама избрала такую судьбу.

Только зимой добрались Теодоровичи до села Олекминского, где наконец соединились под одной крышей. Здесь им предстояло прожить трудные, но по-своему счастливые годы. А новость, которую хотел сообщить Иван Теодорович жене

перед выходом по этапу, касалась не только их двоих. Это была весть о II съезде Российской социал-демократической рабочей партии, о борьбе, которая произошла на съезде между сторонниками Ленина и оппортунистами, о расколе внутри партии на большевиков и меньшевиков.

В автобиографии Глафира Ивановна написала об этом следующие слова: «И я, и товарищ Теодорович присоединились к фракции большинства и так остались всю жизнь».

Флора Винокурова

«КАРЬЕРА»

(А. М. Панкратова)

Благо людей в жизни,
а жизнь в работе.

Л. Н. Толстой

Анна Михайловна очень устала в этот день. Правда, он мало чем отличался от других, а она привыкла вставать спозаранку и трудиться до ночи. Но к вечеру этого дня она испытывала такое переутомление, какого еще не знала. Почему?

В дверь заглянула дочь Майя.

— Мама, ты бы пошла спать. Какая ты бледная! Не захворала ли?

— Нет, просто устала. Заснул Сережа?

— Да, но сперва поворчал: «Почему меня так рано укладывают? Я хочу побыть с бабушкой».

Анна Михайловна улыбнулась. И она бы не прочь поболтать с любимым внуком. Но не сегодня...

— Мне еще не скоро удастся прилечь, Майя. Нужно закончить статью, а к полуночи поехать во Внуково, встретить английского гостя — Вебстера.

Дочь ушла, зная, что уговоры бесполезны. Анна Михайловна почти всегда писала по вечерам. Днем было некогда. Не посмела Майя Григорьевна сказать и то, что ночью на аэро-

дром мог бы поехать кто-нибудь другой. Таков уж характер у ее матери: никогда она не уклонится от того, что считает своим общественным долгом.

Тихо в кабинете. Сидя в кресле у письменного стола, Анна Михайловна посмотрела на календарь. 27 сентября, год 1956-й. Запись на листке напоминала распорядок дня. В 9.30 началось заседание редколлегии сборника «Профессиональное движение в СССР». Потом как главный редактор журнала «Вопросы истории» работала над материалами, в которых ей поручил разобраться Центральный Комитет партии. Наскоро пообедала по настоянию своего секретаря, знавшей, что если главному редактору не напомнить, то она за целый день и крошки в рот не возьмет. В три часа дня началось партийное собрание. Оно было довольно бурным. Перед историками возникло немало задач после XX съезда партии. Многое нужно было переосмыслить в исторической литературе...

Усталая и взбудораженная, Панкратова поехала к восьми часам вечера на прием в посольство Эфиопии. Не успела она войти в многолюдный зал, как к ней буквально подлетел бойкий молодой человек — корреспондент какого-то буржуазного органа печати, названия его Анна Михайловна не запомнила: мысли все еще были заняты тем, что происходило на собрании.

— Госпожа Панкратова, какая удача, что я вас встретил здесь! — сказал корреспондент.— Прошу вас, дайте мне небольшое интервью. Нашим читателям будет весьма интересно ознакомиться с биографией женщины, сделавшей такую блестящую карьеру.

— Карьеру? — переспросила Анна Михайловна с неприятным чувством, словно прикоснулась к чему-то скользкому, отталкивающему.

— Ну да,— ответил корреспондент и, вынув блокнот, стал читать: — «Академик, член Президиума Верховного Совета СССР, член Центрального Комитета КПСС, председатель Центрального правления Советской ассоциации и вице-президент Всемирной федерации ассоциаций содействия ООН». Это, очевидно, неполный список ваших постов, госпожа Панкратова. Ведь, если не ошибаюсь, вы не только возглавляете журнал «Вопросы истории», но и являетесь также профессором Московского государственного университета и Академии общественных наук...

— Вы прекрасно осведомлены, я вижу,— усмехнулась Анна Михайловна.— Непонятно только, почему вы все это называете карьерой.

— А как же иначе назвать такое блестящее положение?

— Боюсь, что нам с вами не понять друг друга. То, что вы считаете карьерой, для меня — труд, работа с полной отдачей сил обществу, новому обществу, ради создания которого мы не жалели жизни...

И Панкратова уклонилась от интервью, сославшись на большую занятость. Она едва сдерживала раздражение, расставаясь с назойливым журналистом. Это чувство и сейчас не покидало ее, вызывая еще большую усталость после нервного напряжения этого дня. Да, здоровье, нервы стали сдавать, если такой двухминутный разговор смог так выбить из колеи.

Она сидела в тишине своего кабинета и никак не могла собраться с мыслями, чтобы закончить статью. Быть может, впервые почувствовала груз своих пятидесяти девяти лет. Да, дело, видно, явно идет к старости, если не работается и одолевают воспоминания о прожитом, вызванные этим неприятным словом «карьера»...

Четверо ребят, мал мала меньше — ей, старшей, Нюрке, всего-то десять — сидят, склонившись над столом, готовят фитильки по заказу лампадной фабрички. Отца в ту пору уже не было. Как пришел он с русско-японской войны, разбитый духовно и физически, так и не оправился. Каково было матери после его смерти прокормить детей на свои сезонные заработки уборщицы в ванно-лечебном заведении на одном из одесских лиманов! Вот и приходилось детям прирабатывать жалкие гроши изготовлением постылых фитильков...

Томительно долго тянулись годы голодного, беспросветного детства. Каким чудом удалось Нюре, отягощенной заботами о младших ребятах, научиться грамоте, про то она и сама не могла бы рассказать... Только жажда к чтению была у нее неуемной. Когда она училась в народной школе, ой как трудно приходилось. На приготовление уроков не хватало времени, забот по дому было по горло. И все же училась хорошо. Учительнице девочка так полюбилась, что она помогла ей поступить в гимназию. А там Нюра своими успехами добилась освобождения от платы за учение. С восьмого класса даже стала получать стипендию имени Л. Н. Толстого, учрежденную после смерти писателя. С четырнадцати лет она уже прирабатывала уроками.

Мать не могла нарадоваться на свою помощницу и опору. Только болело материнское сердце, боялась она за свою старшую, видя, как ночами она пишет листовки и нередко по вечерам куда-то уходит. Молчала Елизавета Никифоровна, зная,

что Нюра связана с революционными кружками, понимала, почему такой путь избрала дочь.

Думала ли Анна Панкратова о карьере, когда еще студенткой исторического отделения Высших женских курсов преподавала в воскресной школе для рабочих, а по вечерам в нелегальных кружках рассказывала о подвигах революционеров?!

В числе передовых студентов Одессы, боровшихся за слияние Высших женских курсов с университетом, была и Анна Панкратова. Какой большой казалась им тогда победа женщин, добившихся уравнения в правах с мужчинами на получение высшего образования!

Но вот грянула Февральская революция 1917 года. Историк Анна Панкратова, одна из лучших выпускниц Одесского университета, организует группу молодежи для работы в сельских районах. Она понимает, что для свершения подлинной социалистической революции наиболее сознательная часть крестьянства должна в союзе с ведущей революционной силой — пролетариатом добиться мира для всего народа, земли для тех, кто ее обрабатывает. Наряду с просветительской и агитационной работой Панкратова помогает создавать крестьянские Советы и земельные комитеты. Весть о свершении Октябрьской революции застает ее в деревне.

А вскоре на штыках немецких оккупантов в родной край пришла гетманщина. Только что созданные органы Советской власти эвакуировались в Крым. Там Анна Михайловна работала в редакции газеты Симферопольского губпрофсовета. Когда, будучи студенткой, она мечтала стать писательницей, то не предполагала, как пригодится ее перо новой, рабоче-крестьянской власти, каким страстным публицистом она станет. Но вскоре она возвратилась в Одессу и на долгие месяцы связала свою судьбу с подпольем.

Это был период, когда опасности подстерегали на каждом шагу. Приходилось то и дело менять внешний облик, переодеваться в торговку или в купчиху, чтобы под носом у врага распространять партийную печать. Думала ли Анна Панкратова о карьере, когда в тяжелую пору господства французских интервентов она вступила в партию большевиков?!

...Партийная работа! Когда в августе 1919 г. Одессу захватили деникинцы, нужны были поистине героические усилия, чтобы продолжать ее в этот период жестокого разгула реакции, буйствовавшей в предвидении своей неминуемой гибели. В эту пору Нюра (так звали ее близкие товарищи, а подпольная

кличка ее была Палич) отвечала за партийную работу в большом рабочем Пересыпско-Слободском районе.

Порой какой-нибудь курьезный случай глубже запоминается, чем иные эпизоды подпольной биографии. Одна из явочных квартир находилась на Молдаванке, в помещении за молочной лавкой, какие встречались здесь на каждом шагу. У Нюры была назначена тут важная встреча. Но, волнуясь и торопясь, она перепутала пароль! «Можно ли купить пять бутылок кефира?» И хозяйка лавки, вместо того чтобы провести ее в соседнюю комнату, поставила на стол перед растерявшейся Нюрой... пять бутылок кефира. Никогда еще любимый напиток не казался таким отвратительным на вкус, как в этот злополучный день! Едва справившись с одной бутылкой, Нюра ускользнула из лавки, испытывая непереносимые чувства досады и стыда. Конечно, выход был найден, и нужная встреча состоялась. Но потом она нередко весело смеялась вместе с товарищами при одном только упоминании слова «кефир».

В ноябре, когда особенно свирепствовал белый террор, многие партийные руководители были арестованы, в том числе секретарь горкома партии Роза Лучанская. Ее место заняла Нюра Панкратова. Руководить в ту пору партийной организацией всего города — значило взять на себя большую ответственность. Вести работу было неимоверно тяжело. Но, казалось, что силы и энергия Нюры удесятерились. Все она успевала — и проводить большие организационные дела, и писать в подпольную газету «Одесский коммунист», и принимать героические конспиративные меры, чтобы помогать арестованным товарищам, передачами, записочками поддерживать в них силы, подорванные пытками, издевательствами со стороны тюремщиков. Часто, очень часто Нюра сама находилась на волосок от смерти.

...Из заветной пачки реликвий тех дней Анна Михайловна достала почти истлевший газетный листок. «Одесский коммунист». Орган Областного и Городского Комитета Коммунистической Партии Большевиков Украины. В рамке — № 146. Бесплатно. Сверху, в левом углу: Январь 1920 г.

Только те, кто сам посвятил революции свою жизнь, могут понять, чего стоило городским коммунистам, которыми руководила Нюра Панкратова, издавать в подполье такую газету и распространять ее в то время, когда озверевшие деникинцы, чуя нестойкость своей власти, проявляли безмерную жестокость. Это было буйство обреченных. Но оно многим стоило жизни...

Анна Михайловна держит в руках первую полосу столь дорогой ей газеты, в которой было напечатано так много написанных ею страстных революционных статей. Эта газета посвящена светлой памяти замученных товарищей. Тут опубликованы последние письма девяти коммунистов, осужденных 4 января 1920 года военно-полевым судом деникинцев на смертную казнь. «Умираем с полным сознанием, что правое дело, за которое мы погибаем, восторжествует...» «Я уверен, что мои младшие братья пойдут по моим стопам и отмстят кому следует...» «Мое желание, чтобы все мне близкие отнеслись к моей смерти так, как отношусь я — легко и сознательно. Прощайте...» «Умираем, но торжествуем и приветствуем победоносное наступление Красной Армии»... «Бодро идем умирать, сознавая, что на воле остались товарищи, которые продолжают работать, и что дело великое близится к торжеству...»

Анна Михайловна знала, что, говоря о близких, о тех, кто работает на воле, ее товарищи думали и о ней.

И вот сейчас, читая свою передовую «Процесс 17», снова так же глубоко переживала она волнения того далекого времени.

«Мы привыкли ко многому. В истории революционного движения было много процессов, более или менее чудовищных. Но такого кошмарного, нелепого суда, когда более половины осужденных к смерти или каторге состояло из горячей, революционно-настроенной и только попробовавшей приложить свои силы в партийной работе молодежи, а половина из людей лишь косвенно причастных к этой молодежи, которую пытками и нечеловеческими издевательствами заставили выдать тех, кто к ним имел хотя бы слабое отношение,— такого процесса мы еще не знали.

Эти молодые, полные юношеского идеализма и революционного энтузиазма письма из застенков, писанные после таких страшных мучений и пыток, говорят сами за себя: комментировать не нужно. Они умерли, как молодые герои. Накануне казни охранявшая их стража принесла им вина. Они выпили за победу революции. Караул, который должен был вести их на расстрел, отказался расстреливать. Тюрьма отказалась принять их. Казнь в назначенную ночь не состоялась. Провели ночь снова в участке, поддерживая и ободряя друг друга, твердые и уверенные, что смерть их не останется неотмщенной.

Дорогие товарищи!

Вы умерли с честью. Мы, оставшиеся, знаем об этом. Дело,

за которое вы умерли, с вами не только не умрет, а обильно политое вашей невинной кровью, даст пышные всходы.

Вслед за вами, на смену вам, идут еще многие, многие десятки и сотни неустрашимых революционеров-бойцов. Над вашими безвременными могилами мы будем не говорить, а действовать, чтобы покрыть ваши могилы красным знаменем социалистической революции еще тогда, когда ваш прах еще не успеет остынуть.

Белые совершили свое злое дело.

Очередь за красными встать для отмщения.

Н-ра».

Для этого же номера «Одесского коммуниста» Панкратова написала тогда большую статью о политике Советской власти на Украине, говоря в ней о национальной политике партии, об отношении к крестьянину-середняку, о многом другом, что делалось партией для народа. Все в этой статье вселяло веру в то, что скоро по всей Украине будет восстановлена Советская власть...

...Откинувшись в кресло и закрыв глаза, Анна Михайловна как бы снова переживала все, что пришлось ей испытать в тот необыкновенный день 7 февраля 1920 года, когда с возвращением в Одессу Советской власти она у ворот тюрьмы встречала выпущенных на свободу товарищей. Чуть не задушила она тогда в своих объятиях Розу Лучанскую. Сорвав с головы старомодную шляпку, она стала прыгать, с упоением крича: «Долой подполье!»

С головой окунулась она потом в массовую работу, возглавив отдел губкома по работе среди женщин. Всю душу вкладывала в свои выступления перед труженицами родного города, призывая их активно участвовать в организации новой жизни. Радостно было видеть, что слово ее доходило, проникало в сердца, что женщины горячо принимались за дело, что каждый успех вселял в них гордость и новые силы...

Да, вот так начиналась ее «карьера».

...Нет, сегодня уже не удастся закончить статью. Мысли все время возвращаются к прошлому. Анна Михайловна открыла ящик, где лежали письма, которые ей были особенно дороги.

Пожелтевшие листочки с поблекшими чернилами — письма одесских друзей, которые она получала в конце двадцатого года в Харькове, где вела работу сперва в ЦК партии Украины, а потом как секретарь Петинского райкома.

А вот письма Володи Домбровского, которому она сама часто писала с Урала, из Касли, куда ее направили на один из старейших металлургических заводов. Дружба с Володей завязалась с гимназических времен, когда она встретила на одной из нелегальных квартир симпатичного черноглазого мальчугана, с которым сразу нашла общий язык. Володя помогал ей в занятиях латынью, оба они увлекались чтением. Потом как-то пути их разошлись. Домбровский все больше уходил в науку. А она стремилась в рабочую гущу, туда, где потруднее, где обстановка тяжелее, жизнь кипучее. Такими были два года пребывания на Урале. Будучи председателем заводского комитета, Анна Панкратова с головой окунулась в работу. Никогда так остро, тонко и глубоко не воспринимала она красоту, движение, силу, гармонию заводской жизни, которая вызывала в ней даже величайшие эстетические переживания. Позднее, когда ее избрали ответственным секретарем профсоюза металлистов в Екатеринбурге, а потом — секретарем губпрофсовета, она продолжала с увлечением участвовать в делах уральских рабочих, близко знакомясь с условиями их труда и быта. Одновременно она с интересом изучала архивы, подбирала все, что связано было с историей уральского пролетариата.

Да, пришлось прочитать сотни документов, статей и книг для того, чтобы написать свой первый исторический труд: «Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику».

Уже в Москве, куда ее направили учиться, она представила в приемную комиссию Института красной профессуры свою рукопись. Приятно было, что ее не только освободили от экзаменов, но и сразу же приняли на второй курс исторического отделения, в семинар М. Н. Покровского. Всю жизнь она была признательна за все, что получила от него и его коллег — знатока истории социализма В. П. Волгина и других ученых — историков и философов. В ту пору и определилось ее призвание ученого-историка.

Отложив в сторону пачку старых писем, Анна Михайловна задумчиво оглядела авторские экземпляры книг, занявшие не одну полку в книжном шкафу. Почти сто их набралось. А статей было написано много больше. Но не только в тиши кабинета создавались эти произведения. Всегда в гуще жизни, в активной общественной и педагогической деятельности, она и отдавала свои знания, и черпала их. Участие в жизни народа заостряло восприятие, наблюдательность, способность к логическим выводам. И все накопленное богатство снова возвращалось ученикам, коллегам по работе, изливалось все в новых и

новых научных трудах. Люди, зная ее неутомимость, стремление к самоотверженной отдаче сил и знаний, избирали Анну Михайловну своим представителем в Верховный Совет, тем самым доказывая свое доверие, свою признательность за все, что она так щедро отдавала. Да, всегда, всю жизнь, как и в молодые годы, она стремилась туда, где потруднее, где обстановка тяжелее, где жизнь кипучее и работа интереснее.

Много сил отдано было ею молодежи, для которой она создавала учебники, дававшие основы исторических знаний и школьникам и студентам. Вырастила она и большую плеяду молодых историков.

Нередко ученые многих стран мира спрашивали ее совета. Вот письмо англичанина из Кембриджа — благодарит госпожу Панкратову за согласие помочь ему в работе, посвященной истории развития рабочего класса в разных странах Европы. Почти печатный лист занял ответ ему, содержавший фактические данные, для сбора которых ей пришлось просмотреть сотни страниц многих книг. Главный редактор издательства Токийского университета просит ее написать предисловие к японскому изданию «Истории СССР», изданной под ее редакцией в трех томах. Женщина-историк, коллега из Польши, благодарит за присланную литературу и документы, помогающие в создании большого труда по истории Польши. Письма из Чехословакии, Болгарии, Венгрии, Индии, Италии...

В каких только странах ей самой не довелось побывать, как часто приходилось выступать на международных встречах историков! Но, пожалуй, самыми дорогими для нее были письма советских людей — рабочих, колхозников, школьников, педагогов, ученых. Зачастую ее ответы-консультации могли заменить любую самую содержательную лекцию, и это потому, что и в них она стремилась вложить не только знания, но и душу.

И еще одно дело было ей дорого — борьба за мир. В отдельной папке хранилась у нее переписка с норвежской ученой, профессором университета в Осло Ингрид Дал.

Анна Михайловна стала перечитывать русские оригиналы, которые она давала переводить на немецкий язык для пересылки госпоже Дал. Первое письмо было написано почти шесть лет назад — начало большой переписки, вызвавшей взаимное чувство симпатии.

«Уважаемая госпожа Ингрид Дал! Мне стало известно, что вы колеблетесь подписать Стокгольмское воззвание, которое уже подписали 500 миллионов сторонников мира. Вы хотите

оставаться нейтральной в борьбе за мир, очевидно, полагая, что нейтральная позиция сохранит вам возможность спокойно продолжать вашу научную работу... сохранит в безопасности привычную вам обстановку жизненного распорядка и уютного домашнего быта. Увы! Давно прошли времена, когда можно было заниматься своими личными делами, не втягиваясь в политическую борьбу... Сейчас политический «нейтралитет» — это само по себе активное участие и даже содействие одному из борющихся лагерей — лагерю войны, лагерю смерти. В настоящее время весь мир разделился на два лагеря: лагерь мира и лагерь войны, лагерь жизни и лагерь смерти, лагерь правды и лагерь лжи. Оставаться вне одного из них — невозможно... Ваш народ уже знает, что такое война, и он знает также, что уйти от войны при помощи «нейтралитета» не удастся... Еще лучше это знаем мы, советские люди, особенно наша русская интеллигенция... Именно этот собственный опыт не только заставил нашу интеллигенцию поддержать советский строй, как самый передовой и прогрессивный, но и активно защищать сейчас дело мира, демократии и социализма... Мне приходится читать в иностранных газетах, что мужественная и стойкая защита мира советскими людьми — это пропаганда, что мир нужен только советскому народу.

Да, мы хотим мира, мы являемся его пропагандистами и защитниками потому, что мы видели войну, испытали неисчислимые бедствия, потеряли в одной последней войне миллионы цветущих жизней. Сейчас, когда мы видим, как резвятся и радуются жизни наши четырех-пятилетние дети, родившиеся после войны и не знающие ее ужасов, наши сердца полны решимости отстоять для них мир, чтобы они никогда не узнали того, что испытали их старшие братья и сестры. Это — не фразы. Это — не пропаганда, как ее понимают поджигатели войны. Это — единодушное желание и воля миллионов людей, их естественное и законное право... Мы твердо знаем, что мира желают все честные люди на земле. Стокгольмское воззвание подписали 500 миллионов человек, несмотря на дикие преследования в капиталистических странах. Но совершенно ясно, что войну осуждают и многие миллионы людей, еще не нашедших в себе мужества активно бороться за его сохранение...»

Анна Михайловна оторвалась от письма, вспоминая, с какой страстью высказывались представители советской общественности на Всесоюзной конференции сторонников мира, говоря о великом праве народов на мирную жизнь, о решимости всего советского народа рука об руку со всеми сторонниками мира

на земле бороться за предотвращение угрозы войны. Она хорошо знала, что основу гарантий мира составляет мощь СССР, великой колыбели содружества народов.

В те дни Анна Михайловна, наверное, так же, как и другие участники конференции, особенно остро ощутила, что лично несет моральную обязанность еще активнее бороться за мир. Вот почему она решила обратиться к норвежской ученой с призывом подписать воззвание, зная, что за этой влиятельной женщиной пойдут многие ее соотечественники.

«Самые принципы нашей гуманитарной науки,— писала тогда Анна Михайловна,— обязывают нас всемерно протестовать и разоблачать тех поджигателей войны, которые отравляют сознание масс лживой проповедью агрессивных человеконенавистнических идей, растлевают мозг и душу людей, заражают их черным ядом пессимизма и безнадежности... Подлинные представители науки не могут оставаться равнодушными перед лицом этой разнузданной пропаганды войны... Мы, женщины, не можем допустить, чтобы миллионы жизней погибли от атомной бомбы... Я призываю вас всем сердцем отказаться от позиции нейтралитета в момент, когда на вас, на меня и на миллионы других ученых история возложила величайшую ответственность за будущее наших детей, за счастье всего человечества...»

Перелистывая все письма из этой пачки, Анна Михайловна думала о том, какое влияние может оказать искреннее слово, рождаемое глубокой убежденностью. Все последние годы они переписывались с Ингрид Дал, обменивались фотокарточками. Норвежская ученая уже не стояла в стороне от движения за мир, а стала его активной участницей. Прошло 6 лет после начала массовой борьбы за мир. Все больше людей на земле понимают, какое огромное значение она имеет. Анна Михайловна твердо верила в то, что люди доброй воли, действуя сообща, не допустят атомной войны, как бы ни стремились к мировому пожару империалисты-поджигатели...

Она аккуратно сложила стопки писем в ящик. Пора собираться на аэродром. С минуты на минуту за ней придет машина.

Действительно, вскоре раздался звонок. Анна Михайловна открыла дверь — незнакомый ей молодой шофер, смущаясь, просил прощения за пятиминутное опоздание — он не сразу нашел указанный адрес.

— Ничего, ничего,— улыбнулась Панкратова, глядя на его зардевшееся лицо.— Мы не опоздаем.

Она быстро собралась. И вот они мчатся по ночной Москве — такой красивой и торжественной в часы безлюдья. Анна Михайловна, общительная и приветливая, сразу расположила к себе молодого водителя. И он стал рассказывать, что учится заочно в институте, хочет стать специалистом автомобилестроения. Кто знает, может быть, ему удастся когда-нибудь создать ультрасовременный автомобиль.

— Хотите сделать карьеру? — лукаво спросила она и весело рассмеялась, увидев, с каким удивлением и внезапной отчужденностью посмотрел на нее молодой шофер.

Александр Тверской

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

(Софья Перовская)

Вы жертвою пали...

К нарядам была она равнодушна. Но без строгой собранности в одежде обойтись не могла. Безупречная чистота и аккуратность платья были ее слабостью, белоснежный воротник — залогом хорошего настроения.

Строгую стройность линий и форм, торжественную бодрость и несказанную чистоту находила она в зимних пейзажах.

Зиму любила, как сестру.

Весна повергала ее в смятение.

Дисциплина и аскетический режим не сочетались с весной. Весна вторгалась в сердце и мешала, отвлекала, путала ряды логических построений и замет, явочных адресов и царских маршрутов.

Однако ни движением, ни словом, ни вздохом не выдавала Софья Перовская того, что происходило в ее душе. Давно уже научилась эта двадцатисемилетняя женщина смирять свои страсти, желания и стремления во имя цели единственной и неизменной, правой и святой.

Твердость, решительность, ненависть, беспощадность к врагу. Характер борца, а по виду — девочка. Маленькая, миниатюрная, хрупкая. Лицо детское: глаза прозрачно-голубые, щеки

розовые, пухлые; говор мягкий и певучий с украинским акцентом усиливает это впечатление. Девочкой или девушкой, недалеко ушедшей от детства, казалась она непосвященному глазу и когда уходила из дома, восстав против деспота-отца, и на Аларчинских курсах, и в кружке Чайковского, где получила первое революционное крещение, и в те краткие минуты скупого досуга, когда вдохновенно читала друзьям некрасовские строки.

Не девочкой ли выглядела на тайных собраниях террористов «Народной воли» рядом с огромными бородачами богатырского сложения, с великанами — такими, как тот же Андрей Желябов, первый, ближайший товарищ ее по борьбе, человек, которого она полюбила?

Девочка?.. О нет! Далеко не ребенком показала себя Софья, когда обдумывались и вершились грозные революционные действия, ставшие значительными вехами на столбовой дороге истории освободительного движения в России!

За все время существования народовольческого подполья трудно было найти в партии человека более дисциплинированного, более строгого, чем Софья Перовская. Во всем, касающемся дела, была она требовательна до жестокости. Но, строгая к другим, она была еще строже к самой себе. Чувство долга было самой выдающейся чертой ее характера. Железная воля, самопожертвование, ясный ум — все это приучило ее стоически переносить самые сокрушительные удары.

* * *

Было у нее в Петербурге множество надежных друзей. Друзей, которые на все готовы ради нее и ради которых на все готова она.

Идя по городу 27 февраля, вспомнила она вчерашнюю поездку к Игнатию Гриневицкому. Ему назначена в предстоящем покушении роль метальщика. К людям, которых предстояло облечь таким высоким доверием Исполнительного комитета, была Софья придирчива чрезвычайно. Она была строга в отборе, но зато уж на ее рекомендацию можно было положиться наверняка. Гриневицкий принадлежал к числу немногих избранных ею людей. Больше того: она не только одобряла его участие в деле, но и дала бы ему самое важное поручение. Она с удовлетворением думала, что готовящееся покушение на царя пройдет тем успешнее, чем больше люди партии будут похожи на Гриневицкого. На Гриневицкого и Желябова.

Она жила сейчас мыслями об Андрее, ее Андрее. Из дому они выехали сегодня вместе — извозчик довез их до Публичной

библиотеки. Андрей отправился к Тригони. Он соскочил с пролетки на ходу, улыбнулся ей своей широкой белозубой улыбкой и помахал рукой. Каждое движение близкого человека было для Софьи дорого и необычно, озарено внутренним светом. Она так неотступно думала сейчас об Андрее, что стоял он все время перед ее глазами.

Она совсем было ушла в мысли о нем, но вот по привычке оглянулась и поймала на себе пронизывающий взгляд какого-то субъекта в сером. Вернулась назад. Через некоторое время снова оглянулась. Не отстает!.. Стало ясно: шпион. Софья вскочила на извозчика. Шпик последовал за ней.

Пришлось переменить нескольких извозчиков, прибегнуть и к разным другим ухищрениям, чтобы провести жандармского агента и проходными дворами добраться до дома Оленина, где нужно было получить партийные деньги. Денег у Оленина не оказалось. Правда, Анна Эпштейн предложила Софье сто рублей взаймы. Но Софья не взяла: не уверена была, что сможет отдать деньги в требуемый срок.

Шпион и неудача с деньгами расстроили Перовскую, утомили ее. Она отправилась домой, надеясь застать там Андрея. Всегда жизнерадостный, излучавший энергию, Андрей оказывал на нее благотворное влияние. Стоило ему сказать несколько слов, рассказать какую-нибудь смешную историю, и Софья тут же заражалась его оптимизмом.

Сейчас, сейчас она увидит его, вместе с ним посмеется над шпионом, над тяготами хлопотного и тревожного дня...

Но где же он?.. Квартира пуста. Странно: Андрей ведь собирался прийти пораньше. Впрочем, не надо раньше времени волноваться. Софья легла и вскоре уснула.

Снилась ей первая встреча с Андреем. Там, в Воронеже... Катание на лодке. Споры, споры... Она поначалу суха с ним, даже немного педантична. Там, где речь идет о принципах,— неумолима. Но вот пробиваются первые ростки любви. Нет, сперва это еще не любовь, а просто непонятное тяготение к нему — такому сильному, могучему, бесстрашному. Крестьянский сын, он становится кумиром и вождем не только подобных себе, но и образованнейших интеллигентов, объединившихся под знаменем борьбы за народ. Вот он стоит среди чиста поля, в шлеме и в кольчуге, в доспехах — Илья Муромец, головою неба касается, палицей помахивает... Но что же это — почему за спиною его пылает пожар, почему прячется за широкими плечами его какой-то зеленый человек? Вот он, вот... Высунулся, ухмыляется... Какие зубы! Кривые, черные...

Софья просыпается в холодном поту. Вскакивает, бежит в соседнюю комнату. Андрея нет. Взгляд на часы — около двух. А ведь после двух конспираторам возвращаться домой запрещено. Арестован!..

Она хватается за голову, падает на кровать, плачет навзрыд. Схвачен Андрей, ее Андрей. Выбыл из строя вождь партии, выбыл перед самой атакой.

До утра она не может выйти на улицу — подпольщики нигде не показываются ночью.

Утром спешит к Вере Фигнер, все еще смутно надеясь услышать опровержение своей догадки. Но ужасная догадка подтверждается: Желябов и Тригони — в лапах жандармов.

Мертвенная бледность покрывает Софьино лицо. Глаза меркнут. Она прижимает ладонь ко лбу, опускается в кресло, закрывает глаза. Кажется ей, что она неспособна сейчас здраво размышлять, что крайняя растерянность овладевает ею... Но тут же снова встает перед нею любимый образ Андрея. Он... улыбается. Губы его шевелятся, он что-то ей говорит. Что же? Ах да, да, она слышит: «Трех дней совершенно достаточно, чтобы пережить любое личное несчастье...» Трех дней... Как мало! Но и как много... Нет, нет, она не имеет права думать сейчас о себе и о нем как о своем любимом. Личное горе — подавить немедленно!

«Кто заменит Желябова?» — спрашивает она себя.

«Я!» — отвечает себе.

Открывает глаза, встает, скрещивает руки на груди.

— Действовать решительно и немедленно! — произносит вполголоса.

— С чего начнем?..— это Вера Фигнер.

Софья чувствует: Вера готова к делу. Перовская окончательно приходит в себя.

...Далека была Софья от позерства. Герой повседневный, а не герой минуты, умела она, когда требовалось величайшее напряжение сил, принять решение безошибочное и точное, а затем тут же перейти к его выполнению — неукоснительному и скорому. Ясный и проницательный ум ее обладал редкой философской складкой, проявлявшейся в умении увязать и объединить самые, казалось бы, разные факторы и обстоятельства в неожиданную и смело синтезированную перспективу.

Вот и сейчас, преодолев нахлынувшие воспоминания и боль утраты, Перовская мысленно перешла в наступление на врага и уже строила перспективы все более расширенные и сложные.

— С чего начнем? — повторила Вера Фигнер свой вопрос.

— Прежде всего надо созвать всех, кого можно, — ответила Софья.

И вот в середине дня на квартире Веры собрался на свое экстренное заседание Исполнительный комитет. К этому времени, окончательно осознав важность момента, Софья была уже полна энергии, ощущала прилив сил, в ее голове созрело немало планов, главными среди которых были три: убийство Александра II, освобождение Желябова, а в случае, если престолонаследник предпримет репрессии,— убийство и его.

Каждый из этих пунктов мог показаться фантастическим и несбыточным тому, кто не знал Софью Перовскую.

Чутким, как барометр, сердцем природного партийного организатора сразу, едва только увидев членов комитета, ощутила, что некоторые из них устали, что отсутствие Желябова расслабило их, в какой-то степени даже разъединило.

Она заговорила горячо, страстно и вместе с тем толково и деловито. Члены комитета снова зажглись пламенем борьбы, в глазах их появилась уверенность и твердость.

На первые числа марта покушение было назначено еще самим Желябовым. В случае неудачного взрыва Желябов намеревался открыто броситься на тирана с кинжалом в руке.

Теперь нужно было точно установить день и час нападения на монарха-палача и найти человека, готового заменить Желябова.

Было определено: «Надо действовать; завтра во что бы то ни стало; завтра действовать». Тут уж разногласий не было: всем было ясно, что промедление недопустимо — вчера схвачен Желябов, не сегодня, так завтра могут быть парализованы и остальные...

Это решение было принято комитетом 28 февраля, в три часа дня, то есть меньше чем за сутки до убийства царя.

По существу, с этого момента начался непосредственный канун вошедшего в историю 1 марта 1881 года.

Квартира Фигнер превратилась в своеобразный штаб.

В пять часов явились Кибальчич, Суханов и Грачевский — «техники».

С пяти до восьми вечера то и дело приходили агенты комитета с донесениями и вопросами.

После восьми хождения были прекращены.

У Фигнер остались только «техники», хозяйка квартиры и Перовская.

Она не разрешала себе уйти. Она хотела быть в штабе до последней минуты.

Спокойнее всех казался Кибальчич. Он начинял снаряды гремучим студнем так, словно приготовлял лекарство. Грачевский нервничал, лицо его дергалось. Фигнер помогала «техникам», как могла. Легла она только в два ночи. Перед сном всячески уговаривала отдохнуть и Софью, но та продолжала бодрствовать.

Проработав 15 часов без перерыва, «техники» вручили Перовской две бомбы.

Софья завернула их и тут же отправилась на другую конспиративную квартиру — на Тележную улицу.

Перовская везла бомбы на извозчике. Это было крайне опасно: от сотрясения они могли взорваться...

Но Софья думала сейчас лишь о том, что если она взялась руководить комитетом вместо Желябова, то ни в чем не должна ему уступать. А он-то перевозил динамит по ухабам, сидя на самом мешке со взрывчатым веществом! Скрипучая телега каждую минуту подпрыгивала, а Андрей лишь посмеивался в бороду... Софья не испытывала страха. Но соскочив с извозчика, она как-то странно прикоснулась ногами к земле, а лицо ее запылало.

Хозяйкой квартиры на Тележной была Геся Гельфман.

...Геся открыла дверь, поправила пышную копну своих черных волос и сочувственно, проникновенно заглянула в Софьины глаза, как бы говоря: «Ну, на этот раз все будет наконец хорошо!».

Софья отставила в сторону свой смертоносный узел и улыбнулась ей в ответ спокойной и лучезарной улыбкой.

Геся понимала ее как близкий друг, как женщина, под сердцем которой уже шевелился ребенок и которая хорошо знала, что значит для Софьи потеря Андрея. Обычные слова вряд ли могли что-нибудь сказать сейчас Перовской. Геся взяла Софьины руки в свои и тихим, ласковым голосом прочла ей несколько строк стихов: «Уж как шел кузнец да из кузницы. Слава! Нес кузнец три ножа. Слава!

Первый нож на бояр, на вельмож. Слава! Второй нож на попов, на святош. Слава! А молитву сотворя, третий нож на царя. Слава!»

Софья слушала стихи жадно, словно впитывая их. Прозвучали они как волшебное заклинание. Перовская не верила в приметы, но стихи ободрили ее.

— К делу! — воскликнула она.

Из другой комнаты вышли Гриневицкий, Рысаков, Емельянов, Тимофей Михайлов, которые уже ждали ее. Как было

назначено накануне, все четыре метальщика явились на Тележную к девяти утра. Каждому из них хотелось получить бомбу. Перовской тоже.

Но вскоре явился Кибальчич и принес только две бомбы. Таким образом, оружие получили четверо мужчин.

Софья взяла у Геси какой-то конверт и начертила на нем план действий.

Затем она и Геся завернули жестяные бомбы в салфетки.

Метальщики и Софья покинули квартиру на Тележной и отправились на свои места.

* * *

1 марта 1881 года...

Около часу дня Александр II выехал из Зимнего дворца. Но царь отправился в манеж, изменив свой обычный маршрут. Карета царя, охраняемая не двумя казаками, как всегда, а на этот раз шестью, помчалась не по Невскому и Малой Садовой, а по набережной Екатерининского канала и по Инженерной улице.

Перовская немедленно дала сигнал метальщикам, и они перешли на набережную.

Софья тоже переменила наблюдательный пункт. Она ждала возвращения царя из манежа на другой стороне Екатерининского канала.

Она стояла, опершись на решетку набережной, и не было у нее теперь никаких мыслей, кроме одной: надо, чтобы на этот раз сбылось!..

В 2 часа 30 минут карета царя поравнялась с Рысаковым.

Рысаков швырнул бомбу... Неудача!..

Царь, оставшийся невредимым, вышел из кареты и направился к Рысакову, которого уже успели схватить.

— Слава богу, я остался жив! — произнес Александр II.

— Еще слава ли богу?! — ответил Рысаков.

В ту же секунду — в 2 часа 35 минут — раздался новый взрыв.

Это метнул свой снаряд Гриневицкий.

Софья видела, как, сверкнув на весеннем солнце, покачнулась царская каска с белым султаном и как, обливаясь кровью, упал на ограду набережной тот, кто давно уже был приговорен народовольцами к смерти. Рядом с царем распластался Гриневицкий.

Перовская повернулась и пошла, не оглядываясь.

В четвертом часу она должна была встретиться с Тырковым.

Направилась на место свидания — в кофейную на Владимирской улице.

Еще перед самыми взрывами была она спокойно-холодна, во всяком случае, держалась на боевом посту молодцом, зорко вела наблюдение, четко подавала команды.

Но сейчас, как бегун после марафонского бега, неожиданно ощутила слабость. Ноги плохо повиновались, в голове все спуталось, она шла, покачиваясь, пока не набрела на извозчика.

Придя в кофейную, Софья прошла в маленькую заднюю комнату, где и раньше встречалась с Тырковым. Там застала Тыркова и еще одного студента — члена наблюдательного отряда.

На лице ее снова уже было подавлено волнение. Сосредоточенный, серьезный взгляд, оттенок грусти в чуть потемневших голубых глазах. Тихие, неслышные шаги. Как всегда.

И — голос, голос тоже, как всегда. Она произнесла почти шепотом:

— Кажется, удачно: если не убит, то тяжело ранен. Бросили бомбы — сперва Николай, потом Котик. Николай арестован. Котик, кажется, убит.

Да, Софья была права: царь был убит. Гриневицкий скончался спустя несколько часов, ни словом не выдав своих боевых товарищей.

И совсем по-другому повел себя девятнадцатилетний студент Николай Рысаков. Любимец Желябова, смелый метальщик, дерзко бросивший в лицо тирану слова презрения, он растерялся, струсил, запутался в своих показаниях. Надеясь спасти свою жизнь, с откровенным цинизмом предал всех и вся:

«До сегодняшнего дня я выдавал товарищей, имея в виду истинное благо родины, а сегодня я товар, а вы купцы».

Если бы видела это Софья!.. Позже, потом, на эшафоте, она отвернется от Рысакова, а пока называет она его по имени — Николаем, как товарища по борьбе, и с гордостью думает о нем.

1 марта... 1 марта 1881 года...

Четыре часа дня.

После свидания с Тырковым Софья спешит на новое экстренное заседание Исполнительного комитета на квартире Веры Фигнер.

Потрясающие события, сочетающиеся с невероятным моральным и физическим напряжением, с беспрерывной спешкой, недомогание, начавшееся еще в день ареста Андрея, — все это не может не измотать душу Софьи. Но она продолжает упорно и неотступно думать об освобождении Желябова. Конечно же, сейчас, когда свершилось то великое, чему все они посвятили

себя, освобождение Андрея становится необходимым, насущным, главным делом...

Снова знакомые, родные лица — Вера, Исаев, Прибылева-Корба, Грачевский, Богданович, Фроленко, Ланганс, Златопольский, Лебедев, Суханов... Софья чувствует себя в своей семье.

Комитет приступает к обсуждению очередного вопроса...

Очередной вопрос...

Только еще сегодня утром все пребывали в страшной неизвестности, не знали, что принесет наступивший день, весенний, солнечный, с капелью и проталинами, будет ли исполнено то почти несбыточное, о чем мечтали эти одаренные, чистые, смелые люди вот уже несколько лет, а сейчас, не дав себе даже порадоваться хоть немного такой огромной удаче, по-деловому принялись они за дальнейшую будничную работу, за революционные дела.

Итак, очередной вопрос касался необходимости опубликовать сообщения об убийстве царя. Прокламация тут же написана была Тихомировым, отправлена в типографию на Подольскую улицу, и уже на следующий день, 2 марта, читали ее жители Петербурга.

Затем приступили к составлению воззвания к народу.

2 и 3 марта комитет снова собирался, опять на квартире Фигнер. Это было, конечно же, очень опасно, но другой подходящей квартиры пока не было. Приняли прокламацию к крестьянству под названием «Ко всему народу русскому».

Спустя три дня найдена новая квартира — в Коломне. Там снова собирается комитет.

7 и 8 марта обсуждается текст обращения к новому царю.

Перовская присутствовала на всех заседаниях комитета, горячо участвовала в обсуждении всех вопросов.

И все время не давала ей покоя мысль об освобождении Желябова. Она обдумывала планы один за другим, не желала слушать тех, кто считал эти планы неосуществимыми, подолгу разговаривала с представителями военной народовольческой организации Сухановым и Завалишиным, бароном Штромбергом. Суханов, являвшийся одновременно членом Исполнительного комитета, присматриваясь к Софье, видел, какими усилиями воли удается ей скрывать все, что творилось у нее на душе.

3 марта Тырков и Перовская шли по Невскому проспекту.

Купив газету у мальчишки-газетчика, выкрикивавшего какое-то правительственное сообщение, народовольцы узнали, что Желябов сделал заявление, в котором признал, что именно он организатор убийства царя.

Из этого сообщения было ясно, что Желябов сам шагнул на эшафот.

Эта новая страшная неожиданность потрясла Перовскую.

Но и тут Софья не изменила себе.

Она только задумчиво опустила голову, замедлила шаг и замолчала. Шла, не выпуская из опущенной руки газеты, с которой она как будто не хотела расстаться. Тырков тоже молчал, боялся заговорить, зная, как она любит Желябова. Софья наконец нарушила молчание. На замечание Тыркова «Зачем он это сделал?» — она ответила: «Верно, так нужно было».

Все больше угнетала Софью мрачная дума о том, что, быть может, Плеханов был прав, когда убеждал народовольцев не становиться на путь террора, доказывая: после убийства Александра II ничего не изменится, только при имени «Александр» появится еще одна, третья, палочка... На самом деле: комитет заседал, а признаков каких-нибудь народных движений, не было... Царь был убит, но жандармы свирепствовали еще лютее, чем раньше, кругом шли повальные аресты, и кольцо сжималось вокруг самого комитета...

«Не знаю, в этот ли день (3 марта) или раньше,— рассказывал Тырков,— у нее явилась мысль спасти Желябова. Намерение, разумеется, несбыточное, но как человек, не привыкший опускать руки, она хотела испробовать все средства. Она искала лазейки в окружной суд, где должно было происходить заседание суда. Мы искали свободной квартиры около III отделения на Пантелеймоновской. Тут она имела в виду устроить наблюдательный пункт и, вероятно, при выезде Желябова из ворот здания III отделения надеялась организованным нападением освободить его. Не помню, что она еще придумывала. Нигде ничего не устраивалось. Отговаривать ее было совершенно бесполезно,— она все равно стала бы делать по-своему. В этих поисках и суете она хоть немного забывалась. Поэтому я беспрекословно исполнял все ее поручения, ходил с ней всюду, куда она меня вела».

Анна Эпштейн, давно занимавшаяся переправкой революционеров за границу, в эти дни предложила Софье бежать из России. Пожалуй, это было бы самое благоразумное.

Но Перовская наотрез отказалась: несмотря на страшные переживания, была она полна надежд и энергии.

С каждым днем, однако, надежд становилось все меньше.

Софья словно чувствовала близкий конец.

Опасность подстерегала ее на каждом шагу.

— Верочка, можно остаться у тебя ночевать? — спросила она Веру Фигнер в один из последних дней.

Фигнер с упреком посмотрела на нее.

— Я спрашиваю,— сказала тогда Софья,— потому, что, если в дом придут с обыском и найдут меня, тебя повесят.

— С тобой или без тебя, если придут, я буду стрелять,— ответила Вера, указывая на револьвер, лежавший на ее постели.

10 марта в 5 часов вечера Софья шла по Невскому и как раз напротив Екатерининского сквера, у памятника Екатерине II, натолкнулась на извозчика, который вез разыскивавшего ее околоточного надзирателя Широкова, таскавшего с собою повсюду хозяйку мелочной лавки, помещавшейся в доме, где жила Перовская,— Луизу Сундберг.

Широков соскочил с пролетки, подбежал к Софье, схватил ее за руки...

* * *

Много, очень много написано о том, как героически вела себя Софья Перовская на суде, перед казнью, как пыталась воодушевить мать, поддержать товарищей.

Скамья подсудимых, а затем эшафот соединили ее снова с Андреем.

Так вот рядом и вошли во всемирную историю два этих гордых имени — Желябов и Перовская, Перовская и Желябов.

Пусть шли они неверным путем, путем террора.

Пусть не смогли достигнуть своей непосредственной цели — пробуждения народной революции.

Но, как говорил Ленин: «Они проявили величайшее самопожертвование и своим героическим террористическим методом борьбы вызвали удивление всего мира. Несомненно, эти жертвы пали не напрасно, несомненно, они способствовали — прямо или косвенно — последующему революционному воспитанию русского народа».

Передовые люди России ощущали в дни суда, будто не народовольцы, а сами они сидят на скамье подсудимых под наглыми взглядами судей, что это не Желябова судят и Перовскую, а их, их самих — всех тех, которые не хотят, не желают и не могут мириться со смрадным зловонием дикой российской действительности.

Первомартовцы были казнены. Впервые в истории России была казнена по политическому обвинению женщина, одна из первых героических революционерок.

Евгения Жуковская

ТОВАРИЩИ В БОРЬБЕ

(Н. А. Подвойская)

Этот образ, знакомый и милый,
Разве время от нас заслонит?..

М. Светлов

1. СЕСТРЫ

Две сестры, обе молоденькие, тоненькие, светловолосые, сидели на деревянных скамьях в противоположных концах комнаты. Сестры не смели приблизиться друг к другу. Цепкие взгляды надзирателя, непременного участника тюремных свиданий, сковывали их движения.

Нина приехала в Москву из Ярославля. С трудом добилась разрешения повидать в Таганской тюрьме арестованную Ольгу и теперь, пряча в себе чувство жалости, которое испытывала, глядя в осунувшееся, все в серых тенях, Ольгино лицо, с нарочитой беспечностью выкладывала сестре всякие новости.

— Ты, Лелечка, не беспокойся, все наши родные здоровы и крепко тебя целуют. А у меня новость: я теперь с Митронычем встречаюсь!.. Он опять к нам вернулся. Ты ведь знаешь, Митроныч — мужчина солидный, на него можно положиться!..

— Вот это замечательно! — воскликнула Ольга, но, бросив взгляд в сторону надзирателя, добавила уже более сдержанно: — Значит, не скучаешь?

— Не скучаю, Лелечка, совсем не скучаю!.. Митроныч сразу взялся лечить нашего Семена Семеновича...— Нина сделала паузу и выжидательно посмотрела на сестру. Та еле заметно наклонила голову: поняла!.. Нина облегченно вздохнула.— Надо же так, человек под старость один-одинешенек остался, а за ним постоянный уход нужен! Митроныч считает, что следует вызвать родственников Семена Семеновича. Только я их не знаю...

Нина торопливо сыпала словами, чтобы у сестры было время собраться с мыслями.

— У него, кажется, брат есть,— сказала наконец Ольга.— Иваном зовут... И живет недалеко, в Нижнем...

«Иваном зовут... В Нижнем живет...— повторила про себя Нина.— О ком же это она?.. Господи, о ком же?..»

Нине вдруг стало страшно. А что, если она не поймет сестру и свидание пройдет впустую?!

Ольга, наверно, заметила ее смятение. Она неожиданно охнула и схватилась за ногу.

— До чего же нога болит! — сказала она.— Сегодня в камере о койку стукнулась. Лодыжку ушибла... Лодыжку, понимаешь?.. Это ведь очень болезненное место — лодыжка...

Нина насторожилась.

«Лодыжка?! Ольга явно подчеркивает это слово... Иван... В Нижнем живет... Но при чем же здесь лодыжка?»

Воспользовавшись тем, что надзиратель достал кисет и стал неторопливо свертывать цигарку, Ольга беззвучно, одними губами сказала: «Ла-дыж-ни-ков». И повторила, сильно подчеркивая артикуляцию: «Ла-дыж-ни-ков»...

«Ладыжников?!» Нина невольно ахнула. «Боже мой, как же я сразу не догадалась!.. Ну конечно, Ладыжников Иван Павлович, нижегородский статистик».

Нина звонко и счастливо засмеялась.

— Ничего, Лелечка, заживет твоя лодыжка! До свадьбы заживет!

Надзиратель удивленно взглянул на нее.

«Ну и пустомеля эта барышня!» — подумал он.

Если бы Нина могла прочесть его мысли, она бы осталась собой довольна. Задуманная ею роль удалась.

Вскоре надзиратель шумно поднялся с места.

— Свидание окончено! — объявил он.

— Еще минуточку! — попросила Нина, вскочила со скамьи и решительно двинулась по направлению к сестре.— Спасибо тебе, Лелечка! — прошептала она.— Я верю, что ты скоро к нам вернешься!

— Отойти! Не дозволено! — рявкнул надзиратель.

— Простите, у меня нет привычки к тюремному режиму! — усмехнулась Нина. Она послала сестре воздушный поцелуй.— До свидания, дорогая моя Лелечка!.. Береги свою лодыжку, она у тебя бесценная!..

В вагоне третьего класса было людно, шумно и душно. Нина закрыла глаза и сделала вид, что дремлет. Хотелось побыть наедине с собой, восстановить в памяти подробности тюремного свидания.

Все дни с того момента, как она из Ярославля выехала в Москву, Нина провела в постоянном напряжении и тревоге. Теперь тревога улеглась, но осталось беспокойство за сестру — узницу Таганки.

«А все-таки мне удалось!..— отгоняя грустные мысли, сказала она себе.— Удалось сделать то, что мне поручено!.. Вот-то наш Митроныч будет доволен!..»

Нина вспомнила, как оживилось лицо сестры, когда она дала ей понять, что Митроныч — так рабочие звали известного революционера, агента «Искры» Александра Митрофановича Стопани — вновь возвратился в Ярославль. По заданию центра социал-демократической партии он приехал «лечить Семена Семеновича».

Семен Семенович — конспиративное название Северного рабочего союза. Два месяца назад он был разгромлен полицией — «заболел, остался один-одинешенек и нуждался в постоянном уходе родственников». Более пятидесяти самых активных его деятелей из Владимира, Костромы, Воронежа, Иваново-Вознесенска и Ярославля, в том числе и старшая Нинина сестра Ольга Дидрикиль, оказались в тюрьме. Нина избежала этой участи потому, что находилась тогда в Перми.

Александр Митрофанович Стопани стал искать «родственников Семена Семеновича». По его просьбе Нина и поехала в Москву, чтобы, добившись свидания с сестрой, узнать у нее, кто является хранителем партийных адресов. Если такой человек уцелел, то с его помощью, возможно, удастся восстановить нарушенные связи. Им оказался социал-демократ нижегородец Иван Павлович Ладыжников. Это известие Нина везла теперь Митронычу.

Вернувшись в Ярославль, она в тот же день отправилась на квартиру к Стопани. Нина хорошо знала его семью, бывала здесь еще гимназисткой, вместе с сестрами занималась в

социал-демократическом кружке молодежи, получала от Александра Митрофановича первые задания: распространить листовки, собрать материалы по рабочему движению на фабриках, перевезти в другие города нелегальную литературу...

— Я с нетерпением ждал тебя! — сказал Нине Александр Митрофанович.— С какими новостями ты вернулась?

Нина рассказала ему о тюремном свидании во всех его подробностях.

— Ну что ж, можно считать, что нам известна «аптека», где есть «лекарство для Семена Семеновича»,— пошутил он.— Остается только его добыть!

Стопани поднялся с места и прошелся по комнате — высокий, широкоплечий, с густой темной бородой и яркими глазами, внешностью напоминавший своего деда, выходца из Италии.

— Молодец, Нина! — сказал он уже серьезно.— Сделала очень большое дело! Ты постоянно, добросовестно и мужественно помогаешь ярославской организации социал-демократов, и комитет считает тебя достойной быть членом нашей партии.— Он крепко пожал Нине руку.— И вот тебе первое поручение, как члену партии: поезжай в Нижний Новгород к Ладыжникову. Выясни, какие после провала сохранились связи, получи у него адреса для заграничных корреспонденций.

Нина поехала в Нижний Новгород и через несколько дней привезла Стопани то, о чем он ее просил. «Лекарство» помогло Семену Семеновичу. Северный рабочий союз стал постепенно возрождаться.

Это было летом 1902 года. Нине в ту пору едва исполнилось двадцать лет.

2. В ВЕСЕННЕМ ЛЕСУ

Лес открылся их взглядам умытый и прибранный весной, весь в тонких зеленых сетях молодой листвы, подсвеченный белым сиянием берез. Студент Николай Подвойский и его однокашники по Демидовскому юридическому лицею, давно не бывшие за городом, невольно подивились тому, как неожиданно наступила весна.

Они встали в это утро чуть свет и прошли от Ярославля верст восемь, чтобы в лесу, подальше от полицейских глаз, встретить с товарищами Первое мая 1905 года.

В глубине леса, на большой поляне, уже собирался народ — рабочие в праздничных рубашках, в пиджаках, накинутых на

косоворотки, работницы в новых, хрустящих ситцевых нарядах, учащиеся в форменных кителях.

В одной группе людей Подвойский заметил девушку в красной кофточке. Она привлекала к себе внимание, к ней то и дело обращались с вопросами, перекидывались шутками, старались завязать разговор. Девушка была красива, оживленна, отвечала на вопросы охотно, и выражение ее лица непрестанно менялось: то становилось серьезным, то освещалось улыбкой.

«Девушка в красной кофточке — вот символ борьбы за свободу!» — подумал Подвойский, и ему захотелось сказать ей об этом.

Он подошел к девушке:

— Здравствуйте, товарищ Нина! — Подвойский пожал ей руку, однако ничего не сказал. Он вдруг смутился, подумал, что его слова могут показаться Нине слишком выспренними.

...Народ все прибывал. Поляна — зеленый зал митинга,— казалось, не вместит всех желающих.

Вдруг Нина вытащила из-за пазухи кусок алого кумача. Чьи-то руки тут же протянули березовую палку. Нина прикрепила к ней материю, и у нее в руках затрепетало, взметнулось вверх, к зеленым ветвям, красное знамя.

Это послужило сигналом для начала митинга...

Подвойский знал Нину уже давно, но близко знаком не был. Лишь в последнее время, после того как Нина вышла из тюрьмы, стал чаще встречать ее. Оба они теперь были членами Ярославского комитета РСДРП.

«Мужественная девушка эта Нина! — подумал он.— Кто поручится, что в лесу не прячутся жандармы! Если они нападут на нас, ее, как знаменосца, схватят первой!»

И Подвойский решил: если что-нибудь случится, он тут же выхватит знамя из Нининых рук.

А Нина и не думала в этот момент об опасности. Она радовалась тому, что первая в Ярославле массовая маевка удалась, что так много пришло народу и ей самой хорошо сейчас в этом весеннем лесу, среди людей, у которых общие с ней стремления и мечты.

И невольно вспомнилось, что за последние три года, которые прошли с того знаменательного дня, когда Стопани назвал Нину членом партии, она впервые встречала Первое мая на воле.

...Ее взяли в 1903 году, и «Искра» на своих страницах сообщила о ее аресте. На допросе Нине предъявили обвинение в том, что она разбрасывала прокламации на улицах Ярославля. К счастью, полиция не дозналась, что Нина сама эти проклама-

ции печатала на гектографе, что она получала шифрованную корреспонденцию для Северного рабочего союза, что устанавливала связи с рабочими ярославских предприятий.

В первые дни Нина тяжело переживала свое заключение. Ощущение полного одиночества было ей невыносимо. И только когда наконец удалось связаться с другими заключенными, ей стало легче.

После тюрьмы Нина оказалась в Нижнем Новгороде под особым надзором полиции. С того момента, как ее впервые привлекли к дознанию, она попала в сферу постоянного наблюдения жандармского управления. Где бы Нина ни находилась, за ней неотступно следовал пристальный взгляд врага. Под кличкой Резвая, которую ей присвоили в полиции, она часто фигурировала в донесениях филеров и жандармов.

Нижегородская полиция вскоре обнаружила, что Нина Дидрикиль ведет пропаганду среди типографских рабочих города. И снова обыск, арест и тюрьма, на этот раз нижегородская.

Теперь, когда двери тюремной камеры вновь захлопнулись за Ниной, она уже не переживала и не волновалась так, как это было в первый раз. С чувством большого достоинства и сознанием принятой на себя ответственности во время допроса в нижегородской тюрьме она заявила:

— Я вполне разделяю взгляды социал-демократической партии и в силу этого, по возможности, распространяла их различными способами, которых объяснять не желаю. По своим убеждениям такие действия не считаю преступными, а потому и не считаю себя виновной. Цель, преследуемая партией социал-демократов в России, а именно изменение существующего общественного строя, мне известна.

Нина Дидрикиль была приговорена к ссылке в Вологду, но ее брат, Александр, добился того, что ее отдали ему на поруки.

Так Нина снова оказалась в Ярославле. За то время, что она отсутствовала, Северный комитет РСДРП, руководимый все тем же Александром Митрофановичем Стопани, стал гораздо более мощной организацией, и Нина сразу же вошла в его работу...

Сейчас на лесной поляне, с красным знаменем в руках, она внимательно слушала выступавших и с радостью отмечала, как повысились за это время сознательность и политическое развитие рабочих ораторов...

Но вот митинг окончился. Нина взмахнула знаменем, запела «Марсельезу» и, пробираясь между деревьями, пошла к опушке леса. Участники маевки подхватили песню и двинулись вслед за ней. Подвойский старался держаться к Нине поближе, чтобы в

случае опасности прийти ей на помощь. Возникшее в нем внезапно чувство ответственности за судьбу этой девушки не оставляло его. Он был человеком пылкого воображения, и ему представлялось, что вот они сейчас уже не на маевке, а вместе идут в бой, навстречу врагам...

Так с революционными песнями люди вышли из леса и через деревню направились к городу.

Полиция в этот день держалась в стороне и в столкновение с массовой рабочей демонстрацией не вступала, хотя заранее знала о подготовке первомайских сходок. Это событие нашло свое отражение в полицейском донесении.

«...В расстоянии не более 7—8 верст от города...— сообщалось в нем,— состоялись три самостоятельные сходки, с участием почти всех, известных наблюдению, членов преступных организаций и кружков города Ярославля и до трехсот рабочих Карзинкинской, Вахромеевской и Дунаевской фабрик. На каждой сходке раздавалась нелегальная литература издания Северного комитета и говорились речи...»

В составленных полицией списках руководителей сходок называлась и «известная департаменту Антонина (Нина) Августовна Дидрикиль...»

Подвойского на этот раз не обнаружили.

3. ВСТРЕЧА

В Иваново-Вознесенск Нина приехала вечером. Шла по улицам быстро, насколько позволял ей чемодан. Дорога Нине была хорошо знакома, приезжала она сюда не впервые, и всегда с тяжелой ношей.

Дошла до деревянного домика на окраине, постучала, как было условлено. Дверь открыл ей Николай Подвойский.

— Если бы вы знали, Нина, как мне хотелось пойти на станцию вас встретить! Даже на улицу несколько раз выбегал, но заставил себя возвратиться! — сказал он, когда они прошли в комнату, где Подвойского приютил один из рабочих ткацкой фабрики.

Николай Ильич был командирован в этот город Ярославским комитетом РСДРП как агитатор, в помощь Иваново-Вознесенскому стачечному комитету, который стал одним из первых в истории Советов рабочих депутатов.

Нина улыбнулась:

— Не надо за меня беспокоиться, Николай, ведь я человек бывалый... Давайте-ка вынем из чемодана «подарки», а потом вы проводите меня на ночлег. Ужасно устала!.. Всю прошлую ночь печатала листовки...

Чемодан был с двойным дном. Они вынули из него прокламации, которые были предназначены бастующим рабочим Иваново-Вознесенска.

— А чемодан все еще тяжеловат! — сказал Подвойский, когда второе дно чемодана опорожнилось.— У вас с собой много вещей. Поживете у нас подольше?

— Нет, завтра я уеду отсюда в Москву. Оставаться мне нельзя... Брат через одного жандарма разузнал, что я подлежу высылке...

— И мы больше не будем видеться?! — воскликнул Подвойский.

Они вышли из дома и некоторое время шли молча. Потом Подвойский сказал совсем тихо:

— Я буду очень ждать нашей встречи, Нина!..

Несколько дней спустя в Москве, в подвале у хозяйки, которая брала на постой беспаспортных, поселилась молодая сектантка. Хозяйка осталась довольна новой жиличкой. Та целыми днями отсутствовала, уходила то на молебен, то на какие-то другие религиозные сборища и домой появлялась только к ночи.

Сектантка ни у кого подозрений не вызывала. И хотя на исчезнувшую из Ярославля Нину Дидрикиль был объявлен розыск, полиция в течение нескольких месяцев не могла дознаться, что она живет в Москве, связана с Московским комитетом партии и, выполняя задания Р. Землячки, работает в литературно-лекторской группе комитета. Нина бывала на московских предприятиях, связывалась там с социал-демократическими группами, снабжала их нелегальной литературой, составляла информацию о развитии рабочего движения на заводах и фабриках. В конце лета она принимала участие в двух московских партийных конференциях.

Лишь только осенью полиция заинтересовалась беспаспортной сектанткой. И тогда Нине Дидрикиль пришлось спешно перебраться в Кострому, где жила ее сестра Ольга с мужем Михаилом Кедровым, также большевиком, и где в последнее время обосновался А. М. Стопани, возглавивший организацию костромских большевиков.

— Ты можешь быть очень полезна нашей подпольной типографии,— сказал Стопани Нине, когда она пришла к нему.— Работала на гектографе, теперь станешь более высоким специалистом, будешь работать на печатном станке. Ну, а что касается хлеба насущного, то получишь сдельную статистическую работу, как и раньше в Ярославле...

Стопани служил в губернском земстве, заведовал там лесным отделом статистического управления. Помогал социал-демократам, не оформляясь на службе, зарабатывать на жизнь.

...Это произошло 19 октября 1905 года. День этот Нина запомнила на всю жизнь. Был объявлен царский манифест с лживыми обещаниями всяческих свобод. Служащие прекратили работу. Учащиеся не занимались. Многие из них отправились в центр города на Сусанинскую площадь, там состоялся митинг.

Нина в этот момент находилась близ места, где шел митинг, в лесном отделе у Стопани. Внезапно за окном раздались отчаянные крики. Вместе со служащими Нина выбежала на улицу.

То, что она увидела, было страшно. Вооруженные ножами и кольями, в толпу учащихся врезались черносотенцы: лавочники, трактирщики и подстрекаемые ими некоторые торговавшие на базаре крестьяне.

Вопли «Бей, бей!», свист, топот, улюлюканье. Отчаянные крики избиваемых и неожиданно визгливое пение: «Спаси, господи, люди твоя!..»

Ощущение полной беспомощности охватило Нину. Чем она и другие большевики, безоружные люди, могли сейчас помочь жертвам дикого погрома?!

На площадь уже выехали казаки. Разъяренные черносотенцы встретили их приветствиями, как соучастников своего гнусного дела.

В тот же день собрание служащих земской управы решило организовать боевую дружину для охраны населения от черной сотни. Во время побоища пострадало много молодежи, ни в каких организациях не состоявшей, среди них дети некоторых земцев.

Создать дружину взялись большевики. Это давало им возможность вооружить рабочих и использовать их для охраны митингов и демонстраций. Нина стала помощником начальника первой костромской дружины.

...Вскоре ей стало известно, что в тот же злосчастный день 19 октября кровавые события разыгрались и в Ярославле. Организованная Николаем Подвойским массовая демонстрация же-

лезнодорожников была разгромлена, а сам Подвойский до полусмерти избит казаками.

Когда Нина приехала в Ярославль и пришла в больницу, Подвойский уже был в сознании, но жизнь его все еще находилась в опасности.

Увидев девушку, он слабо ей улыбнулся и сказал еле слышно — ему трудно было говорить:

— Вот, Нина, какая у нас с вами вышла встреча!..

4. «КРОВАВАЯ ПЯТНИЦА»

Забастовка на Большой мануфактуре — самом крупном предприятии Ярославля — длилась уже почти месяц.

«Молим вас, не жалея наших средств, выслать в Ярославль из Петербурга хотя бы немного войск»,— взывали владельцы фабрики братья Карзинкины к министру торговли и промышленности. А тот в свою очередь обращался к министру внутренних дел Дурново: «Дело там совершенно скверное. Революционизированные рабочие (а их 10 000 чел.) фактически овладели фабрикой... Необходима самая скорая помощь...»

В то время, как шла эта переписка, рабочие фабрики Карзинкиных вооружались и готовились к борьбе.

Нина приехала в Ярославль в разгар стачки. Приехала по поручению Стопани договориться с местной социал-демократической организацией о создании общей нелегальной газеты центрально-промышленных городов России. Ярославские товарищи попросили ее здесь задержаться и помочь стачечникам сформировать боевую дружину. Как это ни было, при ее нелегальном положении, опасно, Нина ежедневно бывала на Большой Ярославской мануфактуре. Она знала там многих рабочих, посещала их митинги, вошла в стачечный комитет. В свободное же время бежала к Подвойскому.

Находился он теперь в квартире одного из товарищей. Друзья тайно вывезли его из больницы, где Подвойский был под надзором полиции. При малейшем улучшении здоровья полиция бы немедленно, прямо с больничной койки, препроводила его в тюрьму.

В эти дни Подвойский получил письмо от Ленина. Узнав о том, что многие товарищи в Ярославле ранены в схватке с казаками и черносотенцами, Владимир Ильич написал, что они могут гордиться тем, что пострадали за рабочее дело, исполнили свой долг и этим приняли посвящение в ряды солдат революции.

Подвойский был тяжко болен, но продолжал жить теми же интересами, что и раньше. Близкие друзья навещали его, рассказывали все, что делалось в городе, обращались к нему за советом.

Для Нины Подвойский был примером борца, человеком, который стал ей особенно дорог после того, как с ним произошло несчастье. Подвойский же не знал девушки более смелой и более привлекательной, чем Нина...

В тот день, когда состоялась массовая демонстрация рабочих Большой Ярославской мануфактуры, Нина пришла к Подвойскому позднее обычного. Он сразу заметил в ней перемену, была она вся какая-то поникшая и вялая.

— Что с вами, Нина? — спросил он.

— Вы знаете, Никола, такой крупной демонстрации у нас в городе никогда еще не было,— не отвечая на вопрос, стала рассказывать Нина. Говорила она без обычного для нее оживления, сухо перечисляла факты.— Наших карзинкинцев вышло не меньше восьми тысяч человек... Много знамен, а на них надписи: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и «Да здравствует социализм!».

— Что случилось? — снова спросил Подвойский.— Если вы от меня что-то из жалости скрываете, значит, считаете, что я совсем вышел из строя, что я уже не боец... А это тяжелее, нежели узнать правду, как бы жестока она ни была... Поймите это, Нина!

И Нина рассказала Подвойскому все, что произошло в этот день, который народ окрестил «кровавой пятницей».

...Демонстрация рабочих шла к дому губернатора, чтобы потребовать освобождения арестованных забастовщиков и выдачи денег в помощь многосемейным стачечникам.

Нина шла в первых рядах демонстрантов, вместе с боевой дружиной фабрики. На руке у нее, как и у других дружинников, была красная повязка.

Люди шли в боевом настроении. У Спасского монастыря колонна остановилась. Вперед вышел оратор.

— Товарищи! Во имя революции мы должны вести себя как можно более организованно! — начал он, а закончил свое выступление словами: — Сегодня над губернаторским домом будет развеваться красный флаг!

Возле почты к демонстрантам примкнули телеграфисты и почтовые служащие. Колонна двинулась дальше, на соединение с рабочими других предприятий.

И вдруг появились казаки.

— Расходись! — крикнул демонстрантам есаул, командир казачьей сотни.

Оборвались песни и разговоры. Рабочие молча теснились друг к другу, смыкали ряды. Боевая дружина собралась около флагов. В руках у многих появились револьверы. И Нина тоже вытащила револьвер из-за пазухи, она теперь всегда носила его с собой в полотняном мешочке.

Несколько минут полной тишины. И вот уже есаул махнул рукой трубачу. Раздался боевой сигнал. Команда «в плети!», и, размахивая нагайками, казаки бросились на рабочих.

Крики. Стоны. Одиночные выстрелы... Нина увидела, как казаки поволокли девушку, убившую подъесаула. Чувство ярости, ощущение того, что перед ней злобный враг, охватило Нину. Такое чувство она уже испытала в Костроме, когда черносотенцы набросились на беззащитных людей. Но тогда Нина была беспомощна. Сейчас же она могла действовать!

Нина подняла револьвер, прицелилась и выстрелила в одного из казаков. Он осел и стал медленно сползать с лошади...

Казаки отступили, спешились и открыли по рабочим огонь. Улицы Ярославля обагрились кровью... Падали в снег тела убитых и раненых...

Впоследствии стало известно, что свершилось предательство. Ярославский комитет партии накануне договорился с социал-демократами фанагорийского полка о том, что его солдаты не будут мешать демонстрации и сделают все возможное, чтобы и другие военные не чинили рабочим препятствий. Кто-то донес об этом начальству. Солдаты-фанагорийцы были обезоружены и заперты в казармах. Для разгона демонстрации губернатор вызвал казаков...

Нина кончила рассказывать. Подвойский молчал, и она глядела на него с опаской: не навредила ли его здоровью?

— Я хочу вас попросить о помощи,— произнес он наконец.— Когда станут хоронить убитых рабочих, мне надо быть вместе со всеми. Это мой долг. Помогите мне его выполнить!..

Через день состоялись похороны жертв «кровавой пятницы». Они превратились в грандиозную политическую демонстрацию рабочих Ярославля. От Большой Ярославской мануфактуры, где лежали тела убитых, до Донского кладбища, где они были преданы земле, потянулась многотысячная скорбная процессия. Ее сопровождали сани, в которых лежал укутанный в шубы и одеяла, неузнаваемый для врагов, парализованный Подвойский...

5. ПОЕЗД СЛЕДУЕТ В БЕРЛИН

«Хорошая моя Нина! Не нужно больше ходить и просить о переводе в земскую больницу, бесполезно... Я бодро, голубчик, перенесу заключение, и болезнь моя, думаю, не помешает этому... Если я здесь буду бодрым, то ты, дружище, и подавно должна быть такой. Не скучай, дорогая... Не все ли равно здесь ли я, так душой я все время с тобой...»

Нина держала листок, написанный рукой Подвойского, уже много раз ею перечитанный, и напряженно думала о том, что она еще может сделать для освобождения его из тюремной больницы. В одиночной камере, без чьей-либо помощи, он неминуемо обречен на гибель.

Все произошло так неожиданно и так ужасно, что Нина до сих пор еще не могла опомниться.

После «кровавой пятницы» положение в Ярославле обострилось. Чем тверже держались забастовщики, ставшие фактическими хозяевами своего предприятия, чем энергичнее поддерживал их весь ярославский пролетариат, тем ожесточеннее становились городские власти и полиция.

Подвойский считал, что Нине, ранившей казака, нельзя дольше оставаться в Ярославле. Вдруг кто-нибудь донесет, и тогда ей не миновать каторги. Но и для самого Подвойского пребывание в городе, где его разыскивали, тоже было опасным. Ярославская большевистская организация решила переправить его в другое место, осуществить это поручили Нине.

Однажды ночью Нина в санях перевезла Подвойского в Кострому. Он поселился в семье своего друга и Нининого родственника Михаила Кедрова. Здесь, благодаря тому что Нина и Ольга самоотверженно за ним ухаживали, он стал лучше себя чувствовать. Казалось, дела обстоят более или менее благополучно, как вдруг непредвиденное обстоятельство все изменило.

По поручению партии Михаил Кедров закупал в Москве и перевозил в Кострому оружие для боевых дружин. По учебникам химии он сам научился изготовлять взрывчатые вещества и для этой цели на даче под Москвой оборудовал нечто вроде химической лаборатории. По чьему-то доносу Московское губернское жандармское управление обнаружило это «производство взрывчатых веществ». Кедрова в Москве разыскать не удалось, и в Кострому пришло предписание подвергнуть его квартиру облаве и арестовать всех мужчин, которых там обнаружат.

В квартире из мужчин в то время находились только прикованный к постели Подвойский и его пятнадцатилетний брат

Иван. Ольга выпустила парнишку через окно уборной. Жандармы взяли Подвойского, которого им долго не удавалось найти. Его на руках внесли в вагон поезда и под усиленной охраной перевезли в Ярославль. Там Подвойский был помещен в «Коровники» — тюрьму самого сурового режима.

Нина поехала за Подвойским. Ходила по инстанциям, хлопотала о переводе его в городскую больницу, добивалась медицинского заключения о том, что пребывание в тюрьме гибельно для его жизни. И тут — новая беда. Нину арестовали.

Она попала в ту же тюрьму, что и Подвойский. И, хотя они теперь находились под одной крышей, общение для них стало невозможным.

Через месяц Нине сообщили решение департамента полиции. «Благодаря своей открытой активной преступно-революционной деятельности», вошедшая «в состав ликвидируемых лиц», она приговаривалась к высылке на пять лет в Тобольскую губернию.

На помощь младшей сестре снова пришел брат Александр Дидрикиль. Под денежный залог он добился того, что она поедет в ссылку за свой счет, самостоятельно, а не по этапу.

Хлопоты Нины о судьбе Подвойского оказались все же не напрасными. Общество врачей в Ярославле поставило диагноз, что больной безнадежен, оправиться от полученных ранений не может и ему угрожает либо смерть, либо психическое заболевание. Полиции теперь Подвойский был уже неопасен. Ему разрешили ехать лечиться за границу.

...Стоял солнечный мартовский день 1906 года. Поезд, следовавший в Берлин, подошел к станции Смоленск. На мокром от весенней капели перроне его поджидали немногие пассажиры, и среди них высокая молодая сестра милосердия в белой косынке с красным крестом. Когда поезд остановился, она вошла в вагон и спросила кондуктора:

— В вашем вагоне едет парализованный больной? — и, услышав утвердительный ответ, сказала: — Проводите меня к нему, пожалуйста. Я должна сопровождать его в Германию.

Кондуктор отвел сестру милосердия в купе, где лежал Подвойский.

— Здравствуйте, господин Подвойский! — улыбнулась она больному, который, увидев ее, просиял.— Я ваша сестра милосердия. Будем знакомы! Зовут меня — Нина Васильевна Сущева...

Это была Нина Дидрикиль. По дороге в Сибирь она бежала, добралась до Смоленска и под чужим именем присоединилась к Подвойскому.

Тамара Жирмунская

«МЫ... ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОД»

(Л. М. Рейснер)

> **Тонкий интеллект Рейснер не был хрупким. Он не сломался от соприкосновения с революцией, а отвердел и закалился, не потеряв, а неизмеримо выиграв в качестве.**
>
> *Михаил Кольцов*

Лариса Рейснер умерла в тридцать лет — в возрасте, когда у нас многие только еще вступают в жизнь, в литературу. Последние восемь лет, отпущенных ей, с 1917 по 1925 год, можно назвать концентратом жизни. В нем как бы спрессованы бои и передышки гражданской войны, два года, проведенные Рейснер в Афганистане, ее поездки сначала в революционную, а потом «гинденбурговскую» Германию, ее командировки на Урал, в Белоруссию, в Донбасс. И книги, книги, книги, рожденные в пекле событий.

Людям свойственно уставать от чрезмерного напряжения: отвоевавши — отдыхать, отпылавши — гаснуть. Лариса Рейснер не знала такой усталости. Тысячи верст изъезжены, исхожены ею, всегда такой остро внимательной к встречному человеку, к незнакомому городу, даже к придорожному кусту — ко всему, чем расточительно одаривает всех нас жизнь. Сотни страниц написаны ею на едином дыхании ни разу не сфальшивившим пером очевидца, мыслителя, художника.

Лариса Рейснер — дочь Октябрьской революции. В революции нашла выход не только врожденная мятежность ее натуры,

но и то, что составляло самую сущность ее личности: жажда социальной справедливости, презрение к бескрылой жизни, радость единения с большинством.

«Комсомольская правда» опубликовала одно из писем Ларисы Рейснер к родителям, открыто назидая молодым: учитесь ценить, понимать и почитать старших.

Действительно, отношение Рейснер к отцу и матери удивительно честно, преданно, поэтично. Ее письма к родителям могут составить отдельную книгу, такую же правдивую и бескомпромиссную, умную и сердечную, как все ее книги. Но и родители не оставались в долгу.

Отец, мать, которые, по словам Ларисы, нередко ложатся грузом на всякое движение, «на всякий прыжок вдаль», были ее первыми учителями, главными вдохновителями. Еще в 1915 году профессор Петербургского психоневрологического института Михаил Андреевич Рейснер на свои скудные средства начал издавать резко оппозиционный журнал «Рудин», направленный против угара шовинизма, против ренегатов революции.

В незаконченной автобиографической повести Лариса Рейснер так передает разговор двух героев, в которых легко угадываются ее отец и мать:

«— ...Мы будем первыми, которые нарушат ужасающую тишину... Почему не доставить себе этой последней радости и не крикнуть королю, что он голый?

— А дети?

— Дети с нами».

Журнал «Рудин» просуществовал очень недолго, исчерпав все средства семьи Рейснер и вогнав ее в долги. Но для двадцатилетней Ларисы, делившей с отцом все тяготы по выпуску журнала, это была великолепная школа журналистики.

Памфлет на Керенского, вышедший летом 1917 года из-под пера Ларисы Рейснер, не на шутку испугал некоторых ее осторожных коллег, но отнюдь не родителей. Она пошла дальше своего отца, жившего в николаевской России с «почетным клеймом отщепенца, одиночки, чужака». Но пошла с его благословения. Ненадолго выбравшись на фронт — к дочери, политкомиссару Волжско-Камской флотилии, Екатерина Александровна Рейснер нашла в себе мужество написать домой: «У нее хороший период Sturm und Drang, если выживет, будет для души много, и авось творчество оживет, напившись этих неслыханных переживаний...»

Родители-единомышленники! Всегда желаемая, но не всегда достигаемая гармония, которая тут была достигнута! Вот где надо искать истоки огромной любви и абсолютной доверительности Ларисы Рейснер. Вот почему в ее письмах родителям, где столько личного, шаловливого, почти всегда врываются торжественные слова присяги жизни, революции, избранному пути:

«...Мои родители, мой отец и мать, мой очаг, мое творчество, если б вы знали, с какими нежными слезами я о вас сейчас думаю...»

«...Помнишь, мама, чайку перед миноносцем в бою — она все со мной, пролетает, белая, над пропастями. О, жизнь, благословенная и великая, превыше всего зашумит над головой кипящий вал революции. Нет лучшей жизни...»

«...Па, слово моей лени, никто не поверит,— буду учиться, давать отчеты, прирастать к чужому народу и его истории (письма из Германии.— *Т. Ж.*) и писать — не под давлением денежной необходимости, но по строгим велениям своей литературной совести...»

«Я так ясно и весело предчувствую, сколько мы еще с вами вместе наделаем!.. Ведь мы не какой-нибудь, а восемнадцатый год».

«...Очень иногда без Вас и милой единственной России скучаю...»

Не все родители заслуживают право на такую параллель.

* * *

Москва. Лето 1918 года. В гостинице «Красный флот» та походная обстановка, которая предшествует отправлению на фронт. К Ларисе Рейснер пришел молодой поэт, знакомый по «Рудину», по предреволюционным литературным кружкам.

Чувствуя себя очень уверенно среди этого бивуака, Лариса встретила слегка растерянного поэта весьма скептически. В руках она держала газету «Вечерний час» с любовными виршами незадачливого гостя:

— «Мы встретились на лестнице с прелестницей моей»,— насмешливо процитировала она.— В последний раз встретились, я надеюсь? Скоро мы эти «Вечерние часы» закроем. И не стыдно вам писать такие стишки?

В комнату вошел матрос:

— Познакомьтесь, это товарищ Железняков. Тот самый, который сказал: «Караул устал». И разогнал «Учредилку»...

Этот эпизод рассказывает в своих воспоминаниях писатель Лев Никулин, посрамленный автор «прелестницы». Рейснер уже

тогда жила интересами матросов, страны, партии, в которую недавно вступила, уже тогда полноправно говорила «мы» — местоимение, которое чаще других встречается в ее книгах.

Отправление Рейснер на фронт предваряли многие события. Летом и осенью 1917 года она работала в Петроградской межклубной комиссии, в Комиссии по делам искусств при исполкоме Совета рабочих и солдатских депутатов. Охрана музейных ценностей в те далекие от бережливости, безоглядные времена как нельзя лучше отвечала ее высокой культуре, тонкому вкусу, присущему ей чувству ответственности перед будущим.

Привелось ей и некоторое время секретарствовать у А. В. Луначарского. В обязанности секретаря входил прием посетителей, чей состав был неописуемо пестр: это мог быть крестьянин, или священник-расстрига, или недоумевающий профессор... Канцелярское писание бумаг, которое так не вязалось с подвижной натурой Ларисы, видимо, не было для нее обузой. Ведь эти бумаги тогда, в первые месяцы революции, обладали магическим свойством немедленного воздействия! В архиве писательницы хранится письмо Луначарского о реорганизации петроградских театров и создании театра для пролетариата. Оно написано рукой Рейснер и лишь подписано Луначарским.

Однако сколь ни важен, ни боевит был культурный фронт, Ларису все больше притягивал фронт настоящий. Потомственная интеллигентка, она вошла в самую гущу народа, и народ ее принял, преодолев вековое недоверие к «барской» культуре, белым рукам, слишком красивому, тонкому, нервному лицу. Как это могло случиться?

Соратники Рейснер по гражданской войне, товарищи-журналисты в один голос утверждают, что она никогда не подделывалась под народ, не рядилась в армяк и лапти, не ломала язык в погоне за простонародными словечками. Да и вообще округлять народ в некую безликую толпу было не в ее правилах. Она ценила в народе прекрасное разнообразие характеров, лиц, повадок, темпераментов.

И если самые разные люди из народа признали ее, то только потому что она была их единомышленником и товарищем в самом святом смысле этого слова.

Драматург Всеволод Вишневский, бывший в гражданскую матросом, спустя 14 лет вспоминал: «1 октября 1918 года наш корабль погиб. В живых осталось 30 человек. Нас встретили страшно заботливо. Мы сидим, греемся, дают кофе, спирт. Подходит Лариса: «Расскажите». Меня толкают: «Валяй, ты умеешь». Рассказал. Она выслушала. Потом подошла и...

поцеловала в лоб. Парни заржали, она посмотрела, и все утихли. Это было просто, и у меня осталось в памяти на всю жизнь».

Память о восемнадцатом годе вылилась у Вс. Вишневского в «Оптимистическую трагедию», главная героиня которой имеет немало общего с Ларисой Рейснер. Нельзя, конечно, отождествлять два эти образа. Рейснер — не единственный прототип комиссара. В ее жизни не было той трагической ситуации, которая положена в основу пьесы. Но необходимость утвердить себя среди команды была. Минуты отчаяния были. С бою завоеванный, а не поднесенный на блюдечке авторитет был. Чудеса храбрости тоже были, хотя Лариса в своей книге «Фронт» умалчивает об этом.

Немногочисленные свидетели вспоминают ее то на моторном катере-истребителе под «пулеметно-кинжальным» огнем врагов. То в ночной разведке. То на борту миноносца, по которому белогвардейцы из засады открыли артиллерийский огонь.

«Вся в белом,— подчеркивает очевидец,— резко выделяясь среди экипажа миноносца, стоя во весь рост на виду у всех... Лариса Михайловна одним своим видом, несомненно, способствовала и водворению, и поддержанию порядка».

Почему в белом, а не в зеленом, не в коричневом? Да потому, что был июнь. Волга, молодость. Потому, что Лариса умела любить жизнь между двумя боями. Потому, что холодящая сладость риска была ей милее приторного вкуса осмотрительности. И окружающие ценили в ней это.

В одном из очерков, вошедших в книгу «Фронт», она писала: «Ничто не сближает людей так прочно, как вместе пережитые опасности, бессонные ночи на мостике и те долгие, со стороны незаметные, но мучительнейшие усилия воли и духа, которые подготовляют и делают возможной победу».

«Фронт» — это книга о простых сынах России, чья подспудная талантливость бурно прорвалась в годы революции. Эта книга о «царственной старости» и яростной молодости тех интеллигентов, которые не побоялись связать с ними свою судьбу. Это, наконец, моральный приговор враждебной народу и, следовательно, преступной белогвардейщине.

«Фронт» рождался на фронте. Вместе с ним росла революционерка-писательница Лариса Рейснер.

Не надо воображать, что в жизни Рейснер все шло как по маслу: загаданное исполнялось, задуманное сочинялось. Что ей, одаренной полнотой красоты, ума и таланта, также полно улы-

балось счастье. И у нее бывал «недобор» по этой линии, но недобор особый...

Поездка в 1921 году в Афганистан, которая так радовала Ларису Рейснер поначалу, томительно затягивалась. Караванная тропа, соединявшая чужую страну с родиной, казалась тонкой, ненадежной нитью. Газеты и письма из Москвы шли почти месяц и сообщали о тревожном: разруха, голод.

«Голод! Радио уже принесло это проклятое слово, и среди сытости и рабьего услужения оно бьет нас по щекам»,— записывала она. Жизнь «под вечным бдительным надзором целой стаи шпионов» требовала от нее, не привыкшей молчать, молчания, от нее, слишком прямой,— дипломатической гибкости.

Поражала забитость афганского народа, и в особенности женщин, отделенных от мира «складками своей чадры». Воительница за будущее, Лариса оказалась в глубоком прошлом...

Ко всему этому она жестоко страдала от приступов тропической малярии, которые повторялись в непривычном климате очень часто.

— Эта болезнь,— призналась она как-то Вере Инбер,— мучит не только тело. После припадка у меня остается ощущение полной пустоты, как будто пришло какое-то злое животное и объело всю зелень, которую я развела у себя в душе.

Оазисом в пустыне была творческая работа, но и тут Ларису связывали ограничения. В письме А. М. Коллонтай она жалуется на искусственно суженный радиус наблюдений. Природа и женская половина двора — как это мало было для ее закаленного в гражданской войне революционного темперамента!

И вот из этих как будто отрывочных впечатлений завязывается книга «Афганистан». Книга, в которой есть все: и тоска по родине, и воинствующий дух автора, и, главное, сам Афганистан — выжженная солнцем страна с хрупкими ростками самосознания.

Там, где человек средних литературных способностей увидел бы оболочку — красоты, нищеты, терпения или страдания,— Рейснер прежде всего видела суть. Достаточно ей было посетить первую афганскую больницу, чтобы сделать безошибочный вывод: «Реомюр под мышкой... афганца — пограничный столб, единица, с которой начинается новое культурное летоисчисление». Выпускница женской годичной школы, публично сдающая свой первый и последний в жизни экзамен, в ее глазах не просто трогательный объект для наблюдения, а знамение времени, ибо «из этой первой задачи, решенной афганской девочкой, некий бес истории втихомолку приготовляет нечто... имею-

щее взорвать на воздух и этот зал с колоннами, и непроницаемые занавески гарема».

Лариса Рейснер мыслила удивительно широко, и своя, самостоятельная мысль — это то магнитное поле, которое приковывает, держит внимание читателя, порой утомленное многоцветностью образов.

История написания книги «Афганистан» поучительна. Далеко не всем дано переплавить в отличную книгу низкосортную «шихту» стесненных наблюдений и двухлетней тоски. Рейснер это удалось. Недобор счастья она восполняла творчеством.

* * *

Осенью 1923 года Германия была взбудоражена революционными событиями. Очень скоро Рейснер оказалась в Берлине. Ей хотелось написать книгу «пеной и трепетом» девятого вала германской революции, а его так и не было. Чтобы понять причины этого, чтобы разобраться в уроках Гамбургского восстания, необходимо было глубокое знание жизни страны. Рейснер начинает изучать Германию и «все, что в ней живого и мертвого», читает множество книг, участвует в берлинских демонстрациях. С трудом прорвавшись в Гамбург, поселяется в рабочих кварталах, «по потухшим разрозненным уголькам» восстанавливает хронику недавних событий.

Три цикла очерков о Германии — «Гамбург на баррикадах», «Берлин в октябре 1923 года» и «В стране Гинденбурга» — три состояния немецкого пролетариата: боеспособное, неуверенное и подавленное. О Гамбурге и героических гамбургских рабочих Рейснер пишет влюбленно и оптимистично, понимая, однако, что за спиной коммунистов и товарища Т. (конспиративный инициал Эрнста Тельмана) притаилось немало тихих мещан, готовых отрабатывать свой «фунт маргарина» и «постный кофе» сколько угодно часов в каких угодно условиях.

«Героиня» второго цикла — дочь зажиточного рабочего маленькая Хильда. В то время как большинство немецких рабочих голодают, «Хильда кушает хлеб, намазанный салом, и когда очень сыта, то прополаскивает свое сытое брюшко водой». Девочка Хильда, которая по просьбе мещанки-матери поет сначала «Интернационал», «потом про рождественское дерево, потом из избранного венка псалмов», чем-то напоминает руководителей культурно-просветительного фронта социал-демократической партии, спускающих на тормозах остатки революционного настроения рабочих масс.

«Концентрационный лагерь нищеты», описанный в третьем

цикле очерков,— преступное последствие антинародных действий социал-демократических чиновников.

Но даже в этом наигорчайшем цикле есть ноты обнадеживающие. Нельзя забыть, как старая немка, нищая, запуганная, гордо заявляет соседям: «Мой сын бастует». Отдать дань уважения другому народу, в каком бы историческом или политическом состоянии он ни находился, Рейснер умела по-русски щедро, от души.

* * *

Рейснер была патриоткой не потому, что в ее очерках, статьях и письмах столько-то раз упоминается слово «родина». Она возила с собой Советскую Россию по Востоку и Западу, она замечала каждый знак признания, любви или враждебности по отношению к своей родине, будь то песня кочующего афганского племени, в которой приветствуется «большевик», или антисоветская газетка «Руль», выпускаемая с черного хода воротилой немецкой буржуазной прессы Ульштейном. Сочувствуя чужой нации в ее страданиях, она взывала к своей стране, как ребенок к матери: «РСФСР, откликнись, великая, могучая и щедрая, помоги им!».

Любовь к родине была для нее неразрывна с любовью к народу. Она не мыслила себя в стороне от народной массы. В 1923 году Рейснер подает в Московский комитет партии заявление с просьбой прикрепить ее для партийной работы обязательно к заводской ячейке, подчеркивая при этом, что ее вполне устроил бы «один из наиболее многолюдных и отсталых заводов». «...Мне абсолютно не интересно числиться в ячейке советского учреждения, где можно формально отбывать свою партийную обязанность, но где нельзя прийти в соприкосновение с пролетарской массой»,— пишет она в заявлении.

Длительная поездка по рабочим центрам страны, которую писательница предприняла в 1924—1925 годах,— это именно успешная попытка «прийти в соприкосновение» уже не с многими людьми отдельного завода, а с пролетарской массой вообще. Интервью у своих будущих героев Рейснер брала в низких, сочащихся сыростью шахтах.

Она ни на минуту не забывала, что люди, «на своем горбу» вытаскивающие страну из «экономической трясины»,— это ее недавние товарищи по гражданской войне, те же герои «Фронта», снявшие матросские бушлаты и надевшие на себя чаще всего довоенную прозодежду.

Рейснер не скрывает ничего: ни тесноты, темноты, духоты производственных помещений, ни низкой заработной платы, ни

бесконечных перебоев со снабжением, ни плохих жилищных условий. Характерен ее диалог с одним из «самых измученных и ожесточенных рабочих» с фамилией, точно порожденной вековыми топями гиблых мест: Мокрецов. Закончив разговор, Мокрецов спросил:

«— Вы все это будете печатать?

— Буду.

— Хорошо. Пусть все знают.

Спустя немного в его голосе, как кончик папиросы, которую он потушил плевком, потухло все злорадное. С глубоким сознанием ответственности:

— А может быть, сейчас иначе и нельзя».

Лариса видит «неслыханное мужество рабочих», «мужество на голодный желудок», и ей хочется как можно скорей, как можно действенней помочь им. «Пощады этим цехам! Они первые должны быть открыты воздуху и свету. Им самое солнечное окно, самый сильный поток свежего воздуха в новой будущей фабрике».

Какое личное торжество для Рейснер первая «мощная», по тем бедным киловаттами временам, районная электростанция: «Можно ошалеть от гордости, бегая вокруг этого великолепного серого здания, уставившегося саженными окнами на лохматую тайгу, изрубленную, отброшенную на тот берег, напуганную громом топоров и машинными голосами».

Очерки, привезенные Рейснер с Урала и Донбасса, составили книгу «Уголь, железо и живые люди». Можно с уверенностью сказать, что ни уголь, ни железо ни на миг не заслонили в книге Рейснер «живых людей». «Живые люди» шахт и заводов не только пользовались пониманием и поддержкой журналистки. Они и сами помогли ей. Помогли ощутить связь времен: 1918-го и 1924-го. Помогли понять, что именно за ними, а не за «спекулятивно-кофейным» нэпом будущее Советской России.

Среди близких людей Лариса Михайловна слыла великой насмешницей. Она любила весело подтрунивать над человеческими слабостями, в том числе и над своими собственными, но умела и зло вышучивать самые непростительные из них. Она обладала особым даром поддерживать непринужденный разговор, лукавый, колкий и всегда находчивый.

Прирожденное чувство смешного прибавило к тонкой художественной манере писательницы качества, без которых ее эмоциональный литературный стиль не полон, выхолощен: иронию,

К. Т. Новгородцева-Свердлова с мужем Я. М. Свердловым и дочерью Верой

Г. И. Окулова-Теодорович

А. М. Панкратова

С. Л. Перовская

Е. К. Соколовская

Л. М. Рейснер

Е. Ф. Розмирович

сатиру, гротеск. Однако юмора в ее идейно заостренных, подчас язвительных произведениях, пожалуй, не найдешь. Тем интереснее те немногие ее шутки, которые дошли до нас в чьей-нибудь передаче, и единственная в своем роде шуточная анкета, на которую Рейснер ответила по просьбе одного из друзей. Вместе со всем архивом писательницы она хранится в отделе рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина.

«Вопрос. Где бы вы предпочли жить?

Ответ. Никогда не жить на месте. Лучше всего на ковре-самолете.

Вопрос. Ваши любимые композиторы?

Ответ. Очень люблю плохую музыку. Шарманки, бродячие оркестры, таперы в кино. Сверх того Бетховена и Скрябина.

Вопрос. Ваше любимое кушанье?

Ответ. Господи, конечно, мороженое, миндаль, жаренный в сахаре, кочерыжка от капусты».

Среди улыбчивых ответов есть и очень серьезные. На вопрос о ее нынешнем душевном состоянии Рейснер отвечает: «Разрушилось, и все-таки думаю, что обломков моих хватит на новое...» Она действительно была наделена поразительной способностью к духовному воскрешению, к возрождению из огня наподобие сказочной птицы феникс.

Товарищи по Афганистану рассказывают, как она пугала и ошеломляла их, когда, встав наутро после изнурительного припадка малярии, садилась на коня, непременно верхом, по-мужски, и часами ездила по знойному Кабулу. Афганцы изумлялись меньше, чем следовало, так как принимали ее за юношу.

Мужеподобного в ней, однако, не было ни капли: она со вкусом одевалась, отлично танцевала, вызывая злость всевозможных иностранных графинь и пани. Они еще простили бы ей ее «возмутительные», с их точки зрения, убеждения, если бы она была синим чулком. Но большевизм плюс женственность были для них невыносимы.

В короткой шубке или в шуршащем кожаном пальто, с коньками или теннисной ракеткой в руке, она была хороша, молода, собиралась жить и жить, совершить поездку по Кавказу, Закавказью и Ирану, поехать в Париж...

Смерть все опрокинула.

Бацилла брюшного тифа оказалась коварнее белогвардейских снарядов, мучительной лихорадки, ледяной воды афганских рек, которую Лариса, лишенная всякого чувства самосохранения, пила так легкомысленно, так долго и жадно, словно хотела напиться на много лет вперед...

Елена Лоскутова

ДОРОГОЙ НЕПОКОРЕННЫХ

(Е. Ф. Розмирович)

> **Жили мы, высокой правде веря,**
> **ей не изменяли никогда.**
> *Вера Звягинцева*

Мне не раз приходилось слышать о Елене Федоровне Розмирович. И вот мне предлагают написать о ней очерк. С головой окунаюсь в литературу: воспоминания, документы. Вырисовывается образ славной женщины, неутомимой труженицы. И все же для полноты картины чего-то не хватает. Я встречаюсь с дочерьми Розмирович, беседую, вместе просматриваем семейный архив, и постепенно все становится на место.

Младшая дочь — Марина Николаевна, светловолосая, с добрым лицом, вынула из пакета несколько снимков:

— Вот наша мама. Здесь ей семнадцать лет. К сожалению, тогда не было цветной фотографии, а то можно было бы увидеть ее волосы спелой ржи. И еще — голубые глаза. Она только что окончила гимназию и поехала к своему брату в Германию. Там, оказавшись в кругу передовой студенческой молодежи, познакомилась с марксистской литературой и, возвратившись через год в Россию, включилась в революционную борьбу.

С фотографии смотрела красивая девушка, с тонкими чертами лица, с косой, уложенной венком, дважды обвивающей ее голову, и задумчивыми большими глазами.

— А здесь — маме восемнадцать. В этом возрасте в 1904 году она вступила в ряды РСДРП. Сначала она была занята тем, что подыскивала конспиративные квартиры и тайники для хранения оружия. Несколько позже ей поручили вести пропаганду среди крестьян Киевской губернии, а потом Елена Федоровна стала секретарем Южного областного железнодорожного бюро киевской организации РСДРП.

Вот она накануне ареста, в 1907 году, с мужем, отцом старшей дочери Гали. Это их последняя фотография... Партийная работа, тайные собрания, возвращения в поздний час, вечные тревоги, волнения и, наконец, арест — все это привело к разрыву с Петром Георгиевичем Розмировичем, человеком, стоявшим в стороне от событий политической жизни. Вскоре маму арестовали во второй раз.

А это в тюрьме.— И Марина Николаевна показывает еще несколько фотографий — они из дел департамента полиции канцелярии харьковского губернатора. Снята Елена Федоровна на этих фотографиях и в фас, и в профиль, и во весь рост. Черты лица те же, но глаза ее уже смотрят иначе — строго, прямо, сосредоточенно и бесстрашно.

«Основанием к обыску и аресту Розмирович,— читаем мы донесение начальника Киевского губернского жандармского управления,— явились негласные сведения, что состояла она членом киевской организации РСДРП (фракции большевиков) и принимала активное участие в работе: посещала собрания, выступала на них с речами и распространяла нелегальную литературу».

Киевская судебная палата, рассматривавшая дело Елены Федоровны, признала ее виновной. Ее приговорили к годичному заключению в крепости, а после отбытия наказания — к ссылке на три года в Нарымский край.

...Наш разговор прервала вбежавшая в комнату Леночка, внучка Марины Николаевны, названная так в память Елены Федоровны.

— Баб, а что такое полиция? — спросила девочка, поймав на лету незнакомое слово.

Сестры улыбнулись. Галина Петровна, притянув Леночку к себе, ласково погладила ее белокурую головку и задумчиво сказала:

— Пройдет еще некоторое время, девочка подрастет и, конечно, все будет понимать, а сейчас, смотрите, как удивленно приподнимаются ее бровки, когда она слышит слова: «провокатор», «ссылка», «жандармы», «обыск». А мы не вспоминаем

своего детства без них. Ночные визиты жандармов, слежки шпиков, обыски казались нам чем-то само собой разумеющимся, неизбежным.

...Галине Петровне едва исполнился год, когда ее мать была вторично арестована. Это случилось в Киеве. В одну из тихих ночей в квартиру революционерки ворвались жандармы. Они перерыли и разбросали все, что было в комнате. Испуганная Галя плакала. Обыск длился долго.

Может быть, в ту ночь кто-нибудь, проснувшись от детского плача и выглянув в окно, видел идущую по улице в сопровождении жандармов тоненькую женщину, прижимавшую к себе маленького ребенка, которого она держала на руках. Вместе с матерью Галя стала «узницей» киевской тюрьмы.

Той же Галине Петровне было только восемь лет, когда ей пришлось выступить в роли подпольщицы. Это произошло в Москве, в Хлудовской больнице, на Пироговке, где лежала тогда больная девочка.

— Много лет прошло с тех пор,— рассказывает Галина Петровна,— а я помню все до мельчайших подробностей. Осень... Я смотрю в окно и вижу, как какие-то фигуры перебегают от дерева к дереву, будто играют в прятки. Мамы нет... Накануне я видела женщину, которая также топталась под моим окном. Когда я об этом рассказала маме, она ответила:

— Будь умницей, не волнуйся, со мной ничего не случится.

Ее спокойный тон и ободряющая улыбка успокоили меня. Но когда наступал вечер и опять как из-под земли вырастали силуэты каких-то людей, тоска сжимала мое сердце, и воспаление легких, почек и все другие болезни, мучившие меня, не доставляли столько страданий, как мелькавшие за окном тени.

Однажды, засыпая, я услышала стук. В дверь барабанили нетерпеливо. Это была полиция. Не открывая, мама объясняла стучавшим, что она не имеет права никого впускать в палату без разрешения больничной администрации. Тогда один жандарм остался у дверей караулить маму, а другие затопали по коридору. Они разыскивали главного врача.

В эти короткие минуты мама подбежала ко мне.

— Скорее спрячь,— сказала она, вынимая из-за пазухи записную книжечку и папиросные листки бумаги, исписанные мелким почерком.

Прошло много лет, но каждый раз, рассказывая эту историю, Галина Петровна волнуется и радуется, что тогда, будучи ребенком, она не растерялась и ловко засунула записную книжку под рыжий парик большой куклы, а листки — в историю бо-

лезни, прикрепленную к койке. Жандармы, перевернув все вверх дном, так и не обнаружили их, а маленькая Галя ничего не сказала даже в полицейском участке, куда доставили больную девочку.

Помнит она и маленький городок Рыжов, под Киевом, когда в один из темных вечеров опять раздался грозный стук в дверь.

— Не открывайте,— шепнула Елена Федоровна хозяйке квартиры. Галя и хозяйка не успели опомниться — а она выпрыгнула в окно, в черную пасть двора. Сверкнувшая молния осветила убегающую фигуру. «Мама!» — чуть не вырвалось у Гали, но хозяйка крепко обхватила ее за плечи и тихо сказала:

— Отойди от окна и пей чай!

А на стук в дверь она спокойно ответила:

— Иду, иду. Кто там еще такой нетерпеливый?

Жандармы начали обыск. На этот раз Елена Федоровна ускользнула из их рук.

— Скрываясь от арестов, мама часто переезжала с места на место,— продолжает Галина Петровна.— Мне пришлось сменить одиннадцать школ. Когда мама была в эмиграции, я училась во Франции, в Австрии, в Швейцарии, а в России — в Киеве, Харькове, Курске, Москве и Петрограде... Казалось бы, такая неспокойная жизнь мамы, всегда связанная с риском, опасностями, должна была наложить какой-то отпечаток на ее характер. Однако ее спокойствие, уравновешенность так передавались окружающим, что казалось — кругом все хорошо!

Галина Петровна и Марина Николаевна еще долго рассказывали мне о своей матери. И какая она была умная, чуткая, и какая разносторонне образованная, и как к ней тянулись самые различные люди, и каким верным, идейно чистым человеком она прожила свою жизнь. Историю этой жизни рассказывают и документы.

«Родилась я в 1886 году в селе Петропавловке Херсонской губернии,— пишет Елена Федоровна в автобиографии.— Отец мой был немец, выходец не то из Германии, не то из Австрии. Долгое время работал он механиком при паровой молотилке, обрабатывал землю у окрестных помещиков, затем вместе с братьями арендовал часть земли и самостоятельно вел хозяйство. Мать — дочь разорившегося помещика из дворян. Семья была у нас большая и сложная. Общий тон жизни необычайно суров. Мать и отец проводили все время в постоянной заботе о земле и работали от зари до поздней ночи. Дети росли,

предоставленные сами себе, и формировались людьми с независимыми и твердыми характерами».

Участие в событиях первой русской революции стало началом революционного пути Елены Федоровны. Затем эмиграция, встречи с В. И. Лениным.

Вспоминая об этом периоде своей жизни, Е. Ф. Розмирович говорила, что три года эмиграции были для нее лучшей политической школой: ведь она прошла ее под непосредственным руководством Владимира Ильича! Из Парижа Елена Федоровна переезжает в Вену, где выполняет различные поручения Бюро ЦК, а затем, в 1912 году, в г. Краков. Русская группа РСДРП выделяет Елену Федоровну делегатом на Международный конгресс социалистических партий в Базель. Конгресс этот имел большое значение для сплочения авангарда европейского пролетариата.

Е. Ф. Розмирович участвует в Краковском и Поронинском совещаниях Центрального Комитета с партийными работниками. В Поронине под партийной кличкой Галина она представляет киевскую организацию большевиков.

В конце 1913 года Заграничное бюро ЦК РСДРП направило Е. Ф. Розмирович в Россию в качестве секретаря Русского бюро ЦК и секретаря большевистской фракции IV Государственной думы, сотрудника редакции «Правды».

Как секретарь большевистской думской фракции, Елена Федоровна подбирала материалы для выступлений депутатов, помогала им обосновывать запросы фракции правительству, информировала Владимира Ильича о том, как идут дела. Большую работу приходилось ей вести и в редакции газеты «Правда», и в редколлегиях журналов «Работница» и «Просвещение». Перед нами письма Елены Федоровны к Владимиру Ильичу от января — февраля 1914 года. В них она сообщает о работе думской фракции, о делах редакции газеты «Правда» и журналов, о трудностях и принятых мерах к их преодолению и о том, как нужны ей и ее товарищам его помощь, его советы.

«Почему не шлете до сих пор запрос и речи о преследованиях профессиональных организаций?..» — писала В. И. Ленину Е. Ф. Розмирович в одном из таких писем.

«Читали статью металлиста в № 15 «Правды»? — спрашивает она далее.— Здесь закрыли союз булочников, в Москве — типографских рабочих и т. д. Шлите немедленно... С законопроектом о свободе коалиций решили депутаты подождать. Они находят необходимым, чтобы высказались представители профессиональных союзов в рабочей комиссии. Я двинула эту кам-

панию в рабочих низах при помощи питерской организации социал-демократических рабочих... Часть книг о восьмичасовом рабочем дне я Вам послала... Постараюсь устроить, чтобы «Просвещение» посылало Вам журналы. Думские стенограммы посылаю.

Посылаю еще и книги из списка...»

Или:

«...Теперь о газете (имеется в виду «Правда».— *Е. Л.*). Реформы там необходимы. Но сделать сейчас все, что мы с Вами намечали, нет возможностей».

В других письмах к Ленину Елена Федоровна сообщает о том, что́ удалось сделать для оживления беллетристического отдела газеты, что мешает осуществлению намеченных планов.

«К Горькому на днях поедут от «Пролетарской правды» Еремеев и Григорий Иванович. Мы хотим предложить ему редакцию сборника стихов, который думает издать «Пролетарская правда». Тихонов в хороших отношениях с Горьким, часто с ним встречается. Я очень надеюсь на эту связь нашу с Горьким».

5 февраля 1914 года Елена Федоровна Розмирович написала Владимиру Ильичу:

«Дорогой друг! Почему от Вас нет известий?.. Получаете ли Вы мои письма?.. Почему до сих пор нет материала для «Работницы»? Надо сдавать в набор и т. д.

Крепко жму руку — Ваша Е. Ф.»

Это были годы нового революционного подъема. Сочетая легальные формы борьбы с нелегальными, партия вела большую работу по повышению классового самосознания трудящихся. «...Втянуть в политику массы нельзя без того,— писал Ленин,— чтобы не втянуть в политику женщин».

Члены редколлегии готовили к изданию первый номер журнала «Работница». В одном из писем к Н. К. Крупской Елена Федоровна писала:

«В понедельник у нас первое заседание редакции. Предполагаем первый номер выпустить числа 20-го февраля. Хотим приурочить к женскому дню. В «Пролетарской правде» будем вести агитацию за «Работницу» параллельно с агитацией за женский день. Думаем, что таким путем «Работница» сразу станет очень популярна. Успех будет огромный...»

3 марта (нового стиля) 1914 года члены редакционной коллегии журнала «Работница» собрались у Прасковьи Францевны Куделли в ее маленькой, темной комнатушке на Старо-Невском, чтобы окончательно утвердить содержание первого но-

мера долгожданного журнала. Настроение у всех было приподнятое. Но... в комнату ворвались полицейские и арестовали присутствующих. Среди арестованных была и Е. Ф. Розмирович. В тюрьме она и ее товарищи держались стойко. В знак протеста против ареста и плохих условий, в которых они содержались, объявили голодовку. Голодали семь дней. Перепуганная администрация тюрьмы по приказу начальства на восьмой день открыла двери камер и выпустила арестованных на волю.

После освобождения Елена Федоровна вновь «ушла с головой» в партийную работу.

Участившиеся обыски, преследования полиции и неминуемый арест заставили Елену Федоровну покинуть Россию.

На этот раз Е. Ф. Розмирович пробыла за границей около года.

В первые месяцы войны вся антивоенная деятельность большевиков направлялась Лениным из маленькой Швейцарии, где он тогда жил.

«Осенью 1914 года,— вспоминала Елена Федоровна,— мне было поручено Владимиром Ильичем организовать его реферат в Кларане по вопросу об отношении партии к империалистической войне, что было мной и выполнено».

В феврале 1915 года по инициативе В. И. Ленина в Берне была созвана конференция заграничных секций РСДРП. В ее работе участвовали Н. К. Крупская, Инесса Арманд, Н. Крыленко, Е. Розмирович и другие. Здесь же в Берне Елена Федоровна принимает участие в качестве делегата в работе Международной социалистической женской конференции. «В марте 1915 года,— свидетельствует Надежда Константиновна,— Е. Ф. Розмирович входила в нашу делегацию... на международной женской конференции,— где мы проводили линию Ильича, который нас непосредственно инструктировал, как нам держаться.

Летом 1915 года Владимир Ильич направил Елену Федоровну на работу в Россию. Перед отъездом... она заезжала к нам в Поронино, чтобы договориться с Ильичем о том, как вести работу».

ЦК партии направил Е. Ф. Розмирович и Н. В. Крыленко, который к этому времени стал ее мужем, в Москву на нелегальную работу. Владимир Ильич поручил им в суровых условиях войны восстановить старые, наладить новые связи с товарищами по подполью, организовать на месте издание большевистской литературы.

Окольными путями через нейтральные страны они пробрались в Россию и включились в работу московского подполья. Полиция свирепствовала, шли повальные аресты, «опека» жандармерии усилилась. «Недавно из-за границы в Москву от Ленина приехали двое с.-д. партийных работников, мужчина и женщина, причем последняя работала в Петрограде, состояла секретарем с.-д. фракции Государственной думы. Заграничники предполагают обосноваться в Москве и здесь работать в подполье»,— сообщала охранка.

А в ноябре новый рапорт: «Доношу департаменту полиции, что прибывшие из-за границы в Москву видные партийные с.-д. деятели, мужчина и женщина, в связи с арестом 4 ноября на собрании членов вновь организовавшегося в Москве Московского комитета 5 ноября были обысканы и арестованы, причем женщиной, проживающей по паспорту на имя дворянки Татьяны Николаевны Цорн, оказалась разыскиваемая Елена Федоровна Розмирович».

Пробыв полгода в тюрьме, Елена Федоровна была приговорена к ссылке в Иркутскую губернию.

Весть о ее аресте и приговоре потрясла Николая Васильевича Крыленко. Он пишет матери письма, в которых, пожалуй, впервые за всю его полную тяжких испытаний жизнь революционера-подпольщика прорвалась глубокая душевная боль, мучительная тревога.

«Родная мамочка! Не знаю, известили ли тебя о результатах хлопот за Е. Ф. Никакого успеха. Пять лет Иркутской губернии и отказ ехать за свой счет. Она, со своим больным сердцем, не вынесет всей тяжести двухмесячных скитаний по пересыльным тюрьмам... Попробуй еще раз добиться разрешения у департамента не следовать этапом...»

На препроводительной бумаге прокурора губернатор написал резолюцию: «Не согласен, так как раз уже бежала».

Тогда Николай Васильевич еще раз обратился к матери:

«Милая моя, родная, голубка мама! В знак моего глубочайшего доверия к тебе, мама, я хочу тебя просить об одной услуге великой, которая для меня будет высшей из того, что ты для меня можешь сделать. Ты знаешь, какое испытание готовит нам судьба. Тюрьма и в особенности этап и, наконец, может быть, предстоящие роды в ужасных условиях тюрьмы, без врачей могут сделаться роковыми для Елены Федоровны, роковыми в самом ужасном значении этого слова.

Родная моя мама, мученица ты моя, сделай так, чтобы ребенок был у тебя. Поезжай и возьми его...

Где буду я, куда меня пошлют, под пули или тоже в ссылку, ничего не знаю...»

И опять прошения, и опять отказы губернатора: «Оставить без последствий». И только после заключения врачебной комиссии губернатор разрешает Е. Ф. Розмирович ехать на свой счет. 10 мая 1916 года она в сопровождении двух стражников выехала в Иркутск.

В связи с рождением ребенка ее оставили в Иркутске на поселении.

«Февральская революция застала меня в Иркутске,— пишет Елена Федоровна.— Во время революции я была членом Иркутского партийного комитета и делегатом от большевиков в комитете общественных организаций.

В марте 1917 года я вернулась из ссылки в Петроград. Весь период керенщины прошел для меня в лихорадочной организационной и политической работе среди военных частей, среди солдат петроградского гарнизона, в качестве члена Бюро военных организаций при ЦК (военки). Одновременно я редактировала «Солдатскую правду»».

Елена Федоровна вернулась в Петроград со второй своей дочкой, восьмимесячной Маринкой.

О радостной и взволнованной встрече с ней вспоминает сестра Н. В. Крыленко, Ольга Васильевна.

«Сегодня к нам должна приехать Елена Федоровна Розмирович, освобожденная революцией от сибирской ссылки. Сегодня я наконец увижу необыкновенную, почти легендарную женщину, о которой я уже столько слышала и которой восхищалась, еще не зная и не видя ее,— пишет она.

— Приехала? — спросила я открывшую мне дверь нашу тетю, польку, пани Антонину.

Преданный друг, к которому мы с детства успели привыкнуть, радостно заулыбалась.

— Приехала, приехала,— ответила она. Я шагнула в комнату. У окна, освещенная ярким солнцем, стояла высокая белокурая женщина и держала на руках прехорошенькую девочку. Она кормила ее с ложечки. Я остановилась, смущенная и несколько разочарованная. Уж очень не похожей оказалась эта худая, усталая, показавшаяся мне уже не очень молодой женщина с бледным лицом и венком светлых волос на ту, образ которой жил в моем юношеском воображении. Она так по-обыденному была занята засовыванием в ротик ребенка ложечки манной каши! Я же представляла ее совсем другой.

Прошла уже неделя или две со времени приезда Елены Федоровны, и я увидела ее другой. Был воскресный день, и Елена Федоровна прилегла отдохнуть. Неожиданно в комнату влетела моя сестра Вера, дежурившая в этот день в райсовете. Она бросилась к Елене Федоровне и растормошила ее.

— Елена Федоровна, вставайте, сегодня вечером приезжает Ленин. У нас все идут встречать, а я прибежала вам сказать это.

В один миг Елена Федоровна преобразилась.

— Я пойду в Петроградский комитет,— сказала она сестре,— и вы можете пойти со мной. А вы,— обратилась она ко мне,— посмотрите, пожалуйста, за Маринкой и уложите ее вечером спать».

Большевики во главе рабочих и солдат с красными знаменами и лозунгами пришли на Финляндский вокзал. Уже смеркалось. Привокзальная площадь была переполнена народом. Многие бросились к перрону. Когда поезд остановился, Владимир Ильич спустился на платформу и стал дружески здороваться с обступившими его товарищами.

В первых числах мая в Петроград с фронта приехал Николай Васильевич Крыленко. Последний раз он виделся с Еленой Федоровной осенью 1916 года, когда, получив кратковременный отпуск, приезжал на несколько дней в Иркутск, чтобы навестить жену и только что родившуюся Маринку.

Бывший прапорщик теперь по воле солдат стал председателем армейского комитета. Он пользовался большим уважением и авторитетом в их среде. С утра до вечера Елена Федоровна и Николай Васильевич митинговали. Они непрестанно выступали в Таврическом дворце, где собирались матросы и солдаты. Часто их голоса заглушались аплодисментами людей в шинелях и бескозырках. В этом зале не было сдержанных, и лозунги заключительных речей большевиков «Долой войну!» все принимали горячо. По ночам Елена Федоровна писала статьи в «Солдатскую правду», в которых разоблачала политику Временного правительства.

Наступили июльские дни 1917 года. Рабочие, солдаты, студенты вышли с алыми стягами. Керенский дал приказ стрелять в демонстрантов. Улицы обагрились кровью. Начались массовые аресты большевиков. В Могилеве арестовали Николая Васильевича Крыленко. Оттуда его доставили в Петроград и посадили на гауптвахту вместе с другими большевиками. Обостренная обстановка требовала еще большего напряжения сил. Елена Федоровна по нескольку дней не видела своих детей.

В дни решающих боев за власть Советов Е. Ф. Розмирович — в рядах красногвардейцев, отгонявших войска Керенского от Петрограда, сражалась на Пулковских высотах. Вместе с Николаем Васильевичем Крыленко, ставшим верховным главнокомандующим, она поехала на фронт для ликвидации контрреволюционной ставки в Могилеве. «Солдатская правда» печатала ее корреспонденции, подписанные псевдонимом «Большевичка».

В архиве Марины Николаевны сохранилась фотография, на которой снята Елена Федоровна в Могилеве среди солдат. Она в солдатской шинели и большой меховой шапке, с винтовкой в руках. Этот снимок относится к осени 1917 года.

В конце 1917 года Петроградский Совет поручил Е. Ф. Розмирович работу в следственной комиссии революционного трибунала. Через год она стала ее председателем.

1919 год. Год голода, нищеты, разрухи. Следы тяжелых, незаживших ран войны можно было видеть повсюду. В станционных тупиках разбитые паровозы и вагоны, в помещениях вокзалов тяжелый, застоявшийся воздух, на перронах и крышах вагонов толпы мешочников.

Е. Ф. Розмирович получила назначение в Наркомат путей сообщения, председателем Главполитпути.

«Что понимает женщина в транспорте? — возмущались буржуазные специалисты, или «спецы», как их тогда называли.— Представляем, что она тут натворит!»

Елена Федоровна с присущей ей энергией стала налаживать труднейший участок работы. Она приходила в свой скромный кабинет задолго до начала рабочего дня. Начала с азов изучать новую для нее область.

Об одном из событий того периода вспоминает старая коммунистка Б. Барова:

«Осенью 1919 года с ротой солдат и политруками я направилась на Туркестанский фронт. Ожидая своего назначения, я ходила по перрону, обдумывая, куда обратиться по поводу ночевки. Время тянулось медленно. Кто-то из товарищей посоветовал обратиться к Розмирович в НКПС. Мы поехали к ней. Поразила ее внешность: волосы ее аккуратно зачесаны, а тонкие черты лица необычайно привлекательны. Доброжелательная улыбка располагала. Поговорив с нею немного, каждый чувствовал себя ее давнишним знакомым. Елена Федоровна устроила нас на ночлег.

— Завтра, ребята, все на заготовку дров для паровозов, иначе не доедете».

Вскоре и второй раз случай привел Барову к Розмирович. Политуправление Туркестанского фронта, расположенное в Самаре, мобилизовало коммунистов и комсомольцев на борьбу с эпидемией тифа. Он тогда косил людей. Заболели и члены отряда, в котором была Барова. Командование фронта санитарным поездом отправило отряд обратно в Москву. В Москве нервничали, потому что долго никто не давал помещения для госпиталя. «Здесь мы снова вспомнили, что существует Розмирович, она-то обязательно поможет,— пишет Б. Барова.— Так оно и было. В одну из школ Рогожско-Симоновского района по распоряжению Елены Федоровны разместили раненых и больных». Санитарный вагон вовремя разгрузили, и больным немедленно была оказана необходимая помощь.

В 1921 году Елена Федоровна тяжело заболела. Болезнь сердца на восемь месяцев приковала ее к постели.

Обеспокоенный состоянием ее здоровья, В. И. Ленин писал А. Д. Цюрупе о том, что необходимо заставить Е. Ф. Розмирович лечиться.

«Попробуйте убедить ее,— читаем в его письме.— Если сочтете полезным и удобным, перешлите ей эту записочку.

По-моему, надо бы ее арестовать и по этапу выслать в Германию в санаторий». И уже на письме А. Д. Цюрупы в Оргбюро ЦК РКП(б) с просьбой принять решение о срочной отправке Елены Федоровны на лечение: «Вполне присоединяюсь... Свидетельствую, по опыту *лично моему* и *ЦК 1912 — 1913* годов, что работник это очень крупный и ценный для партии».

Елена Федоровна выздоровела. Вернулась к работе, и вот в мае 1922 года ее направили в Наркомат рабоче-крестьянской инспекции. А дальше... Институт Маркса — Энгельса — Ленина, Государственная библиотека им. В. И. Ленина, архив А. М. Горького.

Всей своей жизнью и работой Е. Ф. Розмирович оправдала характеристику, которую ей дал В. И. Ленин.

Вера Морозова

КОМПАС У КАЖДОГО СВОЙ

(К. Н. Самойлова)

> **Не прекрасна ли цель работать для того, чтобы оставить после себя людей более счастливыми, чем были мы!**
>
> *Шарль Монтескье*

Сегодня день суда, четвертого суда за ее жизнь. Накануне надзиратель принес в камеру синее платье, в котором ее арестовали в марте 1909 года...

На Невском, в Психоневрологическом институте, происходило заседание Петербургского комитета РСДРП. Заседание было подготовлено с особой тщательностью, да и сама обстановка в институте благоприятствовала конспирации. По воскресным дням здесь происходили консультации профессоров для вольнослушателей. Шумно. Людно. В лаборатории, заставленной узкими шкафами с колбами и реактивами, собрались комитетчики. Заседание шло бурно. Вдруг вбежал студент-связной и крикнул: «Полиция оцепила институт». Уйти оказалось невозможно. Начался обыск, составили протокол. Жандармский офицер иронически разглядывал документы:

— Екатерина Васильевна Никологорская... Паспорт-то настоящий и даже прописан! Проживаете на Петербургской стороне... А у нас другие сведения, Конкордия Николаевна Громова,— с открытой издевкой закончил офицер.

Конкордию препроводили в Литовский замок, в котором она и отсидела десять месяцев в ожидании суда.

...Громова прошлась по камере. Взяла грифельную доску, заменявшую зеркало, смочила водой. Сокрушенно покачала головой: похудела-то как! Морщины на лбу, гусиные лапки у глаз, в темных каштановых волосах серебряные пряди. Как огорчится Аркадий Александрович, с которым ей так и не удалось повидаться за эти десять месяцев! Брак гражданский, и, конечно, охранка признать его не захотела. Свидания не разрешили. Тогда Аркадий Александрович Самойлов, помощник присяжного поверенного, выразил желание защищать подсудимую Громову. В этом случае брак признали и защиту запретили. С трудом удалось Самойлову взять дело одного из ее сопроцессников. И вот теперь после десяти месяцев разлуки Конкордия ждала встречи с мужем.

Сегодня она умылась с особой тщательностью. Затянула волосы в тугой узел. Осторожно вынула из-под тонкого тюфячка синее платье, которое положила на ночь в надежде, что оно разгладится. Чуда не произошло — платье жеваное, измятое. Ботинки за время хранения в крепостном цейхгаузе покрылись плесенью. Конкордия оглядела себя критически — ну и вид... Тяжело вздохнула и села на тюремную койку, ожидая момента, когда ее поведут в суд.

В камере промозгло, сыро. На шершавых скользких стенах зеленоватая плесень. Оконце в ржавых решетках, затянутое паутиной, едва пропускало свет. Грубо сколоченный стол. Табурет. И эта койка с тощим тюфячком, одеяло, изъеденное молью. Сколько тюрем Конкордии пришлось повидать за последние годы!

...Припомнилось ей пережитое. Она курсистка-бестужевка. Приехала в Петербург учиться из Иркутска, победив в долгих спорах с матерью.

Шли тревожные дни 1897 года. В седьмой камере Трубецкого бастиона вспыхнул живой факел — политическая заключенная Мария Ветрова, арестованная по делу Лахтинской типографии народовольцев, сожгла себя. Ветрова была тоже бестужевкой. Известие о ее трагической гибели потрясло Конкордию. На курсах шепотом передавали страшные подробности гибели Марии: отвернула горелку лампы, керосином облила платье, в пламени, потеряв сознание, лежала на тюремной койке, а у «глазка» за железной дверью стоял бесстрастный жандарм. Ожоги оказались смертельными. Но и тогда ее не перевели из Петропавловки. Около умирающей дежурили жандармы. К ней не допустили родных. Две недели обманывали Козину, двоюродную сестру, добивавшуюся свидания, прини-

мали передачи... А Мария была мертва. Ночью тайком ее похоронили на Преображенском кладбище, могилу сровняли с землей, не показав даже матери!

По городу ходила прокламация. На Бестужевских курсах началась гражданская панихида. Конкордию душил гнев: царизм, как во времена инквизиции, сжигает товарища! Она выступила со страстной речью — то было ее первое политическое выступление. Бестужевки вышли на манифестацию.

В яркий мартовский день Казанский собор был переполнен. Пришли студенты, курсистки, профессора... Мерцали лампады, выхватывая из полутьмы лики святых, дрожали оплывшие свечи. Студенты и курсистки стояли в глубоком молчании, заполнив северный и южный приделы собора. Священник отслужить панихиду по Марии Ветровой отказался.

Под звуки скорбной мелодии процессия двинулась по Казанской улице. Вечная память... Вечная память... Слова, как клятва, падали на затихшую толпу. Шелестели траурные ленты венков, ветерок развевал траурный креп, закидывал красные ленты на рукава студентов. Горожане стягивали шапки, крестились. В морозном воздухе звучал величавый реквием, от которого перехватывало дыхание и горький ком останавливался в горле.

Процессию повернули с Невского, завели в казанскую полицейскую часть. Чудом в тот день удалось курсистке Громовой избежать ареста. Конкордия прорвала живую цепь полицейских и жандармов, укрылась в тихом особнячке. Но то, что она увидела из окна, разрисованного морозом, запомнилось на всю жизнь. Улица бурлила, словно развороченный муравейник. На студентов набросились городовые. Конные жандармы теснили демонстрантов к железным воротам тюрьмы. Свистки, крики... Жандармы нахлестывали лошадей. Алела на снегу кровь. Чернела меховая шапочка. Лежала девушка, неловко подвернув правую руку. Сухими горящими глазами смотрела Конкордия, как избивали молодежь. Нет, этот день она не забудет! Нет!

Арестовали ее в 1901 году, во время студенческих волнений, на квартире у Фокиной, помощницы надзирательницы больницы Николая Чудотворца. Шла студенческая сходка. Петербург волновался. Свершилось позорное — двадцать семь студентов столичного университета насильно отданы в солдаты. В кухмистерской Вишнякова происходил сбор денег, а передать эти деньги должна была Конкордия Громова. Пристав ей свидания со студентами-солдатами, взятыми под стражу, не разрешил. Студенты объявили голодовку. Пристав, нахохлившись, возвращал передачи, отказывал даже в переписке. И вдруг в угловом окне

появилась зажженная лампа — условный сигнал, что отправка заключенных произойдет сегодня. Конкордия вновь пошла на переговоры. Против ожидания пристав принял ее приветливо. Тонкие губы в улыбочке. Он, мол, готов разрешить свидание, если студенты, собравшиеся во дворе полиции, в знак солидарности с отданными в солдаты товарищами разойдутся. Конкордия поверила. Студенты очистили двор. Они ожидали результатов обещанного свидания в примыкавших к полицейскому участку улочках. Но пристав их обманул. С бешеной скоростью к зданию полицейского участка приближались тюремные кареты. Рядом с кучерами на облучке жандармы. Ворота распахнулись, кареты, возки, не замедляя скорости, подпрыгивая на ухабах, ворвались в тюрьму. Негодующая Конкордия поспешила к приставу. В конторке суматоха. Бегали со списками надзиратели, выкрикивая фамилии арестованных. В углу навалены солдатские полушубки, грязные, дырявые. Пахло кислятиной и овчиной. Жандармы гремели шашками, сапогами со шпорами. Пристав от разговора отказался.

Черной шеренгой стояли городовые. Толпу ожидающих оттеснили к забору. Шел густой снег. Леденил ветер. Конкордия не сводила глаз с тюремных ворот. Проскрипев, они раскрылись. С гиком пронеслась первая карета. За ней конные жандармы с шашками наголо. В арестантских каретах студенты, сданные в солдаты! Толпа дрогнула, замерла. Конкордия, преодолевая страх, бросилась наперерез. На середине мостовой замерла, широко раскинув руки. Слышался тяжелый лошадиный храп, бешено сверкали налившиеся кровью глаза. Карета, тяжело осев, остановилась. Девушка кинулась к решетке. Руки обжигали ледяные прутья.

— Деньги от петербуржцев! Товарищи! Братья! — Слезы мешали ей говорить.— Да здравствует революция!

К девушке бросились полицейские. Они пытались заставить ее замолчать.

...Конкордию Громову привезли в дом предварительного заключения. Словно ловушка, открылась калитка, неприметная для непосвященного глаза. Начался унизительный «личный обыск»: грубые пальцы мужеподобной надзирательницы перебирали пряди каштановых волос, прощупывали складки одежды. Следствие тянулось долго. Конкордию привлекли к дознанию по делу «организации противоправительственной демонстрации». От показаний она отказалась. Ничего серьезного ей поставить в вину не смогли. Следователь сделал «отеческое» внушение. Пришлось оставить Бестужевские курсы. Ее выслали из Петер-

бурга на родину, в Иркутск. Стоял майский день 1901 года, улицы были запружены праздничной толпой, а она под охраной жандарма вынужденно покидала город на Неве...

Память распахнула страницу второго ареста. 1903 год. В окно стучал ветер кленовым листом, по черному стеклу текли тяжелые дождевые капли. Гнулись и скрипели деревья в саду. Конкордия прижалась лицом к окну, вслушивалась в шум непогоды. До отхода поезда оставался час, она ждала сестру. Дрогнула калитка, по узенькой дорожке цветника захлюпали торопливые шаги. Закутанная Калерия перепрыгивала через лужи. Конкордия расцеловала мокрое лицо сестры. Свет в прихожей не зажигали, и на лице были видны черные дуги бровей да пухлый полудетский рот. Конкордия сжимала худенькие плечи, чувствуя, как она содрогается от рыданий. Молча поправила мокрые пряди волос, выбившиеся из-под шляпки. Калерия смущенно улыбнулась и торопливо стала рассказывать, что из вещей удалось собрать. А потом попросила адрес, по которому можно писать. Конкордия грустно усмехнулась: адреса она не знала. Она покидала Тверь по распоряжению партийного комитета. Впереди ждала неизвестность.

Провожать себя не разрешила. Уверенности в благополучном отъезде не было. В кружок, которым она руководила, пробрался провокатор. На ее арест жандармским полковником Урановым подписан ордер... Недолго ей пришлось проработать в Твери после возвращения из Парижа.

Потоки воды яростно обрушились на город. Чавкала грязь под копытами тощей клячи. Дождь бил по попоне. Сутулился извозчик в брезентовом капюшоне. Дождь перешел в ливень. Раскаты грома перемежались яркими вспышками. Конкордия промокла до нитки, зонт не спасал. По перрону торопливо пробегали пассажиры. Падал косой свет из освещенных вагонов, да в лужах дрожали зеленоватые круги пристанционных фонарей. Конкордия поплотнее закутала голову платком и, разбрызгивая лужу, прошла к вагону второго класса.

Обосновалась она в Екатеринославе. Из редких писем знала, что полковник Уранов проявляет редкую настойчивость, которой она не находила оправдания. С Калерии взяли в «бесовском учреждении» подписку о невыезде, переписку задерживают... И наконец пришло письмо, все объяснившее. Против Конкордии в Твери возбуждено дело по обвинению в политическом убийстве!? Оказывается, вскоре после ее отъезда убили Волнухина, кружковца, уличенного в провокаторстве. Уранов разослал циркуляры с описанием примет Конкордии. Объявлен все-

российский розыск. Даны телеграммы на пограничные пункты о ее незамедлительном аресте и препровождении по месту свершения «преступления». Полковник Уранов делает карьеру — политическое убийство в Твери! Признаться, она не очень-то поверила в серьезность такого обвинения. Лишь арест в Чечеловке, на рабочей окраине Екатеринослава, заставил ее призадуматься.

В домике Ястребова, где она проводила кружок, говорили о русско-японской войне. И вдруг в дверь забарабанили. Девушка бросилась к окну. Поздно. Ротмистр усадил напротив Конкордии жандарма. Запретил двигаться, предупредив, что стрелять будут при первом движении. Обыск производили тщательно. Главное, что заботило ротмистра,— оружие! Ясно, что ее принимали за террористку. С грустью смотрела Конкордия, как бесчинствовали жандармы в уютном домике. Срывали со стен шитые коврики, на крашеный пол длинной кочергой выгребали золу, крюками поднимали половицы. Ротмистр снял икону, передал ее городовому. Тот выломал шашкой заднюю крышку.

Ротмистр интересовался только Конкордией. Она отказалась назвать свое имя. Никто не признался, что видел ее раньше. Никто, кроме Салаты... Дело не в том, что он ее выдал. Конкордию арестовали бы и без показаний Салаты, но человеческая подлость всегда причиняет боль. Конкордию препроводили в жандармское управление. Там ее принял полковник, предъявил ее старую фотографию, еще из Петербурга...

А потом ее вели через весь город к вокзалу. Она с трудом вытаскивала ноги из грязи. Конец февраля для Екатеринослава — начало весны. С крыш валил густой пар, падала весенняя капель. А она шла по разъезженной мостовой, прижимая к груди узелок. Впереди жандарм на рыжей лошади, которая забрасывала Конкордию грязью. По бокам жандармы с шашками наголо. Трудно поспевать за их шагом, ноги проваливались в рыхлый снег.

Раз, два... раз, два... раз, два... Так шли жандармы, привыкшие к муштре. Раз, два... раз, два... раз, два... Так шла она.

Поезд разрезал темноту. В желтом свете фонарей мелькали полустанки. Тверь, окутанная молочным туманом, встретила неприветливо. Грязные сугробы. Почерневшие липы на Дворянской улице. И опять Конкордия шла по мостовой под конвоем жандармов. На Дворцовой площади старинные часы пробили двенадцать. Обычно в это время Калерия возвращалась из городской библиотеки. Каково будет ей увидеть сестру, окруженную жандармами!

И все же эта встреча произошла. У театральной тумбы стояла Калерия и расширенными от ужаса глазами смотрела на приближавшуюся процессию. Сделала несколько нетвердых шагов. Побледнела. Большие, как у матери, глаза потемнели от волнения. Она не вытирала слез. В грязи лежала папка с нотами, она даже не заметила, как обронила ее. Конкордия поравнялась с тумбой, у которой стояла сестра. Глаза ее потеплели в улыбке, слегка дрожали губы. Жандармы маршировали по бокам. Раз, два... раз, два... раз, два... Ноги скользили по грязи. Раз, два... раз, два... раз, два...

Камера в тверской губернской тюрьме, куда поместили Конкордию, мало чем отличалась от екатеринославской одиночки. От показаний Конкордия отказалась сразу, высмеяв нелепость обвинения. Ее лишили переписки, лишили прогулок... Только доказать полковник Уранов ничего не смог. Четырнадцать долгих месяцев отсидела Конкордия в одиночке... В 1905 году ее освободили под залог в тысячу рублей.

Слежка велась за ней неотступно. Конкордия обнаружила ее давно, но отказаться от работы не могла. В партии каждый человек на счету, а тут эта слежка... Весь тяжелый 1906 год Громова в разъездах. Одесса, Москва, снова Одесса, а вот теперь последние три месяца задержалась в Ростове-на-Дону.

И опять память перевернула страницу. Третий арест. Она выходила из книжного магазина на Большой Садовой, остановилась у витрины, якобы рассмотреть новинки — проверялась по привычке. И вдруг шпик! В зеркальном окне хорошо его разглядела. Высокий. Блондин. В светло-серой тужурке, что вошли в моду в этом сезоне. На голове соломенная шляпа с пестрой лентой. С этого дня он стал ее тенью — на проспектах, улочках, в переулках, проходных дворах. Да, заинтересовались всерьез!

Опять придется отсиживать в кондитерской. Она заняла круглый столик и не спеша помешивала ароматный кофе в золоченой чашке. За окном топтался шпик, неряшливый, из местных. Шпик поднес к глазам карманные часы, открыл круглую крышку. Скоро его подменят. Из-за угла выплыл ее всегдашний в светло-серой тужурке. Перекинулись несколькими словами. Местный ушел. Всегдашний снял шляпу, вытер платком лоб. Конкордия маленькими глотками допивала кофе. Приказчик принес модные журналы, и она, сославшись на назначенную встречу, сидела в томительном ожидании. Ба, в движениях шпика беспокойство. Решил зайти в бузную, выпить стаканчик вина. Ушел... В ее распоряжении десять минут. Прозвенел висячий колокольчик над дверью. Конкордия поднялась, небрежно

кивнула приказчику. Заспешила по Большой Садовой к книжному магазину — там есть второй выход в лабиринт проходных дворов.

Распахнув дверь книжного магазина, Конкордия, не взглянув на студента, склонившегося над кипою газет, прошла в дальнюю комнату, скрытую от постороннего глаза книжными полками. Села на пачку книг, уронив руки. В Донском комитете РСДРП, членом которого она стала, аресты. Очевидно, пришла ее очередь... Нужно закончить дела и прежде всего это письмо. Вынула конверт, раскрыла письмо.

«Заявляю членам бывшего Одесского комитета (большинства), что я не считаю возможным оставаться больше в здешней объединенной организации по следующим основаниям: прежде всего я нахожу, что разногласия между большинством и меньшинством по тактическим вопросам еще настолько существенны, что слияние в настоящий момент является вступлением на путь компромиссов и равносильно отказу от той единственно верной революционной тактики, которой держалось до сих пор большинство и которая делала его левым, истинно революционным крылом РСДРП.

Слияние при наличности существенных разногласий может быть только механическим и должно привести на практике к майоризированию, т. е. к простому количественному подавлению при местных условиях организации большинства меньшинством, а идейная борьба за влияние неизбежно при данных условиях окажется бесплодной и может вызвать лишь новые трения, конфликты и новый раскол. Таким образом, слияние, создав почву для новой дезорганизации, нанесет только большой вред положительной работе. Я считаю также, что происходящее здесь слияние является актом, нарушающим в корне всякие представления о партийной дисциплине, которую так энергично отстаивало всегда большинство в своей борьбе с антипартийными и дезорганизаторскими тенденциями меньшинства...

...Факты такой принципиальной неустойчивости подорвали у меня всякое доверие к местной руководящей коллегии, и это в связи с указанными раньше причинами побуждает меня выйти из одесской организации.

Май 1906 г. Пропагандистка *Наташа*».

Конкордия запечатала письмо. Отошлет сегодня же. Подошла к окну, отодвинула пропыленную занавеску. По улице проносились пролетки. Дамы в нарядных шляпах, похожих на птичьи гнезда, высоко держали кружевные зонтики. Прогули-

вался чиновник. Семенила монахиня в черном глухом платье. Пробежала девочка с обручем и голубыми лентами в смешных косичках. Зорко проглядывала улицу Конкордия. Никого — улица свободна. На углу Большой Садовой и Пушкинской синел почтовый ящик. План прост: сейчас она выйдет, опустит письмо и трамваем до Темерника...

Окинула себя придирчивым взглядом. Коричневый сак. Светлая юбка. Широкополая шляпа, скрывающая лицо, с шитой вуалью. Поднялась. Кажется, все благополучно — на улице новых лиц не появлялось. Опустив вуаль, Конкордия неторопливо пошла вперед. На перекрестке у почтового ящика задержалась. Двуглавый оловянный орел смотрел мертвыми глазами. Открыв вязаный ридикюль, достала письмо. И тут же на камнях заколебались тени. Ее схватили, стараясь вырвать письмо.

— Барышня, не поднимайте шума! — хрипел субъект, сдвинув соломенную шляпу.

Около шпика выросли городовые. Заплакала девочка с голубыми ленточками, обруч покатился мимо почтового ящика. Конкордия попыталась освободиться, тряхнула руками. Конечно, письма не спасти. Но в ридикюле адреса трех конспиративных квартир... Письмо она держала крепко. Шпик вырывал. Конкордия громко вскрикнула, стараясь привлечь внимание прохожих. Арест средь бела дня прилично одетой дамы должен вызвать интерес.

— Господа... Господа... Что тут происходит? — Чиновник торопливо перебежал улицу.

Конкордия закричала сильнее. Шпик опешил, лицо его покрылось красными пятнами. Письмо с оторванным уголком он торопливо засовывал в карман куртки. Зло попросил чиновника не вмешиваться, но руку Конкордии отпустил. Схватив бумагу с адресами, Конкордия запихнула ее в рот. Бумага обдирала горло. Проглотить записку не удавалось. Шпик сильным движением оттолкнул чиновника. Вновь вцепился в Конкордию. Горячая волна захлестнула ее, стало трудно дышать. Бумага раздирала горло. И все же она упрямо разжевывала ком, в котором была свобода доброго десятка товарищей.

— Выплюньте! Приказываю! — шипел шпик.

Пальцы обручем сдавили горло. Конкордия задыхалась. Слезы градом катили по лицу. Чиновник испуганно ретировался. Но появились студенты в зеленых тужурках, или зеленым стало все вокруг?! Сдвигались дома, кружились небеса. В глазах расплывались оранжевые круги. Студенты все поняли, схватили шпика за руки. Конкордия жадно вдохнула воздух и проглотила

записку. Городовые набросились на студентов. Началась свалка.

— Вы ответите... За все ответите! — кричал шпик, цепко схватив ее за рукав.

Тюрьма. Суд. Ссылка. Побег, и наконец она в Москве. Стояла поздняя осень 1906 года. Деревья сверкали багряными красками, шуршала порыжевшая листва. В Сокольническом лесу назначено партийное собрание. Связной, рабочий с завода Бромлея, выслушав пароль, указал Конкордии дорогу. На поляне, зажатой золотистым орешником, говорили о трудностях восстановления организации, разгромленной после баррикад на Пресне. Светила луна. Чернели силуэты людей, лица было трудно рассмотреть.. Люди сидели на пнях, под кустарником, на траве, увлажненной вечерней росой. Предстояли довыборы окружного комитета РСДРП. Когда стали называть фамилии новых членов, назвали и ее. Началось голосование. В темноте, словно светлячки, вспыхивали спички. Их подносили поближе к поднятой руке. С собрания она уходила вместе с Аркадием Александровичем... Там у дуба произошло их объяснение. В Москве жилось трудно. Встречи урывками извели обоих. Аркадий страшился ее ареста, в неизбежности которого он почти не сомневался. За побег из вологодской ссылки ждала каторга. Ссылка в Вологду была ей определена по делу Донского комитета РСДРП. Воспоминания об этой ссылке давили Конкордию кошмаром. Она старалась быть осторожной, тщательно конспирировалась, но разве убережешься? Вскоре они с Аркадием уехали в Луганск...

30 апреля 1907 года на окраине Лондона в реформатской церкви «Братство» открылся V съезд партии. Большевистская фракция, в которую входила, как делегат Луганска, Конкордия Николаевна, заняла правое крыло. Неподалеку от Конкордии сидит Ленин, крепкий, подобранный. Это ее вторая встреча с Владимиром Ильичем. Та, первая, произошла в Париже, когда она слушала лекции Владимира Ильича в Высшей русской школе общественных наук. С нежностью смотрит Конкордия на Владимира Ильича. Плечи его вздрагивают от беззвучного смеха, он старается сдержаться. Начинает вслушиваться в слова Плеханова и она.

— Мы все-таки должны сделать попытку столковаться, а для того, чтобы столковаться, необходимо рассмотреть спорные вопросы без гнева и пристрастия, si ne ira et studio, и это облегчается тем обстоятельством, что в нашей партии нет ревизионистов...

У Конкордии от удивления вытянулось лицо. Как нет ревизионистов?! А меньшевики?! О каком мире в партии говорит Георгий Валентинович?!

Взгляд ее задержался на Максиме Горьком. Он сидел на скамье, слушал, приподняв мохнатые брови. Широкий в кости, долговязый, с задумчивым взглядом проницательных глаз.

И опять под высокими сводами звучали гладкие, как обкатанная галька, слова Плеханова. Он призывал к единству с меньшевиками. Странно... Наивно... Споры с меньшевиками начались сразу, злые, ожесточенные. Видно, о мире трудно будет договориться, да Конкордия и не сторонница такого мира.

В перерыве большевистская фракция собралась в узенькой комнате. Глаза Конкордии прикованы к Владимиру Ильичу. Вся его ладная, коренастая фигура дышала молодостью, силой. Он сидел у стены, перелистывая записную книжку, и делал какие-то пометки. Сутулясь и застенчиво улыбаясь, зашел Горький. Огромный, неторопливый. Горький внес корзину, в которой аккуратными стопками лежали бутерброды. Тут же и Андреева, спокойная красавица с роскошными волосами. Кто-то из делегатов волоком втащил корзину с пивными бутылками. Пиво и бутерброды поставлял Горький. Кажется, ни один партийный съезд не проходил с такими материальными затруднениями: денег в партийной кассе нет, аренда церкви стоит дорого, делегаты голодали, и Горький решил помочь.

— Владимир Ильич, прошу к столу! — пошутил Горький.

Ленин встряхнул бутылку черного пражского пива, налил стакан, отхлебнул.

— «Ревизионистов на съезде нет!» — насмешливо повторил Владимир Ильич фразу Плеханова.— Меньшевики упрекают нас в догматизме, отказываются вести политические споры. Иными словами, хотят вымотать, хотят сорвать съезд. Сорвут съезд — лишат партию политической линии. С меньшевиками нас разделяют крупные тактические разногласия, а нам предлагают, защищаясь софистикой, снять с повестки дня принципиальные вопросы... И все якобы во имя практицизма и деловитости!

— И как все кругло получается у Плеханова. Говорит изящно, что-то из латыни, броская английская пословица... Блеску много...— Конкордия развела руками, в карих глазах смешинки.

— От теории на съезде мы не откажемся! — На высоком лбу Владимира Ильича упрямая складка.— Замазывать теоретические разногласия и тем самым лишать партию политических задач мы не позволим! Трудная, очень трудная обстановка на

съезде, хотя он и происходит в церкви «Братство».— Ленин помолчал и закончил: — Меньшевики желают заседать в парламенте, а большевики готовят рабочий класс к революции...

...Думы... Думы... Картины былого, словно страницы большой книги жизни, прошли за эти часы воспоминаний. К действительности Конкордию Николаевну вернул звон тюремных ключей. Проскрежетав по камню, раскрылась тюремная дверь. Ввалился старший надзиратель с серебряной медалью на впалой груди. Тщательно оглядел подсудимую, пригласил следовать за собой.

В канцелярии Конкордия Николаевна увидела своих товарищей, окруженных жандармами. Пожала руки друзьям, не обращая внимания на ворчание ротмистра. Встала между жандармами.

— Конвой! Шагом а-а-рш! — зычно прокричал ротмистр, звякнув шпорами.

Медленно двинулись. Потянулись длинные извилистые коридоры, лестницы с крутыми стертыми ступенями, заскрипели обитые толстым железом ворота. Конкордия глубоко вдыхала свежий воздух, радуясь солнцу, теплу, встрече с мужем...

Судебный зал окружного суда, где слушалось дело, напоминал концертный. Люстра, похожая на гроздь винограда, переливалась радужными огнями. На возвышении девять полукруглых кресел, золоченые спинки которых виднелись из-за продолговатого стола, покрытого малиновым сукном. Сияла позолотой рама огромного царского портрета. Направо от стола за деревянной перегородкой скамьи подсудимых, напротив трибуна прокурора и места для защиты.

Жандармы в медных касках застыли у скамьи подсудимых. Конкордия Николаевна села в первом ряду вместе с Буйко. За ними рабочие в черных косоворотках. Ждала и страшилась свидания с Аркадием Александровичем. Почти год разлуки. Взгляд ее прикован к тяжелой резной двери, через которую должны выйти судьи, защитники.

Как ни ждала она этого момента, и все же с трудом подавила волнение, увидев высокую, чуть сгорбленную фигуру Аркадия Александровича. Шел он тяжело. Лицо побледнело. Заметив ее, окруженную жандармами, судорожно глотнул воздух. Конкордия Николаевна подалась вперед, до боли вцепилась в деревянное перильце. Боже, как он изменился: почернел, состарился, отпустил усы... Аркадий расстегнул пуговицу накрахмаленной рубашки, опустился в кресло.

— Суд идет! Прошу встать! — прокричал судебный пристав с красным лицом, размахивая медным колокольчиком.

Аркадий Александрович с трудом поднялся, виновато взглянул на нее.

За судебным заседанием Конкордия не следила. С болью всматривалась в дорогое лицо, замечая нерадостные перемены. Заседание тянулось долго. Дребезжащим голосом прокурор доказывал виновность подсудимых, требуя применить статью о каторжных работах. Резкие вопросы защитников, опрос свидетелей. Посоветовавшись с коллегами, Аркадий Александрович попросил слова.

— Господин прокурор признал, что самым главным для суда является доказательство истины. От себя могу прибавить, что нужно сохранить хотя бы видимость законности...

Конкордии нравилось, как умно и тонко говорил Аркадий Александрович, как блестяще высмеял прокурора, надутого индюка с университетским значком.

— С каких это пор каждый, кто пришел в институт, в общественное место, может быть заподозрен в противоправительственной деятельности?! С каких пор свобода и личная неприкосновенность могут быть попраны по любой случайности?! Чем, кроме грубого судебного произвола, можно объяснить десятимесячное пребывание обвиняемых в крепости, хотя это обвинение построено на домысле...

Председатель суда неодобрительно поднял глаза на Самойлова, тронул колокольчик.

— Нельзя предположения выдавать за бесспорные факты, подозрения превращать в улики, личную дружбу уподоблять сообщничеству, а совместное пребывание в одном помещении сводить к заговору... Практика российского суда вопиет против нарушения процессуальных норм!

Яростно заливался колокольчик в руках председателя. «Цитирует Сергея Кравчинского»,— подивилась его смелости Конкордия.

— Защита настаивает на немедленном введении в зал свидетеля обвинения! — почти прокричал Самойлов.

В зал под конвоем франтоватого ротмистра ввели плечистого человека, закованного в кандалы. Конкордия внимательно его рассматривает — русоволосый, с густой курчавой бородой, серыми глазами. Нет, она его не знает. Тревожно переговаривались защитники. После обычных вопросов к свидетелю о его имени и сословии наступила тишина. «Какая-то провокация!» — вздохнула Конкордия.

— У защиты есть вопрос к свидетелю! — зазвенел голос Аркадия Александровича.— Свидетель, чем вы можете подтвердить знакомство с людьми, сидящими на скамье подсудимых? Можете ли назвать их фамилии... Рассказать, при каких обстоятельствах произошло ваше знакомство? Прошу припомнить все точно, ибо от ваших ответов зависит жизнь очень хороших людей...

— По-про-шу лишних советов не давать! — растягивая слова, прервал его председатель и, обратившись к свидетелю, добавил: — Отвечай, голубчик!

— Я не знаю этих людей!

Ответ оказался неожиданным. По залу пронесся шорох. Конкордия перехватила радостный взгляд Аркадия Александровича. Прокурор побагровел:

— Свидетель, прошу не забывать показаний, данных на предварительном следствии...

— Защита просит не оказывать давления на свидетеля. Перед законом, как и перед богом, которым он клялся, свидетель должен говорить одну лишь правду! — вскочил Аркадий Александрович.

— Я не знаю этих людей. К партии никогда не принадлежал, политикой не интересовался. Приговорили меня к смертной казни за убийство.— С какой-то злой решимостью продолжал парень.— Потом мне сказали, что меня помилуют, если я подпишу бумаги... Я подписал, а дружки в камере стали ругать... Вот я и решил греха на душу не брать.

Свидетель низко поклонился подсудимым.

— Защита заявляет резкий протест. Отводит свидетеля и просит записать в определение суда о недопустимости такого ведения следствия! Мы видели лишь одного свидетеля и того с веревкой на шее. На его показаниях держалось обвинение о принадлежности подсудимых к Петербургскому комитету РСДРП. Свидетель не подтвердил показаний, более того, он публично отрекся от них.— Аркадий Александрович высоко вскинул крупную голову.

— Увести! — Председатель бросил презрительный взгляд на прокурора.

К свидетелю подлетел франтоватый ротмистр, лихо козырнул. В зале слышался смех, неодобрительные выкрики.

— Суд удаляется на совещание! — Председатель отодвинул малиновое кресло.

Аркадий Александрович бросился к скамье подсудимых.

...К сожалению, четвертый арест не был последним в жизни Конкордии Николаевны Самойловой. Шли годы, перевертывались страницы большой и многотрудной жизни профессиональной революционерки. Газета «Правда», там она работала секретарем. Комнаты на Ямской в Петербурге, где размещалась редакция, с утра до позднего вечера переполненные рабочими... Налеты полиции, конфискация газеты... Шифрованные письма к Владимиру Ильичу за границу, в которых рассказывалось о делах газеты... Сколько статей, сколько пламенных речей перед пролетариями Петербурга!.. Партийный пропагандист, партийный публицист, столь хорошо знакомый рабочим... Много, очень много сил отнимала «Работница», за ее созданием так следил Владимир Ильич. Пятый арест в жизни Конкордии Николаевны произошел в 1914 году на заседании редколлегии журнала. Опять высылка из столицы, опять жизнь под гласным надзором полиции.

Революция... Все, о чем мечтала Конкордия Николаевна, свершилось. Сутками она выступает на митингах работниц. Бессонные ночи... Голодные годы... В памяти осталась встреча с Владимиром Ильичем в Москве в 1918 году на I Всероссийском съезде работниц и крестьянок в Колонном зале... Делегатки, съехавшиеся со всех уголков страны, и пламенная речь Владимира Ильича...

Разоренная войной страна голодала. Нужен хлеб, нужно привлечь женщин к активному труду. С первым же рейсом агитпарохода ВЦИК «Красная звезда» Конкордия Самойлова, агитатор и инструктор ЦК, отправляется в рейс. Губернские съезды женщин, пламенные речи... Полуразутые, полураздетые работницы, у которых она зажгла святую веру в грядущее. Новый рейс по Волге...

Пароход «Красная звезда» легко разрезал волны. В ярких солнечных лучах вода казалась зеленой. Волны вспенивались белым кружевом, наваливались на узкий нос корабля. Пароход покачивало.

Конкордия Николаевна сидела в капитанской рубке, просматривала сверстанный номер выпускаемой на пароходе газеты. Быстро перечеркнула цветным карандашом статью, начала писать размашистым почерком:

«Трудовая Россия должна стать сытой, светлой, богатой. От хорошего улова зависит благополучие миллионов рабочих Москвы и Питера. Мы знаем, что работа тяжела и нелегка, знаем, что у вас нет обуви и одежды, нет мыла... Рыба — основа питания рабочих. Ловцам республика даст максимум того, что мо-

жет... Каждый потерянный тобой день путины — тяжелое преступление против Советского государства...»

Конкордия отбросила карандаш. Подошла к иллюминатору и долго рассматривала голубую ширь Волги. Новый рейс... Добыча рыбы стала одним из фронтов. Митинги, конференции, лекции, беседы...

Она вновь вернулась к маленькому столику и начала приводить в порядок деловой дневник.

«26 мая — Красный Яр. Митинг на «Красной звезде», около тысячи рабочих, красноармейцев и женщин. Лекция «О международном положении Советской Республики».

27 мая — Красный Яр. Митинг работниц на «Красной звезде», 600 человек. Лекция «Участие работниц в народном хозяйстве».

28 мая — промысел Бороздинский. Митинг на барже парохода «Красная звезда». 300 человек работниц и киргизов. Доклад «Хозяйственное положение Советской Республики».

28 мая — промысел Чурка. Митинг рабочих и работниц на «Красной звезде». 800 человек. Доклад «Участие работниц в поднятии народного хозяйства».

29 мая — ловецкое село Марфино. Митинг около тысячи человек на «Красной звезде». Доклад «Хозяйственное положение Советской Республики».

30 мая — Большой Бузанский промысел. Митинг на пароходе «Красная звезда», около 700 человек киргизов и работниц. Доклад «О хозяйственном положении Советской Республики».

30 мая — Федоровский промысел. Митинг на «Красной звезде». 800 рабочих и работниц. Доклад «О международном положении Советской Республики».

31 мая — Федоровский промысел. Собрание работниц. 200 человек. Доклад «Об участии работниц в народном хозяйстве»...

Поездка в 1921 году оказалась последней. Конкордия Николаевна умерла от холеры на сорок пятом году жизни. Похоронили ее в Астрахани в одной могиле с мужем. Он умер там же, когда заготовлял хлеб для голодного Петрограда.

Большая книга жизни закрылась...

Светлана Зимонина

СЕКРЕТАРЬ РАЙКОМА

(Вера Слуцкая)

Кто не горит, тот коптит. Это — закон.
Да здравствует пламя жизни!

Н. Островский

Сдержанную, скупую на улыбку Веру Климентьевну Слуцкую никогда еще не видели такой откровенно счастливой.

— Наконец-то, наконец-то пришла пролетарская революция! — повторяла она при встрече друзьям-василеостровцам.

Вечером 26 октября 1917 года Вера, надев маленькую круглую шапочку и темно-серую накидку, вышла из старого дома на 16-й линии, где помещался Василеостровский райком партии большевиков. День сегодня был трудный. Она, секретарь райкома, выступала перед рабочими, солдатами, матросами. Василеостровский пролетариат выполнял ответственные поручения Петроградского военно-революционного комитета — охранял Николаевский и Дворцовый мосты, поддерживал связь с боевыми кораблями Балтийского флота, участвовавшими в штурме Зимнего.

Вера торопливо взглянула на часы — скорее в Смольный. Там на II Всероссийском съезде Советов выступает Ленин. Стремглав вбежала она в Белоколонный зал. Успела все-таки! В громадном зале революционные матросы, рабочие, красногвардейцы — делегаты съезда. И вдруг овация, да такая, что окна в зале зазвенели: на трибуне — Владимир Ильич. Вера с

трудом протиснулась вперед, поближе к Ленину, жадно слушала каждое его слово. Стоявшая рядом Конкордия Самойлова шепнула: «Если нам всем даже придется погибнуть, сегодняшний вечер стоило пережить».

— О да, конечно,— горячо отозвалась Вера и пожала ей руку.

На следующий день, 27 октября, Слуцкая была, как всегда, деловой, энергичной. Нахмурив брови, сидела она на заседании городской думы, в которую была избрана от большевиков еще до Октября. Многие делегаты обливали грязью и клеветой большевиков и пролетарскую революцию. Молодой американский журналист Джон Рид, присутствовавший на этом заседании, в своей знаменитой книге «Десять дней, которые потрясли мир» правдиво, с присущей ему документальностью поведал о том, что там происходило.

«...Один из юнкеров, защищавших Зимний дворец, рассказывал сильно приукрашенную легенду о героизме его самого и его товарищей, а также о бесчестном поведении красногвардейцев. Собрание, безусловно, верило каждому его слову. Кто-то прочел отчет эсеровской газеты «Народ», в которой подробно говорилось о разгроме и разграблении Зимнего дворца и о том, что причиненный ему ущерб исчисляется в 500 миллионов рублей...

...Тут взошел на трибуну престарелый городской голова: «Товарищи и граждане! Я только что узнал, что все заключенные в Петропавловской крепости находятся в величайшей опасности. Большевистская стража раздела донага и подвергла пыткам четырнадцать юнкеров Павловского училища. Один из них сошел с ума. Стража угрожает расправиться с министрами самосудом». Раздался рев ужаса и возмущения, еще больше усилившийся, когда слово попросила невысокая коренастая женщина в сером. То была Вера Слуцкая, старая революционерка и член думы от большевиков.

— Это ложь и провокация! — сказала она своим резким металлическим голосом, не обращая внимания на поток оскорблений.— Рабоче-крестьянское правительство, отменившее смертную казнь, не может допустить подобных действий. Мы требуем немедленного расследования этого сообщения: если в нем есть хоть малейшая доля истины, правительство примет самые энергичные меры!

Тут же была назначена особая комиссия из представителей всех партий во главе с городским головой. Она отправилась в Петропавловскую крепость».

Вера же пошла в райком. Уже полночь. Нужно продумать план действий на завтрашний день, добиться того, чтобы не пропала даром ни одна минута. Неожиданный телефонный звонок. На проводе Урицкий. Он рассказал Вере Климентьевне, как клеветники из городской думы, в качестве обследователей ходившие по камерам Петропавловской крепости, своими глазами увидели, что бывшие министры и юнкера в добром здравии. Как ни юлил городской голова, ему все-таки пришлось признаться во лжи.

Вера улыбнулась. Что поделаешь: факты — неотразимая вещь.

* * *

Возле Пулково в боевой готовности замерли орудия красногвардейцев. Плотный парень с лицом, густо обсыпанным веснушками, возится у пушки. Лукаво подмигивая, он говорит напарнику, похлопывая пушку по стволу:

— Старайся, Ванюша, чтобы прислужникам Керенского от нее не поздоровилось. Гляди-ка, да это, никак, наша Вера! — вдруг прервал он разговор. И, обращаясь к подошедшей женщине, сказал как-то по-особому тепло и приветливо: — Здравствуйте. Считай, дня три не видели мы вас, уже забеспокоились, не случилось ли что неладное.

— Мы тоже спешили к вам, товарищи.— Вера пожимала руки обступившим ее бойцам.— Привезли вам медикаменты.— Она передала ротному пакет с лекарствами.— А как у вас с питанием? Слышала, что не всегда вовремя провиант на позицию доставляют.

— Интенданты у нас нерасторопные,— жаловались солдаты.

— А кто? Кто именно? В чем еще, на ваш взгляд, наибольшие трудности? — допытывалась Вера.

Прокопченные пороховым дымом, усталые после затяжного боя, люди неторопливо выкладывали ей все неполадки: раз за дело взялась Железная, толк будет. В этом они убеждались не раз.

Железная... Так за огромную работоспособность и выдержку (зачастую она спала по два часа в сутки) товарищи называли Слуцкую. А была она невысокая, большеглазая; нежный овал лица обрамляли темные волосы, вьющиеся на висках и затылке. Сторонний человек мог бы принять ее за учительницу и совсем не железную.

30 октября 1917 года Вера Слуцкая в сопровождении двух товарищей особенно тщательно проверяла передовые позиции в

К. Н. Самойлова

В. К. Слуцкая

С. Н. Смидович

Н. А. Подвойская-Дидрикиль

В. И. Ленин и Е. Д. Стасова во время работы II конгресса Коминтерна

районе Пулково и деревни Александровской. Именно здесь близилась решительная схватка с войсками генерала Краснова.

Ветер швырял под колеса машины увядшие листья. Небо было такое низкое, что, казалось, подними руку, и ненароком заденешь его. Осенняя непогода пронизывала до костей. Но словно вызов этой хмури, этому ветру, у Веры в глазах затаилась озорная усмешка.

Старый друг, поэт Илья Ионов, поглядел на нее:

— Лучистые у тебя глаза, как у толстовской княжны Марьи...

— Ну что у меня общего с княжнами? — возразила она. И неожиданно мечтательно: — Я не прошу тебя слагать вирши о глазах. А вот о парнях под Пулковом, у которых мы только что были, об их стойкости ты, Илья, напиши.

Вера чувствовала себя жнецом, который, как говорил Ленин, умел косить не только вчерашние плевелы, но и жать завтрашнюю пшеницу.

Господам Керенскому и Краснову не удастся убить детище революции — республику Советов,— думала Вера.— Не удастся! Потому что в России есть Ленин, большевики и эти рабочие и крестьяне с винтовками в руках.

Она повернулась к Илье:

— Революции нашей только пять дней. Каждый из них равен годам и достоин стихов...

Вера Климентьевна умолкла на полуслове. Неподалеку от Красного Села белогвардейский бронепоезд начал обстреливать их машину. Шофер слился с рулем, стараясь выжать из старенького мотора предельную скорость.

Снаряд попал Вере Слуцкой в голову. Это случилось в полдень. Мгновенная смерть. Ужасная. Немыслимая. Капли крови на воротнике ее куртки — еще горячие. Всего полчаса назад она пожимала руки красногвардейцам, расспрашивала их о походном житье-бытье. Всего несколько минут назад говорила о стихах и мечтала. И вот теперь ее нет. Нет больше ее лучистых глаз. Нет больше ее резковатого смеха...

Горькая весть — погибла Железная — мгновенно облетела Петроград. От имени рабочих василеостровских заводов и фабрик на обвитый траурным крепом гроб положили венок с алой лентой, на которой было написано: «Безумству храбрых поем мы песню.— От Василеостровского районного Совета рабочих и солдатских депутатов».

Скорбью и мужеством были проникнуты строки статьи, посвященной памяти Веры Слуцкой, опубликованной в «Правде»:

«Только что украшенный венками и цветами вырос холм над могилой Веры Климентьевны Слуцкой. К многочисленным жертвам павшего царизма прибавилась еще одна дорогая могила, которые, с помощью казаков, множит авантюрист Керенский...

У свежего холма, где лежит неутомимый и преданный революции работник, каждый из нас чувствовал, какую мы понесли потерю, каждый знал, что великая любовь к людям двигала Верой, когда она ехала в Царское Село... Товарищи рабочие и работницы, вы все знавшие ее, не размыкайте своих сплоченных рядов, помните, что в стойкости и в борьбе можно выковать свободу и счастье для всех трудящихся.

Пусть перельется в вас ее не знавшая покоя энергия и пусть той же верой, верой в торжество великих свободолюбивых идеалов человечества загорятся ваши глаза».

Трудовой Петроград провожал в последний путь Веру Слуцкую. Толпы людей стояли на всем пути траурного шествия от 16-й линии Васильевского острова до Преображенского кладбища.

В первых рядах шла девушка с траурной повязкой на рукаве. На голову ее был наброшен черный газовый шарф, сквозь который золотом отливали русые косы. То была Лиза Осьминская. Девушка считала Веру Климентьевну своей духовной матерью: Слуцкая дала ей рекомендацию в партию. Это было совсем недавно, всего несколько недель назад.

В затуманенных слезами глазах застыла безмерная тяжесть горя. Откуда-то из глубин памяти всплывали штрихи, воскресавшие облик Веры, ее немногословную заботу о людях.

— Ну, как твои занятия на курсах? Как здоровье? Что-то ты осунулась, девочка? — тревожно спросила ее в тот день Слуцкая. Лизе запомнились глаза Веры Климентьевны — такие добрые в ту минуту.

Лиза очень волновалась. Но наконец решилась. Тихо, не очень уверенно спросила:

— Вера Климентьевна, вы можете дать мне рекомендацию в партию?

Слуцкая внимательно поглядела на девушку.

— Могу. Обязательно дам.

Навсегда запомнила Лиза эти слова. Навсегда. Как и первое свое знакомство с Верой Климентьевной.

...Декабрь 1916 года выдался снежный, морозный. Лиза потуже завязала серую пуховую шаль, надела бабушкины валенки. Прижавшись к заиндевевшему вагонному окну, девушка мысленно повторяла наказ Барона, так звали все подпольщики

Эдуарда Эдуардовича Эссена: «Поедешь поездом в Новгородскую губернию, в Любань. Недалеко от вокзала найдешь квартиру зубного врача Слуцкой. Передашь ей вот эту коробочку с фарфором. Скажешь: «Вы обещали поставить мне пломбу, если я принесу вам фарфор». Послезавтра увидимся. Будь осторожна, Лиза».

Вот и Любань. Сугробы такие высокие, что, казалось, скоро погребут под собой одноэтажные приземистые дома. Стараниями хозяев крохотный пятачок возле каждого дома был расчищен, и на нем аккуратно уложены поленницы дров. А вот и скромная табличка на старом деревянном доме: «Зубной врач Вера Климентьевна Слуцкая».

Зябко кутаясь в шубку, Лиза негромко постучала. Дверь рывком отворилась, и женщина в белом халате пристально и строго оглядела ее.

— Чем могу быть полезна?

Переминаясь с ноги на ногу, Лиза сказала:

— Вы обещали мне поставить пломбу, если я принесу вам фарфор.

Женщина улыбнулась, и лицо ее неожиданно преобразилось.

— Проходите,— пригласила она,— раздевайтесь. Вам придется немного обождать — у меня пациент.

Вновь став суровой, хозяйка ушла в соседнюю комнату, служившую ей кабинетом. Лиза осмотрелась. Стол, покрытый свежей скатертью, скромная вазочка, пушистые ветки сосны, пропитавшие всю комнату бодрящим хвойным запахом. Судя по книгам, здесь живет человек широких интересов: медицинская литература, работы по истории и экономике на немецком, английском и русском языках. На стенах висели портреты Герцена, Чернышевского, Некрасова.

— Извините, что заставила вас ждать,— напомнила о себе Вера Климентьевна.

Лиза сразу же отметила, что в этой женщине нет и тени жеманства. Ее манера держаться очень проста. Красавицей ее не назовешь, но глаза... Они придают ее облику неотразимое обаяние, и руки, тонкие, красивые, очень интеллигентные руки.

Эти руки быстро вскрыли пакет: коробочка с фарфором, а на дне крохотная записка.

И вдруг тепло и искренно, словно не она полчаса назад предстала перед Лизой такой неприступной, сказала:

— Спасибо, товарищ, за добрые вести, спасибо! — и обняла девушку.

Лиза готова была расплакаться от гордости. Слуцкая назвала ее товарищем. То-ва-ри-щем. А как она произнесла это слово — твердо, ясно и нежно. Да, да, нежно.

Вера Климентьевна тем временем суетилась у широкой русской печки:

— Рада бы попотчевать вас чем-нибудь вкусным, да нечем. Зато такой картошки, как здесь, в столице не найдете.

Она поставила на стол деревянную солонку с крупной желтоватой солью, тарелки и хлебницу. От чугунка с пахучей рассыпчатой картошкой шел пар.

Слуцкая радушно угощала гостью и расспрашивала ее о столичных новостях. Лиза, прихлебывая сладкий чай, на каждый вопрос старалась ответить как можно подробней.

— Скажите, ваши коллеги — курсистки-бестужевки интересуются общественной жизнью? Какие газеты они предпочитают? — спрашивала Вера Климентьевна.— Как они отнеслись к аресту большевистской фракции? Как они относятся к войне?

Лиза подумала, что другого человека жизнь в глуши могла бы и надломить, ослабить силу его духа. А Вера Климентьевна не жаловалась. Только вскользь, словно полемизируя с незримым оппонентом, заметила: «Думали, что ссылка заставит меня поколебаться в убеждениях. Напрасно возлагали надежды».

...За беседой незаметно настал вечер. Пора было возвращаться в Петроград. Вера посмотрела на тяжелые русые косы Лизы, посоветовала:

— А косы все-таки спрячьте — не надо привлекать внимание шпиков. Передайте мою благодарность и привет Барону.

* * *

Три долгих года провела Вера Слуцкая в последней ссылке.

Едва до нее дошли вести о Февральской революции, она примчалась в Петроград. Непривычно было идти по улицам, расцвеченным знаменами, запруженным народом. Около Московского вокзала Вера остановилась: рабочие-железнодорожники в промасленных куртках сбивали со стены царский герб. Минута, и двуглавый орел распластался на земле.

10 марта Слуцкая уже участвовала в заседании Петербургского комитета партии большевиков. Как опытный революционер, она сразу же включилась в работу. Петербургский комитет партии поручает ей трудное дело — агитацию среди женщин-работниц. Вера предложила создать при Петербургском комитете бюро по работе среди женщин, возобновить издание жур-

нала «Работница», выпускать специальные листовки и брошюры. В протоколе заседания Петроградского комитета партии большевиков от 13 марта 1917 года записано: «...поручить т. Вере составить проект организации бюро работниц при ПК (Петербургский комитет.— *С. З.*), в «Правде» поместить заметку о бюро».

Проект решения, разработанный Слуцкой, был принят Петербургским комитетом.

Среди работниц Вера чувствовала себя в своей стихии. Многие знали ее в лицо, останавливали на улицах. Для каждой у нее находилось приветливое слово. С ней делились мыслями, личными невзгодами и скудными радостями.

Вскоре Слуцкая стала секретарем Василеостровского райкома. Ей частенько приходилось работать допоздна вместе с двадцатилетней Бертой Ратнер, членом Василеостровского райкома партии большевиков, партийным организатором в Гавани, на Васильевском острове. Так было и в тот вечер, который навсегда остался в памяти Б. Ратнер... В соседних домах уже давно погасли огни, когда они захлопнули райкомовскую дверь и вышли на пустынную улицу.

— Вам далеко идти, Берта. Ночуйте у меня,— пригласила Вера Климентьевна.

Девушка сначала заколебалась.

— Пойдемте, пойдемте. Еще вдруг простудитесь,— по-матерински забеспокоилась Вера.

Переступив порог комнаты Слуцкой, Берта удивилась до чего же здесь было уютно, аккуратно, и когда только успевала секретарь райкома наводить такую чистоту. Однако не это было главным «открытием» молодой девушки в ту ночь... Она узнала, какой Слуцкая душевный человек, познакомилась с ее революционным прошлым, о котором знали совсем немногие.

Берта жадно слушала взволнованный рассказ Веры Климентьевны и ясно представляла себе маленький полуразрушенный домишко на окраине Минска, который занимала семья Слуцких. Немало горя и нищеты хлебнула дочь мелкого разорившегося лавочника. 1898 год. Во время работы I съезда РСДРП она была в родном городе.

Сразу же после съезда минские подпольщики принялись за создание нелегальной типографии с филиалами в Бобруйске, Белостоке и Гродно. Это было сложное и опасное дело, требовавшее колоссального напряжения сил. Много дней Вера и ее друзья подыскивали для типографии дом. Наконец арендовали подходящее помещение, завезли туда шрифт, станки. Однако

полиция не дремала. Ее агентам удалось выследить организаторов подпольной типографии. Как стало потом известно, 11 августа 1898 года Минское жандармское управление торжествующе сообщало в департамент полиции о том, что обнаружены две подпольные типографии, одна в Бобруйске, другая в самом Минске. В Минской типографии при обыске было изъято несколько пудов шрифта. Работников ее поймали с поличным, когда они печатали прокламации. Арестовали семнадцать человек. Среди них Веру Слуцкую и ее брата.

Веру переправили в Москву. Девять нескончаемых месяцев просидела она в пересыльной тюрьме. Для Слуцкой это первая тюрьма. Сколько их, предварилок, пересылок, предстоит еще впереди!

Как о самом дорогом вспоминала Вера о своих встречах с Владимиром Ильичем Лениным и Надеждой Константиновной Крупской. Ленин высоко ценил ее революционную деятельность. В письме в редакцию «Правды» от 8 сентября 1912 года он специально просил посылать в Берлин Слуцкой по одному экземпляру «Правды» и «Невской звезды».

...Так прошла та памятная Берте Ратнер ночь в комнате Слуцкой. Утром они шли в райком рядом: старая большевичка Слуцкая и ее молодая помощница. Торопились на работу, работу небывалую в истории человечества...

Не только крупные политические события волновали Веру.

— Для большевиков нет мелочей,— повторяла она и с энтузиазмом выполняла любую работу.

В число ее многочисленных обязанностей входило и наблюдение за столовыми. Заботу о питании рабочих Слуцкая считала ответственнейшим партийным поручением — голод душил трудовой Петроград. Каждый день около полудня Вера, как бы ни была занята, заходила в столовые, осматривала котлы и посуду.

Поварихи и судомойки удивлялись: «И как только наша Вера для всего время выкраивает?»

Да, для нее не было мелочей. Бывшая слушательница Бестужевских курсов Елена Гилярова вспоминала о том, как в июне семнадцатого Слуцкая поручила ей организовать в помещении кадетского корпуса, где проходил I Всероссийский съезд Советов, стол большевистской литературы и наладить доставку брошюр делегатам.

— Наш стол должен возможно шире показать революционную марксистскую литературу, пропагандировать ее,— говорила Вера.

При встречах с Гиляровой она не забывала интересоваться тем, как идет выполнение задания.

Войдя в здание, где шло заседание съезда Советов, Вера немедленно подошла к столу, на котором лежала отлично подобранная марксистская литература. Потом кивнула в сторону меньшевистского стенда и с торжеством сказала:

— Ну у них оппортунистическая пустота. А вы молодцы,— похвалила она Елену и ее подруг.

* * *

Май одел Васильевский остров в нежно-зеленую листву. Похорошела от этого наряда и 16-я линия. На рабочем столе Веры Климентьевны — ветка сирени с едва распустившимися листочками. Слуцкая быстро вошла в кабинет, следом за ней как вихрь ворвалась Шура Жигарева.

— У нас на заводе тысячи людей,— продолжая начатый разговор, горячилась Шура,— а большинство в заводских организациях захватили эсеры и меньшевики.

— Это я все знаю, Шура,— сказала Слуцкая,— но я думаю, скоро придет этому конец.

Они подробно обсудили, что нужно предпринять, чтобы изменить настроения отсталых рабочих, поддавшихся меньшевистской агитации.

И действительно, в первой половине мая часть трубочников потребовала отзыва прежних районных депутатов — представителей завода, «тормозивших дело революции». Другие, более достойные люди были избраны и в заводской комитет. Эсеры и меньшевики не хотели, конечно, уступать своих позиций и в воскресенье 17 мая решили организовать митинг для обсуждения вопроса о перевыборах.

Как ни ораторствовали меньшевики, как ни распинались их вожаки Яковлев, Пошехонов и иже с ними, как ни выставляли себя эсеры защитниками рабочего класса, правда-таки взяла верх.

И пусть не блистала красотами речь Шуры Жигаревой, но когда она звонко крикнула: «Будем же, товарищи, готовиться к решительному бою за власть Советов!» — в ответ раздалось многоголосое: «Молодец, Шура! Правильно говоришь!»

Рабочие-трубочники ждали Владимира Ильича Ленина. Они просили его приехать к ним на собрание. Ильич обещал, и обещание свое выполнил. Рабочие его сразу узнали. Возгласы:

«Ильича, Ильича хотим слушать!» — заглушили меньшевистскую болтовню.

Ленин попросил слова. Стоя на большой телеге, Владимир Ильич гневно клеймил империалистов, развязавших мировую войну.

Женщины плакали, слушая Владимира Ильича,— всю боль матерей и солдаток, все надежды народные высказал он.

Ленин призывал не верить правителям, желающим затяжки бедствий народных, требующим войны до победного конца. Он говорил, что только рабочий класс во главе с большевистской партией сможет свергнуть власть капиталистов и помещиков и начать строительство новой жизни.

Ленинские слова все слушали затаив дыхание.

Мудрая ленинская речь помогла оторвать от меньшевиков даже самых отсталых рабочих.

— Ведь это счастье, что у нас такой вождь,— с гордостью сказала Слуцкая, обращаясь к Шуре Жигаревой.

Фрида Суслопарова

В СТУЖУ

(С. Н. Смидович)

> **Единой верой сильны мы, братья,**
> **Одним дыханьем бьется грудь.**
>
> *Леся Украинка*

...В доме было тихо. Вой метели не доносился сквозь заледенелые стекла. Промозглый холод давно не топленного помещения исходил от широких стен доходного дома, от потемневших амуров на потолке, от лампы с голубым фарфоровым резервуаром, от массивной громады буфета. Даже чугунная печка-буржуйка тоже, казалось, излучала ледяное дыхание.

Софья Николаевна натянула на голову одеяло, поверх которого были положены жакетка, шаль, но непонятный звук заставил ее насторожиться. Из открытых дверей соседней комнаты доносилось дыхание спящих детей и гостьи — сибирской партизанки, всерьез называвшей себя Иваном. Под этим именем ее знали в Актюбинском партизанском отряде.

Невысокая, худенькая, с голубыми прожилками на тонкой шее, она напоминала цыпленка.

— А чего попрекают: «Баба да баба!» — с наслаждением прихлебывая из блюдечка кипяток, говорила она вечером у самовара.

— Какая ты баба, ежели Иван,— пошутила Мария Ивановна.

Дети — сын и дочь Софьи Николаевны, племянник, подруга дочери и девочка Марии Ивановны — все ждали ответа.

— Разве я о себе? — нахмурившись, возразила партизанка.— Я про то, что закон нужен от Советской власти насчет бабьего надела. Как будет у бабы своя земля, так и в силу баба войдет...

— Такой закон есть,— сказала Софья Николаевна,— женская доля изменится. Прежде девичья голова существовала, чтоб отец мог за косы таскать, а теперь девичья голова мыслящая, полезная, нужная для общественной работы.

Говорили до полуночи. Гостья слушала, пока глаза у нее не сузились, а из полуоткрытого рта с присвистом вырвался вздох.

— Вояка,— укладывая партизанку на постель Софьи Николаевны, ворчала Мария Ивановна,— дитё да и только. Одни кости, прости господи.

Софья Николаевна усмехнулась. Судя по бумаге, которую привезла в Москву партизанка, явствовало, что эти «кости» неплохо стреляли, разведывали и агитировали.

...Засипели большие стенные часы и отбили шесть ударов. Пора вставать. В кухне снова что-то звякнуло, оттуда пробивалась тощая полоска света.

Когда Софья Николаевна открыла дверь, Мария Ивановна вздрогнула, пытаясь заслонить деревянный сундучок, из которого она достала желтый с шелковой бахромой полушалок.

Комочек гари на фитиле лампочки вспыхнул, осветив лица женщин — виноватое Марии Ивановны и очень серьезное, бледное, с крепко сжатыми губами лицо Софьи Николаевны.

— За этот полушалок на рынке можно выменять три стакана муки,— робко сказала Мария Ивановна.

Софья Николаевна вздохнула.

— Но поймите,— начала она.

— Не понимаю ничего! Я несознательная! Мать вы своим детям?

— ...не имеем мы права. Спекулянтам помогать?

Мария Ивановна только махнула рукой.

— Знаете что? Давайте лучше самовар вскипятим! — предложила Софья Николаевна.— Верхушкой буфета. Она совсем не нужна. И легко снимается...

— А Петр Гермогенович приедет, что он скажет?

— Что за пустяки? Он и не заметит, хоть вы все истопите!

— Ваша правда. Кроме своей революции, ничего вы не замечаете. Только уж дождитесь, покуда самовар поспеет да за хлебом очередь подойдет.

— Нет, нет, вы без меня.

...За ночь изрядно намело.

Весь Ростовский переулок представлял собой лабиринт вырытых в снегу ходов и лазеек. Было еще совсем темно. Метель утихла, и небо прояснилось, излучая леденящие волны холода.

Софья Николаевна в стертых катанках, видавшей виды шинелишке и в сером бумажном платке, какие носили зимой восемнадцатого года все женщины-работницы, сразу продрогла. Вспомнив, что в кармане шинели лежит скрученный мех от старой горжетки, она его достала и обмотала шею. Нелепость этого сочетания: пушистого меха, сохранившего аромат давнишних духов, и шинели с платком — нисколько не беспокоила ее. Она думала об упреке Марии Ивановны... Верно, дети ее недоласканные, недоприсмотренные, но что делать? Другим приходится еще хуже.

И вспомнилось Софьи Николаевне ее детство. Торжественное празднование дней рождения. Отец ее, популярный тульский адвокат Николай Петрович Черносвитов, чем только не старался порадовать любимую дочку! Созывали гостей, устраивали для них катания на тройках, фейерверки, костюмированный бал. Братья готовили сюрпризы. Да, все это было. Но теперь видится, как во сне. Она добровольно ушла из привычного для ее семьи мира покоя, благополучия. Ушла не только сама, но лишила его и своих детей.

Таня, теперь уже взрослая, самостоятельная, дочь от первого брака, с безвременно погибшим Платоном Васильевичем Луначарским, сколько ей пришлось пережить в годы детства! Как трудно укладывались в сознании маленькой девочки такие слова, как арест, тюрьма. Дочь стала узницей московской тюрьмы в пятилетнем возрасте. В ночь на 1 марта 1901 года Софья Николаевна, активно работавшая в московской социал-демократической организации, была арестована вместе с Платоном Васильевичем. Ее забрали в тюрьму не одну. Руководивший обыском жандармский полковник приказал: «Оденьте ребенка и возьмите с собой». Когда Платон Васильевич расставался с женой и дочкой, которых отвели на женскую половину тюрьмы, он, печально усмехнувшись, с горечью сказал: «С боевым крещением тебя, дочка. Арест в пять лет — дело серьезное... Но ты не бойся». И в охранное отделение на допрос Софью Николаевну затребовали вместе с дочкой. Так и было написано: «Охранное отделение просит... выдать предъявителю сего... содержащуюся у Вас под стражей... Луначарскую вместе с дочкой, которая по миновании в ней надобности будет возвращена

обратно». Как разволновалась тогда Софья Николаевна! Явиться же на допрос вместе с ребенком она категорически отказалась. Когда за девочкой пришел брат Платона Васильевича Яков, Танюша сказала, как отрезала: «Посадили нас вместе. Не пойду, пока папу и маму не отпустят».

Не только это тюремное заключение пришлось пережить Тане. Смерть отца, замученного в царском застенке. Новые аресты матери. В декабре 1910 года стояли сильные морозы. И снова ребята Софьи Николаевны остались одни, без матери. Тане было уже пятнадцать лет. А Глебу, сыну от второго брака, с Петром Гермогеновичем Смидовичем, только восемь месяцев.

Софья Николаевна думала, что оставляет их ненадолго. Утром надела меховую шапочку, взяла в руки муфту, по улице шла неторопливо, будто гуляя.

Но все ухищрения оказались напрасными. На нелегальной квартире в Большом Овчинниковском переулке ее ждала полицейская засада.

Двое суток допрашивали, угрожали, требовали. Софья Николаевна назвалась мещанкой Лобзовой из Ярославля. Скажи она свой московский адрес, дети будут спасены, их отдадут родственникам или знакомым, но тогда полиция обнаружит в квартире нелегальную литературу, а это может повлечь за собой аресты товарищей.

Снежный иней покрывал стены камеры. Она думала о детях. Танюша, наверное, волнуется, плачет. Назвать себя, сообщить адрес, пожалеть детей? Нельзя...

Только на третий день, рассудив, что за это время на квартире побывал кто-нибудь из товарищей и «очистил» ее от нелегальщины, Софья Николаевна сказала, где живет, и назвала свое настоящее имя.

Да, дети ее действительно сызмальства пережили многое. Но даже об этом она не жалеет. Иначе быть не могло. Не сумела бы Софья Николаевна прожить свою жизнь по-другому.

...Долгий переулок вывел ее на Зубовскую площадь. У магазина, где выдавали по осьмушке хлеба на едока, стояла очередь. Вспомнилось, как Ногины, получив новую квартиру на Остоженке, долго еще продолжали ходить за хлебом на Плющиху, боялись, что на новом месте не получат удвоенной нормы, которую обещали выдать в один из праздников.

Мысли о хлебе вызвали приступ слабости. Нельзя поддаваться, ведь идти еще далеко — через Пречистенку, Арбат, Никитские ворота, Страстную площадь на Большую Дмитровку, где разместился Московский комитет партии.

Навстречу попадались люди с салазками.

На Пречистенке она забежала в парадное погреться.

— Хлеба. Корочку,— просипел детский голос.

Это были беспризорники, черные, в лохмотьях.

— Нет у меня хлеба, ребята. Вот откроем детский дом... Приходите...

— Сама иди...

И гадкое слово, порочащее самое святое, что бывает у человека, хлестнуло ее. Софья Николаевна выбежала на улицу. Она не успела сделать и нескольких шагов, как в парадном раздался крик ужаса и потом второй, уже торжествующий вопль!

— Грабители! Буханку хлеба! Отдайте мой хлеб, беспризорники проклятые! — кричал мужчина в бекеше с барашковым воротником.

— Облить их керосином и поджечь! — равнодушно посочувствовал другой прохожий.

Софья Николаевна бежала вперед. Вот кого надо спасать. Детей! От голода, сиротства, цинизма, от господ с бекешами и буханками хлеба...

Но долго бежать на таком морозе она не смогла. Как холодно! Такого мороза, наверное, еще не бывало в Москве.

Софья Николаевна шла из последних сил.

В одной из просторных комнат дома на Большой Дмитровке ее ожидали женщины с детьми. Все они пришли со своими нуждами к ней — заведующей женотделом Московского комитета. В печке, небывалое дело, что-то потрескивало...

— Здравствуйте, товарищи! Какая благодать! — воскликнула Софья Николаевна, снимая шинель. Она осталась в темно-синем костюме — длинная юбка и блуза, перепоясанная в талии ремешком. Ее блестящие каштановые волосы были заколоты в пучок, приветливые карие глаза смотрели внимательно и серьезно. Простое и вместе с тем полное обаяния лицо располагало к доверию и откровенности.

Первой заговорила молодая женщина в рванье, с обмотками на ногах.

— Пропадаю с ребятишками в подвале. Сам на войне. Топить нечем, а наверху буржуйская квартира брошена...

— Идите в двенадцатую комнату, получите ордер и вселяйтесь, товарищ!

— Ой, спасибо.

— Малец сбёг,— заговорила, придвигаясь, другая,— шапку отцовскую взял и ремень. Тринадцатый годок пошел. Кругом искала. Посоветуй, что делать?

— Ясно! Ваш мальчик на фронт собрался!

— Так убьют ведь...

— Не обязательно. Постараемся разыскать...

И сняла телефонную трубку... Она рассказала о пропавшем мальчике, передала со слов матери его приметы, а потом спросила в трубку:

— А что, если мы попросим агитпоезд? Разбрелись ребята по всей стране. Надо собирать. Людей найдем...

Был в тот день еще великий урожай на подкидышей. Несколько живых свертков уже отправили в недавно открытый Дом младенца, но поступления не прекращались. Детей находили на вокзалах, в скверах, парадных, просто под дверьми квартир.

Женделегатка из Замоскворечья привела свою подругу — работницу.

— Растолкуй ты ей, Николаевна, зачем Советская власть ясли открывает?

Та, о которой говорили, молчала и прижимала к себе укутанного в одеяло младенца. Она была совсем молоденькая и очень бледная.

— Заумрут ребятишки в яслях,— сказала тихо и голову опустила.

— А ты будешь ходить, смотреть за порядком...

— Заумрут ребятишки,— тоскливо повторила она,— пусть лучше при мне помрет.

Женщины переглянулись. Софья Николаевна принялась объяснять преимущества яслей, говорила, что дадут детям хлеб, кашу станут варить...

— Погоди, будешь просить, чтобы ребенка в ясли взяли,— убеждала она.

— Я вот за тем и пришла,— отозвалась одна из посетительниц.

Но ничто не действовало на упрямицу. Твердила: «Не отдам» — да и только. Делегатка, что привела ее, сплюнула в сердцах:

— Ладно бы, одна не отдала. Всех же сбивает, вредная...

— А вы ее назначьте нянечкой в ясли,— придумала Софья Николаевна,— будешь глядеть за всеми ребятишками! За всеми, не за своим одним!

— Согласна,— наконец так же тихо ответила та и еще сильней прижала своего.

Все засмеялись.

— Эх, темнота наша! — воскликнула женделегатка.— Своего

каждой матери всех жальчей, вот оно какое дело, бабы. И когда мы не только своих, а всех жалеть будем?

— Слушай, Матвеевна,— предложила Софья Николаевна,— а что, если тебя с агитпоездом послать за ребятишками беспризорными?

— Надо, поеду!

— На фабрике в Сокольниках шумят. Поехали! — закричал, врываясь в комнату, шофер, молодой паренек в стертой кожанке. В тот же момент зазвонил телефон. Софья Николаевна сняла трубку. Лицо ее стало серьезным.

— Извините, товарищи, надо ехать,— сказала она, быстро одеваясь.— Вы сходите к Ольге Павловне Ногиной, она вам поможет. А кто баламутит? — уже на ходу спросила шофера.

— Известно, бабы... Извиняюсь, женщины...

Автомобиль заклокотал, зафыркал, испустил синий, вонючий дым и рванулся с места.

В машине было холодно. Софья Николаевна забилась в угол. «Неужели не удастся объяснить, уговорить? Нет, не может быть»,— проносились мысли в ее голове. Ведь она еще смолоду умела найти ключ к сердцу рабочего человека. Ей доверяли, слушали ее всегда со вниманием. Вспомнила Софья Николаевна рабочих Прохоровской мануфактуры, среди которых работала начиная с 1898 года, вернувшись из-за границы. Каких бескорыстных, верных друзей нашла она среди них. Общие интересы, общая борьба сроднили ее с кружковцами. А как пытливо, заинтересованно они расспрашивали ее обо всем на занятиях, как делились с нею своими радостями и невзгодами. «Нет! Я должна, должна объяснить бунтующим женщинам, что такое наша победа, как трудно сейчас республике, должна помочь им понять — надо уметь пережить трудности. Они для нас всех. А потом будет легче,— думала Софья Николаевна.— Легче, обязательно легче»,— а пока у нее так кружилась голова. Ведь не поела ничего утром.

Машина остановилась у фабричных ворот.

Обширный двор был полон. Женщины в ватниках, шинелях, кацавейках, просто в тряпье и почти все в темных платках. Из-за этих платков, а также настороженного блеска злых и голодных глаз показались они Софье Николаевне на одно лицо.

С трудом взобралась она на деревянный помост, заменявший, видимо, трибуну.

— Товарищи женщины!

— Хлеба! Давай хлеба! — гулом отозвалась толпа.— Сыты речами! Хлеба, хлеба...

Она видела лишь злобу, отчаянье, взметнувшиеся вверх худые руки. Они молили, угрожали.

Тогда рывком сорвав с головы платок,— зачем она это сделала, и сама не знала,— Софья Николаевна крикнула в толпу:

— Нету хлеба! Нету!

Наступила тишина. И в эту тишину, задыхаясь от волнения, недостатка воздуха, борясь с желанием закрыть глаза и упасть, она говорила:

— Нету хлеба. Революция в опасности. Псков пал. Немцы идут на Петроград. Сестры! Подруги! Надо воевать! Надо работать!

— Ребятишки мрут,— отозвался чей-то голос.

Кто-то громко зарыдал.

А она стояла с непокрытой головой — волосы серебрились инеем, слезы замерзали на щеках — и не находила других, утешительных слов.

— Позвольте...

Кто-то уверенный, спокойный отстранил ее, и она машинально отступила, надела платок. Опомнилась, когда услышала:

— Теперь вы видите, что большевики вам не дадут хлеба. Большевики стараются закабалить рабочих. Они ввели хлебную монополию, поставили заградительные отряды, чтобы уморить вас. Долой большевиков!

— Долой! — отозвалось несколько неуверенных голосов.

— Прочь! — опомнилась Софья Николаевна.— Женщины, не слушайте его. Не слушайте провокатора!

Но тут на помост вскочила одна из женщин. Длинная юбка была подогнута, что придавало ей воинственный вид, глаза метали молнии.

— А ты кто такая, что пришла нас учить? — набросилась она на Софью Николаевну.— Платок на тебе рабочий, а мех на шее барский! Может, ты спину гнула, как мы, по 14 часов на фабрике, может, своих ребятенков под машиной в цеху рожала? Ну, чего молчишь?

Толпа ждала, готовая вынести свой приговор, страшный и беспощадный.

Но слабость не давала Софье Николаевне говорить. Перед глазами плыли, качались лица, уши точно ватой заложило.

Софья Николаевна взмахнула руками, чтобы сохранить равновесие. Она все-таки собралась с силами и заговорила.

— Кто я? — точно удивленно спросила она.— Смидович Софья Николаевна. Большевичка. Не буду обманывать вас, товарищи, я не работала по 14 часов и не рожала детей в цеху,

как вы. Но мои дети, муж и я сама хорошо знаем царские тюрьмы. Многие большевики погибли на царской каторге и в тюрьмах за революцию, за народ...

Тут силы оставили ее.

Она качнулась и стала медленно опускаться.

Женщины из толпы бросились, подхватили, не дали упасть. Они увидели посиневшие губы, смертельную бледность прекрасного лица и, сразу прозрев, крикнули в толпу:

— Бабоньки, она голодная! Бабоньки, помогнем!

Из середины толпы поднялась чья-то рука с маленьким свертком. Как святыня, как талисман, шествовал он над толпой, пока достиг цели. То был завернутый в тряпочку кусок хлеба.

Софье Николаевне было очень стыдно...

— Чего уж там,— поняв ее состояние, утешали работницы.— Сомлеешь... Ты вот чего нам скажи: что надобно от нас, рабочих, для революции?

Этот вопрос, а главное, доброжелательные, открытые лица работниц придали ей силу. Она выпрямилась, одним взглядом охватила подобревшее небо, с которого точно играючи спускались крохотные снежинки, предвестники потепления, внимательную толпу, молчаливые фабричные корпуса и заговорила:

— Поймите, товарищи, что вы единственные и законные хозяева этой фабрики, а все мы хозяева страны. Дом наш еще беден. Бедному трудно выбиваться в люди. Не зря в пословице говорится: «У богатого мужика и дрова в печке жарче горят». А выбиваться надо. Но как? Бастовать? Просить хлеба? Однако подумайте, у кого вы просите? Помещиков и капиталистов мы прогнали. Значит, просите сами у себя... Только старанием, умением добьемся мы хлеба. Только наши руки добудут нам еду и тепло. Так давайте же работать! Железная дисциплина и труд на самих себя — вот чего ждет от вас революция, вот к чему призывает партия большевиков...

Она помолчала. Снег валил уже густо, покрывая пушистыми хлопьями темные платки женщин, крыши цехов и складов, принарядив чугунные фабричные ворота и кирпичный забор.

— Златые горы откроются нам не скоро. Видите сами, наследство мы получили от царя небогатое, дорожки наши не проторены, будем сбиваться, будем ошибаться, будем искать. Но найдем свою долю. Рабочие и крестьяне России докажут всему миру, что может дать трудящемуся человеку Советская власть.

Ее слушали затаив дыхание...

Олег Лайне

ЕЙ БЫЛ НЕВЕДОМ СТРАХ

(Е. Соколовская)

Безумству храбрых
поем мы песню.

М. Горький

Эта мужественная женщина вошла в историю борьбы за власть Советов как сказочно бесстрашный человек.

«Если мы не осмеливались ничего решать без ее мнения, то это происходило не только потому, что она представляла среди нас областной комитет партии, но и потому, что это мнение в большинстве случаев было единственно правильным и решающим» — так отзывались товарищи по подполью о Елене Соколовской.

Когда Советская власть победила на Черниговщине, первым председателем губернского исполкома рабоче-крестьянских депутатов избрали двадцатитрехлетнюю Соколовскую.

После захвата Украины австро-германскими войсками в Одессу прибыла большая группа коммунистов. Среди них были русские, поляки, французы, румыны, сербы... Центральный Комитет партии поставил перед ними задачу — вести в войсках интервентов агитационную работу, разъяснять обманутым иностранным матросам и солдатам, что империалисты хотят их руками задушить первое в мире государство рабочих и крестьян. Елена приехала в Одессу одной из первых, 12 ноября 1918 года.

* * *

Поезд, набитый бежавшими под крылышко Антанты спекулянтами, офицерами, помещиками, медленно приближался к Одессе.

— Еще часа три, и мы в Южной Пальмире,— обращаясь к молодой, хорошо одетой девушке, заметил офицер в новом, с иголочки, обмундировании и, видимо продолжая разговор, спросил: — Так вы, Елена, хотите давать уроки французского? С вашим прекрасным произношением и не менее прекрасной внешностью,— легкий поклон в сторону девушки,— вы можете найти работу поинтереснее. Если понадоблюсь, позвоните коменданту города и спросите Зданевича. Вас направят ко мне.

— О, вы очень внимательны. Я непременно позвоню.

За окнами промелькнуло длинное закопченное здание железнодорожных мастерских, дымящие трубы какого-то завода.

— Подъезжаем, господа,— торжественно объявил офицер.

В дверях вагона произошла заминка. Капитан все норовил ухватить чемодан Елены.

— Нет, нет, господин Зданевич! — протестовала девушка.— А вот и дядя!

Она бросилась навстречу высокому мужчине в элегантном костюме с белым цветком в петлице.

— Как я по тебе соскучилась, дядечка,— прощебетала Елена.

— Кто это такой? — спросил «дядя» шепотом, показав глазами на затянутого в кожу офицера, подходившего к ним с чемоданом Соколовской.

Она наклонилась и еле слышно сказала:

— Вагонный попутчик. Мне кажется, он будет работать в разведке.— И уже вслух: — Дядя, знаешь, господин Зданевич такой славный, всю дорогу заботился обо мне.

Елена повернулась и с улыбкой поклонилась офицеру.

— Льщу себя надеждой, что я вас еще увижу,— сказал он прощаясь.

— Нет уж, лучше не надо,— буркнул «дядя» и, подхватив девушку под руку, скрылся с нею в вокзальной толпе.

* * *

Елена с любопытством наблюдала за юрким газетчиком лет пятнадцати. Неизвестно, какими судьбами их маршруты совпали. Она шла мимо гостиницы «Лондонская» на Николевском бульваре, мимо купеческой биржи на Пушкинской, мимо луч-

ших в городе домов на Екатеринославской и Ришельевской улицах. И все время ее преследовал резкий простуженный голос:

— Покупайте «Одесские новости»!

Сначала она не обращала на него внимания. Обыкновенный мальчишка. А мальчишка залихватски кричал, проходя мимо купцов: «Одесса — вторая Москва! Одесса — собирательница земли русской!» Там же, где стояли мастеровые, прислуга, газетчик снижал голос: «Готовьтесь к торжественной встрече войск союзников. Порядок встречи будет определен особо!». И озорно подмигивал усмехавшимся рабочим.

Среди начавших высадку войск было немало колониальных частей.

Елена смотрела на них и думала: «Нашим агитаторам надо искать общий язык не только с европейцами, но и с африканскими солдатами».

На второй день после высадки десанта на Молдаванке в доме № 63 по Болгарской улице собрались члены подпольного обкома партии и военно-революционного комитета.

Открывая заседание, председатель обкома Николай Ласточкин сообщил о том, что ЦК рекомендует создать при обкоме специальный отдел, который возглавил бы всю работу по разложению войск интервентов.

Новый отдел назвали Коллегией иностранной пропаганды, проще — Иностранной коллегией, а руководство возложили на секретаря областного комитета партии Елену Соколовскую.

Заседание кончилось поздно ночью. На одной из улиц Елена повстречала отряд французских солдат.

— Куда идете, друзья? — обратилась она к ним по-французски.

— В казармы.

— Откуда ты? Как тебя зовут? — спросила Елена того матроса, который оказался рядом с ней.

— Франсуа. Я из Тулона.

— Возвращались бы лучше домой.

— Матрос под присягой обязан выполнять приказы командования.

— А если вам прикажут стрелять в одесских рабочих, вы тоже будете выполнять приказ?

— Нет, нет, это другое дело, я сам рабочий, — волнуясь, сказал Франсуа.

Подошел офицер, и разговор пришлось прекратить.

Одно из первых заседаний Иностранной коллегии было посвящено обсуждению методов пропаганды. Елена рассказала то-

варищам о ночной встрече с французскими матросами. Она говорила о том, что агитация непременно должна увенчаться успехом.

Руководство Иностранной коллегией — разве этого мало? Но Елена Соколовская, кроме того, работала в редакциях газеты «Коммунист» на русском и французском языках, писала листовки и обращения к солдатам и матросам. Французской газетой очень интересовался Владимир Ильич Ленин. 31 января 1919 года он направил председателю временного рабоче-крестьянского правительства Украины телеграмму, в которой писал: «Говорят, в Харькове есть крымские и одесские газеты, в том числе французская одесская. Очень прошу распорядиться немедленно собирать комплекты и посылать их сюда регулярно».

* * *

Не раз попадала Елена в сложные ситуации. Но всегда ее выручали смелость, находчивость. В своих воспоминаниях она писала о таких эпизодах как о чем-то обычном, не заслуживающем внимания. А ведь каждый неверный шаг в те минуты угрожал ей гибелью.

Однажды по дороге на Пересыпь Елена натолкнулась на добровольческий пикет.

— Дальше ходу нет! — заявил рослый детина с винтовкой наперевес.

Елене все-таки удалось перейти улицу. На другом углу еще один пикет. Добровольцы похвалили девушку за храбрость — одна идет по городу — и тут же предложили вступить в их отряд. Елена поблагодарила, но сказала, что ей с ними не по пути. Тогда офицер, внимательно прислушивавшийся к разговору, спросил:

— Как это не по пути?

Девушка не растерялась, объяснила, что имела в виду просто другую улицу.

Для газеты «Коммунист» она нередко писала вечерами. Однажды в ночной тиши на улице раздались выстрелы, а немного позднее громко постучали в двери. Обычно Елена не держала у себя партийных документов, но на этот раз взяла с собой расписки и денежные ведомости, чтобы навести порядок. Она успела засунуть бумаги в пружины матраца. Стук повторился. Когда открыла дверь, на пороге стояли пятеро белых офицеров. Шпики в штатском принялись обыскивать квартиру. Единственное, что удалось обнаружить,— это 70 рублей в портмоне.

— И только,— презрительно сказал шпик.

Казалось, что обыск кончился. Но вдруг один ретивый офицер подошел к ее постели и принялся переворачивать матрац. К ужасу Елены, посыпались расписки.

— Что это? — грозно спросил военный, руководивший обыском.

— Не знаю,— овладев собой, спокойно ответила она.— До меня здесь кто-то жил, и это, видимо, принадлежало ему.

— А может, это бумаги ваших знакомых? — не оставлял ее в покое офицер.— Кто ваши друзья?

— Курсистки и студенты.

— А матросы?

— Офицеры есть знакомые, а матросов нет,— и Елена назвала фамилии известных белогвардейцев.

Офицер все же решил арестовать Соколовскую. Он показал ордер, почему-то тщательно закрывая подпись. Однако Елена заявила решительный протест. Она увидела, что ордер был только на обыск. Хозяин квартиры сказал, что он готов поручиться за Елену. Непрошеные ночные визитеры сложили найденные бумаги и удалились, будто бы за ордером на арест, предварительно все-таки взяв у хозяина расписку в том, что он отвечает за Соколовскую. Когда офицеры и шпики ушли, хозяин кивнул Елене: «Беги!» Однако девушка спокойно уселась на кушетку и открыла книгу:

— Вы же дали за меня расписку. Если я убегу, вас расстреляют. Я не могу вас подводить.

Часа через два посыльный вернул документы. Может быть, среди офицеров нашелся человек, сочувствующий подпольщикам, а может быть, они просто не поняли, что за ведомости и расписки попали к ним в руки. Как бы то ни было, Елене пришлось срочно менять квартиру.

* * *

По поручению подпольного обкома партии Елена часто выезжала в Николаев, Херсон, Севастополь, Тирасполь, Очаков для руководства местными революционными организациями. Большевики-подпольщики во главе с Соколовской подготовили и успешно провели в Николаеве съезд военно-революционных комитетов. Все больше разрасталась партизанская борьба на Одесщине. Вожаки партизан постоянно обращались в обком с просьбами: «Нужны винтовки, порох, взрывчатка».

...Привлекая внимание очаковских жителей, роскошный фаэтон, запряженный парой великолепных лошадей, каких уже

давно не видели в городе, прогромыхал по булыжной мостовой и остановился перед комендатурой. Расторопный кучер вихрем сорвался со своего места и помог выйти элегантной молодой даме в шляпе с вуалью. Дама направилась к подъезду, украшенному аляповатыми скульптурами, которые, по замыслу местного архитектора, должны были изображать нечто античное.

— Пропуск! — преградил ей дорогу невысокий солдат в папахе набекрень.

— Я к коменданту,— дама небрежно отстранила оторопевшего вояку и легкой походкой проскользнула в здание.

Комендант невольно поднялся навстречу светловолосой красавице в роскошной шубе.

— Чем могу служить, сударыня?

— Я вдова херсонского помещика Лысенко. Мужики не дают мне покоя — грабят имение. А моя охрана плохо вооружена. Я надеюсь, господин офицер поможет женщине. В Очакове, я слышала, много оружия.

В волнении молодая вдова путала русские фразы с французскими, доставала из сумочки аккуратно перевязанные лентами документы мужа и принималась раскладывать их на столе.

— Не волнуйтесь, не волнуйтесь,— успокаивал ее комендант,— конечно, мы вам поможем.

Рыцарство рыцарством, но за оружие он потребовал большие деньги. Вдовушка повздыхала, однако выложила требуемую сумму.

В тот же день «служащие помещицы» вывезли из Очакова пять подвод оружия, а сама она в благодарность за помощь согласилась погостить у коменданта. Но вот беда: красавица оставила при себе управляющего — черноусого атлета, который как тень следовал за своей госпожой. Комендант злился, но прогнать атлета не решался. Так втроем и отправились они на пирушку.

На другой день лишь в полдень коменданта нашли в гостинице мертвецки пьяным. Ни соблазнительной помещицы, ни ее управляющего там не было. Подняли тревогу. Оказалось, что еще ночью они уехали из города.

Так Елена и ее помощники по подполью Евсей Чикваная и Павел Черников добыли оружие для партизан.

* * *

В Колодезном переулке в ресторане-кафе «Открытие Дарданелл» всегда можно было отведать блюда французской и грузинской кухни, распить бутылочку хорошего вина, побеседо-

вать с друзьями или на худой конец с владельцем заведения Мартыном Лоладзе. Радушный хозяин приглашал дорогих гостей не забывать его и заходить почаще. И гости заходили. В основном это были французские солдаты и матросы.

И в этом, и в некоторых других кафе и ресторанах подпольщики Одессы встречались с солдатами и матросами интервентов. По поручению обкома партии Лола (подпольная кличка Лоладзе) и открыл свой ресторан.

Разухабистая музыка вырывалась из окон, привлекая внимание прохожих. Елена невольно улыбнулась, увидев патриаршего вида швейцара с окладистой бородой: «Ну и рекламу своему заведению создал Лола».

В углу зала у крайнего столика сидела невысокая женщина в широкополой фетровой шляпе и стареньком меховом пальто. Выглядела она более чем скромно.

— Добрый день, Жанна! — Елена приветливо протянула руку и пошутила: — Вы никак не хотите расставаться со своей шляпкой? Смотрите, о ней уже по всему городу говорят.

— Скорее французские генералы расстанутся со своими головами, чем я со своей шляпкой,— звонко рассмеялась та, кого Елена назвала Жанной.

Они оживленно заговорили. Соколовская слушала свою собеседницу и думала: «В Одессе она всего несколько недель, а у нее уже столько знакомых на кораблях и в воинских частях».

— Вчера за этим столиком, где мы сидим, французские матросы сорвали с себя ордена. Они сказали, что считают сейчас позором называться французами,— доносились до нее тихо сказанные фразы.

— Очень хорошо, Жанна,— шепнула Елена.— Вы обязательно напишите об этом для «Коммуниста». Знаю, знаю, что некогда, но постарайтесь, пожалуйста, к завтрашнему утру.

Постепенно ресторан заполнялся. Многие солдаты приходили сюда уже не в первый раз и, как со старой знакомой, здоровались с Жанной.

— Ну, а если все же заявится шпик, что тогда будете делать? — спросила Елена.

— А он не войдет сюда,— тряхнула коротко остриженными кудрями Жанна,— для него места свободного не окажется. Придется мерзнуть на улице.

Когда Елена выходила из ресторана, к ней подошел невысокий французский моряк.

— Бонжур, мадемуазель! Вы меня помните?

Ну конечно! С этим матросом она беседовала ночью после заседания обкома.

— О, вы, оказывается, уже знакомы,— удивилась Жанна.— Франсуа — наш лучший агитатор.

...Кажется, совсем недавно сидела она с Жанной в «Открытии Дарданелл». А 2 марта 1919 года около стены еврейского кладбища рабочие обнаружили тела расстрелянных интервентами и белогвардейцами Жанны Лябурб, Якова Елина и других подпольщиков. Их так изуродовали, что Жанну удалось опознать лишь по ее старенькому пальто.

Возмущенные этим злодейским убийством, одесские рабочие открыто пришли на кладбище, чтобы отдать последний долг погибшим революционерам. На алой ленте одного из венков было написано: «От областного комитета РКП(б) — смерть убийцам».

«Погребение было бесконечно грустным, но и торжественным,— писала потом Елена Соколовская.— Масса венков с красными лентами была возложена на могилы. А кругом нас, собравшихся около могил, была цепь вооруженных, злобно смеявшихся солдат».

Промозглым весенним вечером в глубоком раздумье шагала Елена с кладбища и вспоминала Жанну. Это она, француженка, ставшая борцом за русскую революцию, в ответ на просьбы товарищей быть осторожной сказала: «Умирают ведь только один раз». Это она говорила, что не может примириться с тем, что сыновей коммунаров 1871 года посылают душить русскую революцию.

Нет, мы никогда тебя не забудем, Жанна Лябурб!

* * *

2 апреля 1919 года командующий войсками Антанты в Одессе генерал д'Ансельм получил из Парижа секретное предписание — тихо вывести войска из Одессы. «Чтобы не ухудшать продовольственное снабжение населения города, мы решили эвакуировать Одессу» — такой была официальная версия, объясняющая причины, по которым французы стали готовиться к эвакуации. Но сам генерал д'Ансельм и его парижское начальство прекрасно знали, почему надо срочно вывезти из России французские войска. Уж очень тревожными стали настроения французских солдат и матросов. Да и ясно было, что карта интервентов бита.

Недаром в одном из своих донесений начальству он писал о том, что «большевистское движение есть чисто народное движение, которому горячо сочувствует вся масса населения».

В последние дни пребывания в Одессе генералу д'Ансельму пришлось еще раз убедиться в правильности своих наблюдений. В городе вновь активизировалась деятельность Одесского Совета рабочих депутатов. На нелегальных собраниях рабочих проводились дополнительные выборы депутатов. Тайно от полиции на окраине города собрался пленум Совета. Большевики готовились брать власть в свои руки. Накануне эвакуации в гостиницу «Лондонская» — штаб командующего англо-французскими войсками — пришла делегация Совета рабочих депутатов во главе с секретарем подпольного областного комитета партии Еленой Соколовской и председателем Совета рабочих депутатов Филиппом Болкуном.

Было за полночь, но в гостинице никто не спал. В коридорах суетились офицеры. Из комнат выносили упакованные чемоданы.

— Бежать готовятся,— заметил кто-то из членов делегации.

У входа в номер, где расположился генерал д'Ансельм, стояли часовые из африканских частей. Сначала он не пожелал разговаривать с представителями рабочих:

— Законной властью я считаю только городскую думу.

Однако время уже было не то, чтобы не считаться с Советом, и генерал вынужден был выслушать рабочих. Представители Совета потребовали, чтобы оккупанты, эвакуируясь, не уводили русские морские суда, не увозили запасы продовольствия.

Генерал д'Ансельм был вне себя. Семнадцать контрразведок безуспешно охотились за большевистскими руководителями, и вот теперь они явились к нему и осмеливаются предъявлять условия.

— У меня на рейде флот, и вдобавок сюда идет американский крейсер. Если вы не позволите мне спокойно эвакуироваться, я в полчаса не оставлю от города камня на камне.

В ответ он услышал ошеломившие его слова. Их сказала Елена Соколовская, сказала прямо, глядя генералу в лицо, спокойно и уверенно:

— Если вы снесете Одессу, то революционный пролетариат Франции потопит вас у своих берегов. Да и вряд ли ваши матросы согласятся стрелять по нашему городу.

Пока генералу пришла в голову мысль задержать подпольщиков, они скрылись.

На следующий день открылся пленум Одесского Совета рабочих депутатов. От имени обкома партии на пленуме выступила Соколовская. Она призвала Совет к деловой работе:

— Партия коммунистов есть прежде всего партия не слов, а дела. Нашей конкретной задачей сейчас является немедленное завоевание власти в городе...

Пленум единогласно принял решение — объявить всеобщую политическую забастовку.

4 апреля 1919 года вооруженные отряды одесских рабочих захватили здания телеграфа, почты, банка, арсенала. После упорных боев были захвачены здания контрразведки и полиции. Войска интервентов и буржуазия в паническом страхе грузились на суда.

В газете «Известия Одесского Совета рабочих депутатов» было опубликовано официальное сообщение: «Совет рабочих депутатов доводит до сведения всего населения города, что с 12 часов дня 5 апреля власть в Одессе и ее окрестностях перешла к Совету рабочих депутатов».

...С пением «Интернационала» покидали Одессу французские части. Матросы увозили с собой газету «Коммунист», ленинское «Письмо рабочим Европы и Америки», переведенное на французский язык.

Елена долго стояла на Потемкинской лестнице, всматривалась в морскую даль. Вот и скрылись за бурунами волн последние силуэты кораблей... Уехали Франсуа и его друзья. Елена улыбнулась, вспомнила, как Франсуа говорил: «Хорошие ребята большевики, постарались, чтобы мы скорее попали домой». Как сложится их судьба на родине?

* * *

После изгнания антантовских войск из Одессы Елена Соколовская, оставаясь членом областного исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся и членом бюро губкома партии, стала комиссаром юстиции.

...Летом 1919 года, после того как в Одессу вновь вошли белогвардейские войска, Елена Соколовская и представитель ЧК Саджая были арестованы на улице. Прохожие видели, как их усадили в пролетку и увезли в неизвестном направлении.

В экстренном выпуске «Одесский листок» оповестил население: «С большевиками в Одессе все покончено. При столь энергично и быстро проведенных арестах не могли уцелеть даже такие видные и опытные вожди местного большевизма, как зна-

менитые комиссары Елена Соколовская, Калениченко, Котовский».

Все были убеждены, что Соколовская и Саджая погибли. Об этом даже известили Центральный Комитет партии. В харьковской газете «Родина» появилось сообщение об их расстреле. На заседании Всеукраинского центрального исполнительного комитета Советов Григорий Иванович Петровский предложил почтить их память вставанием. В газетах были напечатаны некрологи. Как потом оказалось — преждевременно. Пролетку с Соколовской и Саджая отбили революционные рабочие. Они освободили руководителей одесских большевиков. Спустя несколько дней Елена снова работала в подполье...

Флора Флорич

ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ

(Л. Н. Сталь)

...Без подлинной любви к человечеству
нет подлинной любви к Родине.

А. Франс

Она шла по улицам города, где прожила, пожалуй, дольше, чем в любом другом месте, если не считать поры детства и юности в родном Екатеринославе. Шла и дивилась красе весеннего Парижа. Словно впервые видела серостволые платаны с молодой зеленью раскидистых крон, старые дома и храмы — свидетели великих потрясений, бренности славы и власти. Почему сегодня она смотрела на эти давно уже знакомые прекрасные творения природы и рук человеческих так, будто обрела дар нового видения?

Вероятно, первые часы этого дня, проведенного с двумя очень дорогими ей людьми, вызвали такую обостренность чувств.

Лишь накануне Людмила Николаевна приехала из Давоса — небольшого горного курорта в Швейцарии, где проработала в течение нескольких месяцев в одном из санаториев. Проведя ночь в своей прежней комнатушке на улице дю Плясси, 53, в Фонтеней-о-Роз, рано поутру отправилась к Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне.

Ничего не изменилось в этой маленькой квартирке, такой скромной и безупречно чистой. Встретили ее, как всегда, приветливо, участливо расспрашивали о здоровье. А когда пили чай у накрытого клеенкой стола в кухне-столовой, Людмила разговорилась. Отвечая на вопросы Владимира Ильича, стала рассказывать о том, как в давосском туберкулезном санатории для русских эмигрантов, где было много меньшевиков, тяжело приходилось большевикам.

— Я работала фельдшерицей, занималась делом, на споры оставалось не так уж много времени, и то нервы совсем расходились. А другим товарищам большевикам еще тяжелее приходилось, особенно тем, кто жил в общих палатах. У меня хоть была отдельная комната. Когда приехала Таня Людвинская, я ей предложила жить вместе. И вечерами мы с ней отводили душу.

Потом Людмила рассказывала, как большевики умудрялись устраивать в Давосе платные концерты, лотереи и таким путем пополнять партийную кассу.

Тем не менее жизнь была непереносимо трудной и скучной среди всех этих склок и свар, а меньшевики и между собой не очень ладили. Еще в ноябре прошлого года ей удалось достать паспорт для переезда через границу, и она написала заявление в Организационную комиссию ЦК партии с просьбой разрешить ей выехать в Россию на партийную работу.

— По каторге соскучились, товарищ Сталь? — прищурившись, усмехнулся Владимир Ильич.— Забыли, что ль, о судебном приговоре, который вас дожидается?

— Уж лучше на каторгу, чем жизнь вне родины. С каторги хоть убежать можно! — в сердцах сказала Людмила Николаевна. И вдруг осеклась. Она увидела, как переглянулись Владимир Ильич и Надежда Константиновна, сколько было невысказанной тоски в их взгляде.

Вот и сейчас, быстро шагая по улицам и глубоко вдыхая напоенный весенними запахами воздух, она снова испытала гнетущее чувство стыда. Как могла она поддаться настроению, говорить о тоске по родине людям, которые столько лет живут в эмиграции, ни на минуту не забывая о России, живут ее страданиями и чаяниями. Все работы Владимира Ильича — отражение важнейших событий русской жизни — указывают путь к осуществлению надежд народа, к эффективной борьбе с реакцией. Все они этапы движения вперед, к всеобщей цели — социалистической революции. Как могла она высказывать свою горечь сварами в Давосе, когда все последние годы жизни в

эмиграции Владимир Ильич ведет титаническую идейную борьбу с фракционными и оппортунистическими тенденциями, подрывающими единство партии. Каким великим трудом в начале этого года досталась большевикам победа на Пражской конференции, где они сплотились в крепкое партийное ядро, выработали четкую линию практической работы.

Мучительно стыдно стало Людмиле за проявленную бестактность. Чтобы сгладить неловкость, Владимир Ильич спросил:

— Пишут ли вам родные?

— Давно от них ничего не имею. А с сестрами виделась в последний раз в Таганской тюрьме, где вместе отсиживали.

— Как! Все сестры в одно время? А ну-ка расскажите!

Людмила Николаевна стала подробно рассказывать, как в 1901 году, когда она после двухлетней эмиграции в Париже, заехав в Мюнхен, взяла пачку последних номеров «Искры» для того, чтобы отвезти их в Россию, ее арестовали на границе. В чемодане обнаружили свежеотпечатанные листки.

Перед глазами Людмилы вставали сырые, грязные стены темных камер варшавской цитадели и минской женской тюрьмы, где ее содержали по пути в Москву. Вконец измученную, ее доставили в Таганку.

Долгие тюремные будни. Условные знаки на полях зачитанных страниц книг из тюремной библиотеки. И, наконец, маленькая записочка, переданная товарищами через уголовника, сообщает Людмиле, что здесь, в Таганской тюрьме, находятся ее сестры — Лиза, Люба и Аня.

Как описать волнение сестер, свидевшихся с ней после долгой разлуки на тюремном прогулочном пятачке! Что могли они сказать друг другу под присмотром надзирателей?

В тот же день вечером в тюрьме началось сильное волнение. Один из заключенных, узнав о смерти своей матери, в отчаянии сорвал щит с окна камеры, и его на три дня посадили в карцер. Эта весть быстро распространилась по тюрьме. Политические устроили бунт — стали бить стекла, стучать табуретками, подняли невообразимый шум, требуя освобождения товарища из карцера. Тюремщики отказались. Тогда заключенные объявили голодовку. На третий день Людмилу, как одну из главных зачинщиц бунта, перевели в Бутырскую тюрьму...

— Ну, а потом? — спросила Надежда Константиновна.

А потом — год заключения. Людмила встретилась с Ольгой Афанасьевной Варенцовой и другими товарищами, арестованными по делу Северного рабочего союза или за организацию подпольной типографии.

— Все передачи, деньги,— рассказывала Людмила,— попадали в общий котел и распределялись сообща. Украдкой друг другу передавали литературу, а получали ее то на свиданиях, а то в пироге или в брюхе селедки. Так к нам и «Искра» попадала...

После окончания срока Людмилу Николаевну выслали на три года в Восточную Сибирь. В Верхоленском округе профессия фельдшерицы помогла установить тесные связи с крестьянами, а затем и бежать из ссылки. Спустя три месяца она уже работала в Петербурге за Невской заставой, вела пропагандистский кружок на Обуховском заводе.

А потом... опять провал. Семнадцать месяцев тюрьмы, 6 месяцев в Петропавловской крепости. Жандарм так и не установил ее личность — паспорт у нее был на имя Н. И. Дворянкиной. Каких только не было партийных кличек у Людмилы Сталь — Елена, Мария Ивановна, Зета. Выслали ее в Вологодскую губернию, но уже в пути она сбежала, уехала в Одессу. Как член Одесского комитета большевиков, организовывала забастовки, выступала на митингах и собраниях. А в марте знаменательного 1905 года восстанавливала в Николаеве разгромленный большевистский комитет. Выслали ее в Курск под надзор полиции, а она снова бежит — в Москву. Там работает организатором Бутырского района, избирается членом Московского комитета большевиков.

После Всероссийской октябрьской железнодорожной забастовки ее перебрасывают в Петербург. Как член комитета, она ведет работу в петербургской военной организации большевиков. И снова тюрьма; ее выпускают под залог до суда. Помог отец, владелец небольшого завода в Екатеринославе. Там, в родном городе, Людмила Сталь вместе с Винокуровым и Гопнер организует издание большевистской газеты. За это — еще два месяца тюрьмы и высылка из Екатеринослава. Ей удалось скрыться в Финляндию. Там она выполняла задания ЦК. А потом пришла весть, что по судебному процессу петербургской военной организации ее приговорили к каторге. Путь на родину закрыт... И вот с 1907 года — жизнь в эмиграции.

Быть может, впервые за долгие годы Людмила Николаевна так вслух перебирала этапы своего революционного пути, начатого еще в шестнадцатилетнем возрасте, когда она, участвуя в кружках молодежи, прятала у себя дома и распространяла нелегальные брошюры и листовки.

В двадцать три года Людмила Сталь переехала в Омск и впервые выступила как журналист. Она сотрудничала в газете

«Степной край». А затем Москва. С 1897 года Людмила Сталь теснейшим образом связала свою судьбу с социал-демократическим движением. С этого года она — член партии...

Все это Людмила Николаевна рассказывала в квартирке па Мари-Роз, сбивчиво, волнуясь.

Владимир Ильич и Надежда Константиновна внимательно слушали. А потом Владимир Ильич сказал, что товарищ Сталь с ее знанием французского языка делает в Париже большое, полезное дело как член группы русских большевиков и как участница французского социалистического движения. И, как бы заключая разговор, он предложил пойти прогуляться в парк Монсури, куда нередко сам захаживал.

Давно уже Ленин и Крупская занимали в жизни Людмилы Николаевны особое место. Ленинские работы постоянно давали ответы на многие мучившие вопросы. С Надеждой Константиновной она привыкла делиться всем, что волновало, спрашивать у нее совета и помощи. Всем членам парижской группы большевиков — а их было свыше 40 — рефераты Ленина, его умение разрешать сомнения, обобщать события и предвидеть их будущее развитие помогали в формировании взглядов, влияли на их деятельность.

Гуляли они недолго — Владимир Ильич торопился вернуться к рабочему столу. С огорчением Людмила Николаевна узнала, что вскоре он с семьей покинет Париж. События в России развивались так, что Ленин хотел поселиться поближе к родине...

Взволнованная, раскрасневшаяся от быстрой ходьбы, крупная, статная, с отливающими на солнце волосами, большими светлыми блестящими глазами, Людмила Сталь невольно обращала на себя внимание. Парижские бонвиваны провожали ее оценивающим взглядом, но слишком уж неприступной была эта женщина, которой никак нельзя было дать ее сорока лет. Она не замечала этих взглядов. Ничто сейчас не омрачало светлого, одухотворенного настроения. И будущее виделось в радужном свете. Уверенность Владимира Ильича в том, что скоро они все вернутся к активным действиям на родине, как бы очистила душу от уныния и тоски.

И вдруг каким-то шестым чувством она почуяла за спиной присутствие враждебной силы, обдавшей холодом, напомнившей что-то скользкое и неприятное. Неужели снова слежка? В этом веселом, непринужденном городе, где она всегда испытывала чувство легкости и внутренней свободы?

Скосив взгляд на зеркальную витрину, Людмила заметила на противоположной стороне улицы подозрительную фигуру. Человек не спускал с нее глаз. Вспомнилась вскользь брошенная Владимиром Ильичем фраза о том, что царская реакция не жалеет средств на организацию через русское консульство шпионажа за деятельностью политических эмигрантов.

Можно было бы и пренебречь присутствием соглядатая. Но Людмила назначила в парке Монсо свидание с Луизой Сомоно, а ее нужно сберечь от русских шпиков, наверно, связанных и с французской полицией.

Она остановилась около одной из витрин, как бы любуясь выставленными там изящными предметами женского туалета. Но, едва увидав приблизившееся такси, остановила его, села рядом с шофером и скомандовала:

— Пожалуйста, быстрее на пляс д'Этуаль.

— У мадам рандеву? — спросил развязно водитель и подмигнул в ответ на кокетливый кивок пассажирки.

А вот и площадь Звезды — пляс д'Этуаль. Расплатившись с шофером, Людмила вздохнула — на поездку ушли почти все наличные деньги, которые с таким трудом достаются эмигрантам. Но особенно огорчаться не стала — явление обыденное. Как-нибудь обойдется, в крайнем случае наймется в сиделки. Ведь и ее товарищам, хорошим врачам Семашко и Владимирскому, нелегко достается хлеб насущный. Последнему даже одно время приходилось зарабатывать на жизнь, развозя на рассвете молоко горожанам.

Людмила Николаевна быстро зашагала по одной из улиц, расходящихся лучами от знаменитой площади. И вскоре уже шла по аллеям аристократического парка Монсо.

После утренней прогулки по тенистым и тихим аллеям Монсури парк Монсо показался Людмиле слишком прилизанным и людным. И все же она не могла не залюбоваться увитой плющом полукруглой колоннадой, обрамляющей зеркальную гладь пруда. В пруду, гордо задрав царственные головы, плавали лебеди и маленькие уточки с пестрым оперением.

Среди газонов в непринужденных позах стояли статуи Мопассана, композиторов Тома и Гуно. Под сенью листвы Шопен, сидя у клавесина, казался таким реальным, что в ушах Людмилы зазвучал один из ее любимых томных и грустных ноктюрнов.

Но вот она остановилась у статуи женщины, склонившейся над книгой. Села неподалеку на скамью. И стала внимательно вглядываться в черты ее лица.

— Ищете сходства с тезкой, мадам де Сталь? — раздался знакомый голос.

Женщины крепко обнялись. Обострение болезни Людмилы и ее отъезд в Давос на долгие месяцы разлучили близких соратниц по работе во французской социалистической партии.

— Я забежала к тебе на Плясси,— сказала Луиза,— а консьержка вручила мне записку, сказав: «Это вам просила передать мадам де Сталь». И, знаешь, к твоей гордой осанке и внушительной фигуре весьма подходит аристократическая приставка «де»!

— Разве только к фигуре,— рассмеялась Людмила.— Но из-за консьержки, так меня величающей, я и назначила тебе свидание у статуи знаменитой женщины XIX века. Захотелось вглядеться в ее черты. Наверное, недаром так ненавидел эту женщину Наполеон.

— Да и она не жаловала императора. Как видишь, есть между тобой и баронессой Анной Луизой Жермен де Сталь явное сходство — ненависть к деспотам.

— Сходство весьма относительное, Луиза. Эта талантливая дочь министра, хоть и была либералкой, но вовсе не думала порывать со своим классом. А я профессиональная революционерка.

— Время покажет, дорогой друг. Быть может, когда-нибудь ваши имена будут стоять рядом в энциклопедическом словаре.

Думала ли тогда Луиза Сомоно, что это шутливое замечание окажется пророчеством?

Подруги заговорили о делах. У них, как членов бюро женской социалистической группы, этих дел было много. Организаторская и пропагандистская работа требовала полной отдачи сил. Все большие массы трудящихся женщин вступали на путь борьбы за свои права. Рабочему люду не только в царской России, но и во Франции, где с ростом промышленного производства усиливалась эксплуатация, нужно было научиться отстаивать классовые интересы пролетариата. Далеко не все социалисты стояли на позициях марксизма. Его пропаганда среди рабочих имела первостепенное значение. Особенно теперь, когда надо готовиться к предстоящей избирательной кампании, к выборам будущего года.

Людмила рассказала Луизе, что вместе с Надеждой Крупской, Инессой Арманд и Александрой Коллонтай задумали создать специальный журнал для женщин. Пока еще не решено, где его издавать — в России или за границей. Но подготовка предстоит огромная. А еще нужно продолжать сбор средств для

оказания помощи политическим каторжанам в России. Планы будущей деятельности были обширны. Их осуществление во многом зависело от развития событий...

А они развивались стремительно. После Ленского расстрела всколыхнулась вся Россия. Уже в 1912 году бастовало более миллиона рабочих, а в следующем, 1913 году — около 2 миллионов. Вслед за трудящимися городов поднимались на борьбу крестьяне, начались взрывы недовольства среди солдат и моряков.

Сгущались тучи в международной атмосфере. Сталкивались лбами в погоне за внешними рынками гигантские монополии. Руководители крупнейших держав предполагали, что война за передел мира остановит нараставшее революционное движение.

...Жизнь и деятельность большевиков-эмигрантов становилась все более трудной. Для сплочения сил в борьбе с шовинистическими настроениями, особенно разгоревшимися с начала империалистической войны, в Париже в июне 1915 года был создан Клуб интернационалистов.

Людмила Сталь была тесно связана и с клубом и с «Социал-демократом», центральным органом РСДРП, куда часто писала, так же как и в «Работницу», издававшуюся в Петербурге. О том, как складывалась обстановка во Франции, она постоянно информировала Надежду Константиновну. Спустя две недели после создания Клуба интернационалистов Людмила Сталь писала:

«Дорогая Надежда Константиновна! Пользуюсь случаем написать вам без цензуры. Во-первых, мои письма вскрываются, поэтому я просила писать на адрес Котова (Mr Kotoff, rue Pierre Dupont, 4 Suresnes, Seine, France)».

На секунду Людмила оторвалась от письма — поделиться ли с Надеждой Константиновной сокровенным. Ведь Котов, человек прекрасной и чистой души, не только ее товарищ. Пришла и в жизнь Людмилы Николаевны большая любовь. Но написать об этом все же не решилась. Так много нужно было рассказать о деле, что личное здесь показалось ей неуместным. И она продолжала писать:

«Кроме того, за мной, за Луизой учреждена слежка, иногда по пятам ходят. Если я вам буду посылать французские газеты с широкой белой обложкой, то значит на другой стороне написано химией, и вы проявляйте. Извиняюсь заранее, что мое письмо будет довольно бестолковым. Я сейчас узнала, что есть оказия в Швейцарию и спешу вам написать. Прилагаю при сем очень интересный документ, показывающий, как растет настрое-

ние оппозиции во французской партии, если даже солдаты принимают резолюции против участия в министерстве. Я не упоминаю города, где была принята резолюция, так как это очень опасная вещь. Но я видела оригинал с печатью партийной организации: мне показал его секретарь одной из партийных групп Сенской федерации и дал снять копию. Недовольство в рядах партии очень большое с самого начала войны. Большинство недовольно участием социалистов в министерстве, так как это связало по рукам...

Беда французской партийной оппозиции заключается в том, что она не только не думает о расколе, но даже боится предать свое мнение гласности...»

Не закончив фразы, Людмила снова отложила ручку. Встала из-за стола, медленно зашагала по комнате.

Всего несколько месяцев назад, в конце марта, в Берне состоялась Международная социалистическая женская конференция. Сталь вместе с Крупской, Арманд, Розмирович активно участвовала в ее подготовке. Но, заболев, она не смогла побывать на конференции. Участницы конференции — представительницы Великобритании, Германии, Голландии, Швейцарии, Польши, Франции (представительницей Франции была Луиза Сомоно) выступили за объединение усилий в борьбе за мир, осудили идею «защиты отечества», но обошли молчанием основной вопрос — вопрос о разрыве с социал-шовинистами, со II Интернационалом, который был поднят в предложенной большевиками ленинской резолюции.

На конференции делегация РСДРП выступила с решительным заявлением.

«Мы голосуем против резолюции, принятой конференцией, по следующим мотивам: потому что она неудовлетворительна с принципиальной точки зрения. В то же время мы заявляем, что не отделяемся от общей агитации и что мы готовы поддерживать всякую общую агитацию, направленную к революционной борьбе и к борьбе против национализма».

Сейчас, когда Людмила писала Надежде Константиновне, она вспоминала, как огорчило ее то, что Луиза, такая смелая и решительная, не поддержала резолюцию делегации РСДРП (большевиков).

Людмила знала Луизу, она надеялась, что Сомоно возглавит более решительные действия французских социалисток. И она снова села за стол, продолжала писать и старалась отделить Луизу от тех делегаток, которые в действительности не нашли в себе сил выступить за разрыв с шовинистически настроен-

ными руководителями западноевропейских социалистических партий.

Письмо получилось очень длинным. Но Людмиле хотелось, пользуясь оказией, рассказать Надежде Константиновне как можно больше. Ведь факты, которые она сообщает, наверное, будут интересны и Владимиру Ильичу. Передав ему сердечный привет, она вложила письмо в конверт и написала адрес: «Madame N. Oulianoff, 4a Zeidenweg, Bern, Suisse».

В дверь постучали. Товарищ, взявшийся передать письмо, торопился.

Когда он ушел, Людмила выглянула в окно — нет ли слежки? На сей раз обошлось. Но зато на противоположной стороне улицы она увидела одну из подруг Луизы, которая незаметно подала знак, что будет ждать в кафе напротив. Там Людмила узнала, что Луиза Сомоно арестована...

А спустя некоторое время она получила повестку военного следователя, вызывавшего ее на допрос. Не было сомнения в том, что и ей грозит арест за антимилитаристскую деятельность.

В тот же вечер вместе с Котовым она тайком покинула Париж и направилась в Лондон. Но там ее ждали новые испытания.

В Петербург, в департамент полиции, полетело сообщение о том, что «скрывающаяся за границей с паспортом на имя Зельды Стиглус большевичка, подписывающая свои литературные произведения псевдонимом Людмила Сталь, тесно связанная с известным департаменту Владимиром Ульяновым (Лениным), который ее ценит как серьезную партийную работницу... ныне находится в Лондоне, где сожительствует с ссыльнопоселенцем Григорием Котовым, бежавшим из ссылки в 1909 году».

«...На английской границе в Фолькестоне,— писала потом Людмила Николаевна,— после тщательного обыска я была приглашена на допрос. Мне много раз приходилось быть на допросах в России, но такого иезуитского отношения, какое я встретила среди английских джентльменов, никогда не встречала».

И все же ей удалось остаться в Лондоне. Она поселилась в доме 9 по Роно Род Хэмпстед. Сообщила свой адрес Инессе Арманд, просила писать на имя м-ра Покровского.

В Лондоне Людмила Николаевна подняла энергичную кампанию в печати за освобождение Луизы Сомоно, которую содержали в одной камере с проститутками. Ее разоблачающие статьи, направленные против французских социалистов, занимавших министерские посты, вызывали отклики не только в английской, но и в итальянской и швейцарской печати. В конце

концов правительство Франции принуждено было освободить из тюрьмы руководительницу французского женского движения Луизу Сомоно.

В конце 1916 года Людмила Сталь по заданию Ленина выезжает в Стокгольм. Ей поручено наладить постоянную связь с Россией, найти каналы, по которым можно было бы переправлять туда литературу. В Стокгольме она работала с Александрой Коллонтай. Там их обеих застает весть о Февральской революции.

...Какими словами описать ощущения тех, кто после долгих лет эмиграции возвращается в Петербург, над которым развеваются красные знамена революции! Слезы застилают глаза Людмилы Сталь. Как много старых друзей среди встречающих. Их лица тоже мокры от слез...

* * *

Прожиты еще двадцать два года. Все они без остатка были отданы делу борьбы за победу революции и созданию нового общества. Подготовка к Октябрю в Кронштадте, где Людмила Сталь редактирует большевистскую газету. Затем — годы фронтовой работы. В 1921—1922 годах — Москва. Людмила Сталь — член Международного женского секретариата Исполкома Коминтерна.

Она работала в Центральном Комитете партии, много писала, принимала активное участие в работе среди женщин. Дважды ее избирали делегатом на партийные съезды: VIII и XVI. А когда уже перевалило за шестьдесят, семь лет своей жизни отдала Людмила Николаевна Сталь возглавляемому ею Обществу «Друзей музеев революции». В 1933 году, за шесть лет до смерти, ее наградили самой высокой наградой — орденом Ленина.

В Большой Советской Энциклопедии Людмиле Сталь отведено не меньше строк, чем Анне Луизе Жермен де Сталь. Страницы жизни русской революционерки навсегда останутся в истории.

Александр Исбах

ХРАНИТЕЛЬНИЦА ТРАДИЦИЙ ПАРТИИ

(Е. Д. Стасова)

Борьба есть условие жизни

В. Белинский

В истории русской интеллигенции семья Елены Стасовой занимает почетное место. Отец ее, Дмитрий Васильевич, известный прогрессивный юрист, прекрасный музыкант, друг Глинки и Антона Рубинштейна,— один из основателей Петербургской консерватории и Русского музыкального общества.

Дядя, Владимир Васильевич, к которому была особенно привязана юная Леля,— замечательный художественный и музыкальный критик, ученик неистового Виссариона (его и самого называли Белинским в искусстве). Владимир Стасов стоял у истоков двух бурных течений в русской культуре: передвижников в живописи и «Могучей кучки» в музыке.

Леля Стасова с детских лет погрузилась в бескрайний океан высокого искусства. Роясь в огромной библиотеке отца, она рано открыла для себя «Божественную комедию» Данте и «Дон Кихота» Сервантеса.

Она часами простаивала перед замечательными полотнами, висевшими на стенах отцовской квартиры, подарками великих художников. «Осужденный» Маковского, эскизы к «Бурлакам»

Репина, «Тройка» Перова, портреты родных, написанные Репиным и Крамским. Скульптуры Антокольского.

Она слушала, притаясь где-нибудь в углу гостиной, новые музыкальные пьесы в исполнении самих композиторов, крупнейших мастеров века Антона Рубинштейна и Милия Балакирева. Она была покорена могучим басом Федора Ивановича Шаляпина.

Но не только в мир чистого искусства погружалась юная гимназистка.

И отец и дядя, не принимая непосредственно участия в революционной борьбе, были людьми прогрессивными и ненавидели царизм.

М. Горький в своих воспоминаниях о В. В. Стасове писал, что каждый арест, о котором тот слышал, искренне огорчал его.

«Губят людей,— говорил он.— Лучшее на земле раздражают и злят,— юношество. Ах, скоты!..»

В. В. Стасов был лично связан с А. И. Герценом, бывал у него в Лондоне, увлекался сочинениями Чернышевского, поддерживал петрашевцев...

Знаменитый критик, «непричастный» к политике и не связанный с «бунтарскими» организациями, «негласно» помогал своей юной племяннице, когда она вышла на революционную стезю.

Как тайный советник, он получал на адрес Императорской Публичной библиотеки в общем потоке зарубежной литературы и «нелегальщину». В том числе два экземпляра «Искры». Один экземпляр шел в секретный архив библиотеки. Другой... в руки племянницы-революционерки...

...На революционный путь Елена Стасова вступила рано. Серьезная, вдумчивая не по годам девочка, перерыв всю библиотеку отца, с особым интересом перечитывала сочинения Чернышевского, воспоминания декабристов, книги по истории революционного движения. Якобинцы, чартисты, парижские коммунары...

Часто с большим уважением вглядывалась она в фотографии народовольцев, среди которых были и женщины. Вера Фигнер, Софья Перовская. Бывавший в доме Стасовых известный юрист А. Ф. Кони подробно рассказывал о процессе Веры Засулич, и Леля слушала его восхищенно, широко раскрыв глаза. Ей хотелось хоть немного походить на эту отважную женщину.

Сдержанная, молчаливая, всегда строго одетая, Елена Стасова конденсировала в себе неуемную энергию, которая страстно искала выхода. Начала преподавать в женской воскресной

вечерней школе Технического общества, на Лиговке. Ученицами школы были работницы — текстильщицы и табачницы.

Так состоялся выход Елены Дмитриевны в большой мир. Так началось знакомство ее с питерским пролетариатом.

* * *

Имя Ленина Стасова впервые услышала еще в 1895 году. Работа в вечерних школах и в музее учебных пособий, долгие задушевные беседы с работницами и учительницами сблизили девушку с так называемыми «политиками». Среди них была девушка, сразу завоевавшая уважение и любовь Елены, по имени Надежда, по фамилии Крупская. Крупская привлекла Стасову к работе в политическом Красном Кресте — организации, связанной с революционным движением.

Вскоре Елена Дмитриевна стала помогать товарищам в хранении подпольной литературы.

Среди нелегально изданных листовок одна, с надписью синим карандашом «Петухи», особенно взволновала Стасову.

Это было воззвание к рабочим фабрики Торнтона. Забастовка 500 ткачей вспыхнула 5 ноября 1895 года под руководством «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Листовка страстно призывала всех рабочих и работниц фабрики к поддержке бастующих ткачей. В ней были собраны убедительные материалы из жизни торнтоновских рабочих.

Эту листовку написал Владимир Ильич Ленин.

А название «Петухи» ей дали потому, что звучала она, как предрассветный крик.

Забастовка на фабрике Торнтона закончилась для рабочих успешно. Это была одна из первых побед рабочего класса.

...Связи Стасовой с рабочими все крепли. Все глубже и глубже втягивалась она в политическую, партийную работу.

Ее заметили. Ее уважали. С каждым днем все больше ценили ее знания, энергию, деловитость, организационные способности.

В начале 1898 года петербургские социал-демократы оказали молодой учительнице огромное доверие. В один студеный февральский день ей поручили ведать всей техникой комитета, всем партийным «хозяйством».

С этого дня Елена Дмитриевна Стасова уже официально вступила в ряды русских революционных социал-демократов.

* * *

...24 декабря 1900 года — одна из самых памятных дат для Елены Стасовой. В этот день вышел первый номер ленинской «Искры». А она в Петербурге действовала как агент, представитель газеты, издававшейся Владимиром Ильичем (за границей).

К каким только хитростям не прибегали распространители «Искры»!

Из-за границы склеенные экземпляры газет, напечатанные на тонкой бумаге, доставлялись «заделанные» в переплеты невинных книг или альбомов. Сняв переплет, можно было размочить в теплой воде газеты, отделить лист от листа, просушить и свободно читать.

Специальная мастерская на Бассейной улице получала «для продажи» гипсовые фигуры с тайной «начинкой». Нелегальная литература. Газеты. Письма...

Одной из баз для хранения нелегальщины была квартира врача К. А. Крестникова. Приходившие к нему «пациенты» выходили от доктора заметно округлившимися, пополневшими. «Медикаменты» этого замечательного доктора молниеносно излечивали даже самых худых и изможденных.

Елена Стасова уносила из этой квартиры не менее пуда различной литературы. Девушка всегда ходила с портфелем. Даже в театр или на концерт. В донесениях шпиков она так и значилась: «Девушка с портфелем...»

...Кроме распространения литературы, Стасова принимала непосредственное участие в печатании листовок. Сотни забот отнимали полностью ее время с утра до вечера. Гектограф. Желатин и глицерин для варки гектографической массы. Бумага...

Майские дни 1901 года. Полиция произвела много арестов. Среди арестованных члены Петербургского комитета.

Надо доказать, что аресты партии не страшны, что Петербургский комитет существует.

Пишется острая первомайская листовка. Она выходит, она распространяется по городу, и даже обер-прокурор святейшего синода мракобес Победоносцев и палач — министр внутренних дел Дурново находят ее в своих почтовых ящиках.

А высокая, стройная, неуловимая девушка в пенсне, целую ночь печатавшая, а потом сама распространявшая листовки, рано утром трясется на извозчике, обмотанная под платьем красным знаменем, чтоб доставить его демонстрантам на Путиловский завод.

...Через Елену Дмитриевну проходила долгие месяцы вся переписка с многими городами России, с заграницей, с Влади-

миром Ильичем и Надеждой Константиновной. Это было очень сложное и трудное дело. Текст каждого письма следовало продумать, зашифровать, детально проверить. «Я шифровала так же быстро цифрами,— рассказывала Елена Дмитриевна,— как писала бы буквами, так как знала наизусть, в какой строке какое место занимает буква. Вот вам образец зашифрования слова «провокатор» — 2134162916675633, 15622. Сплошной ряд цифр, и только в одном месте стоит запятая. Для того, чтобы показать, что «15» это не 1-я строка, 5 буква, а 15 строка, 6 буква...»

А Владимир Ильич из далекой Женевы следил за всеми событиями в России, жадно ждал каждой весточки, каждой детали.

...В те суровые годы Елена Дмитриевна часто думала: какие черты должен воспитывать в себе партийный работник-ленинец. Она создала для себя своеобразный моральный кодекс подпольщика.

Ей мало было одной веры в грядущую победу коммунизма и непреклонной преданности партии.

Она считала необходимым выработать в себе и практические качества. *Точность.* Чтобы не подвести товарища, чтобы не опоздать никуда — на явку, на свидание, на маевку — ни на минуту.

Наблюдательность. Чтобы уметь заметить все, до мельчайшей детали, а самой уйти незамеченной. *Воля.* Умение владеть собой в любую минуту, при любых потрясениях. Умение владеть своим лицом на допросе, когда оно ярко освещается неумолимым светом лампы. Умение не сказать ни одного лишнего слова. *Бдительность.* Всегда ощущать десятки вражеских глаз. Глаз шпиков и филеров. Умение мгновенно принять решение. Суметь «переиграть» шпиков и полицию. *Ответственность.* За каждый свой шаг. За каждое движение. За сотни людей, которые стоят за тобой, равняются на тебя, верят тебе. *Непреклонная суровость к врагам. Доверие и чуткость* к друзьям, к соратникам... Чувство локтя...

Замечательное письмо получила Елена Дмитриевна в дни своего шестидесятилетия от Вячеслава Рудольфовича Менжинского:

«Мало осталось товарищей, которые своими глазами видели начало твоей подпольной работы в Питере 90-х—900-х годов, а я работал под твоим началом около 4-х лет, видел твои первые шаги в качестве партийного руководителя и могу смело сказать, что до сих пор не встречал работников, которые, вступивши на поле подпольной деятельности, сразу оказались такими вели-

кими конспираторами и организаторами — совершенно зрелыми, умелыми и беспровальными.

Твой принцип — работать без провалов, беспощадно относясь ко всем растяпам, оказался жизненным и после Октября, даже в деятельности такого учреждения, как ВЧК — ОГПУ. Если мы имели большие конспиративные успехи, то и твоего тут капля меду есть — подпольную выучку, полученную в твоей школе, я применял, насколько умел, к нашей чекистской работе...»

...Весна 1904 года. Москва. Первая встреча с будущим другом, замечательным человеком и борцом Николаем Эрнестовичем Бауманом.

Провокатор выдает руководителей организации. Бауман арестован. Стасова изменяет внешность, одежду, прическу. Она принимает всяческие меры предосторожности, уезжает в Нижний Новгород. Но шпики настигают ее и здесь. И вот... Первый арест. Нижегородская тюрьма. Потом «знаменитая» московская Таганка.

Стасова старается всеми силами выгородить друзей и не дает никаких показаний на допросах. Она принимает участие в одиннадцатидневной голодовке заключенных. Она и в тюрьме ухитряется вести большую организационную работу, дает явки товарищам, которых отпускают или ссылают.

Конечно, у нее нет в камере записной книжки с адресами. Но книжка не нужна ей. «Моя записная книжка»,— усмехается Стасова,— у меня над надбровными дугами — в памяти!..»

Она помнит абсолютно все и абсолютно точно. Недаром партийная кличка ее Абсолют.

После голодовки отец Елены вносит денежный залог, и ее освобождают до суда.

Перед выходом из тюрьмы товарищи поручили Елене Дмитриевне просить Ленина написать брошюру о том, как держать себя на допросах и на суде, в разной обстановке.

Владимир Ильич немедленно откликнулся. Он прислал Стасовой письмо, известное в истории партии как *Письмо к Абсолюту*.

* * *

Центральный Комитет партии дал Елене Дмитриевне новое ответственное задание — руководить всей техникой ЦК за границей.

Приехав в Женеву, Стасова прежде всего пошла на квартиру, где жили Владимир Ильич Ленин, Надежда Константи-

новна Крупская и мать ее Елизавета Васильевна. Дверь открыл Ленин.

Он оказался в квартире один. Широкой радушной улыбкой приветствовал он гостью. Со свойственной ему живостью тут же, чуть ли не на самом пороге, закидал ее вопросами. Потом потащил в общую комнату, которая была одновременно и столовой и кухней.

— Что творится в России, в Петербурге, в Центральном и Петербургском комитетах, как настроение товарищей на воле и в тюрьме?

Он слушал внимательно, покачивал головой, улыбался, вскакивал со стула и ходил по комнате.

Совсем незаметно для себя за чаем Стасова сделала обстоятельный доклад об основных событиях, происходивших в России, рассказала с интересными деталями, живыми подробностями. Не как наблюдатель — как участник.

— Очень, очень, очень интересно,— говорил, довольно потирая руки, Владимир Ильич.— Знаете что, вы должны сделать доклад обо всем этом нашей здешней, русской колонии...

Стасова в испуге замахала руками.

— Что вы, что вы, Владимир Ильич... Да я же никогда докладов не делала...

Ленин весело рассмеялся.

...И он настоял на своем. Он помог Елене Дмитриевне подготовить доклад. Несколько раз просмотрел план. Двумя-тремя указаниями поправил, отредактировал тезисы.

На собрании, где выступала Стасова, Владимир Ильич председательствовал. Во время доклада она иногда, точно за помощью, оборачивалась к президиуму. Ленин ободряюще кивал головой, делал незаметный жест рукой: все, мол, в порядке, продолжайте... И доклад, кажется, получился удачный.

...Сколько встреч с Лениным было у Стасовой в те дни в Женеве!.. Официальных и дружеских. Нет, «официальных» — это не то слово. Даже деловые встречи были всегда теплыми и дружескими.

Но из всех встреч одна особенно запала в сердце Елены Дмитриевны, человека мужественного и далеко не сентиментального.

Однажды рано утром Владимир Ильич пришел в пансион, где она жила. Он был очень сосредоточен, молчалив и как-то необычайно грустен. Он стал расспрашивать Елену Дмитриевну о близких друзьях, с которыми она работала и вместе сидела в

Таганской тюрьме, о Николае Эрнестовиче Баумане, к которому относился с большим уважением.

Елена Дмитриевна вспоминала всякие детали. Николай Бауман был одним из дорогих ее друзей, из самых близких соратников. Они ухитрялись переписываться даже в условиях строгой тюремной изоляции. Был у них своеобразный «телефон». Веревочка, на конце которой висел мешочек с песком. В мешочек вкладывалась записка. Стасова высовывала руку из своего окошка, через решетку. Товарищ, сидевший сверху или сбоку, бросал ей мешочек с запиской. А она, в свою очередь, другому товарищу. Бауман сидел за углом в изоляторе. Но все же «телефон» доходил и до него. Так передавались даже материалы для нелегально выходившей в тюрьме рукописной газеты, в которой была помещена и статья о работе Ленина «Шаг вперед, два шага назад»...

Рассказывая, Стасова оживилась. Приятно было вспомнить о друзьях, о том, как обманывали бдительность тюремщиков. В обычное время, всегда живо реагирующий на подобные рассказы, Владимир Ильич посмеялся бы вместе с ней над одураченными жандармами. Но на этот раз лицо его было скорбно.

Уже предчувствуя несчастье, Елена Дмитриевна рассказала, как безрезультатно друзья хлопотали об освобождении Баумана под залог. Она даже почувствовала себя в эти минуты виноватой, что вот она тут, на свободе, разговаривает с Владимиром Ильичем. А Бауман там, еще за решеткой.

Внезапно Ленин глубоко вздохнул, посмотрел ей прямо в глаза и сказал:

— Его удалось освободить. Он выступал на митинге... а потом... был убит черносотенцами...

Елена Дмитриевна окаменела. Владимир Ильич не говорил ей обычных успокаивающих слов. Он рассказал о том, как московские рабочие хоронили Баумана, какая это была внушительная и грозная демонстрация. Он вынул из кармана и передал Стасовой английскую газету «Обсервер», где об этом было подробно напечатано.

Ленин не хотел, чтоб о смерти друга Стасова узнала прямо из газет. Никому из друзей он не доверил этого трудного и скорбного разговора. Он оставил все свои дела и пришел сам к Елене Дмитриевне, как друг в радости и в горе, как добрый и чуткий товарищ.

* * *

Годы... Годы... Годы... Возвращение в Россию. Работа в Петербургском комитете партии. Арест. Тюрьма. Опять Петербургский комитет. Болезнь. Тифлис. Пражская конференция. Стасова — секретарь Русского бюро ЦК. Снова Питер. Снова арест. Ссылка. Сибирь. Переписка с Я. М. Свердловым и А. М. Горьким. 1917 год.

Опять Питер... Опять дни, заполненные до краев работой. Ни минуты отдыха.

Полиция все время следит за Стасовой. В самый канун Февральской революции — новый обыск и арест.

В тюрьму днем и ночью доносятся звуки уличной стрельбы. Февральская революция. Трещит дверь женской камеры. Врываются взбудораженные люди. Что это — провокация или освобождение? Кто эти люди — друзья или черносотенцы?

Как всегда, собранная, энергичная и спокойная, Елена Дмитриевна становится впереди всех женщин, точно оберегая их от возможных бед и опасностей.

Нет, это не провокация. Это революция. Свобода...

Народ освобождает политических заключенных.

В тот же день Стасова включается в работу Петроградского комитета партии и Петроградского Совета.

Начинают приезжать товарищи из тюрем и ссылок. Надо встречать их, надо «включать» в жизнь. Кто же сумеет это сделать лучше, чем Елена Стасова.

Опять в ее руках сосредоточены партийная техника, литература, финансы, архивы, переписка, связи.

Другие выступают, говорят речи. Она не привыкла появляться на трибуне. Она, как всегда, в тени, скромно и неустанно занимается всеми делами партийного штаба.

В один из весенних, солнечных мартовских дней рано утром — пронзительный звонок. Она уже сидит за столом, читает письма с фронта. Вскакивает... Прячет письма за раму портрета. Рефлекс... Полиция? Обыск? На пороге Яков Михайлович Свердлов... Старый, добрый, сибирский друг. Он обнимает ее. Глаза за стеклами очков блестят горячо и совсем влюбленно.

— Ну вот,— говорит он, смеясь,— ну вот... Вы приехали в Питер, совершили революцию и вызволили нас...

Впрочем, долго нет времени предаваться радостям встреч. А их предстоит еще немало. Да и Яков Михайлович недолго задерживается в Питере. Его командируют на Урал, в Екатеринбург. И возвратится он только к Апрельской конференции.

А дел до Апрельской конференции, как говорится, невпроворот.

Русское бюро ЦК собирается на квартире Стасовой. Бюро и актив. Не менее 25 человек. Здесь и Голощекин, и Стучка, и Залуцкий, и Сталин. Тесно. А это еще далеко не все... Еще едут. Из Сибири... Из ссылок... Из тюрем... Из-за границы.

Ждут указаний Владимира Ильича, ждут его самого. Как он нужен сейчас здесь, в освобожденном весеннем Петрограде. Предстоят новые решения, новые бои.

В самом конце марта военная организация большевиков занимает дворец известной царской фаворитки балерины Кшесинской.

А Ленин уже в пути...

И вот она, эта историческая ночь 3 апреля 1917 года.

Финляндский вокзал в Петрограде.

...Ленин на броневике. Он призывает к новым боям за истинную свободу. Борьба продолжается...

Дворец Кшесинской... Наконец Елена Дмитриевна, встречавшая Ленина еще на Финляндском вокзале, сумела пробиться к нему, пожать его руку, встретить его взгляд.

Этот взгляд ощущала она и сквозь толстые стены тюрем, и сквозь густые туманы сибирских бескрайних просторов. Они не виделись годы. И кажется ей, что он не изменился. Он даже помолодел. Она обнимает Надежду Константиновну и отходит в сторону. Владимиру Ильичу сейчас не до лирических излияний. Да она и не очень способна к ним.

...Положение в стране все обострялось. Враги бешено травили Ленина. За ним «охотились». Ильич вынужден был покинуть свою квартиру на Широкой улице, скрываться на квартирах друзей.

В конце июня Владимир Ильич жил у Стасовой. Кстати, туда же был временно переправлен весь партийный архив.

7 июля было опубликовано постановление Временного правительства об аресте и привлечении к суду В. И. Ленина и других большевиков.

Ленин в Разливе. Отсюда он руководит VI съездом партии. Съезд партии начал свою работу в конце июля, в необычайно тревожной обстановке преследования и травли большевиков.

Оставив свои бесконечные «прозаические» дела, Стасова пришла на заседание съезда. Как и в былые времена, она шла на Сампсониевский проспект осторожно, петляя, используя проходные дворы, следя, чтобы за ней не было никаких «хво-

стов»... Она уже предвкушала радость встречи с близкими друзьями, соратниками.

Председательствовал Михаил Степанович Ольминский. Заметив Стасову, он как-то (или ей это показалось) нахмурил брови, снял очки, протер их, снова недружелюбно посмотрел на нее... В перерыве Ольминский подошел к Елене Дмитриевне.

— Что это ты пришла? — спросил он недовольно.

— Странный вопрос. Я пришла на заседание съезда.

— А ты не знаешь, именно ты,— сказал он сурово,— что мы заседаем нелегально и что нас могут арестовать? Ты являешься «хранителем традиций партии»... Немедленно уходи!..

Ей было и горько и радостно... «Хранитель традиций»... Так еще никто не говорил ей... Это было и почетно и тревожно... И это предъявляло какие-то новые требования, накладывало на нее какие-то новые обязательства. «Хранитель традиций»... Какое огромное доверие было в этих словах!

На протяжении многих лет в ее руках были сосредоточены партийные связи. Долгие годы подполья она хранила в памяти огромное количество адресов, имен, явок... После провалов, после арестов большевистские организации быстро восстанавливались, потому что на свободе оставался кто-нибудь из таких «хранителей традиций», верных, беззаветно преданных партии солдат...

...Ее не было на заседании съезда, когда в предлагаемом списке членов и кандидатов Центрального Комитета было названо ее имя: Стасова Елена Дмитриевна. Она была избрана заочно.

* * *

...А потом пришла победа. Владимир Ильич возглавил новое правительство. Воплощалась в жизнь мечта, за которую боролись долгие годы целые поколения революционеров. Наступили радостные, бурные, еще более напряженные дни.

Стасова — секретарь ЦК и Северного областного комитета партии.

На VIII съезде Елена Дмитриевна Стасова была избрана членом Центрального Комитета партии, и она опять на посту секретаря ЦК.

Сколь многообразной и многосторонней была работа ее на этом посту! Здесь особенно пригодились и широкая ее образованность и знание языков.

В Москву, как в новую Мекку, приезжали из многих стран иностранцы, революционеры. Француз Жак Садуль, друг Ромена Роллана, венгр Бела Кун, чех Богумир Шмераль. Еще

раньше Я. М. Свердлов познакомил Стасову с группой революционных немецких военнопленных-интернационалистов, которым она должна была оказать помощь. Теперь надо было активно включаться в международную работу партии. И все это было захватывающе интересно.

Аппарат в Центральном Комитете был очень небольшой. Самой Стасовой приходилось заниматься и большими и малыми делами. Воскресные дни, когда не было приема людей, целиком уходили на разбор почты, расшифровку телеграмм.

Эту работу прерывали самые неожиданные телефонные звонки.

Звонок из Реввоенсовета республики.

— Срочно приезжайте. Неотложное военное дело.

— Я же абсолютно штатский человек. Ничего не понимаю в ваших делах.

— Вы секретарь ЦК. Ждем.

Отложила все дела. Поехала.

У члена Реввоенсовета на столе карты фронтов. Деникин произвел прорыв у Орла. Необходима срочная мобилизация коммунистов — заполнить брешь, добить белогвардейцев.

Решать надо немедленно. Тут же Стасова звонит в МК, дает указания о мобилизации ста коммунистов. Звонок в Моссовет — снабдить отряд всем необходимым.

В шесть часов отряд выехал с Курского вокзала. Коммунистов провожала Стасова.

Бывали и звонки... с жалобой на Владимира Ильича.

Знакомый голос. Надежда Константиновна или Мария Ильинична.

— Елена Дмитриевна! Надо принять какие-то меры, Владимир Ильич доработался до бессонницы.

Немедленно сигналы по телефону всем членам ЦК: надо вынести постановление об отпуске Ленину. Постановление принято опросом. Звонок Ленину: «Владимир Ильич, имеется постановление ЦК, чтобы предоставить вам отпуск». Ленин отказывается, упирается. Но решение ЦК есть решение ЦК. Стасова не идет ни на какие уступки. Наконец, очень сердитый голос Ленина:

— Когда прикажете приступить к отпуску?

...В марте 1919 года умер Яков Михайлович Свердлов. Ушел из жизни самый большой друг, один из лучших людей, которых она встречала на земле.

Но нельзя было опускать руки. Это была огромная брешь в партийных рядах... Надо было собрать все силы, чтобы запол-

нить ее. Как тогда, когда она мобилизовала сто коммунистов на орловский прорыв. Теперь надо мобилизовать все собственные силы. Она была по-прежнему энергична, деятельна. Поддерживала Клавдию Тимофеевну, жену Свердлова.

Только вечером, на траурном заседании, когда, необычно волнуясь, выступал Владимир Ильич, она не выдержала. И стекла старого пенсне ее затуманились.

...22 апреля 1920 года Владимиру Ильичу Ленину исполнилось 50 лет. Работники Московского комитета партии решили отпраздновать эту знаменательную дату, собраться и пригласить Владимира Ильича.

Ленин, не любивший всяких чествований, был недоволен.

— Я попрошу,— говорил он сердито работникам МК,— вас всех переписать и предложу ЦК наложить на всех партийное взыскание за бесполезную и напрасную трату времени...

Однако его уговорили, и он, хоть с запозданием, но приехал.

Выступали Ольминский, Луначарский, Горький.

Запоздал Владимир Ильич специально, чтобы не слушать «юбилейных» речей.

В этот день Елена Дмитриевна была больна, не могла быть на собрании и лично поздравить Ленина. Но ей хотелось сделать Владимиру Ильичу что-либо приятное, и она разыскала в своих бумагах карикатуру известного сатирика Каррика, на которой был изображен юбилей народника Михайловского. За столом, покрытым сукном, стоял растроганный Михайловский. В одной руке он держал снятое пенсне, в другой — платок, которым только что утирал слезы. Михайловского окружали Южаков, Мякотин, Струве, Калмыкова, а перед столом стояли двое детей: мальчик в матроске и девочка в том возрасте, когда заплетенная косичка напоминает крысиный хвостик. Это «марксята» пришли приветствовать народников.

Елена Дмитриевна, зная, как любит Владимир Ильич посмеяться, вложила карикатуру в конверт. Но приложила к ней серьезное письмо: вот, мол, когда был юбилей Михайловского, мы были еще в детском возрасте, а теперь мы большая партия, и все это благодаря вашей работе, вашему таланту...

Владимиру Ильичу действительно карикатура очень понравилась.

Выступая на собрании, он высмеял юбилейное славословие, кратко обрисовал путь, пройденный партией, сказал о трудностях, перед ней стоящих, и призвал не увлекаться успехами и, главное, никогда не зазнаваться.

А «юбилейную» карикатуру он показал всем присутствующим, не преминув заметить, что получил ее сегодня вместе «с чрезвычайно дружеским письмом...»

Как-то из-за болезни Владимир Ильич пропустил несколько заседаний ЦК. Елена Дмитриевна была очень занята и не могла навестить его. Она встретила Ленина только на очередном собрании.

— Как ваше здоровье, Владимир Ильич? Впрочем, и спрашивать нечего: очевидно, хорошо, потому что глаза хитрые...

Ленин расхохотался.

— Послушайте, товарищи! — сказал он сквозь смех,— послушайте, что Стасова-то говорит! Она говорит, что у меня глаза хитрые...

Как трудно и как легко, как радостно и как весело было с ним работать.

А однажды он дал Елене Дмитриевне срочное и важное политическое поручение. Стасова стала отказываться, ссылаясь на то, что она только организатор и недостаточно сильна в вопросах теории.

— А вы с «Рабочей мыслью» воевали? — спросил ее Ленин.

— Воевала.

— А с «экономистами» воевали?

— Тоже.

— А с меньшевиками?

— Тоже.

— А с ликвидаторами?

— Тоже.

— Тогда,— сказал он уже совсем строго,— идите и выполняйте это поручение...

* * *

Годы... Годы... Годы и встречи. Москва. Петербург. Баку. Серго Орджоникидзе. Нариман Нариманов. Сергей Миронович Киров... Первый съезд народов Востока. Опять Питер. Аппарат Коминтерна...

Смерть Ленина вплела в волосы не одну седую прядь. И кажется, что только вчера она, молодая и энергичная, постучала в дверь его женевской квартиры, и он поил ее чаем и жадно расспрашивал о России...

Годы... Годы... Годы... И ей уже скоро 50... Но по-прежнему пытливы глаза, по-прежнему не угасает энергия...

...Весной 1921 года Елену Дмитриевну Стасову в качестве представителя Коминтерна направили на подпольную работу в

Германию. Уезжая в Германию, она пришла к Владимиру Ильичу за напутствием, за указаниями.

Ленин пристально посмотрел на испытанную, верную свою соратницу. Какой-то момент он пожалел, что так вот неожиданно уезжает она и он, видимо, не увидит ее долгие годы.

— Никаких инструкций я вам не дам,— сказал Владимир Ильич.— Это сделали ЦК и Коминтерн. Я же дам вам только два совета: во-первых, когда вы будете на заседаниях Центрального Комитета КПГ и у вас будут несогласия с его мнением, то не диктуйте свои возражения, а советуйте то, что предлагаете. А во-вторых, обязательно работать в низовой ячейке, потому что таким путем, через низовую ячейку вы будете проверять, как постановления Центрального Комитета воспринимаются и понимаются низовыми организациями и массами. И одновременно вы сможете помочь ЦК исправить то, что неудачно сформулировано...

Так, по ленинскому завету, она и поступала в своей сложной работе. Пять лет работала Стасова как член германской партии. Она — председатель ЦК «Красной помощи» («Rote Hilfe») Германии, член уличной ячейки в округе Моабит в Берлине.

В течение пяти лет Елена Стасова не существовала. В Берлине жила, работала, боролась Лидия Вильгельм — по паспорту, Герта — по партийной кличке. С этим паспортом она дважды принимала участие в выборах в рейхстаг.

Стасова передавала немецким коммунистам опыт русских большевиков. Ближайшим ее другом и соратником был Вильгельм Пик.

...Через пять лет она возвратилась на родину. Нет больше Герты... Она осталась навсегда в памяти далеких берлинских друзей... Она еще встретится с ними через много, много лет...

Елену Дмитриевну Стасову избирают председателем ЦК Международной организации помощи революционерам (МОПР). Крепнет дружба ее с председателем Всемирного Исполкома МОПР — Кларой Цеткин. Они познакомились еще в двадцатом году, на Международной конференции женщин-коммунисток. Да еще в девятнадцатом кто-то из немецких товарищей привез Владимиру Ильичу записку от Клары. Ехал он нелегально, записку пришлось спрятать, и на сгибах она стерлась. Владимир Ильич никак не мог прочитать ее и прислал Елене Дмитриевне с просьбой помочь разобрать полустершиеся строчки.

А потом Ленин поручил послать Кларе весь материал по работе среди женщин... Так началась переписка. Они очень по-

любили друг друга. Елена Дмитриевна всегда восхищалась живостью, энергией, неутомимостью Клары.

...Они часто беседовали, эти две изумительные женщины нашего века. Соотечественница Маркса и соотечественница Ленина. О жизни, о борьбе, о друзьях ушедших и о друзьях молодых... О будущем...

Елена Дмитриевна часто думала, как все же повезло ей в жизни. Какие люди были ее друзьями и соратниками. Ленин... Бауман... Свердлов... Орджоникидзе... Пик... Клара...

Ей уже исполнилось 60. И голова стала совсем седой. Но весь жар своего горячего сердца она отдавала работе. Со всего мира тянулись сквозь решетки руки борцов. Они ждали помощи. И она должна была эту помощь организовать.

...Но одной работы в МОПРе было для нее слишком мало. Она была членом Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна и Центральной контрольной комиссии ВКП(б). Вместе с Роменом Ролланом и Анри Барбюсом она приняла участие в организации Амстердамского Всемирного антивоенного конгресса. Но не получила немецкой визы для проезда в Амстердам.

Она была избрана в состав Всемирного антивоенного и антифашистского комитета и часто ездила по делам комитета в Париж и выступала против войны и фашизма. В 1934 году Елена Стасова председательствовала на Всемирном женском антивоенном конгрессе.

Годы уже перевалили на седьмой десяток, а энергия не убывала. И она была счастлива тем, что так полна жизнь, что тысячам людей нужен ее опыт, ее помощь, ее добрый совет.

...Когда началась война, Стасова потребовала, чтобы ее «призвали» в армию. Чтобы использовали ее знание языков. Но ей было уже почти 70 лет, здоровье ее сильно пошатнулось, и ей предложили временно уехать в тыл. Временно.

Но и в тылу, в Красноуфимске, она ни минуты не сидела без дела. И не было дня, чтобы она не выступала как организатор и пропагандист на заводах и в колхозах.

В феврале 1942 года Стасова уже в Москве. Она редактирует и французское и английское издания журнала «Интернациональная литература». У каждого журнала свое лицо. Стасова прекрасно знает, что интересует читателей Франции и каковы запросы англичан. Она выступает по радио, проводит десятки бесед на предприятиях, ведет обширную переписку.

И опять идут годы. Ей 80 лет. Она уже не редактирует журналов. Но по-прежнему выступает на заводах, выезжает в Ле-

нинград и Киев, встречается с сотнями людей. Пишет свои воспоминания о Ленине, редактирует сочинения Владимира Васильевича Стасова.

В январе 1956 года 82-летняя Стасова в составе советской делегации выезжает в Берлин на юбилейные торжества в связи с 80-летием Вильгельма Пика. Седая Герта вспоминает первые встречи с молодым Вильгельмом в подполье. Она с ним не раз встречалась потом, в Москве, когда он, вынужденный покинуть родину, жил в Советском Союзе, работал в Исполкоме Коминтерна и в МОПРе. Теперь Вильгельм Пик — президент... Какие головокружительные скачки совершаются в истории.

* * *

Елене Дмитриевне 88 лет. Знаменательные дни. XXII съезд партии. Стасова избрана делегатом. Я поздравил ее. И в голосе ее услышал необычайное волнение.

13 октября 1961 года, в канун дня своего рождения, Елена Дмитриевна пришла в Георгиевский зал Большого Кремлевского дворца зарегистрироваться как делегат съезда от московских коммунистов. Сюда пришли лучшие люди столицы. Делегаты-москвичи лауреат Ленинской премии кинорежиссер Г. Н. Чухрай, каменщик В. М. Алексеев и каландровожатый завода «Каучук» А. В. Пономарев расступились, пропуская старейшую большевичку... Она заполняла анкету. «Стасова Елена Дмитриевна, член Коммунистической партии с 1898 года»...

...На партийном съезде Елена Дмитриевна познакомилась с Германом Титовым. Вездесущий корреспондент сфотографировала их за жаркой беседой. Золотые звезды блестели над орденскими планками. Их разделяли во времени десятки лет... И они стояли рядом. И это была живая история нашей великой партии.

...Она скончалась зимой 1966 года. Но я не хочу ничего писать о ее смерти. Для меня она всегда останется живой. О таких людях, как Стасова, сказал поэт:

Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностию: были.

Людмила Пинчук

СТАРШАЯ СЕСТРА

(А. И. Ульянова-Елизарова)

Все познать — и не пасть душою,
Смело за правду бороться с тьмою,
Вот, человек, твоя судьба.
Помни отныне: жизнь — борьба.

Ян Райнис

1895 год был на исходе... Казалось, что семье Ульяновых он уже не предвещал никаких новых испытаний. Мария Александровна жила с детьми в Москве. С ней были Митя, Маняша и Аня с мужем, Марком Тимофеевичем Елизаровым. Володя находился в Питере, снимал комнату недалеко от Сенного рынка, в Большом Казачьем переулке. Он в ту пору числился помощником присяжного поверенного и по назначению суда бесплатно выступал по уголовным делам. И каждый раз, отправляясь на судебное заседание, надевал фрак своего покойного отца Ильи Николаевича...

Домой он писал бодрые и ласковые письма, чувствовалось, что он все еще находится в радушно-приподнятом настроении после удачно закончившейся летней поездки за границу, где впервые познакомился с Плехановым...

И вдруг опять беда. В декабре Анне Ильиничне стало известно, что Володя арестован.

Сестре вспоминалось, как совсем недавно, поздней осенью, она с матерью гостила у брата.

Владимир Ильич выглядел тогда нехорошо — похудел, был бледен и чем-то не на шутку взволнован. Однажды, оставшись наедине с сестрой, он предупредил, что за ним следят.

— Если меня арестуют,— сказал Владимир Ильич почти шепотом,— прошу тебя, Анюта, не пускай маму в Питер... Ей будет тяжело...

I

...Сегодня четверг, и на свидание пришла Анна Ильинична. Медленно пробираясь сквозь толпу, мимо длинного ряда клеток, она внимательными глазами ищет брата.

— Володя! — раздается звонкий голос, и молодая женщина в темной шубке со скунсовым воротником, в меховой шапочке останавливается у одной из решеток.

— Я здесь, Анюта, я вижу тебя...

Увидев Владимира Ильича, Анна Ильинична радостно, счастливо улыбается...

— Как ты себя чувствуешь, Володя? — спрашивает она.

— Преотлично, Анечка! Спасибо... Расскажи, что на воле...

Наблюдающему со стороны могло показаться, что брат и сестра ведут непринужденный, ничего не значащий пустой разговор. Но как много смысла было в каждом произнесенном ими слове. Мысль Анны Ильиничны все время была напряжена до предела — за короткий час свидания надо много рассказать брату, а еще больше надо было запомнить, чтобы в точности передать все, что он ей сейчас скажет.

— В субботу принесу тебе книги,— говорит Анна Ильинична, выслушав все поручения и прощаясь с Владимиром Ильичем.

...Дома, немного отдохнув, она уходит в свою комнату и внимательно просматривает возвращенные Владимиром Ильичем книги. На самом дне саквояжа оказался журнал «Научное обозрение». Анна Ильинична быстро достает его, открывает первую страницу и сразу успокаивается. Она находит наконец еле заметный, ей одной понятный карандашный знак. Отыскивает седьмую страницу и там, над седьмой буквой первой строки, замечает такой же еле видимый карандашный значок. Перемножив цифры, Анна Ильинична открывает сорок девятую страницу, аккуратно вырывает ее и зажигает настольную керосиновую лампу. Потом она подносит вырванный листок к подогретому стеклу, и постепенно между книжными строчками четко выступают строки хорошо ей знакомого характерного Володиного почерка...

Книги для сидевших в доме предварительного заключения принимались по субботам и средам. В пять часов вечера к дверям тюремной канцелярии подъезжала на извозчике молодая дама с большим тяжелым саквояжем в руках. Он был битком набит книгами, журналами, статистическими сборниками, которые Анна Ильинична специально подбирала в библиотеке Вольно-экономического общества, Академии наук и в других книгохранилищах. Владимир Ильич понимал, каких трудов это стоило, сколько хлопот это доставляло сестре. «Я очень боюсь, что причиняю тебе слишком много хлопот,— писал он ей 16 января 1896 года.— Пожалуйста, не трудись чересчур — особенно относительно доставки книг по списку: это все успеется, а сейчас у меня книг довольно». Но Анна Ильинична знала, как нужны эти книги брату, она знала, что он много и настойчиво работает над большой, важной книгой, которая впоследствии выйдет под названием «Развитие капитализма в России».

Анна Ильинична была в курсе работы брата, следила за всеми ее этапами, знала каждую главу, вместе с родными придумала и подсказала Владимиру Ильичу название книги. Поначалу автор хотел назвать свою работу строго научно, академично: «О внутреннем рынке для крупной промышленности и о процессе его образования в России».

«Это слишком тяжелое название,— писала ему Анна Ильинична и советовала: — Надо назвать проще...»

К осени 1898 года, будучи уже в ссылке, в Шушенском, Владимир Ильич закончил черновой вариант книги. Нужно было думать теперь об ее издании.

И тут, как всегда, на помощь пришла старшая сестра. Это она связывается с известной тогда издательницей М. И. Водовозовой, добивается от нее согласия взять на себя издание работы Владимира Ильича. В марте 1899 года Анна Ильинична уже в Петербурге, чтобы лично проследить за печатанием книги, самой прочитать корректуру.

...На Большой Морской улице под номером шестьдесят один стоит большой солидный дом. Там мраморные лестницы покрыты коврами, а в подъезде днем и ночью дежурит швейцар в расшитой золотом ливрее. В доме помещается канцелярия Горемыкина, министра внутренних дел, ведавшего всей полицией и жандармерией, всеми тюрьмами Российской империи и цензурой. Рядом с ним находилось другое здание. Невзрачное, в два этажа. У входа в полуподвал этого здания поблекшая вывеска: «Типография А. Лейферта. При скромной администрации, принимает к набору и печати по крайне дешевым ценам, как-то:

книги, брошюры, объявления, журнал и всевозможные конторские бланки». Здесь-то, под самым носом у Горемыкина, и печаталась книга В. Ильина «Развитие капитализма в России». Здесь-то при тусклом свете керосинки вечерами читала корректуру ее Анна Ильинична Ульянова.

II

Каждый раз, приезжая в Петербург, Анна Ильинична старалась побывать у Александры Михайловны Калмыковой, книжный склад которой был известен всему просвещенному Петербургу. Он находился на Литейном проспекте, недалеко от Невского. При складе находилась и квартира Александры Михайловны.

Вдова сенатора, важная светская дама, Александра Михайловна Калмыкова была связана с рабочим движением, у нее часто собирались молодые марксисты. С Владимиром Ильичем Калмыкову связывала давняя дружба, начавшаяся вскоре после первого его приезда в Питер...

Александра Михайловна была дружески расположена ко всем Ульяновым. Находясь в гуще событий общественно-политической жизни, она сообщала Анне Ильиничне о важнейших событиях, а та передавала эти сведения при помощи «химии» Владимиру Ильичу.

Так было и на этот раз.

«Разведаю о последних новостях, узнаю о книжных новинках»,— говорила сама себе Анна Ильинична, направляясь к вдове сенатора...

— Здравствуйте, голубушка. Сколько лет, сколько зим! — радостно восклицает Калмыкова и спешит навстречу Анне Ильиничне.

Всегда деятельная, всегда чем-то занятая — то преподаванием в вечерней рабочей школе, то книжным складом, то тайными связями с марксистами,— Александра Михайловна выглядела молодо и была неожиданно подвижной в свои пятьдесят лет.

Она усадила Анну Ильиничну за большой круглый стол, покрытый желтой чайной скатертью, стала хлопотать у самовара.

— У меня для вас есть важная новость,— воскликнула Александра Михайловна.— Я покажу вам один документик... Мне его студент знакомый принес,— прибавила доверительно Александра Михайловна.— Он получил его у мадам Кусковой...

Калмыкова протянула Анне Ильиничне несколько листков, отпечатанных на «Ремингтоне».

Анна Ильинична знала Кускову, эту бойкую даму, работавшую переписчицей у известного петербургского адвоката Плевако.

Она пробежала начало первой странички, вдруг нахмурилась и дальше стала читать внимательнее, вдумываясь в каждое слово.

— Что это такое?.. Странные, очень странные вещи тут написаны,— сказала Анна Ильинична, дочитав документ до конца.— Рабочим, стало быть, политика недоступна? Им надо ладить с хозяином? Выпрашивать у него по копейке... Так вот, значит, какое «кредо» этих «молодых»! — с гневом заключила она.

— Как это вы назвали? — переспросила Александра Михайловна.

— «Кредо»,— ответила Анна Ильинична.— Их, так сказать, верую... Их убеждения...

— Может, следует все-таки оповестить об этом Владимира Ильича? — в раздумье сказала Александра Михайловна.— Ведь это взгляды не только мадам Кусковой. За ней уже целая группа... Возможно, и немалая...

— Разумеется, следует,— решительно ответила Анна Ильинична и спрятала листки в свой ридикюль.

Она собралась уходить. Решила было выйти прямо на Невский, там сесть на конку и поехать на Николаевский вокзал. Но только вышла из ворот, как увидела человека в потертом пальто и сдвинутом набекрень высоком картузе. Примостившись у стены дома на противоположной стороне, он делал вид, что увлеченно читает газету. Анна Ильинична остановила кстати подвернувшегося извозчика, быстро вскочила на высокие ступеньки коляски, закачавшейся на мягких рессорах.

— По Литейному! — приказала она.— Только быстрее, пожалуйста, я очень тороплюсь...

Извозчик, лихо прокатив ее по прямому проспекту, свернул по набережной Невы и, сделав почти круг, вдруг остановился.

— Куда дальше прикажете, сударыня?

Анна Ильинична оглянулась и, убедившись, что шпик не увязался, расплатилась с бородатым извозчиком и неторопливо пошла по тротуару.

«Боже мой! Да ведь это Шпалерная! — чуть не вскрикнула она.— Страшное место!» Вот и угрюмый, закрытый дом, где в глухих, будто ослепших окнах никогда не мелькнет живое лицо.

Знакомый дом предварительного заключения! Острая боль пронзила ее сердце, и в памяти явственно, во всех подробностях пронеслись дни ее петербургской юности, весь тот кошмарный 1887 год...

III

Ане Ульяновой было девятнадцать лет, когда она осенью 1883 года приехала в Петербург, чтобы поступить на Высшие женские Бестужевские курсы. В столице ее ожидал уже брат Саша, зачисленный к тому времени студентом естественного факультета Санкт-Петербургского университета. Александр снимал небольшую комнату у доброй, ласковой старушки на Съежинской улице. Аня же поселилась поближе к курсам, на Сергиевской.

Старший брат Александр занимал в ее жизни особое место. Сила его характера, высокие нравственные убеждения, воля и удивительное личное обаяние оказывали влияние на всех членов семьи Ульяновых, но особенно на Анну Ильиничну. Она ведь и по годам была ближе к Саше. С раннего детства они были неразлучны в играх, потом читали одни и те же книги, обсуждали их, спорили и вот вместе приехали учиться.

Будни молодых Ульяновых были заполнены занятиями, научными и общественными интересами, их сердца были открыты всему, что волновало тогда передовое студенчество.

Прошло два года после того, как они приехали в Петербург. И вот бестужевки и студенты университета решили торжественно поздравить великого русского сатирика Салтыкова-Щедрина с днем рождения. Писатель был уже стар, тяжко болен, почти забыт. Молодежь, однако, по-прежнему любила его и решила порадовать старика. Анна Ильинична набросала проект приветствия, который одобрили все бестужевки. В самую последнюю минуту, однако, стало известно, что из-за болезни Михаил Евграфович не может принять делегацию. Девушки все же не растерялись и передали цветы и приветствие его жене.

На следующее утро начальница курсов Н. В. Стасова вызвала к себе Анну Ульянову.

— Вчера вечером я видела Михаила Евграфовича,— сказала она девушке.— Писатель был очень тронут адресом курсисток. Это было самое теплое и сердечное приветствие. Не скрою,— добавила Надежда Васильевна,— мне было очень приятно услышать это.

И она крепко пожала Ане руку.

В тот же день она рассказала об этом Саше.

— Это ты, Анечка, написала адрес? — спросил он, одобрительно улыбаясь.

Через год Аня вместе с Сашей участвовали в большой студенческой демонстрации. Это было 17 ноября 1886 года, в день двадцать пятой годовщины со дня смерти Добролюбова. С песнями и венками молодежь направилась к могиле рано умершего властителя дум. Но у самых ворот Волкова кладбища путь им преградили казаки. Орудуя нагайками, они разогнали студентов, не подпустив их к могиле писателя...

Аня знала, что Саша всегда в университете. Либо он ставит опыты в лаборатории, либо сидит на лекциях, или читает в библиотеке. Он много и углубленно работал, и уже кругом поговаривали о том, что со временем молодой Ульянов обещает стать выдающимся русским естественником, крупным оригинальным ученым. Между тем никто не знал, что этот талантливый студент, краса и гордость Петербургского университета, уже получивший за свою курсовую работу золотую медаль с надписью «Достойнейшему», был одним из руководителей подпольной террористической организации «Народная воля», которая в глубокой тайне готовила покушение на самого императора Александра III.

Не знала об этом и Анна Ильинична. Брат оберегал ее, считал, что он не вправе вовлекать сестру в такое опасное дело.

...День 1 марта был воскресеньем. Обычно праздничные дни Саша и Аня проводили вместе. Все утро девушка ждала брата, а он не шел. Неожиданно явилась подруга и с ней товарищ Саши по университету Марк Елизаров. Большой, с добрыми близорукими глазами. Густая русая борода придавала ему солидность. Так и не дождавшись Сашу, все втроем отправились погулять. На углу Литейного Марк купил Ане первые фиалки...

А Саша так и не показывался...

Вечером, обеспокоенная неожиданным отсутствием брата, Аня решила сама пойти к нему. Увидев еще на улице свет в окнах, она обрадовалась: значит, Саша дома.

Позвонила. Дверь открыл полицейский.

— Фамилия? — грубо спросил он девушку.

— Ульянова,— ответила Аня.

— Вы арестованы,— объявил полицейский и с силой захлопнул за нею дверь.

Ее отвезли в охранное отделение, на Гороховскую улицу, а через сутки — в дом предварительного заключения. Сашу — сразу в Петропавловскую крепость. И больше она его никогда не видела.

На рассвете 8 мая 1887 года Александр Ульянов был казнен...

Анна Ильинична шла по Шпалерной, рыдания подступили к ее горлу.

«...Саша! Родной! — шептала она про себя.— Лучше тебя, благороднее тебя нет человека на свете... Солнышко мое ненаглядное...» Она повторяла строки из письма, которое когда-то написала брату из заключения.

Этого письма он не получил. «А потом приехала мама! Наша удивительная, дорогая, любимая мама... Ты навещала нас в тюрьме — меня и Сашу. Ты была у него на свидании, и он, обнимая твои колени, плакал. Он просил у тебя прощения, говорил, что любит тебя, любит всех нас, но долг перед Родиной... Он просил тебя принести ему томик Гейне...»

Слезы текли по щекам Анны Ильиничны, она не в силах была сдержать их, как не могла свернуть с этой нескончаемой Шпалерной.

«Когда Сашу казнили, ты пришла ко мне в камеру. Пришла спокойная, гордая, и только руки твои чуть-чуть дрожали. Ты пощадила меня... А я ничего не поняла, лишь удивилась, почему тюремщики так низко и уважительно поклонились тебе, нашей матери.

...А восемь лет спустя после той страшной Сашиной казни ты снова приехала в Петербург, снова пришла к этому дому на Шпалерной... Володя просил не пускать тебя. Но ты вновь пошла на свидание туда, в этот жуткий дом, куда на время суда Саша был перевезен из Петропавловской крепости... Здесь ты видела сына, приговоренного уже к смертной казни... На этот раз ты шла к младшему сыну, к Володе. Спокойная. Ты улыбалась, мама, чтобы не взволновать, не причинить страдания сыну... Сколько же ты пережила, мама! Смерть Оли, ссылку Володи, арест Мити... И никогда, ни разу мы не слышали от тебя ни жалобы, ни слова упрека... Мама! Наша дорогая мамочка! Какое счастье, что ты у нас есть...»

IV

...Анна Ильинична благополучно прибыла в Подольск... Вот уже несколько месяцев, как она вместе с матерью, Митей и Маняшей жили в этом небольшом городке под Москвой. Вот только

М. И. Ульянова
с матерью Марией Александровной

Л. Н. Сталь

А. И. Ульянова-Елизарова

Марка нет. Он в Москве, по горло занят на службе... При мысли о муже Анну Ильиничну охватило теплое, радостное чувство...

Он пришел к ним сразу после Сашиной казни, когда не только знакомые, но и родственники отвернулись от семьи Ульяновых. Потом, два года спустя, он приехал на хутор Алакаевку, что недалеко от Самары, и сделал ей предложение. Легко и просто вошел он в их семью. И сразу стал очень нужным всем, очень надежным другом и Володе, и Маняше, добрым и разумным советчиком мамы, которая сразу, как сына, полюбила этого на вид неловкого, большого и нескладного Марка.

...Вот и городской парк, дача № 3, знакомый садик со взрыхленной клумбой и не распустившимися еще кустами жасмина. Анна Ильинична через террасу вошла в столовую. Здесь, как всегда, было чисто и уютно. Ни одной лишней вещи. Обеденный стол под белоснежной накрахмаленной скатертью, висячая лампа, стенные часы с тяжелым маятником. Вдоль стены мамино пианино с профилем Моцарта. Как быстро умела семья Ульяновых обживаться на новом месте! Заботами матери любые стены становились родным, уютным домом.

Вечером Анна Ильинична писала в Шушенское зашифрованное письмо. Она сообщала Владимиру Ильичу о «Кредо» Кусковой. Выбрав самую скучную по заглавию книгу, разрешенные цензурой какие-то экономические очерки, Анна Ильинична поставила на заглавном листе едва заметную условную точку. Володя увидит ее и все поймет...

V

...Их дружба началась давно, в маленькой деревушке Кокушкино, что в сорока километрах от Казани. Туда Анна Ильинична была сослана после своего ареста и казни Саши. Ей удалось тогда выдержать только благодаря заботам матери и моральной поддержке Володи.

Событием их кокушкинской жизни всегда было получение почты из Казани. С нетерпением раскрывали они с Володей «пещер» — большую плетеную корзину, в которой обычно пересылались письма, книги, журналы и газеты «Русская мысль», «Неделя», «Казанская газета»...

В длинные зимние вечера, когда Мария Александровна уже давно спала, уложив младших детей, Аня с Володей допоздна засиживались за книгами или тихонько беседовали. Но чаще всего Аня сидит, бывало, и думает...

...Отец и мать Ульяновы воспитывали детей в уважении к народу. Родители учили детей сочувствию беднякам-крестьянам, бесправным инородцам... Аня помнила, как по целым неделям, а то и месяцам они ждали приезда отца, инспектора народных училищ. В пургу и холод, в зимний гололед и в весеннюю распутицу он разъезжал по Симбирской губернии и открывал там школы для крестьянских ребятишек. Дети Ульяновых рано научились понимать, что чувство долга — это самое высокое и благородное, чему все должно приноситься в жертву...

Моральная атмосфера в семье Ульяновых, пример отца и матери способствовали тому, что у детей очень рано пробудилось желание жить достойно, помогать людям, быть полезными народу. Аня тоже очень рано прониклась стремлением жить для народа. Окончив с серебряной медалью Мариинскую женскую гимназию в Симбирске, она тут же подала попечителю Казанского учебного округа прошение, в котором просила выдать ей свидетельство на право преподавания в школе. Такое свидетельство ей было выдано, и она два года проработала помощницей учителя в Симбирском мужском приходском училище, обучала грамоте детей городской бедноты. После уроков молодая учительница регулярно навещала своих учеников на дому и тут во всей неприглядности увидела, в какой бедности жил народ. И уже учась на Бестужевских курсах, она не раз хотела бросить Петербург, вернуться в родной Симбирск, снова пойти в школу и хотя бы чем-нибудь облегчить участь народа, помочь ему выбраться из тьмы невежества...

Анна Ильинична вспомнила Казань, куда им разрешили переехать из Кокушкина. Следующей зимой они поселились в доме Орловой, недалеко от Арского поля. Там почему-то было две кухни. Володя выбрал одну из них, самую маленькую и отдаленную, и целыми днями просиживал в ней за своими книгами. Здесь он начал серьезно изучать I том «Капитала» Маркса. По вечерам Аня спускалась к нему, и Володя, усевшись на устланную газетами плиту, с воодушевлением объяснял ей основы экономической теории Маркса. При этом он усиленно жестикулировал и несколько раз повторял:

— Только учение Маркса может привести рабочий класс к победе!

...Кокушкино, Казань, хутор Алакаевка, Самара — где бы ни приводилось им быть вместе, Аня не переставала учиться у брата. Вот даже недавно, перед самым арестом Владимира Ильича, когда Аня приехала в Петербург, он обучал ее, уже члена московского «Союза борьбы за освобождение ра-

бочего класса», как вести агитацию и пропаганду среди рабочих...

Время, проведенное вместе с Владимиром Ильичем, не прошло для Анны Ильиничны даром.

В 1893 году кончился срок ее первой ссылки, ей разрешили вместе с М. Т. Елизаровым поселиться в Москве. Она приехала в древнюю русскую столицу убежденной и стойкой марксисткой.

Елизаровы поселились в доме № 19 по Яковлевскому переулку, недалеко от Курского вокзала. В один из сентябрьских вечеров, когда Анна Ильинична сидела за переводом стихов Гейне, в их квартиру вошел молодой человек.

— Мицкевич Сергей Иванович,— отрекомендовался он.— Ваш адрес мне дал Владимир Ильич в Нижнем Новгороде, где мы с ним познакомились этим летом.

Сергей Иванович был одним из руководителей первых марксистских кружков в Москве. Он вел кружок на заводе Гоппера...

— Рабочие начинают думать,— рассказывал он Анне Ильиничне.— Они спрашивают: почему установился такой порядок на земле? И нельзя ли его изменить?.. Тем, кто начинает думать, я даю книги... Кстати, Владимир Ильич сказал мне, что у вас имеется перевод пьесы Гауптмана «Ткачи», может, дадите посмотреть?..

Анна Ильинична принесла толстую тетрадь в сафьяновом переплете.

— Я переводила, а Володя редактировал,— заметила Анна Ильинична, передавая Мицкевичу аккуратно переписанную рукопись.

— Мы ее обязательно напечатаем... Раздадим рабочим...— говорил Сергей Иванович.

Вскоре московские подпольщики получили пьесу, отпечатанную на гектографе. Это было первое произведение художественной литературы, где главным героем выступал рабочий класс, восставший и боровшийся за свои права.

Квартира Елизаровых стала местом встреч московских подпольщиков. Умело соблюдая все правила конспирации, Анна Ильинична устанавливала связи с московскими предприятиями, писала листовки и воззвания. Марк Тимофеевич работал вместе с ней. Это он помог московским подпольщикам получить из Вильно первый мимеограф — печатный аппарат для размножения литературы...

...Женева, Берлин, Париж.

Анна Ильинична ездила в эти города и по поручению

Владимира Ильича связалась с группой «Освобождение труда», познакомилась с Плехановым, потом помогала в издании и распространении «Искры».

И снова Россия.

Умело и ловко преодолевая все опасности подпольной работы, Анна Ильинична налаживала связи с местными партийными организациями, ведала транспортировкой нелегальной литературы, собирала деньги для нужд партии. Блестящий конспиратор, она ловко водила за нос агентов царской охранки, часто меняла города, неожиданно появляясь то в Томске, то в Самаре, то в Киеве, а то в Петербурге... И также незаметно, не оставляя никаких следов, исчезала...

В России ее ожидало важное задание Владимира Ильича: ей он поручил подыскать издательство для опубликования его новой книги «Материализм и эмпириокритицизм». Надо было обеспечить сохранность рукописи, прочитать корректуру, организовать распространение книги.

Трудностей было много: как переслать рукопись? В ней четыреста страниц, исписанных от руки, в единственном экземпляре. Это плод многолетних раздумий, огромной исследовательской работы. Нелегко решиться на такой риск и послать в Россию такой труд в момент беспощадного разгула самой черной реакции. И все же книга должна быть издана в России и распространена. Анна Ильинична, видимо, и не подозревала, что, взявшись выполнить поручение брата, она решилась и совершила подвиг беззаветного мужества. Нужно было прежде всего найти надежный адрес. Посылать рукопись прямо Анне Ильиничне — опасно и неразумно. Адрес был найден — Владимир Ильич высылает рукопись на имя Вячеслава Александровича Левицкого, друга семьи Ульяновых, с которым он познакомился в июле 1900 года в Подольске.

...Полгода длились треволнения Анны Ильиничны, все эти страхи за сохранность рукописи, за набор. Полгода кропотливого труда потратила она на чтение и сверку корректур, на пересылку их Владимиру Ильичу для просмотра. «Книгу твою читаю (прочла больше половины),— сообщает она брату.— Чем дальше, тем все интереснее... Многие нападки на философов, их тарабарщину и т. п., хотя крайне резкие и тебе за них достанется, но, с твоей точки зрения, последовательны и полезны...»

А Владимир Ильич торопит с выходом книги. Он пишет сестре: «...мне *дьявольски* важно, чтобы книга вышла скорее. У меня связаны с ее выходом не только литературные, но и серьезные политические обязательства».

Подвиг совершен. Книга отпечатана. Анна Ильинична с надежной оказией отправила автору первые экземпляры. Она хлопотала о том, чтобы весь тираж как можно скорее был распространен по России.

VI

Темной ноябрьской ночью к перрону саратовского вокзала подошел поезд. Окна вагонов были залеплены мокрыми хлопьями снега. Тусклые фонари на перроне слабо освещали небольшую группу встречающих. Прохаживались, позванивая шпорами, жандармы. Из вагона вышла пожилая женщина. Строгое красивое лицо было обрамлено белыми, как в снегу, волосами, выбившимися из-под маленькой шляпы. Следом за ней из того же вагона вышла другая женщина, средних лет, в темной шубке, в шляпке, густая вуалетка скрывала ее лицо. Грузный мужчина помог женщинам выйти из вагона.

...А несколько дней спустя на стол начальника саратовской охранки полковника Семигановского легло донесение агента:

«В Саратов прибыли большевики М. Т. Елизаров и А. И. Елизарова, сестра В. И. Ленина, вместе с М. А. Ульяновой, матерью В. И. Ленина. По приезде Елизаровы установили связь с революционными деятелями».

В годы реакции саратовская большевистская организация была разгромлена, и теперь, прибыв в этот тихий город на Волге, Ульяновы начали ее восстанавливать. Они связались с рабочими механического завода Беринга и гвоздильного Гантке, создали там кружки, наладили снабжение нелегальной революционной литературой.

На имя Анны Ильиничны приходит партийная литература, которая хранится в третьей народной читальне Саратова. Однажды на ее имя был адресован груз весом в два пуда девять фунтов с надписью «Домашние вещи». Груз этот состоял из книг, запрещенных к распространению, издания 1903—1907 годов, в количестве около четырехсот семидесяти экземпляров. Письмо, посланное в адрес Анны Ильиничны с сообщением отправителя груза с нелегальной литературой, было перехвачено агентурой Саратовского охранного отделения. Начались спешные запросы и донесения департаменту полиции.

...Шаг за шагом при помощи Ульяновых весной 1911 года саратовская партийная организация была восстановлена.

Но в организацию все же проник провокатор. Он-то и помог саратовской охранке напасть на след Ульяновых.

...Был поздний вечер. В доме, как всегда, было тщательно прибрано. Анна Ильинична читала, Мария Александровна спала, а Маняша, уютно примостившись в кресле, вышивала гладью дорожку для пианино. Часы пробили полночь, и сестры уже стали собираться спать. Вдруг раздался резкий настойчивый звонок. Анна Ильинична встала, направилась к двери, но не успела дойти до прихожей, как сильный удар в дверь заставил ее вернуться в комнату. Услыхав настойчивый стук в квартиру, Анна Ильинична, конечно, догадалась, что ей и сестре не избежать встречи с представителями власти.

Но появление полиции не испугало ее. Она спокойно подошла к большой кафельной печке, открыла дверцу, заложила туда бумаги и чиркнула спичкой.

Удары в дверь становились все сильнее и настойчивей.

— Именем закона откройте! — раздавались голоса.

И только когда Анна Ильинична убедилась, что в голландке погас синий огонек, она пошла открывать дверь.

Полицейские ворвались в квартиру и сразу же увидели свежий, разбросанный возле печи пепел...

— Сожгла! Не успели,— со злобой произнес околоточный. Он раздосадованно раскричался на больную Марию Александровну и запер ее в отдельную комнату.

Всю ночь продолжался обыск. Полицейские перерыли все на кухне, содрали чехлы с мебели, вспороли все подушки и матрацы.

Анна Ильинична была спокойна. Только когда полицейский приказал открыть чердак, она почувствовала, как кровь отхлынула от ее лица.

...Накануне, зная, что за дочерьми следят, Мария Александровна попросила домашнюю работницу Машеньку Сорокину, преданного друга всей ульяновской семьи, спрятать там небольшую корзинку с письмами Владимира Ильича. Маша поднялась на чердак и заложила корзинку глубоко в опилки...

Неужели они найдут ее? Анна Ильинична не спускала глаз с лестницы, приставленной к чердаку.

— Ничего нет, ваше благородие, обыскал весь чердак,— доложил пожилой солдат, слезая с чердака и стирая с лица паутину,— весь он был перепачкан трухой и пылью.

Утром жандармы вывели на улицу двух сестер Ленина и отвезли их в саратовскую тюрьму. Это был четвертый арест Анны Ильиничны.

Однако серьезных улик против Анны Ильиничны не оказалось, и две недели спустя, в самом конце мая 1912 года, она была освобождена.

Из Саратова Анна Ильинична уехала в Петербург и сразу окунулась в привычную для нее партийную работу. Анна Ильинична была одаренным человеком. Она знала пять языков и обладала большими литературными способностями. В детстве и юности Анна Ильинична писала стихи, рассказы, детские повести. Она переводила Гейне, Гауптмана, итальянских и болгарских писателей. В молодости Анна Ильинична издала несколько интересных книг для детей. Особой любовью пользовались ее рассказы «Дружба в мире животных». Маленькие читатели очень любили и другую книгу Анны Ильиничны — перевод повести итальянского писателя Эдмондо д'Амичиса «Школьные товарищи».

Читая эти добрые, несколько, может быть, наивные книги, трудно поверить, что они были написаны той самой женщиной, которая сотрудничала в большевистской «Искре», писала статьи в «Приволжской газете», работала секретарем политического журнала «Просвещение». Особенно проявился литературный и редакторский талант Анны Ильиничны, когда она работала в «Правде» и в редакции «Работницы».

...Каждое утро Анна Ильинична выходила из дому и трамваем ехала на Ивановскую улицу, где в 1914 году находилась редакция «Правды». Она входила в свою комнатку, садилась за стол, сплошь заваленный бумагами, статьями, гранками, и принималась за работу: читала письма, правила корректуру, беседовала с посетителями. Часто приходил к ней Ефим Алексеевич Придворов — полный, круглолицый, с вечной трубкой в зубах. Он доставал из кармана новые басни, подписанные псевдонимом «Демьян Бедный» или «Солдат Яшка — медная пряжка», подавал их Анне Ильиничне, с волнением ожидал приговора редактора.

Закончив дела в «Правде», Анна Ильинична — опять же трамваем — ехала в другой конец города, на Пантелеймоновскую улицу, где в то время печатался журнал «Работница».

Приступив к изданию первого женского пролетарского журнала, редакция «Работницы» пообещала своим читательницам выпустить первый номер к Международному женскому дню — 8 марта 1914 года. Но за несколько дней до выхода журнала вся редколлегия, собравшаяся на заседание, была арестована... Анна Ильинична задержалась дома и на заседание опоздала... Это спасло ее от ареста. Но теперь на ее плечи легла вся тяжесть

выпуска журнала. Благодаря ее энергии, настойчивости и, конечно, удивительной работоспособности первый номер «Работницы» вышел в срок — к Международному женскому дню...

Литературную работу Анна Ильинична не покидала и после победы Октября. Она редактировала журнал «Ткач». Многие ткачихи и ткачи тех лет заучивали на память ее стихи, опубликованные в этом журнале.

С 1921 года Анна Ильинична стала членом редколлегии журнала «Пролетарская революция». Много душевных сил отдала она журналу, о котором писала: «...без него не обойдется ни одно историческое исследование о пролетарском движении».

И уже совсем больная, лежа у себя дома, на Манежной улице в Москве, или сидя в кресле у окна в Горках, она продолжала редактировать книги, выходившие в серии «Воспоминания старого большевика». Перу Анны Ильиничны принадлежат такие вошедшие в золотой фонд советского мемуарного жанра книги, как «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.», «Воспоминания о В. И. Ленине».

Владимир Ильич горячо любил и уважал свою старшую сестру, ценил независимость ее взглядов, образованность, преданность партийному делу.

Анна Ильинична была не только его другом, помощником и единомышленником, но и хранительницей традиций этой удивительной ульяновской семьи.

Старшая сестра Ленина! В ней, как и во всех Ульяновых, горел упорный дух и неукротимая воля чудесного и могучего революционного огня.

Роза Ковнатор

ПОМОЩНИЦА ИЛЬИЧА

(М. И. Ульянова)

Мария Ильинична просто была интеллигентным человеком, в ее духовном облике была чеховская задумчивость...

Николай Погодин

С М. И. Ульяновой я познакомилась летом 1920 года, когда стала работать в женотделе Московского комитета партии.

Заведующая женотделом С. Н. Смидович сказала мне: «Вы будете работать «организатором печати». А что будет входить в ваши функции, вам расскажет Мария Ильинична».

При первом же свидании Мария Ильинична покорила меня своим обаянием, товарищеской простотой. Она обращалась с собеседником без малейшего подчеркивания своего превосходства — возрастного, общественного, служебного.

Мария Ильинична увлекательно говорила о том, какую важную роль должна сыграть женская печать.

К этому времени работа среди пролетарок стала серьезной частью всей деятельности партии в массах.

Мария Ильинична была редактором единственной тогда женской газеты «Работница и крестьянка», издававшейся в Москве. Она являлась организатором и редактором первых еженедельных «женских страничек» при «Правде» и «Коммунистическом труде» (орган Московского комитета партии).

Мария Ильинична была на редкость деликатным человеком. Она презирала зазнайство, лень; как личное оскорбление, воспринимала грубость и подхалимство. Но зато как радовалась она хорошей работе, как уважала бескорыстную преданность общественному делу! Ее внимательность, терпеливость запомнились на всю жизнь.

Я была тогда молодой коммунисткой, только начинавшей свою журналистскую работу. Авторитет Марии Ильиничны стоял для меня на недосягаемой высоте, и я, разумеется, охотно выполнила бы всякое ее указание. Но Мария Ильинична никогда не подавляла своим авторитетом работающих с ней товарищей. Когда намечался очередной номер газеты, она советовалась с сотрудниками по поводу любого материала. Мария Ильинична не раз даже журила меня, когда, бывало, скажу: «Ведь вы читали, зачем мы еще будем обсуждать?»

Ей принадлежала идея создания «литературных коллегий». Она придавала им огромное значение и видела в них средство разбудить народную инициативу.

— Без массы наша печать мертва,— утверждала Мария Ильинична.

Задачи «литературных коллегий» были сформулированы в словах весьма энергичных и выразительных:

«Под сенью литературных коллегий объединяются рабочие и работницы для мощной и меткой борьбы печатным словом с разрухой и со всеми паразитами, проделывающими свои делишки в наших пролетарских учреждениях и предприятиях... Те тормозы, которые у нас еще имеются: саботаж, несознательность и проч.— извлекаются... на свет, в печать, *дабы саботирующие подтянулись, дабы несознательным было стыдно своей несознательности...*» (Курсив мой.— *Р. К.*)

Разумеется, деятельность «литературных коллегий» не ограничивалась только негативными задачами; выдвигалась и положительная программа:

«На страницах печати мы выпукло оттеняем доблесть и самоотверженность тех учреждений, фабрик и заводов, которые блестяще справились со своими задачами».

Эти «литературные коллегии» являлись своего рода коллективным корреспондентом газеты.

9 июня 1920 года в «Правде» была опубликована статья М. Ульяновой «О литературных коллегиях», в которой она писала, что привлечение к сотрудничеству в газетах рабочих и работниц давно уже «остро» стоит перед московской организацией. Мария Ильинична была инициатором создания специаль-

ных «литературных коллегий» из работниц, на первых порах при женотделах. Организация их должна была явиться одной из моих обязанностей.

По совету Марии Ильиничны были созданы «группы печати» при делегатских собраниях. На некоторых — на Красной Пресне и в Бауманском районе — она сама выступала, доходчиво и интересно рассказывая о задачах советской печати. Делегатки в свою очередь делились своими думами. Помню, выступила одна пожилая работница. «В жизни испытала я слезы и горе, и унижение, что колодец глубокий. Да как об этом рассказать, ведь грамоте только сейчас, в делегатках выучилась». Мария Ильинична потом беседовала с этой женщиной, узнала, где она работает, записала ее адрес.

И в нашей газете и в «женских страничках» печаталось много заметок работниц, делегаток. Мария Ильинична неизменно говорила, что заметки не надо «причесывать», они должны хранить печать индивидуальности автора. Сама она за каждой корявой, полуграмотной запиской умела видеть живого человека с его горем и надеждами.

* * *

В феврале 1921 года проходила Московская конференция работниц и крестьянок.

Едва она открылась — в президиум посыпалась туча записок — и все об одном: увидеть, услышать Ленина. Ленин не мог приехать — все эти дни он был очень занят.

«Не можем мы дальше жить без фартуков. Если из-за разрухи нельзя дать, пусть об этом скажет вождь мирового пролетариата товарищ Ленин»,— писали работницы с Казанской железной дороги.

«Просим Вас, товарищ Ленин, пускай нам в Белевскую волость пришлют самостоятельных учительниц»,— просили крестьянки.

«Не можем мы стерпеть такого сраму, не увидеть наше дорогое солнышко, товарища Ленина. Что про нас скажет, что подумает народ?» — писали другие.

Что делать? Софья Николаевна Смидович послала меня с несколькими работницами к Марии Ильиничне. Мы показали записки и, разумеется, просили, просили... Мария Ильинична говорила, что «постарается», может быть, на вечернее заседание Ленин приедет на самое короткое время.

Обеденный перерыв на конференции был с 3 до 5 часов. Решили устроить обед в 2 часа. Делегатки ушли возбужденные,

окрыленные надеждой вечером увидеть и услышать Ленина. Зал театра Зимина (нынешний Театр оперетты) почти опустел; комендант припустил свет. В коридорах толкалось делегаток 150—200 (на конференции было их более 3 тысяч), да мы, члены президиума, выполняли текущие дела.

Вдруг раздались крики: «Ленин! Ленин приехал!» Все бросились в зал; С. Н. Смидович, задыхаясь от волнения, пошла навстречу Ленину, который приехал вместе с Марией Ильиничной.

Владимир Ильич сбросил пальто,— на сцене в углу стоял старый венский стул, один рукав пальто свисал до полу.

Он извинился, что не приехал раньше, сказал, что и сейчас вырвался с трудом.

— Все мы должны больше и лучше работать, тогда быстрей и успешней покончим с разрухой,— сказал Ленин.

Выступление Владимира Ильича не стенографировалось и не записывалось, так все произошло неожиданно.

Было что-то необычайно волнующее и трогательное в том, что вождь пролетариата оторвался от неотложных государственных дел и приехал, чтобы успокоить, утешить, ободрить работниц и крестьянок. Весть о том, что Ленин приезжал на конференцию, подняла дух делегаток. «Спасибо», «Да здравствует Ленин»,— говорили они и очень сетовали, что многим так и не удалось его услышать.

Через несколько дней я была у Марии Ильиничны и рассказала ей, как все радовались тому, что Владимир Ильич все-таки нашел возможным посетить конференцию.

Мария Ильинична была задумчива.

— Да. Народ любит Ленина. Все хотят его увидеть и услышать. Но Владимир Ильич так нечеловечески много работает и так сильно устает.

Печать грусти легла на ее лицо...

* * *

Мария Ильинична всю жизнь была ближайшим другом и помощником своего великого брата. Она руководствовалась советами Ленина в своей партийной и общественной деятельности, выполняла его разнообразные литературные поручения, нежно и заботливо оберегала его здоровье и быт. С самых ранних лет ее нравственная личность формировалась под влиянием Владимира Ильича.

Девочка рано познакомилась с полицией. Исключен из Казанского университета Владимир Ильич, его высылают из го-

рода. «Помню зимний морозный вечер. Вместе с Ильичем мы в кибитке с бубенчиками едем в Кокушкино, а сзади на санках нас провожает какой-то полицейский чин... Город кончается, мы выезжаем в поле, и тогда наш провожатый поворачивает обратно...» — таково одно из ее первых детских воспоминаний.

В деревне находилась старшая сестра Анна Ильинична, сосланная в эту глушь по делу брата Александра Ильича. Зима невеселая — метели, сугробы. Ульяновы жили в полном одиночестве. Владимир Ильич целые дни проводил в своей комнате, и Маняша входила туда с чувством любви, почти преклонения перед братом. Иногда он брал ее гулять на речку, покрытую толстым слоем льда, и она чувствовала себя счастливой. Присутствие девочки — нежной, непосредственной, озорной, всеобщей любимицы в семье — скрашивало жизнь старших. В заботах о ней они часто забывали собственную горечь «изгнанников».

В 1889 году семья Ульяновых переехала в Самару. Маня и Митя поступили учиться в гимназию. Владимир Ильич часто помогал младшей сестренке готовить уроки. Он учил ее каждую работу выполнять точно и добросовестно.

Много лет спустя Мария Ильинична рассказала о том, как она занималась языками с Владимиром Ильичем.

«Нужно было выписывать незнакомые слова. Я взяла тетрадку, взяла первую попавшуюся нитку и сшиваю. Нитка попалась черная. Он увидел и говорит: «Как? Белую тетрадку черными нитками? Нельзя!» И тут же заставил меня переделать».

Во втором классе гимназии задали нарисовать карту Европы. Маняша нарисовала ее от руки. Но брат сказал, что «для этого есть циркуль, нужно смерить точно расстояние», и заставил все переделать.

«...Гораздо важнее умения рисовать карты,— справедливо говорила взрослая Мария Ильинична,— был полученный мной от этой совместной работы пример того, каков должен быть вообще подход ко всякому делу, за которое берешься. Не кое-как, лишь бы скорее с плеч долой, а по обдуманному, взвешенному плану, аккуратно и настойчиво, пока не выйдет действительно хорошо, пока сделанная работа не даст удовлетворения».

В 1896 году Мария Ильинична окончила гимназию в Москве. Ей 17 лет, на пороге юности она должна определить свое жизненное призвание.

В Петербурге по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» арестовали Владимира Ильича. Вместе с матерью и старшей сестрой она едет в столицу, знакомится там с товарищами брата, ходит на свидания в тюрьму...

Наступила новая полоса в истории революционного движения России — период возникновения и упрочения теории и программы социал-демократии.

В 1896 году она, поступив на Высшие женские курсы в Москве, участвует в работе марксистских студенческих и рабочих кружков. С 1898 года Мария Ильинична — член Российской социал-демократической рабочей партии.

Осенью 1899 года ее арестовывают и высылают под надзор полиции в Нижний Новгород. Это было «боевое крещение» Марии Ильиничны. Для нее начинается жизнь профессионального революционера, полная беззаветного, самоотверженного труда и боевой романтики.

Выходит ленинская «Искра». Мария Ильинична помогает распространению газеты, шлет в редакцию корреспонденции, различную информацию.

За ней устанавливается тщательная полицейская слежка. Московская охранка в одном из донесений сообщает, что Мария Ильинична Ульянова «поддерживает революционные традиции своей семьи, все члены коей отличаются крайне вредным направлением».

1 марта 1901 года по делу московской социал-демократической организации она вновь подвергается аресту.

Лето 1901 года выдалось жарким, сидеть в тюрьме было трудно. Мария Ильинична содержалась в одиночной камере. Шесть месяцев ее не допрашивали, не разрешали свиданий. Владимир Ильич очень беспокоился о сестре. Он сам четырнадцать месяцев сидел в одиночной тюремной камере и потому в письмах Марии Ильиничне дает ценные советы, как сохранить здоровье и работоспособность, так необходимые революционеру. Он писал ей, что не следует забывать ежедневной обязательной гимнастики. Занятия по книгам надо разнообразить... с перевода на чтение... с серьезного чтения на беллетристику — чрезвычайно много помогает.

После тюрьмы Марию Ильиничну выслали под гласный надзор полиции в Самару. И снова «родные края».

Находясь в Самаре под бдительным гласным надзором, Мария Ильинична, однако, энергично работала в группе агентов «Искры», куда входили выдающиеся соратники В. И. Ленина — Кржижановский, Красиков, Ленгник. Самарское бюро русской организации «Искры» сыграло значительную роль в подготовке II съезда партии. Когда на II съезде партии произошел раскол, Мария Ильинична безоговорочно примкнула к большевикам.

* * *

После II съезда партии активным агентом большевистского центра в Киеве был делегат II съезда младший брат Ленина Дмитрий Ильич Ульянов. Осенью 1903 года в Киев приехала и Мария Ильинична, затем Анна Ильинична и верный спутник их жизни Мария Александровна.

Сестры Ульяновы установили тесную связь с киевскими большевиками. Но полиция не спускала с них глаз...

В ночь на 2 января 1904 года Ульяновы — Анна Ильинична, Мария Ильинична, Дмитрий Ильич с женой — были арестованы. Однако никаких компрометирующих данных в руках жандармских органов не оказалось. Дала о себе знать их конспиративность, редкое самообладание.

Жандармы мстили Ульяновым за их стойкость и выдержку на допросах. Политическим заключенным в те времена разрешались два свидания в неделю, для Ульяновых было сделано «исключение», им давали по одному свиданию в месяц.

Мария Ильинична резко возражала и против сокращения количества свиданий, и против предоставления их только за решеткой. Мария Ильинична писала, что ее мать — «человек старый и очень больной... за шумом и криком совершенно невозможно что-нибудь слышать и говорить».

5 июня 1904 года Мария Ильинична под залог в 300 рублей была освобождена под особый надзор полиции. 2 июля Владимир Ильич писал матери: «Большущий привет Маняше и поздравление с свободой». Мария Ильинична начала хлопоты о разрешении выехать за границу «для окончания... специального образования». Разрешение было получено, и она выехала в Швейцарию. Так закончился один из этапов в жизни молодой революционерки.

* * *

В ноябре 1910 года в Саратов приехала Анна Ильинична Ульянова-Елизарова с матерью и мужем Марком Тимофеевичем Елизаровым.

Их приезд был немедленно зафиксирован жандармскими властями. Когда месяцем позже к ним приехала Мария Ильинична, начальник саратовской охранки полковник Семигановский «совершенно секретно» просил Петербургское и Московское охранные отделения дать «сведения о прибывшей в Саратов дочери действительного статского советника Марии Ильиной Ульяновой»...

Это было мрачное время для саратовских большевиков. Аресты повели почти к полному разгрому организации.

Саратовскую губернию, как все Поволжье, сотрясали бедствия, связанные с неурожаем и засухой. Каждый день столбцы «Приволжской газеты» заполнялись страшными вестями о голодном тифе, умирающих детях, о продаже крестьянами мироедам скота «по цене шкуры».

В этих условиях нужна была самоотверженная, умелая работа, чтобы донести до трудящихся слово большевистской правды, собрать уцелевших бойцов, воспитать новых людей, преданных партии.

С огромной энергией начала воссоздание саратовской организации Мария Ильинична. В одном из «донесений» охранного отделения находим такую ее характеристику: «Центральной фигурой этой группы являлась Мария Ильина Ульянова, сестра известного Владимира Ульянова (Ленина)».

Мария Ильинична сотрудничала в «Приволжской газете».

Многое нельзя было сказать прямо. На помощь приходила беллетристика. В газете печатались «Сказки об Италии» Горького (указывалось, что они перепечатываются из большевистской «Звезды»), печатался роман Э. Золя «Углекопы» и др. Марии Ильиничне принадлежит перевод с немецкого нескольких рассказов из рабочей жизни.

В № 3 (от 13 апреля 1911 года) помещен в ее переводе рассказ Оскара Винера «Картина». Молодой человек неожиданно попадает в парк, «на рабочую выставку». Он видит картину, на которой изображена «жизнь обездоленных». Картина потрясает его «не красотой, а правдивостью». И он восхищается выставкой, где «суровыми угловатыми произведениями рассказывается о жизни, о ее ранах и чудесах».

В этом же номере напечатан переведенный Марией Ильиничной рассказ Эрнста Пресцанга «Отец и сын». Автор его — один из руководителей германского союза печатников и редактор провинциальных социал-демократических газет.

В рассказе «Отец и сын» рисуется образ старого рабочего, измученного безрадостным трудом на капиталистической фабрике. Между этим рабочим и его маленьким сыном происходит характерный диалог. Узнав, что отец работает уже 20 лет, мальчик начинает считать.

«— Ведь это более шести тысяч дней, папа. Без воскресений. И всегда по целым дням, до самого вечера?

— Всегда,— отвечает отец.

— Я бы не хотел так жить,— заявляет сын.

Старик посмотрел на мальчика.

— К этому привыкают,— мягко сказал он.

Мальчик с испугом спрашивает:

— И это всегда так будет?

И отец отвечает:

— Нет, не всегда. Ты, может быть, доживешь и до лучшего».

Так, эзоповским языком, используя ординарный сентиментальный рассказ, Мария Ильинична вела агитацию против варварской капиталистической эксплуатации и стремилась вселить в рабочих веру в ее крушение.

В нескольких номерах газеты (от 25 апреля, 9 и 16 мая 1911 года) большими подвалами в переводе Марии Ильиничны Ульяновой печатался рассказ Роберта Швейхеля «Листок из жизни отверженного».

Роберт Швейхель — немецкий романист, участник революционных событий 1848—1849 годов. В конце XIX века его произведения были весьма популярны.

Герой рассказа «Листок из жизни отверженного» — ткач Антон Гербиг за активное участие в забастовке попадает в тюрьму. Его возлюбленная, работница Софья Лейтнер, тоже активная забастовщица. Ее уволили, и она обречена на невзгоды безработицы. Девушка готова все вытерпеть, но ее мать тяжело заболевает, и она вынуждена уступить домогательствам молодого хозяина фабрики, развратника и циника.

Софья в порыве отчаяния кончает жизнь самоубийством. Вышедший из тюрьмы Антон убивает хозяина-насильника. За «преступление против общества» его судят и приговаривают к суровому наказанию.

В рабочих кружках чтение таких произведений обычно являлось поводом для беседы. Воспитанию политического сознания рабочих способствовали рассказы немецких писателей, переведенные Марией Ильиничной.

Саратовские большевики установили связи с металлистами, рабочими табачной промышленности, с железнодорожниками.

Ленский расстрел 1912 года вызвал новый революционный подъем. В городе в знак протеста против жестокой расправы на Лене в апреле бастовало более тысячи человек. Мария Ильинична вела усиленную подготовку к 1 Мая, тоже ознаменовавшемуся большой забастовкой.

Полученные решения Пражской конференции вызвали полное одобрение саратовских большевиков. Их с сочувственным интересом обсуждали и на собраниях рабочих кружков. Предполагалось устроить большую массовку за городом.

Но бурную «деятельность» развило и Саратовское охранное отделение.

По воспоминаниям рабочего-большевика Симонова, «всякий ожидал ареста каждую ночь, так как слежка после майских событий шла по пятам, каждый видел, что за ним наблюдает одно и то же лицо везде и повсюду». Охранка рыскала по квартирам, которые были на подозрении, производила повальные обыски. Накануне объявленной массовки, в ночь на 21 (8) мая, жандармы нагрянули на квартиру Ульяновых.

Вооруженный наряд полиции в 15 человек оцепил дом. Всю ночь до 6 часов утра шел обыск. Квартиру подняли вверх дном: распарывали матрацы, перетряхивали подушки, рылись в кухне, на чердаке. Анну Ильиничну и Марию Ильиничну арестовали.

* * *

Мария Ильинична Ульянова просидела в саратовской тюрьме шесть месяцев. По ходатайству матери ссылка в Астраханскую губернию ей была заменена Вологдой. Она же добилась для дочери разрешения отправиться туда не по этапу, а на «собственный счет».

Вологодский губернатор разрешил Марии Ильиничне давать уроки французского языка, но предупредил, что она попадет в самые глухие и отдаленные места, куда и «Макар телят не гоняет», если будет общаться с другими политическими ссыльными.

В Вологде находилась в это время довольно большая группа ссыльных большевиков, было среди них и несколько саратовцев, сидевших в тюрьме и сосланных одновременно с Марией Ильиничной. Квартира Ульяновых и здесь сделалась для них притягательным центром. Особую теплоту дому придавало присутствие Марии Александровны Ульяновой, поселившейся вместе с дочерью.

Мария Александровна любила музыку и частенько заставляла Марию Ильиничну садиться за рояль, и они вместе играли в четыре руки.

Много лет спустя старый большевик Любимов, вспоминая годы вологодской ссылки, писал: «Как Мария Ильинична, так и ее мать жили всецело Ильичем и интересами его дела...»

Владимир Ильич часто писал матери и сестре. Он спрашивал их о здоровье, интересовался бытом, советовал сестре написать в Питер и Москву насчет возможности получения переводов с французского и немецкого языков («переводы все же лучшее занятие»). Его переписка с сестрой — переписка единомыш-

ленников, связанных не только родственными чувствами, но и общим делом. «Видаешь ли «Правду» и «Просвещение» регулярно? Порадовались мы здесь юбилейному номеру и победе в союзе металлистов рабочих над ликвидаторами»,— пишет Марии Ильиничне Владимир Ильич.

Связь Марии Ильиничны с Лениным, связи ее с Петербургом и Москвой сплотили сосланных в Вологду большевиков, способствовали оживлению их деятельности. Наладились связи с предприятиями и особенно с железнодорожниками; Мария Ильинична руководила у них занятиями политического кружка. В некоторых цехах принимались решения об отчислении в фонд газеты «Правда». Это было большой победой в обстановке, когда большевики боролись с меньшевиками и ликвидаторами за влияние на массы. Успешно проходили публичные лекции, которые читали ссыльные большевики.

Нити всей деятельности вологодских большевиков сходились к Марии Ильиничне Ульяновой. Пользуясь терминологией местной полиции, Мария Ильинична и здесь была «центральным лицом среди политических ссыльных». За ней следили. Вот несколько образчиков полицейских донесений, в которых Мария Ильинична фигурирует под кличкой Пухлая.

«13 марта в 12 ч. вышла вместе со своей матерью в магазин обуви; затем обошли еще ряд магазинов по Светлому ряду;

18 марта... в 11 час. 50 м... вышла из дому вместе со своей матерью, пошли на Александровскую ул. в дом дворянского собрания на 5-ю выставку картин».

И так изо дня в день... То она вместе с матерью пошла в аптеку, то посидела с матерью в «детском садике», то поехала на извозчике с матерью в дом г-на губернатора, имея «при себе лист бумаги, согнутый вчетверо, в виде прошения».

5 мая, сообщает шпик, «в 5 час. 20 м. наблюдаемая вышла из своей квартиры вместе со своей матерью и пошли в торговые бани Веденеева, имели при себе сверток, по-видимому белье, в 7 ч. вечера вышли с тем же свертком и пошли в свою квартиру».

Дело, однако, не ограничилось только полуграмотными филерскими заметками «наружного наблюдения». В официальном отчете в департамент полиции вологодских блюстителей порядка даны «сведения о лицах, находящихся под гласным надзором». О Пухлой — Марии Ульяновой там сообщалось: «По совершенно секретным сведениям, на имя Ульяновой высылаются журналы и газеты соц.-демократ. направления, газеты эти конфискуются на почте».

На квартире Марии Ильиничны (в городе, а также на даче, которую она снимала на лето) произвели обыски. Были отобраны книги: К. Маркса «Нищета философии»; Фр. Энгельса «Людвиг Фейербах»; Н. Ильина «Материализм и империум» (так жандармские грамотеи исковеркали название книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»), работы Ф. Меринга, К. Каутского и др.

В числе крамольных авторов были перечислены М. Горький и Л. Н. Толстой. Страшное возмущение властей вызвала и книжка в бумажной обложке под заглавием «Наши песни».

Автор «донесения» писал: «Содержание стихотворений, помещенных в этой книге, явно тенденциозного направления, освещающего жизнь, труд и сознание рабочего люда...»

При обыске были также обнаружены отдельные номера журнала «Просвещение» и газеты «Правда».

М. И. Ульяновой поставили в вину хранение запрещенной литературы, «на которую наложен арест судебными установлениями, и притом из них журнала «Работница» в нескольких экземплярах, из коих № 3 за текущий год оказался и на даче, что свидетельствует о том, что она имела запрещенную литературу для распространения». Такая «преамбула» потребовалась для общего заключения: «...принимая во внимание ее революционное прошлое, наложить на нее административное взыскание». «Взыскание» выразилось в том, что Марию Ильиничну подвергли «аресту при полиции на один месяц».

В 1914 году истекал срок ссылки М. И. Ульяновой. Владимир Ильич писал сестре еще в апреле: «...ты ведь осенью кончаешь — и я мечтаю иногда, не повидаемся ли мы осенью?». Но этой мечте не суждено было осуществиться: в августе разразилась война.

Брат и сестра увиделись только в апреле 1917 года, после свержения самодержавия, когда В. И. Ленин приехал из эмиграции в революционный Петроград.

* * *

Марии Ильиничне принадлежит достойное место в истории большевистской печати. В первые десятилетия Советской Республики работа центрального органа нашей партии «Правда» была неразрывно связана с именем М. И. Ульяновой.

Мария Ильинична явилась вдохновителем и руководителем рабселькоровского движения. В большом количестве статей и

брошюр она дала политические, организационные и методологические обоснования этому поистине народному движению. Ее советами руководствовались несколько поколений рабочих и сельских корреспондентов.

Немало потрудилась Мария Ильинична и над переводами марксистской литературы. Под редакцией В. И. Ленина она перевела на русский язык ряд произведений К. Маркса: «Письма К. Маркса к Кугельману», «Письма к Зорге»; ей же принадлежит перевод книги Германа Гортера «Империализм, мировая война и социал-демократия» и др.

Мария Ильинична по справедливости должна считаться одним из наиболее компетентных биографов семьи Ульяновых; она — автор интересных мемуаров. Ею написана первая книга об Илье Николаевиче Ульянове — «Отец В. И. Ленина — И. Н. Ульянов» (Соцэкгиз, 1931). Теперь опубликованы ее большие статьи, написанные незадолго до смерти: «Мария Александровна Ульянова» и «Александр Ильич Ульянов».

Воспоминания Марии Ильиничны о детстве и юношеских годах Владимира Ильича драгоценны своей правдивостью. Они овеяны теплотой, проникнуты мягким юмором.

Принимала Мария Ильинична участие и в подготовке к публикации ленинского литературного наследия.

Благодаря Анне Ильиничне и Марии Ильиничне читатели уже в 1931 году получили такую бесценную часть эпистолярного наследства Владимира Ильича, как «Письма к родным».

Мария Ильинична безотказно выступала на собраниях трудящихся с докладами о жизни и деятельности В. И. Ленина.

Самоотверженная пламенная революционерка, для которой служение партии с юных лет стало единственным смыслом жизни; кристально честный, необыкновенно скромный человек — Мария Ильинична Ульянова является блистательным представителем старой ленинской гвардии.

Лидия Фоменко

ИМЯ — СИМВОЛ

(Вера Фигнер)

> Перед высоким порогом стоит девушка. Русская девушка.
>
> — О ты, что желаешь переступить этот порог, знаешь ли ты, что тебя ожидает?
>
> — Знаю...
>
> — Голод, холод, ненависть, насмешка, презрение, обида, тюрьма, болезнь и самая смерть?
>
> — Знаю... Я перенесу все страдания, все удары...
>
> — Войди.
>
> Девушка переступила порог — и тяжелая завеса упала за нею.
>
> — Дура! — проскрежетал кто-то сзади.
>
> — Святая! — пронеслось откуда-то в ответ.
>
> *И. С. Тургенев.* Порог

Ее имя было для друзей символом. Вера! Ей верили. Каждый, кого жизнь сталкивала с сильной, умной, женственной Верой Фигнер,— разумеется, если это был благородной души человек,— долго хранил в памяти ее образ.

Есть люди, чья жизнь равна легенде. Легендой и былью стала для современников подвижническая жизнь Веры Фигнер. Легенда окутывала ее имя и в последние годы, когда в Советской России она доживала свой век, до конца дней полная энергии, действенной страсти, общественных замыслов.

К ней приходили люди отовсюду, чаще всего молодые. И она щедро, в полную меру своего доброго сердца вела рассказ о прошлом, пережитом. Быть может, из таких рассказов и родилась ее книга «Запечатленный труд».

Есть в этой книге удивительный диалог между сестрами.

— А что, Верочка, решилась ли бы ты отдать все свои силы для революционного дела? — спросила Веру Фигнер сестра ее Лидия.

— Да,— отвечала я твердо.

— А будешь ли ты в состоянии в случае нужды порвать с мужем? Бросишь ли для революционного дела науку? Откажешься ли от карьеры? Подумай: ты станешь подвергаться преследованиям правительства, тебя ждет, может быть, каторга или ссылка? — продолжала свой допрос Лидия Фигнер.

— Это не остановит меня,— ответила ей Вера.

И, должно быть, совсем по Тургеневу, недруги могли бросить ей вслед: «Дура!», друзья и почитатели: «Святая!»

Но она не была святой, эта молодая женщина, выросшая в небогатой дворянской семье, прожившая большую часть своей юной жизни в лесу или в деревне.

На воспитании Веры Фигнер сказалась аскетическая муштра, которой подвергал своих детей отец-лесничий. В детстве, к счастью, была нянюшка, добрейшее и преданнейшее существо, та, повествованию о которой в своей книге Вера Николаевна отводит немалое место. Была добрая, мягкая, демократичная мать. Разные начала боролись в семье за души детей.

Будущая революционерка росла в тесном общении с природой. «Помню, куда ни кинь взгляд, всюду деревья, и нигде человеческого жилья.

На севере — ровная, убегающая невесть куда вдаль, темнеющая полоса чернолесья, скрывающая горизонт... На западе никогда не видать вечерней зари заходящего солнца... На восток — неправильные фестоны леса, то низбегающие, то восходящие по слабо волнистой местности...

Только на юге выйдешь в открытое поле, чуть-чуть повышающееся к линии небосклона и зеленеющее лугами...

И нигде, насколько глаз видит и ухо слышит, никакого признака бытия человека: ни дыма, ни трубы, ни лая собаки или отдаленного звона с высоты деревенской колокольни».

Так рисовала впоследствии обстановку своего детства Вера Николаевна Фигнер.

Как же в этой глуши, под строгим присмотром воспитательниц, при постоянном страхе от того, что кругом лес, а в лесу разбойники — обязательно разбойники! и зверь лютый,— как же при таком образе жизни воспиталось и созрело сердце любящее, душа мужественная, высокий, недюжинный ум и талант?

Удивительно сложилась судьба детей Николая Александровича и Екатерины Христофоровны Фигнеров. Старшая их дочь, Вера, считала, что и она и ее сестры и братья своей энергией, мужеством, нравственными качествами, работоспособностью были обязаны отцу и матери, воспитанию, полученному в семье.

«В этом отношении они передали нам хорошее наследие,—

писала она,— я — старшая — принимала участие в революционном движении в один из самых ярких периодов борьбы против самодержавия, была приговорена к смертной казни и сделалась узницей Шлиссельбурга. Сестра Лидия была членом революционной организации, занимавшейся социалистической пропагандой среди фабричных рабочих, и судилась вместе с Бардиной и Петром Алексеевым по «процессу 50-ти», который в свое время произвел глубокое впечатление на молодежь и либеральные круги общества. Она была осуждена на каторгу, которую сенат заменил лишением особых прав и преимуществ и ссылкой на житье в Восточную Сибирь. Брат Петр был крупным инженером на металлургических заводах Пермской и Уфимской губерний и состоял директором Богословского завода. Мой брат Николай сделал блестящую карьеру, став знаменитым певцом — тенором. Он первый преобразил оперу, не только пел, но и играл в ней и дал за свою 25-летнюю артистическую деятельность сотням тысяч людей эстетическое наслаждение. Сестра Евгения была участницей процесса Квятковского по делу о взрыве Зимнего дворца в 1880 году и получила лишение всех прав состояния и ссылку в Сибирь на поселение. Младшая сестра моя Ольга, очень способная и энергичная, мало принимала участия в революционном движении; и, выйдя замуж за врача Флоровского, она последовала за ним в административную ссылку в Сибирь и вместе с мужем занималась культурно-просветительной деятельностью в Омске, а потом — после смерти мужа — в Петербурге. В Сибири сестры Лидия и Евгения вышли замуж за бывших политических каторжан Стахевича и Сажина, людей выдающихся по своему уму, образованию и энергии».

Вот семья революционеров!

Четверо детей из шести, четыре дочери Фигнеров выбрали для себя такой тяжелый, такой опасный жизненный путь. А как близки думы их матери, ее страдания переживаниям другой матери, мужественной и стойкой русской женщины — Марии Александровны Ульяновой, чьи дети ушли в революцию.

Вера Николаевна чтила и горячо любила свою мать. Она была для нее самым дорогим существом. И сердце матери всегда отзывалось на зов, на боль, на страдания дочери.

Сколько написано книг о народовольцах! Сколько ходило о них легенд!

Но вряд ли можно словами выразить и меру их героизма, и глубину, трагичность их ошибок. Россия шла к социалистическому будущему через неудачи и заблуждения многих своих сынов и дочерей, но шла неуклонно. Шла!

И в первых рядах была славная дочь Родины — Вера Николаевна Фигнер. Она была народоволкой, в ней современники и потомки видели душу тех, чья борьба, по словам Ленина, была «отчаянной схваткой с правительством горстки героев».

Народовольцы, хотевшие сокрушить самодержавие средствами террора, были исторически обречены на поражение. Невзирая на это, эпопея «Народной воли» была славной вехой на пути русского революционного движения. Было что почерпнуть из практики народовольцев и первым русским марксистам. Известно, что Владимир Ильич Ульянов был великолепным, искусным конспиратором. Он более других «технологов» — одной из первых групп петербургских марксистов — владел ее тайнами. Он обучал конспирации своих друзей — интеллигентов и рабочих... И он чтил народовольцев за беспредельное мужество, за верность революционному делу, за готовность отдать за него жизнь. Имена героев-народовольцев были на устах молодежи того поколения, к которому принадлежал и Владимир Ильич Ульянов. Оно пошло другим путем, но восприняло от своих предшественников их высокие нравственные качества, их преданность интересам народа, их героическую самоотверженность. И Вере Фигнер среди этих героев принадлежит одно из первых мест.

* * *

Когда Вера Фигнер была совсем юной девушкой, родным ее казалось, что она не может стать выдающейся личностью, слишком уж она светская, слишком красивая, чтобы стать сильным, значительным в общественном смысле человеком. Эти родственники, демократы, поборники всеобщего народного образования, равноправия женщин и участия их в общеполезном труде, не раз подтрунивали над юной Верочкой. «Дядя, самый образованный и развитой из всех, часто подсмеивался над золотыми безделушками и модным платьем, которые были на мне,— вспоминает Вера Николаевна.

— Оценим-ка, Верочка, сколько пудов ржи висит на твоих ушах в виде серег? — говорил он.

Выходило что-то вроде пятидесяти пудов».

Близкие Веры Николаевны в ту пору были, по ее собственному свидетельству, «кажется, невысокого обо мне мнения». Случались в кругу родных и такие разговоры о двух старших дочерях Фигнеров: «Лиденька будет человеком глубоким, из нее выйдет толк... А Верочка — красивая кукла: она похожа на тот хорошенький малиновый фонарик, который висит в углу в ее

комнате. Снаружи он хорош, но сторона, обращенная к стене, пустая»... Но и тогда, когда все это говорилось, Вера была не такой, какой ее представляли себе родственники. Зная их мнение, «уткнувшись в подушку, я горько плакала и, обливаясь слезами, спрашивала себя, как мне сделаться хорошей»,— вспоминала В. Н. Фигнер в своей книге-исповеди.

Уже после окончания института развилась у Веры Фигнер способность к самоанализу, желание жить не светской куклой, а приносить пользу людям. Но как? «Идти на сцену, стать актрисой? Или поступить в школьные учительницы?» А пока жизнь Веры, по крайней мере внешне, складывалась так же, как и у других девушек и молодых женщин ее среды.

Она посещала театры, выставки, благотворительные базары. Принимала с матерью и сестрами гостей, сама порой ездила в гости к окрестным мелким помещикам, друзьям ее родителей. Читала книги, вышивала, немножко рисовала, словом, жизнь шла без бурь, без шквалов, ровная, спокойная. Но была уже в это время и другая Вера... Другая жила внутренней напряженной, осмысленной жизнью. Книги, демократические речи ее дядей Куприянова и Головни, знакомства, которые заводились независимо от родителей, приводили к новым мыслям.

Нет ничего ярче, чем рассказ о своей жизни самой Веры Николаевны Фигнер.

«Что предпринять, чем сделаться? — размышляла я...

Сравнивая себя со всеми подругами, я считала себя поставленной в особенно счастливые условия. Я была, как мне казалось, наиболее любимой среди них. В семье, после сурового детства, родители окружили меня всем, что могло пленять только что выпущенную институтку. Все это трогало меня и вызывало чувство признательности — я сама не знала к кому: к родителям, окружавшим меня своей любовью, ко всем родственникам, ласкавшим меня?.. К солнцу ли, которое золотило поля, или к звездам, которые сияли над темнотою сада? За блага жизни, за блага мира хотелось отблагодарить кого-то. Сделать самой что-нибудь хорошее, такое хорошее, чтобы и тебе и другим было хорошо... А кругом в деревне была бедность, была грязь, было невежество.

От дяди я слышала, что наибольшее счастье наибольшего числа людей должно быть целью человека. И мне казалось, что это неоспоримая истина, к этому надо стремиться. «Нельзя жить без деятельности, без высокой цели»,— думала я и искала ее».

А тем временем встретился на пути Веры Фигнер молодой человек, судебный следователь Алексей Федорович Филиппов.

Были долгие беседы. Молодые люди, казалось, сходились во взглядах, они полюбили друг друга и в октябре 1870 года поженились. Умер отец, мать с детьми переехала в Казань. Молодые же уехали в Никифорово, родовое небольшое поместье, и там потекла для них новая жизнь, впрочем скоро наскучившая Вере Николаевне.

* * *

Вере Фигнер хотелось учиться, получить настоящее образование, с тем чтобы своими знаниями послужить народу. Вместе с мужем, который тогда разделял ее взгляды, она отправилась в Швейцарию. С молодыми поехала и сестра Веры Николаевны — Лидия. Троих русских встретил дождь, медленный, но непрерывный. «Он залепил окна, и если протереть их, оставив достаточное место для обзора, в глаза бросятся острые черепичные крыши, похожие между собой, как братья-близнецы. Было серо, неуютно, как-то тоскливо в этот ненастный день, первый в чужой стране, в незнакомом городе»,— вспоминая о первых своих впечатлениях от Швейцарии, писала впоследствии Вера Фигнер.

Шло время. И студентка, изучающая медицину, перестала реагировать на серые, дождливые, осенние будни. У нее появилось настоящее дело. Не только университетские лекции, но и первые кружки, в которых она знакомилась с социалистическими идеями. Это новое дело привело к отчуждению в семье, к неудовлетворенности браком. Алексей Федорович не испытывал того юношеского восторга перед новыми идеями, который охватил сестер Фигнер. Муж и жена все больше отдалялись друг от друга. И, когда Вера стала участницей социалистического кружка, объединявшего за границей русских революционерок, вопрос о разводе был решен.

В двадцать один год Вера Фигнер вошла в русское революционное движение. Ей казалось, что именно к этому вели ее мечты. Помогли выбору пути и встреченные молодой женщиной революционеры Бакунин и Лавров. Жадно вслушивалась Вера в их речи, тянулась ко всякому слову, бывшему для нее, провинциальной русской барышни, открытием.

В своей книге Вера Николаевна признавалась читателю:

«Я сказала бы ложь, если бы не упомянула о той борьбе, которую мне пришлось испытать, прежде чем решиться на этот шаг... Не кончить! Отступить!.. Ведь столько лет с такой энергией, постоянством и самодисциплиной я преследовала одну, совершенно определенную цель! И теперь, не кончив курса, не

достигнув цели, отступить... бросить! Мне было стыдно бросить... Стыдно перед собой и перед другими. Какими глазами посмотрят на меня все те родные и знакомые, которые сочувствовали мне, ободряли меня и провожали в Цюрих с пожеланиями успехов на общественном поприще, новом тогда для женщин?..

А с другой стороны, революционное дело, друзья... Когда я вспомнила, что они томятся в тюрьме и испытывают ту долю, к которой... мы мысленно подготавливали себя, когда подумала о том, что в настоящее время я уже обладаю достаточными знаниями для деятельности врача и что я, по словам друзей, нужна буду и полезна для революционного дела, к которому готовила себя,— я решила ехать, чтобы мое слово не расходилось с делом.

Мое решение было обдуманно и твердо. Ни разу потом я не смотрела с сожалением назад. Интересы общественные раз навсегда взяли у меня перевес над интересами личными».

Слово и дело! Их слитность, неразрывность, их взаимодополнение, взаимослияние всегда были святы для русских революционеров.

Вера Фигнер — незаурядная личность. Но не будь в ее жизни высоких революционных идей, быть может, так бы и стала она сельской учительницей или врачом, так бы и подкосило и утихомирило ее время, так бы и не взлетела она, словно орлица, взявшая недосягаемую доселе для русских женщин высоту.

Обосновавшись в Петербурге, Вера Николаевна попала в среду народников, раздираемую спорами и противоречиями. Вскоре возникло общество «Земля и воля».

Большое место в программе народников уделялось общине. «На этой земле,— писала Вера Фигнер,— народ живет по своим исконным обычаям — общиной; с ней он ни разу не расставался во все свое трехтысячелетнее существование, ее же он придерживается с традиционным уважением и теперь. Отобрание всей земли в пользу общины — вот народный идеал, вполне совпадающий с основным требованием социалистического учения. На нем следует остановиться, во имя его начинать борьбу».

Были демонстрации, листовки, побеги из тюрьмы и с каторги. Была цепь героических, самоотверженных поступков отчаянно храбрых одиночек, заблуждавшихся в своей основной посылке.

Демонстрация у Казанского собора стала боевым крещением революционерки Фигнер. С участниками ее жестоко расправились. Еле уцелел зачинщик и организатор демонстрации, один из вожаков народничества — М. Натансон. «Так и моя политическая карьера чуть не кончилась участием в этой демонстра-

ции»,— писала впоследствии Вера Фигнер. Она слышала вдохновенную речь молодого Плеханова, защищавшего идеи социализма. Эту речь восторженно встретила революционная молодежь.

Политические процессы шли один за другим. Потери, утраты, уроны... Голова шла кругом. Надо действовать, сплачивать, вовлекать, надо растить и растить организацию.

Так называемый «процесс Заславского» — речи Софьи Илларионовны Бардиной, выступление на суде рабочего-революционера Петра Алексеева, напечатанное на гектографе и распространявшееся среди студенчества, всколыхнули русское общество 70-х годов.

Вере Николаевне, тяжело переживавшей потерю товарищей, превозмогавшей горе, единственным утешением было то, что партия, разбитая в своих начинаниях, приобретала нравственный авторитет и ореол мученичества за убеждения!

«Результат процессов, общее впечатление, которое они производили, было таково, что могло только возбуждать стремление новых лиц идти по следам осуждаемых на каторгу, на поселение, но никоим образом не отвращать от опасного пути: так сама гибель социалистов способствовала росту движения»,— писала В. Фигнер в «Запечатленном труде».

В 1879 году, когда «Земля и воля» разделилась на две партии — «Народную волю» и «Черный передел», Вера Фигнер примкнула к народовольцам и вскоре проявила себя как незаурядный организатор, один из руководителей партии. Народовольцы считали, что все силы партии надо сосредоточить на борьбе с государственной властью, огромным и страшным аппаратом, существовавшим для угнетения основной массы народа — крестьянства. Цель партии определилась — бить по главному врагу, по монархическому правительству, по врагу номер один трудового народа — всемогущему государю-императору!

Вместе с Андреем Желябовым, Софьей Перовской, Николаем Кибальчичем Вера Фигнер вошла в Исполнительный комитет «Народной воли».

Самым тайным и самым программным словом для Исполнительного комитета «Народной воли» стало «покушение».

И вот изучаются маршруты следований царя по городу и по железной дороге. Посылаются группы взрывников-террористов на места предполагаемого следования «высочайшей особы».

...Вера Фигнер выехала нелегально в Одессу с чемоданом, наполненным динамитом. На ее плечи легла организация покушения.

...Подъезд мрачного дома на Пушкинской улице контрастировал с солнечной яркостью, с зеленью деревьев, холеных, подстриженных, кое-где зазолотившихся — стоял сентябрь, близилась осень.

Молодая женщина позвонила у подъезда и, не торопясь, едва кивнув швейцару, прошла по лестнице наверх. У дверей кабинета, на который ей указала хорошенькая, быстрая, с крахмальной наколкой горничная, женщина чуть замедлила шаг.

— Прошу вас, мадам,— пропел неожиданно высоким голосом маленький человечек, вставший из-за массивного письменного стола и подошедший к гостье. Он взял липкой рукой ее руку, чуть задержал в своей и потом, глядя ей в глаза, поднес к губам. Преодолевая брезгливость, Вера Николаевна произнесла первые незначительные фразы:

— Вы позволите мне сразу перейти к делу? Нет, нет! — отклонила она его светские возражения.— Не могу же я отрывать вас от дел,— и она оглядела гладкий стол, без единой бумажки, книги. Ничего, что свидетельствовало бы о занятости хозяина.

— Ну, если вам угодно...— барон Унгерн-Штернберг глубже уселся в кресле и принял вид внимательно слушающего человека.

— Господин барон, вероятно, уже извещен о том, что дамы нашего чудесного города помогают бедным?

— О да! Это так благородно! — отозвался барон.

— Не будете ли вы столь великодушны взять во внимание судьбу одного бедного человека.

— Кто же он?

— О, это только мой дворник.— И пока дама-патронесса говорила о судьбе несчастного дворника, о его туберкулезной жене, которой нужно жить вне города, Штернберг бесцеремонно разглядывал ее. Она ему нравилась, хотя и казалась чуть-чуть синим чулком...— Поэтому я и прошу ваше превосходительство предоставить ему место стрелочника недалеко от Одессы.

— Но, мадам, это не в моей компетенции. Мелкий служащий?.. Да ведь на это есть начальник дистанции,— говорил он вяло, а сам разглядывал посетительницу.

— Ах, господин барон, откуда женщине знать, кто чем ведает? — уже кокетливо сказала дама-патронесса.— Однако о вашей чуткости знает весь город. Два слова начальнику дистанции, и бедняк будет спасен.

— Ну, если два слова...— он присел к столу и, вынув из внутреннего кармашка визитную карточку, быстро что-то нацарапал на ней.

— Вот извольте. Куда же вы, чашечку кофе, если угодно?

Но женщина уже встала и попрощалась.

Оставалось не выказать радости и пройти с достоинством мимо прислуги.

— Мой экипаж? — бросила небрежно швейцару.

— У подъезда, ваше благородие.

И когда «благородие» село в экипаж, лошади, словно почувствовав ее нетерпение, рысью понеслись по гулкой мостовой.

Дело сделано. Вера Николаевна Фигнер заручилась согласием будущего зятя генерал-губернатора графа Тотлебена, и ее дворник с женой — народовольцы Фроленко и Лебедева — получили место и домик стрелочника на 11-й версте от Одессы.

— О, как меня душат эти павлиньи перья,— воскликнула Вера Николаевна, сбрасывая богатый наряд.— Ты, Танечка, теперь законная супруга мещанина Семена Александрова, и жить вы будете на лоне природы.

— Лоно так лоно, будка так будка,— в тон подруге сказала Татьяна Ивановна Лебедева, уже давно свыкшаяся со своими «замужествами».

Начались приготовления. Близился день покушения на царя.

Но бывало и так: тщательно продуманная операция готовилась месяцы, были уже и жертвы среди готовящих покушение, а дело проваливалось... Что-то мешало, менялись маршруты, император не пожелал ехать в Ливадию или в другие места, которые должны были стать для него роковыми.

На этот раз революционерам тоже не повезло. Все оказалось впустую: динамит, с таким риском привезенный Верой Николаевной в Одессу, переодевания, визиты к барону и к начальнику дистанции. Александр II, словно чуя опасность, не соизволил поехать на юг.

Фигнер выехала в Петербург. Приезд был вовремя. Каждый человек стоил десяти. Организация нуждалась в людях, особенно в талантливых и бесстрашных организаторах.

Петербург жил в преддверии решающих событий.

* * *

Близилось 1 марта 1881 года. План покушения на царя и на этот раз был разработан до мельчайших подробностей, с вариантами, с заменами в случае выбытия кого-либо из его исполнителей. Лавка по продаже сыров, которую открыли на Малой Садовой Н. А. Богданович и А. Яковлева, находилась на возможном пути императора во время воскресных прогулок. Отсюда велся подкоп под проезжую часть улицы. По воскресеньям царь имел

обыкновение выезжать в Михайловский манеж. Ездил он сюда, однако, по разным улицам, жил в страхе и трепете, ждал отовсюду нападения, и поэтому сам был ожесточенным и лютым до крайности.

В день покушения Вера Фигнер должна была оставаться на конспиративной квартире у Вознесенского моста и ждать «торговцев сырами Кобзевых», т. е. Богдановича и Яковлеву.

Медленно шли минуты, шли, как часы, или так казалось Вере Николаевне, уделом которой в этот день было ожидание. Наконец кто-то идет... Это Григорий Прокофьевич Исаев, с которым Вера Николаевна жила вместе на конспиративной квартире под видом мужа и жены. Он принес весть о новой неудаче — царь проехал в манеж, но... по другой улице. Огорчению не было границ. Столько усилий! Такие люди рисковали жизнью! Во имя чего? Чтобы снова неудача, снова срыв?

Вера Николаевна вышла из дому и медленно прогуливалась вдоль набережной. Она зашла к друзьям, хотела узнать подробности. В конце концов, какова участь людей, готовившихся в это утро ко всему, даже к смерти? И вдруг... ей сообщают... — нет! она не верила своим ушам: царь убит, а в церквах уже присягают новому царю. «Le roi est mort, vieve le roi!» («Король мертв, да здравствует король!») — значит, не только для французской монархии закономерна эта формула. Ну нет! И этому, новому монарху не жить, пока живы сами революционеры.

«Я бросилась к своим,— пишет Вера Николаевна. Рассказ ее столь впечатляющий, что от него веет обаянием и свежестью первоисточника. Прикоснемся же и мы к нему,— на улицах всюду шел говор, и было заметно волнение: говорили о государе, о ранах, о крови и смерти. Когда я вошла к себе, к друзьям, которые еще ничего не подозревали, то от волнения едва могла выговорить, что царь убит. Я плакала, как и другие; тяжелый кошмар, давивший в течение десяти лет молодую Россию, был прерван; ужасы, тюрьмы и ссылки, насилия и жестокости над сотнями и тысячами наших единомышленников, кровь наших мучеников — все искупала эта минута, эта пролитая нами царская кровь; тяжелое бремя снималось с наших плеч, реакция должна была кончиться, чтобы уступить место обновлению России. В этот момент все наши помыслы заключались в надежде на лучшее будущее родины».

А потом была казнь. Предатели выдали многих руководителей покушения. Перовскую опознали на улице. Чудом уцелела Фигнер. Вера Николаевна должна была ликвидировать свою с Исаевым квартиру. Как капитан покидает тонущее судно по-

Д. А. Хутулашвили

В. Н. Фигнер

Е. С. Шлихтер

М. М. Эссен с мужем и сыновьями

следним, так и Фигнер не ушла из квартиры, пока из нее не вынесли все, что могло служить хоть малейшей уликой.

Когда она оставила свое пристанище у Вознесенского моста и пришла полиция, комнаты были пусты, а самовар еще не остыл. Шел третий день апреля 1881 года, день казни первомартовцев.

«...День был чудесный: небо ясное, солнце лучезарно-весеннее, на улицах — полная ростепель,— пишет Вера Николаевна.— Когда я вышла из дома, народное зрелище уже кончилось, но всюду шел говор о казни, и, в то время как сердце сжималось у меня от воспоминаний о Перовской и Желябове, я попала в вагон конки, в котором люди возвращались с Семеновского плаца, на котором происходила казнь». Можно догадаться, каково же было слушать Вере Николаевне обывательские пересуды о страшной гибели ее друзей. Но она сдержалась. Ничем не выдала себя.

* * *

Шли дни и недели после казни первомартовцев, работа партии затухала. Организация еще не была уничтожена, однако главные ее силы погибли.

«Но «Народная воля» сделала свое дело. Она потрясла Россию, до той поры неподвижную и пассивную. Ее опыт не пропал»,— так думала Вера Фигнер.

Нужно было двигаться дальше. А дальше была Москва. Затем снова Одесса. Здесь предстояло совершить террористический акт против прокурора Стрельникова, требовавшего суровейших кар для политических заключенных. Стрельников был убит. Но на другой же день его убийцу Желваковича казнили вместе со Степаном Халтуриным, участвовавшим в этом акте.

Потом пути Фигнер скрещивались еще со многими людьми, которые были завербованы в партию ею. Скрестились они и с предателями Меркуловым и Дегаевым. И случилось это в Харькове. Случилось в дни, когда организация несла потерю за потерей и когда ночами перед неустрашимой народоволкой вставал вопрос: «Будет ли конец? Мой конец?»

В феврале 1883 года утром произошла ее встреча с Меркуловым.

«Один взгляд, и мы узнали друг друга,— пишет Вера Фигнер.— Кругом не было видно ни жандармов, ни полиции.

Я продолжала идти вперед, обдумывая положение. Скрыться было некуда: ни проходных дворов, ни знакомых квартир поблизости не было.

«Что у меня в кармане?» — припоминала я. Записная книжка с двумя-тремя именами лиц, не принадлежащих к организации. Почтовая расписка на деньги, посланные в Ростов. Ее необходимо было уничтожить.

Подходя к небольшому скверу на Екатерининской улице, я была окружена неизвестно откуда взявшимися жандармами. Одна минута — и я с двумя жандармами была в санях по дороге в полицейский участок».

Так начались страшные этапы: Петербург, Петропавловская крепость. Допросы, следствие, суд, карцеры, Шлиссельбург, страшная крепость, откуда не выходили, откуда выносили...

Но были и моменты подъема: суд, а на суде — слово.

«И в то время, как мой организм был потрясен и ослаблен условиями предварительного заключения в крепости, а душа изломана и опустошена тяжелыми переживаниями, наступил момент исполнить, чего бы это ни стоило, последний долг перед разбитой партией и погибшими товарищами,— писала Вера Фигнер,— сделать исповедание своей веры, высказать перед судом нравственные побуждения, которые руководили нашей деятельностью, и указать общественный и политический идеал, к которому мы стремились».

Веру Николаевну судили в 1884 году. Ее речь слушал притихший зал. Это была исповедь, исповедь не перед судьями. Вера Фигнер говорила для тех, кому еще предстояло стать революционерами. Пусть другими, с другой программой, но они должны были знать своих предшественников и не повторять их ошибок и заблуждений. Нравственная сила народовольцев, их опыт могли пригодиться. Все, что написано в «Запечатленном труде», все это, по существу, коротко было высказано в «последнем слове» подсудимой на суде. «В программе, по которой я действовала,— говорила Вера Николаевна,— самой существенной стороной, имевшей для меня наибольшее значение, было уничтожение абсолютистского образа правления... Я считаю самым существенным, чтоб явились такие условия, при которых личность имела бы возможность всесторонне развивать свои силы и всецело отдавать их на благо обществу».

Разве эти слова не оставлялись Верой Фигнер как завещание тем, кто придет после нее?

И позднее, во время двадцатидвухлетнего заключения в Шлиссельбургской крепости, когда жизнь ее была похожа на ад, Вера Николаевна не теряла ни человеческого достоинства, ни веры в свои идеи. «У меня был свой бог, своя религия — свобода, равенство и братство»,— повторяла она.

Оставались привязанности, родные, друзья. Оставались товарищи-единомышленники. Все это оставалось там, по ту сторону бастиона. Здесь, в заточении, Вера Фигнер нашла в себе силы преодолеть нравственные и физические страдания и, усвоив азбуку тюрьмы, изобретенную еще декабристами, стала снова организатором. Она сплачивала заключенных, вселяла в них бодрость, помогала выстоять. С каждым годом своего заключения Вера Фигнер все в большей степени становилась символом свободы, символом бесстрашия, символом революции.

Среди пыток, которые уготовила ей жизнь, была одна особенно тяжелая. На воле оставалась мать, самое любимое существо. Вера страдала, понимая, какие страшные муки переживала пожилая женщина, дочери которой одна за другой оказывались в царских застенках и в ссылках. Письма Веры Николаевны к матери полны нежности, доброго участия, надежды. Иной раз они в стихах. Она писала стихи, сидя в каземате. Это была поэзия надежды и веры в будущее, рождавшееся в безрадостных условиях.

Мужественно, стойко держалась дочь. Но мать в конце концов дрогнула. Она подала прошение об ее освобождении, и... его удовлетворили. «С горьким чувством постучала я товарищам,— пишет Фигнер,— о свалившемся на меня несчастье, потому что несчастьем для меня было помилование...

Без слез, без хотя бы мимолетной слабости она (мать.— *Л. Ф.*) проводила в Сибирь одну за другой двух дочерей, а когда прощалась со мной, не она ли дала мне слово не просить никаких смягчений для меня?..

Я чувствовала себя униженной монаршей милостью. И кто же унизил меня? Мать, глубоко чтимая мать...

Унизила меня, но унизила и себя».

Как больно было слышать слова утешения товарищей: «Ты же не виновата!»

В каком нужно жить мире, какие нужно испытывать чувства, каков должен быть символ веры, чтобы помилование считать за унижение, чтобы просьбы о смягчении участи отвергать с презрением и, наконец, это — «Ты же не виновата!».

Потом умерла от рака мать, и это было самое большое горе. Она умерла вскоре после помилования, от которого, конечно же, Вера Фигнер отказалась.

Так вот, значит, чем была вызвана унизительная просьба матери! Зная, что смертельно больна, она решилась на прошение о помиловании любимой дочери. И вот ее нет! Вере Фигнер

казалось, что чувства ее притупились. Все прежнее всколыхнулось в ее душе и с прежней силой завладело сердцем.

Нужно было время, чтобы оправиться.

В этот трудный момент Вере Фигнер помогли товарищи. Силу жить она черпала в преданности идее, в сознании своего революционного долга.

«Когда я была ближе к смерти, чем когда-нибудь, когда в душе было... отчаяние и мои нервы были потрясены окончательно, в это время я услышала слова, которые говорил человек, наиболее из нас одаренный.

Он говорил не мне, но обо мне, и я слышала...

Он говорил: «Вера принадлежит не только друзьям, она принадлежит России»».

Это сказал Герман Лопатин, заключенный в Шлиссельбурге революционер, первый переводчик «Капитала» Карла Маркса на русский язык. Он сказал их с той силой правды и убежденности, с какой вослед девушке, перешагнувшей порог, кто-то сказал у И. С. Тургенева: «Святая!»

Лев Давыдов

СЕСТРА КАМО

(Д. Хутулашвили)

Не легкий жребий, не отрадный
Был вынут для нее судьбой.
И рано с жизнью беспощадной
Вступила ты в неравный бой.

Ф. Тютчев

Седьмой год она лежала пластом — болезнь не давала подняться с постели. Иногда боль была просто нестерпимой, пронизывала, как электрический ток, все тело и казалась еще сильнее и тягостнее от того, что Джаваира запретила себе раз и навсегда стонать, жаловаться. Любое проявление слабости она считала для себя недостойным. Шутила, бодрилась, особенно в присутствии Кеси и Мери, своих дочерей.

А Кеси и Мери, должно быть, превосходно знали характер матери и заботливо ухаживали за нею. На заботу и внимание она неизменно отвечала благодарной улыбкой. Не забывала похвалить приготовленную для нее еду: очень вкусная! И подушка всякий раз оказывалась положенной очень удобно. И массажи хороши и умелы: просто прелесть!

Впрочем, ей самой ничего никогда не хотелось. Она ничего не просила. И врачам наперекор уверяла детей, что скоро встанет, вернется, займет свое место в строю...

— Вот увидите, генацвале! — восклицала она, глядя большими глазами на хлопочущих вокруг нее дочурок. В бездонной черноте зрачков, как в глубоких колодцах, вспыхивали звез-

дочки: — Не зря ведь я с детства равнялась на Синько! Он не такое вынес, одолел... А тут ординарная хворь, осилю...

Джаваира обожала своего старшего брата Синько. И хотя он погиб нелепо, случайно, в дорожной катастрофе, еще летом двадцать первого, за шестнадцать лет до того, как она слегла, все равно Синько не сходил с ее уст. Он словно присутствовал в доме, живой, темпераментный, щедрый на доброту и вместе с тем требовательный, строгий друг и советчик, который учит не прописным истинам, не отвлеченно, а собственным примером.

Но если бы она даже вздумала забыть о Синько, не захотела вспоминать о нем, ушла в себя, мысленно забаррикадировалась от прошлого, от всего, к чему была причастна,— все равно близкие, друзья, сослуживцы не дали бы ей это сделать. Они-то знали Джаваиру не только видным партийным деятелем, заместителем народного комиссара здравоохранения Грузии, находившейся бессменно на ответственных постах в Наркомздраве почти с основания Советской власти в республике. Прежде и раньше всего они знали ее, как сестру Синько, известного всему миру под легендарным именем Камо, большевистского героя-подпольщика, которого высоко ценил и любил Владимир Ильич Ленин.

Знали и то, что она не просто одна из четырех сестер Камо, а боевая его помощница. Она разделяла с ним тяготы борьбы, никогда не оставляла его в беде и по первому зову всегда спешила ему на выручку.

Когда же это началось? Когда она поняла, что ее неодолимо влечет идти за братом, вместе с ним?

* * *

...Крепостной холм. По его склону и у подножия, на каменистом левом берегу быстрой и мутной Куры, разбросаны в беспорядке сакли и домики из однотонного известняка. Таким был тихий Гори.

Забрел сюда в пору своих скитаний по Кавказу молодой Алексей Пешков. Его подивил город унылым, серым колоритом «какой-то обособленности и дикой оригинальности». Да, полно, город ли это? Не больше «порядочной русской деревеньки».

Наверное, писатель не удержался от соблазна побывать в загородных причудливых пещерах. Там постоянно играли ватаги босоногих ребят, с ними был и Синько. Смуглый, красивый паренек верховодил бесконечными баталиями, которые затевали на досуге дети местных простолюдинов.

От бедового мальчугана не отставали, плелись за ним его младшие сестренки: Джаваира, Сандухта, Арусяк и кроха Люсик. Сколько насмешек терпел из-за них Синько! Но твердо стоял на своем, не прогонял девчонок, вовлекал в общие игры. И уже выделялся среди своих сверстников смелостью, силой воли.

Не тогда ли Джаваира решила быть во всем на него похожей? Нет, позднее.

Вот она вспоминает: Синько выгнали из школы. «Дурное поведение и вольнодумство в законе божьем». Отец в тот день не открыл своей мясной лавки. Учинил в доме страшный скандал. Он был крут и деспотичен. Плачущая мать увела дочерей из комнаты, где он готовил для сына настоящую экзекуцию.

Джаваира выбежала во двор, подобралась к окну, притаилась, прислушалась. Отец распалялся. Мать, рыдая, старалась его угомонить, но тщетно. Он полосовал ремнем Синько, приговаривая:

— С голытьбой якшаешься?.. Учителя закона божьего изводишь? В бога не веруешь?!. Кем будешь, тигреныш, кем?.. Бунтовщиком?.. Лучше запорю до смерти...— сухой треск ремня, упрямый голос брата:

— Бей,— твердит Синько.— Бога в меня не вобьешь!

«Откуда знает Синько, есть ли бог?» — размышляла Джаваира. Потом они подолгу беседовали вдвоем, шли вместе к соседу за книжками. Соседа звали Владимир Захарьевич. У него была большая курчавая борода и внимательный пронизывающий взгляд. Он знал много стихов наизусть и сам сочинял песни. И фамилия его звучала певуче — Кецховели.

...Когда же это началось? Когда она поняла, что ее старший брат идет единственно верной дорогой, самой прямой, и ей, пожалуй, не сделать иного выбора?

Джаваира моложе Синько на шесть лет. Он уже взрослый, связан с подпольщиками, выполняет их поручения и даже, как многие из них, скрывает свое настоящее имя, друзья называют его Камо.

А она все еще подросток, школьница. Бывало, правда, поможет брату понадежнее припрятать пакет или узел, пока он не унесет неведомо куда. Не то пошлет ее с запиской, с пачкой спичек или папирос, и она закоулками, незаметно доставляет по назначению. Еще возьмет по его совету в прогимназию листовку. Тайно уронит на перемене, да так, чтобы листовку не затоптали, а подняли, читали, передавали из рук в руки.

Классная дама несколько раз с подозрением подходила к ней — шарила в ранце, под партой. Зря старалась. Джаваира ловко перенимала у Синько его приемы, умело «заметала следы».

Но все это, думалось девчонке, не так уж серьезно. Хотелось чего-то большего. Вот как она об этом вспоминает:

«Девчонкой я приглядывалась к подпольной работе моего старшего брата Камо и его товарищей. Каждый день они рисковали свободой, жизнью, и Камо часто мне рассказывал, ради чего они идут на такой большой риск. Мне очень хотелось участвовать вместе с ними в подпольной работе, но когда я заговаривала об этом с Камо, он почему-то отмалчивался. Иногда Камо говорил мне:

— Сбегай, отнеси папиросы товарищам.

Или:

— Сходи, передай записку.

Я с готовностью бегала, ходила и все ждала, когда меня «приобщат к настоящему делу». Таким способом меня знакомили с людьми и явками, ко мне присматривались, меня приучали к борьбе».

Присматривались, приучали... Это еще не начало. Это как пролог, как увертюра. Действие развернется впереди.

* * *

Внезапное и тяжкое горе — смерть матери — заставило Джаваиру рано повзрослеть. На нее обрушились не только заботы и хлопоты по дому. Брат окончательно порвал с отцом. Теперь они непримиримые враги. Покидая Гори, Синько перед отъездом в Тифлис передал Джаваире часть того, что сам не успел выполнить. И свел ее со своими друзьями.

— Можете ей доверять, как мне доверяли,— поручился он за сестру.

Что ж! Она не подвела. «Уже в 1902 году товарищи по работе моего брата Камо использовали меня как связную для партийных поручений»,— скромно пометила Джаваира эту дату в автобиографии. 1902 год — начало суровых испытаний. Она пошла в одном направлении с братом. Она еще не в партии, но выбор сделан: она с теми, кто борется за свободу, и только с ними ей по пути.

Каков же ее возраст?

Девчонка-подросток. Несовершеннолетняя. Год рождения 1888-й. Ей едва исполнилось четырнадцать лет.

А выглядит еще моложе. Худенькая, юркая, маленького ро-

ста. Ребячливая. До того как умерла мать, была раскатистым звоночком, хохотушкой. В несчастье приумолкла, приуныла, будто съежилась. Одни глаза, как два фонаря в ночи, так и лучатся, сверкают на бархатистом, загорелом личике, с резко очерченным широким подбородком.

Отец — неудачливый коммерсант и необузданный кутила — загубил жену, разорил семейное гнездо. Голодных сирот, оставшихся без средств к существованию, увозит в Тифлис близкая родственница Елизавета Андреевна Бахчиева.

Опять Джаваира вместе с Камо. Добрейшая тетушка готовит племянника в институт, а племянницу определяет в 3-ю городскую женскую гимназию. Ненадолго. Джаваира во всем похожа на брата. Ее постигает та же участь: исключена за «дурное поведение».

— В чем ее прегрешения, господин директор? Почему выгоняете с «волчьим билетом» ни в чем не повинную сиротку? — спрашивает вызванная в гимназию опекунша Елизавета Андреевна.

— Вы недоумеваете, мадам? Извольте, скажу...— Директорский бас вибрирует, клокочет от гнева: — Эта невинная овечка подстрекает гимназисток к бунту, склоняет поддерживать забастовки, демонстрации... Непостижимо! Откуда девочка, воспитываемая в семье почтенного купца, знает про демонстрантов?

«Какой наивный,— мелькнуло в голове Бахчиевой.— Будто не знает, что ее брат Камо еще два года назад был в числе организаторов трехтысячной первомайской демонстрации тифлисских рабочих».

Но сказала, сокрушаясь, не то бессильно, не то назидательно разводя руками:

— Время такое, господин директор.

Время действительно было предгрозовое. Канун надвигавшейся первой русской революции. В какой же институт в такую пору готовился Камо? Странные учителя ходили к нему. Одного из них Джаваира знала с детства — Сосо Джугашвили, земляк-гориец. Он приносил вместо учебников брошюры, рукописи. В комнате Камо появлялось еще несколько его друзей, становилось шумно, обсуждали прочитанное, спорили. Другой учитель, степенный Годжиев, был старым социал-демократом, наверное, поднадзорным. Входя, он не забывал всякий раз громко осведомиться у своего ученика:

— Какой сегодня, Симон, у нас на очереди предмет? Русский или математика? — И убедившись, что нет посторонних, затевал нескончаемую беседу о назревающем свержении

царизма, о новом строе, который будет называться социалистическим...

Добропорядочный дом солидного купца Геворка Бахчиева, владельца большого караван-сарая у Авлабарского моста, был вне подозрений у полиции. Все же свои встречи Камо внешне обставлял как приятельские пирушки. Джаваира приносила в комнату брата на подносе вино и закуски: чурчхелу, сушеную вишню, сладкий лаваш. Наполняла бокалы, расставляла угощения. А сама внимательно прислушивалась к беседе, впитывая в себя все, что говорят эти умудренные опытом профессиональные подпольщики. Она могла бы смело утверждать: учителя Камо были и ее учителями.

Особенно радовало ее каждое появление Ладо — так теперь звали Владимира Захарьевича Кецховели. Он не скрывал своих симпатий к Камо. Однажды подарил ему на память книгу социалиста С. Дикштейна «Кто чем живет?».

— Почитай, полезно,— предложил Джаваире брат,— но если тебе хочется знать, как сделать, чтобы народы России лучше жили, пойдем со мной в рабочий кружок... Это наука!

Джаваира ходила с братом заниматься в кружок, которым руководила Татьяна — видная грузинская революционерка Нина Никитична Аладжалова. Но у самого Камо не хватало времени долго изучать теорию.

— Спасибо, Татьяна,— сказал он на очередном занятии.— Я уже кое-чему научился. Пока хватит. Мне поручено срочно оборудовать типографию...

В насущных практических делах Камо достиг высокого мастерства и заслуженно считался непревзойденным конспиратором, у которого уже было немало и своих учеников. Один из них — питомец фельдшерского училища при тифлисской Михайловской больнице Серго, он же Григорий Орджоникидзе. Джаваира часто вдвоем с Серго выполняла задания своего брата. Так они и остались на долгие годы друзьями, партийными товарищами.

Другой ученик Камо — Владимир Хутулашвили, в шутку прозванный им Полтора грузина за гвардейский рост, отличался особенно пылким нравом. Он был ярым охотником и воином по призванию. Джаваира и с ним познакомилась в подполье. Они оказывались подолгу рядом, были заняты, захвачены общим делом. Но странно, у нее и мысли тогда не появлялось о каких-то его чувствах к ней. Гораздо позже и в совершенно не подходящих условиях, в тюрьме, Владимир признался ей в любви, а затем стал ее мужем, отцом ее дочерей.

Камо руководил молодежной группой при Тифлисском комитете партии. У него было много верных помощников. И все они — настоящие рыцари партийной техники, храбрые боевики. Но правой рукой, самой надежной опорой он неизменно считал Джаваиру. Он направлял ее туда, где другие его посланцы потерпели неудачу. «А все-таки, Джаваира, надо проникнуть с прокламациями на этот завод. Понимаешь?.. И чудом ускользни от шпиков, не дайся им в руки».

Да, Камо в таких случаях верил в чудо и сам много раз творил чудеса!

* * *

Вот Камо с сестрой в театре. Они смотрят трагедию бессмертного английского драматурга.

— О, Ромео! — произносит с мольбой влюбленная Джульетта.

И в этот же миг на бронзовую, поджаренную солнцем лысину сидящего в царской ложе генерала Фрезе, помощника главнокомандующего и наместника Кавказа, падает, как кирпич, вернее, как неразорвавшаяся бомба, пачка первомайских прокламаций. Целая пачка на одного Фрезе! Не много ли? Ничего. Листовок хватило и остальным зрителям. Камо разбросал пятьсот штук. Джаваира помогла их пронести на галерку и потом вместе с братом незаметно исчезла из театра.

...Вот торопится, спешит в сторону рынка молодой, разбитной кинто — типичный тифлисский уличный торговец. Он в широких шароварах, архалуке и поддевке. У него на голове круглый диск с загнутыми краями — таба́х. Всеми цветами радуги сверкает на таба́хе красиво уложенная горка овощей.

Кинто энергично работает локтями, пробирается через пеструю галдящую южную толпу. Он и сам ста́рается перекричать других, зазывает покупателей, расхваливает свой товар, неистощим на меткие шутки, остроты.

Все кинто в Тифлисе балагуры!

Но этот особенно лих, беззаботен, проскользнул мимо полицейского поста, задел слегка явного шпика, пристально смотревшего куда-то в одну точку, как под гипнозом.

Был кинто на улице и нет его. И никто, кроме маленькой тюрчанки, затерявшейся в толпе, не уследил, куда он подевался, исчез. Никому это не интересно. И уж, наверное, прохожие не обратили внимания на лениво бредущую девушку, одетую в поношенную чадру и обутую в изрядно потертые войлочные коши.

Зачем понадобился такой маскарад Камо и Джаваире? Под овощами и под чадрой лежали шрифты или листовки. Подпольная типография срочно меняла квартиру, или партийные почтальоны уносили напечатанное в рабочие кварталы.

Тревожное, напряженное подполье.

* * *

Джаваире уже шестнадцать. По рекомендации Камо ее принимают в партию. А внешне она все такая же тщедушная, ничуть не подросла, шустрая и юркая. Брату в ней особенно нравится то, что она исполнительная и скромная. И по душе ему цельность ее убеждений.

Когда разногласия внутри партии достигли большой остроты и социал-демократия раскололась на два лагеря: большевиков и меньшевиков, Камо спросил сестру:

— Кто же по-твоему прав?

— Конечно, Ленин! — сказала она с такой убежденностью, как обычно говорила о заранее, натвердо решенном. И в свой черед испытующе посмотрела на брата: — А ты с кем?

— С тобой, сестренка,— почувствовав, что в данном случае шутливый тон неуместен, он объяснил: — Меньшевиков не понимаю. На Кавказе живут. Кругом столько богатства. А люди бедные. Почему меньшевики такие слабовольные, почему революции не хотят?

К этому времени Владимир Ильич в далекой эмиграции узнает о смелом и неистощимом на выдумки Камо. Ленин откровенно радуется: в партии появились мастера конспирации, которые одурачивают, побеждают профессионально вышколенных шпионов и жандармов. Побеждают в поединке, ведущемся постоянно и незримо изо дня в день.

Узнает о Камо и самодержец всея Руси Николай II. Жандармам все-таки удалось схватить на вокзале в Батуме опасного большевика с чемоданом «недозволенной литературы». Царь велит судить Камо при закрытых дверях. Но суд... не состоялся. «Государственный преступник» бежал из тюрьмы. Скрыться ему помогли подпольщики, среди которых была и подруга Джаваиры Анета Сулаквелидзе.

* * *

...В дом вошел франтоватый мужчина, в ладно сидящей на нем новой черкеске. Тряхнул рыжей завитой шевелюрой и, держась манерно за эфес серебряного кинжала, досадливо проговорил с характерной для имеретинца интонацией:

— Вай! Вай! Своего приятеля князя не узнаете, Елизавета Андреевна! Имеретию позабыли, наши встречи...

Бахчиева с минуту отчужденно разглядывала пришельца и вдруг, обрадованная, бросилась к нему:

— Синько! Я тебя уже видела и студентом, и кинто, и крестьянином, и даже прачкой. А князем впервые! Тебе к лицу быть князем, Синько!

— Тише, тетя! — прошептал Камо, обнимая ее.— Ты меня не видела, я тебя не видел. Знакомый имеретинский князь проездом забежал. Откуда, куда, расспросить не успела. А сейчас, душа моя, позови-ка Джаваиру.

— Она ушла, Синько. В Метехский замок с передачей.

— В тюрьму? Для кого?

— Для Варо Джапаридзе из Кутаиса. Муж ее, Алеша, в Баку, дал оттуда знать, что Варо приехала за литературой в Тифлис и на вокзале попала в полицейскую засаду.

— Умница Джаваира. Для меня наладила передачи через Анету, сама заботится о Варо. Скажи ей, пусть свяжется с Осепом.

Дьякон армянской церкви Осеп был убежденным атеистом и сочувствовал большевикам. Камо поселился в пустующем домике на церковном дворе, оборудовал там подпольную типографию, научился работать у наборной кассы, подучил тому же Джаваиру, и они вдвоем отлично справлялись — выпускали тысячи листовок, распространяя их по Тифлису.

* * *

Грянула революция, 1905 год. Камо в родной стихии. Он и типограф, и пламенный агитатор, заботится о вооружении рабочих и вместе с ними в партизанском отряде. Район Надзаладеви, где живет беднота, фактически становится пролетарской республикой. Но она просуществовала недолго, пала под натиском царских карателей — казаков, драгун, жандармов.

Пока рабочие Надзаладеви держались, Джаваира и ее подруги снабжали партизан продуктами, средствами первой медицинской помощи. Во время осады, длившейся целые сутки, Джаваира потеряла связь с Камо. Но ей передали товарищи: в кровопролитном сражении ее брат получил пять тяжелых ран, свалился обессиленный в канаве, служившей партизанам окопом. Драгуны обнаружили его, вытащили из канавы, допрашивали, пытали. Изуродованного, терявшего сознание Камо поволокли неизвестно куда.

Джаваира в поисках брата обошла все полицейские участки, много раз появлялась возле городской тюрьмы, прислушиваясь к голосам заключенных. Только через несколько дней, уже в состоянии полного отчаяния, девушка, засмотревшись на зарешеченные окна грозного Метехского замка, услышала родной голос:

— Мой велосипед принесите из подвала в комнату!

Значит, жив. Перенес пытки. Настроен бодро, готовится к побегу, иначе не упомянул бы о велосипеде.

Вскоре Камо опять перехитрил царских сатрапов, вырвался из каземата на свободу. И на сей раз, как всегда, сестра посильно помогла ему, ведь они не только родные, они — единомышленники. Революция была потоплена в крови, близка к поражению.

Но большевики не сложили оружия, звали народ к продолжению борьбы. Кавказский партийный комитет решил послать Камо в Петербург с отчетом к Ленину. Миха Цхакая напутствовал своего ученика, который возмужал, стал закаленным бойцом.

— Вот тебе документы предводителя дворянства князя Коки Дадиани. Не забывай — ты аристократ, на тебе флигель-адъютантские погоны... Явки запомни наизусть...

А Джаваира скромно готовила брата в дорогу. В двойные стенки бурдюка она уложила секретные партийные материалы, заполнила кожаный сосуд отменным кахетинским. Сложила в саквояж все, что необходимо иметь флигель-адъютанту с собой. И когда окончила сборы, передала Синько в сетке для мяча большой арбуз и мешочек с засахаренными орехами.

— Смотри, сластёна,— строго предупредила она.— К арбузу и орехам не прикасайся. Передай это Владимиру Ильичу, скажи — от тети и от нас, твоих сестер.

* * *

Когда Камо вернулся, Джаваира много расспрашивала его о Ленине, о Надежде Константиновне. Открылась неожиданная возможность сравнительно часто видеться с братом. Он изучил с помощью Красина в лаборатории Петербургского технологического института новые образцы метательных снарядов и теперь горел нетерпением начать их изготовление в Тифлисе. Как всегда, он позаботился в первую очередь о строгой конспирации. Быть может, то обстоятельство, что Джаваиру, его постоянную помощницу, до сих пор не сумели выследить шпики,

хотя даже он попадался в их лапы, внушило ему особое доверие к женщинам, работающим в подполье. Он охотно взял в свою боевую группу подруг Джаваиры: уже знакомую нам Анету и Сашу Дарахвелидзе. Девушки были вовлечены в тайное производство метательных снарядов — ведали квартирой, где накапливались готовые боеприпасы.

Изготовлял бомбы Камо с двумя боевиками и Джаваирой. Однажды в ходе работы метательный снаряд, который Камо не успел поставить на предохранитель, взорвался. Осколками ранило его в кисть руки и в глаз.

Какое счастье, что здесь же была Джаваира. Она оказала первую помощь. Провела брата к знакомым врачам в частную лечебницу. Это спасло его. При иных обстоятельствах он мог не только остаться инвалидом, но и попасть в полицию, которая строго контролировала городские больницы.

На закупку оружия рабочим не хватало средств. Партизанская группа Камо, как известно, существенно пополнила партийную кассу. 13 июня 1907 года на Эриванской площади в Тифлисе были захвачены у царской казны мешки с ассигнациями на сумму в четверть миллиона. Деньги попали в распоряжение партии, на них было куплено оружие. А сам Камо прорвался за границу.

Однако, выданный провокатором, он был арестован в Берлине. Ему предъявили суровые обвинения, выпутаться из них было невозможно. Камо симулировал безумие. Но германские власти, вопреки законам и массовым протестам, отправили его «лечиться» в Россию. Теперь, казалось, неминуема смертная казнь. Он обречен. И все-таки не сдается.

Для нас важно проследить, с какой необычайной стойкостью, мужеством, упорством Джаваира включается в борьбу за жизнь Камо.

...Осень 1909 года. Джаваира держит привычный путь по направлению к Метехской тюрьме. Здесь она уже побывала и с передачами, и в помещении для свиданий, и за решеткой в камере, в арестантском халате.

Многое переменилось в ее судьбе. Она повзрослела, стала опытным и знающим партийным работником. Большую пользу извлекла она от личного знакомства с Еленой Дмитриевной Стасовой. Началось знакомство с курьеза. Стасова была пропагандистом в рабочих кружках. В одном из них, в трамвайном депо, как узнала Джаваира, Елена Дмитриевна приступала со своими кружковцами к изучению «Эрфуртской программы». Джаваира решила побывать на занятии. Явилась одной из пер-

вых, села поближе, чтоб лучше слышать. Вскоре появилась и Стасова. Строгая, собранная, высокого роста, в пенсне на шнурке, она взглянула на Джаваиру и спросила:

— Девочка, а где твоя мама?

— Причем тут мама? — обиделась Джаваира.— «Эрфуртскую программу» буду я изучать, а не мама.

С каждым днем все тяжелее и сложнее становилась ее жизнь. А на лице не отложилось ни одной морщинки. И большие глаза сверкали все с той же почти детской, наивной доверчивостью и неиссякаемой добротой.

Очень рано ее лишили нормальной школы, но сама она не переставала жадно тянуться к знаниям. Была в числе учредителей своеобразных курсов, которые сейчас назывались бы курсами активистов тбилисской парторганизации. Тогда их именовали то школой, то кружком «для деятелей Тифлисского комитета Российской социал-демократической рабочей партии».

Полицейская облава настигла весь состав кружка. Арест. Восемь месяцев тюремного заключения. Джаваира вела себя на допросе так же непоколебимо, как ее брат. Обыск в доме тети, где она по-прежнему жила, тоже не дал никаких результатов.

Правда, сейчас, заглянув в архивы Тифлисского губернского жандармского управления, можно обнаружить «Справку № 4» «для приложения к переписке, производимой в порядке статьи 21 положения о государственной охране». В этой справке: «Джаваира Тер-Петросянц, по агентурным сведениям, относящимся к 1907 г., принадлежит к числу членов местной социал-демократической организации большевиков, занималась агитацией и имела у себя дома нелегальную литературу. Наблюдением установлена ее связь с Наталией Павленко и Елизаветой Гориной, квартира коих в г. Тифлисе являлась местом свиданий интеллигентных деятелей местной социал-демократической организации, ввиду чего Тер-Петросянц вместе с другими деятелями партии была подвергнута в том же году обыску, не давшему результатов.

При наблюдении за Тер-Петросянц 5 июля 1907 года был убит филер Коротков, причем убийца не был выяснен, и дело прекращено».

Прекращено дело об убийстве, которое, наверное, было подстроено самой охранкой, но неуклюже и не дало повода обвинить Джаваиру. Все же ее держат восемь месяцев в тюрьме. Выпущенная оттуда, она по заданию партии становится кассир-

шей в верхней станции местного фуникулера. У кассирши — комната для явок, хранится литература. Джаваира под негласным надзором и все же неуловима.

* * *

...Теплый осенний день. А ей зябко, волнуется. Идет к тюрьме на встречу с братом. Она знает в подробностях все дело. Переписывалась с немецким защитником Оскаром Коном, которого подыскал для Камо Карл Либкнехт по настоятельной просьбе Ленина.

Ей долго не разрешали свидания с Камо. Начальник тюрьмы притворно уверял:

— Вам, старой знакомой, поверьте, я бы не отказал. Но категорическое предписание прокурора...

Прокурор, отказывая, сослался на генерал-губернатора. Она дошла и до генерал-губернатора. Царский сановник цедил меланхолически, грассируя на французский манер:

— Мадемуазель! Напгасно стагаетесь. Не тгевожьтесь, гади бога. На днях увидите своего бгатца на виселице... Милое згелище для мадемуазель...

Он был готов уничтожить и эту тщедушную девушку, своего врага. Ведь она такая же убежденная, одержимая большевичка, как и сам Камо. Подняла бурю. Шлет телеграммы в Берлин, Оскару Кону. Их публикуют газеты «Берлинер тагеблатт» и «Форвертс». Перепечатывает мировая пресса.

А она продолжала бить в набат. «Генерал-губернатор назначил военный суд над Камо в недельный срок. Больному арестанту грозит смертная казнь». Его содержат «в одиночном каземате, в кандалах».

По телеграммам Джаваиры депутаты вносят свои запросы в германский рейхстаг. Кампания протеста против вопиющего беззакония, творимого в царской России, приняла угрожающий характер. Судилище «на скорую руку» пришлось отложить. И Джаваире вынуждены были дать разрешение на свидание с братом.

Вот она идет к нему. Ей предстоит передать Камо важные сведения. Выяснить необходимые подробности о тюремном режиме. И вести разговор так, чтобы охранники окончательно поверили в его безумие.

На этом свидании брат намекнул сестре: подготовьте очередное бегство. После пыток, садистских опытов тюремных врачей, изнуряющих допросов следователя экзекуторы все-таки признали узника больным и перевели его в Михайловскую

психиатрическую больницу. Тифлисский партийный комитет создал специальную группу — в нее вошла и Джаваира — для спасения Камо. И несмотря на усиленную охрану, осуществляется (в который раз!) почти фантастический побег.

Джаваира проявила изумительную прозорливость, помогла разработать все детали, все подробности бегства среди бела дня. Ее энергия, напор, вера в успех заражали других участников группы, содействовали успеху.

Одураченные, обманутые царские чиновники, жандармерия, полиция неистовствовали. По многим городам России прокатилась волна обысков и арестов. Джаваиру вторично посадили в тюрьму. Ее обвинили в «пособничестве бегству и сокрытии опасного преступника». Вместе с нею прихватили, на всякий случай, младшую сестру Арусяк. В той же камере, но по другому делу оказались Елена Дмитриевна Стасова и еще несколько большевичек. И возник своеобразный «тюремный университет». Стасова писала учебник по истории, Джаваира и остальные обитатели камеры читали написанное по главам, усваивали, сдавали зачеты автору и педагогу.

Пока велось следствие, Елена Дмитриевна успела привязаться к Джаваире, делилась с нею подробностями своей подпольной работы, рассказывала о встречах с Лениным и его соратниками.

Между тем Камо, обретя свободу, успел побывать за границей. Конечно, прежде всего в Париже, на улице Мари-Роз, где встретился с Владимиром Ильичем.

Ленин обо всем расспрашивал гостя. Узнав, что двух его сестер арестовали, держат в тюрьме из-за побега брата, Владимир Ильич сказал:

— Выходит, в большевистской семье не только брат в ответе за брата, но и сестры тоже,— и тут же добавил: — О Джаваире мы с Надеждой Константиновной многое знаем. Поступками, умением действовать она напоминает вас, Камо...

С заданием Ленина — проверить на Балканах и в Турции, как доставляется партийная литература в Россию,— Камо отправился кружным путем обратно в Грузию. Он вез с собой закупленное на партийные деньги оружие. Из Константинополя послал сестре в тюрьму шифрованное письмо: «Дорогая сестра Джаваира! Шлю тебе привет и желаю всего хорошего. Джаваира! Попроси начальство, чтобы разрешили тебе выехать за границу: хорошо было бы, если б разрешили жить в Константинополе. Там имеется женский монастырь грузинских католиков, где меня хорошо знают и где тебе будет житься хорошо...

Если правительство разрешит тебе отбыть наказание за границей, будет очень хорошо. Когда будешь просить, сообщи мне. Жаждущий тебя видеть Симон».

Подпольщики поняли — брату нужна за границей надежная помощница по организации партийных транспортов. И то, что он выбрал именно сестру, а не кого-либо другого, было воспринято тифлисскими большевиками как высокая оценка возросшего умения Джаваиры справляться с очень сложными и строго конспиративными заданиями партии.

К сожалению, ей не удалось вырваться из крепостной тюрьмы до срока. А Камо, не дождавшись ее, тайно вернулся в Грузию, стал жертвой предателя.

Суд приговаривал его в четвертый раз к смертной казни. Приговор, однако, опять не привели в исполнение. Объявленной по случаю 300-летия царствования Романовых амнистией казнь была заменена вечной каторгой.

* * *

— Степан! Степан! Откройте! Это Джаваира!

Спит Баку. Мерцает в небе серебристая россыпь звезд. Горизонт от края до края исчеркан черными силуэтами нефтяных вышек. Второй час ночи. Ей долго никто не открывает. Она повторяет снова и снова, как мольбу, одну и ту же фразу. Но боится постучать. Могут предположить, что полиция с обыском. Переполошится весь дом.

— Степан! Степан!..

Наконец до нее доносятся шаги, скрип половиц, поворот ключа в замочной скважине. Дверь приоткрывается. Между двумя створками двери показывается знакомое лицо Екатерины Сергеевны, жены Шаумяна, слабо освещенное свечой, которую она держит в подсвечнике. За спиной жены вырастает стройная фигура Степана Георгиевича.

— Входи, родная,— говорит он шепотком,— что стряслось?

Он знает, Джаваира уже с полгода как отбыла тюремный срок. Неужели ей пришлось скрыться из Тифлиса, угрожает новый арест?

— Синько переводят из Метехи в Харьковскую каторжную,— отвечает Джаваира, когда хозяйка снова прикрывает и запирает на ключ дверь.— Повезут через Баку. Остановятся здесь на один или два дня, не больше. Мы разработали план побега. Товарищи в Тифлисском комитете согласны. Но что скажете вы, Степан?

— Сперва выкладывай, как задумано?

Она коротко изложила суть. Синько получит при посадке в арестантский вагон пирожки с растворенным в них снотворным порошком, булку с запеченной в тесте пилкой, спичечный коробок с деньгами внутри вместо спичек. Один из боевиков повезет в том же поезде одежду. Синько усыпит стражу, перепилит кандалы, переоденется и сбежит.

Шаумяну понравился план.

— Спрячем Синько, отправим морем за границу. Но все ли успеете сделать?

— Постараемся...

На следующий день Джаваира уже в Тифлисе. Готовит побег. На перроне вокзала, в толпе, сгрудившейся у арестантского вагона, она ждет, пока конвой приведет Камо. Бросает ему розу — условный знак. Вот уже и пирожки, и булка, и спички — все ему передано. С невероятным трудом проникнул боевик с одеждой для Камо в соседний вагон.

Увы! Побег не удался. Пилка сломалась, запасной не было. А с кандалами далеко не убежишь.

Через некоторое время Джаваира готовит еще один побег. Едет в Харьков. Видится с Камо. Обо всем договаривается, организует. И опять провал. Но она не знает устали. И кавказские большевики поддерживают ее, помогают. Им очень и очень недостает Камо.

А царская охранка в свой черед усиливает слежку за Джаваирой. Властям страшен уже не только Камо. Его сестра тоже стала опасной большевичкой. Вокруг нее объединяются молодежь, работницы. Умелый и ловкий конспиратор, она вовремя меняет места работы. Почувствовав опасность, оставляет должность кассира фуникулера и поступает в публичную Пушкинскую библиотеку. Когда там сжимается кольцо, ускользает от преследователей и находит себе работу в другом конце города, в Зубаловском народном доме. В ее руках адреса партийных явок и складов с литературой.

Охранка выведена из равновесия, свирепеет. В августе 1916 года Джаваиру без особого повода в третий раз подвергли аресту и заключили в губернский острог. По агентурным сведениям, она готовила ниспровержение существующего строя. Без суда ее приговорили к административной высылке на далекий север.

«По моей просьбе от Камо скрывали мой арест, приговор, писали ему, что я очень больна, он же нервничал и в своих письмах упрекал меня в том, что я не беспокоюсь о нем и не хочу ему помочь в побеге»,— вспоминает Джаваира эту тревож-

ную пору в отрывочных заметках, бережно сохраненных ее дочерьми.

Февральская революция освободила и Джаваиру и Камо из тюрем.

Куда же теперь? Они себе такого вопроса не задавали. Вдвоем ринулись туда, где были больше всего нужны. Джаваира — на фабрики и заводы Тифлиса. А Камо по поручению краевого партийного комитета повез к Ленину письмо Шаумяна о положении на Юге.

В Питере уже утвердилась власть рабочих и крестьян. А в Закавказье все еще цепко держался блок меньшевиков, мусаватистов, дашнаков, эсеров. Держался на штыках и деньгах американских, английских и французских интервентов.

Большевики повели решительную борьбу за подлинное народовластие. Меньшевистские «демократы» преследовали коммунистов, сажали в тюрьмы, расстреливали.

Джаваира опять в глубоком подполье.

* * *

...Генерал Ереванского полка князь Вано Чиковани сразу же после свадьбы отправился с молодой супругой в традиционное путешествие. Друзья отговаривали убеленного сединами вояку от опрометчивого шага. Куда ехать? Власть неустойчива. Ведутся ожесточенные сражения на фронтах гражданской войны. В горах — партизаны. Опасности пути неисчислимы. Но генерал тверд в своем решении. Чемоданы упакованы. Супруги выехали по Военно-Грузинской дороге. С трудом они добрались в Ингушетию. Здесь уже не генералу, а его молодой жене взбрело в голову задержаться на несколько дней в Казбеги. Весьма кстати! Князь встретился с генералами Мамонтовым и Шкуро, своими давнишними друзьями. После обычных приветствий и расспросов все вместе направились к дому, где остановились совершающие свой торжественный вояж молодожены. Но уже у самого порога Мамонтов неожиданно предложил:

— А не припомнить ли нам былые услады, не поохотиться ли в горах, господа генералы?

— Кстати, княгинюшка,— поддержал Вано Чиковани, обращаясь к жене,— вы немного отдохнете от нас, приведете себя в порядок. И распорядитесь, пожалуйста, об ужине. После охоты всегда зверский аппетит...

— Особенно гложет неутолимая жажда,— прибавил с грубоватой усмешкой Шкуро.

Генералы по очереди учтиво приложились к ручке княгини, довольно дружно и молодцевато звякнули шпорами и направились к лошадям. Сделав уже несколько шагов, генерал Шкуро вернулся и попросил молодую женщину:

— Окажите любезность, поберегите, пожалуйста, мой портфель до нашего возвращения. Клянусь честью русского офицера,— прибавил он убедительно,— только вам, княгине Чиковани, я могу его доверить.

Княгиня с напускным безразличием молча взяла из рук генерала портфель и внесла в дом. Подойдя к окну, она увидела клубы серой пыли, таявшей вместе с замирающим цоканьем копыт.

Дальше приведем запись княгини Чиковани.

«...Я открыла портфель, чтобы узнать, какие бумаги так дороги генерал-майору Шкуро. Там находился план наступления на Кавказ. Сейчас же я перерисовала через пергаментную бумагу этот план, а после ужина, когда хмельные гости разошлись, объявила князю, что план у меня в руках, пусть просмотрит и проверит, правильно ли обозначен масштаб. Генерал подтвердил — все верно. Тогда я заявила, что мне уже Казбеги изрядно надоел и пора отправиться в Пасанаури. В тот же вечер мы были там, встретились с Камо и передали ему уже готовый, проверенный князем белогвардейский план наступления на Кавказ.

Вместо похвалы я услышала от брата:

— Если план не точен, я сам пущу пулю тебе в лоб.

Это было в его манере, меня же угроза нисколько не напугала».

Читатели без подсказки узнали в княгине Джаваиру. Остается добавить, что князь был настоящим князем и всамделишным генералом. Только брак — фиктивным. За крупную сумму Вано Чиковани согласился поступиться своей офицерской «честью». Он отправился в «свадебное путешествие» с Джаваирой, чтобы она наладила связь с подпольщиками Ингушетии. План наступления белогвардейцев, оказавшийся совершенно случайно в ее руках, помог нашим частям успешно разгромить вражеские войска.

* * *

Можно еще очень долго рассказывать о прекрасной и кипучей жизни Джаваиры Хутулашвили, насыщенной до предела борьбой, необычайными событиями, опасными и рискованными приключениями и будничной, совершенно неприметной, но

очень нужной и весьма полезной партийной и государственной работой. Нами упомянуты лишь единичные, взятые без особого выбора эпизоды, набросаны штрихи для портрета, который еще предстоит дорисовать, чтобы увековечить колоритный и цельный образ одной из многих тысяч большевичек России.

Джаваире довелось побывать «княгиней» и в Баку, когда там бушевал белогвардейский террор. Как только Азербайджан стал советским, она выполняла особые поручения Наркоминдела республики, там же, в Азербайджане, получила первую награду — именные часы и грамоту за мужество и отвагу, проявленные в большевистском подполье. Через несколько лет уже Президиум Всегрузинского ЦИК присвоил ей звание Героя Труда. Потом ее награждают орденом Трудового Красного Знамени.

В июле 1920 года она приехала с важным поручением в Москву. Остановилась на квартире Елены Дмитриевны Стасовой. Здесь познакомилась с Алексеем Максимовичем Горьким, с которым впоследствии вела переписку.

Горький припомнил Гори.

— А я-то думал и даже, помнится, написал, что это не город, так себе, тихое селение... деревенька, и только. Ошибся, голубушка, ошибся... Людей насмешил... Даже когда я там был, горийцы, оказывается, ковали мечи для восстаний и готовили революционеров. Один Камо чего стоит!..

Горький, как и Ленин, знал и любил Камо.

Тогда же, летом двадцатого года, Джаваира вместе с братом побывала у Ленина. В своей автобиографии она упоминает об этом очень скромно: «В 1920 году я имела счастье впервые увидеть Владимира Ильича и Надежду Константиновну. К ним привел меня Камо, который издавна пользовался исключительным расположением Ильича и бывал частым гостем у них. Я была поражена ласковым приемом, теплотой встречи, необыкновенной простотой Владимира Ильича. С этого времени я неоднократно в последующие годы посещала Надежду Константиновну и Марию Ильиничну, живших вместе в Кремле, они всегда уделяли мне много внимания и доброты.

В 1932 году мне пришлось длительное время лежать в Кремлевской больнице. Надежда Константиновна не преминула навещать меня и однажды порадовала, подарив мне два тома своих «Воспоминаний о Ленине» с трогательной надписью... Я много раз читала, снова и снова перечитываю эту книгу. Хочется хоть чем-то быть, как наш Ильич».

Она старалась жить по Ильичу. Пройдитесь по сегодняшнему Тбилиси. Совершите путешествие по Грузии. Во многих местах вы найдете неувядающие приметы ее труда.

Это она ратовала за строительство детских садов и яслей, поликлиник и больниц, санаториев и молочных кухонь. Это по ее инициативе был реорганизован и расширен Тбилисский научно-исследовательский институт охраны материнства и детства, открыта первая в Грузии грязелечебница, учрежден Институт профессиональных заболеваний.

И еще одно незаурядное ее деяние — борьба за собственную жизнь. После шести лет, проведенных в постели, Джаваира силой духа и воли поборола страшную болезнь, встала и еще много лет была пропагандистом, писала статьи, выступала на молодежных собраниях, беседовала с комсомольцами, пионерами.

Знакомые, встречаясь с ней, восхищенно восклицали:

— Чудо!

— Да ничего особенного,— отвечала она.— Камо тоже верил в чудеса и не зря. Если очень хочешь, они сбываются!

* * *

О легендарном Камо написано много книг. Он воспет поэтами, о нем сложены песни и легенды. Джаваира и сама немало потрудилась над тем, чтобы подвиги, совершенные ее братом во имя партии, стали известны всему народу. А себя она, как всегда, оставляла в тени. Была очень скромна, не хотела пользоваться даже отраженным светом его популярности и славы.

Но сестра Камо во всем была достойна своего брата. Воспитанная его героическим примером, она мужественно шла с ним в одном строю и не покинула боевого поста до конца последнего своего дня — 7 января 1961 года.

Ей было тогда 73 года, из них почти 60 она посвятила бессмертному делу партии Ленина.

Наталья Александрова

СИЛЬНАЯ ДУХОМ

(Е. С. Шлихтер)

Детство Евгении Самойловны Шлихтер прошло в украинском городке Каменец-Подольске. Здесь она маленькой девочкой одержала свою первую победу. Женя сломила сопротивление отца и поступила в городскую школу. Но вот школа окончена. Что же делать? Как жить дальше?

Женя часто бывала в маленькой квартирке своих близких друзей: парализованная мать (дает уроки языков, не вставая с постели), дочь — учительница музыки и сын — студент, учится в Киеве. Как врезались в ее память эти цветы на подоконнике, и керосиновая лампа на вышитой скатерти, и жаркие споры, и мечты о настоящем деле, и беседы за полночь — пока Женина маленькая сестренка не начинала клевать носом у нее на коленях... В этом доме Жене давали читать книги. Так она познакомилась с произведениями Писарева, Добролюбова, Глеба Успенского и, конечно, с романом Чернышевского «Что делать?».

Женя и ее друзья решили следовать Чернышевскому, организовать швейную мастерскую и жить коммуной, своим трудом. Но план этот скоро был отвергнут. Молодым людям хотелось

большего. Как-то Женя прочитала «Процесс 193-х» — повествование о тех, кто бесстрашно боролся с царем и пошел за это на каторгу. Таких людей в России уже были сотни. Как найти к ним путь? Как найти путь к настоящему делу?

Женя решила ехать в Берн — учиться медицине, чтобы лечить крестьян и помогать народу. Отец умолял ее отказаться от своего намерения. Он хотел, чтобы она заменила младшей сестренке умершую мать, стала хозяйкой дома. Жене уже приглядели жениха, готовили приданое, отец даже вызвал ее тетку из Киева, чтобы та помогла в этом важном деле. Но никакие уговоры не помогли. Стремление быть полезной народу оказалось сильнее семейных привязанностей. Девушка уехала за границу.

И туда же, в Берн, приехал юноша, исключенный из Харьковского университета. Он вырос тоже на Украине, в Лубнах, в домике, стоявшем напротив тюрьмы; и когда он возмущался социальной несправедливостью, то слышал от бабушки: «Смотри, Сашко, дотанцуешься до тюрьмы». Этот мальчик впоследствии стал революционером-большевиком. Семнадцать лет он провел в тюрьмах и ссылках. Октябрьская революция сделала его одним из первых наркомов.

Его звали Александр Григорьевич Шлихтер. Женя познакомилась с ним, стала его женой, единомышленницей, помощницей, матерью троих его сыновей.

* * *

Странно, приехав из поднадзорной России, слышать, как открыто бранят царя, восхищаются народовольцами, а если и осуждают террор, то только потому, что считают его неэффективным средством в борьбе с самодержавием. Здесь, в Берне, Женя впервые услышала о существовании марксизма, о пролетариате, как классе, которому принадлежит будущее. Здесь она узнала о существовании книг, названий которых прежде никогда и не слыхала. Книги, в России запрещенные, в Берне продавались открыто, в книжных лавках. Русская молодежь читала «Капитал», «Коммунистический манифест»...

Несколько человек уже прочно связали себя с плехановской группой «Освобождение труда». Плеханов жил тогда во Франции, неподалеку от швейцарской границы. Там же жила и Вера Засулич. К ним непрерывным потоком ездили студенты. С утра Плеханову не полагалось мешать: он писал до обеда, не отрываясь. Но в обязательной послеобеденной прогулке его часто со-

провождала стайка молодежи. Они засыпали Плеханова вопросами:

— Что вы думаете о крестьянской общине?

— Какова будет роль интеллигенции в пролетарской революции?

Георгий Валентинович не только отвечал им, но в свою очередь жадно расспрашивал их о России.

Однажды бернская молодежь упросила Плеханова приехать к ним и принять участие в диспуте. Въезд в Швейцарию был ему запрещен. Приехал он тайно и поэтому не мог остановиться в гостинице. Ночь ему пришлось провести в крошечной мансарде, которую занимал один из русских студентов. После этого сторонников Плеханова так и стали называть — «мансардники». Диспут на тему «Идеалы и действительность» прошел очень бурно. Плеханов умел за теоретической философской постановкой проблемы увидеть и показать ее практический, политический смысл. Молодежь взволнованно откликалась на его слова. Он приобретал все большее количество сторонников.

Во время диспута Плеханов, быть может, и обратил внимание на молодую девушку с серьезным открытым лицом. Оно выражало энергию и сильный характер.

А Жене на всю жизнь запомнились слова Плеханова: «Россия должна вырвать свою судьбу из рук обанкротившегося царизма, или погибнуть от полного экономического истощения. Не утописты-мечтатели подсказывают ей политическую программу! Ее навязывает неумолимая сила экономической необходимости».

* * *

...Это было впервые в истории. В 1890 году по постановлению II Интернационала пролетарии Европы впервые праздновали день международной пролетарской солидарности — 1 Мая. Вышли на улицу и рабочие швейцарского города Берна. Они несли знамена, пели «Марсельезу». Лозунгами их были призывы:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

«Да здравствует социализм!»

Они требовали:

«Хлеб трудящимся!»

«8 часов труда, 8 часов отдыха, 8 часов сна!»

Красные банты сверкали на солнце, а звуки «Марсельезы» наполняли окрестные улицы.

Маленькая дружная группа русской молодежи стояла на

тротуаре, с восторгом наблюдая шествие демонстрантов. «Если б можно было так у нас дома, в России...» Женщины-работницы швейцарки стояли тут же.

— Почему же вы не идете вместе с мужьями? — обратилась к ним с вопросом Женя.

— Это дело не женское, над нами смеяться будут,— отвечали ей.

— Вы неправы, это дело общее,— горячо убеждала девушка. И, чтобы подзадорить женщин, сама стала в хвост колонны.

Швейцарки присоединились.

В ногу шли они по чистенькому городку мимо аккуратненьких домиков. Богатые буржуа опускали занавески на окнах — в знак протеста против демонстрации. Женин университетский профессор отвернулся, сделав вид, что не узнал свою студентку. Каким жалким он показался ей! Как презирала она обывателей, из предосторожности опустивших оконные занавески! Какое счастье давало ей ощущение слитности с тысячной толпой!

Демонстрация кончилась, но никто не хотел расходиться. Швейцарские рабочие расспрашивали Женю о России. Морозы, медведи, пространства — как немного они еще знали о ее родной стране. Но вот у кого-то в руках она увидела книгу на английском языке — «Сибирь и ссылка». Правдивые рассказы о каторге, о русских политических ссыльных, заброшенных в суровые края, за тысячи верст от родных...

Книга о русских мучениках. Женя читала ее. Но она еще не думала «о своем» будущем. Не представляла себе, как сложится ее собственная жизнь. А звуки «Марсельезы», объединившие ее с рабочими в первый Первомай, оставили неизгладимый след в душе Жени.

* * *

Постепенно медицина отошла для молодой девушки на второй план. Она чувствовала, что находит собственную дорогу.

Вместе с А. Г. Шлихтером и несколькими друзьями — русскими студентами — она организует социал-демократический кружок. Захваченная революционными идеями, Женя распространяла социал-демократическую литературу, организовывала платные вечера — скромные студенческие франки пополняли кассу социал-демократов.

В России был голод. Уже несколько лет подряд страну постигали неурожаи. Настал 1891 год — черный год, когда не уродились не только хлеба, но и травы. Плеханов обратился к русским социал-демократам с призывом: «Теперь при уходе за

больными жертвами голода ежедневно рискуют своей жизнью даже такие люди, на которых мы привыкли смотреть с некоторым пренебрежением, как на сторонников маленьких социальных («законных») полуреформ, мирных деятелей, напрасно старающихся вычерпать чайной ложечкой глубокое, безбрежное море народных страданий... Неужели мы останемся позади них?».

Еще вчера распространявшая эту брошюру Плеханова (она называлась «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России») Женя Шлихтер сегодня сама уезжала в Россию вместе со своим мужем.

...Из Каменец-Подольска уехала девушка с длинной косой, девушка с неопределенными мечтами.

А вернулась туда стриженая молодая женщина в простой косоворотке, жена «подозрительного», ясно знающая свой путь.

* * *

Первый арест последовал вскоре после приезда Жени Шлихтер из Берна. Работая на холерной и тифозной эпидемиях, Шлихтеры пытались не только лечить, но и просвещать. Они надеялись посеять в народе семена протеста. Но преодолеть крестьянскую темноту оказалось не так-то легко, а слежка за бернскими студентами велась тщательная. В конце концов они попали в тюрьму.

«Коммуна по совместному голоданию» — так назвал свой кружок сосланный в Сольвычегодск знаменитый революционер Николай Федосеев. Среди его друзей по ссылке в середине 90-х годов были и Шлихтеры. Петр Морозов, петербургский рабочий В. Платонов, казанский студент Н. Сигорский, доктор философии социал-демократ Новиков — все они жили дружной семьей. Жандармы чувствовали, что ссыльные тайно продолжают свою политическую работу, но они не в силах были что-нибудь узнать. Перехваченные письма не давали жандармам нужного материала. А ссыльные получали и обсуждали последние работы Плеханова, держали связь с рабочим движением промышленных центров России, обменивались нелегальными изданиями с архангельской ссылкой, вели переписку с марксистами Вологды...

Доканчивать ссылку Шлихтерам предстояло в Самаре. Когда они уезжали из Сольвычегодска, товарищи устроили им торжественные проводы. Для видимости все разошлись по домам, усыпив таким образом бдительность исправника. Затем через некоторое время поодиночке, крадучись, через кладбище про-

брались к реке. Здесь в лодке дожидались их Шлихтеры. Все они во главе с Федосеевым уселись в ту же лодку и спустились к острову Виноградовскому, который находился в двадцати верстах от городка. До рассвета продолжалось заседание. Федосеев передал Шлихтерам явочные адреса, дал им нужные советы.

В Самаре Евгения Самойловна сразу же включилась в партийную жизнь, участвовала в создании Самарской искровской группы. Гостеприимная, жизнерадостная, она всегда привлекала к себе сердца, и недаром именно через нее шли связи с вновь прибывающими ссыльными. Всех она встречала, устраивала, налаживала быт, подыскивала работу...

Местные социал-демократы собирались на нелегальные сходки, обсуждали злободневные вопросы марксистской теории. Вскоре удалось организовать подпольную типографию — на маленьком золотом прииске за Уфой. Евгении Самойловне было поручено отвезти туда типографские краски. По дороге она познакомилась с Надеждой Константиновной Крупской, отбывавшей в это время в Уфе административную ссылку.

С 1902 года Шлихтеры — в Киеве. Снова опасности нелегальной работы, ставшие, впрочем, уже отчасти привычными. Распространение подпольной литературы, организация железнодорожных забастовок, встречи на конспиративных квартирах...

В январе 1905 года Евгения Самойловна с партийным поручением киевских большевиков выехала в Петербург. В кровавые дни 9 января она оказалась у Зимнего дворца, в толпе безоружных людей. Было ясно, что обращение к царю с челобитной бесполезно. Но, желая разделить с рабочими все, что им предстоит, большевики пошли с демонстрантами.

— Разве он не поймет? — слышались голоса.

— Товарищи, не обманывайте себя. Свободы не просят! — убеждали Евгения Шлихтер и другие большевики идущих рядом рабочих. Однако предотвратить события было невозможно.

Революция 1905 года охватила всю страну. В Киеве — новая политическая забастовка железнодорожников.

Евгения Самойловна — один из членов забастовочного комитета.

Она печатает на гектографе прокламации и разбрасывает их с подножек вагонов, подкладывает на столы железнодорожных служащих. Она рискует многим. Ведь дома у нее трое детей, маленькому всего второй год, а муж ее уехал на нелегальный железнодорожный съезд в Москву.

Осенью 1905 года Евгения Самойловна поехала на свидание

со своей сестрой, Анной Самойловной, которая была арестована и сидела в Петропавловской крепости. Девочка, когда-то засыпавшая на коленях старшей сестры, стала активной большевичкой. Возвращаясь в Киев после свидания с нею, Евгения Самойловна услышала в вагоне свою фамилию. Говорили о ее муже, но что? Она не могла разобрать, а спрашивать — не следовало. «Шлихтер, Шлихтер...» На станции она выбежала за газетой и прочитала: Шлихтер руководил крупнейшей политической демонстрацией в Киеве, а теперь скрывается от полиции. Приехала в Киев — где муж, неизвестно, детей по одному разобрали знакомые. Насилу удалось отыскать и собрать сыновей. Мужу ее на этот раз удалось скрыться и выехать за границу.

Семья снова встретилась в Финляндии. Шлихтеры поселились в местечке Сауна-Лахта под фамилией Ананьины. Здесь Евгения Самойловна получила ответственнейшее задание партии: на ее плечи легла работа по подготовке и выпуску газеты — органа Центрального Комитета РСДРП, по осуществлению связи с Владимиром Ильичем. Летом 1906 года в Выборге стали выходить две партийные газеты — нелегальный центральный орган партии «Пролетарий» и легальная газета «Вперед». Евгения Самойловна составляла для них хронику, вела корректуру и организовывала номер. Так как хроника должна была широко освещать политическую жизнь России, ей приходилось вести обширную конспиративную переписку.

Выполняя поручение Ленина, Евгения Самойловна получила на чужое имя в финском банке сейф. В этом сейфе хранились специальные средства партии.

Два раза в неделю от Ленина к Шлихтерам приезжал товарищ, привозивший статьи для «Пролетария». «Сердечный привет от Владимира Ильича»,— неизменно говорил он.

Был такой случай. Для работы в типографии прибыло пополнение. Новые товарищи, соблюдая правила конспирации, пришли на явочную квартиру — к Евгении Самойловне. Но так как поезд опоздал, они ее не застали — она уже ушла по партийным делам. Ее сын попросил их подождать. Но вновь прибывшим не терпелось поскорее попасть в типографию, тем более что у них был привезенный из Петербурга шрифт, в котором «Пролетарий» крайне нуждался. Они стали громко выражать беспокойство. Сидевший в комнате человек оторвал взгляд от газеты, внимательно оглядел приезжих и вызвался их проводить. Сын Евгении Самойловны Сережа кивнул в знак согласия — мол, человек это надежный. Незнакомец объяснил, что пойдет на расстоянии и будет подавать им сигналы, за кото-

рыми надо внимательно следить, соблюдая крайнюю осторожность. До типографии все добрались благополучно, и назавтра же новые товарищи включились в работу.

Прошло некоторое время. Кто-то из новых работников типографии обратился к Евгении Самойловне со словами: «Хоть бы раз повидать Ленина!» Она рассмеялась: «Да ведь вы же и виделись с ним, и разговаривали!» Оказалось, что незнакомец, проводивший новичков в типографию в день их приезда, и был искусно загримированный Владимир Ильич.

Однажды Ленин остановился у Шлихтеров проездом. Вечером, конечно, собрались друзья. Владимир Ильич расспрашивал о всех политических новостях. Муж Евгении Самойловны воскликнул: «Революция не заглохла!» Ленин уточнил: «...сейчас надо уйти в подполье и крепить связь с массами».

Это было в октябре 1907 года.

Вскоре обстановка в Финляндии резко изменилась к худшему. Владимиру Ильичу пришлось срочно выехать за границу, а Евгения Самойловна отправилась в Россию, куда незадолго до этого на подпольную работу вернулся ее муж. Его по-прежнему разыскивала полиция. Он был арестован в Ярославле и судим в Киеве.

Как-то вечером, в марте 1909 года, Евгения Самойловна Шлихтер сумела урвать минутку и села писать письмо младшему сынишке: «Ненаглядная моя крошка, мама так была занята эти дни, что совсем забыла написать своему дорогому мальчику поздравление ко дню рождения. Зато когда приеду, я тебя зацелую и затормошу! А ты, мой дорогой шалунишка, не забудь свою маму и желай ей каждый вечер спокойной ночи...» Обычное спокойное материнское письмо. Читаешь его, и кажется, что мать ребенка ненадолго куда-то уехала и все в ее жизни хорошо, благополучно. А в действительности все было по-другому.

В эти дни сидевший в тюрьме Александр Шлихтер получил свой приговор — Сибирь. Приговор этот, вечная ссылка, оказался мягче, чем ожидали. Ему грозила смертная казнь. Евгения Самойловна многое сделала для того, чтобы этот процесс стал известен как крупный политический процесс своего времени, несмотря на то что он шел при закрытых дверях. Она пригласила известных адвокатов — Зарудного и Муравьева. Евгения Самойловна держалась со своей обычной выдержкой. Но за несколько дней она поседела.

Как только суд закончился, Евгения Самойловна стала собираться в дорогу — ехать с детьми за мужем.

Енисейск, Красноярск... И там Евгения Самойловна жила интересами ссыльных большевиков. Она заботилась о деньгах для товарищей, о книгах, устраивала побеги, добывала лекарства, находила работу...

Здесь застала ее Февральская революция. За полгода до этого на фронте первой мировой войны погиб ее старший сын Сережа, одаренный юноша. Горе свое Евгения Самойловна переносила с присущей ей необыкновенной стойкостью, скрывая его от младших детей. Революция встряхнула ее, напомнив о главном жизненном призвании. В мае 1917 года Шлихтеры покинули Красноярск, распрощавшись с последней в их жизни ссылкой. Октябрьскую революцию они встретили уже в Москве и были ее активными участниками.

Евгения Самойловна была человеком удивительно целеустремленным. Определив в юности свой жизненный путь, она никогда не сворачивала с него. Связав жизнь и деятельность с партией большевиков, она всегда была нетерпима к любым уклонам и высказывала свое мнение прямо, не взирая на лица и личные отношения. А между тем, она была очень добра и доброжелательна.

Она была мужественна и находчива. Правда, она не любила, когда дети ее держали в руках оружие,— ей всегда казалось, что оно может выстрелить не вовремя. Но она шла на то, что ее младшие сыновья еще мальчиками принимали участие в боях гражданской войны. И уж, конечно, сразу же ушли на фронт в Отечественную.

Евгения Шлихтер очень любила детей. Недаром после революции все свои силы она отдавала борьбе с детской беспризорностью.

И никогда Евгения Самойловна не думала о собственном благополучии. Таким же был ее муж, с которым она была на редкость дружна, такими же вырастила она сыновей.

Скромной и мужественной запомнилась Евгения Самойловна Шлихтер всем, кто ее знал.

Зинаида Гусева

СОКОЛ

(М. М. Эссен)

Сокол меня окончательно пленил энергией и многим другим.

Из письма
Н. К. Крупской Л. М. Книпович

Женева встретила метелью. Мокрый февральский снег лепил и лепил, забивался за воротник, мешал смотреть, лужами растекался по тротуарам. Озеро лежало недвижное, белесо-серое, в черной окантовке скользких камней. На одиноком островке, выдвинув босую ногу, стыл бронзовый Жан-Жак Руссо. Снег укрыл непокорную голову мыслителя.

Редкие пешеходы прячутся под большими зонтами. Уже добрых полчаса едет Мария Моисеевна с вокзала к ленинской квартире. Чем дальше — улицы все пустыннее, совсем не видно людей. Пересекли шоссе на Лозанну. За ним сады, маленькие дома окраины. Сешерон — предместье Женевы.

На углу улицы Фуайе Мария Моисеевна отпускает извозчика. Чемодан не тяжел, а туфли все равно давно промокли. Дом номер десять за невысокой изгородью палисадника. Небольшой двухэтажный особняк, похожий на местные крестьянские. Старое грушевое дерево с корявым стволом совсем заслонило его, протянуло ветви к окнам.

Две ступеньки и дверь. На легкий стук открыл Владимир Ильич. Мария Моисеевна увидела его утомленное осунувшееся лицо. Значит, очень уж плохи дела в партии. Черт бы побрал

этих меньшевиков с их мерзкой склокой. Потерпели поражение на съезде, так лезут в центральные органы скандалами. Захватили «Искру», пробились большинством в Совет партии, съезд Заграничной лиги противопоставили партийному съезду... Что еще они здесь учиняют?

Владимир Ильич взял ее чемодан, помог снять пальто. Увидел промокшие туфли, принес и заставил надеть какие-то теплые шлепанцы. Поставил на огонь чайник. Наконец-то дождался делегата от Российской коллегии ЦК. Почти два месяца в нетерпении настаивал, требовал, просил объяснить шаткую позицию ЦК в борьбе с обнаглевшими меньшевиками. Те поносят ЦК и большевистские комитеты в «Искре», ревизуют решения съезда, ведут энергичную и ловкую войну за интересы своей клики, а из ЦК либо вовсе нет известий, либо приходят странные письма. Глеб Кржижановский, на кого крепче всех надеялся, пробыв в конце ноября здесь неделю, вел себя как-то неуверенно, а теперь все больше печется об умиротворении. Верно, и Носков так настроен, этот вздумал даже поздравлять с «началом мира». Красин предлагает на брань отмалчиваться, отвечать положительной работой. А что думают остальные? «Отвечайте же, наконец, о мнении каждого (непременно каждого) члена Центрального Комитета»,— тщетно взывал Владимир Ильич в письмах, запрашивал адреса для сношений с Землячкой, Соколом. Просил наконец прислать в Женеву для выяснения дел Носкова или Сокола...

И вот он — Сокол — здесь. Миловидная девушка с копной рыжеватых волос. Нарядное кружево вокруг нежной шеи. Легкая улыбка на губах. По плечу ли ей работа в Центральном Комитете? Не рано ли? Хватит ли самостоятельности? — Владимир Ильич сомневается. Хотя и отличные отзывы дали о ней. Лидия Михайловна Книпович писала: «Сокол мне очень нравится своей деловитостью, искренностью, ясностью и устойчивостью принципиальных взглядов». Кржижановский подтверждал, что Сокол, назначенный организатором комитетов, «на своем месте вполне». К тому же и меньшевики свирепо настроены против нее, а это, пожалуй, наилучшая аттестация...

Владимир Ильич жадно вникает в рассказ о российских делах. И все больше нравится ему прямота и смелость суждений Сокола, меткие оценки. Ни тени примиренчества. И эта великолепная, бьющая ключом энергия. Право же, у него здесь объявился боевой единомышленник...

Мария Моисеевна рассказывает обстоятельно, а Владимир Ильич все требует подробностей, переспрашивает:

— Так, значит, в каждом комитете меньшевики выставляли против вас контрдокладчика?

— Да, и очень яростного. Уж как старались доказать, что съезд ошибся, приняв предложенные вами принципы построения партии и выбрав в центральные органы представителей большинства. И вообще-де со съездом не следует особенно считаться: съезд не божество, и его решения не святыня. На этом они обычно и прогорали. В резолюцию вносился пункт, осуждающий дезорганизаторов.

Из-под оправы дорожного зеркальца Мария Моисеевна достает листки папиросной бумаги, бережно расправляет. Нижегородский, Тверской, Екатеринославский, Тульский, Саратовский и другие комитеты подтверждают свою верность решениям II съезда, возмущены затеянной меньшевиками склокой.

Ленин читает одну резолюцию за другой. Сейчас вся надежда на русские комитеты. Они, а не заграничная кучка литераторов выражают волю партии. Особенно доволен резолюцией одесских партийцев: «Выслушав доклад представителя ЦК о съезде Заграничной лиги, выражаем крайнее негодование действиями большинства съезда Лиги и полагаем, что эти действия должны быть подвергнуты резкому осуждению всей партии...» Увереннее чувствуешь себя при такой поддержке. И докладчик молодец. Молодец Сокол! Умеет драться, недаром у нее есть еще и кличка Зверь.

А лицо Марии Моисеевны мрачнеет, с губ сбегает улыбка. Приходится говорить о самом тяжелом. Киевский комитет целиком в руках меньшевиков.

— Никакого доклада я там так и не сделала. Не дали. Накинулись с бранью и криками. Розанов прямо кипел от возмущения, когда я назвала позицию меньшевиков явным оппортунизмом и пожалела, что в комитете нет ни одного рабочего.

Со свойственной ей артистичностью Мария Моисеевна живо изобразила, как Розанов, кривя рот и нервно жестикулируя, кричал: «Представитель ЦК плохо осведомлен о происходящем за границей. Бедный представитель! Ведь к оппортунистам ему придется зачислить самого Плеханова!» И ехидно спрашивал: «Не собираетесь ли вы разогнать комитет, раз у нас нет ни одного рабочего?»

Ленин вдруг засмеялся:

— Да, они беззастенчивы. И здесь, на заседании Совета, Мартов негодовал: «Допустимо ли устранять выдающихся деятелей!» — сиречь, их — меньшевистских лидеров. Чем не мотив для кооптации в ЦК Дана и Троцкого.

— А я думала, будут просовывать Мартова.

— Ну, мы-то здесь ясно видим, кто у них болтает и кто верховодит. Дело, конечно же, не в выборе того или иного лица, а в выборе направления в работе партии. Но что для них партия!

И снова тревожный разговор о Киеве. Владимир Ильич недоумевает — в Киеве резиденция ЦК, а комитет захвачен меньшевиками. Прямо под боком. Да, конечно, аресты подорвали организацию, но как позволили втиснуться меньшевикам?

— Вероятно, совершенно так же, как здесь в «Искру».

«Ну, ей палец в рот не клади,— одобрительно подумал Ленин.— А меньшевики, как коршуны, где провал, там и стараются пролезть. Вот и Киев не устоял. Словом, настоящая война, и в ней уже немалые потери...»

Этот взволнованный разговор и застала Надежда Константиновна, вернувшись с матерью от врача. И Надежде Константиновне Сокол очень пришелся по душе. Ни капельки нытья. Никаких страхов. И этот милый юмор... С ней не хотелось расставаться. И все трое дружно согласились: пока Мария Моисеевна в Женеве, будет жить с ними. Да и Ленгнику пора ехать в Россию, а его работу возьмет на себя Сокол.

Раннее утро. В доме номер 10 по улице Фуайе все за работой. Вот скрипнула половица наверху. Слышно, как Владимир Ильич отодвинул стул, зашагал по маленькой комнате. Размышляя, он любит встать, походить.

Ленин пишет. Его брошюра изобличит политическое лицемерие меньшевиков, скажет партии правду о возникшей борьбе. Чтобы не отвлекался на каждодневные заботы, Ленгник и Сокол стараются все переделать сами. Переписка с комитетами, неприятнейшие переговоры с меньшевиками, разбор их претензий, хлопоты о партийных средствах, отправка людей, явки, связи — за день еле управиться.

Присев у кухонного стола,— он особенно приглянулся для работы своим простором — Мария Моисеевна думает над письмом к членам ЦК в России. Как разбить их иллюзии умиротворения? Вспомнились скептические доводы Красина против созыва III съезда: ничему-де не поможет, только запутает дело. Ироническая усмешка Носкова: подумаешь, беда — ругань в «Искре».

Под пером резкие слова: «Это преступная близорукость... Мартовцы ведут свою линию определенно и уже почти достигли всего. Над правами ЦК издеваются, и фактически Лига и ЦО выполняют его функции. Борьба с ленинизмом провозглашена

вовсю... Неужели терпимо такое положение, и неужели возможно закрывать глаза на все это...»

Сокол взывает к уму и партийной совести «мягких» членов ЦК: я очень прошу обсудить серьезно положение. Не такой теперь момент переживает партия, чтобы можно было надеяться разрешить кризис миром. Не заблуждайтесь насчет значения дальнейших уступок.

Следом письмо другу — надежному большевику Николаю Бауману в Москву. Своим размашистым твердым почерком набрасывает сначала черновик. Письмо потом зашифруется. Зная, что меньшевики осаждают Питерский комитет, опустошен арестами Екатеринославский, просит, не мешкая, направить туда верных людей, дать отпор меньшевистским агентам. Спрашивает о делах в Москве, говорит об угрозе самому существованию партии: «Съезд — это теперь единственно возможный и честный выход из того невероятно позорного положения, в какое поставило партию поведение мартовцев...»

Не успела еще закончить писем, пришел бурно-взволнованный Бонч-Бруевич. Оказывается, меньшевики перехватывают адресованную заграничной части ЦК корреспонденцию. Владимир Дмитриевич потрясает разорванным конвертом:

— Это же преступление вскрывать чужие письма! Заявляю официальный протест. Экспедиция не может отвечать за переписку, пока она идет через такие любопытные руки...

Заслышав негодующий голос Владимира Дмитриевича, по лесенке спешит Ленин. К письму членам ЦК в России Сокол делает приписку, что меньшевики перехватывают почту и деньги, грабят склад литературы, за шесть дней взяли на две тысячи франков, денег не платят. Надежда Константиновна читает вслух вскрытое в «Искре» письмо. В нем важные сообщения, о которых вовсе не следовало знать меньшевикам. Что ни день — новая подлость.

Мария Моисеевна решительно надевает шляпу, забирает разорванный конверт с росписью Бонч-Бруевича: «Получен в таком виде от секретаря редакции Блюменфельда». Спускать такое нельзя... Обычный рабочий день Сокола начался.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ Н. К. КРУПСКОЙ

16 апреля к Л. М. Книпович:

«Сокол оказался специалистом по части переговоров с меньшевиками и очень хорошо улаживает всякие конфликты...»

23 апреля, ей же:

«Сокол у нас завален делами...»

Вот и июнь на дворе. Четвертый месяц в Женеве Мария Моисеевна. И хотя не сидит без дела — только что вернулась из Парижа, куда ездила по заданию Ленина договариваться с Луначарским, Богдановым, Ольминским о создании печатного органа большевиков,— а птицей бы полетела в Россию. Не терпится скорее в гущу революционной работы, к рабочим массам, к товарищам. И где-то в глубине сердца желанная встреча с Александром Эссен. Она чуть улыбается, вспомнив долговязую фигуру в студенческой тужурке путейца, гордо вскинутую голову, упрямый подбородок с ложбинкой. Кто не знает Сашу, пожалуй, сочтет его суровым, надменным. Такого доброго, нежного, до смешного робкого с ней. Как давно не виделись! С тех самых пор, как вместе создавали кружки в Питере...

Очень грустно, конечно, расставаться с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной. Возле Ленина душевные силы прибывают, смелее мыслится, уверенней работается. И удивительно легко с ним. Разговаривая с Владимиром Ильичем, наблюдая его встречи с товарищами, с приезжающими из России, вслушиваясь в его споры, Мария Моисеевна ни разу не заметила, чтобы хоть кому-то он дал почувствовать свое превосходство. Считается с мнением других. В каждом видит равного себе товарища. Нравилась и его жизнерадостность. Она и сама не любит вешать нос на квинту, над веселой шуткой может хохотать до упаду.

Не будет больше вечерних прогулок втроем по берегу Лемана. Ни походов в горы. Не посидеть на скамейке под грушевым деревом, обсуждая, почему среди европейских социал-демократов столь развит оппортунизм. Ни песен вместе не попеть, ни послушать, как читает Надежда Константиновна на память стихи Некрасова, Гейне, Беранже... Но и за то, что все это было,— спасибо им...

Сегодня в ленинской квартире большой совет, как говорит Надежда Константиновна. И как обычно — в кухне. Из трех комнат ленинской квартиры она самая обжитая и самая вместительная. И сейчас здесь из угла в угол расхаживает Бонч-Бруевич. Примостившись на ящике из-под книг, пьет чай Мартын Николаевич Лядов. Хмыкая и чему-то усмехаясь, листает новую книгу Пантелеймон Лепешинский. Коллегия заграничных агентов ЦК в полном составе.

За столом над листком бумаги склонилась Мария Моисеевна. Она пишет доверенность:

«21 июня 1904 года, Женева.
Передаю свой голос по всем делам товарищу Ленину...»

Завтра в дорогу. Почти неделю решался трудный вопрос — ехать ли ей немедля в Россию или оставаться в поддержку Ленину здесь. Кризис в партии обострился до крайности. Подвели-таки «мягкие» в ЦК. Большинством в один голос — подумать только, в один! — осудили агитацию за съезд, запретили распространять ленинскую брошюру «Шаг вперед, два шага назад» и даже вынесли порицание Ленину. Слепцы! Пятерке из «Искры» того и надо. Как бешеные обрушились они на Ленина и большевистские комитеты. Их цель откровенна. Устранить Ленина и захватить ЦК. Тогда все высшие органы партии в их руках. Восторжествует кучка своекорыстных политиканов. Победит оппортунизм. А у русского пролетариата не будет революционной партии.

«Подлые, подлые...» — негодуя, думает Мария Моисеевна.

И какая досада, что в России были только двое членов ЦК — ленинцев — Землячка и Ленгник. Как бы пригодился там ее голос. Недаром Ленгник написал: «Теперь присутствие Зверя более нужно, чем когда бы то ни было...» А задержало другое письмо. Стасова и Ленгник предостерегли — «мягкие» намерены собрать заседание ЦК за границей. Уедет Сокол, и останется Ленин с одним голосом. Как бы это Зверю-Соколу быть и здесь и там. Пожалуй, найден выход — доверенность! Что бы ни случилось, голос Сокола пойдет в поддержку Ленину.

...В Россию она приехала, но арестанткой. Никто не подозревал, что в берлинской транспортной группе, где снабдили паспортом, засел провокатор. Сокола схватили на границе. Опять проклятая тюрьма. В каких только опасных переделках не бывала, а может быть, в первый раз поддалась отчаянию. Кто примет предназначенный ей бой с меньшевиками в колеблющихся комитетах? А тут, в тюрьме, узнала еще более страшное — арестованы Стасова, Бауман, Ленгник. Как ослаблено ЦК... Что станется с партией в случае отстранения Ленина?.. В партии кризис. А она в тюрьме. Назревает революция. А она в тюрьме...

От дум ломило голову. Не могла уснуть. Не могла закрыть глаз, словно окаменели веки. На крохотном листке, чтобы легче передать на волю, написала Ленину и Крупской о предателе в Берлине. Прорвалось и свое горе: «Сами понимаете, каково настроение. Так глупо пропасть. Обидно до смерти. Даже жить не хочется. И без меня, конечно, жизнь пойдет,— я знаю это, но мне-то без этой жизни не жить... Крепко всех обнимаю. Всех помню, всех люблю...»

Допросы, томительные дни и ночи в одиночке, непрестанная тревога за партию, горечь собственного бессилия и бездействия. О последних событиях сумели известить товарищи. В тюрьме Сокол узнала, что тройка «мягких», воспользовавшись арестом ее и Ленгника, незаконно выдворила в отставку Землячку и Кржижановского и сдала ЦК меньшевикам. Знала, что у Ленина отняты права заграничного представителя ЦК и даже печатать свои произведения он может лишь с разрешения Носкова. А ведь партия еще не окрепла. Устоит ли?

И вот зимой, когда лежала совсем больная и разбитая, товарищи передали два письма Соколу из Женевы. Надежда Константиновна обстоятельно писала о партийной борьбе, возмущалась совершенным в ЦК переворотом, беспокоилась за попавшего в беду друга — Зверку. Она заканчивала нежно: «Крепко целую тебя и обнимаю крепко-крепко».

Ленин подчеркнул, что его письмо личное. Видимо, он был в хорошем настроении. Еще бы, такие новости! В противовес меньшевистской «Искре» начинает издаваться газета «Вперед». Предавший партию Центральный Комитет окончательно утратил престиж. Комитеты большинства объединяются, выбрали свое Бюро, и теперь печатный орган объединит их вполне...

«Партия не погибла, партия живет!» — думала Мария Моисеевна, читая волнующие строки: «Не падайте духом, теперь мы все оживаем и оживем. Так или иначе, немножко раньше или немножко позже, надеемся непременно и Вас увидеть... и, главное, будьте бодры; помните, что мы с Вами еще не так стары,— все еще впереди...»

Ровно через год — в июне же — с партией ссыльных Марию Моисеевну отправили по этапу на дальний север. Все еще длилась неволя, но в душе полно надежд. Состоялся III съезд. Александр был одним из делегатов. Избран новый Центральный Комитет. Во главе его Ленин. Партия ожила. В памяти неотступно ленинские слова: «Будьте бодры... мы с Вами еще не так стары,— все еще впереди!»

Не доехав до места назначения — в заполярное Веркольское,— она бежит из Холмогор в рыбачьей лодке. В Петербург добралась к концу сентября. И сразу же — в самое кипение революционной работы. Уйма дел! Подготовка рабочих к вооруженному восстанию, студенческие и рабочие собрания, схватки с меньшевиками и эсерами, подбор и воспитание пропагандистов, работа в Петербургском комитете.

Никогда еще революция не была так ощутимо близка. Волна за волной массовые политические стачки, многотысячные ми-

тинги на заводах, восстания на кораблях, дебаты на студенческих собраниях. От партийных пропагандистов революционные массы потребовали ясной программы борьбы, умения разобраться в острых ситуациях, ответить на спорные вопросы.

Обо всем писала Ленину. Он ответил радостно: «Хорошая у нас в России революция, ей-богу! Надеемся скоро вернуться — к этому идет дело с поразительной быстротой...»

Ленинское предвидение сбылось. Вскоре он и Надежда Константиновна вернулись в Россию. Увиделась с ними в первый же день. Обнимая Надежду Константиновну, и плакала и смеялась. Хотя и в подполье, но дома, в России. В тот же день собрали Петербургский комитет, отчитывались перед Лениным.

Владимир Ильич расспрашивал о связях в рабочих районах, на крупных предприятиях, запросах рабочих, боевых дружинах, запасах оружия. Дотошно вникал во все: «А сами-то стрелять умеете? Тренируетесь? Лучшие ли агитаторы посланы к солдатам, к матросам?»

Через несколько дней Владимир Ильич выступил на заседании Совета. Чтобы задушить революцию, правительство объявило локаут. С заводов Петербурга уволили более 100 тысяч рабочих. Взволнованные делегации хлынули в Совет рабочих депутатов. В зале не протиснуться. Мария Моисеевна стояла в толпе в проходе. Вокруг встревоженные лица. У всех неотступный вопрос: что делать? Пылко, но сбивчиво говорил Мартов, за ним Троцкий. «Не зря Владимир Ильич как-то назвал его пустозвоном и балалайкиным»,— подумала Мария Моисеевна. Оба предлагали переговоры с министрами и заводчиками. Люди хмурились, молчали.

Ленин отверг переговоры. Не просить, не договариваться, а требовать открытия заводов. Откажут — ответить всеобщей забастовкой. Звал объединить борьбу с рабочими других городов, добиться перехода войск на сторону народа, вести за собой крестьянское движение. И по тому, как все внимательнее вслушивались рабочие в его слова, как твердели их лица, Мария Моисеевна понимала: Ленин выразил главное и нужное, что массы несли в себе, может быть, еще неосознанно. Ленин говорил — и к людям приходила уверенность в своих силах, прояснялся путь, по которому нужно идти, чтобы изменить жизнь.

Снова и снова изумлялась ленинской прозорливости, силе и логике его доводов. Теперь уже на практике училась у него.

А обязанности все усложнялись. Комитет поручил ей формировать боевые отряды — массу отрядов, очень маленьких, как советовал Ленин, в три, пять, семь человек, вооруженных кто

чем может. Вместе с другими руководителями боевиков готовила людей к баррикадным боям, собирала в потаенных местах за городом, обучала стрельбе. И оттого, что дни были доверху полны забот и был вблизи Ленин, его советы и поддержка, и оттого, что сбылось таимое даже от себя — Александр Эссен тут, рядом с ней,— Мария Моисеевна чувствовала — жизнь прекрасна, и она черпает счастье полными горстями.

Но настали и горькие дни поражений. Разгромлено Декабрьское вооруженное восстание в Москве. Начались аресты в Питере. В тюрьме Александр. Надо спасать оружие, уходить глубже в подполье. Каждая ночь на новом месте. Все грознее известия из Москвы — аресты, казни, рушится организация. ЦК направляет Сокола в Москву, на самое трудное поле боя.

И нечаянная радость. Вырвался из тюрьмы Александр. Венчаются тайно. Мария по чужому паспорту. Оба избраны в Московский комитет. Вновь терпеливейшая, упорная работа собирания сил. Налаживать утраченные связи, поднимать упавший дух. А Мария чувствует, что сама порой слабеет: слишком тяжелы раны и велики утраты.

С нелегкими думами поехала к Ленину в Куоккала, не стала скрывать и подавленное настроение. Он слушал внимательно. Иногда переспрашивал. И Мария Моисеевна видела, как собираются недовольные морщинки на его лбу, как огорчены глаза. Нет, Ленин не стал ни утешать, ни убеждать. Он возмутился:

— Пока идет борьба — а она идет, что бы вы там ни говорили,— надо не ныть, а действовать!

Сколько бы лет ни прошло потом, не забудет Мария Моисеевна охватившего тогда жгучего недовольства собой, стыда за минутную слабость. В беде и опасностях, на тяжелых жизненных перевалах они всплывали в памяти, эти ленинские слова, и прибавлялись силы. «Не ныть, а действовать!» — твердила она себе в трудные минуты.

А бед хватало. Работая после Москвы снова в Петербурге, надорвалась, расхворалась, попала в больницу. Хлынула кровь горлом у мужа. Пришлось расставаться с питерской организацией, ехать на юг, спасать жизнь Александра. Заботы о больном, малыши-сыновья оторвали на время от партийной работы. Она возобновилась через девять лет, в феврале семнадцатого года, и длилась до самой смерти.

Поздний вечер. В квартире тихо. Угомонились и спят сыновья. Уложены к утру стопки учебников и тетрадей. Скоро экзамены. У Владика выпускной. Зашла выключить свет — опять забыли! — и засмотрелась на старшего. Владик вылитый

Александр. И нос с горбинкой, и тот же упрямый подбородок. Даже во сне серьезен. Милые мои... А этот в мать. Чуть касаясь, провела пальцами по светлым кудрям Жорки. Мальчишески округлая щека на вымазанной чернилами ладошке. Пухлые губы приоткрыты — вот-вот засмеется... Щелкнула выключателем. Прикрыла дверь.

Александр задержался на коллегии. Плохо у него со здоровьем. Изъедены туберкулезом легкие, а не щадит себя. Столько дел, да еще по ночам пишет. На полке рядком его книги: «Гидрография Закавказья», «Белый уголь», «Пути строительства СССР». Скоро предстоит поездка с делегацией в Берлин. Отдыхать, лечиться — все некогда.

Мария Моисеевна садится в старое кресло, облокачивается на стол. Теперь читать. Оставила рукопись Надежды Константиновны на это позднее время, чтобы уйти в нее без помех. Страница за страницей. Как ожило все снова... Женева, Леман. Улица Фуайе. Тепло и нежно говорит о ней Надежда Константиновна: «Зверка, вырвавшаяся из ссылки на волю, была полна веселой энергии, которой она заражала всех окружающих. Никаких сомнений, никакой нерешительности в ней не было и следа. Она дразнила всякого, кто вешал нос на квинту, вздыхал по поводу раскола... Ильич веселел: эта залихватость, эта бодрость рассеивала его тяжелые настроения...»

Всплыл в памяти и тот день отъезда, когда писала доверенность Ленину и прощались, не зная, надолго ль, накоротко ль. И самая последняя встреча с ним тоже в Женеве через семь лет. Привезла тогда в Швейцарию к врачам Александра. И надо ж быть такому счастливому совпадению — приехал из Парижа Владимир Ильич с докладом для политэмигрантов. Поразил и воодушевил этот доклад. В чернейшую пору реакции Ленин утверждал, что для революционного движения близок новый подъем. Сопоставлял цифры, анализировал факты стачечной борьбы, доказывая, что предпосылки революции налицо, она неизбежна и успех ее обеспечен уроками 1905 года, силой и политической зрелостью рабочего класса, его волей к борьбе.

Семь минувших лет сказались на его лице, положили мелкие морщинки у глаз. Но все так же беспечно весел был его смех, и все в нем дышало силой и радостью жизни. Таким — полным энергии, жизненных и боевых сил, зовущим к борьбе, уверенным в победе — и остался Владимир Ильич в памяти Марии Моисеевны Эссен на всю жизнь,

Она читает последние страницы рукописи Крупской, ее воспоминаний о Ленине. Надежда Константиновна попросила на-

писать замечания и советы, напомнить, если что затеряно памятью. И Мария Моисеевна, охваченная волнением пережитого, пишет...

Через несколько дней — ответное письмо:

«Дорогая Зверка, прочла сегодня Ваш отзыв о моих воспоминаниях. Это правда, что о периоде 1905—7 года написано мало. Но мы ведь с Ильичем эти годы мало жили вместе, а когда и жили вместе, виделись урывками. Я выматывала воспоминания с тех, кто был тогда, когда эти воспоминания писались, в Москве — говорила с Лещенко, Иваном Ивановичем Радченко, Менжинской. Но мало помнят; и каждый помнит по-своему.

Может быть, надо было бы устроить вечера воспоминаний, посвященных разным периодам, но это трудно. Те, кто остались в живых, разбросаны по разным городам...

Вы пишете, что досадно, что воспоминания слишком скупы. Это говорят многие. Может быть, это происходит потому, что писать воспоминания эти мне очень трудно. У меня двойственное чувство. С одной стороны, кажется, что писать их надо, а с другой — мне кажется, что Ильич был бы недоволен тем, что я пишу их. Потому, думаю, и пишется скупо. Да и мешает мне моя жизнь! Я буквально с утра до позднего вечера без всяких перерывов занята просвещенческой своей работой, не могу никак из нее вырваться. Думаю использовать в этом году отпуск для писания воспоминаний. Я очень хотела бы как-нибудь повидать Вас».

Ниже подписи приписка:

«Мне хотелось бы хоть немного помочь осуществлению того, что хотел Владимир Ильич, поэтому и верчусь целыми днями на народе и рада, когда что выходит».

...Годы идут и идут. Больше полувека отдано партии, общественно-политическим делам, литературе. Работа в Истпарте, Институте Ленина, Институте журналистики, Комакадемии, Гослитиздате. Почти с создания Союза советских писателей Мария Моисеевна Эссен его член. Двумя изданиями выпущена книга: «В эпоху зарождения партии», во все сборники входят ее воспоминания о Ленине. Статьи о В. И. Ленине, Н. К. Крупской, А. И. Ульяновой-Елизаровой публикуются в зарубежной коммунистической печати.

Заботливо и требовательно встречает литературный критик Мария Эссен книги по истории партии и рабочему движению, выступает с рецензиями в газетах и журналах. Одной из первых анализирует «1905 год» Ф. Кона, «Пройденный путь» С. Аллилуева, «На повороте» П. Лепешинского, сборник воспоминаний

и документов о Баумане. Знаток творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина, она несколько лет трудится над подготовкой двадцатитомного собрания его сочинений. Трем томам предпосланы ее обстоятельные статьи.

Ей выпал счастливый удел трудиться до глубокой старости.

...Старый письменный стол. Еще Александр писал за ним свои книги, сыновья готовили уроки. Вот порезы перочинным ножиком, досталось за них тогда Жорке. Мария Моисеевна любит свой просторный рабочий стол со всеми его шрамами. И сейчас на нем брошюры, бумаги, видавший виды рыжий портфель. И рукопись будущей книги, которую надо успеть дописать. Последней книги...

Давно нет на свете Александра. Погиб в тот же год, когда ездил в Берлин. Нет на свете и Жорки. Только тоске о нем да материнской боли никогда не стихнуть. Мария Моисеевна достает из заветного ящичка торопливо нацарапанные карандашом тетрадные листки — последние письма сына. Знает в них каждое слово, а все читает и читает изо дня в день.

«Дорогая мама и длинный! Извиняюсь за почерк — пишу на прикладе винтовки. У меня все очень хорошо. Теперь наш полк влит в Действующую армию, и я самый настоящий красноармеец. Службой своей доволен, хотя и приходится туговато со сном. Скучаю по тебе, мама, и длинному, ведь на такой долгий срок я никогда из дома не уезжал...»

Дальше — поручения, поручения: позвонить сестре очень хорошего парня — напомнить, чтобы отправила посылку брату. Позвонить жене другого очень хорошего парня — тревожится за ее здоровье. Как это по Жоркиному — быть всегда в беспокойстве за других...

Еще одно. Самое последнее: «Сейчас, как и каждую ночь, дежурю у полевого телефона. Днем езжу на мотоцикле, нагрузка порядочная, но вообще все это мне очень нравится, и боевое крещение не за горами. От езды с винтовкой при сильной тряске безумно набил спину, но надеюсь, к этому привыкну. Чувствую себя исключительно здорово. Жизнь здесь очень ясная, всегда есть задание, которое нужно выполнить...»

Нет, он не терпел нытья. Удалось привить сыну ленинское правило: надо не ныть, а действовать! Он был хорошим комсомольцем. В полях Смоленщины затерялась его могила. В первых боях за Москву. Она не плачет. Слезы давно выплаканы. И ждет работа. Придвигает поближе лампу. Пишется книга. День за днем. История жизни — история партии.

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВКИ

АНДРЕЕВА Мария Федоровна (1868—1953) — участница трех революций, член КПСС с 1904 г. Известная русская актриса. Жена и помощник А. М. Горького. Выполняла ряд партийных поручений В. И. Ленина, была финансовым агентом ЦК. В 1906—1912 гг.— в эмиграции, затем нелегально вернулась в Россию; находилась под гласным надзором полиции. После Октябрьской революции — активный деятель Советского государства, комиссар театров и зрелищ Петрограда. Работала в системе Внешторга в России и за границей; участвовала в создании советского кинопроизводства. Председатель комиссии по охране памятников старины. Член президиума Всесоюзного театрального общества. В 1931—1948 г.— директор Дома ученых Академии наук СССР.

АРМАНД Инесса (Елизавета Федоровна) (1874—1920) — видная деятельница русского и международного рабочего и коммунистического движения. Член партии с 1904 г., с этого времени активный работник большевистского подполья. Неоднократно арестовывалась. В конце 1907 г. была сослана в г. Мезень Архангельской губернии. Через год бежала из ссылки за границу, жила в Брюсселе, затем в Париже. Была членом президиума парижской группы большевиков. Летом 1911 г. читала курс лекций по политической экономии в партийной школе в Лонжюмо. Участвовала в создании журнала «Работница», входила в заграничную часть редакционной коллегии. В 1914 г. вела большую работу по созыву международной женской социалистической конференции, состоявшейся в марте 1915 г. в Берне. В 1915—1916 гг.— активный участник Циммервальдской и Кинтальской конференций. После Февральской революции принимала участие в работе Апрельской конференции, с лета 1917 г.—

член Исполнительной комиссии Московского комитета РСДРП(б), редактор журнала «Жизнь работницы». Активный участник Октябрьской революции в Москве, член ВЦИК, член президиума Московского губисполкома, председатель губернского совета народного хозяйства. С апреля 1919 г.— главным образом на работе среди женщин. Первая заведующая женотделом ЦК партии. Делегат II конгресса Коминтерна, председатель Международной конференции коммунисток. Автор многих брошюр, статей. Умерла от холеры на Кавказе. Похоронена на Красной площади.

ВАРЕНЦОВА Ольга Афанасьевна (1862—1950) — старейшая деятельница рабочего движения, активный участник трех революций. Впервые была арестована в 1887 г. в связи с участием в студенческих волнениях. В 1895 г. возглавляла работу Иваново-Вознесенского социал-демократического союза, в 1902 г. была избрана ответственным секретарем Северного рабочего союза. В 1905—1906 гг. вела партийную работу в Егорьевске, Ярославле, в военной организации Петербурга. С лета 1906 г. работала главным образом в Иваново-Вознесенске. Неоднократно арестовывалась и ссылалась. С осени 1916 г., по возвращении из последней ссылки, жила в Москве. С февраля 1917 г. возглавляла при МК партии военное бюро для работы среди солдат. В октябрьские дни — член боевой тройки Городского района, руководившей военными действиями против юнкеров. В годы гражданской войны — секретарь Иваново-Вознесенского губкома. Избиралась членом Комиссии партийного контроля при ЦК партии, работала в Истпарте при ЦК ВКП(б), в Институте марксизма-ленинизма. Автор ряда работ по истории партии и рабочего движения в России.

ВЕЛИЧКИНА Вера Михайловна (1868—1918). Родилась в Москве. Окончила медицинский факультет Бернского университета. В 1895 г. входила в кружок, связанный с «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». После II съезда РСДРП — большевичка. Работала в партийной печати: «Искре», «Вперед», «Пролетарии», организовывала нелегальную пересылку в Россию большевистской литературы. Активный участник революции 1905 г. В годы реакции работала в социал-демократической фракции Государственной думы. В февральские дни 1917 г. организовала рабочий Красный Крест. Член бюро 1-го легального Рождественского райкома РСДРП(б). В октябре 1917 г. участвовала в создании медико-санитарного отдела Военно-революционного комитета Петроградского Совета. Затем возглавила школьно-санитарный отдел Народного комиссариата просвещения, была членом первой коллегии Народного комиссариата здравоохранения, зав. отделом охраны здоровья детей. Один из первых организаторов советского санитарного просвещения.

ГЕЛЬФМАН Геся Мироновна (1855—1882) — народоволка. В первой половине 70-х годов участвовала в революционных кружках Киева. В 1877 г. судилась по «процессу 50-ти». 2 года содержалась в Литовском замке, после чего была сослана. Из ссылки бежала, вернулась в Петербург, примкнула к «Народной воле», работала в подпольной типографии, была хозяйкой конспиративных квартир, в одной из которых хранились динамит и снаряды для покушения на Александра II. По процессу первомартовцев (1881 г.) приговорена к повешению. Вследствие беременности смертная казнь была заменена бессрочной каторгой. Умерла в тюрьме.

ГОЛУБЕВА Мария Петровна (1861—1936) — член большевистской партии с 1901 г., активная участница революционного движения в России с конца 70-х годов. После II съезда партии избрана секретарем Саратовского комитета РСДРП (большевиков). В 1904 г. вела работу в Организационном комитете по созыву III съезда партии при Бюро комитетов большинства. Активно участвовала в революции 1905—1907 гг. Работала в нелегальной типографии. Активный участник Октябрьской революции. После установления Советской власти работала в Петрограде в Центральном совете фабрично-заводских комитетов, затем в Совете народного хозяйства союза коммун Северной области, в Комиссариате юстиции и в Петроградской чрезвычайной комиссии. С осени 1920 г., после переезда в Москву, работала в статистическом отделе ЦК партии. Затем в бюро жалоб Комиссии советского контроля при Совете Народных Комиссаров.

ГОПНЕР Серафима Ильинична (1880—1966) — член КПСС с 1903 г. Вела нелегальную партийную работу в Одессе, Екатеринославе, Николаеве. Активный участник трех революций. Неоднократно подвергалась арестам. В 1910 г. эмигрировала, в 1916 г. вернулась в Россию. После Февральской революции — один из партийных руководителей на Украине, участница VII (Апрельской) Всероссийской конференции большевиков. В 1918—1928 гг.— член ВЦИК. В 1928—1938 гг.— член ЦК КП(б)У. В 1929—1938 гг.— в секретариате Коминтерна. Делегат всех конгрессов Коминтерна, кандидат в члены ИККИ. В последующие годы — старший научный сотрудник и член Ученого совета Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Доктор исторических наук. Герой Социалистического Труда.

ДРАБКИНА Феодосия Ильинична (1883—1957) — член КПСС с 1902 г. Входила в боевую группу ЦК, выполняла ответственные боевые задания. Участвовала в проведении избирательных кампаний в Государственную думу. В 1913—1914 гг. работала в журнале «Просвещение» и в большевистском издательстве «Прибой». В 1914 г. была арестована на редакционном совещании журнала «Работница» и выслана из Петербурга. Неоднократно арестовывалась. После Февральской революции — на работе в секретариате ЦК. В октябрьские дни была секретарем Военно-революционного комитета. После победы Октября заведовала секретариатом ВЦИК. Затем работала в Коммунистическом университете им. Свердлова, в Коммунистическом университете трудящихся Востока и в Коммунистическом университете в Тифлисе, в последующие годы — в Центральном государственном архиве и Партиздате.

ЗАСУЛИЧ Вера Ивановна (1849—1919) — видная участница народнического, затем социал-демократического движения. В 1869 г. арестована, а затем выслана из Петербурга, куда вернулась в 1877 г. 24 января 1878 г. ранила выстрелом из револьвера петербургского градоначальника Трепова. Судом присяжных была оправдана. В 1880 г. эмигрировала в Швейцарию. Одна из основателей первой марксистской группы «Освобождение труда». Входила в состав редакции «Искры». С 1903 г.— меньшевичка. В конце 1905 г. вернулась из эмиграции в Россию. Скончалась в Петрограде, похоронена на Волковом кладбище.

ЗЕЛИКСОН-БОБРОВСКАЯ Цецилия Самойловна (1876—1960) — активная участница революционного движения, член КПСС с 1898 г. В 1900 г.

была арестована в Харькове и после года тюрьмы выслана на родину. Летом 1902 года эмигрировала в Швейцарию, связалась там с организацией «Искры». Агент «Искры», член Тверского комитета в 1903 г. Вела подпольную работу в Тифлисе, Баку, Москве, Костроме, Иваново-Вознесенске и Серпухове. Неоднократно подвергалась арестам и ссылкам. Участница революционных событий 1905 и 1917 гг. в Москве. С июля 1917 года секретарь Московского Окружного Комитета. После Октябрьской революции вела большую партийную и литературную работу. В 1928—1940 гг.— в аппарате Коминтерна. Автор книги «Записки рядового подпольщика» и других.

ЗЕМЛЯЧКА Розалия Самойловна (1876—1947) — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. В революционном движении с юношеских лет. В 1901 г.— агент «Искры», в 1903 г. кооптирована в члены большевистского ЦК. В 1905 г.— секретарь МК РСДРП. Неоднократно арестовывалась и отбывала тюремное заключение. В 1915—1916 гг.— член Московского бюро ЦК партии. После Февральской революции — первый секретарь Московского комитета большевиков. В дни Октябрьской революции руководила вооруженной борьбой рабочих Рогожско-Симоновского района в Москве. В 1918—1921 гг.— начальник политотделов армий на Северном и Южном фронтах. В 1926—1931 гг.— член коллегии Наркомата РКИ, в 1932—1933 гг.— член коллегии НКПС. Была делегатом всех партийных съездов, кроме I и V, с XIII съезда РКП(б) — член ЦКК. На XVII съезде ВКП(б) избрана членом Комиссии советского контроля, на XVIII съезде — членом ЦК ВКП(б). Была депутатом Верховного Совета СССР, заместителем председателя Совнаркома СССР, заместителем председателя Комиссии партийного контроля ЦК ВКП(б). Похоронена на Красной площади.

КИРСАНОВА Клавдия Ивановна (1888—1947) — член КПСС с 1904 г. Начала свою революционную деятельность в Перми. В 1905 г. входила в боевую дружину, в 1906 г. вела работу в войсках. Неоднократно арестовывалась, в 1910 г. приговорена к 4 годам каторжных работ с последующей ссылкой в Сибирь. Освобожденная Февральской революцией, вела партийную работу на Урале, была председателем Совета рабочих и крестьянских депутатов Надеждинска. После оккупации Урала Колчаком вернулась в Москву, была секретарем Хамовнического (ныне Фрунзенского) райкома партии. В 1920 г. командирована в Сибирь, избрана там секретарем Омского городского комитета партии. С 1922 г. по возвращении в Москву была ректором Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, организовала курсы уездных партийных работников при ЦК РКП(б). Затем заведовала Международной Ленинской школой. Во время Отечественной войны выступала как агитатор и лектор среди воинов Советской Армии. Вела работу среди женщин, была членом Исполнительного комитета Международного конгресса женщин и Антифашистского комитета советских женщин.

КНИПОВИЧ Лидия Михайловна (1856—1920) — профессиональный революционер. Восемнадцати лет вошла в народовольческий кружок. С осени 1891 г. учительствовала в вечерней воскресной школе за Невской заставой. Под влиянием общения с рабочими и дружбы с Н. К. Крупской, А. А. Якубовой стала социал-демократкой. Неоднократно арестовывалась, была сослана. С выходом газеты «Искра» — ее агент. Делегат II съезда партии (1903 г.). В 1905 г.— секретарь Одесского

комитета РСДРП. Участница Таммерфорсской конференции и IV (Объединительного) съезда. В феврале 1911 г. арестована и выслана в Полтавскую губернию под надзор полиции, где прожила до осени 1913 г. В последующие годы, будучи тяжело больной, жила в Крыму. Умерла там же.

КОЛЕСНИКОВА Надежда Николаевна (1882—1964) — член партии с 1904 г. Участвовала в декабрьском вооруженном восстании 1905 г. в Москве, за что была арестована и предана суду. С 1907 г. работала в Баку — член Бакинского комитета РСДРП, член редколлегии нелегальной большевистской газеты «Бакинский пролетарий». В 1908 г. на партийной работе в Москве, с декабря 1909 г. в Петербурге, с сентября 1911 г. по 1916 г. снова в Баку. В 1916 г. была арестована и выслана из Баку. В 1917 г.— секретарь Московского Окружкома РСДРП(б). В 1918 г.— Нарком просвещения Бакинской Коммуны. С конца 1918 г. по август 1919 г.— председатель Астраханского губкома РКП(б). В дальнейшем работала в Главполитпросвете, зам. Наркома просвещения Азербайджана, заведующей отделом агитации и пропаганды Московского Губернского Комитета партии, ректором Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской, вела научную работу в Институте Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) и в Центральном музее В. И. Ленина.

КОЛЛОНТАЙ Александра Михайловна (1872—1952). Участвовала в революционном движении с 90-х годов. В 1904—1905 гг. работала в большевистских организациях. С 1906 г. примыкала к меньшевикам. В партию большевиков вступила в 1915 г. С 1908 по 1917 г.— в эмиграции, принимала активное участие в рабочем движении ряда европейских стран. Делегат международных конгрессов. С начала империалистической войны — пламенный пропагандист ленинской позиции в вопросе о войне. По заданию Ленина вела работу по сплочению левых элементов в США и в Скандинавских странах. После Февральской революции избрана членом исполкома Петросовета, членом бюро большевистской фракции Совета, входила в редакционную коллегию журнала «Работница», была сотрудником «Правды». На VI съезде партии избрана членом ЦК. Активный участник Великой Октябрьской социалистической революции, член президиума II съезда Советов. Первый нарком госпризрения. В 1919 г. работала на Украине наркомом агитации и пропаганды. В 1920—1921 гг.— зав. женотделом ЦК партии. В 1921 г.— активный участник «рабочей оппозиции», от которой затем отошла. С 1923 по 1945 г.— посол СССР в Норвегии, Мексике и Швеции. Автор многих книг, брошюр, статей.

КРУПСКАЯ Надежда Константиновна (1869—1939) — крупный партийный и государственный деятель, соратник и жена В. И. Ленина. Участвовала в марксистских кружках с 1891 г. В 1895 г.— член центральной группы «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». По делу «Союза» была арестована в августе 1896 г. и приговорена к трем годам ссылки, которую отбывала в селе Шушенском Минусинского округа вместе с В. И. Лениным. В эмиграции была секретарем «Искры». В 1905—1907 гг.— в Петербурге, секретарь ЦК партии. С 1907 по 1917 г.— секретарь Заграничного бюро ЦК. Была членом редакционной коллегии журнала «Работница». В 1915 г. участвовала в работе Международной женской конференции в Берне. После Февральской революции работала в секретариате ЦК, затем в Выборгском районе, возглавляла отдел народного образования районной управы. Активный участник Октябрьской революции. После победы Октября — в Наркомпросе. Участвовала в разработке первых де-

кретов по народному образованию. С 1920 г.— председатель Главполитпросвета, с 1929 г.— заместитель народного комиссара просвещения. В 1931 г. избрана почетным членом Академии наук. Делегат всех партийных съездов (кроме I и V), с XV съезда — член ЦК партии. Активный деятель международного коммунистического движения. Была делегатом четырех конгрессов Коминтерна. Активный деятель женского рабочего движения, редактор журнала «Коммунистка», автор многих книг, брошюр, статей. Первый биограф В. И. Ленина.

КУДЕЛЛИ Прасковья Францевна (1859—1944) — член КПСС с 1903 г. В 70-х годах находилась под влиянием народничества. В 1901 г. в связи с участием в студенческих демонстрациях была арестована и выслана в Псков, где связалась с группой искровцев — Лепешинским, Стопани, Красиковым и др. Затем вновь неоднократно арестовывалась. Была членом Тверского и Тульского комитетов РСДРП. В 1905 г.— делегат Таммерфорсской конференции от тульской организации. В годы реакции работала в различных культурно-просветительных организациях, которые использовались для нелегальной деятельности. С 1912 г.— постоянный сотрудник «Правды». В 1914 г. была арестована и выслана на 3 года в Новгородскую губернию. В дни Февральской революции 1917 г., вернувшись в Петроград, работала в газете «Известия Совета рабочих и солдатских депутатов», в секретариате «Правды», была членом редколлегии журнала «Работница». С 1922 г.— организатор и руководитель петроградского Истпарта, редактировала журнал «Красная летопись», подготовила к публикации ряд документов о деятельности В. И. Ленина.

ЛЕПЕШИНСКАЯ Ольга Борисовна (1871—1963) — член КПСС с 1898 г. В 1897—1900 гг. вместе с мужем П. Н. Лепешинским была в ссылке в Сибири. В 1903—1906 гг., находясь в эмиграции в Женеве, работала в группе большевиков-эмигрантов. В 1906 г. вернулась в Россию, принимала активное участие в революционном движении. С 1919 г.— на преподавательской и научной работе в Ташкентском и Московском университетах и в научно-исследовательских биологических и медицинских институтах Москвы. Действительный член Академии медицинских наук СССР.

МЕНЖИНСКАЯ Вера Рудольфовна (1872—1944) — активный партийный работник, педагог. Член партии с 1905 г. В период первой русской революции — помощник секретаря ЦК партии Н. К. Крупской. В 1915 г.— член агитационной коллегии ЦК РСДРП. После Февральской революции работала в секретариате ЦК партии. Была членом Управы Петроградской думы. С 1917 г.— на руководящей работе в Наркомпросе.

МЕНЖИНСКАЯ Людмила Рудольфовна (1876—1933) — член партии с 1904 г. В период первой русской революции работала в «боевой технической группе» при ЦК РСДРП. В годы реакции — в секретариате ЦК. В 1912—1914 гг. сотрудничала в «Правде», входила в российскую часть редакции журнала «Работница». В 1914 г. накануне женского дня была арестована. После Февральской революции работала в секретариате ЦК. На VI съезде партии входила в мандатную комиссию. С осени 1917 года — член Петербургского Комитета. Принимала активное участие в Октябрьской революции. После Октября постановлением Совнаркома была назначена в числе других правительственным комиссаром Наркомпроса. Входила в состав первой коллегии Наркомпроса. В 1921 г.— заместитель за-

ведующего женотделом ЦК РКП(б), затем председатель Всероссийской чрезвычайной комиссии по ликвидации неграмотности. В 1922—1924 гг.— член коллегии Наркомпроса Украины. В 1927—1928 гг.— проректор Академии коммунистического воспитания. С 1928 г. работала в агитпропе ЦК РКП(б), в последующие годы — на работе по народному просвещению.

МОЙРОВА Варвара Акимовна (1890—1951) — член партии с 1917 г. Родилась в рабочей семье. Работала в Одессе секретарем большевистской газеты «Голос пролетария». В декабре 1917 г. на съезде Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов Румыно-Черноморского фронта и Одесской области (Румчерод) была избрана членом исполкома. После оккупации Одессы интервентами переехала в Москву. Входила в состав первой комиссии по пропаганде и агитации среди женщин при ЦК РКП(б). После разгрома Деникина на Украине вместе с К. Н. Самойловой организовывала женотделы, проводила конференции работниц и крестьянок. Была первой заведующей женотделом ЦК КП(б)У, редактор журнала «Коммунарка Украины». В 1923—1926 гг. работала в Москве заместителем заведующей женотдела ЦК партии. С 1926 г. была директором всесоюзного объединения Нарпит. Затем в течение нескольких лет работала в Международном женском секретариате Коминтерна, на VI конгрессе была избрана кандидатом в члены Исполкома Коминтерна. С 1935 г.— председатель Всероссийского общества Красного Креста и Полумесяца.

НЕВЗОРОВА-ШЕСТЕРНИНА Софья Павловна (1868—1943) — член большевистской партии с 1898 г. В 1893 г. поступила на Высшие женские курсы в Петербурге, где в том же году познакомилась с В. И. Лениным и сблизилась с кружком студентов-марксистов Технологического института. С осени 1895 г. преподавала на рабочих курсах и вела пропагандистскую работу на заводах. Неоднократно арестовывалась, сидела в тюрьме, осенью 1898 г. была выслана на 3 года в Воронежскую губернию. Участвовала в Декабрьском вооруженном восстании 1905 г. В последующие годы преподавала в Москве на курсах рабочих и в школах взрослых, вела большую пропагандистскую работу. После Октябрьской революции работала в Наркомпросе РСФСР, в Истпарте МК ВКП(б).

НЕВЗОРОВА-КРЖИЖАНОВСКАЯ Зинаида Павловна (1869—1948). Революционную деятельность начала с 90-х годов, член «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1896 г. была арестована по делу «Союза» и выслана в Енисейскую губернию вместе с Г. М. Кржижановским. В 1899 г. подписала с шестнадцатью другими социал-демократами «Протест российских социал-демократов» против экономистов. В 1905 г. работала в редакциях периодических большевистских изданий. После Октябрьской революции была заместителем Н. К. Крупской по внешкольному отделу Наркомпроса. В 1924 г.— член научно-методической секции Государственного Ученого совета, затем декан факультета политпросветработы Академии коммунистического воспитания им. Крупской.

НЕВЗОРОВА Августа Павловна (1872—1926). В революционном движении участвовала с начала 900-х годов; в 1902 г. арестована и заключена в киевскую Лукьяновскую тюрьму. Отбывая гласный надзор полиции, работала в Нижнем Новгороде пропагандистом; в 1905 г. была арестована, а в 1908 г. эмигрировала за границу, где оставалась до 1917 г., принимая активное участие в работе большевистской парижской груп-

пы. После Октябрьской революции работала в Наркомздраве, а с марта 1925 г.— в секретариате ЦК ВКП(б).

НИКОЛАЕВА Клавдия Ивановна (1893—1944) — работница. В революционном движении с 1908 г., член партии с 1909 г. Неоднократно арестовывалась и ссылалась. Активная участница женского рабочего движения. В 1914 г. принимала участие в подготовке Международного женского дня 8 Марта и первого номера журнала «Работница». После Февральской революции 1917 г.— редактор журнала «Работница». Активно участвовала в подготовке и проведении Всероссийского съезда работниц и крестьянок (1918 г.). В последующие годы — на руководящей партийной работе. С 1936 г.— секретарь ВЦСПС. На XIV, XV, XVI съездах избиралась кандидатом, а на XVII и XVIII съездах — членом ЦК ВКП(б). С 1932 г.— член ЦИК СССР. С 1937 г.— депутат Верховного Совета СССР и член президиума Верховного Совета СССР. Похоронена на Красной площади.

НОВГОРОДЦЕВА-СВЕРДЛОВА Клавдия Тимофеевна (1876—1960) — член КПСС с 1904 г., жена Я. М. Свердлова. Принимала активное участие в работе нелегальных революционных марксистских кружков на Урале, в 1904 г.— член Екатеринбургского, в 1906 г.— Пермского комитетов РСДРП. Делегат IV (Объединительного) съезда РСДРП от пермской большевистской организации. Неоднократно подвергалась арестам и ссылке. В 1917—1918 гг. заведовала большевистским книгоиздательством «Прибой». С марта 1918 г. работала помощником секретаря ЦК РКП(б) и до 1920 г. заведовала секретариатом ЦК РКП(б). В 1920—1925 гг. заведовала отделом детских учреждений ВЦИК, в 1925—1944 гг. работала в печати. Автор книг о Я. М. Свердлове.

ОКУЛОВА-ТЕОДОРОВИЧ Глафира Ивановна (1878—1957) — член КПСС с 1899 г. Вела нелегальную партийную работу в Иваново-Вознесенске, Киеве, Чернигове, Москве. Неоднократно арестовывалась, была в ссылке. В 1905 г. после амнистии приехала в Петербург, где вела партийную работу на Васильевском острове и в Городском районе. С 1908 по 1917 г. в связи с арестом мужа, Теодоровича И. А., и ссылкой его на каторжные работы находилась под негласным надзором полиции. С февраля 1917 г. по январь 1918 г.— член Красноярского губкома и член президиума губисполкома. В 1918 г.— член ВЦИК и член президиума ВЦИК. В годы гражданской войны — начальник политотдела Восточного фронта, член Реввоенсовета 1-й армии. В 1921—1924 гг.— в Москве, заведовала губполитпросветом; в 1924—1926 гг. руководила пропгруппой ЦК партии; в 1926—1929 гг.— декан политпросвет факультета Академии коммунистического воспитания. В последующие годы работала в ЦК партии, в Государственном музее революции.

ПАНКРАТОВА Анна Михайловна (1897—1957) — активный партийный работник. Видный ученый-историк. Родилась в Одессе в семье рабочего. Член партии с февраля 1919 г. Весной 1919 г. была избрана секретарем Молдавского райкома партии в Одессе. После занятия Одессы деникинцами оставлена на подпольной работе. После освобождения Одессы заведовала губженотделом Одесского губкома, позже была зам. заведующей женотдела ЦК КП(б)У, в Москве с 1922 г. Вела большую научную, педагогическую и общественную работу. В 1929 г. была избрана действительным членом Коммунистической академии, руково-

дила секцией истории пролетариата Института истории. Теме «История рабочего класса Росссии и его революционная борьба» посвящены ее многочисленные труды. С 1939 г.— член-корреспондент Академии наук, с 1953 г.— академик. Участник международных конгрессов историков. В сентябре 1955 г. на X Международном конгрессе историков была избрана членом бюро Международного комитета исторических наук. На XIX и XX съездах была избрана членом ЦК КПСС. Депутат Верховного Совета, член Президиума Верховного Совета.

ПЕРОВСКАЯ Софья Львовна (1853—1881) — народоволка. Дочь губернатора Петербургской губернии. С 1871 г.— член кружка чайковцев. В 1872—1873 гг. принимала участие в «хождении в народ». В 1874 г. арестована. После 6-месячного заключения отдана на поруки отцу. В 1877 г. по судебному «процессу 193-х» оправдана, но в административном порядке выслана в Повенец. По дороге совершила побег. После раскола партии «Земля и воля» (1879 г.) примкнула к «Народной воле» и стала членом ее Исполнительного комитета. Вместе с Андреем Желябовым руководила подготовкой покушения на Александра II. Арестована 10 марта. По приговору особого присутствия Сената казнена 3 апреля 1881 г. вместе с другими первомартовцами.

ПОДВОЙСКАЯ Нина Августовна (1882—1953). Родилась в Вологодской губернии в семье лесничего. В революционном движении — с юношеских лет. Член партии с 1902 г. Вела революционную работу в Ярославле, Костроме, Нижнем Новгороде и Петрограде. Неоднократно арестовывалась, сидела в тюрьмах, бежала из ссылки за границу, два года находилась в эмиграции. После революции — на партийной работе в Петербургском комитете большевиков. В 1918 г.— организатор и инспектор детских колоний, с 1919 по 1923 г. работала в аппарате ЦК РКП(б). С января 1924 г. в течение почти тридцати лет — старший научный сотрудник Института В. И. Ленина и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

РЕЙСНЕР Лариса Михайловна (1895—1926) — участник гражданской войны, известная писательница. В 1914—1916 гг. Л. Рейснер — студентка Психоневрологического института, участвовала в студенческих и рабочих кружках. После штурма Зимнего в октябрьские дни ей была поручена охрана историко-культурных ценностей дворца. Весной 1918 г. вступила в Коммунистическую партию. В июле 1918 г. была назначена комиссаром генштаба Волжско-Камской (затем Волжско-Каспийской) флотилии. С марта 1921 г. по весну 1923 г. была в Афганистане, отсюда посылала корреспонденции в «Правду», «Известия» о борьбе афганских племен против англичан, писала беллетристические очерки. В 1923 г. была в Германии. Написала книгу «Гамбург на баррикадах». За свою короткую жизнь (умерла от брюшного тифа) написала 6 крупных произведений, много очерков, рассказов, фельетонов, статей.

РОЗМИРОВИЧ Елена Федоровна (1886—1953) — профессиональный революционер, член КПСС с 1904 г. За революционную деятельность неоднократно подвергалась репрессиям царского правительства. Находясь в эмиграции, выполняла различные поручения Заграничного бюро ЦК. В 1913 г.— секретарь большевистской думской фракции и Бюро ЦК РСДРП. Член редакции газеты «Правда», сотрудничала в журналах «Просвещение», «Работница» и др. После Октябрьской революции — на ответственной партийной и советской работе. Вела научную работу в

Институте марксизма-ленинизма, была членом Ученого совета Института мировой литературы. Делегат XIV, XV, XVI партийных съездов, член ВЦИК ряда созывов.

САМОЙЛОВА Конкордия Николаевна (1876—1921) — член Коммунистической партии с 1903 г. Неоднократно арестовывалась и ссылалась. Активный участник революции 1905 г. в Одессе. В 1907 г. после побега из ссылки — делегат V партийного съезда от луганской организации. В 1909 г. работала в Петербурге, была кооптирована в члены Петербургского комитета. Сотрудничала в «Правде», одновременно вела кружки среди рабочих, принимала участие в работе социал-демократической фракции (большевиков) IV Государственной думы. В 1914 г.— член редакционной коллегии журнала «Работница». В том же году арестована и выслана в Любань (Новгородская губерния) под гласный надзор полиции. После Февральской революции 1917 г. работала секретарем фабрично-заводских комитетов артиллерийского ведомства. Сотрудничала в печати. Вела большую работу среди женщин. В годы гражданской войны — на партийной работе на Украине. Весной 1920 г. была назначена начальником политотдела агитационного поезда «Красная звезда», совершавшего рейсы по Волге. Во время второго рейса заразилась холерой и умерла.

СЛУЦКАЯ Вера Климентьевна (1880—1917). В революционном движении с юных лет. С 1902 г.— член РСДРП. Активный участник революции 1905 г. В 1907 г.— делегат Лондонского съезда. В 1907—1909 гг. работала в петербургской организации большевиков. В конце 1909 г. эмигрировала. В 1913 г. опять в России, но по доносу провокатора в декабре того же года была арестована в Петербурге и выслана в Любань (Новгородская губерния). После Февральской революции снова в Петрограде — член Петербургского комитета большевиков, ответственный организатор Василеостровского райкома партии. Делегат II и III общегородских конференций большевиков, VI съезда партии. В дни восстания в октябре 1917 г.— один из руководителей революционного штаба Василеостровского района.

СМИДОВИЧ Софья Николаевна (1872—1934) — член КПСС с 1898 г. Активный участник трех революций. Вела нелегальную партийную работу в Туле, Киеве, Калуге, Москве. Неоднократно арестовывалась и выселялась под гласный надзор полиции. В 1905 г. принимала участие в боевых выступлениях тульских рабочих, выполняла обязанности секретаря Тульского комитета РСДРП. После поражения революции 1905 г. вела пропагандистскую работу в Москве. Здесь же принимала активное участие в Февральской и Октябрьской революциях. С 1919 по 1922 г. заведует женотделом Московского комитета; в 1922—1924 гг.— зав. женотделом ЦК партии. На XIV съезде избрана членом Центральной контрольной комиссии. Последние годы жизни заведовала литературно-издательским отделом Общества старых большевиков.

СОКОЛОВСКАЯ Елена Кирилловна (1894—1938) — член партии с 1915 г. После Февральской революции — член Черниговского губкома партии и член президиума губисполкома. Во время господства Центральной рады одна из руководителей повстанческого движения на Черниговщине. В июне 1918 г.— делегат I съезда КП(б)У, после него по указанию ЦК КП(б)У была направлена в Киевскую область, где работала членом подпольного обкома и секретарем губревкома до ноября 1918 г. С но-

ября 1918 г. по декабрь 1919 г.— секретарь Одесского обкома КП(б)У. С конца 1919 по 1921 г.— на работе за рубежом. В последующие годы — на партийной работе в Москве. На XVI съезде была избрана членом ЦКК. В последние годы жизни — зам. директора и директор Мосфильма.

СТАЛЬ Людмила Николаевна (1872—1939). Со второй половины 90-х годов участвовала в работе социал-демократических организаций Москвы, Твери, Нижнего Новгорода и других городов. Член партии с 1897 г. В 1899 г. эмигрировала в Париж, но по возвращении в Россию на границе была арестована и приговорена к тюремному заключению, а затем к ссылке в Восточную Сибирь. Из ссылки бежала. В последующие годы вела нелегальную работу в Петербурге, Одессе, Николаеве, Москве, Екатеринославе. Неоднократно арестовывалась. В 1907 г. эмигрировала. В эмиграции выполняла задания В. И. Ленина. В Париже вела активную работу в русской секции большевиков и во французской социалистической партии. После Февральской революции вернулась в Петроград, вела большую агитационную, организационную и литературную работу в периодической печати. В Октябре — руководящий деятель большевистской кронштадтской организации. В последующие годы вела ответственную партийную работу в Вятке, Уфе, на Кавказе, в политотделах Красной Армии. В 1921 г.— член Международного женского секретариата Исполкома Коминтерна; в 1924 г. работала в женотделе ЦК, затем в обществе «Долой неграмотность» и других советских организациях.

СТАСОВА Елена Дмитриевна (1873—1966) — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. Герой Социалистического Труда. Член КПСС с 1898 г. Была секретарем Петербургского и Центрального комитетов партии, в 1907 — 1912 гг. работала в Тифлисе. На VI (Пражской) Всероссийской конференции избрана кандидатом в члены ЦК РСДРП(б). Неоднократно подвергалась арестам, в 1913 г. была сослана на поселение в Енисейскую губернию. В 1917 г. организовала секретариат бюро ЦК РСДРП(б) и до IX съезда являлась секретарем ЦК партии. В 1921—1926 гг. работала в Коминтерне, с 1926 г.— в ЦК ВКП(б), с 1927 по 1938 г.— заместитель председателя Исполкома МОПР, председатель ЦК МОПР, с 1930 г.— член партколлегии ЦКК, с 1938 по 1946 г.— редактор журнала «Интернациональная литература» на французском и английском языках.

УЛЬЯНОВА-ЕЛИЗАРОВА Анна Ильинична (1864—1935) — старейший член Коммунистической партии. В революционном движении с 1886 г.; привлекалась по делу покушения на Александра III. Осенью 1898 г. вошла в первый Московский комитет РСДРП. В 1900—1905 гг. работала в организациях «Искры», в большевистских газетах, была членом редакции газеты «Вперед». В 1909—1910 гг. вела революционную работу в Саратове. В 1913—1914 гг. работала в «Правде», журналах «Просвещение», «Работница». Неоднократно подвергалась арестам. После Февральской революции работала в редакции газеты «Правда», редактировала журнал «Ткач». В 1918—1921 гг. заведовала отделом охраны детства в Наркомсобесе и Наркомпросе. Участвовала в организации Истпарта и Института В. И. Ленина, была членом редакции журнала «Пролетарская революция». Автор ряда работ о В. И. Ленине и других литературных трудов.

УЛЬЯНОВА Мария Ильинична (1878—1937). К революционному движению примкнула еще в студенческие годы. С 1899 г.— профессиональный революционер. Неоднократно подвергалась арестам, тюремному заключению и ссылке. С 1900 г. принимала активное участие в «Искре», посылая в газету корреспонденции и информацию. С осени 1903 г. работала в секретариате ЦК партии, затем, после ареста и тюрьмы,— в петербургской организации большевиков. В 1910 г. работала в Москве, позже в Саратове. В мае 1911 г. была арестована и выслана в Вологодскую губернию на 3 года. После ссылки — в московской большевистской организации. С марта 1917 г. до весны 1929 г.,— член редколлегии и ответственный секретарь «Правды». С XIV съезда партии — член ЦКК, с XVII съезда — член Комиссии советского контроля. Автор воспоминаний и статей о В. И. Ленине.

ФИГНЕР Вера Николаевна (1852—1942) — народоволка. 6 декабря 1876 г. участвовала в демонстрации на Казанской площади. С 1879 г.— член Исполнительного комитета «Народной воли». Активная участница покушения на Александра II. В феврале 1883 г. была арестована, содержалась в Петропавловской крепости. В сентябре 1884 г. приговорена к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Пробыла в Шлиссельбургской крепости 20 лет, после чего жила в эмиграции. Вернулась в Россию в 1915 г. и посвятила себя главным образом литературной деятельности. Широко известны ее мемуары, вышедшие под названием «Запечатленный труд».

ХУТУЛАШВИЛИ Джаваира Аркадьевна (1888—1961). Родилась в Гори. С 1904 г.— член тифлисской организации РСДРП. В 1905 г. работала в нелегальной типографии, организованной ее братом Камо и Чодришвили, одновременно занималась распространением нелегальной литературы. Неоднократно арестовывалась, сидела в тюрьме. В Грузии при меньшевиках вела нелегальную работу, подвергалась преследованиям. После установления Советской власти в Азербайджане и в Грузии была на ответственной партийной и советской работе. Грузинским правительством ей было присвоено звание Героя труда.

ШЛИХТЕР Евгения Самойловна (1869—1943) — член Коммунистической партии с 1892 г. В начале 1890 г.— одна из организаторов первых социал-демократических кружков на Украине. Участвовала в создании самарской искровской группы в 1901 г. После II съезда партии — большевичка. Находясь в 1902—1905 гг. в Киеве, была одним из организаторов большевистской группы «Вперед»; активно участвовала в организации всеобщей забастовки 1903 г. в Киеве, политической забастовки железнодорожников Украины в феврале 1905 г. В 1906—1908 гг. работала в Финляндии в редакциях большевистских газет «Пролетарий» и «Вперед» и ведала явочной квартирой; по заданию В. И. Ленина осуществляла связь с финскими социал-демократами, была хранителем специальных средств партии. Активный участник Октябрьской революции в Москве. В 1918—1928 гг. ведала в Наркомпросе РСФСР, затем УССР социально-правовой охраной несовершеннолетних. Последние годы жизни была директором Музея революции УССР.

ЭССЕН Мария Моисеевна (1872—1955). В революционном движении участвовала с 1892 г., с 1897 г.— профессиональная революционерка. В 1897 г. была членом киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», в 1899 г. арестована и сослана в Якутскую область, бежала в Женеву, где установила связь с «Искрой». В 1902 г.— член Петербургского комитета РСДРП. В конце 1903 г. была кооптирована в ЦК РСДРП. В 1905 г.— член Петербургского комитета партии, организатор боевых дружин. В период реакции отошла от партийной работы. В 1918 г. вошла в тифлисскую группу интернационалистов, вместе с которой в 1920 г. вступила в РКП(б). В 1921—1925 гг.— на партийной работе в Грузии, в 1925—1927 гг. работала в Москве в Госиздате, с 1927 г.— в Истпарте ЦК ВКП(б), в Институте Ленина, с 1931 г.— в Коммунистическом институте журналистики, затем в Государственном издательстве художественной литературы. Член Союза советских писателей.

СОДЕРЖАНИЕ

Женщины русской революции. М., По-
Ж56 литиздат, 1968.
574 с. с илл.

На обороте тит. л. сост.: Л. П. Жак и А. М. Иткина.

«Женщины русской революции» — книга очерков, рассказывающая о женщинах — активных участницах русского освободительного движения. Авторы — писатели, журналисты — ярко и образно рассказывают о героизме, самоотверженности, беззаветной преданности женщин идеям революции.

Книга хорошо оформлена, читается с большим интересом и рассчитана на широкие круги читателей.

$\frac{1-2-2}{218-67}$ 9(С)2 + 32С6

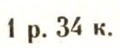
Художественный редактор
Н. Н. Симагин

Технический редактор
Е. И. Каржавина

Сдано в набор 26 марта 1968 г. Подписано в печать 1 октября 1968 г. Формат 60×84 1/16. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 34,41. Учетно-изд. л. 32,84. Тираж 100 тыс. экз. А 09828. Заказ № 1305. Цена 1 р. 34 к.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

1 р. 34 к.

И
П
Л

Женщины русской революци

